

Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Том I

профессор Николай Фёдорович Каптерев

[Том II →](#)

[Предисловие](#)

Предисловие

Изучением времени патриарха Никона я занимался еще в восьмидесятих годах прошлого столетия. В журнале Православное Обозрение 1887 года мною начаты были печатанием статьи под общим заглавием: Патриарх Никон как церковный реформатор. Но эти статьи, при самом своем появлении, в некоторых кругах, вызвали против меня целую бурю негодования и обвинения чуть не в еретичестве.

До тех пор история возникновения у нас старообрядства изучалась и писалась по преимуществу полемистами с расколом, которые, в большинстве случаев, изучали события с тенденциозно-полемической точки зрения, старались видеть и находить в них только то, что содействовало и помогало их полемике со старообрядцами, поставленной ими очень своеобразно. Тогдашние полемисты с расколом на вопрос: откуда и как произошли у нас искажения древних православных чинов и обрядов, и каким образом эти искаженные чины и обряды попали в наши церковно-богослужебные книги, обыкновенно отвечали: древние православные обряды и чины исказило вековое русское невежество, а в наши печатные церковные книги они внесены были при патриархе Иосифе невежественными книжными справщиками: Аввакумом, Нероновым, Лазарем и другими, которые, восставая потом против реформы Никона, в существе дела отстаивали только творение своих собственных невежественных рук. Так смотрели тогда на дело все полемисты с расколом и во главе их профессор нашей академии Н. И. Субботин, редактор и издатель полемического противообрядческого журнала Братское Слово.

Между тем в своем исследовании, опиравшемся главным образом на Материалы для истории раскола, изданные тем же самым профессором Субботиным, мною ясно было показано, что Аввакум, Неронов, Лазарь и др. никогда не были книжными справщиками и вообще никогда к книжной справе никакого отношения не имели, что они ранее совсем не жили в Москве, а только некоторые из них появились в ней незадолго до смерти патриарха Иосифа и потому никак не могли иметь при нем влияния на книжную справу. На вопрос, необходимо отсюда возникший: кто же, в таком случае, и когда испортил наши древние православные церковные чины и обряды, которые потом Никону пришлось исправлять, мною был дан такой ответ: древние наши церковные чины и обряды никогда никем у нас не искажались и не портились, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизмененных, почему впоследствии и явилась рознь между московскими церковными чинами и обрядами и позднейшими греческими. Это свое общее положение я иллюстрировал на форме перстосложения для крестного знамения, причем выяснил, что в христианской церкви древнейшей формою перстосложения было единоперстие, а потом единоперстие у православных греков заменено было двоеперстием, которое мы от них и заимствовали при своем обращении в христианство. И в то время как греки не остановились и на двоеперстии, а позднее заменили его у себя троеперстием, русские остались при прежнем, воспринятом ими от греков, двоеперстии, которое и было у нас, до Никона, господствующим обычаем.

Указанные два наши положения: что Аввакум, Неронов, Лазарь и др. главнейшие противники церковной реформы Никона и основатели старообрядчества никогда не были книжными справщиками и никакого влияния на книжную справу при патриархе Иосифе не имели, что двоеперстие является не искажением и порчей древнего обряда русским невежеством, а есть настоящий древний православный обряд, перешедший к нам от православных греков, у которых он ранее употреблялся,

произвело очень сильное впечатление на тогдашних наших полемистов с расколом. В том же 1887 году, когда мною начато было печатание своего исследования, проф. Н. И. Субботин, в издаваемом им журнале Братское Слово, выступил против меня с целым рядом статей, в которых особенно усиливался показать, что мой взгляд на перстосложение для крестного знамения неправилен, так как совпадает со взглядами старообрядцев, и по самому существу не есть взгляд православный, а старообрядческий, и что будто бы к защите собственно старообрядства направлено и все мое исследование. Мне пришлось отвечать на нападки г. Субботина (Прав. Обозр. за 1888 г.). Из моего ответа г. Субботин убедился, что научно-литературным путем подорвать правильность моих воззрений и доказать правоту свою – дело едва ли возможное. Тогда он прибегнул к другому способу, чтобы заставить меня замолчать окончательно. Человек, близко знакомый тогдашнему обер-прокурору Св. Синода и его помощнику, он представил им начавшееся печатанием мое исследование как очень вредное для православной церкви, а мою личность как неудобную для профессуры в духовной академии. Выгнать меня из академии ему, однако, не удалось, но цензор журнала Православное Обозрение, свящ. Ив. Дм. Петропавловский, получил приказание от К. П. Победоносцева не допускать к дальнейшему печатанию моего исследования о патриархе Никоне, почему оно и было прекращено печатанием, остановившись только на времени патриарха Иосифа.

Между тем мои взгляды на старый обряд в последующее время не только не были кем-либо опровергнуты, но и получили полное подтверждение, как научно правильные. Известный историк русской церкви Е. Е. Голубинский в 1892 г. издал особое исследование под заглавием: К нашей полемике с старообрядцами, в котором новыми данными, относящимися к вопросу о перстосложении и другим спорным обрядовым вопросам, вполне подтвердил научную верность моих взглядов на старый обряд. Теперь они приняты всеми в науке и уже не возбуждают никаких споров среди самих полемистов с

старообрядцами и никто в них ничего вредного для церкви не находит.

Так как прошло уже более двадцати лет, когда остановлено было печатание моего исследования о патриархе Никоне, а в этот промежуток времени появились по данному вопросу и новые материалы, то естественно, что настоящее исследование представляет из себя не воспроизведение старого сочинения, а совершенно новую работу, написанную после повторного изучения всех относящихся к делу документов, причем некоторые факты и явления мною поняты и объяснены теперь значительно иначе, нежели как это было сделано ранее.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы, с одной стороны, представить Никона как церковного реформатора, со всеми сопровождающими эту его деятельность обстоятельствами; с другой – показать те особые отношения Никона к светской государственной власти, в какие он, в своем лице, поставил патриаршую власть и какие потом он всячески старался обосновать и защитить, как законные, уже и после оставления им патриаршей кафедры. Решение первой задачи составляет содержание первого тома, решение второй задачи войдет в содержание второго тома.

Наши историки обыкновенно видят в Никоне единственного виновника произведенной при нем церковной реформы: он был ее инициатором, только ему она обязана своим проведением в жизнь, так что она – церковная реформа была исключительно делом одного Никона, она составляет главное дело его патриаршества, его главную заслугу пред церковью. Мною высказывается и выясняется на это дело совершенно другой взгляд, более согласный с исторической действительностью, именно: инициатива произвести церковную реформу, в смысле объединения наших церковных чинов, обрядов и богослужебных книг с тогдашними греческими, принадлежит не Никону, а царю Алексею Михайловичу и его духовнику – протопопу Стефану Вонифатьевичу. Они первые, еще до Никона, задумали произвести церковную реформу, ранее наметили ее общий характер и начали, до Никона, понемногу приводить ее в исполнение; они еще до Никона вызвали в Москву из Киева

знающих греческий язык книжных справщиков, с помощью которых еще до Никона уже начали исправлять наши книги с греческих и, что главное, они же создали и самого Никона, как реформатора-грекофила. Никон, сделавшись патриархом, только выполнял ту программу, какая ему дана была, конечно, в самых общих чертах, царем и Стефаном Вонифатьевичем. Правда, что в самое выполнение программы царь активно не вмешивался, предоставив в этом деле Никону полную свободу, почему практическое проведение реформы в жизнь, в том или другом виде, зависело уже исключительно от Никона, от его личных взглядов, понимания дела, его характера и такта. Сам Никон никогда не считал себя инициатором в деле книжных исправлений и никогда не считал книжные исправления первой и главной задачей своего патриаршества. Оставив патриаршую кафедру, он совсем перестал интересоваться своей церковною реформой и, в конце, даже отнесся резко отрицательно как к тем самым грекам, по указаниям которых он производил свои церковные реформы, так и к самым печатным греческим книгам, на основе которых главным образом и велись все книжные исправления во время его патриаршества.

Сам Никон главную задачу, смысл и, так сказать, душу своего патриаршества видел и поставлял вовсе не в книжных и обрядовых исправлениях, а в том, чтобы освободить церковь, в лице патриарха, от подавляющей ее всецелой зависимости от государства, чтобы сделать патриарха, как духовного главу церкви, не только независимым от государя, но и поставить его рядом с царем, как другого великого государя, подчинить его контролю, как блюстителю и охранителю вечных незыблемых божественных законов, не только церковную, но и всю государственную и общественную жизнь, поскольку последние должны быть проявлением всегда и для всех обязательных божественных заповедей и законов. Никон верил и учил, что священство выше царства, и всячески старался осуществить эту идею во время своего патриаршества практически, а после оставления патриаршей кафедры, горячо и усиленно старался защитить ее теоретически. Об этом я подробно буду говорить во

втором томе моего исследования, который готовится к печати.

Глава 1. Церковно-реформационное движение во время патриаршества Иосифа и его главные представители

Появление в русском обществе, после так называемого смутного времени, сознания необходимости улучшить религиозно нравственную жизнь всего русского народа. Разные челобитные к духовным и светским властям с жалобами на церковные неурядицы, на зазорное поведение белого и черного духовенства, на народные языческого характера суеверия и игрища, на разные народные пороки в недостатки. Правительственные меры по поводу этих жалоб. Образование в Москве кружка ревнителей благочестия. Глава кружка, царский духовник, благовещенский протопоп Стефан Вонифатьевич. Его придворная деятельность, его приверженность к киевлянам и грекам, его заботы о поднятии нравственности и просвещения среди духовенства и народа, поставление им, с этой целью, по разным городам на протопопские места лиц, известных своей строгой жизнью, истовостью в совершении церковных служб, учительностью, ревностью к насаждению благочестия в народе и борьбой с народными языческого характера игрищами и суевериями. Образование из этих лиц провинциального кружка ревнителей благочестия. Общий характер деятельности провинциального кружка ревнителей, задачи и цели, какие он преследовал. Его взгляд на относительное достоинство греческого благочестия, греческих обрядов и чинов, сравнительно с русскими.

После так называемого смутного времени, когда почти совсем погибало русское царство, когда многое, прежде считавшееся таким твердым и незыблемым, пошатнулось, оказалось слабым и малоустойчивым, русская жизнь уже стала не удовлетворять очень и очень многих. Она – русская жизнь – как-то вся заколебалась, незаметно стала понемногу сдвигаться со своих старых дедовских основ и устоев, стала, хотя сначала ощупью и вразброд, искать новых путей, новых более культурных сил и средств для своего дальнейшего

существования. Отсюда явились попытки так или иначе реформировать ее, улучшить и усовершенствовать, причем бравшиеся за это дело подходили к той же цели разными путями, с разных сторон и употребляли разные средства. Одни – большинство – видели причину всех происшедших бед и нестроений народной и государственной жизни в низкой народной нравственности, в народной испорченности и порочности, в недостаточности ее проникновения христианскими и церковными началами. Поэтому они желали нравственно перевоспитать общество с помощью борьбы с остатками в народе языческих суеверий, грубых обычаев, языческого характера народных игр, забав и увеселений, желали на народ более мощного церковно-религиозного воздействия. В этих видах они усиленно стремились прежде всего привести в порядок нашу тогдашнюю церковную жизнь, в которую вкралось много нестроений и непорядков, именно: они решительно восставали против порочной и зазорной жизни духовенства, усиливались ввести в отправление всех церковных служб чинность, истовость, учительность, чтобы сделать церковные службы вразумительными и назидательными для народа. Другие думали поставить дело шире: желали еще исправления наших церковных чинов и обрядов, пересмотра и исправления всех наших богослужебных книг, с помощью сведущих в этом деле людей, так как были убеждены, что наши церковные книги, чины и обряды потерпели, вследствие разных причин, некоторые нежелательные изменения, сделавшие их кое в чем непохожими на настоящие древне-церковные православные чины и обряды. Третьи, не отрицая указанных причин, видели еще коренной недостаток тогдашней русской жизни в полном отсутствии у русских просвещения, каких бы то ни было научных знаний, вообще в их умственной темноте и невежестве, почему думали и стремились завести к Москве, с помощью ученых греков и киевлян, правильно устроенную строго православную школу, чтобы при ее посредстве насаждать среди русских недостающие им знания и просвещение. Наконец, были и такие, хотя еще и очень немногие, которые, то сознательно, то бессознательно,

стремились сблизиться с иноверным просвещенным западом, усвоить, путем подражания и заимствования, его обычаи, внешнюю обстановку его жизни, а в конце – западные знания и науку. Часто все эти стремления и направления перепутывались и смешивались между собою и даже у одного и того же лица. Вообще в переходные эпохи, когда только что зарождаются и начинают формироваться в народной жизни новые направления и течения, их трудно бывает выследить с полной ясностью и определенностью, так как они сами еще очень неясны, неопределенны, а их носители и выразители нередко являются непоследовательными, а иногда и противоречивыми. К тому же: самые зарождающиеся новые направления в жизни почти всегда встречаются затемненными сторонними, к существу дела не относящимися обстоятельствами, разными случайными и побочными явлениями.

Среди различных новых направлений, начавших у нас появляться после смутного времени, и имевших в виду обновить, улучшить нашу народную жизнь, прежде всего с особой силой выступило стремление улучшить крайне расшатавшуюся народную нравственность, возвысить общий уровень христиански религиозной жизни народа, стоявшей доселе еще на довольно низкой ступени, и даже сохранившей в себе много языческого; стремление исправить тогдашнее духовенство и самую церковную жизнь, в которую вкрались многие нестроения, особенно в сфере отправления церковных служб. Это стремление вызвало прежде всего появление различных челобитен, исходивших от частных лиц, которые, проникаясь ревностью к благочестию, обращаются к патриархам и к самому государю с ходатайствами, чтобы они предприняли меры к уничтожению общественных недостатков и пороков, к улучшению церковной и вообще нравственно-религиозной жизни народа и самого духовенства.

В 1636 году девять нижегородских священников, в числе которых находился и знаменитый потом Иоанн Неронов, подали патриарху Иоасафу челобитную, в которой они довольно подробно указывают на различные церковные беспорядки и нестроения, на зазорное поведение приходского духовенства,

на его лень и небрежение к духовно-нравственным потребностям пасомых, на его пьянство и бесчинство, на крайне непристойное и бесчинное поведение молящихся в храмах, на грубые с явным языческим характером народные забавы и увеселения, свидетельствующие об отсутствии во всем народе истинной христианской религиозности, доброй нравственности и добрых христианских нравов. В виду этого челобитчики умоляют патриарха позаботиться «о исправлении церковнем; о часех с обеднями и о постных безвременных вечернях». Они просят патриарха: «учени, государь, свой святильской указ, чтоб по преданию св. апостол и святых истинно славился Бог, и до конца бы церкви Божия в лености и в небрежии не разорилась, и нам бы в исправлении и в скудости веры до конца не погибнути; и вели, государь, на те дела о церковном исправлении: как пети часы и вечерни в пост великий и о мятежи церковнем, что неистовствуют в церквах шпыни и прокураты, и о играх бесовских, дати свои государевы святительския грамоты»¹.

Неизвестный, в челобитной к патриарху Иосифу, восстает с особой силой против тогдашнего распущенного духовенства, говоря, что пастыри церкви только «именем пастыри, а делом волцы, только наречением и образом учителя, а произволением тяжцы мучители, иже малого ради своего покоя и предатели суть душам человеческим, ненастоящей и маловременной, но грядущей и вечной муце». Этот суровый отзыв о тогдашних пастырях неизвестный иллюстрирует в своей челобитной указанием на то, что священники совершают службы «омраченные пьянством», что они «вскочут безобразно в церковь» и начинают отправлять церковные службы без соблюдения церковного устава и правил, стараясь только как можно скорее кончить службу. Ради этого они никогда не читают в церкви положенных для народа поучений, поют и читают зараз в пять-шесть голосов, делая этим все богослужение непонятным для народа, который поэтому в церкви ничему не научается и нисколько не назидается. Священники не только не прекращают в церкви разных бесчиний со стороны молящихся, особенно если последние принадлежат к людям знатным и

сильным, но и всячески заискивают перед ними и во всем потакают им, не заботясь об их исправлении, и вообще на свою паству – на ее нравственную распущенность и пороки, не обращают никакого внимания. И не только белое духовенство, но и монахи, вопреки своим иноческим обещаниям и клятвам, «любят серебро и золото и украшение келейное, имеют влагалища исполнена лишних одежд, тщатся притяжати большая стяжания, и тем желают мирския любви достигнути». Они устрояют в обителях пиры на монастырский счет «для великоименитых властей», дают им взятки, чтобы получить чрез них в монастыре: игуменство, строительство, келарство и вообще какую-либо почетную и доходную монастырскую должность. И вот такие монастырские власти, приемши власть ценой гибнущего имения, подвластным «зверообразни являются сурови и мстиви томители, и святых обителей грабители»; сами же они, окруженные родственниками и приспешниками, обыкновенно ведут пьяную, разгульную и развратную жизнь. Не оставил без обличения неизвестный и высших церковных иерархов. Архиереи, заявляет он, сами занимая иераршие кафедры неподготовленными, неискушенными предварительно иночески подвижнической жизнью, не стараются исправить указанные вопиющие недостатки в иноческой монастырской жизни. Ввиду этого челобитчик умоляет патриарха, косвенно делая и ему упрек в нерадении: «подвигнися, пишет он, о церквах Божиих и о святых и честных монастырех, приими, государь, ревность учения первопрестольник твоих великих святителей: Петра и Алексея и Ионы, тии бо на всяко лето области своя по всем градом трудолюбно сами церкви Божии назирали, како во всей славе стоят, и монастыри, паче же живущих в них наставников и наставляемых, како без смущения и страха пребывают. Исправи, государь хромое, да не како до конца совратится, но да исцелеет. Не трудно бо тебе, государь, шествовати, путь воздаянием спасения мзды посыпана».

В 1651 году иконописец Григорий подал государю челобитную, в которой он жалуется на порочную и во всех отношениях очень распущенную жизнь духовенства города Вязьмы, служащую соблазном для прихожан, на разные

народные игрища «мерзкие», которые «бывают в начале от Рождества Христова и до Богоявления всенощные, на коих святых нарицают, и монастыри делают, и архимандрита, и келаря и старцов нарицают, там же и женок и девок много ходят, и тамо девицы девство диаволу отдают». Другое игрище бывает в Троицын день, когда «загород на курганя ходят и неподобное творят». Третье игрище – от Петрова до Ильина дня, когда «на релях вешаются и накрутящих крутятся, и многих диавол берет, и деньги тых благословляют при церкви погребати». Наконец, было еще игрище ночью под рождество Иоанна Предтечи, когда «всю ночь бесятся, бочки дегтярные зажигают и с гор катают и, веники зажегши, скачут». И так как «и по иным городам такожде много неисправления», то челобитчик рекомендует государю, «такового бы человека изыскати на исправление поиных городах, еже не своего искати, но Божия, и не на лица зрети, и посулов бы не брати» т. е. он рекомендует государю назначить от себя особое лицо, честное и неподкупное, и поручить ему специально заняться уничтожением в городах тех беспорядков, бесчиний и грубых народных языческих и кощунственных игрищ, на которые указал челобитчик².

Кроме патриархов и государя челобитные, по поводу разных церковных нестроений, нравственной распущенности духовенства и народа, подавались некоторыми частными лицами и разным местным епархиальным архиереям. Так суздальскому архиепископу Серапиону (поставлен в архиереи 5-го окт. 1634 г., умер в 1653 г.) некто, называющий себя Агафоником, подал особую очень обширную челобитную, в которой подробно доказывает необходимость введения в церковных службах единогласия, указывает и разъясняет незаконность практиковавшегося тогда многогласия, его вред и пагубность для молящихся. Тому же архиепископу Серапиону делались заявления о разных церковных не порядках в его епархии, о нравственной распущенности духовенства и пасомых и тому подобное. Помимо челобитен встречаются еще в рукописных сборниках и особые статьи с обличением тех или других частичных церковных не порядков и уклонений от церковного устава и правил. Такова, например, статья о

поклонах в великий пост, в которой автор заявляет, что «в нынешнее настоящее время от неких иереов, иже страха Божия в себе не имеют, презираемы бяху и мнози поклонов не творят в церкви во святой великий пост, якоже устав повелевает, ово убо лености ради и небрежения, ово же бесстрашия ради и нечаяния будущего страшного суда и вечных мук, и не хотяще разумети, яко сии земнии поклони повсюду всем вообще – православным иноком и мирским – преданы от святых апостол и святых отец, яко да никакоже сии презираемы бывают во святой сий великий пост, но да и паче подвигнемся, еже исправити сие святых отец предание, сиречь коленное преклонение, яко же устав повелевает, а не разрушити и вместо света тьму возлюбити: проклято бо сие, с еретики отвержено, еже не творити поклонов до земли в молитвах наших к Богу в церкви во уреченные дни». Затем автор старается доказать всю великость нечестия – не творить поклоны, соответствие последних со всем церковным преданием и правилами, отрицание поклонов называет «нечестием и ересью», и так как, по его заявлению, «во многих вкоренися таковое нечестие и ересь», то он и делает далее выписки из церковного устава, показывающие: когда, сколько и в каких случаях следует делать поклоны во время разных церковных служб³.

Таким образом, частные лица, или коллегиально – как нижегородские священники, или в одиночку, своими челобитными и литературными обличениями и разъяснениями, вскрывали пред высшею духовной и светской властью различные церковные нестроения, царившие в обществе и среди самого духовенства пороки и недостатки, и призывали на борьбу с ними правительство. Церковная власть, со своей стороны, принимала во внимание заявления челобитчиков и издавала иногда по этому поводу особые распоряжения. Так, по поводу челобитной нижегородских священников патриарх. Иоасаф, в 1636 году 14 августа, издал известную память тиуну Манойлову и поповскому старосте, Никольскому попу Панкратию, о прекращении в московских церквах разного рода бесчинств и церковных непорядков, которые, очевидно, во всей силе существовали не только в Нижнем Новгороде, но и в

самой Москве, а также и в других городах. Память патриарха Иоасафа тиуну Манойлову имела значения не для одной Москвы, но была разослана, по-видимому, ко всем епархиальным архиереям. По крайней мере, в 1642 году 30 мая послана была: «по указу великого господина преосвященного Серапиона, архиепископа суздальского и торуского, *память* в Суздале городе и по всем городам наши архиепископы и протопопом и священником и диаконом», которая является почти буквальным воспроизведением памяти патриарха Иоасафа, только с присоединением к ней и многого своего, вызванного чисто местными условиями. Память, или точнее, окружное послание к духовенству и народу суздальского архиепископа Серапиона, бывшее доселе неизвестным, в некоторых отношениях очень любопытно, как памятник стремления духовных властей упорядочить и улучшить местную епархиальную жизнь.

Память архиепископа Серапиона 1642 года начинается теми же словами, как и память патриарха Иоасафа, только с изменением названия рассылающего ее лица и названия города, куда она адресована. «Ведомо убо нам архиепископу, пишет Серапион, от многих известия, что в Суздале и по всем городам наша архиепископы, в соборных и приходских святых Божиих церквах чинятца мятежи и соблазн и нарушение святые наша православные христианския непорочные веры, что в святых Божиих церквах зело поскору пение Божие, не по правилам святых апостол и святых отец; говорят в голосов пять и шесть и больши, со всяким небрежением» и т. д. – воспроизводится вся память патриарха Иоасафа тиуну Манойлову 1636 года⁴.

Но воспроизведением московской памяти, с некоторыми в ней изменениями и вставками, суздальский архиепископ Серапион, однако, не ограничился. Он, со своей стороны, к московской памяти присоединил еще целый ряд собственных своих распоряжений, рассуждений и увещаний, вызванных, очевидно, особенностями местной жизни и личными заботами архипастыря устранить и уврачевать недостатки нравственно-религиозной жизни местного общества и духовенства.

Архиепископ предписывает, чтобы все православные христиане обязательно постились в великий пост, «и кто достоин, они бы пречистому телу и крови Христове причащались; а коим недостойно причастится, и они бы к дорé приходили, а отнюдьбы никто от православных христиан святого великого поста не постяся – не минули», причем архиепископ требует прежде всего соблюдения этих предписаний от самого духовенства. «А буде вы сами (протопопы, священники и дьяконы), пишет архиепископ, не учнете творити так, и от пьянства и от иных неподобных дел, яже писано в сей памяти, не воздержитесь и детей своих духовных и прихожан не станете наказывать и поучать, и вам за то от нас, архиепископа, быть в великом жестоком наказании и в пене. А православнии христиания, буде кой не учнет вас слушати и во святыи великий пост не учнут поститися и на предняя дела злая своя обратятся: учнут блуд и прелюбодейство творити, или хто пойдет к крестному целованью, или жены их учнут лица свои пременяти – на бесовский обычай белитца, или иное какое дурно учнут делать; и таковым православным христианом безчинником запрещати, и в церковь Божию не пущати, и приносу от них никакова не принимать, дóндеже обратятца; и вам извещать на них архиепископу, и от нас таким безчинником быти в великом и жестоком наказании и в пене безпощады».

Архиепископу ведомо учинилось, что в земской избе, где ежегодно бывают сходы всех посадских людей, «на том сходе, промеж вами, мирскими людьми, бывают мятеж велик и брань велия о всяких податех, и бывают у вас промеж вас в податех оклады: на иных прибавка, а с иных сбавка; и в тех у вас окладах промеж вами бывают клятвы великие и божение не по правде». Архиепископ слышал далее, что во время раскладки в земскую избу на сход приносят образ Христа «и пред тем образом Христовым клятвы и божения творите, а все не по правде. А инии-де безумнии человецы, на том у вас сходе, к тому пречестному образу в том окладе на роте и прикладываются, чтобы с него подати сбавили». Архиепископ повелевает, чтобы «отселе впредь тако не творити, клятвы и божения на криве не глаголати, и к пречестному образу Спасову

на роте во окладах податных не ходити». Нарушителям этого требования – «тем безумным людям от нас, архиепископа, быть в великом наказании, и велим тех безумных человек отцем их духовным от церкви отлучити, и в дома их не велим ни с какою святынею приходить». А тем начальным людям, которые все это будут допускать на будущих сходах, говорит архиепископ, «будет тоже наказание и запрещение от нас и от отцев их духовных».

Архиепископ заявляет далее: «да у вас, православных христиан, слышим, что у вас безумнии человецы лают друг друга матерны, а инии безумнии человецы говорят скаредные и срамные речи, ихже невозможно писанию предати; а инии, окаяннии человецы, творят блуд и прелюбодейства и садомския грехи». Архиепископ увещевает своих пасомых «от таковых богомерзких дел отселе престати, и матерны друг друга не бранити, и скаредных и срамных речей не говорити, и блуда и прелюбодейства и садомскаго греха не творити». Священников он убеждает, чтобы они всячески унимали своих прихожан «от таковых богомерзких дел», причем замечает: «да и самим бы вам, священникам и дьяконам, житие доброе жити, в безмерное пьянство не вдаватися, и от всяких неподобных дел уклоняться, и на кабаки отнюдь не ходити... И аще сами священники удержатся от пьянства, то незазорно им будет и люди учить». Свою речь о пьянстве, замечает архиепископ, он обращает не к одному духовенству, но и ко всем пасомым, которых он затем и научает истинно христианской жизни. «Подобает, говорит архиепископ, всем православным христианом имети любовь нелицемерну, ненавидяще злое, прилепляющеся благому братолюбию друг ко другу» и т. д. Прерывая свои поучения ко всем православным, Серапион снова обращается исключительно к священникам, как главным исполнителям его архипастырских предписаний, как призванным руководить и наставлять в доброй жизни других. «Вы священники, поучает архиепископ, рассмотряйте детей своих духовных, аще кто в них повинен, и беззаконник, и непокорлив, и нечестив, и грешник, неправеден и скверен, хульник, отца и матери досадитель, мужебийца, блудник, мужеложник, клятвопреступник, – с

такowymi грешники не повелено ни пити, ни ясти; – и вы бы, священники, в таковых гресех кто у вас обрящется, и вы бы им за такие грехи опитемы давали и запрещали бы впредь таких богомерзких дел не творили».

А так как тогдашнее духовенство и само было заражено многими пороками и недостатками, то архиепископ опять обращается к нему с поучением: «да и самим вам – священники и диаконы, быти непорочным, трезвым, целомудренным, благоговейным, честным, страннолюбивым, учительным, не пьяницам, не бийцам, не сварливым, не мшелоимцем; но кротким, смотреливым, независтливым, несребролюбцем, свои дома добре правяще, чада своя имуще в послушании со всякою чистотою; аще бо кто своего дому не умеет правити, како о церкви Божии прилежати возможет?» Всех православных христиан архиепископ убеждает чтить и слушать своих священников, любить братство, бояться Бога, чтить царя, повиноваться властям придержащим, и присоединяет к этому и еще другие общие нравственные наставления.

Обращаясь снова к священникам архиепископ запрещает им, после венчания, заходить на обеды в дома брачующихся двоеженцев и троеженцев, так как «возбранено есть святыми отцы иереям с такими обедати у них на брацех». В то же время относительно священников архиепископ произносит такое практически важное суждение: «суть иже (священники) божественные книги добре ведуще, словом же и делом и житием целомудренным, таковых на больший лучший степень повелеваем возводить, благодарение же и чести подати им многи, да и прочий, окрест сущий, тверже будут верою на сохранение нашего царства, якоже и карфагенского собора правило 71 повелевает».

Но, пишет архиепископ, чтобы церковная жизнь шла правильно, необходимо всем строго соблюдать церковные постановления, необходимо, чтобы на самые архиерейские кафедры избирались люди достойные, способные истинно пасти стадо Христово. «Сице убо, пишет он, последующе и мы св. апостол преданию и богоносных отец, твержышая запрещения

положихом святей и апостольстей церкви, яко да грубым и худым неудобь им будет восходить первое святительства, или же чрез божественные повеления возводя таковыя». И приводя затем различные свидетельства св. Писания, подтверждающие его мысль, заявляет: «видиши ли, яко преслушания ради божественных книг и вся злая приходят на вы. Да аще убо в ветхем законе толико казни и толико запрещение, то кольми паче в благодати требен есть смотрение велико имети. Повелехом бо сего ради на высоту святительства добре могуща и крепкия возводити не телом, но душею и разумом, могущих на пажить обращати душа словесных овец – паству Христову, иже поручени быша от Бога наставить под сению церкви святых божественных тайн, и затворити во оgrade спасенных заповедий, яко немощно будет зверем входить и восхищати паству Христову и священное церковное смущающе исполнение».

В заключение своего окружного послания архиепископ Серапион говорит, что ныне произошло смущение в церкви «от вины брачныя», и он, согласно соборному установлению, предписывает, чтобы четвертому браку «быти отвержену отнюдь». Если же кто вступит в четвертый брак, «всякого лишен будет собора церковного, и входа в церковь святую, дондеже в сожитии: се бо отцем, прежде нас бывшим, изволися; мы же волю явленейшу творящу, яко чужа христианского жития сего отмещем». Третий брак, «человечестей повинующеся немощи» архиепископ признает, но под условием возложения епитимии на троебрачника. Если же, говорит архиепископ, какой священник дерзнет троебрачущихся допустить до святого причащения ранее положенного епитимийного срока (от 3-х до 5 лет), то такой иерей «в своей степени беду приимет», а незаконно сподобившийся причащения «в неприобщенных стояти до скончания шестого лета»⁵.

Таким образом, как видно из приведенной памяти суздальского архиепископа Серапиона, епархиальные архиереи, по поводу получаемых ими жалоб на различные церковные беспорядки, на нравственную распущенность духовенства и пасомых, издавали от себя памяти, или окружные послания,

адресованные епархиальному духовенству и всем пасомым в видах, путем запрещения и угроз, увещаний и наставлений, исправить вкравшиеся в местную церковную и народную жизнь различные беспорядки и пороки. Но одними запрещениями и угрозами, одними увещаниями и назиданиями, устранить все недостатки и нестроения в религиозно-нравственной жизни общества и самого духовенства было очень трудно. Поэтому, и после издания памятей духовными властями, осуждаемые в них недостатки и нестроения продолжали существовать по-прежнему, по-прежнему они возбуждали неудовольствия и жалобы людей благочестивых, искренно и сильно смущавшихся ими, и потому жалобы на церковные беспорядки, на распущенность духовенства и народа, не прекращались. Очевидно, необходимо было, кроме издания памятей, употребить еще и другие средства, которые бы более действительно содействовали нравственно-религиозному подъему как духовенства, так и пасомых.

На одну из таких мер, более живо и энергично способную воздействовать на улучшение жизни и пастырской деятельности духовенства, указывает суздальская память. В ней архиепископ повелевает священников книжных, учительных, ведущих трезвую целомудренную жизнь, ревностных к надлежащему исполнению своих пастырских обязанностей, возводить на высшую степень, т. е. на протопопские места с тем, чтобы они служили живым наглядным примером для всех других пастырей, и чтобы эти другие священники, смотря на них – на воздаваемую им честь, стали во всем подражать им, и таким образом жизнь духовенства сама собою стала бы постепенно улучшаться, а вместе с нею необходимо стала бы улучшаться и вся нравственно-религиозная жизнь пасомых.

Указанную меру архиепископа Серапиона – выдвигать лучших, выдающихся священников, на видные протопопские места, в видах перевоспитания духовенства и народа, в широких размерах постарался вскоре осуществить духовник царя Алексея Михайловича, благовещенский протопоп Стефан Вонифатьевич, ставший в Москве главою целого реформаторского кружка ревнителей благочестия и получивший

особое, исключительное влияние на ход всех тогдашних церковных дел.

Благовещенский протопоп Стефан Вонифатьевич, выдвинувшийся на первое место в наших церковных делах с восшествием на престол царя Алексея Михайловича, как его духовник, по одному современному известию, был «муж благоразумен и житием добродетелен, слово учительное во устах имеяй». Свою учительность Стефан направлял прежде всего на самого юного царя. Он, говорит биограф Неронова, «всегда входя в царския палаты, глаголаша от книг словеса полезная, увещевая с слезами юного царя ко всякому доброму делу, и врачуя его царскую душу от всяких злых начинаний». Даже ночью царь приходил к своему духовнику, чтобы принять от него благословение и побеседовать с ним наедине. В видах воспитания и нравственного воздействия на царя, Стефан или сам читал пред царем, или давал ему самому читать те или другие назидательные и учительные книги. Неронов, в письме к Стефану из Вологды, от 13 июля 1654 г., пишет: «преподобного отца Феодора Исповедника, игумена Студийского, жития к тебе послах, моля, да часто почитавши его пред благочестивым царем, чтоб ему, государю, вестно было. Паче же и великого светильника и вселенней учителя воистинну и покаянию проповедника, Иоанна Златустаго житие почитати молих тя». Очевидно, чтение Стефаном книг пред царем, или передача им книг царю для прочтения, было явлением обычным. Как сильно и заметно было влияние Стефана на молодого царя и окружающих его лиц, это, между прочим, видно из следующего обстоятельства: старинный, свято всеми соблюдавшийся обычай, требовал, чтобы свадьбы праздновались возможно пышно, шумно и весело, чтобы на них все пело, плясало, много пило и всячески веселилось, и никто не решался отступать от установившегося взгляда на характер свадебного пира, – иначе и свадьба была бы не в свадьбу. Царские свадьбы доселе носили тот же характер. Но когда Алексей Михайлович вступил в брак с Марией Милославской, «тогда честный оный протопоп Стефан и молением и запрещением устрой не быти в оно брачное время смеху никаковому, ниже кощунам, ни бесовским

играниям, ни песнем студним, ни сопельному, ни трубному козлогласованию». И хотя это требование благочестивого духовника шло решительно вразрез с вековыми обычаями, всеми свято соблюдаемыми, «моление и запрещение» глубоко уважаемого духовника взяло верх: свадьба царя Алексея Михайловича действительно совершилась «в тишине и страхе Божии, и в пении и песнях духовных»: вместо прежних «песней студных» на ней пели «строчные и демественные большие стихи, также и триодей драгия вещи»⁶.

Поучая и назидая царя, заботясь о том, чтобы царский дом в своей жизни, во всем своем домашнем обиходе, был примером и образцом для подданных, Стефан Вонифатьевич в то же время не опускал случая действовать своими поучениями и на окружающих царя вельмож, чтобы и в них возрастить семена благочестия, и подвигнуть их к строгому соблюдению правды и справедливости в их общественно-государственной деятельности. Биограф Неронова уверяет, что Стефан «зело пекийся о спасении души благочестивого царя, млада суца, да несовратится ум его в некая злая», в то же время «и бояр увешеваше с слезами непрестанно, да имуть суд правый без мзды, и не на лица зряще да судят, яко да не внийдет от некоторых обиденных и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваофа».

Поучения и назидания кроткого и миролюбивого царского духовника не только никого не раздражали и не возбуждали против него, но царь и бояре «в сладость послушаше его и любяше всею душею, яко истого си отца»,. Протопоп Аввакум в одном случае замечает, что при царском духовнике Стефан «вся быша тихо и немятежно ради его слез и рыдания и негордого учения»⁷.

Стефан заботился о научении и назидании не только царя и бояр, но и всех тех лиц, которые могли и любили почитать книги учительного и назидательного характера. Для этой цели в 1648 году в Москве издана была, по свидетельству дьякона Федора, «тщательством благаго духовника царя» книга о Вере, написанная киевлянином Нафанаилом, игуменом киевского Михайловского монастыря. Вероятно, не без поощрения

Стефана Вонифатьевича издавались тогда в Москве и другие просветительные и учительные книги, заимствованные из южно-русских произведений, каковы, например: славянская грамматика Мелетия Смотрицкого, с обширным и очень важным по своему содержанию предисловием, изданная в 1648 году; в следующем 1649 году «ради учения и ведения всем православным христианам, наипаче детям учащимся», напечатан был так называемый малый Катихизис, представляющий из себя простую перепечатку краткого Катихизиса Петра Могилы и т. д.⁸. Что Стефан Вонифатьевич сочувствовал киевлянам и киевской учености, это видно и из того, что его друг – известный Федор Иванович Ртищев, в беседах с которым он проводил иногда целые ночи, устроил около Москвы Андреевский монастырь, и заселил его нарочно вызванными для этой цели южно-русскими монахами. Точно также и вызов в Москву известных ученых киевлян: Арсения Сатановского, Дамаскина Птицкого и Епифания Славинецкого, за которыми по следовали и другие, конечно, совершился с благословения Стефана Вонифатьевича, – без его прямого одобрения и поощрения молодой царь не решился бы на такую меру.

Стефан Вонифатьевич был не только поклонником киевской учености, не только заботился о перенесении в Москву киевских ученых произведений, но вместе с тем он был и убежденный грекофил, считавший необходимым тесное во всем единение русской церкви с вселенской греческой, признававший, что греческие патриархи, и современные греки вообще, строго православны, что у них церковный чин и обряд сохранился в его древнем первоначальном виде, и что если он в чем несхожен с современным русским церковным чином и обрядом, то это потому, что русские церковные книги, некоторые церковные чины и обряды именно у нас, а не у греков, подверглись порче и изменению. В 1648 году, как мы говорили, была издана Стефаном Вонифатьевичем книга о Вере, которая уже в первые два месяца с небольшим разошлась в количестве 850 экземпляров, что указывает на крайне большой спрос на эту книгу и на ее быструю распространенность в тогдашней

читающей публике. А между тем в ней самым решительным образом о греческой тогдашней церкви и восточных греческих патриархах делаются такие заявления: «святая восточная в грецах обретенная церковь правым царским путем, аще и вельми тесным, но обаче от Иисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинных его наследников утлаченным, ни направо, ни налево с пути не совращался к горнему Иерусалиму сыны своя препровождает, в поданном от Господа Бога терпении; и ни в чем установления Спасителя своего и блаженных его учеников, и святых отец предания, и седми вселенских соборов, *Духом Святым собранных устав не нарушает, ни отменяет, и в малейшей части не отступает, не прибавляя, ни отнимая что*, но яко солнце одинакою лучею правды всегда, аще и в не воли пребывая, светится правою верою. А чтобы лучше православные христиане в той мере ведомость могли имети, яко стадо Божиих овец, в Греции живущих, аще телесную чувственную, от телесного и чувственного врага неволю терпит, но веру истинную, и совесть свою чисту и нескверну, Царю над всеми цари и Богу сохраняет. Ничесожь бо турци от веры и от церковных чинов отъимают, точию дань грошовую от греков приемлют, а о делах духовных и о благоговеинстве нимало не належах, и не вступают в то. И якоже люди Божии, егда в работе египетской были, веры не отпадоша, и первии христиане, в триста лет в тяжелой неволи будучи, веры не погубиша; тем же образом и в нынешнее время в неволе турецкой христиане веру православную целу соблюдают... *да заградятся всякая уста глаголющих неправду, гордыню и уничижением, на смиренных греков!*» «Помощью Господнею в восточной церкви четырех верховнейших пастырей, по подобию четырех евангелистов, имеем... Слушати восточные церкви и патриарха константинопольского и прочих четырех, творит нам оную пользу: благословение временное и спасение вечное. Русийскому народу патриарха вселенского, архиепископа константинопольского, слушати, и ему подлежати и повиновитися в справах и в науце духовной есть польза, и приобретение велие, спасительное и вечное»⁹... Думать, что

эти и подобные места книги о Вере относительно тогдашней греческой церкви явились только потому, что они находились в южно-русском подлиннике, простым дословным воспроизведением которого явилось Московское издание, что в Москве им вовсе не придавали того значения, какое они имеют сами по себе, решительно невозможно. Воззрения книги о Вере на тогдашних греков слишком противоречили ходячим московским представлениям по этому предмету, и потому никак не могли остаться незамеченными как самим издателем, так и многочисленными читателями самой книги. Наоборот, именно эти воззрения на греков и были, конечно, главной причиной, почему Стефан Вонифатьевич «с тщательством» занялся изданием книги о Вере: он сознательно хотел этой книгой подготовить московское читающее общество к той мысли, что задуманное им и царем приведение русской церкви к полному во всем единству с тогдашней греческой церковью, не должно вызывать каких-либо недоумений, а тем более протестов, как явление вполне естественное и законное, что предубеждение русских против современной греческой церкви – ошибочно, несправедливо и от него следует отказаться¹⁰. Тем более Стефан Вонифатьевич мог рассчитывать на подобное именно впечатление в московском обществе от изданной им книги, что уже и ранее появившаяся в Москве Кириллова книга, тоже решительно заявляла: «четыре вселенския патриархи даже и до днесь, каждого лета соборне, такоже и по единому, писаньми своими право и неизменно веру данную им от святых апостол, и их учеников, и седми вселенских соборов, и поместных соборов, ни в чем не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповедали и проповедуют, держали и держат, и славят пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа»¹¹.

Но особенно ярко грекофильство Стефана Вонифатьевича сказалось в той деятельности, какую он, и его духовный сын – царь Алексей Михайлович, проявили под конец патриаршества Иосифа, а так же в избрании и поставлении в патриархи Никона, и в деятельной поддержке его грекофильской реформы, о чем мы будем говорить ниже.

За свой высокий нравственный характер, за свою кротость и миролюбие, за свое смирение, соединенное с глубоким благочестием, Стефан Вонифатьевич пользовался величайшим уважением не только царя, Ртищева, Никона, но и всех вообще близко знавших его лиц. Неронов, в своих письмах, называет Стефана «мужем строящим мир церкви», «подобным Давидови незлобием и кротостию», заявляет, что он «дивится его смирению и простонравию «блаженному». Игумен Феоктист, в письме к Стефану от 15 июля 1654 года, величает его «великий отче и дивный моему смирению покрове, пачеже стено по Бозе и заступниче, вселюбезный наш по Бозе пастырю и учителю». Протопоп Аввакум, не имевший обычая говорить доброго слова о тех, кто не согласен был с ним в убеждениях, несмотря на то, что Стефан «всяко ослабел» т. е. стоял на стороне Никона, сохранил о нем, однако, самое доброе воспоминание, – время Стефана всегда представлялось ему самым лучшим и светлым. В челобитной государю, по возвращении из Даур, когда Стефана уже не было в живых, он пишет: «добро было при протопопе Стефане, яко вся быша тихо и не мятежно ради его слез и рыдания и негордого учения: понеже не губил никого Стефан до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение. Тебе свету (т. е. царю) самому житие его вестно». рассказывая о своем заключении в Андроньевском монастыре, где он три дня сидел без пищи и питья, Аввакум замечает: «тут мне пищу принесе ангел за молитв святого отца протопопа Стефана». В послании к некоему Симеону Аввакум замечает: «при духовнике протопопе Стефане Алексеюшко-то с Марьюшкою (т. е. царь с царицей) добры до нас были и гораздо, яко Аркадий и Евдокия к Иванну». В одном случае Аввакум обращается к царю: «воздохни-тко по-старому, как при Стефане бывало, добренько». Дьякон Федор называет Стефана, в противоположность Никону, добрым¹².

Так как личная учительная и назидательная деятельность Стефана сосредоточена была только в пределах царского двора и круга только придворных лиц, на которых он непосредственно мог оказывать свое действие, а между тем Стефан имел в виду более широкие цели: воспитывать в благочестии весь народ, то

он и постарался из среды известного ему духовенства выдвинуть таких лиц, которые бы всюду в народе были проводниками и исполнителями его предначертаний. Царь вполне разделял планы Стефана и потому последнему легко было поставить в разных городах на видные протопопские места таких священников, которые были известны ему строгой благочестивой жизнью, начитанностью и учительностью, ревностью в исполнении своих пастырских обязанностей, готовностью бороться с различными общественными пороками и недостатками и тому подобное. Ревнители, поставленные Стефаном на протопопские места по разным городам, должны были, с одной стороны, служить примером и образцом для всего подчиненного им духовенства, бороться с его распушенностью и недостатками, поучать и направлять его к правильному достойному отправлению своих пастырских обязанностей, и тем поднимать уровень пастырской деятельности всего духовенства; с другой стороны, они, каждый в своем приходе и городе, должны были учить, наставлять и обличать своих пасомых, смело и неустанно бороться с народными пороками, недостатками, с народными грубыми развлечениями, с народными языческими игрищами и суевериями, с недостатками в народе настоящей религиозности и церковности и тому подобное. Из этих ревнителей, рассеянных по разным городам, по преимуществу патриаршей области, образовался особый, довольно тесно сплоченный, кружок, главой, руководителем и опорой которого был Стефан Вонифатьевич, всегда готовый поддержать ревнителей в их трудном и ответственном служении, оградить их от обид и насилий, предстательствовать за них пред царем, и доводить до сведения государя их ходатайства о тех или других мерах, проведение которых они считали необходимым для успеха их нравственно-просветительной деятельности в народе.

В состав кружка ревнителей благочестия вошли известные потом лица: Неронов, Аввакум, Даниил, Лазарь, Логгин. Из них самым видным и деятельным помощником Стефана был Иоанн Неронов, которого Стефан нарочно из Нижнего Новгорода перевёл в Москву и сделал протопопом московского Казанского

собора, потому что, говорит биограф Неронова: «та церковь посреди торжища стоит, и мног народ по вся дни непрестанно в ней бывает, да слышаще его учение сладкое народ отвратят сердца своя от злых обычаев и навькнут добрых дел. Ибо в оная времена в царствующем граде Москве, и в иных российских градах, иссякло бе учение, и уклонилися бяху людие в небрежение и слабость и во многие игралища». Очевидно, Стефан имел в виду сделать в Москве из Неронова народного церковного проповедника и дать в его лице образец московскому духовенству, как ему следует настоящим образом отправлять церковные службы и все вообще свои пастырские обязанности. Неронов так именно и понял задачу и цель своего переселения в Москву. Он стал здесь – в Казанском соборе, самым истовым образом отправлять положенные церковные службы, ввел в них строгое единогласие, стал постоянно читать в церкви отеческие поучения и толковать их народу, чем и произвел очень сильное впечатление на москвичей, которые толпами направлялись в Казанский собор, так что в нем не могли даже поместиться все желавшие слушать Иоанна. И этих, не вмещавшихся в храм, Неронов не хотел оставить без научения и назидания: он «написа окрест стены святыя церкви поучительные словеса, да всяк от народа, приходяй к церкви, аще и кроме пения, не простирает ума своего на пустотная мира сего, но да прочитает написанная на стенах, и пользу душе приемлет». Нередко в Казанский собор приезжал и сам царь со всею семьей, чтобы слушать поучения Иоанна¹³.

Подобных же характером, т. е. истовостью в исполнении разных церковных служб, учительностью, энергичной борьбой с различными общественными пороками и недостатками, отличались и другие члены кружка ревнителей. Достаточно в этом случае припомнить знаменитого протопопа Аввакума, его подвиги в борьбе с нечестием, его многие злострадания за обличение людской неправды, людских пороков и недостатков, его великую способность переносить все, что бы «грешницы ни делали на хребте его». Познакомившись с Аввакумом, Стефан Вонифатьевич на первый раз «благословил его образом Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя

пользовать прочитая и люди», и потом, убедившись в горячей ревности Аввакума по благочестию, в его готовности энергично бороться с общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефан назначает Аввакума протопопом Юрьевца Повольского. Когда Аввакум за свои резкие обличения был сильно побит в Юрьевце и бежал в Москву, где явился к Стефану, то Стефан, рассказывает Аввакуму, «на меня учинился печален: на что-де церковь соборную покинул? Опять мне горе! Царь пришел к духовнику благословиться ночью; меня увидел тут; опять кручина: на что-де город покинул?» Понятно недовольство царя и Стефана бегством Аввакума из Юрьевца: Аввакум и поставлен был в юрьевские протопопы именно для борьбы с царившими там среди духовенства и народа пороками, а он, при первой неприятности, ничего не сделав, малодушно бросает свой важный, ответственный пост и бежит в Москву.

Книжностью, учительностью, борьбой с общественными пороками и недостатками отличались и другие лица белого духовенства, выдвинутые Стефаном, и получившие благодаря ему протопопские места по разным городам. Так, костромской протопоп Даниил за свои ревностные обличения был, подобно Аввакуму, изгнан из Костромы. Об учительстве Логгина сохранилось известие у Олеария, который говорит, что Логгин в 1653 году стал говорить проповеди и хотел ввести этот порядок в подведомственном ему духовенстве, в чем уже и имел большой успех. Но патриарх, узнав об этом, вспылал гневом, отрешил от места, предал анафеме и сослал в Сибирь. Известна также челобитная жителей Мурома к архиепископу рязанскому и муромскому Мисаилу с похвалами Логгину и с просьбой возвратить его пастве. В челобитной говорилось, что Логгин муж учительный, «по вся дни, нощи и часы» проповедовал слово Божие, вразумлял невежественных, а «врагов Божиих, церковных мятежников, противящихся преданию св. Апостол, обличал, и от стада Христова отгонял», и что именно эти враги, из боязни его обличений, ложно оклеветали его, а между тем, с удалением Логгина из Мурома, явилось в городе «в православной вере Христианом

разделение», мятежники восстали на почитателей благочестия, которым теперь приходится бежать из города, почему челобитчики и просят воротить в Муром Логгина. О книжности и способности к учительству романо-борисоглебского попа Лазаря говорит его обширная челобитная против новоисправленных книг, которая опровергается в книге: *Жезл правления*.

Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин и другие протопопы и священники, рассеянные по разным городам московского государства, ревновавшие о подъеме нравственно религиозной жизни духовенства и всего народа, составляли из себя, в кружке ревнителей благочестия, особую группу, которую мы, в отличие от кружка ревнителей столичных (о них речь ниже), назовем провинциальной, так как в некоторых своих воззрениях эта группа существенно разнилась от воззрений группы столичных ревнителей, вследствие чего между ними, с течением времени, и произошел разрыв, вызвавший раскол в русской церкви.

Об общем характере деятельности провинциального кружка ревнителей Неронов в своей челобитной царю из Спасокаменного монастыря, от 2 ноября 1653 года, говорит так: «а при отце твоём Цареве, блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси, те страдальцы (т. е. Аввакум, Даниил, Логгин и Лазарь) многа лета были, и порока в них, государь, никакова к вам, государем, не явилось... А они в те лета беспрестанно к вам, государем, на всякия бещинные извещали, и святейшим патриархом блаженные памяти, и прочим властем о утверждении святых церквей, что вам, государем, вестно было. И вы, государи, ко утверждению церкви, вышнего Бога помощью, десницею своею помощь подавали». И в послании к царице, от 2 мая 1654 года, тот же Неронов говорит: «яко же и древле начальник веры и спас душ наших владыка Христос зависти ради пострадал от жидов; сие и тии (т. е. Аввакум, Даниил и др.) мучени, и томлени, и изгнани, ради проповеди закона, и ради учения, и за еже понуждати им на благое всех человек, ревность имуще, да не един от христиан правого пути погрешит, но вси спасение да улучат и чисти пред сотворшим

ны предстанут в день праведного суда, иже и воздаст комуждо по делом его»¹⁴.

Таким образом, по заявлению самих провинциальных ревнителей, их особенная задача и призвание состояли прежде всего в том, чтобы они «на всякия бещины извещали государем», и чтобы патриархам и другим властям подавали челобитные «о утверждении святых церквей», т. е. ходатайствовали пред духовными властями об уничтожении разных церковных беспорядков и нестроений, которые так резко тогда проявлялись в нашей церковной жизни и на которые указывалось в их челобитных. Затем задачей ревнителей, по их выражению, была «проповедь закона» и научение, с целью побуждать всех на благое, чтобы никто из христиан не уклонялся от правого пути, «но вси спасение да улучат». Этими задачами, по мнению провинциальных ревнителей, и исчерпывалась вся деятельность кружка, в осуществлении только этих задач состояло и должно состоять все его назначение¹⁵. При этом кружку провинциальных ревнителей благочестия совершенно была чужда мысль о признании неисправности самых наших богослужебных книг, церковных чинов и обрядов: нечинно, неправильно, небрежно совершаются духовенством церковные службы, не так, как требует устав и святые отцы; пороки и нехристианские обычаи царят в народе, а пастыри об этом не радят, – вот только о чем постоянно твердят все их челобитные. О том, что нужно исправлять самые наши церковные книги, чины и обряды, как погрешительные, что для этого нужно приглашать в Москву ученых киевлян и греков и им поручить в Москве книжную справку, что следует у них учиться разным наукам, так как и вся вообще московская жизнь нуждается в обновлении с помощью иноземной науки и просвещения, – провинциальные ревнители вовсе и не думали, подобные мысли были им совершенно чужды и даже вовсе непонятны. Они, если и признавали недостатки современной им нравственно-религиозной и церковной жизни, признавали долг пастырей энергично бороться с ними, то, в то же время, во взгляде на русскую церковь вообще и на отношение ее к греческой церкви, стояли на почве тех исторически

сложившимся у нас воззрений, которые были высказаны некоторыми нашими книжниками еще в конце XV и в начале XVI века, по которым русской церкви отводилось первое место в ряду других православных церквей, которыми Русь признавалась единственной хранительницей и опорой чистого, ни в чем не поврежденного православия, уже несколько замутившегося у самих греков. Москва – это третий Рим, заступивший место нового Рима – Константинополя; в деле православия русские заняли место прежних греков, так как только у одних русских сохранилась теперь правая, ни в чем не измененная вера; только на одной Руси, сравнительно со всеми другими странами, «большее есть православие и высшее христианство», только одна русская держава цветет теперь «совершенным благочестием, как свет солнечный»; тогда как у самих греков «вера православная испроказися Махметовой прелестью от безбожных турок», вследствие чего она стала у них ниже и несовершеннее во всем совершенной веры русской. На почве именно этих воззрений, высказанных еще в начале XVI века, по преимуществу старцем Елеазарова монастыря Филофеем, и стояли провинциальные ревнители. Правда, они допускали, что в русской церковной жизни есть свои недостатки и погрешности; но эти недостатки и погрешности заключаются не в самых церковных обрядах и чинах, а только в неправильном, или небрежном выполнении их пастырями церкви, которые действительно и нуждаются в научении, или исправлении. Сама же русская церковь, по убеждению провинциальных ревнителей, до самых последних обрядовых мелочей, всегда оставалась и остается верной во всем истинному православию, никогда ни в чем не изменяла ему, ни в чем, даже в самом незначительном обряде, ничего не потеряла из него, так как на Руси всегда твердо и неизменно держались той мысли, что «не точию в вере, но ни в малейшей частице канонов и песней, что ни у какого слова, ни у какой речи ни убавить, ни прибавить ни единого слова недолжно», «что православным нужно умирать за едину букву аз». Если же русская церковь в некоторых своих церковных чинах и обрядах и порознилась с современной греческой церковью, то это

потому, что позднейшие греки не остались во всем верны православию, но кое-что утеряли из него, допустив у себя разные новшества, вследствие чего у современных греков самое православие сделалось «пестро», а благочестия у них, «и следу нет». Ввиду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнению провинциальных ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной проверке русским, и только то, что найдет себе оправдание в русской церковной жизни и практике, может быть от греков принимаемо и русской церковью; все же, что у греков несогласно с русским, должно быть безусловно отвергнуто, как чуждое православию, как превзошедшее в греческую церковную жизнь в позднейшее время под влиянием иноверия и главным образом латинства, ибо единственно верный критерий для определения того, что истинно православно и что нет, теперь находится не у греков, а только у русских. Поэтому: вносить в русскую церковную жизнь что-либо греческое, несогласное с русским, исправлять русские церковные чины и обряды по образцу современных греческих, значило, по мнению провинциальных ревнителей, заведомо развращать чистое, ничем и никогда неоскверненное русское православие, значило вносить в него латинские ереси.

Точно также провинциальные ревнители благочестия признавали, что в русских церковных книгах находятся некоторые ошибки и погрешности, внесенные в них небрежными и невежественными переписчиками, и что с этой стороны русские книги действительно нуждаются в исправлении. Но они решительно не допускали той мысли, чтобы русские церковные книги были очень испорчены и притом настолько, что заключали в себе чуть не ереси, чтобы их следовало исправлять или вновь переводить по греческим печатным книгам. Если они и признавали греческие книги, то только древние рукописные, а не новые печатные, которые печатались в иноверных землях и в которые латиняне и лютеране вносили свои ереси. Ввиду этого русским никак не следует принимать греческих книг, и, во всяком случае, для определения достоинства и пригодности греческих книг, их необходимо проверять имеющимися у русских славянскими переводами, и все несогласное с ними в греческих

книгах, решительно отбрасывать, как неправославное, внесенное в них еретиками. Греческие книги потому именно и порознились с русскими, что они подверглись у греков искажениям со стороны еретиков, вследствие чего исправлять русские книги по греческим в тех случаях, где они с ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русские книги, вносить в них те именно ереси, которые уже успели внести еретики в книги греческие.

Наконец провинциальные ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились к ученым выходцам: грекам и киевлянам, и никак не желали допускать их до какого-либо участия в наших церковных делах. Неронов, в одной своей челобитной государю, взывает: «и паки молим тя, государя, иностранных иноков, кроме Богом избранных истине неразвратников, коих истине и благочестию ругателей, и ересем вводителей, в совет прияти не буди, дбндеже, государь, искусными мужи искусиши житие их». Неронов, со своей точки зрения, объясняет, почему без строгого тщательного испытания, никак не следует доверять ученым иностранным выходцам. «Зрим бо в них (ученых выходцах), государь, пишет Неронов, ни едину от добродетелей: Христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость, и вместо поста многоядение и пьянство любят; вместо же, еже Христа, истаяти тело, мягкость и буйство любят, крестного же знамения на лица истинное изобразити не хотят, и сложению перст блядословне противятся, яко врази истинне и ругатели; на коленех же поклонитися Господеви от покоя ради не хотят, и лжу сшиваючи самосмышлением, разум божественного писания лукаво скрываючи, своевольне блядут на прелесть безумным человеком»¹⁶.

Глава 2. Церковно-реформационное движение во время патриаршества Иосифа и его главные представители (продолжение)

Столичный кружок ревнителей благочестия. Особенности его воззрений, задач и целей, по сравнению с провинциальными ревнителями. Важнейшие известные представители этого кружка. Царь Алексей Михайлович, как член кружка ревнителей благочестия. Его семейное воспитание в грекофильских традициях. Алексей Михайлович, как убежденный грекофил и убежденный сторонник полного и тесного единения русской церкви с тогдашней вселенской греческой. Политические мотивы его грекофильства. Решение царя и Стефана Вонифатьевича произвести церковную реформу в смысле полного единения русской церкви с тогдашней греческой. Предварительные меры царя и Стефана Вонифатьевича, какие ими предприняты, еще в патриаршество Иосифа, для проведения намеченной ими церковной реформы: вызов в Москву ученых киевлян и начатое ими исправление церковных книг с греческих; заботы об открытии в Москве греческой школы; поручение греческому назаретскому митрополиту Гавриилу произносить в Москве устные на современные темы проповеди; согласование некоторых наших церковных чинов с тогдашними греческими, по указаниям иерусалимского патриарха Паисия; посылка на восток Арсения Суханова для изучения на месте греческих церковных чинов и обрядов; обращение к константинопольскому патриарху, как высшей церковной инстанции, за решением вопроса о единогласии; приказ царя на многолетиях, вместе с московским патриархом, поминать и вселенских греческих патриархов. Никон как член кружка ревнителей благочестия. Меры со стороны царя и Стефана Вонифатьевича привить Никону, как кандидату в патриархи на место Иосифа, грекофильское направление и превращение Никона, благодаря этим мерам, из грекофоба в грекофила, способного осуществить

церковную реформу, ранее намеченную царем и Стефаном Вонифатьевичем. Федор Михайлович Ртищев, как деятельный и влиятельный член кружка ревнителей. Его особенная расположенность к киевским ученым инокам, к Киевской школе и литературе; его расположенность к грекам и к русским представителям разных направлений. Его дом, как сборный нейтральный пункт, для представителей всех направлений, где они свободно вступали между собою в состязания, о чем знал и государь. Анна Михайловна Ртищева, как деятельная сторонница церковной реформы, и боярин Борис Иванович Морозов, сочувствовавший грекофилам.

В то время как в лице провинциальных ревнителей на сцену выступала старая Русь, выросшая и воспитавшаяся на Псалтыри, на житиях святых, на старых московских сборниках и их содержанием, прочно державшаяся всех дедовских верований, обычаев и традиций, крепко веровавшая в их неизбежность и спасительность, крайне неподатливая на всякую новину, желавшая исправлять только распущенные народные нравы, дурные обычаи, и церковные нестроения, вызывавшиеся беспорядочной жизнью и деятельностью духовенства, и притом желавшая исправлять все это, так сказать, чисто домашними средствами, не сходя с русской исторической почвы, не изменяя своей родной, заветной старине; – другая группа кружка – ревнители столичные, верхи, смотрели на дело реформы иначе. К тем задачам и целям, какие преследовали провинциальные ревнители, они присоединяли еще и другие, для достижения которых уже требовалось совсем иное понимание дела, иные средства и иные люди, ничего общего с провинциальными ревнителями не имеющие.

Отличительной чертой столичных московских ревнителей благочестия, сравнительно с провинциальными, было то, что они, вопреки последним, признавали несостоятельность старой русской жизни в некоторых ее основах, именно; русские церковные книги они признавали сильно испорченными, и потому нуждающимися в исправлении по греческим подлинникам; а равно так же они признавали испорченными,

нуждающимися в исправлении по образцу греческих, те русские церковные обряды и чины, которыми русские порознились с тогдашними греческими. Они признавали, что старое русское обучение и образование, основанное на крайне одностороннем и случайном начетничестве, совершенно несостоятельно, и должно быть заменено устройством в Москве правильной школы, с помощью ученых греков и киевлян, которых поэтому следует приглашать в Москву и для обучения в школе, и для производства книжных переводов и исправлений. Помимо устройства школы, недостатку образованности и знаний в московском обществе, они старались помочь усиленным изданием как имевшихся в Москве разных учительных и назидательных книг, так и особенно печатанием в Москве разных южнорусских сочинений. Но что особенно важно: столичные и провинциальные ревнители благочестия самым решительным образом расходились между собою во взгляде на относительное достоинство русского и греческого благочестия, на отношения к современным грекам.

Если после флорентийской унии и падения Константинополя многие русские книжники, руководимые национальным самомнением и самовозвеличением, стали настойчиво заявлять ту мысль, что истинное благочестие у греков стало пестро, наклонилось к латинству, испроказилось махметовой прелестью, что высшее и совершеннейшее православие теперь находится только у русских, а вовсе не у греков, почему вере и благочестию теперь следует учиться не русским у греков, а наоборот – грекам у русских; то у нас, несомненно, в то же самое время существовали и другие взгляды, признававшие греков по-прежнему строго во всем православными, настаивавшими на необходимости всегдашнего тесного единения русской церкви с вселенской греческой. Она – греческая церковь, по этим воззрениям, никогда не утрачивала своего исконного православия, никогда ни в чем не изменяла своих древних отеческих церковных уставов и чинов, и никогда не теряла своего древнего права на руководительное значение в церковных делах всего православного мира, а, следовательно, когда нужно, и в делах русской церкви. Если у

нас, под влиянием флорентийской унии и падения Константинополя, под влиянием факта политической самостоятельности и все более расширявшегося и крепнувшего московского царства, русская митрополия сделана самостоятельной и независимой от константинопольского патриарха; то в это же время у нас существовала и другая довольно сильная и влиятельная партия, которая решительное стояла за старину в церковных делах, т. е. за прежнее подчинение московской митрополии константинопольскому патриарху, и новый порядок считала уклонением от законной истинно православной нормы церковной жизни. Пафнутий Боровский, а также и другие лица, не хотели признавать за митрополита святителя Иону, как поставленного без благословения константинопольского патриарха. Если потом национальная русская партия, с Иосифом Волоцким во главе, признала митрополита Иону святым, заявляла, что «русская земля ныне благочестием всех одоле» (слова «Просветителя»), то представители противной Иосифу партии: Нил Сорский, Вассиан Косой, Курбский, Максим Грек и др. не хотели признавать за святых тех вообще русских, которые явились у нас в качестве святых после того, как русская митрополия освободилась от зависимости константинопольского патриарха. Партия Иосифлян взяла решительный верх и сурово расправилась со своими грекофильствующими противниками, но окончательно уничтожить основные идеи этой партии не могла, – они сохранились в русском обществе и потом, только в измененном виде: факт независимости русской церкви от константинопольского патриарха был признан, как законный, но в то же время признавалась и необходимость всегдашнего единения русской церкви с вселенской греческой, как вполне православной. Само наше правительство, побуждаемое, между прочим, и практическими потребностями, всегда держалось этих воззрений на греческую церковь: оно поддерживало непрерывные связи с православным востоком, щедрой милостыней патриаршим и архиерейским кафедрам и разным монастырям, оно усиленно стремилось поддержать там православие, радушно принимало у себя всех просителей

милостыни с востока, а некоторых из них даже оставляло у себя на вечное житье. С другой стороны, наше правительство, в известных случаях, само нуждалось в православном востоке: так оно хлопотало, чтобы восточные патриархи признали царское венчание Грозного; по настояниям нашего правительства константинопольский патриарх ставит у нас первого московского патриарха, и наше правительство заботятся, чтобы это ставление было формально и торжественно признано всей вселенской греческой церковью. После Иерусалимский патриарх Феофан ставит у нас в патриархи Филарета Никитича, благодаря чему наши связи с греческой восточной церковью становятся еще теснее, пока, наконец, в лице царя Алексея Михайловича, не превращаются в решительное грекофильство, так резко проявившееся потом в церковной реформе Никона¹⁷.

Главными представителями этого грекофильского направления в столичном кружке ревнителей благочестия были, как мы уже видели: глава всего кружка Стефан Вонифатьевич, его духовный сын – сам царь Алексей Михайлович, Никон, впоследствии патриарх, боярин Феодор Иванович Ртищев, его сестра Анна, боярин Морозов и, вероятно, другие лица.

К кружку ревнителей благочестия принадлежал, (как мы сказали), сам молодой государь, тишайший и благочестивейший Алексей Михайлович. Он сильно подчинился нравственно-религиозному влиянию своего уважаемого духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича. Благодаря, между прочим, Стефану, из Алексея Михайловича вышел особый любитель церковных служб и знаток церковного устава, любитель почитать разные благочестивые и назидательные книжки, человек лично очень благочестивый, великий церковник и ревнитель о водворении и распространении церковности и благочестия в народе. Он до конца своей жизни близко к сердцу принимал все церковные интересы, близко всегда стоял ко всей тогдашней церковной жизни, сердечно и горячо относился ко всем ее запросам и движениям. Он вполне разделял общие убеждения и стремления кружка ревнителей благочестия, относился к их деятельности с полным сочувствием и одобрением, готов был

оказать им содействие и поддержку в их стремлении улучшить и поднять на большую высоту церковную жизнь, смягчить и облагородить грубые народные нравы и обычаи, в которых еще так много было языческого. Благодаря Стефану Вонифатьевичу Алексей Михайлович познакомился с некоторыми провинциальными членами кружка ревнителей, вошел с ними в личные сношения. Так, он и царица хорошо знали Неронова, и нередко царь со всею семьей приезжал в Казанский собор, чтобы слушать там церковную службу, отправляемую Нероновым единогласно и особенно истово, слушать поучения, которые Иоанн обязательно читал и толковал народу. Неронов являлся и в царский дворец, где учительный протопоп всегда встречал в царской семье радушный и благосклонный прием. Благодаря Стефану царь лично познакомился и с протопопом Аввакумом, который не раз представлялся царю и царице, был им хорошо известен и они даже знали его детей. Наконец, царь познакомился и потом близко сошелся с самым видным членом кружка ревнителей – Новоспасским архимандритом Никоном, которого он особенно полюбил и, вместе со своим духовником, предназначил в преемники патриарху Иосифу. Так, благодаря протопопу Стефану Вонифатьевичу, между царем и более видными представителями кружка ревнителей благочестия образовались личные отношения. Царю нравились эти строгие, горячие и неустанные ревнители, он чувствовал к ним и их деятельности большую симпатию и даже полюбил их. Это давало ревнителям всегдашнюю возможность, особенно при посредстве Стефана, обращаться к царю с разными ходатайствами общественного характера, а царь охотно принимал их представления и некоторые из них заботился немедленно привести в жизнь. Царь навсегда сохранил к ревнителям, несмотря на совершенно изменившиеся потом обстоятельства, свое расположение, всегда старался примирить их с новым наступившим потом порядком церковных дел, старался щадить их и, при случае, даже защитить от слишком суровой и быстрой расправы с ними Никона патриарха. Конечно, с согласия и одобрения царя Стефан Вонифатьевич всячески усиливался примирить Неронова с патриархом Никоном, и царь

был очень доволен, когда Неронов пошел впоследствии на уступки и его примирение с Никоном состоялось. Царь потом употреблял много усилий склонить протопопа Аввакума примириться с церковной реформой Никона, подчиниться голосу всей церкви, хотя эти усилия его и не имели успеха.

Царь Алексей Михайлович воспитался в грекофильских традициях своей семьи. Его дед был ставленником иерусалимского патриарха Феофана, которому поэтому Филарет Никитич всегда оказывал особую любовь, расположение и готовность исполнять все его просьбы о помощи святому Гробу, или о помощи тем лицам, которых Феофан рекомендовал вниманию Московского патриарха. Крайняя нелюбовь Филарета Никитича к латинству и южнорусской унии, побуждала его еще теснее примкнуть к православному востоку, поддерживать с ним непрерывные тесные связи и единение, вследствие чего он находился в самых живых и деятельных сношениях со всеми восточными патриархами, имел с ними постоянную переписку. Все приходившие в Москву греки встречали у него ласковый и радушный прием, несколько греческих иерархов постоянно жили в Москве, пользовались особым расположением и покровительством Филарета Никитича, и занимали при нем влиятельное положение во всех делах по сношениям с православным востоком. Филарет Никитич сделал несколько церковных исправлений, в видах согласования русских церковных чинов с греческими; он попытался было устроить на своем патриаршем дворе греческую школу, заставлял делать переводы с греческих книг на русский. Словом, Филарет Никитич много содействовал развитию и укреплению у нас идеи о необходимости тесного постоянного единения между русской церковью и тогдашней греческой¹⁸. Вполне естественно было, что по тому же пути, по которому шел в своих сношениях с православным востоком Филарет Никитич, пошел и его внук – царь Алексей Михайлович, только он еще шире, чем его дед, понял самую идею о необходимости полного единения русской церкви с тогдашней греческой, и энергичное всестороннее проведение ее в жизнь стал считать одной из главных и насущнейших задач своего царствования. На этом пути он

встретил себе полную поддержку и одобрение со стороны своего уважаемого духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, благодаря чему из царя Алексея Михайловича и выработался вполне сознательный, убежденный и очень энергичный церковный деятель грекофил, каким он и остался до конца своей жизни. Известный Павел Алепский в одном месте своих записок замечает: «нынешний благополучный царь и новый патриарх Никон очень любят греческие обряды и имеют большую склонность к рассуждениям и к учению христианскому, *в особенности царь*». Тот же Павел Алепский передает, что за одним обедом царь, разговаривая чрез переводчика с антиохийским патриархом Макарием, «просил (Макария) молиться за него Богу, как Василий Великий молился за Ефрема Сирина, и тот стал понимать по-гречески: *чтобы и царю также уразуметь этот язык*»¹⁹. Как именно Алексей Михайлович сам себе представлял свои грекофильские церковные стремления и в какую реальную форму должны были, по его мнению, отливаться эти стремления, это он с особенной ясностью выразил впоследствии, в своих грамотах к восточным патриархам, в которых он приглашал их в Москву для суда над Никоном и для приведения в порядок русских церковных дел. Так, в грамоте к константинопольскому патриарху Паисию он пишет: «мы ныне от зельного рачения нашего – потщавшеся обновити и подутвердити союз церковного общего нашего мира – тоя единые православные веры, да будет между вами же и нами яко же прежде сице и ныне и потом непременно до кончины века, – пишем и молим тя известитеся опасно хотяще.... быти нам с вами желаем едино, якоже глаголет самая истина Христос, моля Отца своего о хотящих веровати: да будут едино, якоже и мы едино есмы». И в заключение пишет: «Господь же мира и утешения, иже расстаящая совокупляя во едино и тойжде соединение веры да даст благодать пребывати единомыслию церквей своих, сущих во пределех наших и ваших, даже до скончания века нерушиму с вами во исправление и преспеяние и ращение в лучшая нам». В грамоте к александрийскому патриарху Паисию царь заявляет: «во всех благочестия догматах согласоватися с вами хотяще... Отец

присносушный и Бог... да преподаст святой свой мир, соединение и единомыслие святым своим церквам». В грамоте бывшему константинопольскому патриарху Паисию царь пишет, что приглашает Паисия в Москву, чтобы «церквей наших единомыслию не отторгнутися Христа и вас». В грамоте к антиохийскому патриарху Макарию царь заявляет, что обязанность царя не о царском только пещися, но самое главное: «еже есть общий мир церквам и здраву веру крепко соблюдатьи и хранити нам; егда бо сия в нас в целости и снабдятся, тогда нам вся благая строения от Бога бывают: мир и умножение плодов и врагов одоление, и прочии вещи вся добре устроятся имут». Просит Макария приехать в Москву, «да общий мир церквей от сего известится, иже толико есть потребен, в православии сущим, елика и дыхати нам воздуха, присно бо желаем соблюдатьи единение веры нашея и быти всегда соединени с вами во едином душе и в союзе мира, яко же и звани быхом во едином уповании звания нашего»²⁰. Очевидно, царь Алексей Михайлович попечение о вере и церкви считал одной из первых и самым ответственных своих царских обязанностей: Бог взыщет именно с него, как главного ответственного лица, за нерадение в делах церковных, да и само царство его пострадает, если он допустит какое-либо нестроение церковное. Самое же попечение о церкви должно было выражаться, по его представлению, по преимуществу в поддержании полного единства между всеми православными церквами и, в частности, между русской церковью и вселенской греческой, в устранении из русской церковной практики всего, что препятствовало и в будущем может препятствовать полному единению русской церкви с греческой. Вся последующая церковная реформа Никона была поэтому, в глазах Алексея Михайловича, только простым, необходимым и прямо обязательным для него – царя актом, устрояющим полное единение русской церкви с греческой и другими православными церквами, к чему он, как православный царь, всегда деятельно обязан был стремиться. А эта обязанность, в свою очередь, покоилась на том его представлении об отношении русского царя к вселенскому православию, по которому русский царь

есть единственный теперь в целом мире представитель, опора и охранитель всего вселенского православия, наследник и продолжатель дела великих и благочестивых древних греческих царей. Эти идеи об исключительном призвании русского царя в православном мире, которые на все лады проводили в своих грамотах все восточные иерархи, были вполне усвоены царем Алексеем Михайловичем, и он не прочь был в своем лице воскресить образ древних греческих императоров. В грамоте к афонитам, от 11 января 1666 года, царь просит их прислать в Москву «из святогорских монастырей греков, добрых и ученых людей, которые-б знали эллинское и словенское учение, трех человек иноков... Да в святогорских же монастырех сыскати б Судебник да Чиновник всему царскому чину прежних благочестивых греческих царей печатной; а сыскав тех ученых людей и книги, прислать к нам, великому государю, незамотчав»²¹. Из этого видно, что Алексей Михайлович действительно хотел быть возможно точной копией старых благочестивых греческих царей, и ради этого, стремился иметь у себя их Судебник и Чиновник «всему их царскому чину», конечно с прямой целью, чтобы всем своим поведением и придворным чином воочию явиться преемником старых благочестивых греческих царей.

С другой стороны, несомненно и то, что в церковных грекофильских стремлениях царя Алексея Михайловича не последнюю роль играли и политические мотивы, так как Алексей Михайлович считал себя преемником древних благочестивых греческих императоров не только в делах веры и благочестия, но и законным наследником их царства, верил, что ему, или его преемникам, действительно суждено в будущем владеть самым Константинополем и всеми православными народами, томящимися под турецким игом. Конечно, Алексей Михайлович с особым вниманием и удовольствием слушал, когда приехавший в Москву, в 1649 году, иерусалимский патриарх Паисий, в своей приветственной речи, на первой аудиенции у государя, торжественно, вслух всех говорил, между прочим, и следующее: «Пресвятая Троица – Отец, Сын и Св. Дух, едино царство и господство, благословит державное ваше

царствие, да умножит вас превыше всех царей, и покажет вас победителем и одолетелем на сопротивных видимых и невидимых врагов, якоже и древних и новых царей: царя Давида, царя Езекиа и великого царя Константина; да утвердит вас и умножит лета во глубине старости, *благополучно сподобит вас восприяти вам превысочайший престол великого царя Константина, прадеда вашего, да освободит народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук, от лютых зверей, что поедают немилостиво; да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения, якоже он освободил сынов израилевых от фараонских рук жезлом – знаменем честного животворящего креста»*²². Точно так же с большим удовольствием, вероятно, Алексей Михайлович читал в челобитной бывшего константинопольского патриарха Афанасия Пателара, приезжавшего в Москву в 1653 году, что порабощенные турками греки имеют в русском царе «столп твердый и утверждение вере и помощника в бедах и прибежище нам и освобождение... А брату, государь, моему и сослужителю, великому господину, святейшему Никону патриарху московскому и всеа Руси, *освящати соборную апостольскую церковь Софию премудрость Божию»*²³. С своей стороны и Никон, при своем поставлении в патриархи, на приветственную речь царя, говорил ему, что он – Никон желает государю, чтобы Бог распространил его царство «от моря и до моря, и от рек до конца вселенные, *и расточенная во благочестивое твое царство возвратит и соберет во едино* и на первообразное и радостное возведет, *во еже быти ти на вселенней царю и самодержцу христианскому, и воссияти яко солнцу посреди звезд»*²⁴. Понятно, что Никон так говорил, хорошо зная, что молодой царь смотрит на себя, как на призванного объединить в своей, благочестивой державе все расточенные православные народы, страждущие под игом неверных.

Что политические мотивы играли известную роль в грекофильских стремлениях и настроениях царя, что ему не чужда была мысль сделаться освободителем православных народностей из-под турецкого ига, и овладеть, как своим

наследием, Константинополем, что церковное единение он считал первой и необходимой ступенью будущего политического единения, на это есть некоторые указания у Павла Алепского. Со слов одного боярина Павел рассказывает, что будто бы, когда царь окончательно отпустил из Москвы антиохийского патриарха Макария, то, обращаясь к окружающим его боярам, он «вздыхнул и сказал: молю Бога, прежде чем умру, видеть его (п. Макария) в числе четырех патриархов служащим во святой Софии и нашего патриарха пятым вместе с ними. И все присутствующие ответили: да услышит Господь». Тот же Алепский передает и следующий слышанный им рассказ: в первый день Пасхи греческие купцы, проживавшие тогда в Москве, вместе с вельможами явились к царю с поздравлениями. Государь оделил греков по два яйца и, подзвав их к себе поближе, говорил им: «хотите ли и желаете ли, чтобы я освободил вас и избавил от неволи? Они поклонились ему и отвечали: как нам не хотеть этого? и выразили ему подобающие благожелания. Он продолжал: когда вернетесь в свою страну, просите своих архиереев, священников и монахов молиться за меня и просить Бога, ибо по их молитвам мой меч сможет рассечь выю моих врагов. Потом, проливая обильные слезы, он сказал вельможам своего царства: мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые находятся во власти врагов веры. Бог – да будет прославлено имя Его! – взыщет с меня за них в день суда, ибо, имея возможность освободить их, я пренебрегаю этим, и прибавил: не знаю, как долго будет продолжаться это дурное состояние дел, но со времен моих дедов и отцов к нам не перестают приходить патриархи, архиереи, монахи и бедняки, стеная от обид, злобы и притеснений своих поработителей, и все они являются к нам не иначе, как гонимые великой нуждой и жестокими утеснениями. Посему я боюсь, что Всевышний взыщет с меня за них, и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления. Они отвечали ему: да даст тебе Господь по желанию сердца твоего!»²⁵ Говорил ли действительно Алексей Михайлович те слова

греческим купцам, которые передает нам Павел Алепский, мы не знаем. Но отрицать, что Алексей Михайлович действительно считал себя преемником старых благочестивых греческих царей и наследником их царства, что он за себя, и своих преемников на русском престоле, мог мечтать об освобождении всех православных народов от турецкого ига, мы не имеем оснований. Тем более, что и в представлении других, более образованных тогдашних русских, идея полного всецелого единения русской церкви с тогдашней греческой сливалась с идеей о политическом объединении под главенством русского царя всех православных народностей, томящихся в турецкой неволе. Так, известный грекофил и борец с западником Медведевым старец Евфимий, в доказательство необходимости тесного единения русской церкви с четырьмя восточными греческими патриархами, писал, что русские должны быть «согласны во всем и купночинны с восточною святою церковью и со святейшими, равночисленными св. евангелистам, патриархи», что тогда «и святейшие патриархи подадут вящшее благословение и молитву о благосостоянии всероссийского царствия, *и народи вси окружении, сущий православия восточного, Богу возблагодарят и царскому величеству приклонятся*, т. е. Евфимий утверждает, что на почве церковного объединения всех православных народов, может произойти потом и их политическое объединение под главенством православного русского царя. Царь Алексей Михайлович до конца остался верен своим грекофильским убеждениям, до конца настойчиво старался провести их в жизнь, осуществить на деле. Царю Алексею Михайловичу главным образом церковная реформа обязана своим началом, своим проведением при Никоне и своим окончательным признанием голосом всей русской церкви после удаления Никона. Никон-реформатор был собственно созданием царя и Стефана Вонифатьевича, он – Никон – энергично действовал и проводил реформу только пока жив был Стефан Вонифатьевич и пока он сохранял тесную связь с царем. Как же скоро Стефан Вонифатьевич умер, а сам Никон не сумел поддержать свои прежние близкие отношения к царю, его грекофильство и его

прежний напряженный интерес к произведенной им церковной реформе сильно охладели и заменились равнодушием. После удаления с патриаршей кафедры Никона, все дело поддержания церковной реформы пришлось вести одному царю, и Алексей Михайлович действительно умело и искусно довел его до конца: он создал новых преданных реформе деятелей – Павла, Илариона, Иоакима, которые и действовали в его духе и по его указаниям, так что только благодаря исключительно его усилиям и умению церковная реформа Никона, несмотря на все противодействие ей со стороны большинства тогдашнего общества, была торжественно и окончательно принята всей нашей церковью.

Решив привести русскую церковь к полному единению с тогдашней греческой церковью, и ради этого совершить проверку наших церковно-богослужебных книг с греческими подлинниками, нашу церковно-обрядовую тогдашнюю практику объединить с современной греческой, царь Алексей Михайлович и его духовник Стефан Вонифатьевич постарались подготовить почву и средства для задуманной ими церковной реформы, которую потом суждено было приводить в исполнение Никону. Еще в 1648 году государь послал в Киев в Печерский монастырь инока Марка «добролюбезного епископа Зосима», которого просил прислать в Москву Дамаскина Птицкого «для своего государева дела», но в то время «послати того старца невозможно было для монастырския потребы». Тогда в мае 1649 г. государь снова обратился уже к киевскому митрополиту и к властям киевского братского монастыря, чтобы присланы были в Москву старцы – Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий, так как государю «ведомо учинилось, что они божественного писания ведущи и эллинскому языку навычны, и с эллинского языка на славянскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают, а нашему царскому величеству такие люди годны», почему царь и просит митрополита прислать «тех учителей» «для справки библии греческие на словенскую речь, на время нам великому государю послужити». Благодаря этой грамоте государя, 12 июля того же 1649 года, в Москву прибыли из Киева старцы, книжные

переводчики; Арсений Сатановский и Епифаний Славенецкий, поселившиеся сначала на большом посольском дворе, а потом в Чудове монастыре. В следующем 1650 году в Москву прибыл и третий переводчик киевлянин Дамаскин Птицкий.²⁶ Значит, киевские ученые старцы вызывались в Москву специально для перевода на славянский язык греческих и латинских книг вообще и частнее: «для справки библии греческие на словенскую речь»; вызывались они потому, что «еллинскому языку навычны и с эллинского языка на словенскую речь перевести умеют и латинскую речь достаточно знают». И действительно, с приездом в Москву ученых киевлян у нас сразу книжная справка была поставлена на новых началах; стали справляться не только с древними славянскими рукописями, но и с греческими и южно-русскими изданиями. Так, в послесловии к известной Иосифовской Кормчей, которая начата печатанием по повелению государя, по совету и благословению патриарха Иосифа в 1649 году 7-го ноября, говорится: «буди вам, христоименитому достоянию, всем известно: яко да союз мира церковного твердо, в душе кротости хранится и да не будет, несогласия ради, распри в церковном телеси, сего ради, многие переводы сия святые книги, Кормчии, ко свидетельству типографского дела, собрани быша; в них же едина паче прочих, в сущих правилах крепчайши, *наипаче же свидетельствова ту книгу греческая Кормчая книга*, Паисии патриарха святого града Иерусалима, яже древними писцы написася за многие лета, ему же, патриарху Паисии, в та времена бывшу в царствующем граде Москве»²⁷. В послесловии к Шестодневу 1650 года говорится: «подобает ведати, яко же в книге сей указы о ипокоях, на повечернях по трисвятом, и на полунощницах по трисвятом же, и по шестой песни, вместо воскресных кондак, указаны наряду кондак – заступнице христианом, отложить подобает. Глаголати же вместо того и на повечернях и на полунощницах и по 6 песни, егда не поется святому полиелеос, непременно воскресные кондаки, высоты ради воскресного дне: ипакый бо точию по непорочных глаголются, *понеже и во греческих переводах по сему же уставу обретохом*, еже воскресные кондаки на тех

местах глаголати. *Сего ради и последующе сему, такоже указахом и положихом в конец книги сия.* Наряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о сем, *зане с прежних переводов печатано, а греческих еще не видехом*». Т. е. справщики заявляют, что положенные ими «в самой книге указы вместо воскресных кондаков петъ, в означенных случаях, кондак Заступнице усердная», следует оставить и петъ воскресные кондаки, как это показано на двух последних припечатанных после листах книги. Эту перемену они производят потому, что так найдено ими положенным в греческих книгах. В самой же напечатанной ими книге «Шестоднев» эти перемены не произведены потому, что во время печатания книги у них еще не было под руками греческих книг, и им пришлось печатать с прежних переводов, греческие же книги явились у них тогда, когда печатание Шестоднева уже было кончено. – В послесловии учительного Евангелия, изданного в Москве в 1652 году, по благословию патриарха Иосифа, справщики заявляют: «к сему же да неусумнишия православный читателю, егда обрящеши в святой книзе сей исправления речений, в клонении изменена и другая таковая, и возмнится нова быти и самосмышлена, но несть сие: понеже за их же святительским благословением со многих переводов свидетельствованне неправлена суть; переводы же собраны быша: един святыя соборныя великия церкви пресвятыя Богородицы Успения, и другой – Чудова монастыря и чудотворца Алексий, и два Симона монастыря, древних писм, к сим же *ин Острожския печати*»²⁸.

Таким образом, еще до патриаршества Никона книжная справа у нас, благодаря царю и Стефану Вонифатьевичу, уже прочно была поставлена на совершенно новых началах: при издании церковно-богослужебных книг стали справляться с греческими книгами, ими проверять наши прежние издания и, в случае разногласия славянских переводов с греческими подлинниками, стали давать решительное преимущество последним. Кроме греческих книг, стали прибегать еще к сличению московских изданий с южно-русскими, как более исправными в некоторых отношениях, чем старые московские.

Очевидно, Никону впоследствии приходилось только продолжать книжные исправления в том духе и направлении, как это было налажено уже до него.

Помимо приглашения ученых Киевлян решено было еще в самой Москве основать такую школу, в которой бы преподавался греческий язык, почему стали искать подходящего для школы учителя грека. Когда в 1649 году в Москву приезжал иерусалимский патриарх Паисий, а с ним его дидакал грек Арсений, который ранее жил в киевской Руси и знал славянский язык, то Арсений был оставлен в Москве для предположенных книжных переводов и исправлений, а так же и для учительства. В то же время государь обратился с особой просьбой к иерусалимскому патриарху Паисию, чтобы он, возвратившись из Москвы на восток, позаботился приискать там между учеными греками благонадежного учителя и прислал его для учительства в Москву. Об этом свидетельствует грамота патриарха Паисия к государю в 1652 году, в которой он, посылая в Москву, в качестве учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавриила, пишет: «повелели нам, богомольцу вашему, радети и обрести единого учителя премудрого и православного, и не имел бы никакого пороку во благочестивой вере, и был бы далече от еретиков, и послати б нам ево ко святому вашему царствию поклониться, да учинит учительство и учит эллинский язык, якоже она есть древня от иных язык, понеже она корень и источник другим»²⁹. В то же самое время, очевидно под давлением царя и Стефана Вонифатьевича, и патриарх Иосиф должен был показать заботливость относительно устройства в Москве греческой школы. Грек Иван Петров в 1649 году писал патриарху Иосифу: «даю ведомость о некотором учителе смышленном эллинскому языку и рассудителя евангельскому слову, и имя ему Мелентий, прозвище Сирих, что такова учителя второго не обретается во всей вселенной и ни в котором месте. И дал свое слово – хотел придти сюда к благочестивому царю и к святейшеству вашему, а будет благоволение благочестивого царя и великого князя Алексея Михайловича, самодержца всея Руси, и произволением

святительства вашего, изволите дати грамоту мне, да он придет сюда, и челом бью, да мне о том учини указ и подай ответ»³⁰.

Приглашением ученых переводчиков книг и приисканием на православном востоке учителей греков для предположенной в Москве школы не ограничились, а пошли, в деле сближения с православным востоком, значительно далее.

В Москве решительно отсутствовала церковная проповедь и всякое вообще церковное учительство. Правда, ревнители уже заводили в церквях чтение для народа поучений – отеческих произведений, или житий святых. Но это были именно чтения, иногда малопонятные для слушателей, чтения о материях крайне далеких, а иногда и совсем чуждых интересам тогдашнего общества, которое нуждалось не в чтениях по книжке, а в устной, живой настоящей проповеди, на более или менее жизненные и современные темы. Так как у наших ревнителей не было достаточного умения составлять и говорить такие проповеди, то решились, чтобы познакомить московское общество с характером настоящей живой проповеди, прибегнуть к помощи приезжих образованных греков. В Москву, 8 декабря 1650 года, прибыл назаретский митрополит Гавриил, игравший деятельную и важную роль посредника между Хмельницким и московским правительством по вопросу о присоединении Малороссии к Москве и хорошо знавший русский язык. Ему поручено было проповедовать в московском Богоявленском монастыре, где он остановился, и где он действительно сказал ряд устных церковных проповедей (из них нам известны четыре проповеди). Особенного внимания заслуживает его проповедь, сказанная им в 1651 году, в праздник Пятидесятницы, причем современный списатель его проповедей счел нужным сопроводить свой список таким замечанием: «глаголаше же сие поучение изоуст вслух всем людем. Отпев божественную литургию». Это поучение назаретского митрополита касалось особенностей тогдашней русской жизни, и, несомненно, имело прямую связь с обличительными и реформационными стремлениями тогдашнего московского кружка ревнителей благочестия, сказано было с их согласия и одобрения. Вот что слышали о себе москвичи с церковной кафедры из уст

приезжего греческого иерарха: рассуждая о спасительности и важности крещения, откуда-де произошло и самое название христиан, проповедник говорит, обращаясь к своим слушателям – москвичам: «самых же себе нарекосте болярами, и не Божиих сынов, но сынов боярских любете себе пред человеки нарицати»; что же касается низших себя – «меньших братий своих сущих» – то их называют небесным званием – «христианми» (т. е. крестьянами), но этим названием «яко бы их охуждают, зане поручены им суть, и от их трудов хранилища своя исполняют и пространно питают». Между тем всякая душа, не именующая себя христианином вдовица есть, лишившаяся жениха, «наипаче пространно питающаяся лихоиманием от трудов кровавых меньших подручников». Приглашая всех не гнушаться званием христианина, проповедник восклицает: «устыдися прочее о сем, о любимче, и воскресни от мертвых сих дел и изыди от мрака гордыни суетного гроба тьмы бесовского самомнения»; Царь и Творец всяческих не стыдится нарицать нас своею братиею, «ты ж стыдишия по Адамлю естеству и по духу благодати подручников своих меньшею братиею их себе нарицати. И что глаголю: и священником, иже вас крещением сынами Божиими творят, и пречистые дары божественного таинства преподают, и тем вас с Богом общают, – зане ж раби Бога Живого суть – вы ж с рабы своими равно их вменяете. Но ты кто, судяй чуждему рабу? Священника не почитавши, священника охуждавши; но слыши слово Его, реченное во пророцех: моих мне отмщение, глаголет Господь; и аз о моих воздам». Впрочем, оговаривается проповедник, не одни знатные заслуживают обличения, «но и во общих и простых людех многomu исправлению подлежаще: недугу лютой болезни пьянства, во иных же сребролюбивый нрав и непреклонный к милостыни, яже к нищим, иных же блудодеянием и иными многими студеяния, и лстивым обычаем, и лицемерным човекоугодием, и небратолюбием и несогласием сего сродства Божиаго небесного благородия светло помрачают и охуждают, и тако ругающесе, ох горе, сими злыми делы Творцу своему досаждают и небесного звания на прекрасное имя христианское хулу от иноплеменник наносят, по

глаголющему: вами бо, рече, имя мое хулится во языцех». После этих обличений проповедник взывает к слушателям: «престаните от злоб ваших и научитесь добро творити, вы бо есте людие Божие, и язык свят, царское священство, яко ж раби и сыны Божии по благодати. Общее братолюбие нелицемерно друг ко другу имуще, в смиренномудрии со страхом каждый особне, дело и талант ему от Бога врученный, делает: держащий скипетра и диадему царствия, яко истиннии раби Божии, да не туне мечь носит, но на отмщение злых, и да не полагает сего на земли, но присно в деснице своей держай, да посылает его на отмщение иноплемennых язык, расхищающих стадо Христово и умаляющих достояние его; токожде же и да потрясует им над главами всякого хищника, и лихоимца, и посульника, и на мзде суд творящих, и на обиду творящих на неповинных, и на всякого насильника и еретика. И тако бо душа их избавляти страхом от смерти, зане страха Божия не стяжаша, поне страхом слуга Божияго царя уцеломудрятся и в чувство приидут». Поучив бояр, народ и самого царя, проповедник обращается с поучением к епископам и священникам: «церковные пастырие – святители и наставницы, учителя и проповедницы слова Божия – священники, врученный им от Бога талант духом кротости и всяким смиренномудрием и негорделивым нравом, но благим приветом люботщательне да делает в винограде Христове, нелепостно, ниже на мзде, ибо мздоимание проклятая ересь симонианская наречется, еюже безумнии продают Дух Святой, – Июда бо Христа Бога ставы по плоти продаде, симоняне Дух Святой продают». Убеждая епископов ставить священников не на мзде, проповедник далее убеждает их духовные пищи – святое учение чистого и правоверного восточного благочестия слово не человекоугодное преподавать – нищим и богатым, и всех бы их равно, яко чада своя духовная от чистаго сердца любити, и начасте их назирать во градах и во весях и по домом, да не плевелы и лядиша в них лукавого беса вкоренившись, пуст и неплодети сотворит виноград Господа Саваофа, его же содела кровию Сына своего, и тогда от рук ваших крове душ овец своих и сребра своего с лихвою взыщет. Подобает, продолжает

поучать проповедник русских архиеереев, пастырем трезвость и бодрость и многое внимание имети, и дабы им нещадно казнити ленивых и пьяных попов и чернцов десными и шуями, временне и безвременне, обаче кротостию духа и страхом спасти и от огня исхищающе». Затем проповедник обращается к поучением к священникам: «такожде и попове, говорить он, приходным своим – чад духовных в злобах их, в пианствах же и сребролюбиех, и в леностех и нечистотех их, нимало бы им в тех не поблажати, ниже попушати, наипаче же самих себе образ им к добрым делам показывати, и тако себе спасут и послушающих их». Не оставил проповедник без назидания и иноков и, особенно, монастырские власти. «Изрядне же, говорит он, отрекшиеся мира и мирских – чернцы, обет свой, его же пред послухом ангельским и человеческим Богу в залог дадоша, да присно тцание к тцанию прилагающе, на духовный подвиг подвизаются, взирающе на прежних святых отец, в повиновении наставников своих и отец духовных, в посте ж и нищете духовней, а не в пианстве и распусте и в непокорении, на таковых бо, рече, грядет гнев Господень на сыны непокорствия. Еще ж и начальники иноком в целомудрии и кротости и истины да строят святые монастыри со всяким вниманием и страхом Божиим, помышляюще себе самих пришельцами и странниками на земли быти, и изгнанными от грехов из мира и мирских. А еже врученное им имение монастырское, не своим да помышляют имети, по глаголющему: яко вся имуще и ничто-же содержаще; и ниже то своим сродником по плоти раздовати, и богатых и великих бояр тем друзей себе набывати, да не со святокрадцем Иудею осуждение и муку приимите, но паче на удовольствие братии и монастырскую потребу, то да строете с советом старцев монастырских в чисте совести своея; якож и оных блаженных трех отрок вавилонстия пещи огонь чистых и девственных не опали; тако бо и ваших неповинных рук, или паче: душ и совестей от монастырского стяжание невредимых быти, и тако наследницы будете обнищавшаго вас ради Христа, и достойную мзду с мудрыми строители в радости от него восприимите и в день воздаяние». В заключение слова проповедник призвав всех: бояр, богатых нищих и убогих к

взаимной любви между собою, к повиновению церковному закону, благочестивому и христианскому царю, чтобы быть истинным телом Христовым, домом и жилищем Св. Троицы, – сильно порицает всех неверующих в Св. Троицу: евреев, ариан, гусианы», социан и «проклятых могометан»³¹.

Приведенное нами поучение приезжего в Москву за милостыней назаретского митрополита Гавриила, сказанное им в Москве в 1651 году, поучение с довольно резким обличительно-учительным характером, обращенное им ко всем русским, как к высшим, так и к низшим, как к мирским, так и духовным, не исключая самих архиереев, ясно показывает, что отношение к грекам, по крайней мере, высшего Московского правительства, уже сильно изменилась даже сравнительно с очень недавним временем, когда на приезжих к нам греков большинство и в Москве смотрело очень подозрительно, а некоторые священники даже не пускали их в свои храмы. Смелое поучительное обращение греческого митрополита в слове к самому царю, чтобы он постоянно держал меч в руках для поражения иноплеменных, наказания всяких насильников, злых и порочных, а также еретиков, показывает, что слово ранее прочитано было государю и публично произнесено было с его разрешения и одобрения. В противном случае приезжий греческий иерарх милостыне-собиратель никогда бы не решился публично проповедовать в Москве с церковной кафедры в резком обличительном тоне. Самое большее, на что бы сам по себе мог отважиться приезжий в Москву греческий иерарх – это льстивое, напыщенное прославление русского царя, русского благочестия, публичное признание русских светом и опорой всего православия.

И в сфере чисто церковных установлений царь и Стефан Вонифатьевич, еще за несколько лет до патриаршества Никона, уже выступают на тот путь церковных исправлений, какие потом стал производить Никон. Именно: царь воспользовался приездом в Москву иерусалимского патриарха Паисия и советовался с ним о посте в четьредесятницу и относительно времени совершения литургии и, вероятно, по другим церковным вопросам, в видах приведение к единству нашего

церковного устава и всей церковной практики с тогдашними греческими порядками и практикой, намечая этим характер будущей реформы Никона и, в известном смысле, предваряя ее. Об этом соглашении государя с патриархом Паисием по некоторым вопросам, мы узнаем из письма к государю самого патриарха Паисия, который пишет: «относительно святой четыредесятницы царствие твое изволил послать своего боярина просить нас, чтобы мы относительно ее учинили соглашение со святейшим патриархом, братом и сослужителем; и я сказал, что в продолжении всего года должна совершаться божественная литургия в два часа, а в святую четыредесятницу, которой научил нас Господь наш Иисус Христос, должно поститься до отпуска вечерни, так как она есть одесятствование всего года, дабы исповедывались христиане для заглаждения грехов и очищение душ, если что они содеяли во весь год... Я же, долгоденствующий царь, сказал твоему боярину, чтобы было так, как решено тобой, ибо в праздник святого я спросил твое царствие о литургии, и ты приказал, как пишет устав... и я, услышав твое царское слово, что указал следовать уставу, очень возрадовался"... ³².

В то же время, в видах более широкого проведение в будущем задуманной церковной реформы, в видах подготовки для нее более обширного и на месте собранного материала, царь посылает на восток, вместе с отъезжавшим туда из Москвы Иерусалимским патриархом Паисием, известного старца Арсения Суханова, которому государем поручено было составить «описание святых мест и греческих церковных чинов», как он их найдет, хорошо ознакомившись с ними на месте.

В 1651 году наше правительство пошло в указанном направлении далее. Патриарх Иосиф, несомненно, под давлением царя и Стефана Вонифатьевича, принужден был обратиться к константинопольскому патриарху за разрешением некоторых возникших у нас церковных вопросов и, главным образом, вопроса о единогласии в церковных службах, чем решительно и ясно было признано, что в случае возникновения у нас сомнений и разногласий по вопросам нашей церковной

практики, русские должны обращаться к представителю греческой вселенской церкви – константинопольскому патриарху, которому и принадлежит решающий голос по возбужденным вопросам.

Наконец, незадолго до смерти патриарха Иосифа, царь Алексей Михайлович сделал еще один в высшей степени важный шаг: он велел на многолетия, вместе с московским патриархом, поминать и вселенских греческих патриархов. Июня 11-го 1652 года Никон, тогда еще новгородский митрополит, с пути, при возвращении из Соловецкого монастыря с мощами св. Филиппа митрополита, пишет государю: «а что во многолетии и вселенских патриархов поминать, и то зело благо, как ты государь писал»³³. Это распоряжение царя, чтобы на многолетия поминались вселенские патриархи, было публичным, торжественным признанием полного единения русской церкви со вселенской греческой, публичным вслух всех признанием тогдашних греческих патриархов такими же православными, как и московский патриарх.

Таким образом, царь Алексей Михайлович и его духовник протопоп Стефан Вонифатьевич, еще в патриаршество Иосифа, уже наметили, очень ясно и определенно, характер будущей церковной реформы, которую должен был совершить потом преемник состарившегося Иосифа. Они вызвали из Киева ученых книжных справщиков, которые еще при Иосифе уже начали в Москве исправлять книги по греческим и южнорусским изданиям. Для этой же цели в Москве был оставлен и известный Арсений грек, которым потом, как и учеными киевлянами, Никон воспользовался для книжной справы. Греки еще до Никона допущены были у нас до публичного церковного учительства, чтобы показать русским пример живой устной проповеди, нами было забытой. Еще до Никона царь усиленно заботится об устройстве в Москве школы, в которой бы преподавался греческий язык, почему и разыскивает на востоке подходящего греческого учителя. Еще до Никона наше правительство вступает с приезжавшим в Москву иерусалимским патриархом Паисием в соглашение по некоторым церковным вопросам, принимая во внимание

сделанные им указания и разъяснения. Но этого мало. Еще до Никона у нас уже обращаются к константинопольскому патриарху за решением некоторых возникших в нашей церковной практике вопросов, и тем открыто признают в делах русской церкви высший авторитет греческой вселенской церкви, ее право делать нам указания и разъяснения. В видах будущего согласования всей нашей церковно-богослужебной практики с тогдашней греческой, на православный восток посылается нарочитый человек – Арсений Суханов, который обязан был точно и беспристрастно описать все греческие церковные чины, какими он их найдет у тогдашних греков. Наконец, в Москве начинают на многолетия торжественно поминать греческих патриархов, чтобы тем публично засвидетельствовать, что русская церковь признает современных греческих патриархов вполне православными.

Очевидно, церковная реформа, в смысле теснейшего единения русской церкви с тогдашней греческой, в смысле согласования русских богослужебных книг, чинов и обрядов с тогдашними греческими, задумана была царем Алексеем Михайловичем и его уважаемым духовником Стефаном Вонифатьевичем, и что они, еще до патриаршества Никона, уже усиленно готовили почву и средства для ее выполнения в определенном духе и направлении.

Из сказанного понятным становится, какую особую исключительную важность придавали царь и Стефан Вонифатьевич тому лицу, которое должно было занять место патриарха Иосифа. Последний догадывался, а вероятно, и положительно знал, о планах царя, о том, что он, Иосиф, занимая патриарший престол, мешает новым деятелям, которые с нетерпением ждут, когда он освободит патриаршую кафедру своему преемнику. Иосиф даже стал думать, что его низведут с патриаршества: «переменить меня, скинуть меня хотят, говорил он в последнее время своим приближенным». Но царь, в письме к Никону о смерти патриарха Иосифа, решительно отрицает справедливость подозрений Иосифа о его низвержении: «а у меня, пишет царь, и отца моего духовного, Содетель наш Творец видит, ей ни на уме того не бывало; и

помыслить страшно на такое дело»³⁴. Вероятно, царь и Стефан Вонифатьевич действительно вовсе не думали о низвержении Иосифа, но, ввиду его старости и болезненности, конечно, думали и говорили между собою о необходимости заранее наметить в преемники Иосифу такого человека, который бы вполне разделял их воззрение на предстоящую задуманную ими Церковную реформу, и чтобы он обладал такими личными силами и средствами, которые бы дали ему возможность твердо и решительно провести эту реформу в исполнение. Они необходимо искали вокруг себя подходящее лицо, и их внимание остановилось на новоспасском архимандрите Никоне, который, казалось, по своим качествам вполне подходил к той роли, какую предназначалось выполнить будущему патриарху.

Никон был, бесспорно, замечательно умный и богато одаренный от природы человек: живой, восприимчивый, сильно увлекающийся и энергичный, способный своими выдающимися качествами и всей своей личностью производить на других сильное впечатление. Он был учителем и умел хорошо говорить поучения и речи на различные случаи, он обладал обширной начитанностью и прекрасной памятью, что давало ему возможность в своих речах ссылаться на библейско-церковно-исторические примеры, на свидетельства отцов и учителей церкви. По природе он был широкая натура, способная действовать не по шаблону, способная увлекаться новым, оригинальным, грандиозным. Строит он, например, монастыри, но не так, как другие: в одном он воздвигает храм по образцу храма старого Иерусалима и самый монастырь называет Новым Иерусалимом; другой строит по подобию афонского и называет его Иверским, населяет его монахами южно-русскими выходцами, заводит в нем типографию, а в своем Новоиерусалимском монастыре устанавливает церковные службы на греческом языке Киевскими напевами. Проживая в Москве в качестве новоспасского архимандрита, он, как человек умный и восприимчивый, сближается здесь с учеными киевлянами и греками, начинает понимать и ценить их и, сделавшись патриархом, выдвигает их, привлекает к решению церковных дел и опирается на авторитет их учености и знаний.

Даже в обычной обстановке Никон любил все необычное, выдающееся, красивое. Так, в Новгороде он выстраивает новый хороший архиерейский дом, строит в Москве новый по тому времени роскошный патриарший дом. Никон любит, являясь всенародно в качестве патриарха, торжественную и возможно пышную обстановку: его патриаршие облачения отличались необыкновенной роскошью и их было очень много (одних сакосов до ста). Словом, во всем и всюду он проявлял незаурядную натуру, оригинальность, ум и вкус. Поселившись в Москве, он заявил себя здесь очень видным и выдающимся общественным деятелем: как новоспасский архимандрит, он играл при царе эффектную роль ходатая и заступника за всех бедных, несчастных, обездоленных, что делало его очень популярным. Став потом новгородским митрополитом, Никон показал себя выдающимся для того времени епархиальным архиереем: он ввел в Новгороде единоголосное истовое церковное служение, ввел в церковном пении киевские напевы, которые так любил, говорил к народу поучения, что для того времени было мало обычно. Он строил в Новгороде богадельни, кормил голодных и нищих, щедро раздавал милостыню, лично посещал заключенных в темницы, заступался за неправильно осужденных, заботился поднять престиж всего духовенства в глазах паствы, смело, во имя законности и порядка, боролся с бунтовавшей народной массой, рискуя при этом быть убитым. Естественно, что всеми этими блестящими качествами, выдающейся незаурядной деятельностью, Никон производил сильное и благоприятное впечатление на царя и на Стефана Вонифатьевича.

Но при своих блестящих природных дарованиях Никон, в то же время, по общему характеру строя всей своей умственной жизни, по приемам и способу своего мышления, по основам своего общего мирозерцания, по пониманию православия и благочестия, по своей малой способности вращаться в сфере высших христианских истин и знаний, был настоящим сыном своего времени, и в этом отношении ничем существенно и коренным образом не разнился от своих друзей, а потом врагов – Неронова, Аввакума и др. Он даже, как и они, был такой же и

сновидец, и целитель, и чудотворец. В существе дела Никон-реформатор оставался тем же типичным старым московским начетчиком, подчас очень односторонним и узким в деле понимания веры и благочестия, как и его противники. Как и у них, его мысль и благочестие были прикованы, по преимуществу, к внешней стороне религии: к ее обряду, к тому или другому церковному чину и обычаю, почему и его благочестие обязательно и неразрывно соединялось у него только с определенной внешней известной формой выражения, – изменение этой формы являлось в его понимании изменением самого существа благочестия. Ему, как и всеми тогдашним начетчикам, недоставало, при их выдающихся природных дарованиях, самого главного: систематического правильного обучения, научных знаний, умения изучить предмет критически, умения в делах веры и благочестия существенное отделить от несущественного, важное от неважного, веру и учение от обряда, того или другого исторически сложившегося церковного чина, устава, просто обычая. А все это известным, не особенно благоприятным образом, должно было отразиться впоследствии на всей его церковно-реформаторской деятельности. К этим интеллектуальным особенностям Никона присоединялись еще и некоторые особенности его нравственного характера, которые с особой силой сказались, когда он сделался патриархом. В Никоне-патриархе сказался человек очень властный, гордый и суровый, человек самолюбивый, неуступчивый и нетерпимый к мнению других, а в то же время человек очень увлекающийся, и потому недостаточно устойчивый в самых своих убеждениях и, особенно, в своих симпатиях и отношениях к другим, способный часто действовать под влиянием просто гнева или неудовольствия, и вообще тех или других случайных и чисто внешних впечатлений. Впрочем, все эти отрицательные качества выступили у Никона с особой рельефностью только впоследствии, когда он сделался патриархом: ранее их не замечали, и потому Никон, как бесспорно-выдающийся во всех отношениях человек, и был назначен царем и Стефаном Вонифатьевичем в патриархи на место Иосифа.

Если царь и Стефан Вонифатьевич видели в Никоне вполне подходящего по своим качествам человека, который с успехом мог выполнить их план о полном единении русской церкви с вселенской греческой, об уничтожении у нас в церковной практике всего, что препятствовало доселе этому единению, если они уже заранее подготовили для такой реформы почву и средства, а также указали и тот путь, каким должен следовать будущий патриарх для достижения намеченной цели; то понятно, что предназначая Никона в преемники Иосифу, они предварительно должны были получить твердую и несомненную уверенность, что Никон, по своим воззрениям и убеждениям, есть действительно такой человек, который вполне разделяет их воззрение на современных греков, как на строго православных, на русские церковные особенности, несогласные с тогдашними греческими, как на уклонение от строго православных норм, которые сохранились только у греков; на русские церковно-богослужебные книги, как на испорченные русским невежеством, и потому нуждающиеся в их тщательном всестороннем исправлении по греческим подлинникам учеными киевлянами и греками. Словом, они должны были наперед увериться, что Никон будет иметь полную охоту действовать именно в том духе и направлении, в каком желали они. Но именно этого-то о Никоне и нельзя было сказать. Как и все провинциальные ревнители благочестия, Никон очень подозрительно относился к современным грекам и их благочестию, он думал, что истинное благочестие теперь сохранилось только у русских, а не у греков. Эти обычные тогда воззрения большинства русских на греков Никон, не стесняясь, высказывал открыто уже и тогда, когда он переселился в Москву и сделался здесь новоспасским архимандритом. Неронов впоследствии говорил патриарху Никону: «Святитель, иноземцев (т. е. греков) законоположение ты хвалишь и обычаи тех приемлешь, благоверны и благочестныи тех родители нарицаешь; а мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривал нам: «гречане-де и Малые Росии потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой-де и честь тех прельстила, и своим-де нравом работают, а

*постоянства в них необъявилось и благочестия нимало»*³⁵. Очевидно, если потом Никон, сделавшись патриархом, сразу заявил себя завзятым грекофилом, то значит, в его воззрениях на греков и их благочестие совершился в Москве, и притом в последнее время, крутой переворот, превративший Никона из порицателя греков в их поклонника и почитателя. Понятно, под чьим влиянием и воздействием совершился этот переворот у Никона. Поселившись в Москве, сблизившись с царем, Стефаном Вонифатьевичем и Ртищевым, Никон попал в грекофильствующую среду, выросшую в иных, чем он, воззрениях на греков, на взаимные отношения русской церкви к греческой. Как человек очень умный и восприимчивый, он не мог не присмотреться к этим новым для него воззрениям на греков и греческое благочестие, не мог не прийти к убеждению, что эти новые для него воззрения вернее его прежних, порожденных национальным самомнением, что они более соответствуют исторической действительности, исконным предшествующим историческим отношением русской церкви к породившей ее вселенской греческой. Он не мог не видеть, что при господстве его старых воззрений на греков и православный восток вообще, Россия не может быть тем единым православным царством, в которое войдут разрозненные и покоренные турками православной народности, о чем, однако, постоянно мечтали и проповедовали старомосковские книжники, порицатели греков и их благочестия. Словом, благодаря знакомству с царем, Стефаном Вонифатьевичем, Ртищевым, благодаря частым беседам с ними, Никон незаметно изменил прежние свои воззрения на современных греков как раз на противоположные, незаметно стал сочувствовать, стал принимать участие в планах царя и Стефана – об установлении теснейшего единения русской церкви с современной греческой, на почве согласования русских церковно-богослужебных книг, чинов и обрядов с греческими.

В этом же направлении на Никона действовали в Москве и другие влияния, окончательно убедившие его в правоте и необходимости церковной реформы, ранее в общем уже намеченной царем и Стефаном Вонифатьевичем.

Поселившись в Москве, Никон необходимо познакомился, благодаря царю и Стефану, с появившимися тогда в Москве новыми учительными книгами: Кирилловой и книгой о Вере, тем более что последняя и издана-то была Стефаном Вонифатьевичем. Знакомство с этими книгами, для Никона обязательное, естественно должно было убеждать его в ошибочности его прежнего взгляда на греков, как на потерявших истинное благочестие, должно было вести его к убеждению, что четыре восточные патриарха «право и неизменно веру, данную им от св. Апостол, и их учеников, и седми вселенских соборов, и поместных соборов, ни в чем не нарушающе, ни прикладая, ни отлагая проповедали и проповедуют, держали и держат (Кириллова книга); что российскому народу патриарха вселенского, архиепископа константинопольского, слушати, и ему подлежати и повиноватися в делах и в науце духовной есть польза и приобретение велие – спасительное и вечное» (книга о Вере). К этим воздействием новоизданных московских книг присоединились еще воздействия со стороны греков и киевлян.

27 января 1649 года в Москву приехал иерусалимский патриарх Паисий, который с обычным почетом принят был царем. Пред наступлением великого поста Паисий прислал в Посольский приказ лист, в котором, рассуждая о важности поста, и желая государю провести его здраво и радостно и неврединно, в конце своего рассуждения пишет и следующее: «еще пребываючи аз при вашей милости в прошлые дни, говорил есми со преподобным архимандритом спасским Никоном, и полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный и досуж и верный царствия вашего; прошу, да будет имети повольно приходить к нам беседовати по досугу, без запрещенія великого вашего царствия». После поставления Никона в новгородские митрополиты, Паисий снова прислал в Посольский приказ письмо, в котором восхвалял государя за такой удачный выбор. «Похваляем благодать, пишет Паисий царю, что просвети вас Дух Святой и избрали есте такого честного мужа, преподобного инокосвященника и архимандрита господина Никона, и возведе его великое ваше царствие на

святой престол святыя митрополии новгородские, и он есть достоин утверждати церковь Христову и пасти словесные овца Христова, якоже глаголет Апостол: таков нам подобаше архиерей, и будет молити Бога о многолетном здравии великое ваше царствие». В заключение Паисий выражает желание, если позволит государь, подарить Никону одну мантию от святых мест. С несомненностью можно предположить, что в беседах между Паисием и Никоном затрагивались те именно церковные вопросы, которые касались разностей, какие тогда существовали между русской и греческой церковно-обрядовой практикой, причем Паисий старался убедить Никона в правоте тогдашней греческой практики и в необходимости, в видах полного единения церквей, согласовать с нею практику русской церкви. Что свои беседы с Никоном Паисий вел именно на этой почве, видно из того, что подобного же рода беседы Паисий вел и с самим царем, а с патриархом Иосифом он, по приказанию царя, даже «учинил соглашение» относительно поста в четьредесятницу и времени совершения литургии. Впоследствии сам Никон заявлял, что Иерусалимский патриарх Паисий зазирал его за разные церковные вины и, между прочим, за неправильное изображение крестного знамения. Конечно, беседы Никона с Паисием происходили по желанию царя и Стефана Вонифатьевича, которые имели в виду этим путем утвердить Никона в убеждении, что современная греческая церковь так же православна, как и древняя, и что не русские, а греки должны быть образцом при упорядочении нашей церковно-обрядовой практики. Вероятно и сам Никон, уже ранее признавший ошибочность своего прежнего предубеждения против греков, стремился личной беседой с иерусалимским патриархом проверить свои новые воззрения и убедиться в их правильности, и эти беседы, несомненно, имели очень большое влияние на окончательную уверенность Никона в правоте его новых воззрений на современных греков. Что же касается патриарха Паисия, то его желание поближе сойтись с Никоном и оказать на него воздействие в интересах греков и всего греческого, было вполне естественно. Никон был любимцем царя, самым близким к нему человеком и, следовательно, мог

расположить царя к удовлетворению всех просьб Паисия о помощи бедствующему св. Гробу. С другой стороны, патриарх Паисий не мог не видеть, что Никон в скором будущем будет играть в русской церкви выдающуюся и, вероятно, исключительную роль, и потому со своей стороны употребил все усилие обратить Никона в друга греков, постарался рассеять в нем все старые неосновательные предубеждения против греков и убедить его, что греки сохранили православие, благочестие и весь церковный чин и обряд в своем первоначальном, неповрежденном виде и чистоте. И так как это убеждение Никона Паисий к тому же сопровождал особыми похвалами выдающимся качествам ума и сердца Никона, а Никон никогда не был равнодушен к расточаемым ему похвалам, то он, после бесед с Паисием, окончательно примкнул к программе грекофильской церковной реформы, ранее намеченной царем и Стефаном Вонифатьевичем.

Своими только личными беседами с Никоном патриарх Паисий не ограничился. Он решился воздействовать на русское правительство, и в частности на Никона, в видах дальнейшего укрепления его в грекофильском направлении, с помощью других лиц, нарочито присылаемых в Москву. Так, в 1650 году в Москву прибыл, посланный Паисием, назаретский митрополит Гавриил. Он, как мы знаем, занимался в Москве церковным проповедничеством, а также книжными переводами и в то же время, с разрешения царя, вел беседы с Никоном, настаивая как знающий славянский язык, на неисправности русских церковно-богослужебных книг и необходимости их исправления с греческих подлинников, указывал на некоторые неправые русские обряды и на необходимость их исправления согласно с обрядами, существовавшими в греческой церкви. На такого рода зазирания назаретского митрополита впоследствии ссылался сам Никон, в оправдание проводимой им церковной реформы. Но и посылкой в Москву назаретского митрополита патриарх Паисий не ограничился. Сопровождавший его из Москвы известный старец Арсений Суханов, затеял с греками в Молдавии известные свои прения о вере, причем резко высказал тот взгляд, что греки потеряли уже истинное

благочестие, которое теперь сохранилось только у русских, что самое православие современных греков сомнительно. Для противодействия этим взглядам и для поддержания уже намеченной в Москве грекофильской реформы, патриарх Паисий решил послать в Москву такое доверенное и авторитетное лицо, которое бы способно было убедительно разъяснить русским ошибочность и полную несправедливость их подозрительного отношения к правоверию и благочестию современных греков, убедило бы их в необходимости привести русский церковный обряд в полное соответствие с тогдашним греческим. Таким человеком был митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, человек ученый, знавший языки греческий и славянский, ранее уже хорошо известный в Москве, так как он присылал в Москву книги, писанные на греческом и славянском языках, а также и разные отписки с тайными политическими вестями. При этом Гавриил Власий был знаком и с теми церковными вопросами и недоумениями, решением которых, предполагалось, ему придется заняться в Москве. Он не только был свидетелем прений Арсения Суханова с греками о вере, но и сам принимал в этих прениях непосредственное личное участие и, значит, уже ранее был несколько подготовлен к своей особой миссии в Москве. В октябре 1652 года митрополит Гавриил Власий прибыл в Москву, причем патриарх Паисий, в своей грамоте государю, рекомендует Власия как «премудраго учителя и богослова великие церкви Христовы», что «такова в нынешних временах в роде нашем не во многих обретаецца», что он уполномочен, «в котором месте ни будет, *отвещати за нас во всех благочестивых вопросах православные веры нашея*». Со своей стороны, бывший Константинопольский патриарх Иоанникий, в особой грамоте царю, заявлял, что Гавриил «и богослов и православный в роде нашем, и что произволит великое ваше царствие от него *вопросити от богословия и изыскания церковного, о том ответ будет держати благочестно и православно*, яко же восприяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь». Очевидно, митрополит Гавриил Власий был послан в Москву Паисием, между прочим, и с особой специальной целью:

отвечать «от богословия и изыскания церковного» на все те вопросы, какие, предполагалось, ему будут предложены в Москве. Как митрополит Гавриил Власий выполнил свою миссию в Москве мы, к сожалению, не знаем. Очень вероятно, что он вел с Никоном, только что сделавшимся патриархом, беседы «от богословия и изыскания церковного», относительно особенностей русского обряда и чина, о необходимости их немедленного приведение в полное соответствие с тогдашними греческими чинами и обрядами, особенно ввиду того, что эти обрядовые разности, как показали прения Арсения Суханова с греками о вере, подают повод некоторым русским подозрительно и даже прямо отрицательно относиться к православию современных греков. Вероятно, эти беседы с митрополитом Власием, человеком ученым и уже ранее подготовившимся к таким беседам, вызвали в Никоне окончательную решимость немедленно заняться исправлением русского церковного чина и обряда. По крайней мере, вскоре после отъезда из Москвы митрополита Гавриила Власия (он выехал из Москвы в феврале 1653 г.) Никон, ввиду наступившего великого поста, издал свое первое известное реформационное распоряжение о поклонах и перстосложении для крестного знамения³⁶.

Наконец, был еще один фактор, который оказал сильное влияние если не на самую перемену в воззрениях Никона на греков, то на характер и выполнение его будущей реформы. Это были приехавшие в Москву в 1649 году, вскоре после отъезда иерусалимского патриарха Паисия, ученые киевляне, и из них по преимуществу ученейший Епифаний Славинецкий. Дело в том, что при митрополите Петре Могиле в киевской Руси совершилась та же самая церковная реформа, которая произведена была потом Никоном в Москве: и в Киеве, как и в Москве, исправлялись церковные книги с греческих, церковные обряды и чины приводились, по возможности, в полное соответствие с греческими чинами и обрядами. Ввиду этого вполне естественно было, что ученые киевляне, перебравшись в Москву, явились здесь поборниками той же самой церковной реформы, какую они уже пережили у себя на родине, тем более

что московские церковные особенности служили для многих москвичей поводом и основанием заподозривать православие не только современных греков, но и киевлян. Со стороны последних поэтому вполне естественно было желать, путем церковной реформы в Москве, снять с себя нарекания москвичей в уклонении от строгого православия. В одной исторической записке, конца XVII века, о деятельности Епифания рассказывается, что он, прибыв в Москву, стал сличать греческую библию со славянскими переводами и нашел последние очень неисправными, почему и стал заявлять вслух всем, что стыд для православных славян не иметь у себя хорошего перевода Библии. «И оттуду, заявляет записка, вину прием святейший Никон патриарх нача с греческих правити книги славянския, по тогожде мудрейшаго иеромонаха Епифания рассмотрению и извещению, яко книга Литургиарий премного не согласоваше в самом священнодействии с греческим святыи литургии. И тако мало-помалу мудрого и православного сего Епифания словеса доидоша в слухи и самого благочестивейшаго государя, царя и великого князя, Алексея Михайловича, всея великие и малые и белые России самодержца, что в словенской Библии премногая суть прегрешения в речениях и разумении, не от хитрости, но от простоты и неведения, и несогласие величайшее с эллинской седмдесятих переводников, преведших древле при Птоломее Филиаделфе, египетстем царе, с еврейскаго на эллинский диалект»³⁷. Заявление записки об Епифании, как первом, подметившем испорченность славянских переводов Библии, вовсе неверно, так как Епифаний и вызван был в Москву именно потому, что тут уже признана была несостоятельность переводов старославянских Библии и необходимость ее нового перевода с греческого. Неверно и то известие записки, что будто бы благодаря именно разъяснению Епифания, Никон пришел к мысли исправлять наши богослужебные книги с греческих; к этой мысли пришли в Москве, как мы знаем, ранее прибытие Епифания. Но не считая Епифания инициатором в книжных Никоновских исправлениях, не приписывая ему на Никона того влияния, какое усвоит ему указанная записка, нельзя, однако,

не признать того, что Епифаний, с которым хорошо был знаком Никон, равно как и другие ученые киевляне, могли иметь значительное влияние на окончательную решимость Никона начать церковную реформу в известном направлении, что они своими знаниями и разъяснениями могли сообщить Никону большую уверенность в правоте и полезности дела реформы, могли воодушевлять его указанием на пример южной Руси, совершившей у себя, при Петре Могиле, ту же церковную реформу. Мы уже не говорим о том, что в деле самых книжных исправлений, киевляне, благодаря своим знаниям и научному образованию, были самыми компетентными и полезными советниками и пособниками Никона, который, без образованных и сведущих людей, хорошо знающих греческий и славянский языки, не мог бы произвести и самой реформы, так как Никон не знал греческого языка и сам лично не мог руководить всеми частностями и подробностями книжных исправлений.

Таким образом, под влиянием царя и Стефана Вонифатьевича, и, затем, под влиянием иерусалимского патриарха Паисия, назаретского митрополита Гавриила, митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия, и под влиянием выезжих и в Москву ученых киевлян, Никон окончательно изменил свои старые воззрения на греков и греческое благочестие, сделался поклонником и великим любителем всего греческого, готовый, со свойственной ему энергией, страстностью и увлечением, проводить свои новые воззрения в жизнь. Значит, Никон теперь созрел в отношении настолько, что царь и Стефан Вонифатьевич смело могли предоставить ему, по смерти Иосифа, патриаршую кафедру, в полной уверенности, что он поведет дело церковной реформы в том именно духе и направлении, как это было намечено ими ранее.

К московскому кружку ревнителей благочестия принадлежал еще очень видный и деятельный его член – любимец и доверенное лицо царя, друг и собеседник Стефана Вонифатьевича, постельничий и боярин Феодор Михайлович Ртищев. Всецело преданный интересам церкви, лично глубоко благочестивый, добрый и щедро благотворительный, радатель

обо всех бедных, больных, старых и несчастных, любитель всякого книжного чтения и почитатель людей ученых образованных, Федор Михайлович имел заметное влияние на деятельность и все направление кружка московских ревнителей. Ему и Стефану Вонифатьевичу все дошедшие до нас свидетельства согласно приписывают инициативу введения в московских церквях единогласия; Стефан по совету с Ртищевым вызывает в Москву Неронова, и делает его, как выдающегося народного проповедника, протопопом Казанского собора; Стефан советуется с ним и по поводу других церковных дел. Особенно заметную роль сыграл Ртищев в деле насаждения в Москве киевской учености и киевского влияния вообще. Он, говорит его житие, имел особую любовь к Киево-Печерской лавре, которой давал «милостыню немало», а это повело его к знакомству и сближению с киевскими монахами, между которыми находилось немало лиц, обучавшихся в Киевской академии. Еще в 1640 году Киевский митрополит Петр Могила, чрез своего посланного, предлагал устроить в Москве монастырь, населить его учеными киевскими монахами и с их помощью открыть при монастыре школу. Это предложение Могилы, чрез несколько лет, было осуществлено Ртищевым, который построил близ Москвы известный Андреевский монастырь, куда из Киевской лавры и других южно-русских монастырей переселил до тридцати иноков «в житии, и в чине, и во чине, и пении, церковном и келейном правиле изрядных». Конечно, при его деятельном участии были приглашены в Москву, в 1649 году, известные ученые киевляне: Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий и Епифаний Славинецкий. В 1652 году, по поручению Ртищева, с разрешение государя, путиловский соборный поп Иван привез в Москву из Киева Братского монастыря архидиакона Михаила, «да с ним спевак: Федора Тернопольского с товарищи – одиннадцать человек». Это киевские певчие, приглашенные в Москву только на время, «пошли в Андреевский монастырь на житье», а двум певчим: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому, как они сами заявляют в челобитной царю, «по твоему государеву указу велено писати твое государево дело: книгу Камень» и состоять

при Посольском приказе. Со своей стороны и архидиакон Михайло, по его собственному заявлению, занимался в Москве переводом книги учителя Августина, «которую, говорит он, велел мне переводить дьяк думный представившийся Михайло Юрьевич», и которую архидиакон действительно успел перевести в Москве до своего возвращения в Киев³⁸. Так энергично действовал Федор Михайлович в видах привлечения в Москву ученых, образованных киевлян, которые исполняют у нас самые разнообразные поручения правительственных лиц: занимаются книжной справой, книжными переводами, служат посольскому приказу, обучают московских певчих киевским церковным напевам, которые начинают получать у нас с этого времени значительное распространение. Понятно само собою, что вместе с киевлянами в Москву усиленно переправляются и разные южнорусские книжные издания, которые находят на московском рынке хороший прием и все более широкую распространенность, благодаря чему ученое киевское влияние прочно и надолго укрепляется в Московской Руси. И если царь Алексей Михайлович стремился обучать своих певчих греческим напевам, любил слушать греческое пение и чтение в церкви, старался иметь в Москве греческих ученых и греческую школу; то Ртищев может быть назван главным и деятельнейшим в Москве сторонником киевлян и киевской учености, энергичным проводником у нас киевского влияния. Так именно на него и смотрели в Москве. Дьячок Костка Иванов показывал на допросе: «говорили-де ему, Костке, Лучка и Ивашко: извести-де протопопу, что-де он, Лучка, у киевских чернецов учиться не хочет, старцы-де недобрые, он-де в них добра не познал, и доброго ученья у них нет; ныне-де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь-де учиться никак не хочу. Поехал-де учиться (в Киев) Порфирко Зеркальников, да Иван Озеров, а грамоту-де проезжую Федор (Ртищев) промыслил доучиваться у старцев у киевлян по латыни». Значит, Ртищев не только переселял в Москву ученых Киевлян, но и москвичей поощрял учиться у них, а успевающих в учении посылал в Киев для завершения там образования, причем некоторые из москвичей стали учиться у киевлян только «маня» Федору Ртищеву, т. е. чтобы только

угодить и понравиться ему, вовсе серьезно не думая об обучении³⁹.

Покровительствуя образованным киевлянам, поощряя обучаться у них наукам, Ртищев, в то же время вполне разделял и грекофильские стремления царя, так как недаром, конечно, в Москве некоторые «меж себя шептали: учится-де у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той-де грамоте и еретичество есть». Известный цареградский архимандрит, учитель, Венедикт⁴⁰, во время своего пребывания в Москве, в письме к боярину Борису Ивановичу Морозову, между прочим пишет: «понеже чрез сына моего о Дусе святе, любимого и мудрейшаго государя Федора Михайловича мне велел еси». Очевидно, кроме киевлян Ртищев знакомился и близко сходиллся и с приезжавшими в Москву образованными греками, так что грек, учитель Венедикт, называет его своим сыном, любимым и мудрейшим. Но и этого мало: Ртищев привечал у себя не только киевлян и греков, но и тех из русских, которые выдавались из ряда других своей жизнью, публичной деятельностью, дарованиями, начитанностью, так что его дом служил сборным местом для всех вообще выдающихся деятелей, причем между представителями разных взглядов и направлений, собиравшимися в его доме, происходили иногда горячие и шумные прения. Так, Неронов был близко знаком с Федором Михайловичем и впоследствии (после смерти протопопа Стефана), во время своих приездов в Москву даже останавливался в его доме. Протопоп Аввакум, возвратившись из Даур, по его словам, «к Федору Ртищеву зашел» и выражается о нем: «дружище наше старое Федор Ртищев», причем замечает, что в доме Ртищева он, протопоп, «с еретиками бранился и шумел о вере и законе»⁴¹. Киевлянин, певчий Василий, заявлял что его призывали к себе в дом Ртищевы, где в то время были еще Иван Озеров и старец Симеон (Полоцкий) «и клали пред ним многие книги, и он-де их переспоривал»⁴². Раз, Неронов, уже примирившийся с Никоном и признавший его книжные исправления, в беседе с Ртищевым высказал, однако, мнение, что новоисправленные служебники следует сжечь. Между тем, кто-то донес Никону, что будто бы

Неронов сжег новоисправленные служебники и Никон, на основании этого доноса, велел привести к себе Неронова, предварительно арестовав его близких. Неронов, рассказывает записка о его жизни «увидев сицеевое, пришед ко окольничему, к Федору Михайловичу Ртищеву, свирепо к нему рек Иудо, предавай! С тобой у меня была речь, а не дело. И окольничей нача плакати, глаголя: Старец Григорий (Неронов), непусти Боже, что мне на тебя клеветнику быти; потерпи Бога ради мной в дому; аз с тобой к патриарху иду, и страдати готов»; и действительно отправился к патриарху и дело кончилось ничем⁴³. Таким образом, Ртищев ограждал от ответственности тех лиц, которые в его доме позволяли себе высказываться совершенно свободно и, благодаря этому обстоятельству, его дом действительно был сборным пунктом для представителей всех направлений, где каждый свободно высказывал свои мнения, где велись горячие споры по разным вопросам, волновавшим тогдашнее общество, причем сам Ртищев относился к разным мнениям и направлениям вполне терпимо. Это были, очевидно, очень любопытные и характерные собрания.

Вполне естественно было, что царь Алексей Михайлович хорошо был ознакомлен Ртищевым и с теми прениями, какие происходили в его доме, и с теми лицами, которые вели прения, почему царю хорошо были известны все, как южно-руссы, так и москвичи, выдававшиеся или своей образованностью, или начитанностью и своей природной даровитостью, стремлением к общественной деятельности, искусством и находчивостью в прениях, своим влиянием на окружающих; царь знал, кто что защищает, кто против чего борется, кто стоит за новое, кто за старое и т. п. Очевидно, Федор Михайлович Ртищев был, так сказать, связующим звеном, посредником между царем тогдашним передовым, более образованным и развитым московским обществом: благодаря Ртищеву царь в курсе тогдашней передовой умственной московской жизни, сам всецело примыкал к ней, знал, не только все ее направления и оттенки, но и ее представителей.

Вместе с Федором Михайловичем Ртищевым действовала и сестра его – Анна Михайловна. По словам «Жития» Ртищева⁴⁴. Федор Михайлович свой сестру «аки мать почиташе» и что она «бьяше ему во всяком благодворении споспешница». По словам жития Морозовой, Федор Михайлович и сестра его Анна (в житии ошибочно названная его дочерью), как родственники «и яко возлюбленнии Никону и его новопредания сосуди», не раз приезжали уговаривать Морозову соединиться с церковью, причем будто бы говорили; «велик и премудр учитель Никон патриарх, яко не туне и сам царь его послушает, и вера, от него преданная, зело стройна и добра, и красно по новым книгам служить». И одна Анна Михайловна не раз приезжала к Морозовой уговаривать ее признать церковные исправления Никона. «Съели тебя, говорила она Морозовой, старицы белевки, проглотили твой душу, – аки птенца отлучили тебя от нас»⁴⁵. Ввиду преданности Анны Ртищевой церковной реформе Никона, ввиду той деятельной роли, какую она, и чрез брата и лично, играла в деле ее распространения в высшем московском обществе, о ней тенденциозно-насмешливо отзываются первые борцы за русскую церковную старину. Так, прот. Аввакум, заверяя, что Никон развратил царя, замечает: «я ведь тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом». Рассказывая о призвании Никона на патриаршество, Аввакум замечает: «царь его на патриаршество зовет, а он бытто нехочет; мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают, как чему быть». Еще в одном месте он же говорить: «а о Павле Крутицком мерзко и говорить.... Анны Михайловны любимый владыка, подпазушной пес борзой». Дьякон Федор об Анне Михайловне насмешливо выражается: «Анна, Никонова манна»⁴⁶. Очевидно, Анна Михайловна Ртищева была горячей, убежденной и энергичной сторонницей грекофильской тогдашней партии, и очевидно, она играла настолько заметную и для других роль в тогдашней церковной реформе, так близко стояла к ее главным деятелям, что вызвала против себя ненависть и инсинуации со стороны приверженцев церковной старины. Мы должны еще упомянуть воспитателя царя, боярина Бориса Ивановича Морозова,

который был тоже сторонником новых московских церковных веяний и если, по своему положению в государстве, не имел возможности принимать непосредственное деятельное участие в церковных делах, то, несомненно, вполне сочувствовал деятельности и направлению московского кружка ревнителей, поддерживал и одобрял царя в его стремлении произвести церковную реформу в смысле полного единения русской церкви с греческой, и привлечения для этой цели в Москву ученых греков и киевлян. Недаром, конечно, в Москве тихонько между собой говорили: «Борис-де Иванович держит отца духовного для прилики людской, а киевлян-де начал жаловать, а то-де знатно дело, что туда уклонился к таковым же ересям». Константинопольский архимандрит, учитель Венедикт, писал, будучи в Москве, Борису Ивановичу; «преславнейший и честнейший, всякия чести и достоинства достойный, государю Борисе Иванович, – бью челом и поклоняюся аз богомолец твой грешный, архимандрит Венедикт цареградский. Понеже чрез сына моего о Дусе святе, любимого и мудрейшаго государя Федора Михайловича, мне велел еси, богомольцу своему, да ти изъясляю о седми оных фиалех, о них же Иоан Феолог и Евангелист пишет во Апокалипсисе в 15 главе даже до 17, – да увести паки твоя мудрость сие вкратце, понеже времени не имам, да ти пишу во мнозе, якож и подобает, понеже в Посольском приказе мне велят по празднице ехать. Понеже фиалы суть един сосуд, яко братина; но яко суть братинки иная малые, а иныя великия, и вся единым зовут именем; сице и фиалы: иные суть во образе малы, а иные великии» и т. д.⁴⁷. Из этого письма Венедикта видно, что Борис Иванович, вместе с другими, интересовался религиозными вопросами, обращался, чрез посредство Ртищева, за разрешением их к приезжавшим в Москву ученым грекам, как более компетентным в решении церковных вопросов, чем доморощенные московские грамотеи. Из всего сказанного нами об известных нам представителях кружка ревнителей благочестия, нетрудно видеть, что в состав кружка вошли люди очень различного общественного положения и происхождения: в нем мы видим самого царя, боярина Ртищева, Никона, сначала архимандрита, а потом митрополита,

царского духовника – благовещенского протопопа Стефана Вонифатьевича, несколько столичных и провинциальных протопопов и священников, и даже женщину: Анну Михайловну Ртищеву. Рядом с царем и боярином другие ревнители были очень невидного происхождения: это или поповичи, или дети крестьян, начавшие свою общественную карьеру с обучения грамоте у какого-либо захолустного мастера, и потом перешедшие на клирос или своей родной деревенской церкви или ближайшего монастыря, и постепенно прошедшие все церковные степени, начиная с причетника. Нетрудно видеть, что члены кружка ревнителей благочестия были люди для тогдашнего времени относительно образованные, отличавшиеся большой начитанностью, правда очень односторонней и узкой, но все-таки резко выделявшей их из среды безграмотной массы, делавшей их людьми сравнительно сведущими, знающими, почему Неронов и аттестует их «добре ведущими закон и пророки». Все члены кружка были люди глубоко благочестивые, набожные, очень воздержные в своей частной жизни и нравственные, всецело преданные церкви и ее интересам, постоянно ревновавшие не только о своем личном спасении, но и о спасении других, и потому люди очень учительные, всегда готовые поучать, наставлять, обличать. Все они действовали на религиозно-церковной основе, на почве и в духе тогдашнего церковного благочестия, одинаково и ревностно стремились к улучшению церковной и всей вообще религиозно-нравственной жизни общества, и свои общественно церковные идеалы стремились провести в жизнь под флагом строгого православия, истинной неповрежденной церковности. По существу, все они были людьми с реформаторскими более или менее стремлениями, так как они ясно сознавали недостатки церковной и всей вообще религиозно-нравственной жизни тогдашнего общества, считали себя призванными бороться с этими недостатками, перевоспитать и улучшить все общество своей деятельностью. Но, при известной одинаковости и общности стремлений всех реформаторов, при общности и одинаковости их исходной точки и цели, сами реформаторы значительно расходились, однако, между собой в понимании

того, каким путем, с помощью каких средств и в каких границах нужно вести общество по пути усовершенствования. Если, например, Неронов и Аввакум были, относительно значительной массы духовенства, либералами, новаторами и чуть не еретиками, так как они строго держались единогласия, чинности и истовости в отправлении церковных служб и были учительны; то они же, с другой стороны, были завзятыми консерваторами по отношению к Никоновской реформе, которая в их глазах была отрицанием древнего благочестия, самого православия, прямо злой ересью. Со своей стороны сам Никон, так горячо ратовавший в пользу тесного единения до последних обрядовых мелочей русской церкви с греческой, друживший с учеными греками и киевлянами, пользовавшийся в своих целях их знаниями и ученостью; в то же время крайне нетерпимо относился ко всякому заимствованию с запада, к западной науке и образованности, видел в этом угрозу православию, чуть не ересь, которую нужно всячески преследовать. Если царь, Ртищев, Стефан готовы были устроить в Москве, с помощью греков и киевлян, настоящую школу, и с помощью ее насаждать у нас науку и образованность; то провинциальные ревнители кружка относились к греческим и киевским ученым и к самой их науке прямо отрицательно, видели в науке и учености только одно злое кичение человеческого ума, угрозу православию. Словом, члены кружка ревнителей, при одинаковости основ своего мирозерцания и понимания окружающих их явлений общественной жизни, при одинаковости их воззрений на задачи и цели своей общественной деятельности, в то же время имели очень важные и существенные различия во взглядах на самый характер и причины существующих церковных и других нестроений, на те способы и средства, с помощью которых они должны быть устранены и заменены лучшими порядками; почему одни из них задачи реформы и улучшений понимали более широко, другие более узко, одни думали достигнуть предположенной цели одними средствами, другие считали эти средства недостаточными и находили нужным прибегнуть к другим, — единства во взглядах на характер предстоящей реформы и на

средства ее проведения у них не было. Неудивительно поэтому, что члены кружка ревнителей благочестия, одинаково стремившиеся улучшить, реформировать жизнь русского общества, пошли к этой цели разными путями, потянули русское общество в разные стороны, а, в конце концов, враждебно столкнулись между собой и вступили друг с другом в открытую ожесточенную борьбу, причем та и другая сторона, увлекаясь борьбой, впала в односторонность, в полное отрицание деятельности и всякой правоты своих противников. Впрочем, вначале, когда кружку еще приходилось завоевывать, так сказать, самое существование, создавать и укреплять свое право на руководящую роль в общей церковной жизни, бороться со своими противниками и среди высшей церковной иерархии и среди низшего духовенства, кружок действовал единодушно и дружно.

Глава 3. Борьба кружка ревнителей благочестия с патриархом Иосифом по вопросу о единогласии

Первоначальная общая деятельность кружка ревнителей благочестия. Неудовольствие на эту деятельность со стороны высших духовных властей, особенно патриарха. Столкновение между ревнителями и патриархом Иосифом из-за единогласия в церковном пении и чтении. Возникновение и развитие у нас многогласия. Неудачная борьба с этим злоупотреблением, начиная с Стоглавного собора. Стефан Вонифатьевич и Ртищев вводят единогласие сначала в своих церквях, а потом к ним присоединяются царь, Неронов, Никон и другие ревнители. Собор 11 февраля 1649 года, под председательством патриарха Иосифа, решает вопрос в пользу старого многогласия. Царь не признает этого соборного постановления и заставляет патриарха Иосифа передать решение вопроса на усмотрение константинопольского патриарха, который безусловно высказывается за единогласие. В 1651 году патриарх Иосиф принужден был созвать новый собор для вторичного рассмотрения вопроса о единогласии и порешить его, вопреки своему прежнему постановлению, так, как желали его противники – сторонники единогласия. Патриарх Иосиф теряет всякое значение в церковных делах вплоть до самой своей смерти.

Первоначальная общая деятельность всех членов кружка ревнителей благочестия определялась наличием тех пороков и недостатков, какие в то время существовали в жизни народа, самого духовенства, как белого, так и черного, наличием тогдашних церковных беспорядков, отсутствием живой проповеди и вообще учительности в духовенстве. На борьбу с общественными пороками и недостатками, на борьбу с леностью и распущенностью духовенства и выступил прежде всего кружок ревнителей, поставив своей задачей водворить в народе истинное христианское благочестие, уничтожить разные церковные беспорядки, вызвать к жизни церковную проповедь.

Прежде всего кружок ревнителей энергично восстал против разных народных языческих игрищ и суеверий, народных иногда кощунственных забав и увеселений, настаивая пред высшей церковной и светской властью, чтобы она пришла к ним на помощь в этом деле своими правительственными мерами: запрещениями и указами. И с этой стороны кружок достигал своей цели: благодаря воздействию Стефана Вонифатьевича на царя издан был целый ряд указов и распоряжений в видах уничтожения в народе грубых и безнравственных языческих игрищ, забав и суеверий, на которые указывали правительству ревнители. Затем кружок выступил с энергичными обличениями беспорядочной, зазорной жизни как белого, так и черного духовенства и настаивал пред властями, чтобы они предприняли меры к устранению этих недостатков, также и разных церковных нестроений, проявляющихся в самом отправлении духовенством церковных служб. В то же время кружок ревнителей усиливался восстановить совсем было замолкшую на Руси церковную проповедь, настаивая, чтобы при церковных службах народу читались положенные уставом поучения и жития, причем сами члены кружка старались неукоснительно выполнять все те требования, какие они предъявляли к остальному духовенству⁴⁸.

Указанная деятельность кружка ревнителей, находивших себе постоянную поддержку и поощрение в царском духовнике Стефане Вонифатьевиче и прочную опору в самом государе, естественно не могла нравиться как патриарху, так и большинству епархиальных архиереев. В деятельности кружка патриарх и власти видели косвенное порицание их архипастырской деятельности, обличение их в нерадении в исполнении своих архипастырских обязанностей, в преступном их равнодушии к печальному нравственно-религиозному положению пасомых, духовенства и самой церкви, тем более что некоторые челобитные ревнителей даже прямо принимали наставительно-учительный тон относительно патриарха и других архиереев. Неизвестный, например, в своей челобитной к патриарху Иосифу, называя себя «грубоумным его богомольцем», в то же время напоминает Иосифу о его

предшественниках – московских митрополитах: Петре, Алексее, Ионе, примеру которых и приглашает Иосифа следовать в своей архипастырской деятельности, причем резко заявляет: «твоего святительского рукоположения служители (церкви), только именем пастыри, а делом волцы, только наречением и образом учителя, а произволением тяжцы мучители». Он молит Иосифа поревновать о церквах Божиих, оказать ревность по примеру своих великих предшественников на московской кафедре и исправить «хромое», пока еще есть время. Другой челобитчик так пишет суздальскому архиепископу Серапиону: «ты, святителю Божий, яко же слышится, не прележиши, еже отринути и воспретити худых человек, по бесовскому ухищрению, возношение и гордость на невесту Христову, глаголю церковь Божию: или мниши избежати суда Божия? Помни реченное в писании: тому же быть волку и сему, аще волком терпит, а не пастырю. Ты бо еси пастырь поставлен и страж людем Божиим отгоняти волки, яко же во Иезекииле речено бысть. Того ради и епископ нарицаешися и места высокого сподобилси еси, еже ти смотряти опасно на вся люди, сущия под паствою твоєю, и учити на благоверие... И о сем зельне болю душою, яко отдал еси паству свою волком на расхищение, паче же церковь Божию в поругание мятежником». – Понятно, что подобные обличения со стороны ревнителей самих архипастырей церкви, приравнивание их к волкам и губителям своих пасомых и самой церкви, естественно вызывали сильное раздражение и неприязнь со стороны высшей духовной власти. Но одними обличениями и укоризнами по адресу архипастырей церкви, кружок ревнителей не ограничился. Благодаря сочувствию к себе и поддержке царя и близких к нему лиц, кружок делается постепенно крупной силой, начинает оказывать очень заметное влияние и прямое давление на ход всех вообще церковных дел, начинает оказывать влияние на самое назначение митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и протопопов, действуя в этом случае на царя чрез Стефана Вонифатьевича. Вследствие этого руководство всей церковной жизнью стало переходить в руки кружка ревнителей, который фактически делался управителем

всей русской церкви. Понятно, что патриарх и все власти, которым по праву принадлежала инициатива во всех церковных делах, от которых собственно должны были исходить все церковные мероприятия и постановления, оказались стоящими в стороне, инициатива в церковных делах стала ускользать из рук властей и переходить к ревнителям, которые делаются все смелее, энергичнее и требовательнее. Очень и очень неприятно должны были чувствовать себя власти, у которых власть осязательно начинала ускользать из рук, и относительно которых ревнители, состоявшие в значительной части из белого духовенства, часто не скупились на резкие обличения. Но особенно сильно должен был чувствовать это и сознавать сам патриарх, под боком и на глазах которого родилась и выросла эта враждебная ему и всем архиереям сила, грозившая окончательно отстранить его и всех властей от фактического управления церковью. Тогда патриарх Иосиф решился вступить в борьбу с ревнителями. Вопрос о введении единогласия в церковном пении и чтении и сделался тем боевым вопросом, около которого произошла решительная борьба между патриархом и кружком ревнителей, причем дело тут шло не только о единогласии, но и о том: кто победит – партия ли новаторов-ревнителей, со Стефаном Вонифатьевичем во главе, или партия приверженцев старых церковных порядков, во главе которой открыто стал теперь патриарх Иосиф, поддерживаемый большинством архиереев и приходским духовенством, недовольным реформаторскими затеями кружка. Почему из всех других вопросов, поднятых ревнителями, именно вопрос о единогласии выдвинулся на первое место и сделался боевым по преимуществу, это объясняется тем, что другие вопросы, как, например, о необходимости борьбы с остатками язычества, с распущенной жизнью белого и черного духовенства, ни в ком не возбуждали сомнений: ненормальность указанных явлений и необходимость борьбы с ними признавалась всеми. Другое было с вопросом о единогласии: тут возможны были, с точки зрения тогдашнего понимания дела, и споры по этому вопросу, и борьба из-за него. Еще Стоглавый собор постановил: «псалмов бы и псалтыри вдруг не говорили и канонов по два вместе не

канонархали, но по единому, занеже то в нашем православии великое бесчиние и грех; тако творити отцы отречено бысть». Но, несмотря на такое постановление Стоглавого собора, «то в нашем православии великое бесчиние и грех» продолжались по-прежнему; по-прежнему службы церковные совершались разом несколькими голосами: один пел, другой в это время читал, третий говорил ектении или возгласы, или читали сразу в несколько голосов и каждый свое особое, не обращая внимания на других, и даже стараясь их перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослужения, окончательно терялись – церковная общественная служба, при таких порядках, не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящих, но напротив: приучала их относиться к богослужению чисто механически, бессмысленно, только внешним образом, без всякого участия мысли и чувства. Многие из народа стали смотреть на посещение церкви, как на одну формальность, и не только во время богослужения держали себя крайне непристойно, что чуть ли не сделалось общим правилом, но и старались ходить в те именно церкви, где служба, ради многогласия, совершалась с особой скоростью. Со своей стороны духовенство, желая заманить в свои храмы побольше народу, доводило скорость церковных служб до крайности, позволяя в храме читать единовременно голосов в шесть и больше. Эти вопиющие беспорядки в церковном богослужении глубоко возмущали всех истинно благочестивых людей, и по их жалобам высшие церковные власти предпринимали против злоупотреблений некоторые меры. Патриарх Гермоген в послании пишет: «поведают нам христолюбивые люди со слезами, а инии писание приносят, а сказывают, что в мирских людях, паче во священниках и иноческом чине, вселися великая слабость и небрежение, о душевном спасении нерадение, и в церковном пении великое неисправление. По преданию св. апостол и по уставу св. отец церковного пения не исправляют, и говорят-де в голоса в два, и в три, и в четыре, а инде и в пять-в шесть. И то нашего христианского закона чуже»⁴⁹. В 1636 году нижегородские священники в своей челобитной патриарху

Иосафу заявляют: «в церквах, государь, зело поскору пение, не по правилам святых отец, ни наказанию вас, государей, говорят голосов в пять и шесть и боле, со всяким небрежением, по скору. Екзапсалмы, государь, такоже говорят с небрежением не во един же голос, и в туж пору и псалтыри каноны говорят, и в туж пору и поклоны творят невозбранно»⁵⁰. Подобные церковные нестроения совершались и в самой Москве, и по другим епархиям. Так, патриарх Иоасаф, в памяти тиуну Манойлову 1636 года, заявляет, что в Москве во всех церквах «чинится мятеж и соблазн и нарушение нашея святыя и православныя христианския непорочныя веры», во всех церквах «зело по скору пение Божие, говорят голосов в пять и шесть и больша, со всяким небрежением». Патриарх запрещает многогласие, однако сейчас же делает и уступку в пользу укоренившегося злоупотребления; «а в церкви бы велети говорить, пишет он, голоса в два, а по нужде в три голоса, опроче экзапсалмов, а экзапсалмы бы по всем церквам говорили в один голос, а псалтыри и канонов в те поры говорить отнюдь не велети». Суздальский архиепископ Серапион в своем окружном послании 1642 года пишет: «ведомо убо нам, архиепископу, от многих известия, что в Суздале и по всем городом нашея архиепископы, в соборных и приходских святых Божиих церквах чинятца мятежи и соблазн и нарушение святыя нашея православныя христианския непорочныя веры, что в святых Божиих церквах зело по скору пение Божие, не по правилам святых апостол и святых отец: говорят в голосов в пять и шесть и больша, со всяким небрежением». Ввиду этих злоупотреблений архиепископ повелевает: «а в церкви велети говорить голоса в два, а экзапсалмы по всем церквам говорить в один голос, а псалтыри и канонов в ту пору говорить отнюдь не велети». Но так как злоупотребления продолжали существовать по-прежнему, то они по-прежнему продолжали вызывать и горькие жалобы людей благочестивых. Так, неизвестный в челобитной к патриарху Иосифу говорит: «вспомяну тебе, государь, и о бездушных гласех – благовесты и звоны по обычаю церковному и по достоянию коегождо дне по чину содеваются, первому другое последуя, звон с благовестом

несмешно; царского же, государь, пения обычай от многих небрегом и не по ряду совершается, яко же предаша нам святити отцы, ежебы первых божественны сладости вкусивше, и других совершению святые службы всем всякого глаголемого и чтомаго и поемаго словеси насыщались: но точию, государь, именем утреннего времени зовется утренняя, или вечернего времени зовется вечерняя, совершается же, государь, от многогласия в церквах Божиих пение образом неистового пьянства: к начальному пению другой поемлет и третий, даже и до пяти и шести гласов купно бывает. И еще, государь, бываемое, кто наречет святого церковного устава обычай? Воистину государь, тем сводим на себе гнев Божий, а не милость»⁵¹. Биограф Неронова говорит: «в оная времена от не разумеющих божественного учения вниде в святую церковь смущение велие, яко чрез устав и церковный чин не единогласно певаху, но в гласы два, и три, и в шесть церковное совершаху пение, друг друга неразумеюще, что глаголет; и от самех священников и причетников шум и козлогласование в церквах бываше странно зело: клирицы бо пояху на обоих странах псалтырь и иные стихи церковные, не ожидающе конца лик от лика, но купно вси кричаху; псаломник же прочитоваше стихи, не внимая поемых, начинаше иные, и не возможно быше слушающему разумети поемого и читаемого»⁵². Некто, называющий себя Агафоником, прислал суздальскому архиепископу Серапиону целое обширное послание, с целью доказать необходимость введения во всех церквах обязательного единогласия и необходимость уничтожения укоренившегося у нас многогласия. После небольшого вступления, с выражением почтения к архиепископу и своего недостойнства, после укоров архиепископу за его нерадение в борьбе с приверженцами многогласия, которые, как волки, расхищают его паству, производят церковный раздор, автор спрашивает: «кто сие устави единогласное и благочинное пение – повеждь ми?» И отвечает: «не ин бо кто сие устави, но иже восшедый до третьего небесе, Павел Апостол, яко же рече: ныне же братия, аще прииду к вам языки глаголяй, кую вам пользу сотворю, аще вам не глаголю или во откровении, или в разуме, или в

пророчествии, или в научении»..., и ссылаясь на толкование этих слов Апостола Златоустом, говорит: «такое и мы, святой владыко, во святых Божиих церквях, егда в два гласа и в три и четыре вдруг говорим вси, которая польза будет слышающим? всюду бесполезное будет, яко же Златоустый глаголет zde и Павел Апостол. Слыши святой владыко, како Апостол Павел, Златоуст бесполезное показывают пение «с бесчинием бываемое»... Приводя другие места из Апостола Павла и толкования на них Златоуста, говорит: «вонми святой владыко Апостола гласу, яко беснующихся являет быти всех глаголющих вдруг; не яве ли мы, егда в гласа в два, и в три, и в четыре, и в пять, овогда и в шесть и в семь, неточию невернии, но и верный, благочестие и благочиние церковное любяй, не речет ли нам – беснуемся? ей посмеется сему нашему беснованию». Снова приводя слова Апостола Павла и толкование Златоуста, говорит: «видиши ли владыко святой, како Павел Апостол и Златоустый Иоанн к пользе вся творити повелевают, и к созиданию ближнего и исправлению; кая же польза получитьи предстоящим в церкви людям во время божественного пения, егда в гласа два или три и множае вдруг говорят, – никакo ничесого, точию шум все, и без пользы, и пагуба с великим грехом». И опять приводя слова Ап. Павла и толкования Златоуста, говорит, что он «повеле явно везде по вселенной во всех церковных святых, пети единым гласом, внимания и созидания ради слышати хотящих слова Божия в пользу себе, да не без плода от церкви отыщут». Ссылаясь затем, в подтверждение необходимости единогласия на Григория Богослова, автор, обращаясь к архиепископу, говорит: «что же святителю Божий к сим? Аще сих свидетелей не требуем, или не преемлем, глаголющих правая и истинная о Христе и о догматах, то убо тща и вера наша, обретаются и лжесвидетели Божия Апостоли, яко послушествоваше на Бога, яко воскреси Христа, Его не воскреси; и умерший о Христе и о догматах – погибоша; аще в животе сем уповающе есмы в Христа точию, – окаяннейши всех человек есмы; и евангельская проповедь и апостольская предания, и правила святых и богоносных отец будут ложны и не истинны, тако же и уставы

церковные; то убо нынешних мятежников и раскольников церковных уставы добры? Ни, не буди тако. Вся сия бляди суть суетословцов и своевольников, якоже Златоуст глаголет, зане по своему их любоначалию сия глаголющим, и творящим во святых церквах еретический сей шум, а любоначалие мати есть ересям, якоже Златоустый глаголет. Буди нам последовати и творити по преданию святых апостол и богоносных отец правилом, и по церковным уставом, еже в пользу себе и всему православному христианству, а еретических блядей и богопротивных всячески ошаяватися и отметати их». Автор заявляет, что за единогласие говорят не только указанные им святые мужи, но и московский Стоглавый собор, постановление которого о единогласии он и приводит, а также и московский патриарх Гермоген, «новый исповедник», также боровшийся с многогласием; и затем, обращаясь к архиепископу, говорит: «поминай святителю Божий Златоустого слово, яко рече: да не убо ми речеши, яко пресвитер согрешил есть, ниже яко диакон: всех сих на главу хиротонисавших вины переходят». В заключение своих рассуждений и доказательств в пользу безусловной обязательности для всех единогласия в церковном пении и чтении, автор приходит к такому выводу, что «всею силою и мощию должны суть архиепископи и епископи имети стражу о освященных кононех божественных правил, поручено бо есть им твердо соблюдать я, да ничто от них престапемое и забытием преминуемо, ни изысканием оставляемо, во он день в муках оных изыскано будет: хранящии бо священные каноны Владыки Бога сподобляются, сия же престапующий, в конечное осуждение себе влагают. Божественным канонем несохраняемым, различна преступления бывают, от тогоже Божий гнев на нас сходит, и многие казни, и последний суд. Тому сему повинни суть святители, не бдяще, не стрегуще винограда, еже есть церковь, но препущающе во обиду по некоей страсти, или по неразумию небоязны вышнего страха, иже суть клялися сохранить и судьбы закона и правды Божия, – горек суд таковым и поделом воздаянием будет. Бога ради, молим тя, святителю Божий, со всеми, иже Бога любящими, во еже силою Святого Духа, по богоизбранном народе твоя

паствы, пачеже о душах их, неболети и руку подати требующим и исцелити братию, погибнути хотящих, и во единое собрати расстоящия уды, исправить же согрешение, дбндеже время настoit, яко да многим странам подашь подобающе согласие, еже убо безместие худых человек погубити возношение, занеже се и Владыце всех благоугодно и вышний всякия молитвы»⁵³.

Но многогласием в чтении и пении, одновременностью чтения и пения, дело не ограничивалось, злоупотребления и беспорядки шли далее, простирались на самый характер церковного пения. Биограф Неронова говорит, что в то время в церквах «пояху речи не яко писани суть, но изменяюще речения ради козлогласования своего, восприемше обычай древних безчинников, и вместо ежебы глаголати: Бог, Христос, Спас, они пояху: Бого, Христосо, Спасо и прочия речи изменяюще, яко ныне странно зело слышати»: Инок Евфросин в 1651 году писал: «Дух Святый повелевает бо пети не просто, но разумно, сиречь не шумом, ниже украшением гласа, но знати бы поемое самому поющему, и слушающим того пения разум речей мощно бы ведати, а неточию глас украшати, о силе же глагол, небрещи... В пении бо нашем точию глас украшаем и знаменные крюки бережем, а освященные речи до конца развращены противу печатных и письменных древних и новых книг, и неточию развращены, но и словенского нашего языка, в нем же родихомся и священным писаниям учихомся, чюжи, не свойственны и сопротивны. Гдебо обрящется во священном писании нашего природного словенского диалекта сицевыи, несогласные речи: сопасо, пожеру, вомоне, темено, имои, восени, волаемо, иземи, людьми, сонедаяй и прочия таковыя странные глаголы, ихже множество невозможно ныне подробну исчести»⁵⁴.

Глава кружка ревнителей, Стефан Вонифатьевич, решительно восстал против многогласия в церковном пении и чтении и решился всюду ввести единогласие. Вместе с Федором Ивановичем Ртищевым они стали действовать на царя, который охотно примкнул к ним, вполне разделяя их воззрения на единогласие. Тогда Стефан и Ртищев «первое уставиша в своих домех единогласное и согласное пение», а

потом, посоветовавшись между собою, при поддержке государя, вызвали из Нижнего Новгорода известного Иоанна Неронова и сделали его протопопом московского Казанского собора. Неронов немедленно ввел в своем соборе единогласное пение и чтение. К ним скоро примкнул, в этом деле, и Новоспасский архимандрит Никон, впоследствии патриарх, который, по словам Шушерина, и сделался Стефану «в том богоспасаемом деле великий поборник и помощник». Затем, по примеру Стефана и Неронова, за единогласие дружно стали и провинциальные ревнители: Аввакум, Лазарь и другие.

Настойчивые и энергичные усилия кружка ревнителей ввести в приходских московских церквях единогласие, и очевидное их стремление распространить его на всю церковь, вызвали сильное возбуждение и недовольство среди громадного большинства приходского духовенства, которое увидело в единогласии зловерное новшество, чуть не ересь, и готово было открыто и решительно восстать против него. Этим возбуждением приходского духовенства, и в значительной мере самих прихожан, воспользовался патриарх Иосиф, чтобы подвести свои счета с ненавистным ему, зазнавшимся кружком ревнителей, состоящим исключительно из лиц низшей церковной иерархии и не имевшим в среде своей ни одного архиерея. Патриарх стал во главе противников единогласия⁵⁵. На первый взгляд может показаться очень странным: каким образом патриарх Иосиф мог защищать многогласие – «сие бесстрашие и нерадение о церковном пении», «то в нашем православии великое бесчиние и грех»; каким образом патриарх мог восстать на защиту многогласия, столь очевидно представляющего из себя вопиющее злоупотребление, ни под каким видом недопустимое и нетерпимое в церкви? Между тем, с точки зрения тогдашнего понимания дела, Иосиф имел свои серьезные основания бороться против единогласия и отстаивать многогласие.

Русские того времени были убеждены, что при совершении всех церковных служб необходимо вычитать и пропеть без всяких пропусков все, что положено в церковном уставе, который, однако, взят был нами из восточных, самых строгих

монастырей, и введен был у нас в обыкновенных приходских церквах. Благодаря этому обстоятельству службы в приходских храмах, при вычитывании и выпевании всего положенного строгим монастырским уставом, выходили чрезмерно длинными и крайне утомительными для прихожан, которые, при таких условиях, неохотно посещали церковные службы, как очень обременительные для них и требующие слишком много времени. Практическая повелительно настоятельная нужда требовала сокращения церковных служб в приходских церквах. Тогда наши предки, для достижения этой, самой жизнью подсказанной цели, прибегли к такому средству: оставаясь верными тому своему воззрению, что весь церковный устав обязательно должен выполняться при совершении всех церковных служб, они стали употреблять многогласие, т. е. прибегли к единовременному пению положенного уставом в несколько голосов сразу, причем один читал и пел одно, другой в это же время другое, третий свое и т. д., благодаря чему церковные службы отправлялись очень скоро, а между тем все положенное уставом выпевалось и вычитывалось вполне и без всяких пропусков. Понятно, чем на большее количество голосов разделялось положенное для данной службы чтение и пение, тем скорее отправлялась служба, почему, в видах скорости, стали употреблять в службах пение и чтение сразу голосов в пять, шесть и семь. Но такое многогласие, в видах необходимого сокращения времени служб, допускалось только для приходских церквей, ради немощи мирских людей, ради снисхождения к их житейским заботам, не позволяющим уделять им слишком много времени на посещение церковных богослужений. Другое дело монастыри, населенные людьми, отрешившимися от всего мирского, обязавшимся посвятить себя всецело служению Богу, непрестанной молитве; там строго требовалось соблюдение единогласия и долгие службы были обязательны. Полагалось, если кто из мирских хотел слушать настоящую истовую службу, тот должен был отправляться на богомолье в монастырь, почему благочестивые русские люди и считали себя обязанными, времени от времени, посещать ради богомолья монастыри, чтобы хотя изредка помолиться как

следует, выстаивая все длинные монастырские службы. Естественно поэтому, что когда ревнители благочестия, указывая на полное извращение характера и значения церковных служб многогласием, на весь вред подобных церковных порядков для молящихся, необходимо ничего не понимавших из того, что читалось и пелось в церкви, и потому составлявших о самом богослужении и его цели и назначении, самое неправильное и извращенное понятие, – когда они потребовали уничтожения многогласия и введения единогласия; то сам собою возник практический и, нужно сознаться, очень важный вопрос: как отзовется введение единогласия на посещении храмов народом, когда приходские службы удлинятся чрезмерно? Ведь и сторонники единогласия, также как и сторонники многогласия, требовали при совершении служб полного соблюдения всех предписаний устава, даже вводили еще в богослужение разные положенные чтения из прологов, житий святых, отеческих поучений, чем необходимо крайне удлинляли все службы, приближая их к монастырским. Никаких выпусков и сокращений в службах они не допускали; напротив, они все совершали по уставу, очень истово, точно, без малейших опущений. Мы знаем, как такие истовые, уставные службы единогласников должны были отзываться на молящихся в храме. Павел Алепский вот что пишет об этих наших церковных службах: «мы выходили из церкви, говорит он, едва волоча ноги от усталости и непрерывного стояния без отдыха и покоя... Что касается нас, то душа у нас расставалась с телом, от того что они затягивают обедни и другие службы: мы выходили не иначе, как разбитые ногами и с болью в спине, словно нас распинали... Мы не в состоянии (после богослужения) были придти в себя от усталости и наши ноги подкашивались». Павел искренно изумляется необыкновенной выносливости русских, выстаивавших чрезмерно длинные службы. «Что за крепость в их телах и какие у них железные ноги! восклицает он. Они не устают и не утомляются. Вышний Бог да продлит их существование!.. Какое терпение и какая выносливость! Несомненно, что все эти люди святые: они превзошли подвижников в пустынях. Мы же вышли (из церкви)

измученные усталостью, стоянием на ногах и голодом». «Всего больше, заявляет он, боялся я и хлопотал об отъезде (из Москвы) до Пасхи, чтобы избавиться от бдений, трудов и стояний Страстной седмицы»⁵⁶.

Таким образом, единогласие, истовость в совершении церковных служб, введение в них чтений из разных учительных книг, несомненно, не только изменяло привычный для прихожан строй богослужения, но, что особенно важно, оно чрезмерно удлиняло все церковные службы, делало их очень утомительными и обременительными для обыкновенных молящихся, которые, не имея возможности уделять на них слишком много времени и сил, предпочитали вовсе не ходить в церковь. Вот именно на это-то практическое последствие введения единогласия и обратил свое внимание патриарх Иосиф. Если сторонники единогласия говорили и проповедовали, что многогласие губит истинное благочестие и уничтожает назидательность церковных богослужений; то противники единогласия говорили наоборот, что именно единогласие губит народное благочестие, так как оно совсем отучает народ от посещения церкви и вопрос, значит, в представлении современников, сводился в конце собственно к следующему: что лучше в интересах благочестия; ходить ли часто в церковь и почти вовсе не понимать того, что в ней поется и читается, или же, ради чрезмерной продолжительности церковных служб, посещать их очень редко? Патриарх Иосиф, вопреки ревнителям, стал на сторону умеренного многогласия и решительно выступил против пагубного, по его мнению, единогласия, которое должно иметь место в монастырях, а не в приходских церквях⁵⁷. На почве этого спорного вопроса и произошло решительное столкновение патриарха Иосифа со Стефаном Вонифатьевичем.

Государь в 1649 году приказал патриарху Иосифу устроить соборное заседание с тем, чтобы на нем был рассмотрен вопрос о единогласии и решен «как лутче быти». Действительно, 11-го февраля 1649 года, в царской средней палате, состоялся собор под председательством патриарха Иосифа для рассмотрения и решения вопроса о единогласии.

Рассматривая этот вопрос собор нашел, что от введения в московских приходских церквях единогласия, что сделано в самое последнее время, «на Москве учинилась молва великая, и всяких чинов православные людие от церквей Божиих учили отлучатися за долгим и безвременным пением». В виду этого патриарх «со всем освещенным собором советовали и уложили: как было при прежних святителях митрополитех и патриархах по всем приходским церквам божественной службе быти по-прежнему, а вновь ничево не вчинати»⁵⁸. Так, соборным постановлением 11-го февраля 1649 года, вопреки домогательствам Стефана и других ревнителей, единогласие в приходских церквях формально было отвергнуто, как мера вредная для народного благочестия, а многогласие, как старый обычай, торжественно было узаконено.

Понятно, какое сильное и удручающее впечатление это соборное определение должно было произвести прежде всего на Стефана Вонифатьевича. Все его хлопоты и старания о введении единогласия, его горячая уверенность, что без единогласия в народе не может насаждаться истинное благочестие, о чем он так усиленно заботился вместе с царем и другими ревнителями, должны были кончиться ничем, благодаря сопротивлению патриарха и его сторонников. Этого мало. Соборное формальное постановление окончательно узаконило у нас многогласие, это «в нашем православии великое бесчиние и грех», полагало сильное препятствие, по крайней мере, в ближайшем будущем, всем дальнейшим попыткам ввести у нас единогласие. Всегда спокойный и кроткий Стефан на этот раз не выдержал. Он публично жаловался государю на патриарха и всех властей, присутствовавших на соборе, называл их волками и губителями, а не пастырями, говорил, что утвержденным собором многогласием уничтожается истинная церковь Христова, и в глаза бранил и бесчестил патриарха и всех присутствовавших на соборе сторонников многогласия. Эта несдержанная выходка Стефана сильно оскорбила патриарха и властей, тем более что все это произошло публично. Иосиф решился воспользоваться этим обстоятельством, чтобы окончательно разделаться с

ненавистным ему царским духовником. От своего лица и от лица всего освященного собора он подал государю челобитную на благовещенского протопопа Стефана Вонифатьевича, в которой писал: «в нынешнем, государь во 157 году, февраля в 11 день, указал ты, благочестивый и христолюбивый государь царь, мне, богомольцу своему, и нам богомольцом своим, быть у себя, государя, в средней. И тот благовещенский протопоп Стефан бил челом тебе, государю, на меня, богомольца твоего, и на нас, на весь освященный собор, а говорил: будто в московском государстве нет церкви Божии, а меня, богомольца твоего, называл волком, а не пастырем; тако ж называл и нас, богомольцов твоих, митрополитов, и архиепископов, и епискупа, и весь освященный собор бранными словами, и волками, и губителями, и тем нас, богомольцов твоих, меня, патриарха, и нас, богомольцов твоих, освященный собор, бранил и бесчестил». Затем патриарх заявляет: «в уложенной книге писано: кто изречет на соборную и апостольскую церковь какие хульные словеса, да смертью умрет, а он, Стефан, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принес и на все Божии церкви, и нас, богомольцов твоих, обезчестил». В виду этого патриарх просит царя созвать собор для суда над Стефаном⁵⁹. Но государь не придавал значения этой челобитной Иосифа и собора и не дал ей хода. Он не утвердил и соборного постановления Иосифа, узаконившего многогласие, так как сам всецело был на стороне Стефана, вполне одобрял и поддерживал его старание ввести у нас во всех церквях обязательное единогласие. Однако соборное постановление о многогласии, хотя и не утвержденное царем, все-таки состоялось, с этим фактом приходилось считаться, и так или иначе парализовать его. Тогда государь и Стефан Вонифатьевич пришли к мысли, передать решение вопроса о единогласии на рассмотрение и решение константинопольского патриарха, как высшей и руководственной инстанции в решении спорных церковных вопросов. В этом смысле и оказано было ими давление на патриарха Иосифа.

Патриарх Иосиф ранее не только не был принципиальным противником греков, но открыто и решительно признавал, что

восточные патриархи православную веру донныне держат твердо и ненарушимо, и находятся в полном единении с русской церковью. Так, в первом своем послании к датскому королевичу Вольдемару (21 апреля 1644 г.) патриарх Иосиф, между прочим, пишет, что «греки и Русь» отвергли папу «за отступление от вселенских патриарх», «а назвали соборную кафолическую церковь едину восточную, которая седмию вселенскими соборы утвержденную веру держит во всем ненарушимо, целу и невредиму соблюдает и до днесь», что «римляне и германе» не крестятся прямым крещением, «якоже изначала предано святыми апостолы и святыми вселенскими седмию соборы в три погружения, еже и до ныне у греков и у нас Руси невредимо соблюдаемо есть». Во втором послании к Вольдемару Иосиф пишет, что русские приняли истинную православную веру от православных греков при князе Владимире, «что с четырьмя вселенскими патриархи и до днесь о православии ссылаемся, и к нам от восточных стран митрополиты и архимандриты прежде сего и ныне приезжают, да еще и сами патриархи свидетельствованные в вере (т. е. несомненно строго православные), и до сего дня мы без всякого порока православную веру держим и пребываем в ней». Доказывая, что истинная церковь доселе находится в Иерусалиме, патриарх Иосиф говорит, что к Иерусалимской истинной церкви принадлежат теперь и другие «паче же и четыре патриаршие места, к сему же (к истинной иерусалимской церкви) с теми (четырьмя восточными патриархами), со всеми святыми вкупе, и наша святая, великая российская церковь согласуется правым исповеданием»⁶⁰. Таким образом, патриарх Иосиф самое православие русских доказывает именно его принятием от греков и непрерывностью общения, до самого последнего времени, русской церкви с православными греческими четырьмя патриархами, которые, вместе с русскими, православную веру «ненарушимо, целу и невредиму соблюдают и до днесь». Мы уже не говорим о том, что напечатанные с благословения патриарха Иосифа Кириллова книга и книга о Вере, заявляют, что русскому народу вселенского константинопольского патриарха следует слушать «и ему подлежати и повиноватися в

справе и науце духовной». Значит, патриарх Иосиф, по характеру своих воззрений на греков, не мог оказать особенно упорного сопротивления требованию царя перенести спорный вопрос о единогласии на решение константинопольского патриарха, хотя, несомненно, он уступал в этом деле царю крайне неохотно, так как хорошо понимал, что это требование царя направляется против него, патриарха, и составленного им соборного определения против единогласия. Но так как царь придавал этому делу важное принципиальное и практическое значение, – этим указывался и расчищался путь для будущей реформаторской деятельности Никона, то патриарх Иосиф уступил давлению царя и обратился к константинопольскому патриарху с особой грамотой, в которой просил его разрешить следующие вопросы: можно ли многим архиереям или иереям служить божественную литургию двумя потирами? Подобаает ли в службе по мирским церквам и по монастырям читать единогласно? Некоторые жены оставляют мужей своих по нелюбви и постригаются, а мужи оставляют жен своих, – как поступать в таких случаях? Можно ли делать священниками женившихся на вдовах, или вступивших во второй брак? На эти вопросы Иосифа из Константинополя был получен соборный ответ, разрешавший недоумения московского патриарха, причем, в желательном для царя духе, заявлялось, что великая константинопольская церковь восприняла от Бога силу отверзать двери верным к разумению божественного учения, утверждать их в разумении истинной и правой веры Христовой, что она есть источник и начало всем церквам, «напаяет и подает живот всем благочестивым христианам во все церкви», так как она все догматы благочестия «хранит ненарушимо и неподвижно, как сначала приняли, не умалили и не прибавили». Константинопольский патриарх и лично от себя прислал Иосифу грамоту, в которой опять заявляет, «что великая церковь Христова, благодатию св. Духа, есть начало иным церквам *и должна в них исправлять неисправленное*». Относительно же единогласного пения и чтения в церквах, грамота патриарха решительно заявляет, что единогласие «не только подобает, но и непременно должно быть»⁶¹.

Ответ константинопольского патриарха был полным торжеством царя и Стефана Вонифатьевича и не по частному только вопросу о единогласии, но вместе с тем он являлся и оправданием и поощрением всей их грекофильской деятельности. В 1651 году Иосиф должен был, для решения вопроса о единогласии, созвать новый собор, на котором, вопреки постановлению собора от 11 февраля 1649 года, решено было «пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно, на Москве и по всем градом, единогласно, на вечернях, и повечерницах, и на полунощницах, и на заутренях, псалмы и псалтирь говорить в один голос, тихо и неспешно; со всяким вниманием, к царским дверем лицом»⁶². Но и здесь, уступая необходимости, Иосиф остался себе верен: в объяснение того, почему он теперь предписывает во всех службах, по всем и приходским церквам, строго держаться единогласия, против которого он еще так недавно восставал соборно, он ссылается не на послание константинопольского патриарха, а на постановление русского Стоглавого собора. Патриарх заявляет; «потщахся и изысках в соборном уложении, сиречь, в Стоглаве», что там предписывается единогласие, он и повелевает всюду держаться о единогласии этого соборного русского постановления. И как бы предвидя, а вероятно и зная, что скоро русские церковные чины и книги должны будут потерпеть значительные изменения, он говорит: «а иже кто гордостью дмяся, и от неразумия безумен, сый сего древнего и нынешнего нашего соборного уложения учнет превращати, и на *свой разум чины церковные претворяти, мимо наших древних письменных и печатных книг*, и таковый по правилу святых отец от нашего смирения приимет отлучение и извержение». Но ни на жалобы Иосифа, что он «уже третье лето есть биен от свадник, терпя клеветные раны», ни на его угрозы тем, кто бы стал на свой разум претворять церковные чины мимо наших древних письменных и печатных книг», уже не обращали внимания. В известном нам кружке церковная реформа решена была окончательно, все деятельно и энергично к ней приготавлилось, и патриарх Иосиф увидел, что его терпят только из уважения к его старости и сану, почему в последнее

время говорил своим приближенным: «переменить меня, скинуть меня хотят, а буде и не отставят, я и сам за собором об отставке буду бить челом». Так дело шло до самой смерти Иосифа.

Глава 4. Первые церковно-реформаторские действия патриарха Никона

Вступление Никона на патриаршую кафедру. Он разрывает свои прежние близкие отношения к провинциальным ревнителям. Причины и ближайшие последствия этого поступка Никона. Первое реформаторское действие Никона: распоряжение его о поклонах и перстосложении. Протест против этого распоряжения со стороны провинциальных ревнителей благочестия. Расправа с ними Никона. Действительные отношения между Никоном патриархом и царским духовником протопопом Степаном Вонифатьевичем. Собор 1654 года, уполномочивавший Никона произвести книжные исправления. Впечатление, произведенное собором 1654 года на русское общество. Слабые стороны собора 1654 года.

15 апреля 1652 года умер патриарх Иосиф. Преемник ему уже ранее был predetermined царем и его духовником, протопопом Стефаном Вонифатьевичем. Это был новгородский митрополит Никон, который в то время возвращался из Соловецкого монастыря в Москву с мощами св. митрополита Филиппа. Царь, извещая Никона о смерти п. Иосифа, писал ему: «возвращайся, Господа ради, поскорее к нам, обирать на патриаршество именем Феогноста, а без тебя отнюд ни за что не примемся... ты, владыко святой, помолись... чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто ему Свету годен, имя вышеписанное, а ожидаем тебя, великого святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит, да отец мой духовный»⁶³.

С другой стороны, и члены кружка ревнителей благочестия сильно были заинтересованы вопросом, кого избрать патриархом на место умершего Иосифа, так как они, благодаря Стефану Вонифатьевичу, уже привыкли вмешиваться в дела по замещению разных иерарших кафедр. Того обстоятельства, что вопрос о новом патриархе уже давно и окончательно был решен царем и Стефаном Вонифатьевичем, они совсем не знали, а

потому считали себя призванными позаботиться о выборе преемника Иосифу. Естественно, что они пожелали иметь патриархом одного из членов своего кружка. Самым лучшим, казалось им, избрать патриархом главу и патрона кружка – Стефана Вонифатьевича. Но, как и следовало ожидать, Стефан решительно уклонился от сделанного ему предложения, и указал своим друзьям на Никона, как на самого подходящего кандидата в патриархи. Они согласились со Стефаном и подали царю челобитную о Никоне, так как по их тогдашнему мнению, после отказа Стефана, Никон был самым подходящим и желанным лицом для занятия патриаршей кафедры⁶⁴.

Никон принадлежал к кружку ревнителей благочестия, был одним из самых видных и деятельных его членов, находился как к Стефану, так и к другим ревнителям, в близких дружественных отношениях. Впоследствии Неронов говорил Никону, уже патриарху: «прежде сего совет имел ты с протопопом Стефаном, и которые советники и любимы были, и на дом ты к протопопу Стефану часто приезжал и любезно о всяком добром деле беседовал, когда ты был в игумнах, и в архимандритех, и в митрополитех. А которые боголюбцы посланы государем блаженные памяти ко Иосифу патриарху, чтоб ему поставити, по его государеву совету, оных в митрополиты, и во архиепископы и епископы, иных в архимандриты, и игумены и протопопы, а ты с государем духовником протопопом Стефаном тогда был в советех и не прекословил нигде, а на поставлении их не говорил: неаксиос, сиречь недостойн. Тогда у тебя вси непорочнии были, а ныне у тебя те же люди недостойнии стали... Доселе ты друг наш был – на нас востал». В письме к царице из Спасокаменного монастыря Неронов жалуется, что он и братия страдают теперь «но древле от любимого нами по Бозе, ныне же честь взявша и переменишася». Игумен Феоктист в письме к Стефану Вонифатьевичу говорит, что «братия» страдает теперь «не от врага, по Бозе от отца и от любезного нам древле зело, ныне же, грех ради наших, жестока бывша к нам и горька зело дотолика, яко и смерть у кождо нас пред очима»⁶⁵. Сделавшись новгородским митрополитом, Никон деятельно и

энергично осуществлял в своей епархии идеи ревнителей и поддерживал с ними, особенно со Стефаном, прежние близкие дружеские отношения. Так, отправляясь на Соловки за мощами св. митрополита Филиппа, Никон поднес в дар Стефану дорогую шапку для церковного служения⁶⁶. В росписи книг и писем, взятых при обыске у игумена Феоктиста в Вятке, между прочим значится: «отписка преосвященного Никона митрополита новгородского к духовнику Стефану Нифантьевичу, ево руки, на трех столбцах», из чего можно заключить, что Никон, сделавшись новгородским митрополитом, находился в переписке с Стефаном⁶⁷. Даже по возвращении своем из Соловецкого монастыря, когда Никон уже хорошо знал, что царь предназначил его в патриархи, он поспешил явиться, по свидетельству Аввакума, к Стефану и другим ревнителям с поклоном и ласками, будто бы в тех видах, чтобы снова подтвердить свою полную солидарность с кружком ревнителей и не встретить с их стороны какой-либо помехи в достижении им патриаршества.

Несомненно, что кружок ревнителей благочестия, выставя Никона кандидатом в патриархи, видел в нем не только своего личного друга, но и человека, казалось ему, вполне разделявшего все взгляды и убеждения ревнителей. Неронов говорил впоследствии Никону патриарху: «святитель, иноземцев ты законоположение хвалишь и обычаи тех приемлешь, благоверны и благочестныи тех родители нарицаешь, а прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривал: гречане де и малые Росии потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой де и честь тех прельстила, и своим де нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия ни мало»⁶⁸. Из этих слов Неронова очевидно, что ревнители видели в Никоне, до его патриаршества, человека их убеждений и воззрений, и потому не имели никаких особых причин противиться кандидатуре Никона, на которого к тому же указывал сам Стефан. С избранием Никона у ревнителей даже соединялись особые надежды: они рассчитывали при нем играть более видную и деятельную роль в церковных делах, нежели какую они играли при Иосифе, так как видели в Никоне

не врага, а своего друга, единомышленника и даже свою креатуру. Впоследствии игумен Феокист писал Стефану Вонифатьевичу, что ревнители желали бы видеть его своим отцом и учителем в вере, т. е. патриархом на место Никона, так как они ожидают от него, что он будет строить мир церкви «внимая прилежно отца Иоанна (Неронова) глаголом». Конечно, и от Никона ревнители ожидали прилежного внимания глаголам отца Иоанна и других братьев. Но провинциальным ревнителям пришлось скоро и горько разочароваться в своем бывшем друге, единомышленнике и избраннике в патриархи, на которого они возлагали столько надежд. Никон, сделавшись патриархом, решительно и резко порвал все прежние связи с провинциальными ревнителями, и даже стал к ним прямо во враждебные отношения.

Никон в последнее время окончательно примкнул во взгляде на характер предстоящей церковной реформы к программе царя и Стефана и, конечно, обязался пред ними держаться ее и выполнить по своему вступлении на патриарший престол, причем царь и Стефан должны были служить ему опорой и поддержкой в этой его деятельности. При таких обстоятельствах кружок провинциальных ревнителей, иначе понимавший и представлявший себе задачи предстоящей церковной реформы, был теперь для Никона не только не нужен, но еще стеснял его, мешал ему своими притязаниями, своим беспокойным стремлением вмешиваться во все церковные дела и направлять их сообразно своим убеждениям и идеалам. Кроме того: уже по самому своему характеру Никон не терпел ничего, что не подчинялось ему безусловно, не терпел ни малейшего ограничения своего самовластия, не выносил никакого противоречия себе. Он хотел быть патриархом на всей своей воле: ни царь, ни бояре, никто не должен был вмешиваться в его патриаршую деятельность, все обязаны были беспрекословно исполнять его архипастырские распоряжения. Недаром Никон, вступая на патриаршую кафедру, заставил публично умолять себя царя, бояр и весь народ, недаром он взял с них клятву, что все они и во всем беспрекословно будут слушаться своего нового отца и

архипастыря. Он видел, в какое жалкое, прямо унижительное положение поставил кружок ревнителей (впрочем, не без участия и самого Никона) предшественника его патриарха Иосифа, как кружок вершил разные церковные дела, не обращая внимания на бессильного, публично оскорбляемого им патриарха. С Никоном этого не случится: он будет крепко стоять во всеоружии патриаршей власти, высоко над всеми поднимет ее знамя, так униженное при его предшественнике, он поставит ее рядом с властью самого великого государя, и даже его заставит покориться ему – патриарху во всех духовных и церковных делах. Отныне всеми церковными делами будет управлять только он, святейший Никон патриарх; от него, как главы церкви, будет исходить вся власть, все церковные распоряжения; всякий иной источник власти, всякое иное движение, не исходящее от него патриарха, он вырвет с корнем; его архипастырской воле не будут противиться даже сам царь и бояре – они публично клялись ему в этом. Очевидно при Никоне патриархе кружку ревнителей, с его притязаниями заправлять и руководить всеми церковными делами, не было места.

Но, с другой стороны, и ревнители, согласившись на избрание Никона патриархом, вовсе не думали вместе с этим устранившись от дел, отказаться от руководящей роли в церковных делах, от приобретенного ими ранее общественного значения и влияния. Напротив, они рассчитывали, с восшествием Никона на патриаршую кафедру, играть еще более видную и деятельную роль, думали быть при Никоне душой и главными деятелями в управлении церковными делами. Понятно теперь, как должны были ревнители, мнившие под рукою Никона вершить все церковные дела, отнестись к своему бывшему другу, единомышленнику, когда он, сделавшись патриархом, не только не стал советоваться с ними, но даже перестал пускать их и в крестовую! Понятно, какое озлобление, какую страстную, непримиримую ненависть должны были почувствовать к Никону особенно более пылкие члены кружка, почему они до конца жизни имели о нравственном характере Никона самое нелестное представление, почему они никогда уже более не верили ему и во всей его деятельности видели

одно только дурное, под все его поступки подкладывали всегда самые нечистые и низкие мотивы. Понятно также, что ревнители вовсе не думали мириться с тем опальным положением, на которое так для них неожиданно осудил их бывший их друг и единомышленник, понятно, что они не хотели сойти со сцены молча, не хотели без борьбы поступиться своим прежним очень видным, почетным и влиятельным положением. Ранее ревнители боролись, и довольно успешно, с патриархом Иосифом, ничто не препятствовало им вступить в борьбу и с преемником Иосифа. Царь по-прежнему хорошо относился к ревнителям, в самой царской семье они пользовались уважением и влиянием⁶⁹, связи их со знатными боярскими домами были обширны и крепки, члены кружка были тесно сплочены и готовы всячески постоять друг за друга, во главе их по-прежнему стоял сильный и влиятельный царский духовник, во всем и вполне, казалось им, солидарный с ними. И по самому характеру своих членов кружок ревнителей не был способен остаться в спокойном, выжидательном положении, он уже ранее привык действовать, бороться, обличать, привык обо всем говорить публично, всенародно. И кружок, действительно, заговорил по своему обычаю не стесняясь, резко и очень обидно для нового патриарха: недаром же в похвалу членам кружка ставилось то, что они говорили «не обинуяся лиц сильных, по пророку Давиду, пред цари глаголюща и не стыдяся». А между тем Никон вовсе не принадлежал к числу таких лиц, которые спокойно выслушивают от других разные обличения и назидания и относятся к ним спокойно и равнодушно.

Так естественно и необходимо, в силу особенностей характера Никона и ревнителей, в силу их предшествующих личных отношений, должна была между ними произойти борьба. Но если бы эта борьба происходила, как некоторые думали, только на почве одних личных отношений, если бы они боролись только из-за власти и влияния, если бы между ними только решался вопрос о том: кто будет в действительности управлять делами русской церкви: Никон или кружок ревнителей; то эта борьба не имела бы никакого особенного

важного значения для всей русской церкви и всего народа, не вышла бы из границ обыкновенной придворной интриги, не перешла бы в народ, не вызвала бы раскола в русской церкви. Если же случилось совершенно противное, то, значит, борьба ревнителей с Никоном далеко не исчерпывалось их личными только отношениями, а имела под собою более глубокую и широкую основу, которая создала возможность перенести эту борьбу из узкой сферы столкновений дворцовых партий на широкую арену народной борьбы, народного дела, которая дала возможность заинтересовать в ней и знатного книжного аристократа, и простого грамотного крестьянина, и архиерея и убогого инока, – словом, лиц всех рангов, общественных положений и состояний. Эта борьба уже давно пережила не только ее первых зачинщиков и их ближайших последователей, но и целый ряд последующих поколений, а между тем она не прекратилась, она с полной силой продолжается и доселе, и мы сами, отделенные от начала борьбы веками, волей-неволей являемся, так или иначе, ее активными участниками и продолжателями. Ясное дело, что видеть начало и причину этой вековой борьбы только в личных отношениях, объяснять ее возникновение только личными счетами начавших борьбу, значит заключение выводить не из надлежащих посылок.

Никон, сделавшись патриархом, решительно порвал не только свои прежние, очень близкие связи с ревнителями, стал к ним во враждебные отношения, лишив их прежнего влияния на дела церковные, но вместе с этим он отрицательно и враждебно отнесся и к тем воззрениям и идеалам, представителями и деятельными поборниками которых были провинциальные ревнители. Разрыв между ними и Никоном шел, значит, с самого начала, гораздо дальше простых личных счетов и столкновений: это был разрыв лиц решительно разошедшихся между собою во взглядах и убеждениях, разрыв лиц, одинаково желавших и стремившихся к реформе в наличных порядках русской церкви, но совершенно различно понимавших исходную точку, задачи, цели и объем реформы, способы и средства, которыми она должна быть проведена. В этом различии, собственно, и заключается вся важная и

серьезная сторона столкновения Никона с кружком провинциальных ревнителей, здесь именно лежали причины, придавшие борьбе Никона с ревнителями широкий народный характер, вызвавший и распространивший в русской церкви раскол. В борьбе Никона с провинциальными ревнителями решался, впрочем, не один только церковный, но и в высшей степени важный для всей последующей русской жизни общественно-культурный вопрос: останется ли Русь при своих старых идеалах, воззрениях, задачах и целях, как они определились у нас под влиянием Флорентийской унии и падения Константинополя; или же русское общество уже выросло из того платья, которое было сшито ему по мерке книжников конца XV и первой половины XVI века? Победа Никона означала бы отречение от прошлого, с его особыми своеобразными идеалами, целями и стремлениями, означала бы признание самим русским обществом несостоятельности его прежней жизни, необходимости ее реформы, перестройки на новых началах, ввиду иного понимания ее задач и целей. Напротив, победа провинциального кружка ревнителей благочестия над Никоном показала бы, что прежние устои и основы русской жизни стоят еще прочно и крепко, что русская жизнь вовсе не нуждается в каких-либо коренных реформах, в новых путях, во всестороннем обновлении, а будет продолжаться по-прежнему, будет держаться за прежние идеалы и весь связанный с ними строй понятий и действий. В таком или ином решении этих вопросов, повторим, и заключался весь смысл, все великое для последующей русской жизни значение ожесточенной, страстной, обостренной личными отношениями, борьбы между Никоном патриархом и кружком провинциальных ревнителей благочестия.

25 июля 1652 года Никон был поставлен в патриархи, и уже чрез несколько месяцев между ним и кружком провинциальных ревнителей благочестия произошло открытое столкновение по поводу следующего распоряжения Никона, которое он разослал по всем московским церквам, пред наступлением великого поста 1653 года: «по преданию св. Апостол и св. отец не

подобает в церкви метания творити на колени, но в пояс бы вам творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились».

Это неожиданное единоличное распоряжение нового патриарха, покушавшееся изменить старый привычный церковный чин и обряд, распоряжение ничем не мотивированное, должно было крайне смутить совесть всех благочестивых людей, воспитанных в преданности наличным церковным чинам и обрядам, не допускавших и мысли, чтобы в них нужны и возможны были какие-либо изменения и переделки. Тем более должны были многие смутиться по поводу неожиданного распоряжения Никона, что у русских существовало прямое и вполне определенное относительно перстосложения для крестного знамения постановление Стоглавого собора: «иже кто не знаменается двумя персты, яко же и Христос, да есть проклят». В виду такого постановления Стоглавого собора, имевшего тогда для всех обязательную силу, первое реформаторское действие Никона необходимо ставило всякого благочестивого русского человека в очень затруднительное положение: подчиниться распоряжению своего нового архипастыря, – значило пренебречь ясным и определенным соборным постановлением, значило подвергнуть себя страшной соборной клятве; остаться верным соборному постановлению, – значило явиться ослушником своего архипастыря, который уже ранее связал всех клятвою – беспрекословно исполнять все его архипастырские распоряжения.

Особенно сильное впечатление распоряжение Никона о поклонах и перстосложении должно было произвести в кружке ревнителей, для которых оно имело и особенное значение. До сих пор церковные вопросы и предполагаемые церковные реформы и обсуждались в среде кружка и им приводились в исполнение. Теперь Никон единолично делает важные церковные распоряжения, не спрашиваясь и не советуясь со своими друзьями, чем ясно дает понять кружку, что его роль советника и руководителя по церковным делам уже кончилась, что всеми церковными делами теперь будет управлять не кружок ревнителей, а только одна воля и благоусмотрение его,

Никона патриарха. Конечно, не без цели Никон послал свое распоряжение о поклонах и перстосложении прежде всего в Казанский собор к Неронову – он хотел, очевидно, посмотреть, как кружок отнесется к его единоличным церковным патриаршим распоряжениям. Кружок хорошо понял относящийся к нему смысл распоряжения Никона, понял, что Никон открыто и решительно объявляет ему войну. Протопоп Аввакум говорит, что когда получено было распоряжение Никона, «мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чудов, – седмицу в палатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: время приспе страдания! Он же мне, плачучи, сказал; то же Коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем сжег в Новгородских пределах; потом – Даниилу, Костромскому протопопу; то же сказал и всей братии»⁷⁰.

Предчувствие кружка, что для него наступает зима, время страданий, скоро вполне оправдалось. В настоящем его положении для кружка возможны были два исхода; безусловное подчинение новому патриарху и всем его распоряжениям, с оставлением всякой мысли о прежней выдающейся роли в церковных делах; или – открытая борьба с Никоном, человеком решительным, крутым, и при этом, крайне сильным, так как за него стоял сам царь. Кружок, как и следовало ожидать, избрал последнее. Он всегда считал себя на страже истинного благочестия, был его всегдашним присяжным ревнителем и поборником, члены кружка тем именно и славились, что они, «ревность велию имуще по Бозе», не боялись смело выступать на обличения лиц сильных и даже, «по пророку Давиду, пред цари глаголюща и не стыдящаяся». Именно борьба с нечестием, публичные обличения других за уклонение от существующих церковных уставов и постановлений, составляло, так сказать, специальную профессию членов кружка, создавшую им и громкую известность, и очень видное общественное положение. Единоличное, ничем, по-видимому, не оправдываемое распоряжение Никона о поклонах и перстосложении, давало им прекрасный случай выступить в привычной, и прежде очень

благодарной для них, роли обличителей и порицателей нечестия Никона, который к тому же перестал пускать своих недавних друзей и «в крестовую». В опровержение распоряжения Никона членами кружка немедленно составлена была записка о поклонах и перстосложении и подана государю, но тот, как догадывается Аввакум, передал ее Никону.

Нельзя сказать, чтобы первое реформаторское действие Никона – отмена старого двоеперстия и распоряжение о поклонах – было выбрано им удачно, вполне достаточно соображено с воззрениями и понятиями того общества, в котором Никону приходилось действовать. Никон начал свою церковную реформу тем, что сразу, с первого же шага, без всякой подготовки к тому общества, затронул ранее всеми признаваемый церковный обряд и чин, т. е. ту именно область, на которой по преимуществу воспиталось религиозное чувство русского народа, и которая поэтому была особенно близка ему, дорога и священна в его глазах. Русские, которым недоступны были наука и образование, а вместе с этим возможность теоретического усвоения системы христианского вероучения вне обряда, по необходимости сосредоточили свое внимание на внешней обрядовой стороне христианства, которая, как наглядное выражение отвлеченных истин, была ближе и понятнее для простого, необразованного народа, малоспособного к отвлеченному мышлению. Обряд, таким образом, естественно выступал на первый план в христианской жизни русских: не от вероучения переходили они к обряду, как бы следовало, а совершенно наоборот: они начинали, прежде всего, с обряда, и уже чрез обряд и при его посредстве приходили к усвоению и пониманию самого учения, так что русских воспитывал и учил христианству, прежде всего, определенный обряд, вне которого они не могли ни представить, ни мыслить христианства. На самый обряд и его значение, по историческим обстоятельствам своей жизни, русские смотрели значительно иначе, чем, например, греки. Греческая церковь, отправляясь от учения Христа и апостолов, в течение своей исторической жизни выработала у себя, на основании этого учения, целую систему обрядов, которыми она

выразила внешним образом содержимое ею учение и свое понимание его за различное время. Понятно, что она, как создавшая православный обряд, хорошо знала его происхождение, его отношение к вероучению, его истинное значение в христианской жизни. К русским обряд перешел уже готовый, в существенных чертах вполне сформировавшийся и законченный; процесс его исторического происхождения и постепенной выработки остался для них совершенно неизвестным, почему они приписали ему одинаковое происхождение и значение с самым вероучением. Ввиду указанных обстоятельств для значительного большинства русских обряд был тоже, что и вероучение; он так же важен, свят, спасителен и неизменен, как и вероучение. Изменить обряд, по их мнению, значило тоже, что изменить вероучение; иной обряд указывал на иное учение, разность в обряде указывала и на разность в учении, а не на иную только внешнюю форму его выражения, так что русский не учением поверял обряд, но обрядом учение; всякий держащийся иного обряда был в его представлении иноверующий, ибо правый обряд повсюду един, как едино повсюду правое вероучение. При этом большинство русских искренно и твердо было убеждено, что правый обряд во всей его чистоте и первоначальной неизменности сохранился только у них одних, тогда как у современных греков, и у других восточных православных христиан, он уже несколько видоизменился, воспринял в себя некоторые новшества. Ввиду подобного отношения русских к обряду понятным становится, как опасно было затрагивать именно эту неприкосновенную и заветную для религиозного чувства русских область их вековых верований, понятно, какого осторожного и бережного отношения требовал к себе обряд со стороны каждого. А между тем Никон, только что успевший войти на патриаршую кафедру, сейчас же, без всяких разъяснений и оправданий, без всякой предварительной подготовки к тому общества, единолично своим распоряжением изменяет вековой обряд, всеми признаваемый доселе за правый, не допускающий никаких перемен.

Но этого мало. Никон, по непонятным для большинства причинам, изменяет тот именно обряд, который постоянно употребляется каждым православным христианином, и неизменяемость которого была утверждена и ограждена клятвой Стоглавого собора, вследствие чего Никон, во мнении большинства общества, необходимо должен был явиться противником таких соборных постановлений, которые в то время для всех считались обязательными, и ни с чьей еще стороны не возбуждали сомнений, – должен был явиться таким человеком, который свою волю, только свое личное усмотрение в церковных вопросах, ставит выше голоса всей церкви, тем более что Никон, фактически упраздняя постановление Стоглавого собора о двуперстии, в то же время вовсе не объяснял, как его распоряжение о перстосложении относится к существующему по этому предмету соборному постановлению, прямо ему противоположному. Наконец, такой образ действий не особенно был удобен для Никона и потому, что на патриаршей кафедре Никон был новым, для большинства вовсе неизвестным человеком, что он не только не успел приобрести того подавляющего нравственного авторитета, который бы заставил его паству спокойно смотреть и на такие его действия, которые с первого взгляда могли показаться ей не имеющими достаточного оправдания ни с исторической, ни с канонической точки зрения; но он имел еще у себя и непримиримых врагов, всегда готовых самые правые и законные его действия объяснить в дурную сторону и тем вооружить против него народ.

Таким образом, первый реформаторский шаг Никона был действием поспешным, недостаточно обдуманым и соображенным с теми условиями, при которых ему приходилось действовать; а между тем такой шаг должен был иметь для всей последующей деятельности Никона очень важное значение: он сразу поколебал во мнении многих доверие к Никону патриарху, заставил зорко-недоверчиво относиться ко всей его последующей реформаторской деятельности, дал сильное против него оружие в руки его противников.

Впрочем, Никон сам скоро увидел и сознал ошибочность и поспешность своего первого реформаторского действия, и потому немедленно решился взяться за дело реформы иначе, идти к той же цели иным, хотя и более медленным, но зато более верным путем.

Оказанное Никону открытое сопротивление со стороны кружка провинциальных ревнителей благочестия, по поводу его распоряжения о поклонах и перстосложении, дало ему случай убедиться в том, что в лице отвергнутых им ревнителей он найдет себе самого сильного и опасного врага, способного дискредитировать во мнении общества проводимые им реформы и подорвать самый его патриарший авторитет, только опираясь на который он сделал известное распоряжение о поклонах и перстосложении. Поэтому Никону необходимо было, прежде всего, так или иначе освободиться от враждебных ему ревнителей, которые легко могли сделаться органом всех недовольных, как лично Никоном, так и его церковными реформами, и тем создать ему массу затруднений и неприятностей в будущем. Действовать относительно своих бывших друзей мягко и примирительно, постараться привлечь их на сторону предположенной церковной реформы, воспользоваться их ревностью, энергией и дарованиями для достижения своих целей – Никон не хотел, потому что уже ранее хорошо изучил взгляды и убеждения своих бывших друзей, и ясно видел сильную нерасположенность с их стороны сочувственно, или только терпимо, отнестись к намеченной церковной реформе. Ввиду этого Никон решил просто отделаться от своих притязательных, заносчивых и опасных для него и его дела друзей, и притом таким способом, который бы сразу дал им почувствовать всю силу и могущество Никона, а их собственное бессилие и ничтожество пред ним. Всемогущему царскому любимцу и патриарху нетрудно было найти поводы и способы покончить с неприятным опасным для него кружком. Члены кружка ревнителей всюду, где только им приходилось действовать, создавали себе немало врагов, благодаря своим резким обличениям чужих неправд, пороков и недостатков. Никон воспользовался этим обстоятельством для своих целей.

Он стал принимать жалобы озлобленных против ревнителей и, давая веру этим жалобам, стал привлекать ревнителей к ответственности. По такой жалобе он отдал за пристава Логгина, чем крайне возмутились все ревнители. Неронов выступил полномочным защитником Логгина, и между ним и Никоном публично произошла очень бурная сцена, в присутствии целого собора. Неронов при этом случае до того забылся, что дозволил себе самые грубые и резкие выходки против патриарха, обвиняя его в неуважении и презрении к царю, в неправдах, в жестокости, в склонности слушать клеветников и наушников, в доверии к людям заведомо недостойным, и в преследовании людей добрых и хороших. Когда, например, Никон, обличаемый Нероновым в неправом суде, заметил: «я де кроме Евангелия ничем не сужу», то Неронов так отвечал ему: «во святом Евангелии написано: Господь рече, любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас; а тебе кто и добра хочет и ты и тех ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, и ты тех любишь и жалуешь и слушаешь. А кто тебе кого огласит напрасно, хотя за пять сот верст, или за тысячу, и ты веры имеешь... тебе клеветники въяве клеветуют на добрых людей, а ты им веры имеешь... Доселе ты протодиакона Григория и прочих, которые ныне в крестовой у тебя советники его, врагами Божиими и разорителями закона Господня сказывал; а ныне у тебя на соборе то и добрые люди... Доселе ты друг наш был, на нас восстал. А коих ты разорил, и на их место поставил иных, и от них доброго ничего не слышать. А коих ты оставил, вины на них положил, что они людей мучат, так де ненадобно делать, как ты говоришь; а сам беспрестанно мучишь: старца соловецкого и в кресной день велел еси бить немилостиво. Се того себе не вменяешь, влаstem зазираешь, а сам беспрестанно мучишь... Ныне от тебя боголюбцы терпят скорби, и беды и разорения». Неронов резко порицал не только одного Никона, но и весь собор». Не знаю, говорил расходившийся ревнитель, чем ваш сей собор назвать, потому что не поболание ваше о законе Господни, но укоризны и поносы! Таковы соборы были и на

великого святителя Иоанна Златоустого и на великого святителя Стефана Сурожского»⁷¹.

Так ревнители, с самого начала патриаршества Никона, подвергли его патриаршие действия самой резкой и придирчивой критике, находили в них только одни неправды, произвол и жестокости, проповедуя открыто и решительно, что Никон недостойный патриарх⁷². Понятно, что Никон не мог остаться равнодушным к этим зазорным и резким обличениям, имевшим в виду окончательно подорвать его значение патриарха, тем более что все это происходило в первый год патриаршества Никона, когда его положение еще не вполне окрепло и установилось, почему нападения на него ревнителей грозили ему серьезной опасностью. Никон поспешил окончательно отделаться от своих бывших друзей. С Неронова он снял скуфью и послал его под крепкий начал в Спасокаменный монастырь; Логгину он остриг голову, т. е. лишил его сана священства, причем последний, когда его расстригали в соборе, не удержался от публичных грубых и неприличных выходок против Никона. С видимым удовольствием, как о каком-то высоком подвиге, рассказывает об этом Аввакум следующее: «остригше, содрали с Логгина однорядку и кафтан. Логгин же, разжегся ревностью божественного огня, Никона порицая и чрез порог в алтарь в глаза Никону плевал. Распоясался, схватя с себя рубашку, в алтарь в глаза Никону бросил». Несмотря на все крайнее неприличие поведения Логгина, оно, однако, по словам Аввакума, было увенчано всенародным чудом: «и чюду, повествует он, растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, быт-то воздух». Но нечестивый Никон, по словам Аввакума, к подобным очевидным чудесам над ревнителями, относился не только скептически, но и насмешливо. Когда ему донесли, что Бог чудесно, заключенному после расстрижения в темницу Логгину, дал шапку и шубу, то Никон только рассмеялся и при этом заметил: «знаю-су я пустосвятов тех»⁷³. Вслед за Логгиным и Нероновым опале подверглись и другие ревнители – Аввакум и Даниил Костромской, которые было подали царю челобитную за Неронова. Даниил был расстрижен и сослан в

Астрахань, Аввакума же спасло от расстрижения заступничество царя, но он все-таки был сослан в Сибирь.

Так Никон отделался от своих бывших друзей, лишив их прежнего влиятельного и видного общественного положения и разослав их по дальним уголкам России. Царь решительно стоял на стороне Никона и предоставил ему полную свободу действий в церковной сфере, отказываясь от всякого вмешательства в церковные дела. Неронов, еще до своей ссылки, говорил Никону: «подал равноапостольный, благочестивый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея России тебе волю, и ты, зазнався, тако всякия ругания творишь, а ему, государю, сказываешь, я де делаю по Евангелию и по отеческим преданиям». Стефан Вонифатьевич писал сосланному уже Неронову, уговаривавшему его побудить царя вмешаться в церковные действия Никона, что царь «на себя такого чина не взимает, что управити ему, государю, благочестие»; и в другом месте: «царь государь положил свою душу и всю Русию на патриархову душу»⁷⁴.

Таким образом, Никон находился теперь в самых благоприятных условиях относительно выполнения предположенной церковной реформы. Те лица, от которых он только и мог ожидать серьезного противодействия себе, находились далеко от Москвы, в ссылке; царь оказывал ему безусловное доверие и предоставил ему в церковных делах полную свободу действий; власти, бояре и весь народ уже ранее клялись ему беспрекословно подчиняться всем его архипастырским распоряжениям. И, однако же, несмотря на все это, Никон встретил сильные препятствия на пути к осуществлению церковной реформы, и открытое решительное сопротивление всем своим реформаторским распоряжениям. Противодействие исходило от его бывших друзей – ревнителей, которые, несмотря на свою ссылку, очень чувствительно давали знать о себе Никону. Пользуясь своими прежними связями и особым положением в Москве, они обращались со своими челобитными к царю и царице, а также и к царскому духовнику, чтобы они защитили их от Никона, который несправедливо гонит их и преследует, причем самих себя они выставляли

мучениками за правду, страдальцами за ревность по благочестию. Так Неронов, который теперь стал во главе своих опальных друзей ревнителем и всех вообще противников Никона, пишет царице: «тии (Павел, Даниил, Аввакум, Логгин) мучени и томлены, и изгнаны ради проповеди закона, и ради учения, и за еже побуждати им на благое всех человек, ревность имуще, да не един от христиан правого пути погрешит, но вси спасения да улучат и чисти пред сотворшим ны предстанут в день праведного суда, иже и воздаст комуждо по делом его».

Ревнители не ограничивались тем, что представляли Никона человеком жестоким, несправедливым, гонителем людей, ревнующих о правде и благочестию. Указывая всем на единоличное распоряжение Никона о поклонах и перстосложении, они на первых уже порах стали открыто и настойчиво заявлять о том, что русскому благочестию грозит от Никона серьезная опасность. «Не наша бо страдания, пишет Неронов в своей первой челобитной царю, от 6-го ноября 1653 года, нудят нас к тебе, государю, вопити, ниже скорбей и мучений наших моление к тебе, государю, приношу; *но страх держит мя о сем, дабы благочестие истинне в поругании не было и гнев Божий да не снидет...* О, благочестивый царю, устави, молю, бурю, смущающую церкви!.. О, благочестиве! молю тя: скорби бо и гонения, еже претерпехом за любовь Господа нашего Иисуса Христа, радость нам воистину; а еже зрети или слышати люди Божия смущаемы и печалию погружаемы *правоверия ради и благочестия* от бед и скорбей – нестерпимо». С своей стороны Аввакум, вместе с Даниилом, еще до своей ссылки, уже писал царю в особой челобитной; «о, благочестивый царю, откуда се привнидоша в твою державу? Учение в Росии не стало и *глава от церкви отста*, понеже озоба вепрь от луга и инок дивий поял и есть». Во второй челобитной государю, писаной в начале 1654 года, Неронов прямо уже указывает царю, в чем заключается опасность, грозящая церкви. «Искушения бо прииде, потрясающая церковь, и велико несогласие, пишет он царю. Чесо ради? всяко веси. Отцы преданное коленное покланение попираемо, и крестного знамения сложение перст пререкуемо, и ново некако сказуемо

не от писания, плачу достойно, соблазн приносяще людям, их же ради Христос кровь свою пролия... Коленное же покланяние от устава прияхом, преданного церкви святыми отцы, согласующе от тех и блаженному Никону в своих правилах, и не хотящих до земли покланяться, непоклоннической ереси последующих тех глаголет, юже сказует девять десять первую в Дамаскинове книге». Доказывая затем истинность двуперстия сказанием о Мелетие антиохийском, словами Феодорита, свидетельством Максима Грека, Неронов говорит: «всех же зрим нетлением и чудесы от Бога проставленных, от них же ни един инако мудрствуя, приложите что смея, последующе древле бывшим отцем, и яко постепении друг по другу идуще, а пред отцы не прескочающе, но пребываху в них же научени быша, *самочинне же законов не полагаху и церковных догмат не развращаху*. Сих ли святейшия есмы? О, благочестивый царю, яко законы их, ими же они Богови угодивши, и в чудесех велице явльшеся, тако, яко истинних прогоняют бесов; мы же сия нетрудно разорити покушаемся. На сих ли возносимся, им же видим ты, благочестивый царю, и вси правовернии князи, и боляра, и архиереи, и ереи, и православные христиания со страхом многим любезно святыя их мощи целуете, и ракам их касаетесь ради освящения едиnorodных наших душ, и яко да молят о нас человеколюбца Бога, да милостив будет нам в день судный, – на сих вознестися имамы?» Затем Неронов, в той же челобитной царю, говорит, что вместе с верою русские приняли от греков и книги, которые «добре и богоугодно» были переведены на славянский язык, а потом благовернии цари, князи, святители и преподобнии отцы «писание уясниша и тиснению печатному предаша» причем преподобный Максим Грек крепко завещавал «возносящимся премудростию и тщетною философиєю, развращенно же житие имущим, отнюдь не дерзати святых книг таковым переводити, ниже вручите таковым, яков же он лукавый чернец Арсений, о нем же патриарх иерусалимский писал к тебе, государю, из Путивля, что он Арсений еретик, велел ся его остерегать. А ныне он, Арсений, взят к Москве и живет у патриарха Никона в келье, да ево и свидетеля, врага, поставляет, а в древних великих мужей

и святых чудотворцев свидетельство отмечает и ложно нарицает». Для решения возникших церковных недоумений Неронов предлагает царю созвать собор, но только чтобы этот собор был истинный, «а не сонмище иудейско». «Не единым бо архиереом подобает собратися, пишет он, но и священно-архимандритом, и священно-игуменом, и протопопом, и священно-иноком, иереом и диаконом, ведущим до конца божественное писание; такожде и в мире живущим и житие добродетельное проходящим всякого чина людям; поискати же лепо, государь, и в пустыни живущих иноков, искусных отцев, науку имеющих от божественного писания, паче же жития ради добродетельного и чистоты и дарованию сподобльшихся от Бога, да же споспешествуют нам, государь, не точию словеса, но и молитвы их, ко исправлению нашея православные христианския веры, да же истина светлее солнца явится. Тебе же, государь, яко превеликому столпу, ту председети и всех зрети». Только одного ограничения для проектируемого собора желает Неронов. Это – чтобы государь никак не принимал в совет иностранных иноков, «истине и благочестию ругателей и ересем вводителей»⁷⁵.

Царь не только не придавал никакого значения этим челобитным, вполне положившись в церковных делах на Никона, но и запретил Неронову обращаться к нему с жалобами на Никона. Но это не остановило Неронова. Он стал писать царице, прося ее ходатайства пред царем, и особенно обращался к своему патрону и доброжелателю Стефану Вонифатьевичу, думая найти в нем противника Никону.

Неронов, и особенно его друзья, до конца своей жизни имели неправильное представление об участии Стефана Вонифатьевича в деле церковной реформы Никона, и неправильно представляли себе личные отношения, существовавшие между Стефаном и Никоном. По их представлениям Никон, до своего патриаршества, очень дружил со Стефаном, во всем соглашался с ним, не противоречил ему и даже всячески пред ним заискивал. Но, сделавшись патриархом, он решительно будто бы изменил к Стефану свои отношения: стал не только гнать и преследовать его друзей, но

ругать и поносить и самого Стефана. Неронов говорил патриарху Никону: «преже сего совет имел ты с протопопом Стефаном, и которые советники и любимы были, и на дом ты к протопопу Стефану часто приезжал и любезно о всяком добром деле беседовал, когда ты был в игумнах, и в архимандритех, и в митрополитех... Ты с государевым духовником протопопом Стефаном тогда был в советех, и не прекословил нигде... И протопоп Стефан за что тебе враг стал? – везде ты его поносишь и укоряешь»⁷⁶... Но такое представление ревнителей об изменившихся будто отношениях Никона к Стефану, после того как Никон успел сделаться патриархом, решительно неверно и не соответствует действительности. Стефан Вонифатьевич, несомненно, всегда был сторонником Никона, как своего ставленника в патриархи, и до самой своей смерти сохранил к нему близкие дружеские отношения. На производимую Никоном реформу он смотрел как на свое личное дело, и потому не только не мог ей противодействовать, но и всячески ее поддерживал. В послании к царю из Спасокаменного монастыря, от 27 февраля 1654 года, Неронов пишет: «по приказу отца священнопротопопа Стефана Нифантьевича, всякое покорение и любовь показывал аз к Никону патриарху, еще же он был в архимандритех и в митрополитех, и лживых слов ему, господину, не говорил, но все поистинне истину, моля его, да не слушает клеветников»⁷⁷. Значит, когда Никон еще был архимандритом и митрополитом, уже тогда между ним и Нероновым происходили несогласия, уничтожаемые авторитетом Стефана, который заставлял Неронова оказывать Никону «покорение и любовь» т. е. уже и тогда Стефан считал более правым Никона и был на его стороне, а не на стороне Неронова. То же было и после, когда Никон стал патриархом и начал свою реформаторскую деятельность. Протопоп Аввакум в письме к Неронову в Спасокаменный монастырь, от 14 сентября 1653 года, говорит: «а про Стефана сказать не знаю что, – всяко ослабел. Писал я о тебе челобитную, и он государю и не снес. И я помышляю: благо нам и так; Давыд богоотец рекл: не надейтесь на князя, на сына человеческого, в них же несть спасения»⁷⁸. Отсюда видно, что в

происшедшем столкновении Никона патриарха с его бывшими друзьями-ревнителями, Стефан сразу стал на сторону не их, а Никона, что подметили ревнители и объясняли это странное, по их мнению, поведение Стефана тем, что он «всяко ослабел». Ясно, что ревнители не понимали Стефана совсем: не знали того, что Никон в своей церковной реформаторской деятельности осуществляет программу царя и Стефана, и потому они сильно заблуждались, считая Стефана сторонником своих воззрений на реформу, совсем не одобряющим реформы Никона, и только из политики поддерживающим внешние корректные сношения с Никоном патриархом. В действительности роль Стефана в деле столкновения Никона с его бывшими друзьями была ролью посредника между двумя борющимися сторонами. Он старался действовать примирительно, посреднически, склоняя обе стороны к уступчивости, воздействуя в этом смысле, с одной стороны, на царя и Никона, с другой, на Неронова, как тогдашнего главу недовольных Никоном. Это как нельзя более ясно открывается из переписки Стефана с Нероновым. Стефан в письме к Неронову в Спасокаменный монастырь советует ему оставить затеянную им борьбу с Никоном патриархом, так как он – Неронов борется «всуе», прав Никон патриарх, а не Неронов, почему последний должен оказывать Никону послушание «и без рассуждения не прекословите ему ни в чем», тем более что Никон ждет от него покаяния и просьбы о прощении, которое он, под этим условием, и получит. На эти советы и убеждения Стефана оставить борьбу с Никоном и примириться с ним, Неронов отвечает Стефану решительным отказом, заявляет, что он никогда не покорится Никону, а будет по-прежнему бороться с ним. «Молютя, брате, пишет он Стефану, Вскую мя оскорбил еси, воспоминая ми подвиг оставите и приложитися от благоначинания, яже о Христе, а не добре подтвержая мя, яко да течение окончаю? Или еще не уразуме настоящия беды всей Руси? Всякое благочестие преста и чадом церковным везде плачь... Како же рече о возлюбленне, яко всуе ми труд? рассмотри добре превожделенне, – себе ли ради сие творю? Не буди то никакоже: но церкви ради и братии, о них же Христос

кровь свою излия... Идеже вред преемлет церковь, и многим блазнь бывает и погибель душевная, – какое тут молчание? Се в упрямство не вменяй, еже к патриарху прощения не приношу: не вем бо себе к нему согрешаю». При этом Неронов относительно дальнейшего своего образа действий решительно заявил Стефану, что просит у Христа помощи и заступления, «да даст ми крепость, еже с братиею моею за имя Его любезно пострадати и с ними, о Христе моими господами, смерть или живот прияти, да в безконечные веки с любезными моими не разлучаюся». Но этого мало. Неронов и самого Стефана старается убедить открыто стать на сторону дела Неронова и его друзей, всячески их поддерживать и ради них бороться с Никоном. Он пишет Стефану: «не прииде бо Христос вложить мира, но рать и мечь, разделить отца на сына, и сына на отца, и дочь на мать свою, и невестку на свекровь свою. Сицевое Спасово речение часто воспоминай и нам не стужай, дело наченшим; но, молю, и помогай; аз орю и добре землю делаю, ты по ней посеи, яко да обогатееши. Не угаси, молю, малые искры, лежащая в тебе, да не от Бога наказан имаши быти, яко погубив правду». И в другом месте того же письма заявляет Стефану: «грубых словес моих не гнушайся, о превозлюбленне, но с радостию, яко истине друг, приемли в клети, яко птица, седи и пой Господеви песни красны, во дни и в нощи. Прочти мучение святого пророка и мученика Еремия, иже посылаше, ко царю учеником своим Варухом епистолию, они же драша и жгоша, самого же пророка и соучеником его мучиша, последи же и в кал его втопташе. Опасно зри, каков суд подъяша. Тако и ты, – аще и жещи и драть не будеши, но писанное тебе аще презирати будеши: блюди да не тояжде постраждеши. Аще бо к человеку согрешит, отпустит ти ся; аще ли о церкви не радети будеши, и чадом ее блазнь сотвориши, неумолим суд обрящеши в день праведного суда Христова»⁷⁹.

Так старался Неронов убеждениями и мольбами, а частью и угрозами, склонить Стефана на свою сторону, заставить его решительно и открыто выступить на борьбу с Никоном. Но в то же время Неронов невольно чувствовал, что Стефан вовсе не на его стороне, что он не оправдывает его строптивного,

вызывающего поведения относительно Никона. Неронов искал причины такого, казалось ему, непонятного поведения своего друга и советника. В приписке к письму он спрашивает Стефана: «не то ли ты мыслишь, государь мой союзниче, священнопротопопе Вонифатьевич, что я тебе, живучи на Москве, стужал и много тебе жестоко и противно говорил?» Значит, Неронов признавал, что Стефан им недоволен, что он оправдывает не его, а Никона, причину этого думает найти в прежних своих личных отношениях к Стефану, когда он, ввиду вскрывавшегося между ними несогласия по тем или другим вопросам, позволял себе много и горячо спорить со Стефаном и не соглашаться с ним. Отсюда очевидно также и то, что рознь в воззрениях между Стефаном и Нероновым сказывалась уже давно и, благодаря резкости и упрямству Неронова, уже ранее вызывала неудовольствие Стефана, о чем теперь и вспоминает Неронов.

Еще яснее свои истинные отношения к Никону патриарху и реформатору Стефан выразил во втором письме к Неронову. Здесь он пишет, что царь, которому он прочел письмо Неронова, удивляется его (Неронова) упрямству», что царь и Стефан «блазни не имеют о патриархе, – все Он доброе творит», и что вообще «государь за патриархом ничего худого не видал». Что же касается распоряжения Никона о поклонах, то Стефан находит его правильным, вполне согласным с русской церковной стариной; а относительно перстосложения вопрос еще не решен окончательно, т. е. царь и Стефан находили правильными первые реформаторские шаги Никона и вполне их оправдывали, так как они, очевидно, и предприняты были Никоном не иначе, как после предварительного соглашения по этому предмету с царем и Стефаном. Поэтому неудивительно, что и царь не похвалил сопротивления и упрямства Неронова, и что он выразил желание, чтобы Неронов подчинился Никону и снова занял свое прежнее место в московском Казанском соборе, о чем Стефан и извещал в письме Неронова.

Таким образом, Стефан был, несомненно, вполне на стороне Никона, и оправдывал его реформу пред своими зазорными друзьями – ревнителями, с которыми он, особенно с

Нероновым, поддерживал всегда прежние близкие отношения, всячески усиливаясь его и других примирить с новыми явлениями в тогдашней русской церковной жизни. Несомненно также и то, что и царь принимал живое и деятельное участие в первых реформаторских шагах Никона и в посреднической попытке Стефана примирить ревнителей, особенно Нерона, с Никоном и его реформаторской деятельностью.

Стефан мало, однако, рассчитывал побороть упрямство Неронова путем убеждений и уговоров, и потому решил достигнуть этой цели иным способом; как видно, Стефан уже давно задумал принять монашество, променять свое видное и влиятельное положение царского духовника, на положение простого смиренного инока старца. К тому же он решил склонить и Неронова. Последний во втором своем письме пишет Стефану: «прочее же писанное тобою (т. е. Стефаном), о вселюбезне, внятно разумех, смирению твоему подивихся и простонравию блаженному, *и благий совет твой приемлю. Молю же тя, поне мирского мудрования уклонися, якоже и мира, и Владыце нашему Господу Иисусу послужим по силе нашей*». Приняв благодатный совет Стефана Неронов, как известно, постригся в монахи под именем Григория. Также поступил и Стефан Вонифатьевич. В 1655 году он, на средства своего духовного сына – государя, построил в Москве на «убогих домах», где была кладбище для бедняков, странников, умерших насильственной смертью, замерзших и других несчастных, особый монастырь, названный Покровским, в котором, вероятно в 1656 году, он и был пострижен в монахи под именем Савватия. Стефан Вонифатьевич, в иночестве старец Савватий, скончался 11-го ноября 1656 года, и был похоронен в своем Покровском на «убогих домах» монастыре⁸⁰. Понятно, почему Стефан добивался и потом действительно постриг Неронова в монахи. Сам Стефан смотрел на свое иноческое пострижение, как на акт всецелого отречения от мира и всецелого посвящения себя служению только Господу Иисусу – он, после пострижения, не царский духовник, не влиятельное придворное лицо, даже не иерей, а смиренный инок – просто старец Савватий. Он был убежден, что и Неронов, сделавшись старцем Григорием,

подобно ему, тоже всецело проникнется иноческим смирением, бросит свою задорную общественную деятельность и, как инок, смирится пред патриархом, весь сосредоточится на работе Христу, навсегда замкнувшись от мира в своей уединенной иноческой келии. Но Стефан ошибся в своих надеждах на Неронова: ставши старцем Григорием, Неронов не изменился, а по-прежнему во всех случаях проявлял и прежний задор, и неуступчивость, и ненависть к патриарху, и прежнее желание играть в обществе видную и прямо шумливую роль. Монашество оказалось бессильным переделать беспокойную натуру Неронова и направить его энергию и помыслы в другую сторону. Ввиду этого миротворческие стремления Стефана по отношению к Неронову не удались, но зато они, в известной степени, удались по отношению к другому лицу, – патриарху Никону.

Если Неронов впоследствии говорил Никону патриарху «протопоп Стефан за что тебе враг стал? Везде ты его поносишь и укоряешь», то на это заявление Неронова следует смотреть как на преувеличение, как на выражение желания Неронова показать, что Никон не только преследовал его Неронова, но даже ругал и поносил такого уважаемого и почитаемого всеми человека, каким был Стефан Вонифатьевич. Стефан, как миротворец, сохраняя постоянно дружеские отношения с Никоном, в то же время дружил с Нероновым и его друзьями, всячески усиливаясь примирить их с Никоном и его реформаторской деятельностью, а Никона побудить к более кроткому и снисходительному отношению к ревнителям. Возможно, что суровому и нетерпеливому Никону иногда было неприятно это миротворческое вмешательство Стефана, это его стремление щадить и по возможности извинять своих друзей, и он позволял себе, по обычной ему несдержанности, выражать иногда свое неудовольствие на Стефана, что подхватывалось Нероновым и его сторонниками и нарочно выставлялось потом, в видах повредить Никону, как проявление его вражды к Стефану. В действительности же никакой вражды к Стефану Никон не имел и даже более: Стефан и на Никона оказывал сдерживающее и смягчающее влияние и Никон, благодаря

Стефану, стал потом терпимей и снисходительней. Мы видели, что Стефан всячески усиливался примирить Неронова с Никоном, но умер, не достигнув этой цели. Очень вероятно, что Стефан, перед смертью, взял с Никона обещание примириться с Нероновым, если тот пойдет хотя бы сколько-нибудь на уступки. И действительно Никон, уважая память Стефана, решился идти на примирение с Нероновым. Очень любопытны и характерны, для обеих заинтересованных сторон, некоторые обстоятельства этого примирения, поскольку они связаны с личностью Стефана. Неронов, после своего пострижения в монахи, пробыв некоторое время в Москве у Стефана, отправился на жительство в Игнатиеву пустынь. Но так как Никон его разыскивал, то Неронов, скрываясь, переходил с места на место. В это время в Москве умер Стефан, и Неронов, получив весть о его смерти, явился в свою пустынь, «и моли Иоанн духовную братию, да в царствующий град Москву, на гроб к отцу Савватию (т. е. Стефану) того отвезут проститься: зане отец Савватий представися, Григорий же (Неронов) бегая живяше и не сподобися последи се целовати любезного ему друга и брата, и во многих слезах бяше сицевых ради; духовная же братия готови исполнити прошения его, и елико той хотяше, делом исполняху». Неронов прибыл в Москву, и здесь между ним и Никоном произошло примирение, причем Никон, несмотря на задор, несдержанное и грубо-неприличное поведение Неронова, отнесся к нему в высшей степени сдержанно и ласково-милостиво. Между прочим, Неронов просил Никона назначить ему место, где бы он мог проживать во время своего пребывания в Москве. Никон, имея в виду близкие отношения Неронова к Стефану, зная, может быть, что и в Москву-то он прибыл, если верить его заявлениям, собственно затем, чтобы плакать на гробе своего «друга и брата», предложил ему жить в Покровском на убогих дому монастыре, где была могила Стефана. Но Неронов не понял всей деликатности предложения ему Никона жить в Покровском монастыре, он грубо отвечал патриарху: «далече, великий святитель; где мне от тебя поближе; потому что человек я древний, бродить не могу. Изволь пожаловать на Троицком подворье побыть». И патриарх

рек: «ино-де добро», и Неронов поселился на Троицком подворье, а не в монастыре Стефана. Но если Неронов не хотел, хотя бы временно, пожить при гробе своего друга и брата Стефана, а предпочел поселиться поближе ко двору и патриарху, чтобы быть на глазах у сильных мира сего; зато Никон, со своей стороны, не забывал умершего Стефана, с уважением относился к его памяти, заботился о построенном им монастыре⁸¹, посещал его могилу, на которой, конечно и не раз, плакал. В записке о жизни Неронова рассказывается: генваря в 14 день (1657 г.) патриарх Никон приехал в Покровский монастырь, что на убогих дому, идеже лежат мощи отца Саватая, и быв у гроба старцова, пошел к строителю старцу Кирилу в келью. И в келье, обычно благословение и мир дав, седе, покивая же главою и плача, глаголя: «старец Григорий!» Старец (т. е. строитель Кирилл) вопрошая его, глаголя: владыко святой, что вина плачу, его же ради зело плачеши? Патриарх же ничто же рече строителю, но, плакався довольно, отиде»⁸². О чем именно плакал Никон на гробе Стефана, – мы не знаем. Но судя потому, что Никон, плача, говорил: «старец Григорий!» можно с вероятностью заключать, что тяжелое душевное настроение Никона создалось его примирением с Нероновым, которое, как он ясно видел, несмотря на всю сдержанность и уступчивость с его стороны, не удалось, так как Неронов по-прежнему питал к нему полное нерасположение и готов был всячески вредить ему. Никон, приезжая плакать на гроб миротворца Стефана, отдавал, вероятно, дело своего примирения с Нероновым, на суд умершего Стефана, так усиленно всегда об этом заботившегося. Во всяком случае, плакать на могилу Стефана приезжал не Неронов, а патриарх Никон, и это уже одно говорит за его всегдашние близкие отношения к Стефану, за его любовь и глубокое уважение и почтение к нему. О вражде патриарха Никона к Стефану не может быть, при указанных обстоятельствах, и речи.

Никон, несмотря на полный разгром кружка ревнителей, на поддержку царя и его духовника Стефана Вонифатьевича, на свою всесильную патриаршую власть, не мог, однако, скрыть от себя, что протест кружка ревнителей, относительно его

распоряжения о поклонах и перстосложении, в значительной степени был справедлив, что единоличной, только своей патриаршей властью, производить такие важные во мнении общества церковные реформы дело рискованное и очень непрочное. Не мог не сознать Никон и того, что его противники были люди убежденные, искренние, вполне веровавшие в свое призвание бороться за истинное благочестие, страдающее от самочиния нового патриарха, что их голос в этом случае мог быть убедителен для очень и очень многих, так как в своих нападках на Никона они опирались на известную всем и всеми почитаемую родную старину, которую Никон самочинно стремится нарушить. Ввиду этого Никон, конечно с совета царя и Стефана, решается, в своей дальнейшей реформаторской деятельности, опереться на более прочную опору: на целый собор русских иерархов, благодаря чему дело церковной реформы должно было стать делом всей русской церкви, а не одного только Никона. Эти соображения вызвали собор 1654 года, очень важный в том отношении, что на нем Никон в первый раз торжественно высказал свой взгляд на положение русской церкви и на те реформы, какие бы он желал произвести в ней.

Собор 1654 года Никон открыл речью, в которой указал на причины, побудившие созвать собор, на те вопросы, какие подлежали соборному рассмотрению и решению. В оправдание задуманной церковной реформы Никон сослался на постановление константинопольского собора об учреждении в России патриаршества, где, между прочим, заповедывалось пастырям церкви истреблять все новины церковные. Прочитавши деяния константинопольского собора, Никон говорил собору: «сего ради должен есть нововводные чины церковные к вам объявити», и затем перечисляет самые найденные им в московских служебниках новины. Он указал именно: а) разрешительную архиерейскую молитву, которую незаконно положено было читать священнику пред совершением литургии, отпуст пред началом литургии, который принято было читать на всю церковь, и некоторые излишние ектении; б) существовавший обычай у нас оставлять царские

врата отверстыми от начала литургии до великого входа; в) обычай праздничную литургию начинать в седьмом и даже в восьмом часу дня т. е. в первом и во втором часу пополудни; г) обычай – при освящении храмов не полагать мощи под престолом; д) дозволение простецам двоеженцам и троеженцам петь и читать в церкви на амвоне; е) употребление земных поклонов в четьиредесятницу (при чтении молитвы Ефрема Сирина) вместо 12 малых и ж) положение антиминса под покровом, вместо того, чтобы полагать его на престоле открыто и на нем совершать таинство евхаристии. Указав на то или другое новшество в московских печатных книгах, Никон обыкновенно замечал, что указанные им нововводные чины несогласны ни с греческими, ни со славянскими книгами, и обращался к собору с вопросом: «и о сем прошу решения: новым ли нашим печатным служебникам последовати, или греческим и нашим, *старым*, которые купно обои един чин и устав показывают? На такие вопросы Никона, говорит соборное деяние, «великий государь царь... преосвященные митрополиты, архиепископы и епископ... и священные архимандриты и игумены... большего собора пречистые Богородицы протопоп... и весь освященный собор, *вси едино отвечали: достойно и праведно исправити противу старых харатейных и греческих*»; или: «святый собор рече: и мы тако же утверждаем быти, яко же греческие и наши *старые книги и уставы* повелевают»; «святый собор рече: добро есть *исправити противу старых и греческих книг*». «И сие соборное уложение благочестивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великия и малые и белые России самодержец, и великий государь святейший Никон, архиепископ московский, и всея великия и малые России патриарх, написати повелеша ради совершенного укрепления, чтобы впредь быти исправлению в печатном тиснении божественным книгам, *против древних харатейных и греческих книг уставов, потребников, служебников и часословов*».

Из той постановки дела о церковной реформе, какую дал Никон на соборе 1654 года, нельзя не видеть, что Никон был очень своеобразный реформатор: он сам, очевидно, не имел

настоящего правильного представления о предмете своей реформы, т. е. о происхождении, историческом росте и действительном значении в деле веры тех церковно-обрядовых явлений, которые он так смело взялся реформировать. Русские церковные чины, несогласные с тогдашними греческими, он прямо называет на соборе неправыми и нововводными, между тем как в действительности это были правые, старые греческие чины и обряды, некогда перешедшие на Русь от православных греков и у нас неизменно сохраняемые, тогда как у самих греков, вследствие естественного роста и перемен в церковно-обрядовой жизни, они изменялись, почему и стали кое в чем несходны с русскими, или что тоже: со своими же древними греческими чинами и обрядами. Фактически, поэтому, дело стояло так, что не русские отступили от греческой церковной старины, в каком виде она перешла на Русь, а позднейшие греки, в силу разных исторических перемен и требований, видоизменяли свои старые обряды и чины, и сделали их, в некотором отношении, непохожими на старые, а, следовательно, и на русские. Ввиду этого Никон должен был говорить на соборе не о том, что русские церковные чины и обряды есть нововводные и неправые, а – самое большее – о том, что это чины и обряды устаревшие и отжившие, что они уже более не стоят в строгом соответствии с церковной практикой всей вселенской православной церкви и потому должны быть видоизменены, в видах этого соответствия. В той же постановке дела церковной реформы, какую дал ей на соборе Никон, она неминуемо должна была вызвать в обществе сильное противодействие себе, так как была не согласна с русской церковной стариной, а, следовательно – и со стариной греческой.

При чтении вопросов Никона, предложенных им собору 1654 года, нельзя не обратить внимания и на то резко бросающееся в глаза обстоятельство, что Никон в число нововводных чинов, на исправление которых он требовал себе соборных полномочий, не решился включить двоеперстия, сугубой аллилуйи, чтения в символе веры «истинного» и вообще тех заметных обрядовых особенностей, которыми

русские порознились тогда от современных греков, и относительно которых у русских существовало определенное обязательное для всех постановление Стоглавого собора, оградившего клятвой установленный обряд от всяких его изменений в будущем. А между тем, если в чем настояла для Никона особенная нужда заручиться прямым специальным соборным полномочием, так это именно относительно тех обрядов, которые установил Стоглавый собор. Но раз Никон этого не сделал, а между тем, стал потом изменять и переделывать этот обряд, он необходимо тем самым должен был, со стороны ревнителей и всех вообще почитателей русской церковной старины, навлечь на себя и на все свое дело горькие жалобы, нарекания и прямые обвинения в самочинии, в презрительном отношении к существующим соборным постановлениям. Почему Никон не предложил собору уполномочить его на изменение указанных обрядов, – понятно: собор 1654 года, как чисто русский по своему составу, никогда бы не дал ему таких полномочий, что хорошо знал Никон.

Никон, настаивая на необходимости церковной реформы, заявлял на соборе 1654 года, что русская церковь содержит неправые, нововводные чины, несогласные с древними русскими и греческими, и тем самым он открыто признает, что вся вообще русская церковь не удержалась во всем на высоте строго православного обряда, так как она допустила у себя существование неправых, нововводных церковных чинов, несогласных со строго православными чинами, какие ранее существовали в русской церкви и сейчас существуют у греков. Значит, беда заключалась не в том только, что наши книги были испорчены невежеством, но в том, что порча проникла в самую жизнь церкви, что сама церковь усвоила себе нововводные, позднейшего измышления, неправые чины и обряды, выдавая их за древние, строго православные, так что погрешали не только уже книги, но и вся русская церковь. Ввиду этого Никон говорит на соборе не о таких книжных исправлениях, под которыми бы разумелись внесенные в них невежеством ошибки, описки и подобные неважные и легко исправимые погрешности, но требует исправления книг, поскольку они содержат, по его

мнению, нововводные чины и обряды, требует, так сказать, исправления самой церкви, а не книг только. Испорченность наших церковных книг и необходимость их исправления признавалась у нас всегда и всеми, а при патриархе Иосифе наши церковные книги даже стали сверять с греческим текстом, что бывало и ранее. Но при этих исправлениях, как ранее, так и при патриархе Иосифе, никогда у нас не признавалось, чтобы русская церковь потеряла или исказила в чем-либо древний православный чин и обряд, чтобы она обладала неправыми, нововводными чинами и обрядами, и чтобы наши церковные книги нуждались в исправлении именно с этой стороны. Поэтому требуемая Никоном на соборе 1654 года церковная реформа, должна была существенно отличаться по своему характеру от всех предшествующих книжных исправлений.

Заявление Никона на соборе 1654 года, что церковные книги московской печати содержат в себе неправые, нововводные чины и обряды, несогласные с истинно православными древними чинами и обрядами, необходимо должно было произвести в высшей степени сильное впечатление на большинство благочестивых русских людей, и вызвать у них целый ряд недоуменных вопросов.

До сих пор каждый русский искренно и твердо верил, что русская церковь приняла от греков православие во всей его чистоте и полноте, что в течение веков она хранила его неизменно, и ни разу не поступилась им ни в какую сторону, так что православие, и в церковно-обрядовом отношении, всегда царило в ней без всяких колебаний и уклонений, дало ей целый ряд великих угодников Божиих, и самое русское государство сделало могучим и сильным, – единым теперь православным царством в целой вселенной. Сами греки не раз открыто признавали, что русские всегда были тверды и неизменны в вере, что Русь сделалась опорой и единственно верным убежищем гонимого на востоке православия. Много перебывало на Руси различных греческих иерархов, не раз бывали в ней и сами патриархи различных восточных кафедр, и никогда, до Никона, они не замечали, чтобы русская церковь содержала какие-либо неправые церковные чины и обряды. Они, наоборот,

только дивились русскому благочестию, восхваляли русских за горячую преданность истинному православию, за их религиозную крепость и устойчивость. Сам константинопольский патриарх Иеремия торжественно заявлял на Москве, что в ней теперь следует быть престолу вселенского патриарха, что Москва теперь есть истинная столица всего вселенского православия, что она – третий Рим. И вдруг московский патриарх Никон торжественно заявляет теперь на соборе, что русское благочестие сомнительно, так как русские содержат у себя неправые, нововводные церковные чины и обряды, и что самые богослужебные книги, по которым веруют и спасаются русские, исполнены очень серьезных ошибок и погрешностей. Откуда же взял Никон это поразительное и страшное открытие? Ему указали на него греки, церковные книги, чины и обряды которых порознились с русскими. Тогда невольно возникал вопрос: чьи же теперь книги нужно признать испорченными – русские или греческие? Никон, с голоса разных сомнительных заезжих к нам греков и киевлян, решительно заявил, что испорчены именно русские книги, и что их следует исправить по книгам греческим, которые не подверглись никакой порче. Но значительному большинству русских крайне трудно и тяжело было согласиться с этим мнением Никона, признать его справедливым. Русские церковные книги, обряды и чины испорчены: но кем, когда и с какой целью? Вот вопросы, которые необходимо возникали в уме русского человека, и на которые он никак не мог найти себе удовлетворительного ответа. На Руси не было, как в Греции, ни царей еретиков, ни верховных иерархов отступников, никакая ересь ни разу не царила на Руси, православие всегда и всеми признавалось в ней неизменно, Русь именно гордилась тем, что раз принятое ею православие она всегда хранила твердо, без малейших изменений. Кому же теперь и для какой цели понадобилась порча русских церковных книг, в которые все верили, которые в глазах русских всегда были так святы и непререкаемы, что они не решались изменить в них даже единой буквы, учили, что православному человеку следует умирать за единую букву аз, если она будет изменена в его священных книгах. А между тем,

если верить Никону, оказалось, что русские, учившие православных умирать за единую букву аз, как-то странно не заметили порчи всех своих богослужебных книг, не заметили, как в них вошли неправые, нововводные чины и обряды. Когда же в самом деле и как могло случиться это непонятное и странное явление? На этот вопрос русский не находил ответа⁸³. Указание на то, что русские церковные книги, чины и обряды испортило, исказило вековое русское невежество, конечно ровно ничего не объясняло, потому что невежество могло только объяснить появление в русских богослужебных книгах разных описок и неважных погрешностей в тексте, происшедших от неумелой или невнимательной переписки книг, но никак не могло объяснить появления в книгах неправых, нововводных чинов и обрядов, так как для этого требовалось уже творчество и, во всяком случае, серьезная переделка существовавших тогда церковных чинов и обрядов на новый лад, – дело настолько заметное и крупное, что оно никак не могло пройти незамеченным, особенно в русском обществе, всегда крайне чутком к малейшим обрядовым переменам.

Не умея объяснить порчу книг русских, не представляя себе самой возможности этой порчи, русские естественно задавались вопросам; да действительно ли справедливо, что испорчены именно русские книги? Не вероятнее ли будет предположить, что испорчены не русские, а греческие книги? Многие говорили русскому за справедливость последнего предположения. Он невольно вспоминал, при таком предположении, о господстве в Константинополе латинян-крестоносцев, об уклонении греческого императора, патриарха и многих иерархов в унию, о завоевании Константинополя турками, когда латиняне, будто бы скупив греческие книги, сожгли их, и напечатали, на место сожженных, новые, ими переделанные, в каком виде греческие книги продолжают печататься и доселе в Венеции и других иноверных землях; о том, что в теперешних греческих книгах, по сознанию и заявлениям самих греков, находится лютое еретическое зелье, внесенное в них латинянами и лютеранами; о греческих ученых, которые получали образование в латинских школах, где многие из них заражались латинством и тому

подобное. Если, таким образом, для многих русских была решительно непонятна и необъяснима порча книг русских, то наоборот, легко и удобно для них объяснялась порча книг греческих, и потому нет ничего удивительного, что очень многие русские оказались более склонными признать испорченными греческие книги, а не русские. Но в таком случае, что же это значит, что сам верховный архипастырь русской церкви торжественно, вслух всех на соборе провозглашает русские книги испорченными, некоторые русские церковные чины и обряды неправыми и нововводными? Как объяснить это странное, доселе никогда невиданное на Руси явление, что верховный глава русской церкви открыто хулит и порицает ее церковные книги, чины и обряды, и наоборот хвалит греческие, про которые всем хорошо известно, что они испорчены позднейшими новшествами, тем более что очень недавно сам Никон заявлял своим бывшим друзьям, что гречане потеряли веру и крепости и добрых нравов у них нет?... Члены кружка ревнителей, разосланные Никоном по различным отдаленным уголкам России, но сохранившие с Москвой и между собою связь и общение, взялись ответить на указанные мудреные и недоуменные вопросы, взялись разъяснить всем смысл того, что происходило тогда на Москве. Из всех отдаленных уголков России, куда только Никон успел загнать своих бывших друзей, вслух всего народа слышалась одна и та же грозная, смутившая всю Русь, речь: на кафедре великих святителей и чудотворцев московских сидит теперь изменник православию, хулитель русской церкви и русского благочестия, человек, задумавший страшное, злое дело – замутить и совсем разорить русское благочестие, искоренить чистую, доселе никем еще непохуленную русскую православную веру. Под предлогом церковных исправлений он решился ввести на Руси различные латинские новшества и ереси, которым он научился от греков. При нем, в качестве советника, и сейчас находится всем ведомый еретик, сосланный за ересь на Соловки, грек Арсений, его Никон взял из Соловок, держит при себе и поручает ему – всем ведомому еретику, править русские церковные книги, в которые тот и вносит разные ереси. Известные ревнители

благочестия и поборники его, протопопы: Неронов, Аввакум, Логгин, Даниил, с самого уже начала увидели и поняли злые намерения Никона и, движимые ревностью по вере, смело обличали его нечестие, его злые умыслы, за что и подверглись от отступника разным казням и заточению. Теперь Никон, освободившись от смелых и опытных для него обличителей, приводит на Москве в исполнение, с помощью окружающих его греков и малороссов, задуманное им дело – искоренить чистое православие на Руси, не опасаясь более помехи своему делу со стороны разогнанных им ревнителей благочестия. И вот от ссыльных членов кружка ревнителей раздался по всей России призыв к истинно верующим и ревнующим об истинном благочестии восстать на защиту православной веры и церкви от покушения на них отступника Никона патриарха, призыв на энергичную смелую борьбу с этим еретиком. Спокойная и безмятежная доселе Русь, беззаветно верившая в полную истинность и спасительность содержимого ею благочестия, сильно и глубоко заволновалась под влиянием речей и призывов кружка ревнителей. Почва, которую русский человек привык считать столь твердой и незыблемой, неожиданно сильно заколебалась под его ногами и он не знал, куда ему следует направиться, чтобы окончательно не сбиться с пути и совсем не погибнуть. На Москве царь, патриарх и все власти приказывают ему идти по указанному ими пути, тогда как известные и уважаемые всеми знатоки и ревнители правой веры и благочестия толкают его на совершенно иной путь, противоположный первому: куда идти, к кому пристать? Смысл и цели намечаемой Никоном реформы, для огромного большинства, были решительно непонятны. Сознания серьезной поврежденности и испорченности наших церковных книг, чинов и обрядов у большинства тогдашнего общества вовсе не существовало, а существовало убеждение как раз противоположное. Поэтому реформа Никона, начатая и веденная им без всякой предварительной подготовки к ней общества, даже с прямым пренебрежением к его мнениям и пониманию, необходимо казалось большинству каким-то личным, произвольным делом одного только Никона, начатым

по каким-то непонятым, сторонним побуждениям, может быть даже и не совсем чистым, как об этом говорят, на что указывают известные ревнители. Большинство – масса, всегда подозрительная ко всяким переменам старого, привычного, освященного веками, всегда враждебно встречающая все непонятное ей новое, разрушающее излюбленную старину, а к крутым и резким переменам в религиозной жизни всегда относящаяся и прямо враждебно, охотно верила тем разъяснениям смысла реформы Никона, какой давали ей члены кружка ревнителей. Они, в этом случае, стояли на прочной почве народных исторических воззрений, опирались на авторитет всем дорогой и понятной родной старины, они были носителями и выразителями национальных горделивых представлений русских о своем особом историческом призвании, как избранного народа Божия, только в среде которого и удержалась теперь и правая вера, и истинное благочестие, потерянные всеми другими народами. Поэтому, большинство, даже верхи, по крайней мере, на первых порах, искренно сочувствовало членам кружка ревнителей, более расположено было к ним, нежели к суровому, очень крутому и мало понятному реформатору Никону. В его пользу, конечно, говорил привычный авторитет власти, но против него все, чем доселе жила, что доселе думала, в чем глубоко была убеждена и к чему стремилась Русь, исключая самого незначительного меньшинства, притом появившегося только уже в самое последнее время. Поэтому нет ничего удивительного, если Русь, между двумя указываемыми ей путями, не сумела выбрать одного, как несомненно верного, но раскололась на две половины, из которых каждая пошла теперь своим особым путем.

На соборе 1654 года Никон постарался намечаемую им церковную реформу выдать за дело представителей всей русской церкви, показать, что его реформаторская деятельность опирается на согласие и одобрение целого собора, а не есть только его личное дело, или дело небольшого кружка лиц, хотя бы очень сильных и великую власть имеющих. Но этим Никон

далеко не достиг своей цели, – оппозиция его реформам нисколько не была ослаблена собором 1654 года.

Дело в том, что собор 1654 года уполномочивал Никона произвести исправление замеченных им погрешностей в церковных чинах и обрядах на основании старых харатейных книг славянских и греческих, а вовсе не на основании печатных заграничных греческих книг, или на основании современной греческой церковной практики, по указаниям и под руководством современных греков. Во всех ответах на вопросы и указания Никона, собор очень ясно и определенно заявлял, что те или другие погрешности «достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих»; или: «и рече собор положить против древних уставов», т. е. собор желал и уполномочивал Никона производить исправления по древним славянским переводам и по древним греческим спискам так, чтобы эти исправления опирались исключительно на греческую и русскую старину, а вовсе не на современную только греческую церковную практику. Затем, собор не уполномочивал Никона производить реформы в той области обряда, которая ранее была ограждена от всяких перемен клятвой Стоглавого собора (двуперстие, двоение аллилуйи), хотя этот русский обряд и расходился с тогдашним греческим обрядом. А между тем Никон стал потом исправлять наши церковные книги по греческим венецианским изданиям, наши церковные чины и обряды на основании современной ему практики греческой церкви, по указаниям и под руководством разных случайных заезжих в Москву греков, стал, опираясь на греков, изменять и переделывать и тот обряд, который был огражден от всяких перемен клятвой Стоглавого собора. Ясное дело, что Никон, в своей последующей реформаторской деятельности вовсе не стоял на почве строго соборных полномочий 1654 года, и всякая попытка в последующей деятельности Никона видеть только приложение полномочий, данных ему на соборе 1654 года, будет просто натяжкой, не оправдываемой самым ходом дел, и по другим обстоятельствам собор 1654 года не мог произвести на противников Никона никакого особого впечатления, способного удержать их от противодействия реформам Никона.

Если мы и поймем постановления собора 1654 года в смысле вполне благоприятном для Никона, то и в таком случае, в глазах его противников, эти соборные постановления теряли свое значение, так как они, по их мнению, служили выражением не голоса всей церкви, а только личных взглядов Никона. Недаром, конечно, Неронов в челобитной государю 1654 года настаивал, чтобы в Москве, для обсуждения и решения всех возникших церковных дел, собран был собор – «не сонмище иудейско», а собор истинный, настоящий, на котором бы присутствовали не одни архиереи, но и архимандриты, игумены, протопопы, книжными знаниями отличающиеся священники и диаконы, всякого чина мирские люди, заявившие себя добродетельною жизнью, иноки, живущие в пустынях, науку имеющие от божественного писания» и прославившиеся святостью своей жизни, чтобы таким образом на соборе мог выразиться, и притом свободно, без всяких стеснений, голос всей церкви, а не голос искусственно подобранных лиц, вовсе не выражавших голоса всей церкви. А между тем Никон собрал собор только из таких лиц, от которых не ожидал себе никакого противоречия, которые дрожали пред всемогущим патриархом и не отваживались на заявление своих, неугодных ему мнений; они только угодливо выслушивали мнения патриарха и беспрекословно подписывались под продиктованными им решениями. Поэтому на соборе не было, собственно, никаких обсуждений и прений, как бы следовало, а все решалось по желанию и в угоду всемогущему, не терпевшему никаких противоречий патриарху. На соборе, кроме подбора известных лиц, предприняты были и особые меры, чтобы решение поставленных Никоном вопросов, совершилось обязательно в известном наперед Никоном и царем предрешенном смысле, как это видно из самых соборных деяний. В них рассказывается, что когда Никон спрашивал собор: «и о сем прошу решения: новым ли нашим печатным служебникам последовати, или греческим и нашим старым, которые купно обои един чин и устав показывают»? то *«великий государь царь... преосвященные митрополиты... все едино отвечали: достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих»*. Значит, на

соборе 1654 года царь первый подает голос, а за ним и все другие, за такое или иное решение поставленного Никоном вопроса, и царь делает такой необычный для него поступок, конечно, с особой целью, чтобы своим подавляющим царским авторитетом предупредить со стороны собора возможность отрицательного ответа на доставленный Никоном вопрос. Расчет был верный. Если сам царь первый подал на соборе голос в смысле необходимости совершить исправление русских церковных книг, чинов и обрядов; то, конечно, другие члены собора уже не отваживались дать ответ, несогласный с заявленным государем; это значило бы открыто идти против ясно и публично выраженного желания царя. Очевидно, голос государя подсказал отцам собора, что и как им следует ответить на поставленный им Никоном вопрос, и все они действительно последовали за царем, благодаря чему вопрос о церковной реформе принципиально решен был собором так, как этого желал царь, предварительно, конечно, согласившись с Никоном, как им следует действовать на соборе, чтобы достигнуть ранее намеченной цели. Правда, присутствовавший на соборе епископ Павел Коломенский, отважился было заявить свое несогласное с патриархом мнение о поклонах, ссылаясь на имеющиеся у него два свитка. Но Павел жестоко должен был поплатиться за свою дерзость, за свою попытку выражать на соборе свое собственное суждение о деле, несогласное с мнением патриарха. Быстрая и очень крутая расправа Никона с епископом Павлом Коломенским убедила всех, что Никон не терпит никаких заявлений, несогласных с его взглядами, что он готов жестоко покарать всякого, кто бы отважился, хотя бы и на соборе, противоречить ему, и что царь, в этом случае, не защитит смелого человека от расправы с ним сурового патриарха.

Собор 1654 года не только ничем не умалил значения и силы кружка ревнителей, но даже еще более усилил его. Кружок, благодаря этому собору, сделал очень важное и видное приобретение: на его сторону, вопреки Никону, открыто и решительно стал Коломенский епископ Павел, обстоятельство для кружка очень важное. Доселе кружок был какой-то

безголовый, ему сильно вредило то, что он состоял из одних протопопов и вообще членов низшего иерархического ранга. На него доселе можно было смотреть как на кружок таких лиц, которые, по гордости и самомнению, возмутились против своих прямых начальников, которые своей показной ревностью о благочестии только прикрывают властолюбивые, эгоистические стремления, – ни одного архиерея нет на их стороне, все высшие законные власти против них. Но вот на сторону кружка открыто становится епископ, конечно потому, что видит в членах кружка не простых бесчинников и бунтовщиков против властей, а представителей и защитников истины против покушений на нее со стороны патриарха. К простым бунтовщикам против архиерейской власти епископ, сам власть, пристать, очевидно, не мог, тем более что своим присоединением к кружку протестантов он не только ничего не выигрывал, а наоборот, все проигрывал, так как такой шаг неминуемо навлек на него гнев всемогущего и сурового патриарха, о котором уже хорошо было известно, как он разделяется со своими противниками. Отсюда понятно, какое важное приобретение сделал кружок ревнителей, приобщив к себе епископа Павла Коломенского, понятно также и то негодование, тот гнев Никона на епископа, перешедшего открыто на сторону его врагов и этим поступком придавшего кружку большую устойчивость и авторитетность в глазах всего общества

Ввиду указанных обстоятельств собор 1654 года, несмотря на свою формальную правильность, терял, однако, свое значение и силу в глазах протестантов, не производил на них того впечатления, на которое рассчитывал было Никон. Последний должен был сознаться, что собор 1654 года далеко не оправдал возлагаемых на него надежд, что опираясь на постановления только этого собора, нельзя было с успехом провести намеченную реформу, так как даже и между архиереями у него нашелся противник, который стал открыто на сторону кружка ревнителей. Молчаливое и очень условное согласие на реформу других иерархов, присутствовавших на соборе 1654 года, не предвещало ему в будущем ничего доброго⁸⁴. Вести далее реформу опираясь только на свою

громадную власть и тот страх, который он внушал всем, было бы делом слишком рискованным. Ввиду этого Никон решился опереться на авторитет восточных патриархов, и проводить свои реформы уже под их высшей санкцией так, чтобы они являлись выражением мысли и понимания всей восточной православной церкви, а противление им, было бы противлением всей православной церкви. Что на православном востоке его реформы найдут полное одобрение и поддержку, в этом Никон не сомневался, так как, он действовал в этом случае по совету и в духе греков, имел в виду русский чин и обряд привести в соответствие с современным греческим, чем он наносил смертельный удар горделивым представлениям русских о своем всецелом религиозном превосходстве над, современными греками, и снова возвращал русских к признанию ими авторитета греков в своих церковных делах.

Глава 5. Церковно-обрядовые реформы Никона

Посылка Никоном грамоты Константинопольскому патриарху с просьбой решить предложенные в ней вопросы. Приезд в Москву антиохийского патриарха Макария и его участие в церковно-реформаторской деятельности Никона. Расправа Никона, при поддержке и ободрении антиохийского патриарха Макария, с иконами франкского письма. Публичное одобрение Макарием распоряжения Никона о замене двоеперстного перстосложения троеперстным. Собор 1655 года по рассказу служебника и по рассказу Павла Алепского. Соборная ответная грамота константинопольского патриарха Паисия на вопросы Никона, не одобряющая его реформационного увлечения, направленного на исправление и переделку безразличных для веры и благочестия старых русских чинов и обрядов. Провозглашение антиохийским патриархом Макарием русского двоеперстия армянским перстосложением. Торжественное проклятие в Успенском соборе антиохийским патриархом Макарием, сербским патриархом Гавриилом и никейским митрополитом Григорием всех крестящихся двоеперстно. Древние свидетельства, доказывающие, что двоеперстие есть старое православное перстосложение и что оно древнее троеперстия. Отлучение от церкви и проклятие двоеперстников собором русских иерархов 1656 года. Другие церковно-обрядовые реформы Никона, совершенные им по указаниям антиохийского патриарха Макария. Общие замечания о характере и ценности церковно-обрядовых реформ Никона.

Немедленно после собора 1654 года Никон обращается с особой грамотой к Константинопольскому патриарху Паисию, в которой пишет: «ныне же мы, рассмотривше прилежно в книгах наших, разньство в них обретохом, от преписующих ли, или от преводников, неведущих языка греческого, не вемы. Сего ради пишем ко пресвятости твоей, прежелаемый брате, да ту пресвятость твоя, с прочими святейшими патриархи и браты

нашими, и прочими архиереями, соборне, известно и со всяким прилежным взысканием о всяком чине церковном, пишите». Затем, указав на самые замеченные им разности, какие уже были указаны на соборе 1654 года, Никон заключает грамоту словами: «нас же церкви Божия любовь возжизаше, да без порока ю пасем, сего ради к святости твоей восписуем, да даси нам о всех сих вышереченных, о коеждо особь, потонку твоего святительства, чрез писание твое скоро, совет благ: како вышереченная нами восточная церковь у вас содержаше и содержит, и како ныне летъ есть тоя блюсти, и что сотворити соблажняющимся о сих и непокорне прящимся». К этой черновой сохранившейся грамоте, Никон в беловом ее списке, отосланном Паисию, прибавил еще несколько новых вопросов (так что всех их оказалось 27), и обвинения против епископа Павла Коломенского и против Неронова⁸⁵.

Итак, Никон все дело намечаемой им церковной реформы передал на благоусмотрение и решение собора восточных иерархов, благодаря чему весь дальнейший ход его реформаторской деятельности должен был зависеть от такого или иного решения Константинопольским патриархом посланных ему вопросов. Очевидно также, что своим обращением на православный восток Никон открыто и торжественно признал высший авторитет восточных иерархов в делах русской церкви, обязательность для русских в делах церковных руководствоваться указаниями и решениями восточных иерархов. После этого позволительно было ожидать от Никона, что он начнет свои дальнейшие реформаторские шаги не раньше, как получив из Константинополя ответ на посланные туда вопросы, и что вся его дальнейшая реформаторская деятельность будет в духе полученного им ответа. В действительности не было ни того, ни другого.

В это самое время (2-го февр. 1656 г.) в Москву приехал за милостыней антиохийский патриарх Макарий. Он надолго остался в Москве, всячески старался угодить всемогущему тогда Никону, на которого приобрел заметное влияние. Вместо того чтобы умерять и сдерживать односторонний, слишком бурный реформаторский пыл Никона, остерегать его от

неосторожных, опрометчивых, а в то же время крутых мер, сильно раздражавших и обижавших русских, Макарий – по собственному ли невежеству, по предосудительному ли желанию порисоваться пред русскими своей горячей преданностью делам церковным, с корыстной ли целью как можно больше угодить, понравиться Никону, в видах получения от Московского правительства более щедрой милостыни, – только он действовал как раз напротив. Он постоянно указывал Никону на разные будто бы отступления и новшества в русской церковной практике, требовал их немедленного исправления, и своим авторитетом торжественно одобрял и оправдывал самые необдуманные и крутые меры Никона. Под влиянием Макария, при его деятельном участии и одобрении, Никон совершил ряд таких действий, которые сильно повредили ему и его реформе, и на которые он, вероятно, не отважился бы без одобрения и поощрений Макария.

В неделю православия, в 1655 году, богослужение в Московском Успенском соборе совершалось с особою торжественностью, так как в нем участвовали три патриарха: московский, антиохийский и так называемый сербский – Гавриил, приехавший в Москву почти одновременно с Макарием и поселившийся было в Москве на всегдашнее житье. В соборе находился сам царь, бояре и разные придворные чины; стечение народа было громадное. По окончании литургии Никон стал говорить поучение, направленное против новых икон – франкского письма. Племянник антиохийского патриарха Макария Павел Алепский, как очевидец, рассказывает о происшедшем в это время в соборе следующее: «во время проповеди Никон велел принести иконы старые и новые, кои некоторые из московских иконописцев стали рисовать по образцам картин франкских и польских. Так как этот патриарх отличается чрезмерною крутостью нрава и приверженностью к греческим обрядам, то он послал своих людей собрать и доставить к нему все подобные иконы, в каком бы доме ни находили их, даже из домов государственных сановников, что и было исполнено. Это случилось летом пред появлением моровой язвы. Никон выколол глаза у этих икон, после чего

стрельцы, исполнявшие обязанность царских глашатаев, носили их по городу, крича: «кто отныне будет писать иконы по этому образцу, того постигнет примерное наказание». Это происходило в отсутствие царя (т. е. в 1654 году). Так как все москвиты отличаются большой привязанностью и любовью к иконам, то они не смотрят ни на красоту изображения, ни на искусство живописца, но все иконы, красивые и некрасивые, для них одинаковы: они всегда их почитают и поклоняются им, даже если икона представляет набросок на бумаге или детский рисунок... Видя, как патриарх поступал с иконами, подумали, что он сильно грешит, пришли в смущение и волнение и сочли его противником икон. В это время случилась моровая язва и солнце померкло пред закатом 2-го августа. Они подумали: «все случившееся с нами есть гнев Божий на нас за надругательство патриарха над иконами». Образовались скопища, враждебные патриарху, которые покушались убить его, ибо в это время царя не было в Москве, и в городе оставалось мало войска⁸⁶. В этот день (т. е. в неделю православия 1655 года) патриарху представился удобный случай для беседы в присутствии царя, и он много говорил о том, что такая живопись, какова на этих иконах, недозволительна. При этом он сослался на свидетельство нашего владыки патриарха, и, в доказательство незаконности новой живописи, указывал на то, что она подобна изображениям франков. Патриархи предали анафеме и отлучили от церкви и тех, кто станет изготовлять подобные образа, и тех, кто будет держать их у себя. Никон брал эти образа правой рукою один за другим, показывал народу и бросал их на железные плиты пола, так что они разбивались, и приказал их сжечь. Царь стоял близ нас с открытой головою, с видом кротким, в молчании внимая проповеди. Будучи человеком очень набожным и богобоязненным, он тихим голосом стал просить патриарха, говоря: «нет отче, не сожигай их, но пусть их зароят в землю». Так и было сделано. Никон, поднимая правой рукой икону, всякий раз при этом восклицал; «эта икона из дома вельможи такого-то, сына такого-то», т. е. царских сановников. Целью его

было пристыдить их так, чтобы остальной народ, видя это, принял себе в предостережение».

Но одной расправой с иконами франкского письма Никон на этот раз не ограничился. Вслед за проповедью против новых икон, он сейчас же восстал еще и против старого русского двоеперстного перстосложения для крестного знамения. Попытку эту, как мы видели, Никон сделал уже ранее, немедленно по вступлении своем на патриарший престол, но принужден был тогда отказаться от своего требования, так как встретил себе слишком сильное сопротивление, и не мог никакими серьезными данными оправдать вводимую им перемену в перстосложении. Теперь он решился воспользоваться авторитетом и поддержкой антиохийского патриарха Макария, чтобы показать несправедливость русского двоеперстного перстосложения и истинность греческого троеперстного, и тем показать всем, что он был прав, когда, по вступлении своем на патриаршую кафедру, издал известное распоряжение: «и тремя бы персты есте крестились». Понятно, что антиохийский патриарх Макарий охотно поддержал Никона и, в угоду ему, торжественно заявил чрез переводчика всему бывшему в Успенском соборе народу, что правое перстосложение для крестного знамени есть троеперстное, которое согласно употребляют все православные народы. Павел Алепский, как очевидец, рассказывает об этом, что Никон, расправившись с иконами франкского письма, «стал говорить о крестном знамении, ибо русские не крестятся подобно нам сложенными тремя пальцами, но складывают их подобно как архиерей, когда он благословляет. При этом Никон также сослался на свидетельство нашего владыки патриарха. Об этом предмете наш учитель еще раньше говорил Никону, что такое крестное знамение недозволительно; и теперь всенародно чрез переводчика сказал следующее: «в Антиохии, а не в ином месте, верующие во Христа (впервые) были наименованы христианами. Оттуда распространились обряды. Ни в Александрии, ни в Константинополе, ни в Иерусалиме, ни на Синае, ни на Афоне, ни даже в Валахии и Молдавии никто так не крестится, но всеми тремя пальцами вместе»⁸⁷.

Понятно? какое тяжелое, угнетающее впечатление на всех производили эти крайне резкие, необдуманые действия Никона. Он грубо оскорблял весь народ в самом заветном и священном для него чувстве: его исконную приверженность к святым иконам, так как народ – масса – плохо, конечно, понимал различие живописи франкской и греческой, и видел в иконе всякого письма именно только святую икону, к которой всякий обязан был относиться с подобающим святыне уважением, – недаром в его глазах Никон являлся иконоборцем. Но соблазнительной расправой Никона с новыми иконами был затронут не только простой народ, а и более образованные и передовые лица высшего класса. В это время у нас началось все более усиливаться и крепнуть западное влияние, которому подчинились некоторые лица высшего по преимуществу сословия, особенно побывавшие в разных заграничных посольствах, или дома познакомившиеся с жившими у нас иностранцами, или знакомившиеся с западом при посредстве польско-литовского влияния. Иконы франкского письма, отобранные Никоном у разных знатных лиц и были, между прочим, одним из проявлений западного влияния на тогдашнее высшее русское общество. Никон не понял и не оценил этого нового направления в нашей общественной жизни, не подметил в нем здоровой и живой силы, не отгадал его великого культурного значения для всей последующей жизни России, и потому резко и решительно восстал против него, как вредного. Следовательно, Никон своим грубым выступлением против новых икон не удовлетворял никого, а раздражил решительно всех: и приверженцев родной старины, и приверженцев запада, и всех вообще людей благочестивых, которых не могло не возмущать его отношение к предметам благочестия. Очевидно также, что Никон своими резкими выходками против новых икон, а равно и русского перстосложения для крестного знамения, из чего русские неожиданно узнали о себе, что они будто бы доселе и лба-то перекрестить, как следует, не умели – сам давал против себя прекрасное оружие членам кружка ревнителей, которые естественно указывали всем на нетактичные, необдуманные

поступки Никона, как на доказательство справедливости всего, что они говорят о нечестии и злых умыслах Никона.

Никон сильно торопился со своими церковными реформами. Не дожидаясь получения из Константинополя ответа на посланные им туда вопросы, он, под влиянием указаний антиохийского патриарха Макария, в марте 1655 года, поспешил созвать в Москве собор, на котором, кроме Никона и русских архиереев, присутствовали еще патриархи: антиохийский Макарий и сербский Гавриил. Сведения об этом соборе изложены в предисловии к служебнику, напечатанному в 1656 году, с согласия и одобрения Никона. Здесь рассказывается, что будто бы еще до собора 1655 г. была получена ответная грамота константинопольского патриарха Паисия на посланные ему Никоном вопросы; в этой грамоте Паисий будто бы вполне одобрял всю деятельность Никона, настойчиво советовал ему провести намеченные им реформы, и даже указывал ему на некоторые другие новшества русских, которые не были обозначены в вопросах Никона. Рассказывается, что будто бы только после прочтения этой соборной грамоты, присланной константинопольским патриархом Паисием, Никон «сим к большому благих желанию воздвигшееся», стал собирать имевшиеся в русских монастырях древние славянские рукописи богослужебных книг и затем послал Арсения Суханова на восток для приобретения там древних греческих рукописей, чтобы, таким образом, исправить русские богослужебные книги по древним греческим спискам и по старым славянским переводам. Только после таких приготовлений и собран был собор в 1655 году, на котором был прочитан ответ константинопольского патриарха Паисия Никону, «и судиша е право и от Святого Духа составлено быти». Рассказывается, что антиохийский патриарх Макарий принес на собор и свои книги – служебник и другие, и что на соборе «так о вся старописанные греческие и славянския книги рассмотревше, обретоша древния греческие с ветхими славянскими книгами во всем согласующася; в новых же московских печатных книгах, с греческими же и славянскими древними, многая несогласия и погрешения. Прочтенным же сим всем и рассужденным, судиша

тако быти, якоже апостольская и седми вселенских соборов святые правила повелевают, и якоже на святых соборех, первое в царствующем граде Москве в царских палатах, потом же – в Константинополя, у всесвятейшего Паисия патриарха, и с ним священных мужей, установлено бысть».

Весь этот рассказ о соборе 1655 года, напечатанный, вероятно, с ведома Никона, только спустя год после собора, имел в виду показать, что Никон, в деле исправления русских церковных книг, чинов и обрядов, руководился не личным только усмотрением, не указаниями случайных заезжих в Москву греческих иерархов – милостыне-собирателей, а голосом всей константинопольской церкви, выразившемся в соборном определении, которое прислал Никону константинопольский патриарх Паисий. Только после получения этого ответа, вполне будто бы одобрявшего реформы Никона и прямо его поощрявшего, он приступает к собранию старых славянских книг, на основании которых, довольно их изучивши, и производит исправление русских богослужебных книг. Все дело исправления служебника Никон представляет затем на усмотрение собора, который, после тщательного рассмотрения и сличения древних греческих и славянских служебников, одобряет приготовленный к изданию служебник, постановляет и другие книги исправить таким же образом и, между прочим, согласно с теми указаниями, какие сделаны в соборной грамоте константинопольского патриарха Паисия.

Сведения о соборе 1655 года, изложенные в предисловии к служебнику, напечатанному Никоном в 1656 году, во многом, и очень важном, неверны и тенденциозны. Прежде всего, грамота константинопольского патриарха Паисия, которая будто бы послужила исходной точкой для книжных исправлений Никона и публично читалась на соборе 1655 г., в действительности была получена в Москве уже спустя почти два месяца после собора. Собор был в марте, а грамота патриарха Паисия была прислана с греком Мануилом Константиновым, который прибыл в Москву только первого мая, так что все, что предисловие служебника говорит о соборной грамоте константинопольского патриарха Паисия, читанной на соборе 1555 года, есть заведомая

неправда⁸⁸. Затем, по несомненному свидетельству Павла Алепского, собор 1655 года продолжался никак не более одной недели. Следовательно, собору решительно не было времени заниматься сличением множества собранных греческих и славянских рукописей с книгами московской печати, не было времени и книгу *служебник* «во всем справить и согласну сотворить древним греческим и славянским» служебникам.

Как в действительности происходил собор 1655 года, что и как на нем делалось, об этом сохранилось вполне достоверное и довольно обстоятельное известие у Павла Алепского, очевидца собора, так как он лично на нем присутствовал. Он сообщает: «московский патриарх созвал собор (1655 г.) вследствие указаний, которые сделал ему наш учитель (т. е. патриарх Макарий), и совета, который он им дал относительно нововведений и разных погрешностей в делах веры: во-первых, относительно того, что они не служат, как мы, на антиминсе с изображениями и с надписями, освященным мощами святых, а на куске белого полотна; во-вторых, что они, принося священную жертву, вынимают не девять чинов (частиц), а только четыре; в-третьих, что они делают в некоторых словах ошибки в «Верую во единого Бога»; в-четвертых, прикладываются к иконам только раз или два в году; в-пятых, не принимают антидора; в-шестых, касательно их крестного знамения при ином расположении пальцев; в-седьмых, относительно крещения ляхов, ибо они крестят их теперь вторым крещением, и относительно разных дел и обрядов, о коих мы уже говорили и будем говорить. Патриарх Никон послушался слов нашего владыки патриарха и перевел служебник литургии с греческого языка на русский, изложил в нем обряды и проскомидию в ясных выражениях, доступных пониманию детей, согласно подлинной греческой обрядности. Он напечатал этот служебник в нескольких тысячах (экземпляров) и роздал их по церквам всей страны; напечатал также более пятнадцати тысяч антиминсов с письменами и изображениями, освятил мощами святых и также роздал их по всей стране. Исправил многие ошибки, по царскому утверждению и повелению, на основании свидетельств закона и

пророков. Заключили рассуждения на соборе (постановив), согласно мнению нашего учителя, что крещение ляхов недозволительно, как повелевается в Евхологии и Законе (Номоканон), ибо ляхи веруют в св. Троицу, крещены и не так далеко от нас, как прочие еретики и лютеране, как-то: шведы, англичане, венгеры и иные французские народы, кои не постятся, не поклоняются ни иконам, ни кресту и т. п. Патриарх Никон, так как он любит греков, выразил согласие (на исправление) и сказал, обращаясь к архиереям и прочим присутствующим архимандритам и священникам: «я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера греческие». Некоторые из архиереев ответили повиновением, говоря: «свет веры во Христа и все обряды религии и ее таинства воссияли нам из стран востока»; а некоторые из них – ибо во всяком народе непременно есть люди грубого нрава и тупого ума – внутренне возроптали, говоря про себя: «мы не переменим своих книг и обрядов, кои мы приняли издревле». Однако, они не смеют говорить открыто, ибо гнев патриарха неукротим: (доказательство) как он поступил с епископом коломенским, ссылая его⁸⁹.

Таким образом, из свидетельства Павла Алепского оказывается, что собор 1655 года был созван вследствие указаний на недостатки русского церковного обряда и чина со стороны антиохийского патриарха Макария, что Никон исправлял те церковные недостатки, на которые ему указывал теперешний его вдохновитель, руководитель и советчик в деле реформы – патриарх Макарий, что на соборе вовсе не было никаких тщательных рассмотрений и обсуждений древних греческих и славянских книг, а только представлен был простой перевод со служебника Макария, с которого потом и напечатано было несколько тысяч экземпляров; что указания Макария Никону почти все касались разных незначительных обрядовых мелочей, не имевших никакого отношения к вероучению, и потому совершенно безразличных для веры и благочестия.

На соборе 1655 года Никон очень торжественно и, в то же время, очень резко, никем не вынуждаемый, заявил решительно о своем полном разрыве с традиционными русскими

верованиями и убеждениями, свой окончательный переход на сторону греков и греческих воззрений. «Я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера – греческие», говорил Никон отцам русского собора. Это публичное, торжественное отречение верховного архипастыря русской церкви от русских верований и убеждений в пользу иностранных – греческих, это торжественное признание себя Никоном по духу истым греком, необходимо должно было произвести крайне неприятное и тяжелое впечатление на всех тех русских, которые вовсе не думали и не желали отказываться от своего русского в пользу греческого, в чем, конечно, и нужды-то никакой не было и для Никона. На обидное для национального самосознания русских заявление Никона, некоторые из членов собора подобострастно отвечали, что «свет веры во Христа и все обряды религии и ее таинства воссияли нам из стран востока». Но другие молчали, и хотя, из боязни пред грозным и всемогущим патриархом, не решались на открытое его порицание, однако с неудовольствием говорили про себя: «мы не переменим своих книг и обрядов, кои мы приняли издревле». Значит, собор 1655 года не был выражением свободного голоса всей русской церкви, а почти исключительно личным делом Никона, действовавшего теперь по указаниям и под руководством случайно приехавшего в Москву за милостыней антиохийского патриарха Макария, так как некоторые члены собора вовсе не одобряли производимой Никоном ломки русских церковных чинов и обрядов, и если они открыто и не восстали против него на соборе, то единственно потому, что боялись жестокой расправы за это со стороны Никона, который не допускал никакого противоречия своим мнениям, как это ясно для всех было видно из примера епископа Павла Коломенского. Что же касается рассказа о соборе 1655 года, помещенного в предисловии к служебнику, изданному Никоном, где события собора передаются в значительно извращенном виде, но притом так, чтобы все дело собора представить в благоприятном для Никона свете, то, по нашему мнению, самое уже появление этого тенденциозного рассказа служит доказательством за то, что и собор 1655 года происходил

далеко не так, как хотел Никон, почему и признано было необходимым представить происходившее на соборе значительно иначе, нежели как было в действительности.

Прошло уже более месяца после собора 1655 года, как в Москву был прислан ответ константинопольского патриарха Паисия на предложенные ему Никоном вопросы. Этот ответ Паисия заслуживает нашего особого внимания, так как в нем выражен взгляд всей тогдашней константинопольской церкви на реформаторскую деятельность Никона, и так как он для всей его последующей деятельности должен бы был иметь руководственное значение⁹⁰. Самая грамота с вопросами Никона константинопольскому патриарху Паисию не дошла до нас, но мы с нею хорошо можем познакомиться из ответов Паисия. Все двадцать семь вопросов Никона, которые он предложил на разрешение Паисия и собора, очень характерны, как для самого Никона, так и производимой им реформы. При чтении этих вопросов Никона, невольно поражаешься их мелочностью, неважностью, полным безразличием для веры и благочестия. Наш известный церковный историк, преосвященнейший Макарий, рассказывая о том, как патриарх Иосиф посылал вселенскому патриарху грамоту «о церковных великих потребах», под которыми он разумел самые незначительные церковно-обрядовые вопросы, замечает, в заключение рассказа: «читая эти вопросы нашего патриарха Иосифа, за решением которых он обращался к константинопольской кафедре, невольно подумаешь: вот что считал он «великими церковными требами», вот что не умел он или не осмелился решить сам с одними русскими святителями и всем освященным собором»⁹¹. То же самое замечание с полным правом следует сделать и относительно вопросов, предложенных Никоном на разрешение константинопольского патриарха, так как между вопросами Иосифа и Никона нет никакой существенной разности, все различие между ними заключается не в качестве, а в количестве вопросов: один предложил четыре только вопроса, а другой набрал совершенно таких же вопросов двадцать семь. Если патриарх Иосиф спрашивал: можно ли многим архиереям и иереям служить

божественную литургию на двух потирах? подобает ли в службах по мирским церквам и монастырям соблюдать единогласие? то патриарх Никон, со своей стороны, спрашивал: в какой час нужно начинать и оканчивать божественную литургию? Когда лампадарий зажигает свечу, чтобы звать иерархов в церковь? Когда отверзаются врата св. алтаря? приемлется ли жертва того иерея, который, литургисая, хранит в сердце своем соблазн памятозлобия? Кровотечения и искушения во сне не служат ли для иерея препятствием к совершению божественной литургии? где полагается антиминос по окончании литургии – над или под святым потиром? священническое благословение совершается посредством ли прикосновения к благословляемому или нет? и тому подобное. Из этих вопросов Никона с очевидностью открывается, что он, как и его предшественник Иосиф, мелочные и неважные обрядовые вопросы тоже считал делом крайне важным – «великими церковными потребками» – почему он, подобно Иосифу, и не осмеливается порешить эти вопросы сам, с одними русскими святителями и всем освященным собором, а отсылает их на рассмотрение и решение константинопольского патриарха и собора. Такой образ действий и Иосифа, и Никона объясняется тем, что они, не обладая какими-либо научными богословско-историческими знаниями и хотя бы каким-нибудь правильным образованием и развитием, помимо очень случайного и одностороннего начетничества – не имели правильного представления о происхождении и значении в христианской церкви обряда; не знали того, что обряд вырабатывался в церкви постепенно, в течение очень долгого периода времени, и что процесс его образования не закончился и сейчас; не знали того, что каждый обряд имеет в себе две стороны: одну существенную, которую составляет вложенная в обряд мысль, учение, другую – несущественную, которая служит только внешним, наглядным выражением мысли или учения; они не знали, что для веры и благочестия важна по преимуществу первая сторона, тесно связанная с христианским вероучением, а что касается второй, то она всегда подвергалась и может впредь подвергаться разным изменениям, в различных

церквах была и всегда может быть неодинакова, смотря по тем или другим обстоятельствам разных поместных церквей; они не знали, что нормой для определения пригодности или непригодности известного церковного обряда всегда служила и служит его верность православному учению, его наглядность, понятность и назидательность для верующих; что все разные частные обрядовые вопросы и недоумения могут быть решены каждой поместной церковью при свете и под руководством общего христианского православного учения, поставленного в связь с церковной практикой древнейших православных церквей. Не имея правильного представления о происхождении и значении в церкви обряда, Никон не понимал поэтому и того, что если русская церковь осталась во всем верна догматам и всему вообще учению православной церкви, то значит, она сохранила и правильный обряд, поскольку он был в ней верным отражением содержимого ею учения, и что вовсе нет никакой беды в том обстоятельстве, что русская церковь в некоторых обрядах разошлась с своими единоверцами, – тогдашними греками. Каждая поместная церковь всегда имела и имеет право на те местные обрядовые особенности, которые, не касаясь существа веры и благочестия, однако более привычны и понятны для массы, чем какие бы то ни было обряды другой поместной церкви, тем более что в поместном обряде народ оставляет видимый, понятный ему и очень ценный для него памятник своего понимания той или другой христианской истины, того или другого христианского православного учения.

Невысокое представление о русском церковном реформаторе получил константинопольский патриарх Паисий из вопросов Никона. Они поразили его крайней мелочностью, неважностью, полным непониманием со стороны вопрошавшего значения и смысла в православной церкви того или другого обряда. Паисий увидал в Никоне человека очень ревностного и горячего к делам церкви, но в то же время человека необразованного, не обладавшего высшим кругом христианских знаний, и потому направляющего свою ревность на предметы безразличные для веры и благочестия, и даже могущего своей деятельностью, благодаря своей неумеренной ревности и

недостаточному пониманию дела, принести церкви не пользу, а вред. Поэтому Паисий в своих ответах, написанных от лица всей константинопольской церкви, не только не поощряет мелочно-обрядовой реформаторской деятельности Никона, его стремления исправлять особенности местного русского обряда, но наоборот: старается умерить его реформаторский пыл, ввести его ревность в должные границы, отклонить его внимание от безразличных обрядовых мелочей. В видах просветить, возвысить христианское понимание Никона, Паисий сообщает ему более правильный взгляд на христианский обряд, его происхождение, значение в православной церкви, отношение его к вероучению, старается дать Никону умение решать самому различные неважные и мелочные церковно-обрядовые вопросы. Вместе с этим Паисий дает понять Никону всю односторонность заявленной им ревности, так как православие вовсе не требует того, чтобы оно раз навсегда было заключено в какую-либо во всех подробностях и частностях определенную обрядовую форму, но что оно всегда допускало и допускает разнообразие внешних форм выражения своего учения, лишь бы только эти внешние обрядовые различия церквей не были выражением различия в самом их учении. Вообще весь ответ Паисия был поучением и назиданием для Никона, имел в виду предостеречь и удержать его от спешной и необдуманной переделки практиковавшегося в русской церкви обряда, поскольку он не касался существа веры и благочестия, а такими Паисий находил все предложенные Никонотом вопросы.

В своих ответах патриарх Паисий, после приветствия и восхваления пастырской ревности и личных высоких качеств Никона, указывает на необходимость единения всех церквей, но только это единение, по прямому смыслу слов самого Господа (Ин.17:11) и ап. Павла (1Кор.1:10), должно состоять, говорит Паисий, *«в одном и том же исповедании веры, с одним разумением и с одною мыслию»*. Говорю это потому, продолжает Паисий, что усматриваю основания к тому в грамотах твоего блаженства: ты жалуешься сильно на несогласие *в кое-каких порядках, существующих в поместных церквах, и думаешь: не*

вредят ли эти различные порядки нашей вере. В ответ на это мы похваливаем мысль, – поскольку кто боится впасть в малые погрешности, тот предохраняет себя от великих, – но исправляем опасение: поскольку, что касается еретиков, то мы действительно имеем повеление от апостола избегать их после первого и второго вразумления, как развращенных (Тит.3:10–11), равно как и раскольников, которые хотя и оказываются согласными с православными в главнейших догматах, но имеют кое-какие и свои особенные, чуждые общепринятым в церкви. Но если случится, что какая-нибудь церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками, неважными и несущественными для веры, или такими, которые не касаются главных членов веры, а относятся к числу незначительных церковных порядков, каково, например, время совершения литургии, или вопрос о том: какими перстами должен благословлять священник и подобное; то это не должно производить никакого разделения, если только сохраняется неизменно одна и та же вера. Это потому, что церковь наша не с самого начала получила тот устав чинопоследований, который содержит в настоящее время, а мало-помалу, (как говорит св. Епифаний Кипрский в слове под заглавием: «Краткое истинное слово о вере кафолической и апостольской церкви», в конце): первоначально читали в церкви только одиннадцать псалмов, а потом уже больше, равно как имели разные степени постов и мясоястий. И Великий Василий в 29 гл. о св. Духе говорит относительно церкви Неокесарийской, что неокесарийцы не прибавили ровно ничего к своему чинопоследованию, ни одного священнодействия, ни слова, ни таинственного знака, с тех пор, как предал им это чинопоследование их архиерей чудотворец Григорий: поэтому (говорит он) многое, что у них совершается, кажется неудовлетворительным, так как успело уже устареть с тех пор, как они все это приняли вначале, и так как они не принимали того, что ввели у себя после другие церкви, равным образом антифонов, составленных Златоустом, с водружением пред каждым из них креста, не имеет уже церковь. И прежде святых Дамаскина и Козьмы, и других творцов, мы не пели ни

тропарей, ни канонов, ни кондаков. При всем том, так как сохранялась одна и та же вера всеми поместными церквами, то это различие в чинопоследованиях не могло тогда служить основанием признавать их еретическими или схизматическими. Не следует нам и теперь думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся в вещах, которые не принадлежат к числу существенных, или членов веры: лишь бы соглашался в важных и главных с католической церковью. А для того, чтобы знать, какие это важные и существенные члены нашей веры, о которых мы говорим, наш св. Синод составил одну книгу на общеупотребительном языке, под заглавием: «Православное исповедание веры католической и апостольской церкви восточной», в которой мы твердо обосновали все члены древней нашей веры... Если вы нуждаетесь в этой книге, а она действительно нужна вам для того, чтобы все пять патриархий были единомысленны, мы пришлем вам одну копию с нее».

Раскрыв и обосновав свой общий взгляд на происхождение и значение в православной церкви разных чинопоследований и обрядов, которые были и теперь могут быть в различных поместных церквах не одинаковы, что, однако, при единстве веры, никогда не мешало и сейчас не может мешать им составлять из себя единую и единомысленную вселенскую церковь; порекомендовав Никону поближе и получше познакомиться с вероучением православной церкви, в чем Паисий, очевидно, заметил у Никона значительный пробел, препятствующий ему различать важное и неважное в строе жизни церковной, патриарх Паисий переходит затем к решению самых вопросов, предложенных ему Никоном. Но прежде чем ответить на тот или другой частный вопрос Никона, Паисий старается предварительно объяснить происхождение, состав, существенные стороны и смысл частностей православной литургии, чтобы Никон, после этого объяснения, уже сам видел, как следует ему решать такие вопросы, как, например, предложенный им Паисию: когда следует в литургии отверзать царские врата? Отвечая на вопрос Никона, в какие часы надлежит совершать литургию и, находя правильным начинать

ее «с третьего часа дня», Паисий, однако, зная с кем имеет дело, спешит сейчас же прибавить: «но мы должны прибавить, что часы эти не определены однажды навсегда так, чтобы мы не имели позволения литургисать и в какой-либо другой час кроме третьего... благодать Св. Духа не ограничивается тем или другим моментом времени».

Отвечая на те или другие частные вопросы Никона, Паисий опять старается убедить его не придавать значения предметам не важным и прекратить относительно их споры и препирательства. «Что же касается полемики, пишет например он, которую ведете из-за чина божественного таинства, как пишете в седьмом вопросе, то умоляем именем Господа нашего Иисуса Христа, да прекратит ее твое блаженство, с свойственной тебе рассудительностью: рабу бо Господню не подобает свариться (2Тим.2:24), и особенно в вещах, которые не принадлежат к числу главных и существенных и членов веры, а убеждай их принять тот чин, который мы описали, чин, содержимый во всей восточной церкви... Но, может быть, говорит далее Паисий, ваши чины и порядки несогласны с нашими в вещах необходимых, а не в тех, относительно которых устав предоставляет выбор на волю настоятеля, в таком случае напишите нам, какие это чины и порядки, и мы рассудим об этом соборне». Очевидно, Паисий те обрядовые разности и отступления в русской церкви, на которые указывал ему в своих вопросах Никон, относил к разряду совершенно безразличных и неважных, о которых рабу Господню не подобает свариться, так что всякая полемика относительно их, по мнению константинопольского собора и патриарха, должна быть немедленно прекращена в интересах мира русской церкви. Но если бы в русской церкви действительно нашлись какие-либо чины и порядки, отступающие от общецерковных чинов и порядков «в вещах необходимых», Паисий просит тогда Никона писать ему об этом. Или, например, Паисий пишет, так: «что же касается чина крещения, то он неизменно остается в том виде, как предписывает устав, находящийся в Евхологии. Там вы можете его видеть. И если он в чем-либо разнится от нашего, то

или *исправьте его сами*, по взаимному соглашению, или пишите к нам и мы рассудим соборне».

Но особенного внимания, конечно, заслуживает ответ Паисия на вопросы Никона о перстосложении, как для крестного знамения, так и для архиерейского и иерейского благословения, в виду того исключительно важного значения, какое придавали этому вопросу в Москве. «На двадцать четвертый (вопрос) пишет Паисий, в котором спрашиваете, как подобает христианину изобразить свой крест, т. е. какими перстами, отвечаем, что мы все имеем древнее обыкновение, по преданию, поклоняться: имея первые три перста соединенными вместе во образ св. Троицы, просвещением которой открыта нам тайна домостроительства по плоти, и мы научены славить единого Бога в трех ипостасях – Отца, Сына и Св. Духа, и да сораспнемся вместе с крестом Господа нашего Иисуса, Сына Божия, сшедшего с небес и вочеловечившагося и плотию пострадавшего ради нашего спасения. Да это и основательно, поскольку чрез соединение трех перстов мы воспоминаем тайну Св. Троицы, а тем, что изображаем на себе крест Господень, напоминаем страдание и воскресение Его, с которыми и ради которых призываем от Бога помощь». – Вот и весь ответ собора и патриарха относительно перстосложения для крестного знамения. В нем указывается только на древний обычай греческой церкви, принятый по преданию, креститься тремя перстами, и объясняется смысл такого перстосложения. А между тем Паисий конечно хорошо понимал, что Никон требовал от него решительно высказаться за то, какое перстосложение истинно правое и древнее: русское ли двоеперстное, или тогдашнее греческое троеперстное и, конечно, уверенно ожидал, что Паисий, вместе с константинопольским собором, решительно одобрит греческое троеперстное перстосложение, а русское двоеперстное, как неправое, осудит. Однако Паисий в своем ответе счел достаточным только указать на существовавший тогда у греков обычай и на выражаемую им мысль, вовсе не думая в то же время утверждать, что греческое троеперстное перстосложение для крестного знамения есть единственно правое и всегда

неизменно употреблявшееся в православной церкви; не говорит, чтобы только в этом виде оно было обязательно для всех, не говорит и о неправильности иного перстосложения – русского двоеперстия. Очевидно, вопрос о сложении перстов для крестного знамения Паисий относит к числу предметов неважных и несущественных, относительно которых каждая поместная церковь может оставаться при своем местном обычае, – греки употребляют троеперстие и – правы, потому что исповедуют этим правую мысль; русские спокойно могут держаться своего двоеперстия и также будут правы, конечно, если они соединяют с этим правую мысль.

Еще более определенно и решительно свое и соборное мнение о безразличии того или другого перстосложения для крестного знамения Паисий высказывает в следующем ответе – на вопрос Никона относительно перстосложения для архиерейского и иерейского благословения. Что касается перстосложения для архиерейского и иерейского благословения, пишет Паисий, «то церковь благословляет всех, изображая иерейской рукой имя Мессии или, что тоже, – имя Иисуса Христа, именно: изображая *i* и *c*, – что в сокращении значит Иисус, и *x* и *c*, что в таком же сокращении означает Христос. *А какими перстами кто начертывает эти четыре буквы, это безразлично, лишь бы благословляющий и благословляемый имели в мысли, что это благословение нисходит от Иисуса Христа при посредстве руки священника, и что Иисус Христос сам дает благодать благословения по прошению того, что ищет ее с верой. Но приличнее делать так, как изображается Иисус Христос на иконах, поскольку такая форма перстосложения отчетливее выражает имя Иисус Христос, именно: большой, т. е. первый и четвертый, будучи соединены вместе, изображают Иисус, а два (второй и третий) стоймя с небольшим наклоном одно из них, *x*, и малый последний *c*, – что значит Христос. Впрочем, то же самое будет означать, если будешь держать и два последние перста (приклонными) книзу в форме двух *cc*, три же первые стоймя, как изображающие *i* и *x*, – и это не делает никакого различия».*

Таким образом, патриарх Паисий, отвечая от лица константинопольского собора на вопрос Никона относительно архиерейского и иерейского перстосложения для благословения, прямо и решительно говорит, что оно имеет в виду изобразить иерейской рукой имя Мессии, а какими это будет сделано перстами – дело безразличное: «лишь бы только благословляющий и благословляемый имели в мысли, что это благословение нисходит от Иисуса Христа, при посредстве руки священника». Затем, рекомендуя держаться известной формы перстосложения в благословении, он, однако, опять замечает при этом, что так или иначе будут слагать персты» и это не делает никакого различия», и тем ясно дает понять Никону, что сущность дела здесь заключается не в том или ином перстосложении, а в самой мысли, выражаемой им, что если человек держит правильную мысль, то уже совершенно безразлично будет, какие и как именно он слагает персты. Само собою понятно, что если относительно важнейшего – архиерейского и иерейского благословения вполне допустима свобода того или другого перстосложения, то тем более, конечно, эта свобода допустима относительно обычного для каждого верующего знаменования себя крестом, лишь бы мысль, выражаемая перстосложением, была при этом правильна.

В ответах патриарха Паисия и собора на вопросы Никона есть один пункт, который принимается некоторыми как прямое доказательство, что Паисий действительно настаивал пред Никоном об исправлении всего вообще русского обряда, в видах полного, до мельчайших подробностей, согласования его с тогдашним греческим, и что он этой стороне дела придавал особенно важное значение. На сделанное ему Никоном сообщение об епископе Коломенском Павле и протопопе Неронове, Паисий отвечает: «а что касается епископа Коломенского Павла и одинакового с ним (по воззрениям) протопопа, которые говорят, что ни книги их, ни литургия, ни перстосложение не согласуются с вашими, и которые порочат молитвы наши (т. е. молитвы греческой церкви), будто они совершаются страха ради человеческого, а не ради страха

Божьего, и говорят, что патриарх (т. е. как таковой вообще) должен пред совершением литургии в присутствии других иереев молиться иначе, именно униженнее и смиреннее страха ради Божьего, и должен искать и других молитв, разнящихся от тех, которые заключает в себе греческая литургия, особенно произносить молитвы о бедных, как вы пишете в восьмом и девятом вопросе⁹², отвечаем, что все это суть признаки ереси и раскола, и кто так верует и говорит, тот чужд православной нашей веры... Пусть примут нелицемерно все, *что содержит и принимает за догмат православная наша церковь*, или после первого и второго вразумления, если останутся неисправимыми, отрекитесь от них и отделите их отлучением от овец Христовых, чтобы они не питали их смертоносным кормом. В таком случае, вы будете иметь согласие на это и наше, и нашего синода. В самом деле, на каком соборе или у какого древнего святого нашли они, будто молитвы нашей церкви совершаются по человекоугодию; что они недостаточны и неудовлетворительны и в силу этого (присвояют себе право) требовать их восполнения? Всеми мерами остерегайтесь таких собак, или, точнее сказать, волков; ибо они под видом исправления (притворяясь) будто желают исправлять недостатки церковные, на самом же деле стремятся внести в нее (церковь) ядовитые свои плевелы... Они приносят к нам свои нововведения и апокрифические молитвы в качестве исправлений. В действительности эти лица являются вратами ада, вводящими в геену огненную, поपालяющую повинующихся им. Вследствие этого и будут отсечены от церкви, как гнилые и неисцелимые члены, оставаясь нераскаянными; поскольку таковые молитвы их мы считаем богохульством, так как они бросают подозрение на наших святых, и пытаются ввести новые порядки, которым нас никогда не учили отцы, предавшие нам веру».

Чтобы понять смысл сейчас приведенных малопонятных речей ответа константинопольского патриарха Паисия, нужно иметь в виду следующее: Павел коломенский и Неронов не хотели принимать «чина архиерейского совершения литургии на востоке», составленного для Никона патриархом Афанасием

Пателаром, в бытность его в Москве и тогда же переведенного на русский язык, так как они находили, что этот греческий чин расходится в некоторых пунктах с прежним русским⁹³. За это Никон и жаловался на Павла и Неронова константинопольскому патриарху, и, вероятно, к этому присоединил и другие какие-либо обвинения, может быть, не вполне ясные для Паисия. Как бы то ни было, только последний понял все дело таким образом, что будто бы Павел и Неронов имеют какие-то свои книги, литургию, перстосложение, отличные от употребляемых и в русской церкви («не согласуются с вашими»), и порочат молитвы церкви греческой, что под видом исправления они привносят в церковь свои нововведения и апокрифические молитвы, и пытаются ввести новые церковные порядки, каким никогда не учили отцы, предавшие веру. Словом, Павел и Неронов явились в представлении константинопольского патриарха Паисия какими-то новаторами, которые угрожали русской церкви появлением в ней или ереси, или раскола, почему Паисий и советует Никону немедленно отлучить их от церкви, если они откажутся принять нелицемерно, «что содержит и принимает за догмат православная наша церковь». Очевидно Паисий, на основании, может быть, непонятого им доноса Никона, составил о Павле и Неронове совсем неверное представление. Дьякон Федор по этому поводу пишет: «на епископа же Павла коломенского, нового исповедника, и на казанского протопопа Иоанна Неронова, писал Никон тогда ко греческим патриархом ложные басни, оправдую сам себя, а на них клеветца, яко диавол, будто они составили свои новые молитвы и чины церковные и теми людей развращают, и от соборные церкви отделяются. И цареградский патриарх Паисий, поверя его клевете, писал ответы ему, чая его пастыря сущего быти, глаголя ему: блюдися, брате, токовых, кои что нововчиняют, и от церкви отделяются; таковии, рече, втории люторцы, сиречь немцы, прельщенные от Лютора еретика недавне. И те ответы напечатал Никон в новой книге своей Скрыжали, на гибельное оправдание себе и неведущем людям на соблазн. Патриарх убо Паисий о том право ему отвеща по отписке ево; но он, враг, к нему, судии, неправду писал, но

праведных мужей оклеветал, и заводом, яко Езавель Навуфея. Нам же всем православным христианам во всей русской земле ведомо о том, что несть их творения, Павлова и Иоаннова, ни единые молитвы, ни тропаря нового, и единого слова развратного не вложили они в старые книги наши нигде отнюд, и раскола у них в церкви не бывало никакова, и у книжные sprawy на печатном дворе не сиживали никогда, и в наборщиках не бывали; ведомо о сем всей Москве»⁹⁴. Действительно ли Никон оклеветал Павла и Неронова, в своих вопросах, пред константинопольским патриархом Паисием, как уверяет дьякон Федор, мы не знаем, так как самые вопросы Никона не дошли до нас. Но, во всяком случае, несомненно только то, что Паисий советовал Никону немедленно отлучить Павла и Неронова от церкви не потому, что видел в них защитников старого русского обряда, удержание которого он считал бы несовместным с православием русской церкви, а единственно потому, что видел в них опасных новаторов, церковных нововводителей, стремящихся изменить существующие церковные порядки, т. е. Паисий советовал Никону отлучить Павла и Неронова за такие вины, в которых они были решительно неповинны.

Итак, соборный ответ константинопольского патриарха Паисия на вопросы Никона, далеко не заключал в себе одобрения и поощрения реформаторской деятельности Никона. Правда, в Константинополе похвалили ревность Никона к предметам веры и порядкам церковным; но, в то же время, сочли нужным настойчиво исправить его намерение – исправлять русские церковные чины и обряды, постарались, в видах научения Никона, сообщить ему более правильный взгляд на его собственное дело, сделать для него понятным ту истину, что интересы веры и благочестия, правильно понимаемые, вовсе не требуют уничтожения существующих в различных церквях поместных обрядов и чинов, что единение церквей вовсе не состоит в тождестве их обряда во всех его частностях и подробностях, а «в одном и том же исповедании веры с одним разумением и с одною мыслию», и что при таком условии различие обряда в поместных церквях, как в прежнее время никогда не нарушало, так и теперь не может нарушить

единства вселенской церкви. Конечно, при сильном желании Никона видеть в ответах Паисия оправдание своей церковно-обрядовой реформы, он мог найти в них, игнорируя их общую мысль и характер, несколько отдельных выражений, которые, по-видимому, могли оправдывать его реформаторскую деятельность. Так, в предисловии к своим ответам, Паисий пишет: «да будем всегда заодно как в единой вере и едином крещении, так и в едином исповедании, одно и то же говоря всегда одними устами и единым сердцем, чтобы не разногласить друг с другом ни в чем». Но, сказав это, Паисий сейчас же переходит к объяснению, как нужно понимать это единство и доказывает Никону, что оно заключается «в одном и том же исповедании веры с одним разумением и с одною мыслию», а не в единстве обряда, который в разных церквях может быть неодинаков. Такого же рода и два другие места из послания Паисия, на которые Никон мог посмотреть как на поощрение и оправдание своей реформаторской деятельности. В первом своем ответе Паисий, кратко объяснив Никону состав, существенные стороны и таинственное знаменование чина божественной литургии, говорит в заключение: «вот чин, которого мы держимся в нашей литургии. Надеюсь, что этого же чина держитесь и вы, в противном же случае, т. е. если ваш чин отступает в чем-либо от нашего, *вы постарайтесь согласоваться с нашим, сообразно с указанным распорядком, который мы приняли с самого начала, дабы одними устами и одним сердцем славить и вам и нам единого Бога*». То же Паисий заявляет и в седьмом своем ответе, когда просит Никона прекратить полемику» особенно в вещах, которые не принадлежат к числу главных и существенных и членов веры». «Но, замечает Паисий, может быть, ваши (чины и порядки) несогласны с нашими в вещах необходимых, а не в тех, относительно которых устав предоставляет выбор на волю настоятеля, в таком случае пишите нам, какие это (чины и порядки), и мы рассудим об этом соборне». Очевидно Паисий, настаивая в указанных случаях перед Никоном, чтобы на Руси принят был тот чин, который он описал, разумел основные и существенные стороны этого чина, а вовсе не те безразличные

обрядовые частности и подробности, о которых, собственно, хлопотал Никон и из-за которых, по мнению Паисия и собора, рабу Господню не подобает свариться. Что же касается существенных и основных черт, то русский церковный чин и обряд никогда не расходился ни в чем с греческим; вся разность между ними заключалась в самых неважных и даже ничтожных частностях и подробностях, причем и эти неважные русские особенности были не русским созданием, а древне-греческие, только позднейшими греками видоизмененные у себя, почему они и стали у них кое в чем не похожи на русские.

Ответная соборная грамота константинопольского патриарха Паисия, долженствовавшая служить Никону исходной точкой для всех его дальнейших реформ, способная, при правильном понимании и усвоении ее, предохранить, остеречь Никона от слишком поспешной, крутой и мало полезной, а в то же время крайне опасной для мира церкви, ломки русских церковных чинов и обрядов, – эта грамота не была понята и как следует усвоена Никоном, и потому не имела никакого влияния на его последующую, по крайней мере, ближайшую, реформаторскую деятельность. Это объясняется, с одной стороны, тем, что изложенные в грамоте Паисия воззрения на церковный обряд, как на слагавшийся мало-помалу, различно в различных церквях, что он с течением времени видоизменялся и всегда может быть в разных церквях не одинаков, и что из-за обрядовых разностей и мелочей, как безразличных для веры и благочестия, рабу Господню не подобает свариться, – такие воззрения на обряд были слишком новы и потому, на первый раз, просто непонятны для Никона. Никон, как показывают его вопросы патриарху Паисию и вся вообще его церковно-обрядовая реформа, в понимании церковной обрядности, по крайней мере, в первые годы своего патриаршества, ничем существенно не отличался от понимания тогдашнего заурядного московского начетчика, т. е. Никон, вместе со всеми тогдашними русскими, смотрел на обряд так же, как и на вероучение, думал, что обряд так же важен, свят, спасителен и неизменен, как и самое вероучение, что разность в обряде указывала на разность в учении, так как обряд, как и вероучение, всегда и

всюду должен быть один и тот же. Исходя из этого тогдашнего общерусского представления об обряде и его значении, Никон, как скоро лично составил себе убеждение о неправоте некоторых московских чинов и обрядов, считал своей священной обязанностью немедленно исправить их, чтобы ради их совсем не замутилось на Руси истинное благочестие, причем он искренно верил, что приводя русский обряд в полное соответствие с тогдашним греческим, он тем самым производит крайне важную и прямо необходимую в интересах православия реформу, и производит ее так, что его реформа не есть изменение или переделка старого, а только реставрация, восстановление в прежнем виде того, что по тем или другим причинам изменено было русскими в позднейшее время. С другой стороны, если бы Никон усвоил истинный смысл ответной грамоты патриарха Паисия и стал бы действовать в ее духе, то ему пришлось бы ограничить свою церковную реформу только исправлением русских богослужебных книг, поскольку в них вкрались ошибки и погрешности, темные непонятные выражения и тому подобное; пришлось бы вычеркнуть из своей реформаторской программы все, что относилось к перестройке и переделке русских церковных чинов и обрядов по тогдашнему греческому образцу, так как, поучали его из Константинополя, «не следует нам и теперь думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся в вещах, которые не принадлежат к числу существенных и членов веры, лишь бы соглашался в важных и главных с католическою церковью». Но Никон уже слишком далеко зашел в своей реформаторской деятельности, и на всякое отступление от спешно намеченной и очень спешно проводимой им программы реформ, смотрел как на свое личное поражение, как на умаление престижа своей патриаршей власти, к которой он всегда относился крайне ревниво. Это значило бы доставить торжество его врагам, которые, уже с самого начала, так резко настойчиво указывали на несостоятельность его реформы, это значило бы признать правоту и справедливость их заносчивых нападений на него, значило бы сознаться, что его противники понимали дело

гораздо лучше и вернее его – Никона. Но это было выше сил Никона. Он никогда не любил сознаваться в своих ошибках, у него всегда были виноваты другие, а сам он во всем и всегда оказывался правым. Тем более, конечно, он не мог признаться в своих ошибках в то время, когда пред ним преклонялось все, когда он буквально царил и в церкви и в государстве, когда рядом с ним и государево имя стало мало слышно. Поэтому вполне естественно было, что Никон или вовсе не придавал никакого значения грамоте константинопольского патриарха Паисия, или же придавал ей совершенно не то значение, какое бы она должна была иметь для него. Следствием такого положения дел было то, что Никон проявил более готовности слушать не тех, кто сдерживал и охлаждал его реформаторский пыл, а тех, кто поощрял его и поддерживал на излюбленном пути. За поощрителями дело не стало, они были под рукой у Никона, готовы были оказать всякую услугу всемогущему патриарху.

Антиохийский патриарх Макарий, постоянно поощрявший Никона на проведение в русской церкви обрядовых реформ, уже ранее одобрил крутую расправу Никона с иконами франкского письма и, тоже в угоду Никону, ранее торжественно заявил в Московском Успенском соборе, что для крестного знамения следует употреблять не двоеперстное – русское, а троеперстное греческое перстосложение. Но выслуга Макария перед Никоном этим не ограничилась.

В память св. Мелетия антиохийского (12 февраля) того же 1656 года Никон, после службы в Чудове монастыре, в присутствии царя, синклита и множества народа, прочел из пролога известное сказание о св. Мелетии антиохийском, на которое обыкновенно ссылались русские в защиту употребляемого ими двоеперстия, и, обратясь к Макарию, спросил его, как следует понимать это сказание? В ответ на это Макарий торжественно, вслух всех возгласил: «мужие всего православия, слышите: аз преемник и наследник сего св. Мелетия престолу; вам известно, яко сей св. Мелетий три первые персты разлучены показа друг от друга, от них же и знамения не быть; ты же паки три соедини, ими же и знамение показа. И аще кто сими тремя персты на лице своем образ

креста не изображает, но имать творити два последние соединяя с великим пальцем, да два великосредняя простерта имети, и тем образ креста изображати, *таковый арменоподражатель есть, арменове бо тако изображают на себе крест*». Из этого торжественного всенародного заявления заезжего в Москву патриарха – милостыне-собирателя – русский народ получил о себе совершенно неожиданное сведение, что он крестится еретически, по-армянски. Это поразительное открытие, конечно, должно было крайне смутить и изумить всех благочестивых русских людей, доселе знаменовавших себя в крестном знамении двоеперстно т. е., как оказалось, по-армянски. Но Никон не давал времени одуматься русскому благочестивому человеку, поразмыслить о том, что это теперь творится на Москве, – он приготовил для него еще более поразительное зрелище.

Спустя двенадцать дней после памятного для народа праздника в день св. Мелетия антиохийского, наступила так называемая неделя православия. На этот раз торжественная служба совершалась в Успенском соборе, на ней присутствовал царь со всем синклитом, стечение народа было громадное. Когда начался известный обряд православия, два приехавших в Москву с востока патриарха: антиохийский Макарий и сербский Гавриил, да еще приезжий греческий никейский митрополит Григорий, стали пред царем, его синклитом, пред всем служившим духовенством и бывшим в соборе народом, и Макарий антиохийский, сложив три первые перста и показывая их, воскликнул: «сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображати на лице своем крестное изображение; *а иже кто по Феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть*». За Макарием тоже проклятие на двоеперстников повторили сербский патриарх Гавриил и никейский митрополит Григорий.

Так торжественно пришлые иностранцы проклинали в Москве всех крестящихся двумя перстами. А между тем двоеперстником был тогда весь русский народ, все русские, может быть, за самыми ничтожными исключениями, крестились дотоле двумя перстами, и не только в данное время, но так

крестились их предки, и между ними всем ведомые и чудесами прославленные угодники Божии. Что же это значит, невольно думали русские, что в Московском Успенском соборе, этой национальной Московской святыне, которая есть «всего государства мати всем церквам», пришлые случайные чужеземцы торжественно предавали анафеме никого другого, как самих русских, их почивших предков и чуть не самых русских угодников Божиих? Что это значит, что убогие пришлецы-милостынесобиратели, явившиеся в Москву молить русских о подаянии или о приюте, решаются так торжественно в присутствии царя, патриарха и народа позорить русских, их вековую святую старину, издеваются над их благочестием, доселе еще никем не похуленным? Под угрозой церковного проклятия велят пришлые чужеземцы креститься русскому не так, как крестились его предки и самые русские угодники Божии; но кому должен был более доверять благочестиво, в преданности своей церкви воспитанный русский; голословному ли заявлению подозрительных пришельцев, или голосу своей церкви, которая устами целого собора изрекла: «иже кто не знаменается двема персты, яко же и Христос, да есть проклят?» Напрасно было говорить русскому о подложности слова Феодорита, о неправильности в сказании русского пролога о св. Мелетии, напрасно было ему указывать на двоеперстие, как еретическое армянское перстосложение, – ему достаточно было в этом случае только посмотреть на лики своих русских великих угодников, которыми так богата русская церковь, ради молитв которых крепло и ширилось русское царство, чтобы вполне и окончательно убедиться, что двоеперстие не армянская ересь, а правое, вполне православное перстосложение, доказанное несомненной святостью лиц, его употреблявших: лики угодников Божиих, вот кто, а не какие-либо сказания, прежде всего и главным образом убеждали русского в правоте его двоеперстия. Странно было бы не то, что русский стойко стал за свое перстосложение, а то, если бы он, несмотря на определенный и ясный соборный голос своей церкви, несмотря на свою вековую святую старину, вдруг бы без всякого колебания бросил свое родное и принял чужеземное только потому, что какие-то

пришлецы приказывают ему это. Только одного не мог взять в толк русский человек: что же это значит, что патриарх дает волю каким-то пришлецам в самом чтимом московском храме произносить всенародно хулы на русское благочестие, на самих русских чудотворцев, нетленно почивающих в этом самом храме? Очевидно, правду говорят про патриарха, что он действительно отступник от православия, разоритель истинного русского благочестия, что он, сговорившись с отступниками греками, хочет и на Руси искоренить правую веру, – иначе нельзя и объяснить происходящее теперь на Москве.

В силу указанных обстоятельств анафема на двуперстников, так торжественно произнесенная в московском Успенском соборе антиохийским патриархом Макарием, сербским Гавриилом и Никейским митрополитом Григорием, не произвела, однако, на народ того впечатления, на какое рассчитывал было Никон, так горячо желавший всем доказать, что он был прав, когда в первый год своего патриаршества издал свое известное распоряжение, чтобы его пасомые крестились не двумя, а тремя перстами. Сам Никон сознается, что и после произнесения анафемы, в Москве возникли прения о перстосложении и по этому поводу произошло разделение: одни держались прежнего двоеперстного перстосложения, другие же стали употреблять новое – троеперстное. Тогда Никон решил поступить таким образом: так как в это время прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон, но Никон обратился ко всем бывшим тогда в Москве восточным иерархам с предложением, письменно известить его, какое перстосложение действительно правое, причем, конечно, требовал этого формального письменного удостоверения не для себя лично. На свое предложение Никон получил следующий письменный ответ, подписанный Макарием, Гавриилом, Григорием и Гедеоном: «предание прияхом от начала веры от св. апостол, и св. отец, и св. седми соборов, творити знамение честного креста тремя первыми персты десные руки, и кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию восточные церкви, еже держа с начала веры даже до днесь, *есть еретик и подражатель арменом. И сего ради имамы его отлученна*

от Отца и Сына и св. Духа и проклята: извещение истины подписях своею рукою». Этот ответ восточных иерархов Никон напечатал в Скрижали.

Приведенные решительные, не допускающие никаких возражений и сомнений, заявления указанных бывших тогда в Москве восточных иерархов, что будто бы церковь Христова от самих апостолов, древних св. отцов и от семи вселенских соборов приняла и всегда неизменно употребляла в перстосложении для крестного знамения троеперстие, и не допускала иных форм перстосложения, считая их за еретические; такое утверждение во всех отношениях было несправедливо. В исторической действительности дело с перстосложением для крестного знамения стояло совсем не так, как возвещали указанные восточные иерархи, желавшие выслужиться пред Никоном.

Первоначальной и древнейшей формой перстосложения для крестного знамения, которая употреблялась в первые века христианства и, по церковным верованиям, ведет свое начало со времен апостольских, была единоперстие, – тогда знаменовались в крестном знамении *одним перстом*. За это имеется целый ряд несомненных свидетельств. Так св. Иоанн Златоуст говорит: «когда знаменуешься крестом, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстом* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположение и полная вера». Св. Епифаний говорит о некоем знакомом ему православном муже Иосифе, что он, «взяв сосуд с водою собственным своим *перстом* напечатлел на нем крестное знамение». Об употреблении одного перста в крестном знамении говорят затем: блаженный Иероним, блаженный Феодорит, церковный историк Созомен, св. Григорий Двоеслов, Иоанн Мосх и в первой четверти VIII века Андрей Критский. Только у одного Кирилла иерусалимского мы встречаем такое свидетельство: «с дерзновением да изображаем *перстами* знамение креста на челе и на всем». Самый крест, при знаменовании себя, в первые века христианства, изображался иначе, чем в последующее время и теперь, именно: одним перстом

изображали тогда крест по преимуществу на челе, иногда же и на устах, очах, персях и вообще на отдельных частях тела, так что знаменование себя теперешним большим крестом, с возложением перстосложенной руки на чело, живот, на правое и левое плечо, в первые века христианства вовсе не употреблялось, а вошло в обычай уже в позднейшее время, вероятно, начиная с IX века.

Древнехристианское единоперстие с течением времени, начиная с IX века, стало заменяться в православной греческой церкви двоеперстием, которое, вытеснив собою единоперстие, сделалось у греков господствующим. Это подтверждается несомненными свидетельствами. Более раннее и очень важное свидетельство об употреблении греками двоеперстия принадлежит несторианскому митрополиту Илии Гевери, жившему в конце IX и в начале X века. Желая примирить монофизитов с православными или мелхитами, как обыкновенно сирийцы несториане называют православных, – и с несторианами, он говорит: «в согласии веры между несторианами, мелхитами и яковитами, что они несогласны между собою в изображении креста, что, конечно, неважно. Именно, они знамение креста изображают одним перстом, ведя руку слева направо; другие *двумя перстами*, ведя, наоборот, справа налево. Яковиты, осеняя себя одним перстом слева направо, означают этим, что веруют в единого Христа – привел искупленных от греха (слева) к благодати (направо). Несториане и мелхиты (мелхитами сирийцы называли православных), изображая крест в знамении двумя перстами – справа налево, исповедывают тем свое верование, что на кресте божество и человечество были вместе соединены, что это было причиной нашего спасения и что вера началась с правой стороны, а неверие, заблуждение прогнаны с левой». Кроме Илии Гевери, уже давно были известны еще два свидетельства из XII века, что православные употребляли тогда в крестном знамении двоеперстие. Так, один грек XII века обличает латинских архипастырей в том, что они благословляют пятью перстами, а знаменуют себя, подобно монофелитам, одним перстом, «между тем как персты в знаменованиях

должны быть располагаемы так, чтобы ими обозначались два естества (в Христе) и три лица (в Божестве)» т. е. правильным перстосложением считает именно двоеперстное. Монах Петр из Дамаска, писавший около 1157 года (хотя некоторые думают и утверждают, что он жил гораздо ранее) говорит, что в крестном знамении *два перста* убо и едина рука являют распятого Господа нашего Иисуса Христа, во двою естеству и в едином составе познаваема».

Силу приведенных свидетельств некоторые думают ослабить тем соображением, что эти свидетельства, если и говорят за существование двоеперстия, то только будто бы у одних сирийских христиан, живших среди монофизитов и несториан, так что на это явление следует смотреть только как на исключительно местный, как на специально сирийский обычай, которого совсем не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, в которой двоеперстие вовсе не употреблялось. Но такое понимание дела будет несправедливо и несогласно с действительностью, так как в настоящее время найдены два таких свидетельства, которые ставят вне всякого сомнения существование двоеперстия в самой константинопольской церкви с начала XI и в XII столетиях.

Первое свидетельство заключается в следующем: яковитский патриарх Иоанн VII Абдон, живший в Антиохии, которая в то время принадлежала грекам, был обвинен милитинским митрополитом Никифором пред греческим императором Романом Аргиропулом в том, что будто бы Иоанн старается совращать греков в свою ересь. Император приказал привести Иоанна в Константинополь. В 1029 году, 15 июля, Иоанн Абдон с 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитами, в сопровождении обвинителя митрополита Никифора, прибыл в Византию. Здесь патриархом Константинопольским составлен был собор, с целью обратить яковитов в православие, но они остались непреклонными в своем заблуждении. «Тогда, говорит Ассеман, снова устроивши собрание, патриарх (греческий) и приглашенные епископы (греческие) приказали Иоанну Абдону патриарху и Елию,

епископу симнадийскому, присутствовать (на соборе). Когда же, после долгого спора, не могли преклонить наших к своему мнению, потребовали от них единственно того, чтобы не примешивали еля в евхаристии и *крестились не одним перстом, а двумя*». Таким образом, в 1029 году константинопольский патриарх, вместе с другими греческими епископами, желая обратить в православие яковитского патриарха Иоанна VIII и его спутников, торжественно от них потребовал на соборе, чтобы они крестились не одним перстом, а двумя. Ясное дело, что в начале XI века, как сам константинопольский патриарх, так и другие греческие иерархи, в крестном знамении употребляли двоеперстие, которое они и считали истинно православным перстосложением, вопреки тогдашнему монофизитскому одноперстию⁹⁵.

Византийские императоры не раз усиливались примирить армян с православием, для чего они неоднократно вступали с армянами в церковные сношения. В этих видах император Мануил Комнин, в 1170 году, послал к армянам одного из константинопольских ученых, по имени Феориана, для богословских собеседований с ними. Феориан описал свои собеседования с армянами и о втором из них, между прочим, сообщает и следующее: «Когда это (предшествующее) было сказано, встал один сирский священник и сказал Феориану: для чего вы (т. е. константинопольские греки) *изображаете крестное знамение двумя перстами*? не разделены ли (между собою) персты, как особые один от другого? следовательно, по-вашему разделены и два естества Христовы. Но Феориан, как бы прибегая к шутке, сказал: не знаменуя два естества Христовы, так делаем мы, но, быв избавлены от мучительства диавола, мы научены творить против него ополчение и брань, ибо руками соделываем мы правду, милостыню и прочия добродетели, и это есть ополчение; а перстами, полагая на челе печать Христову, мы составляем брань и таким образом побеждаем его и с Давидом благословляем Господа, говоря каждый: *благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение и персты моя на брань* (Пс. 143, 1) – не перст (т. е. не один перст, как у вас – армян), но персты»⁹⁶. Из

приведенного свидетельства видно, что когда один сирийский священник упрекнул константинопольских греков, представителем которых был Феориан, «для чего вы изображаете крестное знамение двумя перстами? не разделены ли персты, как особые один от другого, следовательно – по-вашему и два естества Христовы разделены между собою?», то Феориан подтвердил, что константинопольские греки действительно крестятся двумя перстами по таким-то основаниям. Значит, в 1170 году в Константинопольской церкви в крестном знамении несомненно употреблялось двоеперстие, которое служило и признавалось тогда внешним наглядным признаком, отличающим православных от монофизитов.

Почему греки древнее первохристианское единоперстие в крестном знамении заменили потом у себя (не позже начала IX века) двоеперстием – понятно. Когда появилась ересь монофизитов, то она воспользовалась дотоле употреблявшейся формой перстосложения – единоперстием для пропаганды своего учения, так как видела в единоперстии символическое выражение своего учения о единой природе во Христе. Тогда православные, вопреки монофизитам, стали употреблять в крестном знамении двоеперстие, как символическое выражение православного учения о двух природах во Христе. Так произошло, что одноперстие в крестном знамении стало служить внешним, наглядным признаком монофизитства, двоеперстие православия. Продолжительная и упорная борьба с монофизитством, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православных греков придавать особенно важное значение двоеперстию, как видимому и понятному для всех знаку принадлежности известного лица к православной церкви, тем более что в Сирии, Египте, и некоторых греческих городах, православное народонаселение было перемешано с монофизитским. Этим и объясняется, почему константинопольский патриарх и епископы, обращая в православие яковитского патриарха и его спутников, настойчиво требовали от них, чтобы они изображали крест не одним перстом, а двумя; а, с другой стороны, этим же объясняется, почему монофизиты упорно стояли за единоперстие и никак не

хотели, несмотря на все убеждения, а в некоторых случаях угрозы и принуждения греков, переменить свое единоперстие на греческое православное двоеперстие. Это бы значило, по их убеждению, явно и открыто изменить самому своему вероучению, так как, по употреблению в крестном знамении двоеперстия или одноперстия, заключали тогда о принадлежности лица к православию или монофизитству. Борьбой и постоянным совместным жительством с монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстие так долго держалось в константинопольской церкви, и потом между сирийскими православными христианами, и почему троеперстие, эта, по-видимому, самая естественная для христианина форма перстосложения, могло сделаться в греческой церкви господствующим обычаем только в позднейшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба с монофизитством. Этим же объясняется и то обстоятельство, почему в западной церкви, не соприкасавшейся непосредственно с монофизитами, троеперстие встречается ранее, чем у греков.

Греки, изменившие, по требованию указанных обстоятельств, древнехристианское единоперстие на двоеперстие, которое продолжалось у них более четырехсот лет, переменили потом у себя двоеперстие на троеперстие. Причины этого явления можно полагать в следующем: если греки отказались от древнего единоперстия не потому, чтобы эта форма перстосложения, сначала строго православная, употреблявшаяся великими отцами и учителями церкви, сделалась с течением времени неправославной сама по себе, но потому, что ею воспользовались еретики монофизиты, связавшие с нею, к соблазну православных, свое еретическое учение, так что единоперстие стало символом монофизитства, а двоеперстие – православия; то и от двоеперстия греки отказались потом не потому, что оно сделалось само в себе неправославным, а совершенно по другим причинам. Если появление двоеперстия и продолжительность его существования в православной греческой церкви зависело исключительно от монофизитства, только во время борьбы с

ним имело свой особый смысл и значение, то, как скоро борьба с монофизитством прекратилась, греческая константинопольская церковь, желая и самой формой перстосложения в крестном знамени отличаться не только от монофизитов – одноперстников, но и от несториан, всегда строго державшихся двоеперстия, так как они соединили с ним свое еретическое учение о соединении во Христе двух природ, и в двоеперстии видели символическое выражение и подтверждение своего еретического учения, – заменила у себя двоеперстие более естественным и свойственным каждому христианину, помимо вероисповедных его особенностей, троеперстием, как выражающим главный, основной догмат христианства – учение о св. Троице. Эта перемена у греков перстосложения в крестном знамении – из двоеперстия в троеперстие произошла, как можно думать, в конце XII века и продолжалась до конца XIII-го, когда оно у них сделалось, наконец, господствующим, обстоятельство для нас в высшей степени важное.

Русские, а ранее и другие православные славяне, приняли от греков христианство в то время, когда, как мы видели, в константинопольской церкви двоеперстие в крестном знамении признавалось единственно правильным и всеми употреблялось, как внешний видимый для всех знак принадлежности известного лица к православной церкви. Русские, приняв от греков христианство, приняли к себе и присланных из Константинополя церковных иерархов, которые научили их вере и передали им весь греческий церковный обряд и чин. Понятно, что просветители русских христианством, константинопольские греки, прежде всего научили их творить на себе крестное знамение, как внешний, видимый для всех знак их обращения и принадлежности к христианству, понятно, что греки научили новопросвещенных русских творить крестное знамение таким же образом, как они сами творили его в то время. А так как правым и обязательным для православных греки считали тогда двоеперстное перстосложение, то, конечно, и русских они научили знаменоваться в крестном знамении двумя перстами; понятно, что греки так же научили творить на себе

крестное знамение и всех обращенных ими в христианство славян⁹⁷. Вот откуда и когда появилось на Руси двоеперстие в крестном знамении!

Троеперстие, и другие предшествовавшие ему формы перстосложения, никогда в Греции не вводились путем законодательным, с помощью каких-либо соборных постановлений, правил и принудительных предписаний. То или другое перстосложение было только обычаем, оно возникало и распространялось, как обычай, постепенно, мало-помалу и, как всякий обычай, с течением времени, по требованию тех или других обстоятельств, видоизменялось, переходя из одной формы в другую, причем греки, естественно, никогда не смотрели на ту или другую форму перстосложения как на что-то раз определенное, неизменяемое, равное по своей ценности самому вероучению – это только обычай, не более. Троеперстие, появившееся у греков не ранее конца XII века и распространившееся, как обычай, в течение XIII века, естественно, от греков с XIV и XV веков, стало переходить и к нам на Русь и здесь находить себе последователей. Но на Руси троеперстие встретилось с ранее повсюду существовавшим у нас уже несколько столетий двоеперстием, к которому русские привыкли, и что главное и особенно важно – не смотрели на него, подобно грекам, как на изменяющийся с течением времени церковный обычай. Русские приняли все церковные обряды и чины от греков в готовом виде и были убеждены, что они – церковные обряды и чины обязаны своим происхождением или самому Христу, или апостолам, или целым соборам – вселенским и поместным, или хотя бы и отдельным позднейшим лицам, но обязательно святым, находившимся под непосредственным воздействием Божественной силы. Церковные чины и обряды, как имеющие божественное происхождение, сразу явились обязательно в известной строго-определенной форме, которая повсюду, поэтому, должна быть одна и та же, и, как божественного происхождения, не допускает в себе никаких изменений и потому не может быть в православной церкви не единообразна. Перстосложение для крестного знамения ввел или Христос или апостолы – и тот, кто

его ввел в употребление, дал, конечно, не несколько форм перстосложения сразу, а только одну определенную, которая и должна быть для всех обязательна, как божественная по своему происхождению. И святую песнь аллилуию если велено петь, то только определенным образом; или двоить или троить, но не то и другое вместе. При этом в каждом церковном обряде и чине, под внешней, раз строго определенной формой, заключен всегда определенный точный смысл, и если они поучительны, назидательны и спасительны для верующих, то только под условием сохранения их в том первоначальном виде, как они произошли. Значит, по своему происхождению, смыслу и назначению церковные чины и обряды *должны быть* всегда одинаковы во всей вселенской православной церкви; изменить их, значит наложить руку на данное самим Богом, значит изменить заключенный в них смысл и тем отнять от них присущую им спасительность для человека, значит божественное установление заменить своим человеческим, и тем совершить ужасное нечестие. Когда, поэтому, к нам стало проникать из Греции троеперстие и русские увидели, что есть некоторая разность в перстосложении между греческой и русской церквами, чего, по их представлению, никак не должно бы быть, то у них невольно возник вопрос: откуда и как могло произойти подобное невозможное явление? Ясно, казалось им, одно, что кто-то в этом случае грешит – или греки, или русские. А так как подобный вопрос возник у русских уже после падения Константинополя и принятия греческим императором и самим константинопольским патриархом флорентийской унии, то русские и порешили, что относительно перстосложения погрешили не они, а греки, почему и постарались всеми мерами оградить и укрепить неизменяемость своего старого двоеперстия, торжественно провозгласив на Стоглавом соборе: «иже кто не знаменается двема персты, яко же и Христос, да есть проклят». Так случилось, что когда у греков вошло во всеобщий обычай троеперстие, русские не только остались при старом греческом двоеперстии, но и признали последнее единственно православной и потому для всех обязательной формой перстосложения, а греческое троеперстие новшеством,

вошедшим в практику греческой церкви под влиянием латинства уже в последнее время.

Возвращаемся к прерванному нами рассказу о клятве на двоеперстников, торжественно провозглашенной и собственноручной подписью засвидетельствованной антиохийским патриархом Макарием, сербским патриархом Гавриилом, никейским митрополитом Григорием и молдавским митрополитом Гедеоном.

Без всяких предварительных изысканий, без всякого уважения к исторической правде, восточные иерархи милостыне-собиратели, совершенно голословно и бездоказательно, вопреки истинному духу и пониманию церковью учения Христа, первые провозгласители у нас изначальное русское двоеперстие в крестном знамении армянским еретическим перстосложением, и первые произнесли анафему на всех, держащихся двоеперстия. И это делали они смело, решительно, с авторитетом, не допускающим никаких сомнений и возражений, как будто провозглашенное ими о двоеперстии было действительно святой, непререкаемой, для всех очевидной истиной. Их – высших архипастырей, несколько не смущала и не тревожила мысль, что поступая так легкомысленно, так грубо – резко оскорбляя своих милостивцев русских, они вносят в русскую, дотоле единую православную церковную среду, раздоры, разделения и прямо – церковный раскол. Очевидно, пришлецы имели в виду только выслужиться пред всемогущим московским патриархом, только заработать себе возможно щедрую милостыню, а как, какой ценой – они над этим не задумывались⁹⁸. Конечно, голос этих заезжих случайных милостыне-собирателей был далеко не то, что голос целого константинопольского патриаршего собора, который, как мы видели, к вопросу о перстосложении отнесся очень осторожно, не только не признал двоеперстия каким-то неправым, или армянским перстосложением, но предоставлял русским полную свободу употреблять или свое старое двоеперстие, или тогдашнее греческое троеперстие, так как то и другое одинаково правы и безразличны для веры, если только с ними соединяется правое учение. Но Никону хотелось верить

заезжим милостыне-собираателям, а не голосу Константинопольского собора, так как ему нужно было своих врагов – стойких и горячих защитников двоеперстия, заклеить именем еретиков, доказать всем, что прав он, Никон, а не его враги и порицатели. Благодаря пришлецам – милостыне-собираателям Никон вполне достиг своей цели и притом так, что первое торжественное проклятие на двоеперстников – его личных врагов, было произнесено не им, а лицами совершенно сторонними, на которых действительно и падает главная тяжесть ответственности за дальнейшие смуты в русской церкви.

Опираясь на авторитет и поддержку антиохийского патриарха Макария и других, бывших тогда в Москве восточных иерархов, на торжественно провозглашенное ими проклятие на двоеперстников, Никон решается нанести своим врагам последний удар, – подвергнуть их, как еретиков, окончательному отлучению от церкви и проклятию. 23 апреля 1656 года он созывает в Москве собор из русских святителей и обращается к собору с обширной речью, в которой указывает на побуждения, заставившие его приняться за исправление русских церковных чинов и обрядов, сообщает, что и как он делал это доселе, и особенно просил собор заняться вопросом о двоеперстии, так как, объяснял он собору, соединением, по Феодорову писанию, великого перста с двумя малыми неправо, будто бы, исповедуется таинство пресвятыя Троицы, а совокуплением двух перстов, указательного и среднего, неправо исповедуется таинство воплощения; указал на соборное послание Константинопольского патриарха Паисия, как на осуждающее будто бы двоеперстие, но главным образом сослался, как и следовало ожидать, на толкование антиохийским патриархом Макарием известного сказания о св. Мелетии антиохийском, сделанное им в церкви Чудова монастыря; на проклятие, которое изрек в Успенском соборе восточные святители на крестящихся двоеперстно, и на письменное изложение ими самого проклятия, и, в заключение, просил и русских святителей высказать и свое решительное слово о том же предмете. Речь Никона и весь предшествующий

ход дела ясно показывали, чего хотел Никон от русских святителей. Им оставалось только признать и оформить уже совершившийся факт, почему и составилось следующее соборное определение по вопросу, в решении которого в ту или другую сторону так сильно был заинтересован Никон; «аще кто отселе, ведый, не повинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле святая восточная церковь прияла есть и якоже ныне четыре вселенстии патриархи, со всеми сущими под ними христианы, повсюду вселенные обращающимися, имеют, и яко же zde прежде православнии содержания, до напечатания слова Феодоритова в псалтырях со воследованием московския печати, еже тремя первыми великими персты десные руки изображати, во образ святые и единосущные и нераздельные и равнопоклоняемые Троицы, но имать творити сие неприятное церкви, еже соединя два малые персты с великим пальцем, *в них же не равенство святые Троицы извещается, и два великосредняя простерта суща, в них же заключати два сына и два состава, по Несториеве ереси*, или инако изображати крест; сего имамы, последующе св. отец седми вселенских собор и прочих поместных правилом и св. восточные церкви четверем вселенским патриархом, – всячески отлучена от церкви вкупе и с писанием Феодоритовым, яко и на пятом (соборе) прокляша его ложная писания на Кирилла архиепископа александрийского и на правую веру, сущая по Несториеве ереси, проклинаем и мы».

Приведенное соборное определение было внесено в «Скрижаль», которую собор, по предложению Никона, рассмотрел и одобрил к печати, внесена была и напечатана и речь Никона к собору. Можно думать, что между членами этого собора были, конечно, лица, настолько-то знакомые со своим церковным не особенно уже далеким прошлым, которые наверное знали, что двоеперстие существовало на Руси вовсе не со времени внесения слова Феодорита в Псалтырь с воследованием московской печати, а гораздо ранее; что двоеперстие учил Максим Грек и его противник – митрополит Даниил, что Стоглавый собор узаконил двоеперстие окончательно, конечно потому, что за такое именно

перстосложение говорила собору, вся известная ему русская древность, большим знатоком, любителем и собирателем которой был председатель Стоглавого собора митрополит Макарий, человек для того времени очень сведущий во всей русской старине. Конечно, по крайней мере, для некоторых членов собора, вероятно, было очень трудно и тяжело признавать, что двоеперстие включает в себе неправославное учение о св. Троице и ересь несторианскую, – так как все члены собора, не исключая и самого Никона до патриаршества, крестились доселе двумя перстами, вовсе не соединяя с этим какого-либо неправого учения о св. Троице и нимало не склоняясь, ради этого, в несторианскую ересь. Но под влиянием подавляющего примера бывших тогда в Москве восточных святителей и, главным образом, под давлением страшного и скорого на самую суровую расправу Никона, мнение которого к тому же им ранее заявлено было настолько ясно и определенно, что не допускало никаких сомнений и возражений, им оставалось одно; или безусловно подчиниться желанию Никона, или же, по всем памяtnому примеру Павла Коломенского, после позора и истязаний, отправиться в заточение. Естественно было, что святители избрали для себя первый путь – путь полного смиренного подчинения желаниям Никона, хотя бы это и несогласно было с их личными убеждениями.

Ввиду указанных обстоятельств, враги Никона и его реформы могли смотреть и на собор 1656 года так же, как и на предшествующие, т. е. как на личное только дело Никона и его друзей – восточных иерархов – милостыне-собирателей, тем более что присутствовавший на этом соборе и подписавшийся под его деяниями вятский епископ Александр, впоследствии открыто выражал свои сомнения в правильности произведенных Никоном церковных реформ.

Пользуясь присутствием в Москве антиохийского патриарха Макария, поощряемый им и опираясь на его авторитет, Никон спешил провести и другие перемены в нашем церковном чине и обряде, чтобы достигнуть их полного соответствия с тогдашней греческой церковной практикой. Он просил Макария не опускать

из внимания и исправления ни одной ошибки, ни одного отступления, какие только он заметит в нашей церковной практике. Павел Алепский свидетельствует, как очевидец: «Никон постоянно просил нашего учителя (т. е. и. Макария), говоря ему: «если что найдешь достойное порицания в чине наших обрядов, скажи нам об этом, дабы мы поступали, как должно», и, обыкновенно, принимал его совет с величайшим вниманием». Или, например, Павел говорит: «Никон всегда предлагал нашему владыке патриарху (т. е. Макарию), когда он служил с ним, совершать рукоположение, ибо искал в этом пользы, чтобы видеть, чьи обряды лучше, и постоянно спрашивал его о всяком предмете, дабы извлечь для себя пользу». Макарий действительно очень ревностно старался указывать Никону, «на недостатки и неблагоприличные действия, существующие у русских», как выражается Павел Алепский, а Никон, со своей стороны, немедленно приводил в исполнение указания Макария, смело переделывая русскую церковную старину на современный греческий лад. Как это иногда происходило, помимо выше указанных случаев, видно и из следующего рассказа Алепского: «патриарх Никон постоянно просил нашего учителя написать для него чин обновления храма я весь порядок этого чина, согласно обряду греков... дабы он мог видеть, согласуется ли таковой с их обрядом. По этому поводу мы очутились в большом затруднении, потому что чин «обновления храма» не содержится в печатных греческих Евхологиях, ни в арабских, ни в иных, но совершенно отсутствует в них, ибо, после самых тщательных поисков, наш учитель не нашел его⁹⁹... Проискав долгое время, мы нашли, по наитию свыше, в одной из книг Св. Горы, древнее греческое сочинение по этому предмету, и наш владыка патриарх с большим трудом перевел его с греческого на арабский. Как только он кончил это, патриарх Никон, по собственному побуждению, пришел к нему под вечер в понедельник Пятидесятницы и просил его освятить церковь и совершить всю службу по-гречески... За службой присутствовал архидиакон московского патриарха с несколькими писцами, чтобы записать весь чин». Иногда же дело происходило проще, т. е. Макарий

делал указания Никону единственно только на основании того, как сам знал и представлял себе известное церковное действие и Никон, руководствуясь его указанием, без всякого исследования и проверки, немедленно производил ту или другую перемену в каком-либо русском церковном чине. Так, в Великий четверг (1655 г.) в московском Успенском соборе, в присутствии обоих патриархов, все было приготовлено к совершению чина елеосвящения, причем в большую чашу налито было одно масло, а рядом с нею поставлен был кувшин с вином и еще чаша наполненная пшеницей». Когда патриарх Никон, рассказывает Алепский, спросил у нашего владыки, все ли в этом обряде сделано как следует, тот ответил; «да, но одного только не хватает, при этих словах он взял кувшин с вином и налил на масло, как велит Ветхий Завет и Святое Евангелие, где говорится, что Господь – да будет благословенно имя Его! – излил на раны человека, впавшего в руки разбойников, вино вместе с маслом. Никон согласился с этим замечанием и остался доволен»¹⁰⁰.

Однажды только Никон не согласился с указаниями и настояниями патриарха Макария и поступил самостоятельно. Это именно в вопросе об освящении воды в праздник Богоявления. Убедившись из древних греческих и славянских книг, что в древнее время освящение воды в праздник Крещения Господня совершалось один раз и именно: в навечерии праздника, и не в церкви, а на реке, Никон издал по этому поводу следующее соборное постановление: «мы убо, по данной благодати нам от пресвятого и животворящего Духа, должны есмы, последующе святым и богоносным отцем, погрешенное от некоторых невежд, исправить, да тверд и непоколебим чин святыя восточныя церкви соблюдается, якоже и о чине в навечерии святыя Богоявления, како исходити ко крестильнице, в греческих древних и в русских старых харатейных уставах писано. И аще кто, по сем нашем заветании, дерзнет инако мудрствовать, и не в навечерии святого Богоявления водоосвящение действовать, – еже есть в 5 день иануария, – якоже святии отцы уставили и затвердили, но на самый праздник святого Богоявления действовать, яко же

и прежде, не повинуюсь отеческому преданию, да будет церковной казни повинен, еже есть: проклятию и отлучению»¹⁰¹. Против такого образа действий Никона по данному вопросу решительно восстал патриарх Макарий. Павел Алепский рассказывает: «в праздник крещения, когда Никон намеревался совершить службу водоосвящения только один раз, и когда это его намерение дошло до сведения нашего владыки патриарха, последний отправился к нему и убеждал его, что такое действие неправильно... но в этом случае Никон не захотел послушать (Макария), отвергнув его авторитет по сему предмету. Царь, между тем, думал, что Никон, именно по совету нашего владыки патриарха, совершил обряд так, как совершил его; но теперь, когда до его сведения дошло, что дело было наоборот, он поспорил с ним и выбранил его, назвав *мужик бл...н сын*, т. е. глупый крестьянин. Патриарх сказал ему; «я твой духовный отец, зачем же ты оскорбляешь меня?» На что царь отвечал: «не ты мой отец, а святой патриарх антиохийский воистину мой отец".... Этот рассказ Алепского о ссоре царя с Никоном, причем царь будто бы обругал Никона, есть, конечно, просто сплетня, составленная недоброжелателями Никона и которую Павел, сам не бывший свидетелем этого события, подхватил у какого-нибудь болтуна, желавшего этим понравиться антиохийцам»¹⁰². Никон, несмотря на все убеждения Макария сохранить прежний чин водоосвящения, т. е. совершать его по-прежнему дважды: в навечерии крещения в церкви и на реке в самый день крещения, остался при своем мнении, как обязательном для всей русской церкви. Впоследствии собор 1667 года сделал поэтому вопросу такое постановление: «повеление же и клятву, еже неразумно положи ю Никон, бывший патриарх, о действе освященные воды на святых Богоявлений, еже действовати единощи, точию в навечерии, разрешаем и разрушаем и в ничтоже вменяем. Повелеваем же и благословляем творити по древнему обычаю святые восточные церкви и по преданию святых и богоносных отцев: в навечерии действовати освящение святых вод в церквах, и по утрени – на реке, яко же повелевают и вси церковные уставы теже молитвы глаголати и действовати»¹⁰³. Справедливость

требует, однако, заметить, что правда была на стороне Никона, когда он утверждал, что древняя христианская церковь знала только одно водоосвящение – в навечерии Богоявления, так как этот чин, выродившийся из обычая крестить оглашенных в ночь Богоявления, действительно в древней христианской церкви совершался только один раз и именно – в навечерии Богоявления. Так продолжалось до XI – XII века, когда стал вводиться обычай двойного освящения воды: в навечерии в церкви, а в день праздника на реке. Никон Черногорец для двукратного освящения воды не находит оправдания и оснований ни в письменных источниках, ни в практике великой церкви, ни в уставах – иерусалимском и студийском. В славянских уставах иерусалимской редакции говорится то о двукратном, то об однократном водоосвящении. В греческой церкви обычай двукратного водоосвящения окончательно возобладал, с течением времени, над однократным и сделался всюду господствующим. Но, очевидно, сравнительно с однократным водоосвящением, он был обычаем новым, несмотря на его всеобщую распространенность¹⁰⁴.

Переделывая русские церковные чины и обряды по указаниям антиохийского патриарха Макария, Никон решился воспользоваться услугами последнего, чтобы старый русский клобук переменить на новый греческий, и это потому, что старые русские клобуки были некрасивы, тогда как греческий клобук очень шел к Никону, т. е. делал его на вид красивее. Естественно, что Никон сам стеснялся произвести эту реформу, знал, что она вызовет против него всеобщее неудовольствие, но искушение украсить свою голову более красивым греческим клобуком было так велико, что он вошел по этому случаю в заговор с патриархом Макарием и научил его, как действовать, чтобы прилично для своего патриаршего достоинства достигнуть желанной цели. Об этом казусе подробно рассказывает соучастник в деле – Павел Алепский. «Патриарх Никон, говорит он, имея большую любовь к греческим камилавкам и клобукам, сделал себе ныне новый белый клобук, по покрою клобуков греческих монахов, только над глазами вышит золотом и жемчугом херувим. Клобуки московских

монахов, их архиереев и патриарха, весьма некрасивы: все они вязаны из шерсти, не имеют камилавки, но пришиты к скуфьям без кружка, а с меховой опушкой. Клобуки монахов очень велики, закрывают глаза, и уши и ниспадают на плечи: из-под них едва различишь их лица... Зная любовь к себе царя, и пользуясь присутствием нашего учителя, одного из вселенских патриархов, Никон переговорил сначала с ним и втайне передал ему в алтаре упомянутый клобук, как обыкновенно, с камилавкой, прося его походатайствовать пред царем, чтобы тот возложил их на него, Никона, ибо он сильно опасался, как бы миряне не стали говорить ему: «ты уничтожил древний наш обычай и одеяние наших первых святых архиереев». Так это и случилось с ним потом, именно: когда он надел новый клобук, на него сильно возроптали, хотя и скрытно, из боязни царя. Наш учитель, подойдя к царю, сказал ему так: «нас четыре патриарха в мире и одеяние у всех нас одинаково; с нашего разрешения поставлен этот брат наш патриархом московским, в равном достоинстве с римским папой, признак коего тот, что он отличается от нас белым одеянием. Если угодно твоему царскому величеству, я желал бы надеть на него эту камилавку и клобук, которые сделал для него вновь, чтобы он носил их подобно нам». Царь, по своей великой любви к патриарху Никону, был очень рад и отвечал нашему учителю: *«батюшка добро!* т. е. хорошо, принял от нашего учителя, поцеловал, велел Никону снять старые клобук и камилавку, и надел на него новые. Когда он возложил их на патриарха, лицо последнего засияло: этот греческий убор очень шел к нему, прежний же, как мы сказали, безобразил их, будучи скуфьей, а не камилавкой, и с клобуком малым, коротким и стянутым. Патриарх был очень рад, но присутствующие архиереи, настоятели монастырей, священники и миряне, видя это, сильно возроптали на Никона и говорили: «смотрите, как он переменяет одеяние архиереев, которое они приняли по внушению Святого Духа с того времени, как мы сделали христианами чрез св. Петра. Как земля не поколеблется под ними ибо, одеваясь доселе по-московски, он сделался греком». Народ впоследствии сильно негодовал на него, но втайне, из страха пред царем. Под конец все архиереи

и монахи пожелали переменить свое прежнее одеяние, которое делало их смешными»¹⁰⁵.

Это бесцельное, и по существу, конечно, довольно безобидное, переодевание Никона, удовлетворяя его личному эстетическому вкусу, вызывало, однако, как слишком бросающееся в глаза и видимое всеми ненужное новаторство, сильное неудовольствие на него в народе, давало лишний повод его противникам нападать на него, как на презрителя и отметателя родной святой старины, так как народ и на самые одежды церковно-иерархических лиц смотрит как на нечто священное, неизменяемое, не могущее подчиняться изменчивым требованиям времени и вкуса.

Сделанный нами краткий обзор исключительно церковно-обрядовой реформаторской деятельности Никона показывает, что Никон, под влиянием и воздействием на него приезжавших в Москву восточных иерархов – милостыне-собирателей, пришел к убеждению, будто церковные чины и обряды, которыми русские порознились с современными греками, были нововводные, несогласные с истинно православными древними чинами и обрядами, которые в их первоначальном виде сохранились именно у современных греков. Усвоивши себе такой взгляд на особенности русского церковного чина и обряда, по сравнению его с тогдашним греческим, Никон логически неизбежно должен был придти к мысли немедленно заняться исправлением всего, что в русской церкви было нововводного, испорченного, неправого, – это был, очевидно, его прямой долг и обязанность, как архипастыря русской церкви. А так как Никон на обряд смотрел, как и большинство тогдашних русских, т. е. приравнивал его к вероучению, то и считал себя прямо обязанным показать свою архипастырскую ревность прежде всего на исправлении неправого, по его мнению, русского обряда, из опасения, как бы из-за неправого обряда не замутилось на Руси самое православие и вся страшная ответственность за это не пала на него – Никона патриарха. Конечно, если бы Никон подошел к затронутому им вопросу о правоте или неправоте русского обряда иным путем, именно: путем предварительного более или менее тщательного

исследования и изучения своей и греческой старины, то, вероятно, он пришел бы и к другому взгляду на особенности русского церковного обряда и иначе бы, конечно, стал проводить тогда и свою церковную реформу, не следуя рабски за указаниями восточных иерархов милостыне-собирателей. Так он действительно и поступил в вопросе об освящении воды в Богоявление, когда отказался последовать настояниям антиохийского патриарха Макария потому именно, что из древних греческих и славянских книг убедился, что в древнее время освящение воды в Богоявление совершалось только один раз, а не два, как уверял и настаивал патриарх Макарий. Но, к сожалению, путь самостоятельного изучения греческой и русской церковной старины для Никона, вовсе не получившего какого-либо правильного, а тем более научного образования, был решительно недоступен, и потому он по необходимости принимал на веру неосновательные и прямо иногда несправедливые заявления своих случайных руководителей, будто особенности русского церковного чина и обряда представляют собой нововведение, искажение древнего церковного чина и обряда, и, при этом, искажение чуть ли не еретическое. Не верить своим руководителям и учителям, людям более его сведущим и образованным, какими они представлялись ему – простому начетчику, он не имел сколько-нибудь серьезных данных. Конечно, соборный ответ константинопольского патриарха Паисия мог бы раскрыть Никону глаза на значение в христианской церкви обряда вообще и уяснить ему истинный смысл и полную ненужность некоторых его обрядовых реформ; но важность этих ответов константинопольского патриарха парализовалась присутствием в Москве антиохийского патриарха Макария и других восточных иерархов – милостыне-собирателей, которые усердно поддерживали Никона в его стремлении исправлять русские нововводные чины и обряды, служили ему авторитетными советчиками и руководителями, всегда готовыми оправдать и подкрепить своим авторитетом все его самые резкие и необдуманные меры, направленные на уничтожение в русском церковном обряде и чине всего, что в нем было несогласного с

тогдашним греческим церковным чином и обрядом. Подчиняясь указаниям и руководству этих случайных пришлецов, их голос принимая за голос всей греческой церкви, не имея сомнений в правильности и полной компетентности их указаний, Никон, по крайней мере, в то время, искренно верил, что своими церковно-обрядовыми реформами он действительно спасает русскую церковь от серьезной грозившей ей опасности исказить истинное православие. Эта уверенность, что он делает великое и святое дело – спасает от искажения русское православие, побуждала Никона действовать в своих реформах быстро, решительно и энергично, не обращая внимания на раздававшиеся повсюду вокруг его протесты, обвинения в новаторстве и чуть не еретичестве, заставляла его пренебрегать и общественным мнением, очень ему враждебным, и личной безопасностью, которой угрожало возникшее против него сильное раздражение, – всякие колебания, нерешительность и медленность, казалось ему, вовсе неуместны в таком важном и святом деле.

Очевидно, у Никона не хватало одного, но очень важного для него, как реформатора, качества: он не имел о своем деле, по крайней мере, вначале, надлежащего правильного представления, он действовал, правда, очень искренно и с большим увлечением, но действовал по подсказкам других, под их руководством и по их указаниям, благодаря чему и его собственное отношение к своей реформе впоследствии, когда он приобрел более верный взгляд на нее, значительно, как увидим ниже, изменилось. Ввиду этого, главная доля ответственности как за самый церковно-обрядовой характер реформы Никона, так значительно и за характер ее выполнения, падает на его советчиков и руководителей восточных иерархов – милостыне-собирателей и из них, по преимуществу и главным образом, на антиохийского патриарха Макария. Последний своими советами и указаниями, своим публичным словесным и письменным заявлениям, что двоеперстие есть армянская ересь, своей торжественно провозглашенной анафемой на двоеперстие, и другими подобного рода действиями, необходимо не только вводил Никона в обман, но и принимал в

обрядовых реформах Никона настолько живое и деятельное участие, что Никон, без поощрения и поддержки Макария, едва ли бы сам решился на крутую ломку русской церковной старины. Даже более. Никон, вероятно, пришел бы прямо в ужас, если бы узнал и убедился, что изменяя русские обряды, как нововводные и неправые, он, в действительности, изменял древние православные греческие обряды, принятые русскими от древних греков и у русских неизменно сохранившиеся, тогда как позднейшие греки заменили свои старые обряды новыми, почему между ними и русскими обрядами и явилось, с течением времени, несогласие. Следовательно, Никон своими реформами не восстанавливал старый греческий обряд, как он думал и воображал, но только заменял новогреческим обрядом старо-греческий, сохранившийся у русских.

Что слишком поспешная и крутая ломка русского церковного обряда не вынуждалась какой-либо действительной, насущной потребностью и необходимостью тогдашней нашей церковной жизни, это понятно само собой. Беда тогдашней религиозной жизни русских заключалась вовсе не в том, что русская церковь имела свой местный чин и обряд, несколько отличный, в очень неважных и безразличных частностях, от современного греческого чина и обряда. Недаром, конечно, и соборная грамота константинопольского патриарха Паисия поучала Никона: «не следует нам думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся в вещах, которые не принадлежат к числу существенных или членов веры; лишь бы соглашался в важных и главных с католическою церковью». Или, в другом месте та же грамота говорит, что местные особенности церковного чина и обряда не должны «производить никакого разделения (в церкви вселенской), если только сохраняется неизменно одна и та же вера. Это потому, что церковь наша не с самого начала получила тот устав чинопоследований, который содержит в настоящее время, а мало-помалу». Значит, с точки зрения константинопольской церкви, официально выраженной в соборном послании константинопольского патриарха Паисия на вопросы Никона,

русская церковь всегда имела и имеет полное право на свой поместный обряд, и это нисколько не повредит ее единению с церковью греческою, поскольку обе они остались верными одному и тому же православному учению. Итак, повторим, беда заключалась вовсе не в том, в чем полагал ее Никон – что русская церковь имела некоторые обряды не во всем тождественные с современными греческими, а собственно в том, что русские того времени, и сам реформатор Никон, имели об обряде неправильное представление, что они свой, уже поместный тогда обряд, считали за единственно правильный и потому для всех обязательный, от него, как нормы, не только заключали о правильности или неправильности обряда во всех других православных церквях, но о православии или неправославии самого содержимого ими вероучения, так как иной обряд, по их убеждению, указывал и на иное учение, почему они и к православию самих греков, как имеющих кое-какие иные обряды, чем у русских, – относились очень подозрительно. Отсюда понятным становится, что от Никона реформатора требовалось не уничтожения особенностей русского церковного обряда сравнительно с тогдашним греческим, а уничтожения неправильных представлений русских об обряде, требовалось установить и уяснить им истинный взгляд на обряд, его происхождение, отношение к вероучению, значение в церкви, на его историческую постепенную изменяемость и потому неодинаковость в известное время в разных поместных церквях; требовалось возвысить, просветить религиозно-христианское сознание русских, чтобы им вполне доступно и понятно было представление о единстве церкви вселенской, при существовании обрядовых разностей в отдельных поместных церквях. А между тем церковно-обрядовая реформа Никона и не удовлетворяла нисколько этой насущной потребности русских: как имевшая дело исключительно с обрядом, она по-прежнему приковывала все внимание русских к обряду, к букве, а не к духу и смыслу христианского учения, она ничем не расширяла, не углубляла и не просветляла русского религиозного сознания, а только поддерживала и утверждала русских в справедливости их

старого ошибочного представления, что в деле веры и благочестия обряд играет самую первостепенную роль, так что даже самое малейшее изменение в обряде, хотя бы уже освященное вековым его употреблением в церкви и вовсе не соединенное с каким-либо неправильным церковным учением, как это именно и было у русских, не может быть, однако, терпимо в православной церкви. Вот почему, по нашему мнению, со стороны Никона было большой ошибкой начинать свою реформаторскую деятельность с изменения русского церковного чина и обряда, выдвигать эту сторону своей реформы на первый план, на ней по преимуществу сосредоточивать свою энергию, не обращая при этом внимания на то очевидное обстоятельство, что такая реформа, веденная притом исключительно сверху, с полным пренебрежением к общественному мнению, народному пониманию и заявлениям представителей народного большинства, может повести к расколу в единой дотоле русской церкви¹⁰⁶.

В доказательство неизбежности и необходимости для Никона произвести именно церковно-обрядовую реформу, указывают обыкновенно на то, что будто бы дальнейшее оставление особенностей русского церковного чина и обряда, хотя и не заключающих в самих себе чего-либо действительно неправославного, грозило, однако, разрушить в будущем единение русской церкви с греческой. «Необходимо было, говорит наш церковный историк – высокопреосвящ. Макарий, устранить все этого рода (т. е. обрядовые) несогласия нашей церкви с греческою, чтобы они не повели к серьезным столкновениям и даже к разрыву между обеими церквями». Но уже чрез две страницы далее достопочтенный историк сам же уничтожает основательность только что сделанного им предположения: о возможности разрыва между русской и греческой церквями из-за некоторых неважных обрядовых разностей. Именно: указывая на тот факт, что Никон, в конце своего патриаршества, признал одинаково добрыми и старые и новые служебники, что он дозволил Неронову служить по старым книгам и держаться старого обряда, историк говорит: «отсюда можем заключать, что если бы продолжалось служение

патриарха Никона, и он скоро не оставил своей кафедры, то он, может быть, дозволил бы и всем единомысленникам Неронова, приверженцам старопечатных книг, то же самое, что дозволил Неронову: лишь бы только они покорились церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной веры и подчиняясь одной и той же церковной иерархии, русские, одни совершали бы службы по новоисправленным книгам, а другие по книгам исправленным и напечатанным прежде, несмотря на все разности между ними, подобно тому, как до Никона одни совершали у вас службы по старым служебникам и требникам, напечатанным и правленным при патриархах Иове, Гермогене и Филарете, а другие по вновь исправленным служебникам и требникам, напечатанным при патриархах Иоасафе и Иосифе, хотя между теми и другими служебниками и требниками есть значительные разности. Таким образом раскол, начавшийся при Никоне, мало-помалу прекратился бы, и на место его водворилось бы так называемое ныне единоверие»¹⁰⁷. Но если в пределах одной поместной церкви русской можно было безопасно держаться различного обряда, отправлять различные службы по неодинаковым, заключающим в себе «значительные разности» служебникам, и в то же время составлять единую поместную церковь, то тем более, конечно, та же самая разность в некоторых обрядах, содержащихся двумя самостоятельными поместными церквами, никак уже не могла, очевидно, повести «к серьезным столкновениям и даже разрыву между ними». Это вполне подтверждается и теми отношениями, какие существовали между русской и греческой церквами до Никона. Разность в церковных обрядах русских и греков обнаружилась у нас еще с конца XV века, а между тем это нисколько не мешало фактическому единению церквей и их постоянным взаимоотношениям, которые с течением времени не только не ведут к разрыву, но становятся все шире и теснее. С начала XVI века в Москву начинают приходить из самых различных мест православного востока митрополиты, архиепископы и епископы восточных кафедр, настоятели и братия различных восточных монастырей, в качестве просителей милостыни у своих единоверцев русских. Они

встречают радушный прием в Москве, иногда подолгу живут в ней и получают от правительства нескудную милостыню. К концу XVI века мы встречаем в Москве, как просителей милостыни, уже двух патриархов восточных кафедр: антиохийского Иоакима и константинопольского Иеремию, благодаря чему между патриаршими восточными кафедрами, и из них константинопольской по преимуществу, и русским правительством, устанавливаются, с конца XVI века и в первой половине XVII. непрерывные живые сношения. Русское правительство стремится использовать эти сношения в своих видах и интересах: чтобы придать более силы и блеска царскому венчанию Ивана Васильевича Грозного, оно обращается за утверждением его к восточным патриархам. Воспользовавшись приездом Москву константинопольского патриарха Иеремии, оно, с его согласия, учреждает у нас патриаршество и даже выражает желание признать, при известных условиях, к церковности не имеющих никакого отношения, самого Иеремию главой русской церкви – московским патриархом, и только после его отказа, патриархом московским поставляется Иеремией Иов. Освящение и благословение восточными иерархами таких важнейших актов нашей государственной и церковной жизни, сделанное притом по инициативе и настояниям самого русского правительства, ясно показывает, что оно придавало участию в этих актах восточных патриархов очень важное и существенное значение, какого бы оно никак не могло придавать им, если бы видело в восточных патриархах людей не вполне и строго православных. Сближение русской церкви с греческой идет затем и далее. Эласонский архиепископ Арсений, приехавший в Москву с константинопольским патриархом Иеремией, остается навсегда в Москве, служит здесь и называется у нас суздальским. Охридский архиепископ Нектарий, приехавший еще при Годунове, делается у нас вологодским епархиальным архиереем, а другой греческий архиерей – Игнатий, рязанским. Игнатий потом законно был избран и без всякого протеста поставлен русскими архиереями в патриархи московские, так что он некоторое время управлял всей русской церковью, как ее

законный глава. Очевидно, постоянные непрерывные сношения с православным востоком привели постепенно высшее передовое московское общество, и прежде всего само правительство, к мысли, что тогдашние греки столь же православны, как и русские, почему московский патриарх спокойно может принимать ставление от греческого патриарха, греческий архиерей может быть и русским епархиальным архиереем и даже патриархом московским. Филарет Никитич, этот ненавистник латинства и унии, строгий ревнитель православия, принимает свое поставление в патриархи от иерусалимского патриарха Феофана, к которому затем до самой своей смерти относится с великим почтением и уважением. Филарет Никитич еще более усиливает постоянные живые сношения с восточными патриархами, а у себя дома – на Москве содержит нескольких приезжих в Москву за милостыней греческих архиереев, которые не только принимают участие во всех русских церковных службах и церемониях, пользуются особым расположением патриарха, но даже присутствуют на торжественных приемах Филаретом Никитичем иностранных послов. Вообще все предубеждения против православия тогдашних греков, уже с конца XVI века, начинают окончательно вымирать при московском дворе и заменяться другим убеждением, что современные греки, с их иерархией, так же православны, как и русские, несмотря на то, что некоторые их церковные обычаи и несогласны кое в чем с русскими. Очевидно, столь распространенный ранее среди русских взгляд на тогдашних греков, как на потерявших истинное строгое православие, благодаря постоянным живым сношениям с православным востоком, особенно усилившимся с конца XVI века, как взгляд ошибочный и несправедливый, был осужден на постепенное естественное вымирание, должен был сам собою уступить, с течением времени, место другому – правильному взгляду, что современные греки так же православны, как и русские. Значит, некоторая разность в обрядах никак не могла служить в будущем препятствием к единению церквей – греческой и русской, как она не служила таким препятствием ранее, не служит и теперь, хотя и после церковной реформы

Никона разности в церковных чинах и обрядах у греков и у русских существовали всегда, существуют и сейчас. Если же в действительности старые взгляды на греков, как на потерявших истинное православие, не только не умерли у нас окончательно, но в известной части русского общества, заявили потом себя с особой резкостью и силой, то на это имелись особые причины. Церковно-обрядовая реформа Никона, веденная им слишком круто, спешно, с публичным признанием особенностей тогдашнего русского церковного обряда чуть не еретичеством, и все это при деятельном участии и одобрении бывших тогда в Москве восточных иерархов, – естественно, особенно в провинциальных кругах, оживила и придавала новую силу уже вымиравшим было взглядам на современных греков, как на потерявших истинное православие. Эти старые взгляды, под влиянием реформы Никона, вновь ожили теперь с особой силой и яркостью, были систематически вновь разработаны, вновь аргументированы и популяризованы приверженцами старины в широких массах народа, в целях подорвать в глазах народа всякое значение произведенных Никоном реформ.

Вполне возможно, однако, что Никон мог бы произвести свои церковно-обрядовые реформы, в видах соглашения русского церковного чина и обряда с тогдашним греческим, и без тех тяжелых церковных потрясений, какими они сопровождались в действительности, так как дело это у нас не было нечто новое и небывалое, а наоборот: нечто старое, не раз происходившее ранее в русской церковной жизни. Русская церковь приняла от Константинопольской церкви весь церковный чин и обряд и всю вообще церковно-обрядовую практику, как она тогда существовала в Константинополе. Но в XI веке и у самих греков церковная практика во всех своих частностях и подробностях далеко еще не установилась, она и там продолжала еще развиваться и видоизменяться. Даже самый церковный устав (типик), которым регулировалось все церковное богослужение, переменялся в Константинопольской церкви: там, после XI века, вместо Студийского устава, перешедшего и к нам, русским, и определявшего всю нашу церковную практику, введен был так называемый Иерусалимский устав, который

окончательно вытеснил собою студийский, а это необходимо должно было произвести значительные перемены и во всей греческой церковной практике. И вот в то время, когда константинопольская церковь уже окончательно перешла к Иерусалимскому уставу, и на его почве стала разрабатывать и решать все встречающиеся церковно-практические вопросы, русские остались при прежнем Студийском уставе, вследствие чего их церковная практика необходимо должна была значительно разойтись с современной практикой константинопольской церкви. Благодаря постоянным живым сношениям с православным востоком, и особенно благодаря митрополитам грекам, к нам, конечно постепенно, переходило многое из того нового, что вырабатывалось и устанавливалось позднейшей греческой церковной практикой, но переходило по частям, случайно и, сталкиваясь у нас со студийскими порядками, на востоке уже отмененными, вызывало недоумения, споры, вопросы. Вследствие этого являлась потребность более широкого и основательного соглашения старых русских церковных порядков с новыми, идущими с востока, или, другими словами, явилась потребность, в видах соглашения русской церковной практики с греческой, заменить и у нас Студийский устав практиковавшимся тогда всюду на востоке иерусалимским. В этом отношении особенно много сделал у нас митрополит Киприан, а потом митрополит Фотий. Знаток этого дела, проф. И. Д. Мансветов, по поводу интересующего нас вопроса, говорит следующее: «с XIV века число славянских рукописных требников начинает увеличиваться, а в XV веке являются такие полные записи, как синодальные № 374–376, заключающие до 180 статей литургического и канонического содержания. Благодаря более близким сношениям с востоком, наши церковные власти заботятся о соглашении славянских служебных чинов с греческими, усваивают себе результаты тамошнего литургического движения и стремятся довести уровень обряда до той высоты, на которой он стоял при патриархах Каллисте, Исидоре и Филофее. Московские митрополиты принимают на себя эту заботу и, при посредстве восточных властей, вводят

новые чины и устанавливают дополнительную, детальную сторону Евхология. Вопросы по исправлению обряда занимают митрополитов Киприана и Фотия, и вызывают с их стороны ряд практических мер к осуществлению этой мысли. Значительный вклад в эту область делает Афон, и памятником живых книжных сношений с ним, особенно же с Хиландарем, является множество рукописей служебного содержания сербского извода, дошедших от XIV-XV веков, а между ними и несколько требников. Таким образом, происходило увеличение состава требника, и в него входили чины и молитвы, которых дотоле не было. В отношении литургии такой крупной прибавкой было введение устава Филофеева и чин литургии преждеосвященных, стоявший с первым в необходимой связи и служивший существенным его продолжением. Обряды крещения дополняются молитвами над родильницей и новорожденным, чин елеосвящения сопровождается канон Арсения, и молитвы умовения ног в великий четверг начинают совершать после заамвонной молитвы, а не перед литургией, как было принято в уставе Алексеевом, по обычаю великой церкви. Феодорит Ростовский переводит в Константинополе чин малого освящения воды и с его именем это последование заносится в типографский требник № 129. По рукописи нашей академии (москов. духовной № 183, XVII века) ему приписывается перевод молитвы Филофея, глаголемой на покрестьи (лития, крестный ход), «егда глад наведет». Киприан посылает псковичам синодик правый цареградский, который чтут в великой Софии, прибавив к нему устав, как великих князей поминати, переводит канон Филофея в нашествие врагов и другие его молитвы. В требниках и других служебных книгах XV века мы уже находим большое число молитв и канонов константинопольских патриархов XIV века, а некоторые из этих произведений становятся известными в славянском переводе и того раньше. Молитвы Каллиста и Филофея вытеснили из употребления некоторые из прежних подобного же содержания и вошли в требник наряду с оставшимися. То же случилось с ними и у нас на Руси. Особенно много их встречается в сербском требнике из синодальной библиотеки

(XV в. № 374). Тут читается и молитва индикту (Филофея), и прибавочная на вечерне пятидесятницы, каноны и молитвы на безведрие, засухи и отвращение неприятельских нашествий и несколько других, также местно византийского происхождения. Некоторые из них вносились в славянские требники без имени составителей и, получив местную переработку, принимались за славянские произведения. Ввиду нового наплыва молитв и последований, становилось все более и более необходимым разобраться в массе накопившегося литургического материала, подвести ему итог, ввести в круг служебных книг и согласить с прежними обрядами. Эту задачу, по отношению к требнику, приняли на себя митрополиты Киприан и Фотий, но как ее выполнили, в виду невозможности (говорим это за себя) опереться на подлинные труды Киприана, сказать не умеем. Во всяком случае, их труды можно было бы считать увенчавшимися успехом лишь в том случае, если бы просмотр и редакция чинов требника были проведены последовательно и всесторонне, если бы дело ограничилось не рекомендацией и сообщением просмотренных одиночных чинов, а выразилось изданием полного исправленного требника, и это исправление коснулось бы сколько содержания и состава, столько же и текста требничных служб. Вместо этого мы видим в евхологиях славянских XV века постепенное нарастание служебного материала. Они разрастаются в обширные сборники чрезвычайно разнообразных чинов, служб, молитв и становятся проводниками практики великой церкви, Афона и земель южнославянских¹⁰⁸.

Таким образом, в наших церковных книгах, чинах и обрядах не раз производились перемены сравнительно с существовавшими у нас ранее, производились по тем же основаниям, в том же духе и направлении, как это могло быть и при Никоне, т. е. практиковавшийся в русской церкви обряд и чин, как уже устаревший, более не удовлетворяющий требованиям времени и обстоятельств, заменялся новым греческим, выработанным дальнейшим движением греческой церковной практики. Такой порядок дел в то время казался настолько нормальным и правильным, что появлявшиеся к нам

с востока разные церковные «новшества», изменявшие русскую церковную старину, не возбуждали тогда никаких сомнений, не вызывали обвинений в нововведениях и еретичестве, и это даже в тех случаях, когда сами нововводители решали у нас тот или другой вопрос неодинаково. В Киприановской псалтири (рукопись москов. Духовной академии) на полунощнице в чтении: блажени непорочнии, после первой статьи предписано говорить: «слава и ныне, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды» (трижды, т. е. самое славословие произнести трижды, а в нем – аллилуиа по дважды). То же на утрени в половине и по окончании шестопсалмия написано: «слава и ныне, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды». Значит, митрополит Киприан предписывал двоить, а не троить аллилуию. Иначе этот вопрос решает преемник Киприана митрополит Фотий. В своем послании к псковичам относительно аллилуйи Фотий пишет: «а что ми пишете об аллилуйи и на славах, сице глаголи: аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже; аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже; аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже»¹⁰⁹. Ясно отсюда, что практика самой греческой церкви в то время еще не установилась относительно двоения или троения аллилуйи, почему два русские митрополита, непосредственно следовавшие на кафедре один за другим, и оба присланные к нам из Константинополя, решают, однако, один и тот же вопрос неодинаково, что впрочем не вызывает каких-либо нареканий на этих митрополитов, не вызывает обличений кого-либо из них в неправде, в заблуждении, – упорядочение русской церковной практики с помощью и по указаниям современной греческой, было, очевидно, в то время явлением обычным, не возбуждавшим ни у кого никаких недоумений.

Патриарх Никон, исправляя современный ему русский обряд и чин по образцу более нового тогдашнего греческого, в существе дела только восстанавливал прерванные было традиционные отношения практики русской церкви к греческой, и, по вопросу о дальнейшем движении и разработке русского церковного чина и обряда, стоял собственно на той точке зрения, на какой русская церковь ранее стояла уже целые

столетия, и в силу которой всякое движение и развитие русской церковной практики должно было находиться в связи и соответствии с теми движениями и переменами, какие происходили в греческой вселенской церкви. Но при указанном сходстве между древним периодом нашей церковной жизни и временем и деятельностью Никона, было, однако, и очень важное и существенное различие в двух отношениях. Никон исправлял тогдашний русский обряд по образцу современного греческого, не как обряд устаревший и отживший, и потому заменяемый новым греческим, более лучшим и совершеннейшим, а как обряд неправый, нововводный и даже еретический; исправлял не заменой старого отжившего обряда новым, а наоборот – русский обряд, как новый, заменял старым, будто бы потерянным русскими и сохранившимся у тогдашних греков, т. е. поступал как раз обратно тому, как ему следовало поступать, и как у нас велось дело до флорентийской унии в тех случаях, когда русская церковная практика отставала от движения и развития практики греческой церкви. Это одна сторона дела. С другой стороны, в древний период нашей церковной жизни русские не сомневались в православии греков, считали их своими естественными и необходимыми в делах веры и церкви учителями и руководителями. Не то было при Никоне. Между его временем и старорусским лежала флорентийская уния и последовавшее за ней падение Константинополя, когда русские стали уже подозрительно относиться к самому православию современных греков, чуждаться всякого их вмешательства в наши церковные дела, решили стоять в этих делах на своих только собственных ногах и даже только себя, из всех православных народов, признали единственными хранителями истинного православия и благочестия. Правда, жизнь и в этом случае шла навстречу Никону: она, как мы уже говорили, постепенно стала ломать тот барьер, который церковно отгородил было русских от современных греков, так что последние на Москве высшим нашим церковным и светским правительством стали уже признаваться такими же православными, как и русские. Значит, Никону нужно было только воспользоваться этим новым,

укрепившимся пока в одной Москве направлением, постараться, прежде чем приступить к своим грекофильским реформам, распространить и укрепить это направление всюду, придать ему силу и убедительность в глазах паствы и потом, уже достаточно подготовив почву, приступить к постепенному, неторопливому проведению самых реформ. При таких условиях его реформы не производили бы на русских того тяжелого удручающего впечатления, какое они производили, когда Никон стал проводить их круто, поспешно, без всякой предварительной подготовки к ним общества, решительно не понимавшего что и зачем делается. В этом случае очень поучительным и очень полезным примером для Никона должен был бы быть киевский митрополит Петр Могила, тем более что в числе руководителей Никона – реформатора были и ученые киевляне, личные очевидцы – свидетели жизни и церковной деятельности Петра Могилы.

За пять лет до вступления Никона на московский патриарший престол умер Киевский митрополит Петр Могила († 1 янв. 1647 г.). Он произвел у себя те же реформы, что и Никон, так что сопоставление деятельности этих двух лиц, работавших на одном и том же поле, но с совершенно различными для церкви результатами, несомненно, очень любопытно и характерно. Могила, как и Никон, обратил внимание на то, что в богослужебные книги юго-западной Руси вкрались многие ошибки, погрешности, разноречия, что в них не было единообразия в церковных чинах и обрядах и вообще в совершении разных церковных служб. Как Никона «зазирали» разные приезжие в Москву восточные иерархи, так православных южно-руссов зазирали разные противники православия, указывая на то, что у православных нет единообразия в церковных службах, один служит так, другой – иначе, что-де доказывает, что без единой главы русская церковь бессильна сохранить у себя даже правильные единообразные богослужебные книги, и тем думали подвигнуть русских к признанию единого главы церкви – папы. Как Никона, так и Могила, эти зазирания побудили обратить внимание на богослужебные книги и постараться ввести повсюду один

церковный чин, почему оба издают исправленные служебники и требники, исправленные и с греческих, и со старых славянских. Как против Никона, так и против Могила возбуждены были обвинения в латинстве, в намерении погубить православие. Сам низложенный предшественник Могила, Киевский митрополит Исаия Копинский, ставленник иерусалимского патриарха Феофана, писал в монастыри: «а киевский де митрополит Петр Могила веры христианской ныне отпал, и благословен-де митрополит Петр Могила от папы римского ныне в великий пост в патриархи, будто быть патриархом христианския веры. А присягал-де он, Петр Могила, Королю и всем панам радным и арцыбискупом ляцким, что ему хрестьянскую веру ученьем своим попрасть и уставить всю службу церковную по повелению папы римского, римскую веру, и церкви хрестьянския во всех польских и литовских городах превратить в костелы ляцкие, и книги русские вывезть». Против благоустроенного Могилою киевского училища, в котором стали преподавать латинский и польский языки, тоже возбуждены были крайние подозрения. «В то время, говорит один из воспитанников киевского училища, от неученых попов и казаков велие было негодование: на што латинское и польское училище заводите, чего у нас дотуду не бывало, а спаслись? Было хотели самого Петра Могила и учителей до смерти побита; едва их уговорили»¹¹⁰.

При известном сходстве самой задачи и некоторых обстоятельств, при которых приходилось действовать Никону и Могила, какое, однако, существенное различие у них в понимании тех предметов, над которыми им пришлось оперировать, в понимании способа ведения дела, тех необходимых условий, при которых оно только и могло иметь действительный успех и приносить пользу пасомым. Никон не приводит церковные чины и обряды к единообразию, ввиду того что в общем они были у нас уже единообразны, а изменяет их по образцу современных греческих, так как находит их неправыми и нововводными, и так как он думает, что церковные чины и обряды имеют одинаковую силу с вероучением и что только известный определенный обряд спасителен, а всякий

другой – нет. Совершенно иначе смотрит на обряд и его значение Могила. Он различает в обряде стороны главные и существенные, и стороны случайные и изменчивые. Первые – существенные неизменяемы, они заключаются, по толкованию Могила, а) в материи, б) в форме или слове и в) в интенции (намерении) совершающего священнодействие. Поэтому существенную, например, часть литургии составляют, кроме внутреннего намерения священнослужителя: материя, какою в литургии служит хлеб и вино, и форма, т. е. освящающие материя слова Спасителя: примите, ядите и пр. Все же остальные части богослужения, кроме существенных, могут видоизменяться, могут быть различны в различных церквях, неодинаковы в одной и той же церкви за разное время, и могут зависеть от временных обстоятельств, местных преданий, обычаев и пр., – и это различие несущественных частей в богослужении нисколько не препятствует вселенскому единству православной церкви, потому что основанием его служит не обряд, а единство вероучения и нравоучения. С этой точки зрения не только все различные чины и обряды в различных поместных православных церквях, за различное время их существования, одинаково святы и спасительны, но и чин латинской церкви заслуживает полного внимания и уважения, поскольку он не служит уклонением от учения вселенской православной церкви. При таком воззрении, Могила, исправляя служебник и требник, сокращал и видоизменял некоторые чины, другие опускал, вводил новые, не встречающиеся в прежних, и в этом случае пользовался даже латинскими служебниками, так как видел сущность различия латинской церкви от православной не в том или другом церковном обряде, но в самом учении. Исправляя богослужебные книги, Могила имел в виду удовлетворить тогдашним потребностям и нуждам юго-западной церкви, и потому не стеснялся отбрасывать старые церковные уже отжившие чины и вводить новые, даже заимствованные у латинян, сочинял и помещал в требник новые ектении и молитвы на разные случаи жизни. При этом он старался дать южнорусской церкви не только единообразный, вполне соответствующий потребностям времени церковный чин,

но и сделать его понятным и доступным для всех, чтобы богослужение совершалось не бессмысленно и механически, а с полным пониманием того, что значило то или другое церковное богослужебное действие. Поэтому, например, к служебнику, изданному в 1629 году, он присоединил догматическое и обрядовое объяснение литургии, чтобы священники вполне понимали то, что они совершали в церкви. Точно также и в своем знаменитом «требнике» Могила поместил наставления, как поступать священнику при отправлении тех или других треб, в тех или других частных случаях. Но этого мало. Могила заботился создать, благодаря своей школе, класс пастырей церкви из людей образованных и ученых, но так как это могло совершиться не вдруг, то он требовал, чтобы все ищущие священства, до своего посвящения, некоторое время оставались в Киеве и учились бы здесь у более сведущих и образованных лиц, так что подготовка некоторых иногда продолжалась целый год, причем сам Могила экзаменовал их и все время содержал на свой счет, благодаря чему и не учившиеся в школе пастыри, получали все-таки элементарный необходимый для их служения запас сведений, усваивали, под руководством опытных лиц, новый чин и обряд, научались понимать его смысл и значение, и не смотрели на него как на что-то ужасное, потому что оно новое. Так разумно, осторожно и верно действовал Могила, исправляя богослужебные недостатки юго-западной церкви. Но заботами об исправлении церковного чина и его разумным усвоением пастырями Могила не ограничился. Верность церковного чина и обряда, его душеспасительность, основываются на знании и правильном усвоении самого православного вероучения, один обряд не может питать и воспитывать православного человека, он только помогает и уясняет в видимых наглядных образах истины христианского вероучения, без знания и понимания этих истин и самый упорядоченный обряд и чин многого не дадут. Ввиду этого Могила позаботился составить полную и цельную систему христианского православного вероучения, которое известно под именем «Катихизиса Петра Могилы». Пока этот катихизис рассматривался на соборах в Яссах (1643 г.) и подписывался

восточными иерархами, Могила, для руководства православных русских, напечатал в 1645 году краткий катихизис. О цели его издания предисловие говорит: «книга эта публикуется не только для того, чтобы священники в своих приходах каждый день, в особенности в воскресные и праздничные дни, читали и объясняли его своим прихожанам; но также, чтобы мирские люди, умеющие читать, преподавали одинаковым способом христианское учение, преимущественно, чтобы родители учили по ней своих детей, а владельцы подвластных себе людей, а также, чтобы в школах все учителя заставляли своих учеников учить наизусть по этой книжечке». Таким образом, наряду с исправлением богослужебных книг, чинов и обрядов, шла другая работа, имевшая в виду пастырей и пасомых привести к правильному систематическому усвоению и пониманию всего круга христианского православного вероучения и нравоучения, чтобы их мысль не останавливалась, не почилла только на обряде, но переходила от него к усвоению высшего круга христианских понятий. – Подобно Никону и Могила производил исправление богослужебных книг, составлял и издавал свой катихизис только с соборного одобрения. Так, в 1640 году он созывает в Киеве собор, на который приглашает всех духовных и светских особ, особенно способных и опытных в рассуждении духовных предметов, и предлагает на обсуждение собора составленный катихизис и разные другие церковные вопросы. Происходит целый ряд соборных заседаний, на которых, как самый катихизис, так и другие вопросы, подвергаются тщательному и всестороннему обсуждению, причем присутствовавшие на соборе не только свободно высказывают свои взгляды по тому или другому вопросу, но и вступают в прения с самим Могилой, оспаривая те или другие его мнения, предложенные им в Катихизисе¹¹¹. Состоявшиеся на этом соборе решения были поэтому выражением свободного голоса всей церкви и потому принимались всеми, как для всех обязательные. – Но Могила очень хорошо понимал, что все самые благие, хорошо обдуманые и тактично проведенные реформы, имеющие в виду привести в порядок и возвысить всю церковно-общественную жизнь, не достигнут надлежащей цели,

не привьются к народу, если в нем не будет просвещенных образованных пастырей, если в обществе будет царить прежнее невежество, если не будет поднят уровень просвещения всего данного общества. Поэтому, наряду с церковными реформами, должны были идти заботы об устройении и развитии школ и вообще образования. На эту сторону – на школы и обучение в них, Могила обратил свое внимание, не жалея своих сил и трудов, не жалея и своего наследственного не малого достояния. В успехе школьного дела он видел залог процветания и силы русской церковной и общественной жизни, главное средство борьбы против церковных и общественных недостатков, верное обеспечение благодетельного действия на церковную жизнь всех произведенных им реформ и улучшений. Его энергия, его труды и жертвы в пользу школы и образования вообще принесли блестящие плоды еще при самой его жизни, продолжались получаться и после его смерти и не только в юго-западной России, но и в самой Москве. Как ясно и глубоко Могила понимал великое значение в церковной и общественной религиозной жизни народа науки и образования, как горячо и энергично старался вызвать и всячески развить эту силу в своей пастве, как он заботился, чтобы и после его смерти эта сила не умалилась, не заглохла, но продолжала бы и после него процветать ко благу и славе русского народа и церкви, это особенно видно из его духовного завещания. В нем, между прочим, он говорит: «лишь только Господь Бог сподобил меня сделаться архипастырем Киевской митрополии, и еще прежде архимандритом Печерской лавры, я, видя, что упадок веры и благочестия в русском народе происходит не от чего иного, как от совершенного недостатка у него просвещения и школ, дал обет Богу моему: все мое имущество, доставшееся от родителей, и все, что будет оставаться от доходов с имений, принадлежащих вверенным мне, по моему служению, святым местам, обращать частью на восстановление разрушенных храмов Божиих, от которых остались жалкие развалины, частью на основание школ в Киеве и утверждение прав и вольностей народа русского.... И этот недостойный обет мой и намерение Господь Бог, по благодати своей, благословил так, что при жизни

моей я видел великую пользу для церкви Божией от тех наук, и много появилось людей ученых и благочестивых на служение ей. Почему, желая оставить коллегия, как единственный залог мой, обеспеченною на будущее время, я подарил ей и настоящим завещанием моим даю и дарю навеки»¹¹² ... Так действовал реформатор юго-западной России, киевский митрополит Петр Могила. И намек на что-либо подобное нет ни в деятельности, ни в стремлениях патриарха Никона. Обладая громадной, почти неограниченной властью в церкви и государстве, располагая громадными материальными средствами, имея полную возможность собрать в Москву целый полк ученых киевлян и иностранцев, и с их помощью завести целый ряд правильно поставленных школ, видя всюду кругом себя самое подавляющее беспросветное невежество и в духовенстве и во всем народе, Никон даже и не подумал о создании в Москве школы, о насаждении и развитии на Москве науки и образования. Он ядовито смеялся над невежеством и даже безграмотностью московских архиереев, своих современников, но и не думал уничтожить это позорное явление в тогдашней нашей церковной жизни устройством школы, заботами о научении и хотя бы кое-каком просвещении поставляемых им самим пастырей и архипастырей. Мало того. Пред патриаршеством Никона наше и светское и духовное правительство заботятся о приискании и в южной Руси и на православном востоке хороших учителей, чтобы с их помощью открыть в Москве настоящую школу. Со вступлением на патриарший престол Никона все эти заботы об открытии школы прекращаются, о школе даже совсем забывают. Никон весь запас своих недюжинных сил, всю свою громадную энергию, растрчивает на бесполезную борьбу со своими личными врагами и недоброжелателями, на проявление своей патриаршей мощи, как неограниченного, ничем не стесняемого властелина, личная воля и усмотрение которого есть единственный регулятор в отношении к подчиненным и пасомым, на чем единственно он и строит всю свою церковно-обрядовую реформаторскую деятельность. Свои громадные патриаршие материальные средства он тратит на бесполезную

постройку новых монастырей, дворца для своего жилья, на сооружение дорогих роскошных митр, целой массы роскошных облачений, на снаряжение целых полков для войны с поляками, и ни одной копейки на школы и образование. Он, простой, необразованный московский начетчик, вовсе и не думал прививать московской Руси недостающую ей силу – силу науки и образования, конечно потому, что сам правильно не понимал и ее ценил ее, не понимал, что без этой силы ничто в общественной жизни прочно и хорошо не строится. Поэтому-то и результаты реформаторской деятельности Могилы и Никона были столь различны: реформы Могилы, хотя они были шире, всестороннее и, в церковно-обрядовой сфере, гораздо радикальнее, чем реформы Никона, не только не вызвали в киевской Руси какого-либо раскола, но и водворили в ней церковный порядок; тогда как реформы Никона на Москве произвели в нашей церкви раскол, который продолжается и доселе.

Глава 6. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Никоне

Взгляд русских на печатные греческие книги, как на испорченные еретиками. Исправление книг при Никоне происходило по греческим венецианским печатным изданиям, которые, однако, проверялись и переделывались с помощью старых рукописных славянских и греческих книг. Арсений грек, как книжный справщик при Никоне. Личное участие Никона в книжных исправлениях. Никон лично признавал исправление книг только по древним славянским и древним греческим и верил, что так именно при нем книги и исправлялись. В исправлении самого текста книг Никон не принимал участия по незнанию греческого языка. Признание Никоном старых и новых служебников одинаково добрыми, и что можно служить по тем и другим. Полное охлаждение Никона, после оставления им патриаршей кафедры, к своей предшествующей церковно-реформаторской грекофильской деятельности.

Наряду с церковно-обрядовой реформой Никон производил и другую реформу – пересмотр и исправление наших церковно-богослужебных книг с греческих. Мы знаем, что благодаря государю и Стефану Вонифатьевичу у нас уже стали, под конец патриаршества Иосифа, исправлять некоторые книги и с греческих, как исправлялся, например, в 1650 году Шестоднев. Но тогда это новое у нас дело – исправление богослужебных книг с греческих, только еще начиналось, налаживалось, а теперь, при Никоне, оно должно было вестись широко и энергично, даже с прямой заменой во многом старых богослужебных книг новыми переводами с греческих подлинников. Но на этом пути, как и при исправлении обряда, Никону пришлось встретиться со многими затруднениями и препятствиями. Прежде всего, Никону пришлось бороться с сильно распространенным у русских предубеждением и недоверием ко всем греческим книгам вообще. У русских сложилось сказание, что будто бы все греческие книги, при

завоевании Константинополя, были отобраны у греков латинянами и сожжены ими. После этого греческие книги напечатаны были вновь в латинских странах, продолжают там печататься и доселе, причем латиняне переправляют их на свой лад, и уже в переделанном виде продают их грекам, так как у греков в Константинополе, и вообще в турецкой империи, не было и нет своей собственной типографии, в которой бы они могли печатать свои книги в неиспорченном виде¹¹³. Сами греки подтверждали справедливость подозрений русских к греческим книгам, напечатанным в иноверных землях. В этом отношении особенно замечательна челобитная палеопатрасского митрополита Феофана, поданная им в Москве государю в 1645 году, после того как он исполнил поручение константинопольского патриарха и собора, которые, собственно, и послали его в Москву. В своей челобитной Феофан пишет: «буди ведомо, державный царю, что велие есть ныне бессилие во всем роде православных христиан *и борения от еретиков, потому что имеют папежи и лютори греческую печать, и печатают повседневно богословные книги святых отец, и в тех книгах вмещают лютое велие – поганую свою ересь. И клепят святых и богоносных отец, что будто пишут по их обычаю, и тое есть нестаточно потому что ныне есть древния книги и библии харатейные рукописьмены и благословение святых отец в монастырех во святой горе Афонской и в иных древних монастырех, и по тем библиям и книгам объявляетца их лукавство. Посем ныне они, которые книги печатали и составили по своему обычаю и вымыслу, теми же книгами они борются в странах, а где древних библей нет, и опаяются орудием нашим, и являются они мужественны, и стреляют на нас нашими стрелами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не поволят нам печатать книги в Царь-граде, понеяши немцы, которые пребывают в Царь-граде, мешают от зависти своей, и осиливают они своею мздою... Сердцевидец есть Господь свидетель, что велие веселие и радость восприяла душа моя, что Бог сподобил меня и видел такова православного царя и благочестие велие, *и вспомянул смуты, что имеют христиане от еретиков и смущаются многие в умах,**

прочитаючи тех составленных книг, и надеются, что такое есть составление святых отец и падают в прелесть их и погибают... Да повелиши, пишет далее Феофан царю, быть греческой печати (в Москве) и приехать греческому учителю учить русских людей философия и богословия греческого языка и по русскому, тогда будут переводить многие книги греческие на русский язык, которые не переведены, и будет великое надобе на обе стороны и великая доброта, да и гречане освободятца от лукавства еретиков, да исполнятца во всем мире православные христианские книги, и не будет нужды (пользоваться) теми составленными римскими и люторскими книгами; *здесь исполнятца древние книги, будут их печатать и переводить на русский язык прямо, подлинно и благочестиво*, и тогда будет великая радость во всем мире и во всем народе христианском, и прославится великое имя царствия вашего по всей вселенной, но и паки – Птоломея царя»¹¹⁴.

Ввиду подобных заявлений самих греков о порче их печатных книг со стороны латинян и лютеран, о том, что настоящие неиспорченные греческие книги могут теперь печататься только в православной Москве, где должна быть открыта греческая типография, и для обучения русских устроено греческое училище, – вполне естественно было, что многие русские не считали возможным пользоваться греческими печатными книгами, а тем более исправлять по ним русские книги. Это бы значило, думали русские, не исправлять наши церковные книги, а заведомо портить их, значило бы вводить в них те ереси, какие латиняне внесли в напечатанные у них греческие книги. Если же русские и принимали греческие печатные книги, то только те, с которых существовали старые славянские переводы, и признавали их опять-таки настолько, насколько они согласны были с этими переводами, все же несогласное в них со старыми переводами отрицалось, как позднейшая латинская переделка. Вполне точно и определенно этот взгляд русских на греческие печатные книги был выражен игуменом Ильею и Онисимовым во время их собеседования с Лаврентием Зизанием. На замечание Зизания: «да у вас

греческих правил нет», Илья и Онисимов говорили: «всех греческих старых переводов добрых, правила у нас есть, а новых переводов греческого языка и всяких книг не приемлем, потому что греки живут ныне в теснотах великих между неверными, и по своим волям печати им книг своих не иметь, и для того вводят иные веры в переводы греческого языка, что хотят. И нам таких новых переводов греческих не надобно, хотя что и есть в них от нового обычая на печатано, и мы тот новый ввод не приемлем». На замечание Зизания: «да откуда у вас взялись греческие правила?» собеседники ответили ему: «Киприан митрополит киевский и всея Руси, егда прииде из Константина града в русскую митрополию, и тогда с собою привез правильные книги христианского закона греческого языка и перевел их на славянский язык, Божию милостию пребывают и доныне без всяких смутков и прикладов новых вводов, да и многие книги греческого языка есть у нас старых переводов, а ныне к нам которые книги выходят печатные греческого языка и будет сойдутся с старыми переводами, и мы их приемлем и любим; а будет в них приложено ново, и мы тех не приемлем, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что греки живут ныне в великих теснотах в неверных странах, и печатати им по своему обычаю невозможно»¹¹⁵. Таким образом, русские годность или негодность своих церковных книг определяли вовсе не их сходством с греческими печатными книгами, а как раз наоборот, годность или негодность греческих печатных книг определяли сходством или несходством их с русскими книгами, не русское проверялось греческим, а греческое русским.

Понятно из сказанного, с каким предубеждением должно было встретить большинство русских стремление Никона исправлять наши церковно-богослужебные книги с греческих, особенно печатных, с какими трудностями и препятствиями ему пришлось бороться. Правда, лучшие люди, еще во времена патриаршества Иосифа, уже признавали необходимость исправлять наши книги по греческим и даже, как мы видели, делали некоторые попытки в этом роде. Но, во-первых, такие лица представляли из себя даже в самой Москве только очень маленькую группу, совершенно незаметную в массе; во-вторых,

совершенные ими исправления с греческих книг сделаны были, как говорится, без всякого шума, незаметно для большой публики, по предметам, не бросавшимся в глаза, почему на эти исправления никто и не обратил внимания. Иначе действовал Никон. Он думал исправить все русские церковно-богослужебные книги, причем придав этому делу публичный, торжественный характер, смело и решительно заявив на соборе вслух всех, что все московские церковные книги сильно испорчены разными включенными в них новшествами, почему их необходимо тщательно исправить на основании древних харатейных славянских переводов и греческих. Никон, впрочем, хорошо понимал те затруднения, какие ему придется встретить при исправлении русских книг с греческих, и потому он приступил к делу исправления книг очень осторожно. Прежде всего, Никон постарался собрать как старые славянские переводы, так и старые рукописные греческие книги, каковые не могли подвергнуться порче со стороны иноверцев, и потому не должны были внушать русским никаких опасений и подозрений. Исправление русских богослужебных книг, производимое Никонем, должно было, таким образом, совершиться не по новым греческим книгам, которые печатаются у латинян, почему они и очень подозрительны, а по древним греческим и славянским рукописям, которые никогда и не бывали в руках иноверцев. Произведенное таким способом исправление наших богослужебных книг, никому не должно было, очевидно, внушать опасений, подозрительность русских должна была успокоиться. Но, к сожалению, этот, так прекрасно задуманный способ исправления книг, на практике оказался совсем не применимым, почему никоновским книжным справщикам пришлось его окончательно оставить и на деле заменить другим.

Дело в том, что богослужение в христианской церкви, церковные чины и обряды, появились и сложились не вдруг, а мало-помалу, в течение многих веков, причем в различных поместных церквях они всегда были очень неодинаковы, и даже в одной церкви, в разное время ее существования, были различны, а относительно частных и подробностей, так продолжалось и после того, как общие типы церковных служб,

чинов и обрядов, в основных своих чертах, уже окончательно определились и получили на практике полную устойчивость¹¹⁶. Относительное единообразие, даже в частностях и подробностях церковных служб и обрядов, заявило себя только уже со времени книгопечатания, когда целые выпуски церковных книг стали печататься с одного определенного списка. Ввиду этого древние рукописные списки церковно-богослужебных книг очень разнообразны, во многом несходны между собою, каждый из них говорит только за то, как совершалось богослужение в то время, к которому относится список, и в той именно церкви, которой он принадлежит. Но если взять богослужение другой поместной церкви за тоже время, то оно окажется во многом несходным с первым, даже богослужебные списки одной и той же церкви, но взятые за разное время, будут очень различны и несходны между собою, и чем древнее списки, тем больше между ними будет и различия. Понятно отсюда, что исправлять современные богослужебные книги по древним спискам дело по самому существу своему крайне трудное, требующее продолжительных специальных предварительных изысканий и работ со стороны не одного, а многих лиц, нарочно к тому научно подготовленных, так как каждый древний список всегда будет представлять из себя нечто отличное от другого подобного древнего же списка, а тем более от позднейшего. Из рассмотрения разных древних богослужебных списков можно придти только к тому заключению, что богослужение в разных поместных церквях было всегда очень различно, никогда не было во всем одинаковым даже в одной и той же церкви, за различное время ее существования, что православная церковь всегда допускала и допускает в своих недрах разнообразие в церковных службах, чинах и обрядах, не считает полное, детальное единообразие в них обязательным, необходимым условием их единения, если только они, при разности церковного чина и обряда, исповедуют одно и то же учение. Естественно поэтому, что Никон, думавший исправлять русские богослужебные книги по древним греческим и славянским спискам, встретил, или вернее, назначенные им книжные справщики встретили на этом пути неодолимые препятствия,

закрывающиеся в бесконечном разнообразии древних списков, в их несходстве между собою и с современной) практикой, в невозможности привести их к единству и единообразию, без участия в этом деле личного усмотрения, а, в известных случаях, и прямо творчества со стороны книжных справщиков и их руководителя, как это и было в деле книжных исправлений, совершенных киевским митрополитом Петром Могилою. Чтобы выйти из затруднения, справщикам приходилось остановиться или на каком-либо одном древнем списке, или на нескольких, относительно однородных. Но и тут затруднение все-таки не уничтожалось. Если держаться одного или нескольких однородных древних богослужебных списков, и на основании их исправить русские книги, то в конце оказалось бы, что исправленные таким образом книги будут, необходимо, значительно и во многом отличны как от современных русских, так и современных греческих книг, и тогда церковно-богослужебная практика русской церкви значительно бы разошлась и с русской непосредственно ей предшествовавшей церковной практикой, и с тогдашней греческой, вследствие чего цель никоновских церковных исправлений – приведение к полному единству русской церковно-богослужебной практики с современной греческой, решительно бы не достигалась. Тогда Никону и его книжным справщикам оставался последний путь, чтобы выйти из затруднения: признать греческую современную церковно-богослужебную практику и греческие печатные книги за норму и образец для исправления русских книг. Так как практика греческой церкви XVII века выработалась на основании более древней, то она, конечно, и находила себе оправдание в известной серии древних списков, что и служило для никоновских справщиков достаточным уверением в том, что они, исправляя русские книги по печатным греческим, действительно восстанавливают на Руси древний церковно-богослужебный чин, так как он, в этом случае, опирается на свидетельство древних списков, вполне подтверждающих правильность и неиспорченность греческих печатных богослужебных книг. Таким образом, Никон, взявшись за исправление русских богослужебных книг, естественно и

необходимо должен был прийти к решению: или отказаться от выполнения этой задачи, или же исправлять русские книги с тогдашних греческих печатных книг. Никон, или вернее, его справщики решили последнее. Но очевидно, что совершенное таким способом исправление русских книг, должно было встретить в значительной части русского общества ряд недоумений, сомнений и даже прямо противодействие, в виду того предубеждения, какое существовало у русских относительно греческих печатных книг, и под влиянием которого даже сам Никон считал возможным исправлять наши книги только по древним славянским рукописям и по греческим.

Что при Никоне наши богослужебные книги исправлялись с печатных греческих венецианских изданий, это хорошо было известно первым противникам реформы Никона. Дьякон Федор пишет в челобитной государю: «а нынешние книги, что посылал покупать Никон патриарх в Грецию, *с коих ныне zde переводят*, словут греческия, а там печатают те книги под властью богоотступнаго папы римского в трех градах: в Риме, в Париже и в Венеции, греческим языком, но не по древнему благочестию. Того ради и zde нынешние (переведенныя) с старыми несогласны, государь, и велия смута». В другом месте он же говорит: «те прокаженные книги латиногреческие печатные Никон посылал покупать тамо (на востоке), и купил их на многие тысящи сребра. Сам ныне сказа всем во время отречения престола и патриаршества своего, и числом сказа, но аз забых то. *И с тех новогреческих печатных книг печатал он на Москве новые нынешния книги*: потому они и несогласны со старыми нашими. Арсений грек, враг Божий, научил его, Никона, покупать те книги еретическия, *он переводил их на наш язык словенский*, и тем они разврат велий сотворили во всей земли русской по всем церквам»¹¹⁷. Никита говорит, что в новоисправленных никоновских книгах «все таинственные в миропомазании приглашения нарушены злым еретическим вымыслом, последуя отпадшия веры римскому не православному крещению. *А печатано с книг, иже греческие словут, а печатают их растленно в трех латинских градах: в Риме, и в Париже и в Венеции*»¹¹⁸. И православные люди,

разделявшие предубеждение против греческих печатных книг, сильно соблазнялись тем, что книги при Никоне, исправлялись с греческих венецианских изданий. Вятский епископ Александр, в вопросах, предложенных им собору 1666 года, говорит: «новый требник ни с киевским, ни с прежними нашими московскими согласия не имать. Откуда убо явится истина, зане мы в Венеции печатных книг греческих огребатися должны есмы, и в Неволи живущим грекам у латинников и у эллин, обычаев и чинов приимати несмы должны». Русским следует, по его мнению, более держаться своих старых славянских книг, «и тем святым книгам последовати, а не в Венеции печатным от еретик»¹¹⁹. Но самое обстоятельное известие о том, что книги при Никоне и после него правились у нас действительно с греческих венецианских изданий, принадлежит известному Сильвестру Медведеву, который некоторое время сам был книжным справщиком, и потому имел о книжной справе верные обстоятельные сведения, которые он и сообщает в первой части своего сочинения»: Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем»¹²⁰.

Отвечая на вопрос, откуда произошел раскол в русской церкви, Медведев решительно говорит: «ни откуда инуду таковое в Московском царствии в вере православнии сотворися разнствие, точию от новых греческих печатных книг, которые во градех латинския веры и лютерския и кальвинския ереси печатаются, и с греческими древними рукописменными книгами не согласуются». В объяснение того, каким образом могло случиться, что наши книги стали исправлять с венецианских греческих изданий, Медведев рассказывает следующее: Никон, решив исправить русские книги, созвал собор в 1654 году, который он и просил, указав предварительно на неисправности московских книг, составить решение: «новым ли московским печатным книгам последовати, в них же многая обретошася нами, от преведших и переписующих я неискусне, с древними же греческими и словенскими несходства и несогласия, явне же рещи погрешения, – или древним греческим и славянским, иже обои един купно чин и устав показывают, в них же святии Божии человецы и велиции сих творцы восточнии богословцы и

учители – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоустый, Иоанн Дамаскин, Петр, Алексий, Иона и Филипп московитии чудотворцы, и прочий святии поучающиеся, Богови угодиша, и намь в пользу нашу незазорны я оставиша, и неврежденны блюсти повелеша?» По поводу этой речи Никона, Медведев делает такое замечание: «внимай, боголюбезный правоверный читателю, прилежно, како zde святейший патриарх Никон древний греческие рукописменные и словенския харатейные книги похваляет, и с ними весьма тщится во всем согласное имети; а еже с ними в книгах несогласное, и то, яко новое, отринуту поучает, и чесо ради тако сотворити, и тому причину дает светлую: яко дабы нам всем спасение улучшить – такожде, яко же наши российстии святии Петр, Алексий, Иона и Филипп московский чудотворцы». – На речь Никона, рассказывает Медведев, собор ответил решением: «достойно и праведно исправить словенския печатные книги противу старых харатейных российских и греческих книг». В силу такого соборного постановления из разных русских книгохранилищ стали собирать в Москву древние славянские книги, переведенные с греческого на славянский язык за 500 лет и больше, а на восток был послан старец Арсений Суханов, чтобы и оттуда привести в Москву старые рукописные греческие и славянския книги». Внимай, читателю, опять замечает по этому поводу Медведев, не о новых греческих у немец печатанных книгах промышление бяше, с которых бы согласную истину древних святых отец познати, но о древних рукописменных». – Когда Сухановым действительно привезены были в Москву очень древние греческие рукописные книги, тогда в Москве снова был созван собор, на котором присутствовали: антиохийский патриарх Макарий и сербский Гавриил. На этом соборе тщательно сличены были древние греческие рукописные книги с древними же рукописными славянскими, и найдены между собою во всем согласными». «Зри, православный читателю», замечает Медведев, «прилежно, как на оном соборе вси рассмотриша наши словенския древния книги со древними греческими рукописменными во всем согласны быти, а не с новыми греческими у немец печатными книгами». В виду этого

собор решил служебник «и прочия святыя книги, в нихже некими от переписующих невниманием погрешения обретаются, во всем с древними греческими и славянскими священными книгами, в нихже не едино прегрешение обретается, согласити и исправить узакониша». Но это соборное постановление: исправить русские книги с древних рукописей греческих и славянских, на практике не было приведено в исполнение, книги в действительности стали править «с новопечатанных греческих у немец», древние же книги греческие и славянские были оставлены. Произошло это, по объяснению Медведева, таким образом: когда собор решил исправить служебник с древних греческих и славянских, тогда «коварнии человецы, прежде лестными своими словесы прельстиша святейшего Никона патриарха, начата самую ему правду о исправлении книг предлагати, а делом самым ино промышляти. И егда оных человек та хитрость их не познася, оставивше они греческие и славянския древняя самые книги, начата правити с новопечатных у немец греческих книг. А в сем предисловии книги служебника пишут они, еже ону с древними греческими и словенскими рукописменными достоверно исправиша и во всем согласиша, и народ православный увещают, во еже бы оный той книге, яко достоверной, верили и ни в чем не усомневались, зане справлена с греческих рукописменных и словенских книг. А та книга служебник правлена не с древних греческих рукописменных и словенских, но снова у немец печатной греческой безсвидетельствованной книги, у нея же и начала несть и где напечатана неведомо. И егда по малых летех, по указу великого государя, ради достоверного книжного свидетельства и справки, был на печатном дворе справщик из Афонския горы архимандрит Дионисий, иже обита в сем царствующем граде Москве в Николаевском греческом монастыре, и той, ону у немец печатную книгу служебник рассмотря, на страницах подписал своею рукою на обличение тоя неправые книги словеса бранные, зде писати неприличныя. А та книга и ныне обретается в книгохранительнице на печатном дворе. И которой служебник печатан и после сего в лето 7166, а в нем напечатано о святей литургии, яко напечатано по уставу константинопольския

великия церкви и святые горы, – и он на той книге подписал своею рукою: «не хочу лгать на великую церковь и на святую гору Афонскую». В другом месте Медведев говорит: «все поведает книги правлены с древних греческих и словенских харатейных рукописных книг, а ни одна книга новоисправленная, яко служебник и иные, с древними греческими рукописными и с древними же словенскими харатейными книгами может обрестися во всем согласна; но всякая имать, яко от древних греческих рукописных и славянских харатейных, тако и от славянских печатных и от Киевских и с новопечатными у немец греческими же книгами, разгласна. А еже далее правят, то вящше пременения по своим прихотям творят и тем православный народ смущают». Но кто же были те «коварнии человецы», которые, обманув Никона, стали править наши книги не по древним греческим и славянским, как хотел Никон и как решили соборы, а по греческим новопечатным у немцев? На это нет прямого ответа у Медведева. В разных местах своего сочинения он глухо заявляет: «неции духовнии оставляще (славянския) оные правые харатейные древния книги, которые с древними харатейными книгами сходны, по нихже вси святии российстии Богу угодиша и благодать Его божественную себе чудотворения прияша, оставивше, возлюбили новые греческие у немец печатные книги и с тех, вновь преводяще, и то неискусными переводчики, начата, не справя и подлинно не осмостряся, печатати, и того ради едва не всядневно в книгах пременностию православный народ смущати. От ихже такового смущения, Бог весть, колико тем сот душ православных погине... Нынешний духовнии, еще замечает Медведев, сами во известии священного писания и древних святых отец неискующе, яже вещи от российского народа по обыклости древней хранятся, обаче тии не суть противни Богу, ниже вере святей, ниже древним греческим рукописным и словенским книгам, но тем согласны; они же, являющиеся быти мудры и новым у немец печатным греческим книгам последующе, старые правые греческие и славянския харатейные и на бумаге писменные книги, по которым древнии наши святии отцы спасошася, презирают и многие хулят. А иже им о сем правду

глаголет, и они правды слышати не хотят. Ибо (а праведно рещи не есть сие грех) во истину самые правды и сами не знают, точию честию своею величаются и не хотят неведения своего людем ради себе стыда объявити, но точию повелевают всем себе без всякого рассуждения, оставя правду, их, неправая мудрствующих, слушати; и всегда от всякия правды, противу которой противится не могут, защищаются Христовым словесем, иже рече: *слушай вас, мене слушает, а отменяяся вас, мене отменяется*. А в чем подобает их людем слушати, того они не изъявляют, и теми словесы Христовыми неискующих человек в рассуждении неправедно устрашают». По заявлению Медведева тогда были безумные «неции духовнии», которые признавали неправыми не только книги московской печати, но «и вси наши древний книги славянския харатейныя», так как они будто бы неправильно и неискусно ранее были переведены, почему де и следует держаться греческих книг и новых русских переводов с них.

Таким образом, Медведев, который сам был справщиком в течение десяти лет (1679 – 1689), решительно заверяет, что наши церковные книги при Никоне, и в последующее время, правились будто бы исключительно только с новопечатных греческих венецианских изданий, причем Медведев указывает и самый греческий подлинник, с которого при Никоне правили служебник. Этот греческий евхологий, венецианского издания, действительно и сейчас находится в московской синодальной библиотеке.

Но если при Никоне действительно, как уверяет Медведев, служебник исправлялся только по одному печатному венецианскому изданию, причем будто бы вовсе не принимались во внимание древние греческие и славянские рукописи, то каким же образом могло случиться, что Никоновский служебник, исправленный с одной только определенной печатной греческой книги, явился, однако, неодинаковым в разных изданиях, которые разнятся между собою? Паисий Лигарид и Одоевский, посланные к Никону в Воскресенский монастырь, от имени государя говорили ему: «для чего ввел в мир великий соблазн – выдал три служебника

и во всех рознь, и в церквах от того несогласие большое?» Противники книжных исправлений Никона постоянно и настойчиво указывали на то обстоятельство, что при Никоне и после него «было шесть выходов служебников и что все они разнятся между собою». Это показывает, что при исправлении служебника никоновские справщики производили справку не с одной только какой-нибудь определенной печатной греческой книги, так как, при таком условии, разные выпуски одного и того же служебника не могли бы разниться между собою, но были бы одинаковы. Книжные справщики служебника издания 1655 года, в предисловии заявляют, что они «от греческих и славянских книг истинное избрание (т. е. сделав выборку) и сию святую книгу служебник» напечатали. Книжные справщики в никоновском служебнике 1658 года, второго издания, на листе 698-м, делают такое заявление: «ведомо убо будет вам всем, яже от Бога рукоположением архиерейским освященным, яко в прежних изданных из печати служебниках, аще и не печатася стих: благословен грядый во имя Господне, иже глаголется в литургии, но внегда (воздвигнув честную чашу) рещи диакону или священнику: со страхом Божиим и верою приступите, – и сие убо не забвением или нерадением не напечатася, *но зане в греческих переводах, от нихже сия книга преведесе и исправися, не напечатано.* Сего ради и мы оставихом. Егда же рассмотрим от книги толкования литургии, собранного Иоанном иереем Нафанаилом, новопреведенные с греческого языка на словенский и напечатанные в царствующем граде Москве, в лето 7164, идеже тамо во главе 115, на листе 732-м пишет, наипаче же от книги самого Златоустого, идеже сочинение его литургии бяше, тамо обретохом о сем писано, яко подобает глаголати. Сего ради и мы, в настоящих сих служебниках положихом, *совершенно ведуще, яко никакоже подобает оставлять*». Книга Увет говорит, что «святая книга служебник исправися соборне со истинным свидетельством с древних святых отец, восточные церкви и русских наших чудотворцев с харатейных письменных книг добрых переводов, по нихже сами святии чудотворцы служили... А с которых древних книг наших русских чудотворцев исправися чин

служебника, и тии zde во свидетельство полагаются: во-первых, Антония Римлянина, препод. Варлаама Хутынского, архиепископов – Иоанна, Евфимия, Серапиона новгородских чудотворцев служебники, по них же сами служиша. К сим же святого Киприана митрополита Московского и всея России, писанный на хартии его рукою служебник, великого чудотворца Сергия Радонежского обители харатейный служебник, Иова первого московского патриарха со златыми письмены, Иосифова монастыря ламского служебники, но zde, множества ради, оставляем». Кроме того Увет, по тем или другим частным случаям, не раз указывает, какие именно греческие и славянские книги имелись в виду при тех или других частных исправлениях. Например он говорит: «а те тропари по херувимской песни в великую субботу напечатаны тако со многих греческих и славенских харатейных старых книг, триодей и служебников. А в коих писано то zde полагается: книги греческие: триодь постная и цветная в полдесть, писана отселе за триста тридесять осмь лет, в лето 6852, принесена и положена в соборную церковь Фотием митрополитом московским и всея России, в ней в великий пяток на вечерни тропарь – благообразный Иосиф, конец его писан: закрыв положи. Такожде пишет в греческом письменном в служебнике, по херувимской песни, в литургии Златоустове, окончание того же тропаря: закрыв положи. И паки в русских служебниках обретається: Евфимия новгородского чудотворца, писанного в его лета, отселе за 244 лета, по Херувимской песни, конец того тропаря: закрыв положи. И паки в служебнике Иосифова монастыря волоцкаго того же тропаря конец; закрыв положи. И во всех старых книгах греческих и славянских стоят тропари такожде». Или, например, Увет замечает «и в древних греческих требниках письменных и печатных, и в славянских харатейных и сербских и Киевских требниках, писано согласно, против новоисправленных требников, а не от себе исправихом, но последующе древнему обычаю святыя церкви и грамматическому разуму святыя отец». В другом месте Увет говорит; «клеветницы и возмутители церкви святыя глаголят хульная на догматы и предания святыя отец: еже в день

пятидесятый вечера глаголют октения великая и молитва Духа святого оставлена, лгуще на святую церковь. Слышите, окаянии слепцы и блазнителие, о сем свидетельства: древняя святых отец уставы, и требники и триоди: книга требник харатейный греческий, писана в лета 6856 царя православного Иоанна Контакузина, и на его имя подписан. И второй требник греческий древний письменный, принесенный от святыя горы Афона, такожде и триоди и уставы греческие, принесенные от святыя горы Афона, и русские уставы харатейные и требники, в нихже сим переводом ектения и молитвы во всех согласно обретаются, якоже в новопечатных, понеже со оных древних предиреченных святых книг исправишася сии наши новопечатные старые книги, по истине добре и достоверне, со многим свидетельством». Исправляли книги, по уверению Увета, руководствуясь тем общим правилом, что из старых разных книг выбирали лучшее – *«что в коей старой книзе лучшее разумение от многих судится быти, то полагается в печатную книгу»*¹²¹.

Очевидно, что дело книжных исправлений, как при Никоне, так и после него в ближайшее время, велось таким образом: печатный венецианский греческий служебник (или другая церковная книга), и ради удобства и необходимости, и так как он печатался венецианскими православными греками тоже с каких-либо древних проверенных списков, и, главным образом, потому, что он пользовался доверием всей православной греческой церкви и ею употреблялся в обычной церковной практике, принимался нашими справщиками за основной текст, но перевод его составлял первую редакцию, которая клалась в основу исправления наших печатных книг. Затем эта первая редакция, т. е. перевод с греческого издания, подвергалась проверке древними греческими и славянскими списками, причем она претерпевала разные более или менее серьезные изменения и переделки, привносимые в нее по указаниям древних греческих и славянских списков, и это делалось в большей или меньшей степени при каждом новом выходе книги, от чего и произошло то, что разные выходы служебников, как при самом Никоне, так и после него, оказывались между собою

не совсем сходными, всегда один выход служебника чем-нибудь разнился от другого, полного единства между ними не было. Значит, хотя при Никоне наши церковные книги действительно исправлялись с печатных венецианских изданий, однако последние подвергались у нас проверке древними списками греческими и славянскими, на основании чего делались отступления от греческого печатного текста, с которым, поэтому, наши новоисправленные книги не всегда и не во всем сходились. Слабая сторона подобного способа исправления книг при Никоне, и вскоре после него, заключалась в том, что не выработано было никаких руководящих определенных начал, никакого определенного плана и метода для ведения книжных исправлений, которыми бы могли руководствоваться в своих работах книжные справщики. Все дело справки велось как-то случайно, на основании случайного находящегося в данную минуту под руками справщиков материала, отчего необходимо являлась неустойчивость и рознь в книжных исправлениях за разное время. Справщики проверяли переводы венецианских изданий ныне по одним древним спискам, завтра по другим, ныне находили нужным внести в исправляемую книгу из древних списков одно, а завтра другое. Правда, они из старых книг избирали, по их мнению и убеждению, только лучшее, и это находимое лучшее вносили в наши новоисправленные книги. Но что такое было действительно лучшее в разных старых греческих и славянских списках, из которых каждый служил только отображением данного времени и места? Так как ничего руководящего определенного в этом отношении установлено и дано не было, то одному справщику казалось в старом лучшим одно, а другому – другое, почему одни справщики, как лучшее, вносили в новоисправляемые книги одно, а другие потом заменяли это другим, по их убеждению еще более лучшим. Личному усмотрению и разумению книжных справщиков, хотя и по неизбежной необходимости, так как в справе не было настоящего авторитетного главы и руководителя, давалось слишком много места, а это неизбежно вело к соблазнительной неустойчивости самой книжной справки. При таких, порядках, очевидно, чем более проходило времени, тем большее

количество появлялось изданий одной и той же книги, несогласных между собою, и самое количество этих несогласий с течением времени все более увеличивалось. Это замечали все, все этим обстоятельством очень смущались и соблазнялись, тем более что на него постоянно и неустанно указывали противники книжных никоновских исправлений, как на очевидное для всех доказательство, что русские церковные книги в действительности не исправляются, а только портятся. В интересах церкви и самого дела, так или иначе, нужно было прекратить соблазн. Не нашли для этого иного выхода, как решительное запрещение всяких дальнейших попыток исправлять книгу служебник, которая раз навсегда должна была печататься впредь только в одной определенной редакции, уже недопускающей в себе никаких дальнейших перемен и изменений. Именно, собор 1667 года постановил: «книга служебник, якоже прежде исправися и печатася, и ныне при нас прилежно свидетельствовася от всего освященного собора и печатася в лето 7176-е, тако же и впредь да печатают, *и никто же да не дерзнет отныне во священнодействие прибавити что или отъяти, или изменить. Аще и ангел (по нас) будет глаголати что ино, да не имате ему веры*»¹²².

Уже одно то обстоятельство, что исправление наших церковных книг производилось при Никоне по печатным греческим венецианским изданиям и притом так, что различные выходы служебника все разнились между собою, было достаточно для того, чтобы вызвать в известной части русского общества противодействие новоисправленным книгам. Но это противодействие должно было еще более усилиться в виду того, что Никон поручил книжную справу между другими и очень подозрительному в глазах русских старцу греку Арсению. Ко всем вообще греческим выходцам, переселявшимся в Москву, русские относились подозрительно, так как эти выходцы характером жизни и деятельности в Москве нередко производили на русских очень неблагоприятное впечатление. Все большинству русских казалось в них подозрительным: их ученость, полученная в латинских школах; самое их православие, видимо пошатнувшееся под влиянием латинского

воспитания; их частная и общественная жизнь, во многом не согласная с представлениями русских об истинно благочестивой и строго православной жизни; вся их деятельность, определявшаяся иногда очень нечистыми побуждениями и вожделениями¹²³. Недаром, конечно, Неронов взывал к царю: «и паки молим тя, государя, иностранных иноков, кроме Богом избранных истине не развратников, коих истине ругателей, и ересем вводителей, в совет прияти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житие их. Зрим бо в них, государь, ни едину от добродетелей: Христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость, и вместо поста многоядение и пьянство любят, вместо же, еже Христа истаяти тело, мягкость и бувство любят» и пр. Но если уже все выходцы греки в глазах многих русских были очень подозрительны, то тем более, конечно, был подозрителен книжный справщик Арсений грек. Он был воспитанник греческой иезуитской коллегии в Риме, имевшей специальной целью воспитывать греков униатов, каким, вероятно, сделался и Арсений. Он, хотя бы временно и невольно, но все-таки принимал мусульманство. Как униат, он жил некоторое время при дворе польского короля Владислава. Про него иерусалимский патриарх Паисий писал государю, что Арсений «прежде был инок и священник и, шед, бысть бусурман, и потом бежал к ляхам и, бысть у них, учинился униатом, и имеет на себе великое злое безделие, и распросите его добре и будете обрести вся». Этот донос патриарха на Арсения грека вполне подтвердился собственным сознанием самого Арсения, почему он и сослан был в оковах в Соловецкий монастырь, причем царским указом игумену и братии Соловецкого монастыря повелевается, сосланного в их монастырь на вечное житие за еретичество греченина чернеца Арсения, держать в Соловках в земляной тюрьме, в крепости¹²⁴. Понятно после этого, почему Неронов, уже при начале книжных никоновских исправлений заявлял, что исправление русских книг никак не следует поручать таким сомнительным лицам, «яков оный лукавый чернец Арсений, о нем же патриарх иерусалимский писал к тебе, государю, из Путимля, что он, Арсений, еретик, велел его остерегать. А ныне он, Арсений, взят

к Москве и живет у патриарха Никона в келье, да ево и свидетеля, врага, поставляет, а древних великих мужей и чудотворцев свидетельство отметаает и ложно нарицает». Этот упрек Никону, что он доверенным книжным справщиком у себя сделал во всех отношениях подозрительного Арсения грека, был справедлив, не потому конечно, что Арсений был действительный убежденный еретик и мог сознательно вносить какие-либо ереси в русские церковные книги, или каким-нибудь образом портить их, но потому, что против него лично существовали очень сильные, на фактах основанные подозрения, Никоном не уничтоженные, вследствие чего Арсений, действительно мог служить соблазном для многих русских. В интересах успеха своего дела Никон обязан был принять во внимание совесть тех немощных, которых крайне смущало доверие патриарха к уличенному в неправославии и сосланному за еретичество на вечное житье в Соловки Арсению. Но Никон, по обычаю, не обращал никакого внимания на существовавшие в обществе подозрения и обвинения против Арсения, не постарался их разъяснить и опровергнуть, и потому деятельное участие Арсения в книжных Никоновских исправлениях послужило потом одним из главных оснований для противников реформам Никона признать новоисправленные книги еретическими, так как, говорили они, ведомый всем еретик Арсений грек внес в них, под видом исправления, свои ереси.

Таким образом, уже одна, так сказать, внешняя постановка книжных исправлений при Никоне, именно, что книги исправлялись по греческим печатным венецианским изданиям, что разные выпуски их разнились между собою, что их исправление совершалось при деятельном участии такого подозрительного и ненадежного человека, каким, в глазах многих, был Арсений грек, помимо самого характера исправления, давала основание противникам реформы Никона предполагать в его исправлениях только порчу русских книг, думать, что в них внесены разные новшества и даже ереси. Но раз уверенность в этом возникла, после, предубежденному взгляду, уже нетрудно было найти подтверждение своих подозрений в самых новоисправленных книгах. Всякое новое в

них несогласное со старым место, неточность, темное, малопонятное выражение, типографская ошибка, собственное недоразумение и недомыслие, легко можно было объяснять в смысле ереси; во что бы то ни стало хотели найти в новоисправленных книгах ереси, и, конечно, находили их и даже очень много, о чем подробно мы скажем ниже.

По поводу книжных исправлений при Никоне невольно и сам собою возникает вопрос: каково было личное участие самого Никона в книжных исправлениях? Если мы для ответа на этот вопрос обратимся к предисловию первого новоисправленного служебника, изданного в 1655 году, где подробно излагается история возникновения у нас книжных исправлений при Никоне, то отсюда окажется, что главным инициатором и действительным исполнителем всех книжных исправлений был сам Никон патриарх: ему первому пришла мысль о порче наших книг, о необходимости их исправления по древним славянским харатейным спискам и древним греческим, и что он – Никон первый начал исправлять наши книги с древних славянских и греческих. Но это известие предисловия к служебнику 1655 года исторически во всех отношениях неверно. Мы уже видели, что служебник при Никоне исправлялся с печатного греческого венецианского издания, а не с древних греческих и славянских книг, так как последнее по самому существу было дело невозможное. Если же и прибегали тогда к древним славянским и греческим спискам, то только в частных отдельных случаях, когда возникали какие-либо недоумения по частным вопросам, так что справа по древним спискам вторгалась, так сказать, в справу по венецианским изданиям, только частично. Несправедливо исторически и другое утверждение предисловия к служебнику 1655 года, что мысль исправлять русские церковные книги, прежде всего, возникла у Никона, и что именно он был действительным инициатором книжных исправлений у нас. На самом деле, как мы видели, мысль исправлять наши церковные книги по греческим возникла гораздо ранее патриаршества Никона у царя и его духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, что они, еще в патриаршество Иосифа, уже подготовили средства для книжных

исправлений, вызвали, для этой цели в Москву, ученых киевлян, оставили в Москве, с этой же целью, Арсения грека, приехавшего к нам вместе с иерусалимским патриархом Паисием (в 1649 г.), и еще при Иосифе уже кое-что в наших книгах начали исправлять с греческих, и даже переводить с них в видах книжной справы. Так, по свидетельству Медведева, в его Оглавлении книг, кто их сложил, уже в 1649 году Епифаний Славинецкий, по поручению правительства, перевел с греческого языка на славянский литургию Иоанна Златоустого. Значит, Никон вовсе не был инициатором наших книжных исправлений, он, сделавшись патриархом, принял; так сказать, это уже подготовленное до него дело по наследству, и только более энергично, широко и решительно продолжал то, чему начало было положено еще до него.

Лично сам Никон о своем отношении к книжным исправлениям делает заявления в трех нам известных случаях. В письме, к приехавшему в 1662 году в Москву Паисию Лигариду, Никон писал: «монахи три некия прокляти, еже хулят святое исповедание православные веры, присланного нам от святейшего Паисея константинопольского и вселенского патриарха, и о святей литургии и о иных божественных таинствах вражду творят, *что нами поправлено во святей церкви с советом и благословением братии нашей вселенских святейших патриарх; и ничтоже собою мы что-либо когда восхотехом приложити или отъяти от церкви когда, чрез каноны святого вселенского 3-го собора*»¹²⁵. В 1663 году Паисий Лигарид и боярин Одоевский были, посланы государем в Воскресенский монастырь к Никону, где, между прочим, говорили ему: «для чего он ввел в мир великий соблазн, выдал трои служебники, а во всех рознь, и в церквах от того учинилось несогласие большое? – И патриарх сказал: ныне де поют так, кто как хочет, а то де все чинитца от непослушания; а что де в книгах он речи переменял, *и он де то переправливал по письму и свидетельству вселенских патриархов*»¹²⁶. В грамоте Константинопольскому патриарху Дионисию, в 1666 году, Никон о книжной справе пишет: «ищем и держим вся и наипаче греческие законы и догматы. И о сем писах прежнему

всесвятейшему и вселенскому патриарху кир Паисию о святем совете и о прочих церковных уставах, и прияхом от него на вся ответную книгу, *и по ней исправляем вся почину, яко же есть обычай во святей восточной церкви.* И сего ради посылахом со мною казною во святой град Иерусалим, и к царствующему граду, и во святую гору Афонскую, ради святых древних книг, и принесоша нам не меньше пятисот, яже суть писаны за 500 и за 700 и за тысячу лет, *и сице от сих божественных книг благодатию Божию преведеса и исправися у нас.* И они сия называют новыми уставами и мои Никоновы догматы»¹²⁷.

Из приведенных заявлений Никона, сделанных им в разное время и очень различным лицам, оказывается, что Никон, по его собственному сознанию, производил церковные исправления с совета и по указаниям восточных иерархов, руководствовался в этом деле присланной ему константинопольским патриархом Паисием книгой «Скрижаль», а также древними, собранными по его поручению на востоке, греческими книгами, с которых у нас будто бы делались переводы, по которым и правились наши книги. Делая эти заявления о произведенных им книжных исправлениях Никон, со своей точки зрения, был вполне прав. Лично сам он производил исключительно только церковно-обрядовые реформы, касавшиеся церковных чинов и обрядов, и производил их действительно по совету и указаниям восточных иерархов. Мы знаем, из записок Павла Алепского, что Никон просил антиохийского патриарха Макария делать ему указания во всех тех случаях, когда Макарий что-либо найдет в русском чине и обряде неправильное т. е. несогласное с греческой церковной практикой. Никон нарочно заставлял Макария совершать по-гречески некоторые церковные действия и службы, и крайне внимательно к ним присматривался, иногда держа в руках русский служебник и непосредственно сличая его с действиями служащих антиохийцев, так что Никон на различных богослужебных действиях Макария, который прожил у нас почти полных два года и постоянно участвовал в совершении разных церковных служб, практически-наглядно изучал греческие церковные чины и обряды, которых он не мог изучать по книгам, так как совсем не знал греческого языка.

Полученные таким наглядно-практическим путем сведения о греческом церковном чине и обряде, Никон немедленно прилагал к делу, т. е. сейчас же производил перемены в русских чинах и обрядах, поскольку они были несогласны с греческой практикой, и эти перемены вносились потом справщиками, конечно по указаниям Никона, в новоисправленные служебники. Значит, Никон имел полное право говорить о себе, что он производил у нас церковные исправления действительно по совету и указаниям восточных иерархов, которые, и помимо Макария и гораздо ранее его, тоже уже не раз «зазирали» Никона за отступление русских в некоторых церковных обрядах и чинах от тогдашней греческой церковной практики. Но Никон в своих заявлениях заверяет не только в том, что он производил свои церковные исправления по совету и указаниям восточных иерархов, но что он пользовался еще в этом случае и древними греческими рукописными книгами, с которыми он справлялся при своих исправлениях, и это заявление Никона в известном отношении тоже справедливо. Мы уже ранее говорили, что Никон, нашедши в одной греческой древней книге, принесенной с Афона, что водоосвящение в день Богоявления совершалось в древности только однажды, немедленно отменил ранее практиковавшееся у нас двукратное водоосвящение. Против этого распоряжения Никона очень горячо и энергично восстал было патриарх Макарий, доказывая Никону, что двукратное освящение воды принято на всем православном востоке и что русским никак не следует изменять этого всеобщего православного обычая, которого до самого последнего времени и они сами держались. Но Никон остался при своем, он более верил свидетельству древней греческой книги, чем указаниям Макария и тогдашней греческой церковной практики, когда она расходилась с практикой древней греческой церкви. Вероятно, были и другие подобного рода случаи, когда Никон наводил справки в древних греческих и славянских книгах и следовал в своих исправлениях их указаниям, а не греческому печатному евхологию, на основании которого Макарий делал свои указания Никону. В этом отношении очень любопытное известие находится у Шушерина, который был подъяком Никона, близким

и преданным ему человеком, и мог поэтому в своем сообщении служить отголоском воззрений на дело самого Никона. Шушерин, в своем «Известии о рождении и о воспитании и житии святейшего Никона патриарха», заявляет, что Никон думал исправлять и действительно исправлял все с древних греческих и славянских книг, так как он, а согласно с ним царь и собираемые соборы, «вся старописанные греческие и славянския книги рассмотривши, обретоша древния греческие письменные с ветхими славянскими книгами во всем согласующася. А в новых греческих печатных книгах, с греческими же и славянскими древними, многая несогласия и погрешения»¹²⁸. Если верить этому заявлению Шушерина, то оказывается, что Никон скептически относился к тогдашним греческим печатным книгам, производил их проверку с древними греческими и славянскими рукописными книгами, и эта проверка привела его к тому заключению, что новые печатные греческие книги во многом несогласны ни с древними греческими книгами, ни с древними славянскими, и что в новых греческих печатных книгах находятся многие погрешения. И этот вывод был правилен в том, конечно, смысле, что греческие печатные книги действительно во многом не сходились с древними греческими же рукописными, а также и славянскими харатейными книгами. А что по поручению Никона у нас могли, хотя частично и в некоторых отдельных случаях, проверять греческие печатные книги древними, дело вполне естественное, возможное и допустимое. Никон нарочно посылал на восток Суханова приобретать там древние греческие и славянские книги, на что затрачены были им большие деньги. Конечно, эти книги приобретали на востоке вовсе не для того, чтобы свалить их, как ненужные вещи, где-либо в кучу и вовсе в них не заглядывать, а ими, несомненно, очень интересовались, их рассматривали и из некоторых, уже ради удовлетворения простого и столь естественного любопытства, несомненно делали хотя бы частичные переводы, которые и сопоставлялись с переводами с греческих печатных книг. Когда, при таком сличении, находили несогласия между ними, то преимущество и предпочтение давалось древним книгам пред новыми, причем

эти несогласия естественно отнесены были у нас к погрешениям новых печатных греческих книг, а не к тому обстоятельству, что они печатались с других списков, принадлежавших к другому времени, нежели к какому принадлежали древние списки, бывшие тогда под руками у русских.

Что Никон был уверен, будто при нем наши книги действительно исправлялись с старых греческих книг, и что он признавал только таким образом исправленные книги для себя обязательными, это как нельзя более ясно видно из следующего обстоятельства: в январе 1665 года к Никону, в Воскресенский монастырь, были посланы царем чудовский архимандрит Иоаким и дьяк Дементий Башмаков, которым Никон заявил, что он готов совсем оставить патриаршество, и признать нового патриарха, кого выберут, но только на известных условиях, которые и были им написаны. В них, между прочим, Никон обязуется: «держати ми, живучи в тех монастырях (т. е. в построенных им: Воскресенском, Иверском и Крестовом), во всякое же исправление заповеди Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, святое Его евангелие, заповеди и правила святых апостол и святых отец седми вселенских соборов, такожде и поместных святых отец соборов, и особь коегождо святого святыя книги и уставы, такожде и святой символ исправленный с грецка благодатию святого Духа и советом и единением и со святыми вселенскими патриархи; такожде и церковные уставы, преданные святой церкви святыми отцами, то есть – святую литургию или общим словом нареши *служебник и требник и прочия святыя книги справлены с старых с греческих святых книг*, чин и устав снабдевати святыя восточные церкви нового Сиона, иже есть церкви воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже во Иерусалиме, и имети ми любовь и единение со святыми вселенскими патриархи во всем неотложно». Эти условия, на которых Никон готов был оставить патриаршество, царь передал на рассмотрение собора, черновые записи которого дошли до нас. Собор, по вышеприведенному пункту обязательств Никона, согласился с ним, но как бы сомневаясь, что Никон станет употреблять и книги, исправленные с греческих

печатных, сделал от себя, к обязательству Никона, следующее очень важное и существенное дополнение: живучи в тех монастырях, святейшему Никону патриарху держати вся предания православная, и книги, исправленные со старых греческих книг и символ, како исправился при нем и имети любовь и единение со вселенскими патриархи во всем неотложно. Священный же собор рече: *аще что и впредь*, за повелением великого государя, и за благословением святейшего патриарха московского и всего священного собора, *с греческих книг исправится, и ему, святейшему патриарху Никону, и те книги приимати и по ним славословие и чины церковные исправляти*»¹²⁹. Итак Никон, со своей стороны, заявляет, что он обязуется признавать и употреблять «служебник и требник и прочие святыя книги, справленные со старых с греческих святых книг», а следовательно, отказывается признавать книги, справленные просто с греческих печатных книг. Так это и понял собор 1665 года, почему и счел необходимым от себя добавить, чтобы Никон взял на себя еще обязательство признавать и употреблять книги исправленные, и в будущем имеющие быть исправленными, просто с греческих книг, т. е. с печатных греческих венецианских изданий. Впоследствии патриарх Иоаким писал архимандриту Кириллова монастыря, в котором заключен был Никон: «а книги держать ему, Никону, почему церковная и келейная управлять, *только правильные печатные*», предполагая, очевидно, что Никон мог не принимать и не употреблять тогдашние наши исправленные книги¹³⁰. Значит, Никон действительно был убежден, что книги при нем исправлялись, со старых с греческих святых книг», почему он и хотел признавать и употреблять только таким образом исправленные книги.

Но, с другой стороны, несомненно и то, что служебник, например, был переведен при Никоне с греческого печатного венецианского издания, и этот перевод лег в основу Никоновского исправления служебника, так что и при Никоне исправление книг совершалось не только «со старых греческих святых книг», но и с печатных греческих. Медведев заявляет, как мы видели, что Никон вовсе не знал последнего

обстоятельства, так как он был будто бы обманут лукавыми людьми, которые уверили его, что они исправляют все по старым греческим и славянским книгам, тогда как в действительности исправляли с греческим венецианских печатных изданий. Нам это дело, как мы уже говорили, представляется несколько иначе. Хотя сам Никон действительно думал, что исправленные при нем книги обязательно проверены древними греческими и славянскими книгами, но он, конечно, хорошо знал, что, в общем, это дело при нем велось так, что книжные справщики сначала делали перевод с греческих печатных книг, и брали этот перевод как первую основную редакцию, и уже потом справлялись с древними греческими и славянскими книгами, и на основании их вносили в первую редакцию разные перемены и поправки. Никакого обмана, о чем говорит Медведев, тут, очевидно, не было, а дело велось, как находили удобнее и успешнее вести его справщики, которые в этом случае пользовались значительной свободой и самостоятельностью. Лично сам Никон производил только обрядовую реформу и этой церковно-обрядовой стороной реформы, по преимуществу, и почти исключительно, интересовался. Но к самой книжной справе в тесном смысле, к самому тексту книжных исправлений, Никон не имел, да и не мог иметь, прямого непосредственного отношения. Никон совсем не знал греческого языка, не мог читать греческих книг, а следовательно, не мог сам следить за справкою с греческих книг, и поневоле все это дело должен был доверить своим справщикам, предоставляя им в этом отношении полную свободу, почему справщики и вели самостоятельно дело переводов, как они находили это для себя лучше, удобнее и, по их соображениям, продуктивнее. Шушерин поэтому поводу говорит, что Никон, собравши старые греческие и славянские книги, поручает «искусным и благоговейным мужам, имущим от Бога дар чистое от недостойного изводить, и могущим с еллиногреческаго языка на славянский переводити, те книги рассматривати и погрешения от неискусных переводчиков и от переписующих исправляти и вся выписовати» т. е. говорит, что Никон, в книжной собственно справе должен

был всецело, по незнанию им греческого языка, положиться на избранных им справщиков, которые собственно и вели все дело sprawy, помимо личного, непосредственного участия самого Никона. Этим, конечно, объясняется, почему справщики вину тех или других возможных погрешностей при исправлении какой-либо книги прямо берут на себя. В послесловии, например, к ирмологиону 1657 года справщики говорят: «изследивши с греческих текстов преложихом на славянский диалект ново», но что переводом они очень спешили, так как им мешали другие дела, почему в издании возможны и погрешности, невольно ими допущенные. Значит, Никон к книжной справе в собственном смысле не имел прямого непосредственного отношения, а стоял от нее несколько в стороне, и не смотрел на нее как на свое только личное дело, за которое бы отвечал он лично, тем более что производимые при нем книжные исправления, обыкновенно одобрялись целыми соборами русских иерархов, а также и присутствовавшими на этих соборах восточными иерархами.

В первые годы своего патриаршества Никон заявил себя самым убежденным и завзятым реформатором – грекофилом. Он не только исправлял русские церковные обряды, чины и книги по греческим, не только публично и торжественно заверял, «что хотя он русский и сын русского, но его вера и убеждения греческие», но он в то же время переносит к нам греческие амвоны, греческий архиерейский посох, греческие клобуки и мантии, греческие церковные напевы, приглашает в Москву греческих живописцев, мастеров серебряного дела¹³¹, строит монастыри по образцу греческих, приближает к себе разных греков, слушает их, действует по их советам и указаниям, всюду выдвигает на первый план греческий авторитет, отдавая ему решительное преимущество пред вековой стариной, пред русскими всеми признаваемыми доселе авторитетами. При взгляде на эту страстную, ни пред чем не останавливающуюся грекофильскую деятельность Никона реформатора, так и кажется, что Никон задался грандиозной идеей сделать из Москвы, в церковном отношении, вторую Византию, перенеся из последней все ценное церковное в Москву. Он как будто мечтал

воскресить в Москве былые времена процветания греческого православия, когда благочестивые греческие цари, вместе со святыми патриархами, собирали соборы, обсуждали и решали на них всевозможные выдвигаемые жизнью церковные вопросы, делами на них обязательные для всех постановления, издавали законы, которые и теперь так чтутся всеми православными. Благодаря именно ему – Никону, казалось, Москва станет действительным третьим Римом, ни в чем, при этом, не разрывая с остальным православным востоком, а только, чрез церковно-богослужебное объединение, теснее соединившись с ним, и став его действительно всесторонней опорой, а вместе главой и руководителем. Но в действительности ничего этого не было, а было совсем другое, указывающее на крайнюю неустойчивость и изменчивость самой грекофильской реформаторской деятельности Никона, который, к концу своего патриаршества, как-то охладел к своей реформе, и даже как будто изменил свои прежние грекофильские воззрения и увлечения.

Раз Неронов, явившись к Никону, с которым он было помирился, говорил ему; «иностранные (греческие) власти наших служебников (т. е. старопечатных до исправления их Никоном) не хулят, но и похваляют». И патриарх рече: «обои де добры (т. е. старопечатные и новоисправленные) – все де равно, но каким хочешь, по тем и служит». И Григорий рек: «я старых де добрых и держуся». И взял благословение отъиде». Но этого мало. 21 января 1658 года, во время всеобщей, в московском Успенском соборе, Никон приказал тропить аллилуйю и прибавлять «слава тебе Боже». Неронов, бывший тут же в соборе, стал сильно укорять за это Никона и указывал ему на известное житие св. Евфросина псковского. «До чего тебе, патриарх, домутить Росиею? говорил Неронов Никону. С кем ты советовал, и какое свидетельство произносишь четверишь аллилуйя? У нас, в Велицей Росий, преподобный Ефросин псковский много трудился, сниская о сих, и у вселенских патриарх был, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему тии, сице и той zde в Велицей Росий нам предложи. Бог же забвению труды его не преда, но знаменьями и

чудесы прослави его, якоже и прочих великих святых». И патриарх рече: «Вор-де, б....с... Евфросин!» И Григорий рече: «Как таковая дерзость, и как хулу на святых вещаешь? – услышит Бог и смирит тя!» «И доколе старец Григорий был на Москве, умолил протопopa з братиею, в соборной церкви, на клиросах чтобы не четверить аллилуия. Тии же послушаща старца, говорили аллилуия на клиросах по дважды, в третье: слава тебе Боже. Патриарх же ничтоже им глагола, точию подъяк, псалтырь говоря, заповедание патриархово говорил – четверил аллилуия. По вся же дни старец, и до поездки, приходил в соборную церковь, и аллилуия на крылосах протопop и з братиею говорили подважды, и до поездки Старковы»¹³².

Очевидно, в конце концов, грекофильствующий реформатор Никон пришел к тому верному убеждению, что старые и новоисправленные им книги, чины и обряды, одинаково добры, что для веры и благочестия безразлично, будут ли служить по старым служебникам или по новоисправленным, будут ли троить или двоить аллилуию. Но если старые и новоисправленные книги, чины и обряды одинаково добры, одинаково безразличны для веры и благочестия, то какой же собственно смысл имела реформаторская деятельность Никона, направленная на переделку этих «добрых» чинов и обрядов нашей церкви и сопровождавшаяся ссылками, заточениями, обличениями в ереси и анафематствованиями всех тех, кто не хотел отказаться от этих добрых старых книг, чинов и обрядов, не хотел признать их неправыми, непозволительным новшеством? Разлад между Никоном, торжественно заявляющим о настоятельной необходимости исправления русских книг, так как они содержат в себе неправые, нововводные чины, и Никоном, признающим, что старые служебники так же добры, как и новоисправленные, что будет безразлично служить по тем или другим служебникам, – разлад слишком очевиден и устранить его нет никакой возможности, если мы не признаем, что Никон, под конец своей патриаршей деятельности, заметно изменил свой взгляд на смысл и значение своих собственных реформ. Несомненно, во всяком

случае одно, что Никон, после самой напряженной и кипучей реформаторской деятельности, в которой он проявил столько энергии, увлечения и пыла, стал относиться к своим собственным реформам как-то безучастно и равнодушно. На это могла иметь влияние его продолжительная, упорная, но, в конце концов, не совсем удачная борьба с кружком ревнителей благочестия, все более заметная перемена в его личных отношениях к царю, а главным образом, вероятная перемена в его личных взглядах на значение в делах веры и благочестия того или другого обряда, перемена, очень естественная в человеке умном и восприимчивом, посвятившем этому делу несколько лет деятельности, и, отчасти путем собственных размышлений и невольного изучения, отчасти благодаря своему частому обращению с лицами научно-образованными, пришедшему к верному убеждению, что старые и новые служебники одинаково добры, что можно служить по тем и другим, так как это дело совершенно безразличное для веры и благочестия. Как бы то ни было, но только под конец дело церковных исправлений не стояло уже у Никона на первом плане, не было для него тем живым, насущным делом, в которое бы он вкладывал всю свою душу, в котором бы он видел главную задачу своей патриаршей деятельности. Никон хорошо видел, что противники его реформ нетерпеливо ждут того времени, когда новый патриарх будет переделывать все, им сделанное, и однако, из личного только самолюбия он сам оставляет патриаршую кафедру, несмотря на очевидность, что этим поступком он окончательно развязывает руки всем врагам своих реформ, открывает свободный путь для их враждебной его делу деятельности. Проживая, после своего удаления с патриаршества, в Воскресенском монастыре, Никон деятельно занимался монастырскими постройками, деятельно вел тяжбы из-за монастырских имений, вел живую и энергичную полемику со своими личными врагами, зорко высматривал все покушения на его патриаршее достоинство, на оставленную им добровольно патриаршую власть, словом, был крайне внимателен и чуток к личным своим интересам, к своему до болезненности раздраженному самолюбию, а чтобы он хотя

сколько-нибудь интересовался оставленным им на произвол, без всякой защиты, делом церковных исправлений, его дальнейшей судьбой и течением, это ни откуда не видно. От Никона, по удалении его с патриаршей кафедры, осталась довольно значительная переписка с царем, письма к некоторым другим лицам, очень обширное сочинение против Паисия Лигарида, в котором он подробно говорит о своих отношениях к царю, о тогдашнем общем положении церковных дел, о русских архиереях, о церковном суде, о церковных и монастырских имениях и пр., но нигде даже ни разу он не упоминает и не вспоминает о своих церковных реформах, как будто это дело его вовсе и не касается, даже как будто такого дела вовсе и не было. Проживая в Воскресенском монастыре, Никон прекрасно знал, что из-за произведенных им реформ теперь всюду идет на Руси страстная, ожесточенная борьба, происходят всюду распри, разделения, в русской церкви видимо быстро нарождался раскол, и что главному и лучшему делу его патриаршества, по-видимому, суждено окончательно рухнуть под дружным и ожесточенным напором его врагов. Все это не мог не видеть Никон, и однако, он ни одним словом не откликнулся на разраставшуюся борьбу из-за его церковных исправлений, не сделал ни одного шага, не предпринял ни одной меры, чтобы оберечь, защитить главное дело своего патриаршества. Все время, по оставлении им патриаршей кафедры, Никон оставался холодным, совершенно безучастным зрителем все более широко разгоравшегося пожара из-за его церковных исправлений; он, очевидно, теперь уже не считал этого дела близко касающимся его лично, и потому не находил для себя возможным не только бороться, но и просто беспокоиться из-за него¹³³. Но только индифферентным отношением к делу своей церковной реформы Никон не ограничился.

Известный противник церковной реформы Никона, дьякон Федор, делает такое любопытное заявление: «по сем Никон, по многом обличении от многих отец, позна свое блуждение в вере, и отрекся патриаршества своего в соборной церкви пред народом, и отъиде в монастырь свой, и посем в Валдае в

Иверском монастыре завел свою друкарню, тут же населившись иноцы Киевопечерскаго монастыря; и повелел им тут печатать Часовники по-старому уставу и обычаю, и те Часовники его видех аз, по его благословию печатные тамо мелкими словами в четверть листа, в нихже уже: и в Духа Святого Господа истинного и животворящего, и прочая вся в них по-старому слово в слово»¹³⁴. Говорят, что Часовник, напечатанный патриархом Никоном в Иверском монастыре по-старому, а в символе с внесением слова *истинного*, сохранился до настоящего времени и его можно найти в книжных собраниях некоторых частных лиц, любителей и собирателей старопечатных книг. Мы, со своей стороны, не могли найти и видеть этого Часовника, но это не может и для нас служить основанием заподозрить справедливость приведенного свидетельства дьякона Федора. Дело в том, что и сам Никон в одном случае свидетельствует, что в его Иверском монастыре действительно печатались книги неисправно, т. е. по-старому, а не против новоисправленных книг. В своей грамоте к архимандриту Иверскаго монастыря Дионисию, в июне 1658 года т. е. только за один месяц до оставления им патриаршей кафедры, Никон пишет, чтобы они прекратили допечатание кутеинских Псалтырей, потому что те Псалтири неисправны. «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б, по нашему великого государя указу, тех кутеинских Псалтирей допечатывать и выдавать не велели, *тем казны не собрать*, а велети б вам вновь завести печатать иная какая книга, Аввы Дорофея, или иная какая».¹³⁵ Значит, в Иверском монастыре уже решили было печатать Псалтири по-старому, но Никон запретил это делать, но не потому однако, чтобы он был против вообще печатания псалтырей по-старому, а единственно потому, «что тем казны не собрать», т. е. что старопечатными книгами теперь нельзя выручить затраченные на их печатание деньги, так как они не найдут себе на книжном рынке покупателей, от которых правительство требует, чтобы они обзаводились новоисправленными книгами, а старые, как ненужные, оставляли. Никон смотрит здесь на печатание старых книг чисто с хозяйственно-коммерческой точки зрения, с точки зрения

материальной выгоды или потери от этого предприятия. Но с удалением Никона с патриаршего престола обстоятельства в этом отношении сильно изменились. Большинство теперь стало думать, что с уходом Никона и все его реформы и книжные исправления будут уничтожены, все останется по-старому, а значит в ход пойдут по-прежнему и старые книги, которые, конечно, теперь находили хороший сбыт на рынке, тогда как торговля новоисправленными книгами естественно должна была остановиться. Ввиду этих обстоятельств в Иверском монастыре, по-прежнему находившемся в ведении Никона, начинают печатать церковные книги по-старому и, конечно, делают это с согласия Никона. Так, в 1661 году в Иверском монастыре была напечатана книга: «*Брашно духовное, сиречь: псалмы, молитвы, пения, благодарение и каноны и прочая, от многих книг собранные, зело нужные и душеполезные. В монастыре общежительном Иверском, иже на святе Езере, в строении святейшего Никона патриарха новотипом издася. Лето от создания мира 7170, от рожества же Господа нашего Исуса Христа 1661, индикта 1:3, месяца октоврия в 19 день*». Эта книга была напечатана согласно с старыми книгами, а не с новоисправленными. Например: «чин како подобает пети псалтырь». – «Аще иерей начни: благословен Бог наш... Аще же ни, рци: *за молитве* святых отец наших, Господи *Исусе Христе Сыне Божий*, помилуй нас, аминь». В каноне «за едино умершаго» на отпуске говорится: «Господи *Исусе Христе Сыне Божий*, молитв ради пречистыя ти Мати"... Повсюду «во веки веком». «Отче наш... и остави нам долги наша яко и мы оставляем... и не введи нас во искушение» – «Свете тихий... *Исусе Христе пришедшу солнцу на запад*... Сыне Божий живот даяй *всему миру, его же ради весь мир славит тя*». – «Богородице дево радуйся *обрадованная* Марие... яко родила еси *Христа Спаса*». – «Честнейшую херувим и славнейшую *воистину* серафим». – «Что тя наречем, о *обрадованная*, небо...». – «Покаяние отверзи ми двери *жизнодавче*: утренюет бо дух мой к церкви *святий своей, церковь* нося телесную, всю оскверненную, но яко щедр очисти, *благоутробными си милосердием*». Символ веры: «Верую во единого Бога... И во

единого Господа *Исуса Христа*... рожденна, а несотворенна... и нашего ради спасения *сошедшаго* со небес и воплотившагося от Духа свята и Мария девы... *Распята* же за ны... и воскресша во третий день по писаниих... Его же царствию *несть* конца». Впрочем и новоисправленные книги при самом Никоне и в правительственной типографии издавались иногда с некоторыми отступлениями в пользу старого. Так, например, в *Триоди Постной*, издания 1656 года, в чине: «в пяток вечера память совершаем всех от века усопших православных христиан и братий наших» на стр. 23 значится: «аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды», после песни: «радуйся чистая, Бога плотию родшая во спасение всех... аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды», т. е. в обоих случаях предписывается по-старому двоить, а не троить аллилуия; на стр. 122. «священник: за молитве святых отец наших». В *Ирмологионе*, 1657 г., после богородична: «жизнодавца рождьши... аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже 3-жды» (на стр. 574). Значит, не только в Иверском монастыре некоторые книги издавались, с согласия Никона, по-старому, но и в новоисправленных книгах, выходивших при Никоне из правительственной типографии, принцип исправления старого проведен был не со всей строгостью¹³⁶.

Никон, в последнее время своего патриаршества, а потом по оставлении им патриаршей кафедры, не только признавал старые и новые служебники одинаково добрыми, допускал совершать службы по тем и другим, позволял печатать в Иверском монастыре по-старому, но в конце концов он даже принципиально заподозрил свои собственные реформы. Все церковные исправления Никона имели смысл и значение под условием признания авторитета восточных патриархов и признания неповрежденности тогдашних греческих печатных книг. Но Никон, во время соборного суда над ним, отверг то и другое, вследствие чего необходимо стал в отрицательное отношение к своим же собственным реформам. Во время соборного суда над ним, Никон заявил, что патриархи александрийский и антиохийский, присутствовавшие тогда на соборе, не могут быть названы настоящими, законными

патриархами, так как александрийский не живет в Александрии, а антиохийский живет в Дамаске. А между тем, как мы знаем, большую часть своих церковно-обрядовых реформ Никон произвел именно по совету и указаниям антиохийского патриарха Макария, на авторитет которого он тогда постоянно указывал и опирался. Что же, в таком случае, значили эти реформы, если они произведены были Никоном по советам и указаниям Макария, незаконного, ненастоящего патриарха? – При Никоне, как мы видели, наши книги, прежде всего, исправлялись с греческих печатных книг. Но когда, во время соборного суда, против Никона приведено было одно правило из греческой книги, его осуждающее, то Никон резко заявил на соборе: «греческие правила не прямые, их патриархи от себя написали, а печатали их еретики», и затем опять настойчиво повторил: «греческие правила не прямые, печатали их еретики». Конечно, это заявление Никона можно объяснять его крайней тогдашней раздраженностью против его судей – патриархов, можно видеть в нем только необдуманные слова пылкого, несдержанного человека. Но можно объяснять дело и иначе. Все греческое в глазах Никона было хорошо только до тех пор, пока греки льстили ему, всячески угодничали и пресмыкались перед ним, пока они оправдывали и одобряли все его реформаторские действия, а он, опираясь на них, играл видную и эффектную роль реформатора русских церковных порядков. Как же скоро те же самые греки враждебно коснулись самого Никона, из льстецов и угодников превратились в грозных и неподатливых его судей, а реформаторская его деятельность подверглась всяким пересудам, толкованиям и проверкам; грекофильства Никона как не бывало, он уже судит и рядит как истый старообрядец: восточных патриархов называет ненастоящими патриархами, греческие печатные книги – неправыми, так как их печатают еретики. Никон, видимо, несмотря на свое громкое заявление: «хотя я русский и сын русского, но моя вера и убеждения греческие», на самом деле, по своим истинным убеждениям, всему духовному складу своей личности и симпатиям, продолжал всегда оставаться завзятым тогдашним русским; все его грекофильство было у него

явлением очень непрочным, как бы искусственным, привитым к нему со стороны. Как же скоро обстоятельства изменились, его прежние друзья и поощрители в грекофильстве превратились в его решительных врагов и Никон был, так сказать, предоставлен только самому себе: в нем и сказался тот действительный, настоящий Никон, от которого не раз слышали ранее, как он говорил: «гречане де и малые России потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой да и честь тех прельстила, и своим де нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия ни мало».

Глава 7. Борьба протопопа Иоанна Неронова с патриархом Никоном

Иоанн Неронов, как глава всех недовольных патриархом Никоном. Громадная популярность Неронова. Его уверенность, что он находится под особым божественным водительством и что сам Бог призвал его к общественной деятельности и к борьбе с недостойным патриархом Никоном. Неронов всегда признавал греческих патриархов православными и их высший авторитет в русских церковных делах. Неронов боролся лично только с Никоном, а не с церковью и ее иерархией. Примирение Неронова с Никоном было примирением с церковью, а не с личностью Никона, хотя он и принял потом все произведенные Никоном церковные реформы.

Никон спешно и энергично, без всякой серьезной помехи с чьей-либо стороны, проводил свои церковные реформы. А между тем против этих реформ в обществе существовало очень сильное, хотя и скрытое, неудовольствие, которое само по себе, может быть, и не имело бы особенно важного значения, если бы этим обстоятельством, как нельзя лучше, не воспользовались члены кружка ревнителей благочестия, которые открыто стали на сторону всех недовольных Никоном. Главным деятельным борцом против Никона теперь сделался Иоанн Неронов, один из самых видных, влиятельных и популярных людей в Москве. Мы уже знаем, что Неронов был ближайшим другом влиятельного царского духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который сам во многом подчинялся пылкому, энергичному и учительному настоятелю московского Казанского собора. Благодаря отчасти Стефану, а также и предшествующей своей деятельности, Неронов лично хорошо был знаком царю, царице и всей царской семье, среди которой он пользовался и расположением и уважением; бояре, и вообще люди знатные, тоже хорошо знали Неронова, как пастыря во всех отношениях выдающегося, и со многими из них у него существовали личные, непосредственные, близкие отношения; он пользовался и среди всех вообще москвичей большой популярностью, благодаря

заведенным им в Казанском соборе новым богослужебным порядкам: единогласному пению и чтению, правильному неопустительному чтению отеческих поучений, соблюдению во всем богослужении строгой чинности и истовости, требованию от всех молящихся стоять в церкви смиренно и чинно; наконец, Неронова знали все бедные, больные, увечные, сирые и несчастные, так как Неронов помощь всем бедным и несчастным считал одной из первых своих пастырских обязанностей. Естественно было поэтому, что к заявлениям такого всем известного и уважаемого человека не могли остаться равнодушными ни царь, ни патриарх, ни все общество – все невольно прислушивались, что говорит про нового патриарха, и говорит так смело и решительно, всем известный и всеми высокопочитаемый протопоп Казанского собора. Но Неронов был не один, вокруг него, вполне разделяя его воззрения на Никона, и безусловно сочувствуя его смелому и энергичному протесту, стояли другие ревнители: протопопы – Аввакум, Лазарь, Даниил, Логгин, а также епископ Павел коломенский, и другие духовные и светские лица, которые находились в сношениях и даже переписке с Нероновым. Все они видели в Нерове выразителя своих воззрений, своего главу и руководителя, смотрели на него, за его смелые обличения грозного патриарха, с величайшим уважением и почтением, граничащим с благоговением. Вот как выражается, например, протопоп Аввакум в своем письме к Неронову, от 14 сентября 1653 года, когда Неронов находился в ссылке в Спасокаменном монастыре: «ты (Неронов) подобен, пишет Аввакум, еси Павлу (апостолу), благодать устны твоими действует, яко же Павловыми. Аз грешник, помня слезы твоя, и радости исполняюся, днем и ночью воспоминание приемля, о сущей в тебе нелицемерней вере. Благодарю укрепляющего мя Христа и Спаса Господа нашего, яко верна мя помыслив и положив мя в службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя, но помилован бых за молитв твоих». Свое особое высокое уважение к Неронову, обыкновенно отличавшийся крайней нетерпимостью Аввакум, выражал даже и тогда, когда Неронов уже принял троеперстие и соединился с церковью. В

письме из Мезени к игумену Феоктисту Аввакум пишет: «про все пиши: про старцово (т. е. Неронова) житье мне не пиши, не досаждай мне им: *не могут мои уши слышати о нем хульных глагол ни от ангела*. Уж то грех ради моих в сложении перстов малодушествует»¹³⁷. Игумен Феоктист, в письме к Стефану Вонифатьевичу, от 18 июля 1654 года, выражает желание, чтобы на место Никона Стефан сделался патриархом и, влияя на государя, умиротворил церковь «внимая прилежно отца Иоанна глаголом»¹³⁸, т. е. если бы Стефан сделался патриархом, то его руководителем в управлении церковью должен бы стать, по убеждению ревнителей, Неронов, как признанный всеми глава и авторитет в делах веры и церкви. О самом Неронове тот же игумен Феоктист, в том же письме к Стефану, говорит, что Неронов показывает «и во узах рвение по благочестии и к Богу присную любовь. Зрети бо его, яко ангела ликующа в небесных: сице во истину и того в скорбех, и светлозело умом зряща Владыку всех Бога, и никак о земных радяща, и скорби презирающа и любезне беда терпяща». Никон гонит и преследует Неронова, но у него всюду находятся друзья, сторонники, последователи, его, сосланного под начало и в заточение, везде встречают с особой честью и уважением, как мужественного и невинного страдальца за правду. Когда Неронов был сослан Никоном под начало в Каменный монастырь на Кубенском озере, то «архимандрит тоя обители Александр прият его радуясь и глаголя, яко страдальца видети сподоби мя Бог древняго, – даруя тому честь, и выше келаря поставляя его в церкви, новый войлок овчий подложив тому под ноги; и в келии жити повелевая со отцем его духовным священником Григорием, и слугу ему дал для чести; и из поварни прибавочные ествы приносить к нему повелевая в келью первому слуге, Смирнову-Афанасьеву, а имя ему Тит. А прочим слугам квасу доброго ко отцу Иоанну носить повелевая в оловяниках, – братины медные с покрывалами!» Точно так же почетно встречен был Неронов и в Соловецком монастыре, куда он прибыл при своем бегстве из Кандалагжского монастыря. Отпуская беглеца в Москву, соловецкий архимандрит Илия напутствовал его такими словами: «страдалче, бием одолевай!

храбрый воине, подвизайся!»¹³⁹ Даже простой народ всюду оказывал Неронову свое особое расположение и горячую приверженность к нему, видел в нем борца за правду, народного милостивца и невинного страдальца. Биограф (современник) Неронова замечает: «прости и людие зело любляху Иоанна, яко проповедника истинне, и пред цари не стыдящася, по пророку, и много истинне страждуща, — страдальца и мученика того нарицаху». Когда Никон послал арестовать скрывавшегося Неронова, и посланные напали было на его след, «то христиане тоя волости скрыша Григория (монашеское имя Неронова), а посланных от патриарха оскорбиша. Григорию же молящу тех, да не паче меры с посланными крамолят; тии же рекоша: до смерти за тя, страдалче Христов, готовы пострадати. Иоанна убо сохраниша, сами же многу беду подъяша. Паки патриарх повеле многих прислать в ту волость, и иереев и мирских оковав в царствующем граде Москве во темницу посадити повеле, и мнози от них в темнице и умроша от великия нужды, а инии мнози скорби и напасти подъяху, любви ради, ее же имеяху ко Иоанну. Христолюбцы же, аще и мнози беды, их же зряху, братия их страждут, но яко зеницу ока, или яко отца, Иоанна храняху, и в домах своих, яко Божия Ангела, держаху и любезно в сладость послушаху»¹⁴⁰. Понятно, почему народ так сильно был привязан к Неронову, что многие, ради защиты его от преследований Никона, шли в тюрьму и там умирали. В записке о жизни Неронова рассказывается между прочим и следующее: «некоего лета бысть глад в пределах града Вологды, и мнози, хлебные ради скудости, ядяху траву, и корения, и вахту, и млеко в днии постные, и приходяще к отцу Григорию (который тогда жил в Игнатьевой пустыни около Вологды) прошаху милости, да утолит их от глада того. Григорий же, яже имеяше, даяше требующим, и много множество собирая по градам хлеба, кормяше приходящия к нему; даяше же и семена от обители своея земледельцем на сеяние нив их. И тако во время глада прокорми народ бесчисленный». Но и этим Неронов не ограничивался. «Хождаше милостыни ради, говорит записка о его житии, в царствующий град Москву, а наипаче заступления ради бедных, понеже многих ради бед и напастей

многий, приходящи к нему от различных градов, моляху того о заступлении, яко знаемый бе царем и боляры свидетельствованного ради в добродетелех жития его и страдания, и, многое множество заступая, избавляше от уз, и темницы, и от смертныя градския казни. И возвращашеся от царствующаго града в свою пустыню с довольною милостынею, от царя и от прочих боголюбцов подаваемою, и вся собранная влагаше в утробы нищих, пекийся яко отец всем душевне и телесне». К нему в пустыню, из Вологды и окрестных сел, приходило множество народу всякого чина, возраста и пола, и всех их он радушно и любезно принимал, «и не токмо в церкви, но и вне церкви, и келии всех поучаше и наслаждаше божественным писанием – духовною пищею». По окончании службы и церковных поучений повелеваше посадити всех граждан и поселян в трапезе, а невмещающихся, множества ради, вне трапезы, и всем пищу одинаку и равну предлагати. Сам же, обходя сидящих, призираше всех. Во время же трапезования повелеваше читати божественные книги, а сам толковаше всем чтомоу. По совершении же трапезы отпускаше в дома их, насыщенных пищею сугубою, телесною и душевною». Понятно, что такое отношение к приходящим в обитель производило на всех очень сильное впечатление и притом крайне благоприятное для Неронова. «Людие же, говорит записка о его жизни, пришедши в город и веси своя, поведаху друг другу, удивляющеся дивному его учению, и добродетельному житию, и милостыне, и страннолюбию, яко в прежних летех николи же явися таков человек в стране той»¹⁴¹.

Действительно, Неронов, по всей своей деятельности, не только был для того времени выдающимся пастырем церкви, истовым, строгим исполнителем церковных уставов, всегда учительным и назидательным, смелым неустрашимым обличителем всякого нечестия, неправды, порока – и пред архиереями и патриархом и самим царем; в то же время он был замечательным, выдающимся общественно народным деятелем: он был горячим и убежденным народолюбцем, который во время неурожая заботился о прокормлении

голодающих крестьян, для чего он ездил за сборами по разным городам, чем спас множество семей от голодной смерти; кроме того, он раздавал потерпевшим неурожай крестьянам семена для посева на будущий год, чтобы предупредить голод и в будущем; он энергично и настойчиво заступался пред властями за всех бедных и несчастных, попавших в беду, и даже нарочно ездил в Москву хлопотать за них и, благодаря его ходатайствам и заступлению, многие спаслись от уз, темницы, а иные и от казни; на духовное просвещение народа он обращал всегда самое серьезное внимание и затрачивал на него массу труда, времени и энергии: все его постоянные и неопустительные церковные и внецерковные поучения направлены были на просвещение народа, на сообщение ему более правильных религиозно-нравственных понятий – в своем монастыре он устроил нечто вроде школы¹⁴². Естественно, что народ благоговел пред таким необыкновенным всесторонним и всей душой преданным ему деятелем, глубоко чтил его и, при случае, готов был за него идти в тюрьму и даже на смерть. Гонения и преследования Никона только возвышали в глазах народа престиж Неронова, создавали ему репутацию невинного страдальца за правду, окружали его ореолом мученичества и даже прямо делали его, в глазах его почитателей, святым мужем, на котором почиет особая благодать Божия. Впрочем, и сам Неронов искренно верил, что он имеет к общественной деятельности особое чрезвычайное призвание от Бога, и что он действительно находится всегда под особенным водительством Божиим.

В одной челобитной царю Неронов указывает ему на возможное появление антихриста, который только «малыми (немногими), их же утвердит Духа Святого благодать, познаваем будет». Вот к числу этих-то немногих, утвержденных благодатью Св. Духа, и причисляли себя Неронов, Аввакум и другие члены кружка ревнителей. В силу особой дарованной им благодати Св. Духа, они лучше других видели, понимали и оценивали окружающие их явления и все текущие события жизни, особенно церковные, и потому лучше других, лучше самых церковных властей, в большинстве погруженных в мирское дела, заботы и

интересы, могли руководить и направлять по истинному настоящему пути все течение церковной жизни, предохранить и оберечь ее от уклонений на пути ложные и губительные для православия. Но кроме этой общей, так сказать, благодатной и сверхъестественной почвы, на которой коренилась, вырастала и развивалась их общественная деятельность, они еще, во всех важнейших случаях, получали обыкновенно на каждый раз особые специальные свыше указания, видения, знамения, благодаря чему их действия и были, в их глазах, безошибочны, непогрешимы, вполне согласны с волей Божией, хотя бы они и шли в разрез с волей человеческой, выражаемой властями, светскими и духовными. Вот почему они и не боялись решительно и открыто противоречить всем властям, резко обличать их и даже вступать с ними в прямую борьбу, – так поступать было их долгом и обязанностью, как людей находящихся под высшим божественным водительством. Та божественная сила, которая их, как своих избранных, просвещала, направляла и давала им возможность уразумевать истинный смысл текущих событий, скрытый от других, – эта же божественная сила вместе с тем оберегала и охраняла их в трудные и скорбные минуты их жизни, воодушевляла и подкрепляла их на продолжение борьбы, почему они твердо были уверены, что во всех случаях Бог не оставит их своею помощью, спасет их от беды, гонений, преследований, что проповедуемая ими истина и правда всегда в конце восторжествуют над ложью и неправдой их противников. И они действительно сами на себе испытали и постоянно имели пред глазами, казалось им, реальные, неопровержимые факты, что рука Божия непосредственно руководит ими и охраняет их во всех путях их. Сомнений, казалось, тут не могло быть. Неронова заковывают в цепи и сажают в тюрьму. Но, по его молитве, цепи сами спадают с него, дверь тюрьмы сама отворяется, и он спокойно выходит на свободу. В другой раз жестокий пристав, отвозивший Неронова на место ссылки, старательно заковывал его в цепи. Но всякий раз, как пристав ни старался, цепи сами собою спадали со святого узника. Раз братия того монастыря, куда сослан был Неров, выведенная из терпения его

постоянными назойливыми обличениями, решила так или иначе избавиться от беспокойного, несносного обличителя. Иноки нарочно, напив жарко келью Неронова, напустили в нее чад и заперли в ней узника, чтобы он умер от угару. Неронов, «воздев руце к Богу», стал молить Его о спасении «пользы ради инех». Молитва его была услышана. «Невидимою рукою в полунощи» Неронов неожиданно взят был из угарной кельи «и поставлен за девять-десять поприщ на Холмогорах в храмине воина некоего». Так сам Господь заботился о своем избраннике, охраняя его от разных бед и злоумышлении недобрых людей. – Если Неронов вступил в борьбу с патриархом Никоном, то не потому только, что он сразу увидел в Никоне человека, совсем непригодного для занятия патриаршей кафедры, но главным образом потому, что получил на этот счет особое указание свыше, когда, во время молитвы, услышал от образа Спаса обращенный к нему глас: «Иоанне, дерзай и не бойся до смерти: подобает ти укрепить царя о имени моем, да не постраждет днесь Русия, яко же и юниты». Неронов, постригшись в монахи, сделался простым старцем Григорием и, по тогдашнему русскому обычаю, строго соблюдаемому некоторыми, не мог священнодействовать, о чем он сильно сокрушался особенно потому, что в монастыре, где он жил, не было тогда священника и служба не совершалась даже в Пасху. Тогда скорбевшему об этом Неронову явился сам Христос с ангелами и разрешил ему священнодействовать, и притом по старым служебникам¹⁴³. И когда Неронов, в силу бывшего ему видения, начал священнодействовать, но не поведал о бывшем ему видении Христа властям, то Христос снова явился ему с ангелами и велел побить его «двумя дубцами», после чего Неронов поспешил явиться к местоблюстителю патриаршего престола Питириму, который вполне уверовал в рассказ Неронова о бывшем ему видении. Неронов обладал и особым даром провидеть грядущие события политического и общественного характера. Так, он энергично советовал еще царю Михаилу Феодоровичу и Филарету Никитичу не начинать войны с Польшей (вероятно 1632 – 1633 г.), потому что «прозрел духом, яко не имут одолети сопротивных, но токмо

кровь христианская имать пролиться всеу, того ради много моли царя и патриарха о умирении там брани, дабы не пролилася кровь христианская». За такое предсказание Неронов угодил в ссылку в Корельский монастырь, из которого, впрочем, скоро был возвращен. В 1653 г. Алексей Михайлович готовился к войне с Польшей, и Неронов настаивает пред ним не начинать похода, а прежде всего установить церковный мир, потому что, пророчествует он, без соблюдения этого условия «крепости не будет имети быти хотящая брань, но за премное прогневание владыки нашего Бога велия погибель и тщета будет». За это предсказание Неронов ничего не потерпел, конечно потому, что оно оказалось совсем неверным – война с Польшей на этот раз была очень удачна. В 1654 году Неронов предсказывал Никону: «да время будет и сам с Москвы поскочишь, ни ким же гоним, токмо Божиим изволением! Да и ныне вам всем глаголю, что он нас (т. е. Неронова, Аввакума и других) дале посылает, то вскоре и самому ему бегать!»! Это предсказание Неронова Никону потом действительно во всем сбылось. Неронов предсказал имеющий появиться на Руси мор. «Иоанн, говорит его биограф, пророчествова о приблившемся наказании Божии, и писание к неким боголюбцем, яко грядет гнев Божий с смертоносною язвою. Писа-же и супруге своей, да приимет чин иноческий, яко грядет мор; и собыстся то его пророчество вскоре». – Мы уже не говорим о том, что Неронов, подобно всем ревнителям, с помощью усердной молитвы и окропления святой водой, исцелял «бесные и кличущия», которых к нему приводили во множестве.

Не следует думать, чтобы Неронов, рассказывая о бывших с ним разных чудесных сверхъестественных явлениях, указывающих, что он находится под особым божественным водительством, сознательно говорил неправду, в видах обманывать других и прослыть в их мнении святым человеком. Напротив, он был искренен в своих рассказах, и сам первый верил в их непреложную истинность и действительность, а в этой-то уверенности и заключается вся страшная сила подобных людей, которая всем их действиям сообщает необыкновенную смелость, решительность, несокрушимую

энергию, готовность идти на муки и смерть за свои убеждения, за то, что они считают истиной и правдой. Борьба с такими людьми внешними средствами, хотя бы самыми суровыми и жестокими, обыкновенно ведет к противоположным результатам. Борьба такими средствами не убивает и даже не ослабляет этой силы, а только укрепляет ее, приводит в высшее напряжение, а вместе с тем привлекает к ней внимание и невольное сочувствие общества. Никон сделал крупную ошибку, борясь с этой силой только средствами своей громадной внешней силы; расстрижениями, ссылками, заточениями. Преследуемая им сила не только не умахалась от этих преследований, но все более росла, крепла и расширялась, пока не вызвала наконец формальный раскол в русской церкви.

Неронов, как мы ранее видели, в своих посланиях к царю и в письмах к другим лицам, употреблял все усилия дискредитировать Никона во мнении царя, царицы и Стефана Вонифатьевича, причем он изображал Никона человеком очень жестоким, несправедливым, самовластным, очень опасным и для церкви и государства. В патриарших действиях Никона, особенно по отношению к кружку ревнителей, Неронов находил только лицемерие, неправду, мстительность, нарушение всех законных норм и правил церковного суда; в церковных его распоряжениях – легкомыслие и самочиние, а, в общем, находил, что Никон, как по своим личным качествам, так и по своим патриаршим действиям, совсем неподходящее лицо для патриаршей кафедры.

Но все усилия Неронова очернить Никона в глазах царя не имели никакого успеха. Алексей Михайлович думал тогда, что он лучше Неронова знает Никона, и потому совсем не верил никаким наветам на последнего, тем более что Неронов выражал свои жалобы и обвинения на Никона слишком беспокойно и страстно, так что они невольно производили впечатление не сдержанных, пристрастных, а иногда и прямо грубых выходок лично обиженного и лично заинтересованного в деле человека, всячески усиливающегося наговорить своему противнику как можно больше обидного и оскорбительного. Алексей Михайлович не только не поверил Неронову, но, чрез

своего духовника, даже совсем запретил ему писать к себе. Все другие попытки Неронова повлиять на царя чрез царицу и Стефана Вонифатьевича, также не имели успеха¹⁴⁴. Но Неронов, потерпев неудачу при дворе, не оставил, однако, борьбы с Никоном, теперь он решил перенести ее в народ, и при всяком удобном случае стал пропагандировать свои взгляды на Никона в народе, к которому обращался с зажигательными речами. Отправляясь в ссылку, Неронов проездом остановился в Вологде, где, по окончании службы в соборе, обратился к народу, по его собственному сообщению, с такой речью: «Священники и вси церковная чада! Завелися новые еретики, мучат православных христиан, которые поклоняются по отеческих предании, такожде и слог перстов по своему умыслу развращенне сказуют, да за то раб Божиих мучат, и казнят, и в дальняя заточения посылают. Аз, грешный, в крестовой, пред собором всех властей, говорил те слова: подал, равноапостольный благочестивый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси тебе (т. е. Никону) волю, и ты, не узнавша, тако всякия ругания творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де делаю по евангелию и по отеческим преданием! Ано ты так говоришь, как в евангелии сказует: поругалися жидове истинному Христу! И во отеческом такожде их мучении от развратников, аще бы не мирския власти заступали их. Да время будет и сам с Москвы поскочишь, никимже гоним, токмо Божиим изволением! Да и ныне вам всем глаголю, что он нас дале посылает, то вскоре и самому ему бегать! Да и вы, аще о том станете молчать, всем вам пострадать! Не единым вам глаголю, но и всем, на Москве и на всех местех, за молчание всем зле страдати! А во оном веце что ответ дадим Владыце нашему истинному Христу и святым его страдальцем?»¹⁴⁵.

Понятно, что Никон не мог остаться равнодушным к нападкам на него со стороны Неронова, к настойчивым попыткам последнего подкопаться под его положение, как патриарха. Никон, со своей стороны, тоже предпринял свои меры и для оправдания своего поведения относительно Неронова и для окончательного его поражения.

Никон снял с Неронова скуфью и отправил его в ссылку после соборного суда. Но Неронов никогда не признавал правильности этого осуждения, и самый осудивший его собор не признавал настоящим собором. И царю, и царице и Стефану Вонифатьевичу, и всем вообще он всюду постоянно, настойчиво и убежденно доказывал и разъяснял, что он осужден неправильно, вопреки правилам св. апостол и св. отец, осужден Никоном по страсти, потому что Никон принял на себя «мучительский сан», чтобы безвинно «мучительски мучить» Неронова и его благочестивых друзей. Эти постоянные, настойчивые и страстные заявления Неронова, что Никон осудил его неправильно и незаконно, только теша свою страсть, побудили Никона позаботиться доказать несправедливость обвинений против него Неронова или что то же: доказать, что Неронов был осужден законно и правильно. Это можно было сделать, передав дело о Неронове на рассмотрение другого – большего, чем первый, собора, а тем более такого, на котором бы присутствовали лица не только авторитетные, но и совершенно сторонние, чуждые всяких местных личных отношений и интересов и потому могущие порешить все это дело вполне беспристрастно. Такие лица тогда нашлись в Москве. Это были: антиохийский патриарх Макарий, молдавский митрополит Гедеон и Никейский митрополит Григорий. 18 мая 1656 года Никон созвал собор, на котором присутствовали указанные восточные иерархи, русские архиереи, архимандриты, протопопы и другое духовенство, только сам Неронов не был приглашен на собор и суд над ним совершался заочно. Собор сначала рассмотрел прежнее соборное осуждение Неронова Никоном и нашел, что тогда Неронов осужден был на смирение, в монастырь вполне законно и справедливо, так как он, «надувсь гордостью бесовскою, не восхоте о своих злых вину принести, но еще и вящше иную злобу яви, и святой собор укори, и досадительными неправильными словесы великого государя святейшего Никона патриарха и всея великия и малые и белые Росии укори окаянный он Иван и непреподобный». И когда собор правильно за это осудил его на смирение в монастырь, «он же, Иван,

прощения от святого собора не взыска, но тай из монастыря убеже и обходя тайно, яко второй Иуда, возмущает неутвержены в слове души. Еще же написа, непреподобный, многая ложная и несведома о великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче, всеа великия и малые и белые Росии самодержце, и о великом государе, святейшем Никоне патриархе московском и всеа великия и малые и белые Росии, и о святых вселенских четырех патриарсах, отменяя греческого православия, отнюдуже по благодати Святого Духа вера наша возрасте, и утвердися, и утверждается; еще же и старые книги, писанные на хартиях лет за двесте, и за триста, и за четыреста, и за пятьсот, и за шестьсот и множае – укори, и не суть виновны нашему спасению нарече. Ещеже, не спросив благословения и не примирился святей церкви и пострижеся от своего единомысленника из Переславля от даниловского архимандрита Тихона, имя себе нарек Григорий. И того ради его, Ивана Неронова протопopa, иже ныне Григорей, и с его единомысленники осуди святой собор: Иван Неронов, иже ныне в чернцах Григорей, и с своими единомысленники, иже не покоряющиеся святому собору, от святыя единосущныя Троицы и от святыя восточныя церкви да будут прокляты»¹⁴⁶.

Это соборное постановление об отлучении от церкви и проклятие Неронова и его единомышленников, торжественно и всенародно было провозглашено в Московском Успенском соборе, где служили Никон и антиохийский Макарий с другими иерархами. У Павла Алепского находится об этом следующий рассказ: «в воскресенье, после Вознесения, наш владыка патриарх служил в соборе вместе с патриархом Никоном, и они отлучили протопopa, который прежде состоял при царе. Это тот самый протопop, которого Никон заточил, как только сделался патриархом, за то, что он уподобился Арию и стал еретиком, произнося хулу на четырех патриархов, и говоря о них, что они, по причине порабощения их турками, лишились своей власти, и произносил также хулу на Духа Святого. Этот несчастный, убежав из заточения, возвратился в столицу, где и скрывался. Патриарх тщетно разыскивал его, чтобы схватить, но не нашел, потому что он постоянно менял свою одежду и перебегал с

места на место. Наш владыка патриарх чрез драгомана говорил пред всем народом так: назвал его вторым Арием, ибо как тот был протопопом в Александрии, так этот был протопопом в Москве, анафематствовал его, проклял и отлучил, а также всякого, кто послушает его слова. Певчие и священники пропели трижды – анафема»¹⁴⁷.

Соборное осуждение и торжественное проклятие Неронова в высшей степени характерно для патриарха Никона в том отношении, что очень рельефно характеризует те приемы, какие, иногда, Никон пускал в оборот, чтобы только добиться конечного осуждения своих личных противников.

Из предъявленных к Неронову обвинений верно только то, что он крайне резко и очень пристрастно отзывался о патриархе Никоне и всей его патриаршей деятельности, всячески старался вредить ему во мнении царя, царицы и царского духовника, что он и в народе вел усиленную пропаганду против Никона, изображая его во всех отношениях недостойным патриархом. Что же касается других обвинений против Неронова, то признать и доказать их справедливость мы не имеем возможности.

Неронов обвиняется в том, что он, «непреподобный, написа многая ложная и несведома о великом государе царе» Алексее Михайловиче. Ничего этого в действительности нет. Челобитные Неронова к царю из Спасокаменского монастыря находятся перед нами, и в них решительно нет ничего, что можно было бы подвести под категорию «сложного и несведомого писания» о царе. Даже совершенно наоборот: в своих челобитных, письмах к царице и Стефану Вонифатьевичу, Неронов везде выражает самое глубокое и почтительное отношение к царю, прямо называет царей «воистину по Бозе бози», величает Алексея Михайловича равноапостольным, благочестивейшим, выражает готовность пострадать и умереть за божественную царскую власть, этому учит и всех других; царскую власть считает выше духовной, она, по его мнению, должна исправлять и вершить и все церковные дела. Неронов постоянно именно тем и гордился, что он всегда и везде безбоязненно стоял за царскую честь, которую стремился унижить Никон, и потому указанное

обвинение против него решительно несправедливо и что подало к нему повод, мы не знаем.

Обвинение Неронова, что он многое ложное писал «о святых вселенских четырех патриарсах, отменяя греческого православия, отнюдуже по благодати Святого Духа вера наша возрасте, и утвердися, и утверждается», – тоже совершенно несправедливо, о чем мы скажем несколько ниже.

Собор обвинял Неронова в том, что будто бы он «святые старые книги, писанные на хартиях лет за двести, и за триста, и за четыреста, и за пятьсот, и за шестьсот и множае укори, и не суть виновны нашему спасению нарече». Но само собою понятно, что со стороны Неронова ничего такого не было и не могло быть, а было как раз обратное: Неронов стоял именно за старые книги, их только читал и признавал, а укорял и отрицал книги новые, т. е. новоисправленные Никоном.

Наконец, собор обвинял Неронова в том, что он «не испросив благословения и не примирився святей церкви и пострижеся от своего единомысленника из Переславля от даниловского архимандрита Тихона, имя себе нарек Григорий», т. е. собор обвиняет его в своевольном пострижении в иночество. Но в действительности дело происходило так: Неронов постригся в монахи по настоянию и предписанию (записке) царского духовника Стефана Вонифатьевича, у которого он тайно и прожил несколько недель. Все это делалось с одобрения и разрешения самого государя Алексея Михайловича, который ни слова об этом не сказал Никону и не выдал ему Неронова, которого Никон в это время всюду разыскивал, не подозревая, что он проживает рядом с ним, у царского духовника, и что об этом знает царь. Ясно, что Неронов в этом случае действовал несамочинно, а с одобрения царя, власть которого он всегда признавал выше духовной и имеющей право вершить и церковные дела, даже помимо патриарха.

На основании таких-то обвинений, кроме двух указанных, явно несостоятельных, Никон добился торжественного осуждения и проклятия Неронова и его друзей, причем это

проклятие произнес не Никон, а сторонний иерарх – сам вселенский антиохийский патриарх Макарий.

Нельзя не сознаться, что антиохийский патриарх сыграл в этом деле очень жалкую роль: он в Успенском соборе, торжественно и всенародно, по желанию Никона, назвал Неронова вторым Арием потому, «что как тот (Арий) был протопопом в Александрии, так этот (Неронов) был протопопом в Москве». При этом свидетель и рассказчик о событии Павел Алеппский замечает, что Неронов уподобился Арию потому, что он порицал четырех вселенских патриархов и что будто бы он «произносил хулу на Духа Святаго». Очевидно, патриарх Макарий, произнося анафему на Неронова и уподобляя его Арию, плохо понимал, что он делал, и совсем не знал человека, которого он так торжественно и всенародно анафематствовал. Макарий выслуживался в данном случае пред всемогущим тогда Никоном и с спокойной совестью проделывал все, чтобы тот ни потребовал от него, так как ему нужно было получить от русского правительства возможно щедрую и богатую милостыню, ради которой он приехал в Москву.

Между тем Неронов, после своего тайного пострижения в монахи, скрывавшийся в разных местах от разыскивавшего его Никона, решил отправиться в Москву, чтобы проститься со своим умершим другом и братом – протопопом Стефаном Вонифатьевичем и поплакать на его гробе. Когда Неронов прибыл в Москву, то близкие его стали умолять его, чтобы он показался патриарху, но другие были против этого и настаивали – «яко да хранит себе». Тогда Неронов заявил спорившим между собою друзьям своим: «иду, смотрите, – и благодать Божия со мною: ваша ради пользы не прекоснется зло». Неронов отправился к патриарху, с целью примириться с ним. К этому его располагали разные обстоятельства. Со смертью Стефана Вонифатьевича он лишился своей главной опоры, защиты и ходатая за него пред царем. Он знал, что Стефан умер в мире с Никоном и всегда усиленно хлопотал, с согласия царя, его, Неронова, примирить с патриархом. Неронов решил теперь исполнить всегдашнее желание своего умершего друга и брата, хорошо, конечно, зная, что таково же всегда было и

желание самого государя. Прибыв в Москву, Неронов от своих друзей узнал, что его дело вновь пересматривалось на соборе, на котором присутствовал сам антиохийский патриарх, и что этот собор стал на сторону Никона, а его окончательно отлучил от церкви и всенародно предал анафеме. Это известие должно было произвести на Неронова самое тяжелое и удручающее впечатление, должно было сильно поколебать его прежнюю уверенность в своей правоте и в неправоте и беззаконии Никона. Доселе Неронов был искренно и твердо убежден, что Никон осудил его незаконно и несправедливо, почему он упорно и боролся с ним. Но теперь оказалось, что совсем сторонний человек, – сам вселенский антиохийский патриарх нашел его осуждение Никоном правильным, и не только подтвердил это осуждение, но еще усилил его. А Неронов, как сейчас увидим, с уважением относился к восточным патриархам и признавал их авторитет и в наших церковных делах. Но этого мало. Неронов восставал на Никона не только как на человека несправедливого, жестокого, действующего по страсти, но и как на человека, окружившего себя очень сомнительными во всех отношениях, и особенно в вероисповедном, иностранными иноками, под влиянием и по совету которых он самочинно и стал ломать русскую заветную святую церковную старину и заменять ее сомнительным новым, что грозит русской церкви всякими бедами и опасностями. Именно поэтому Неронов и считал себя обязанным неустанно бороться с Никоном, как самочинным нововводителем и презрителем родной святой старины. Но прибыв в Москву, Неронов познакомился здесь с новой, недавно напечатанной, книгой Скрижаль, в которой предписывалось креститься тремя, а не двумя перстами, как этого ранее требовал Никон. Самая книга Скрижаль, делающая такие предписания о перстосложении, оказалась свидетельствованной и одобренной четырьмя восточными патриархами. Значит, и в вопросе о перстосложении для крестного знамения Никон оказался не самочинником и новатором, а только проводником и исполнителем воли четырех вселенских патриархов, предающих клятве всех не покоряющихся их распоряжениям. Это окончательно убило в

Неронове его прежнюю столь непоколебимую уверенность, что Никон, изменяя русскую церковную старину, действует самочинно, по совету и указаниям очень сомнительных иностранных иноков, и Неронов теперь пошел на примирение, на которое так настойчиво звал его ранее друг его и покровитель Стефан Вонифатьевич. «Кто есмь окаянный аз? стал размышлять смущенный Неронов; со вселенскими патриархи раздор творити не хочу, ниже противен буду: что же ради и под клятвою у них буду? Есть еще угодно будет кое дело Богу, всяко явится, лезть же потребится»¹⁴⁸.

Наши исследователи, как нечто не подлежащее сомнению, считают обыкновенно Неронова принципиальным противником греков, признающим, что тогдашние греки уже потеряли православие; и есть исследователи, которые утверждают, что именно «участие греческой церкви (в новшествах, вводимых Никоном) вполне убедило Неронова в еретичности этих новшеств». Приведенные выше слова Неронова, что он не хочет противиться вселенским патриархам и быть под их клятвою, будто бы «сказаны были неискренно», что он «и теперь продолжал считать вселенских патриархов впадшими в ересь, вследствие порабощения их неверными, а видимым наружным примирением с церковью хотел только снять с себя соборное проклятие, оставаясь в душе таким же противником преобразований и греческой церкви, как и прежде»¹⁴⁹.

Указанный взгляд на отношение Неронова к греческой церкви и к вселенским восточным патриархам, уверение, что он будто бы был неискренен, лицемерил, когда заявлял, что не хочет противиться вселенским патриархам и быть под их клятвою, совершенно неверен, так как на самом деле Неронов всегда признавал греческую церковь и вселенских патриархов православными, и вовсе не думал, и даже не допускал мысли, чтобы он, восставая против первоначальных исправлений Никона, в существе дела восставал против самих восточных патриархов. Это потому, что Неронов из всех провинциальных членов кружка ревнителей представлял из себя в этом отношении прямое исключение. Благодаря особым обстоятельствам своей жизни он, так сказать, воспитался на

том представлении, тогда у нас сравнительно редком, что греческая церковь и восточные патриархи православны, и что им принадлежит, в известных случаях, высшее право верховного руководства и в русских церковных делах.

Неронов происходил из крестьянской семьи, жившей недалеко от Вологды. Еще будучи юношей, Неронов оставил родное село и пришел в Вологду, где сразу заявил себя горячим и смелым ревнителем благочестия. Он пришел в город на святках, «когда неразумнии люди обыкоша собиратися на бесовския игральщища паче прочих дней, налагающе на лица свои личины разные страшные, по подобию демонских зраков». Увидев ряженных, выходящих притом из архиерейского дома, молодой Иоанн «разжегся духом, нача обличати их с дерзновением», за что очень жестоко и был избит ряженными. Этот первый, не особенно удачный опыт публичной обличительной деятельности, не охладил, однако, ревности Иоанна. Оставив негостеприимную Вологду, он удалился в пределы града Устюга, где «в некоей веси» решился обучиться у одного благочестивого мастера грамоте, без которой для него невозможно было проходить с успехом служение общественного обличителя и наставника благочестия. Медленно давалась Иоанну грамота, «един букварь учаше лето и месяцев шесть», учитель даже опасался за целостность его зрения, так как Иоанн «прилежно очима зря в букварь, непрестанно слезы испущаше». Но энергия и усидчивость преодолели все, разум Иоанна, наконец, отверзся и он стал разуметь (читать) писания лучше всех своих сверстников. Оставив пределы Устюга, Иоанн перешел в пределы града Юрьевца Повольского, в село Никольское, где и женился на дочери тамошнего священника. Живя у тестя священника, Неронов ревностно занимался чтением и пением в церкви, и в то же время «видев иереев веси тоя, развращенное житие имущия, непрестанно обличаше их пианства ради и многого бесчинства». И на этот раз обличения не прошли для него даром. Священники написали на него донос патриарху Филарету Никитичу, причем на доносе подписались не только некоторые мирские люди, но и сам тесть Иоанна. Тогда Неронов тихонько ночью оставил село и отправился в

Троице-Сергиев монастырь, от которого зависело Никольское. У Троицы один инок, которому Неронов все рассказал о себе, принял в нем участие и свел его в келью тогдашнего знаменитого троицкого архимандрита преп. Дионисия, который приказал ему жить в своей келье. «И живяше Иоанн в келии не мало время с преподобным архимандритом, непрестанно читая книги божественного писания, и в правиле келейном и во всеобщих бдениях с ним трудяся. И поведи тому о себе вся подробну». Близко познакомившись с Нероновым, преп. Дионисий написал о нем особое рекомендательное письмо к патриарху Филарету Никитичу, в котором не только вскрыл всю ложь доноса на Иоанна со стороны никольских священников, но и просил патриарха посвятить Иоанна, как вполне достойного, во диаконы. С этим рекомендательным письмом преп. Дионисий Неронов лично явился к Филарету Никитичу, который немедленно посвятил его в диаконы и отправил в Никольское с особой грамотой и приказанием местному начальству сделать розыск и наказать лживых доносчиков на Неронова. Через год последний отправился в Москву и Филарет Никитич посвятил его в иерея. С течением времени Неронов стал известен в Москве не только Филарету Никитичу, но и самому царю, многим знатым боярам, которых он, будучи в Москве, ретиво обличал за некоторый иноземный и варварский обычай. Со своей стороны, патриарх Филарет Никитич стал так высоко ценить ревностного по благочестию Иоанна, что нарочно приглашал его к себе в патриархию и даже к своему столу. Так началась и создавалась вся начальная карьера и широкая известность Неронова, создавалась исключительно благодаря архимандриту Троице-Сергиева монастыря преп. Дионисию и патриарху Филарету Никитичу. Обе эти личности неизбежно должны были оставить глубокий след в воззрениях Неронова с интересующей нас стороны, т. е. со стороны его воззрений на православие восточных патриархов и всей греческой церкви вообще.

Архимандрит Троице Сергиева монастыря преп. Дионисий был убежденным грекофилом и, в известной степени, проводником в тогдашнем русском обществе грекофильских идей. Как мы уже ранее замечали, преп. Дионисий был горячим

почитателем преп. Максима Грека, заботился о распространении исправленных им с греческих русских церковных книг, и сам преп. Дионисий, при исправлении им Потребника, в некоторых случаях, прибегал к греческому тексту. Когда он за свои книжные исправления, и особенно за уничтожение в молитве при освящении воды в Богоявление слова и огнем, подвергся заключению в темнице и истязаниям, то его защитником и ходатаем пред царем, а потом и Филаретом Никитичем, был иерусалимский патриарх Феофан, прибывший тогда в Москву и принявший в деле Дионисия, как редкого тогда в Москве грекофила, самое живое и близкое участие. После, посетив Троице-Сергиев монастырь, Феофан оказал преп. Дионисию особую чрезвычайную честь: возложил на его главу свой патриарший, т. е. греческий клобук. Вот к какому человеку пришел молодой причетник Неронов, вот с кем он жил немалое время в одной келье, с кем вместе молился, читал книги и беседовал. Естественно, что преподобный Дионисий внушил и передал Неронову свое высокое уважение и почтение к своему благодетелю, иерусалимскому патриарху, а также и к другим восточным патриархам; у него Неронов научился смотреть на них как на православных, как призванных, в известных случаях, содействовать приведению в порядок русских церковных дел, в чем-либо отступивших от норм, признанных вселенской греческой церковью; от преподобного же Дионисия Неронов научился высоко ставить и чтить сочинения преп. Максима Грека, с которыми он, конечно, хорошо познакомился, проживая у преп. Дионисия.

Если знакомство с преп. Дионисием, первым покровителем и благодетелем Неронова, спасшим его от рук способных на все клеветников, и открывшим ему широкий путь к дальнейшей почетной и влиятельной деятельности, необходимо приводило его к почтительному отношению к восточным патриархам и к признанию их вполне православными: то это убеждение еще более укрепилось в нем благодаря его личному и довольно близкому знакомству с патриархом Филаретом Никитичем, который явился, после преп. Дионисия, вторым его благодетелем. Филарет Никитич, как мы знаем, был тоже

убежденным грекофилом. Он поддерживал очень широкие и разнообразные сношения с православным востоком, как ставленник иерусалимского патриарха Феофана, глубоко чтит не только его лично, но и других вселенских патриархов, кое-что исправлял в русской церковной практике по указаниям восточных патриархов, окружал себя приезжавшими в Москву за милостынею греческими иерархами, которые иногда подолгу жили в Москве и пользовались особым расположением и доверием патриарха. Все это, конечно, хорошо видел и знал Неронов, и у него естественно сложилось убеждение, что восточные патриархи, а также и все тогдашние греки, так же православны, как и русские.

Правда, у Неронова мы встречаем такие отзывы об иностранных, т. е. греческих собственно иноках. В челобитной государю он пишет: «и паки молим тя, государя, иностранных иноков, кроме Богом избранных, истине не развратников, коих истине и благочестию ругателей, и ересем вводителей, в совет прияти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житие их. Зрим бо в них, государь, ни едину от добродетелей: Христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость, и вместо поста многоядение и пьянство любят, вместо, еже Христе ради истаяти тело, мягкость и буйство любят, крестного же знамения на лица истинны вообразити не хотят, и сложению перст блядословне противятся, яко врази истине и ругатели, на колени же поклонитися Господеви от покоя ради не хотят, и лжу сшивающи самосмышлением, разум божественного писания лукаво скрывающи, своеволне блядут на прелесть безумным человеком». В приведенных словах Неронова, однако, вовсе не заключается той мысли, чтобы он сомневался в православии восточных патриархов и греков вообще, он только говорит, что царю, не испытав предварительно, не следует слушать иностранных (т. е. греческих) неизвестных иноков, так как между ними нередко встречаются такие лица, которые ведут очень предосудительную жизнь и очень подозрительны и ненадежны в вероисповедном отношении, и потому опасны для чистоты православия русских. И в этом случае Неронов ничего не выдумывал, так как к нам тогда с православного востока, под

видом угнетаемых турками греков милостыне-собирателей, являлось немало лиц действительно во всех отношениях очень сомнительных и подозрительных. Неронов прямо и указывает царю на одного такого крайне подозрительного иностранца, советов которого, однако, у нас слушают – на известного инок Арсения грека. И самому Никону Неронов прямо в глаза говорил, что Арсений человек крайне сомнительный, не раз менявший свою веру и что за это он сослан был в заточение на Соловки. «А ты, говорил Неронов Никону, его взял из Соловецкого монастыря на смуту, и устроил того, яко учителя, паче же к тиснению печатному правителя. Свидетели Арсению много, что он порочный человек». На эти обличения Неронова Никон нашелся только ответить: «лгут-де на него (Арсения) старец Григорий, тоде на него солгал, по ненависти, троицкий старец Арсений Суханов, что в Сергиеве монастыре келарь, когда послан быт по государеву указу и по благословению Иосифа патриарха в Иерусалим и в прочия государства». Трудно понять этот ответ Никона об Арсении, как будто Никон действительно ничего не знал об Арсении, хотя подлинное следственное дело о нем, во время которого сам Арсений чистосердечно признался, что он действительно не раз менял веру, дошло даже до нас, и Никону должно бы быть хорошо известно. Во всяком случае, указанные нападки Неронова на иностранных сомнительных иноков и, в частности, на Арсения грека, никак нельзя понимать в смысле выражения Нероновым недоверия к православию всех греков вообще, а тем более самих восточных патриархов.

Неронов говорил Никону патриарху: «святитель! иноземцев (т. е. греков) ты законоположение хвалишь и обычаи тех приемлешь, благоверны и благочестии тех родители нарицаешь; а мы прежде сего у тебя же слыхали, что многожды ты говаривал нам: гречане-де и малые россии (малороссы) потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой-де и честь тех прельстила, и своим-де нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия не мало. А ныне у тебя то и святые люди и закона учителя». И в данном случае Неронов ни слова не говорит о том, чтобы он разделял

или считал справедливым не раз до патриаршества высказываемое Никоном его убеждение, что греки и малороссы «потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них». Неронов приводит, или вернее, напоминает Никону о его ранних отзывах о греках и малороссах с той единственной целью, чтобы в глаза уличить Никона в непостоянстве, в изменчивости, в том, что он ныне хвалит и превозносит то, что вчера сам же бранил. В данном случае речи Неронова к Никону имели ту же цель и значение, какие имели и другие его речи подобного же характера. Неронов, например, еще до своей ссылки, говорил Никону: «доселе ты протодиакона Григория и прочих, которые ныне у тебя в крестовой советники его, врагами Божиими и разорителями закона Господня сказывал; а ныне у тебя на соборе то и добрые люди. Прежде сего совет имел ты с протопопом Стефаном... а ныне у тебя те же люди недостойнии стали». Или, например, Неронов говорил Никону: «а се ты укоряет новоуложенную книгу (Уложение царя Алексея Михайловича) и посохом ее попираешь и называешь ее недоброю; а ты и руку приложил, когда ее строили: се ты в те поры называл ее доброю». В этих случаях Неронов, очевидно, нарочно подчеркивает только непостоянство и изменчивость воззрений и отношений Никона, то обстоятельство, что он был одно до патриаршества и совсем иное, когда сделался патриархом.

Таким образом, Неронов, благодаря своему близкому знакомству и хотя временному, но тесному общению с преп. Дионисием, и благодаря своей относительной близости к патриарху Филарету Никитичу, никак не мог быть, да действительно и не был принципиальным противником греческих патриархов. В дошедших и до нас его челобитных, письмах и посланиях, он нигде и ни разу не заявлял, чтобы восточные патриархи и тогдашние греки вообще были неправославны. Следовательно, когда он говорил: «кто есмь окаянный аз? Со вселенскими патриархи раздор творити не хочу, ниже противен буду: что же ради и под клятвою у них буду?», то говорил это не по лицемерию, а искренно и по убеждению.

Но если Неронов не был противником восточных патриархов, вполне признавал их авторитет в делах церковных, то, само собою понятно, он не мог быть и принципиальным противником церковных исправлений Никона, поскольку они совершались последним не по его личному усмотрению, или по совету и указаниям его сомнительных справщиков, а по совету, указаниям и по одобрению восточных патриархов. Против таких исправлений Неронов не думал восставать, и это он с особенной ясностью и определенностью выразил во время своего примирения с Никоном, или точнее: во время своего примирения с церковью. 4-го января 1657 года Неронов, доселе скрывавшийся, неожиданно явился пред Никоном, когда тот шел к обедни, и первым делом поспешил заявить Никону свою основную, руководящую всею его борьбой, мысль: что ты (Никон) един не затеваешь, то дело некрепко; по тебе иной патриарх будет, все твоё дело переделывать будет: иная тогда тебе честь будет, святой владыко», т. е. Неронов думает, что многое Никоном в его церковных исправлениях сделано самочинно, только по его собственному умыслу, и что все это непрочное и будет переделано его преемником. В последующих затем препирательствах с Никоном, Неронов опять настойчиво заявляет: «со вселенскими же патриархи несмы противен, яко же глаголеши ты, но тебе единому не покорялся». И потом опять заявляет: «аще ты с ними (вселенскими патриархами) соглашался, аз сему непротивен: то чаю смотри, чтоб истинна была, – аз убо под клятвою вселенских патриарх быти не хочу». И действительно, как мы видели, когда Неронов уверился, что восточные патриархи одобряют не двоеперстие, а троеперстие, он стал, по выражению протопопа Аввакума, «в сложении перстов малодушествовать» т. е. стал креститься тремя перстами. Правда, Неронов, до самого собора 1667 года, служил по старым службникам и не хотел признавать вновь исправленных Никоном, но на это, со своей точки зрения, он имел полное право, тем более что он публично и открыто не хулил новых службников. В челобитной царю об избрании преемника Никону, Неронов пишет, что вятский епископ

Александр «в тиснении печатном книги ево, Никонова, мудрования ересей полны показа и блужения, рекше превратов». Этим заявлением Неронов хочет сказать царю, что сам он – Неронов ничего не говорит против новоисправленных Никоном служебников и сам их не порицает, но что другие, даже члены высшей церковной иерархии, каков вятский епископ Александр, находят в них ереси и превраты, почему он, Неронов, делом благоразумия и осторожности считает держаться старых служебников, не похуляя однако и новых. И действительно, Неронов до поры до времени, держался старых служебников, причем он это делал с разрешения самих церковных властей, а не своевольно. Так, сам патриарх Никон, примирившись с Нероновым, позволял ему служить, даже в московском Успенском соборе по старым служебникам, находя, что старые и новые служебники одинаково добры. В 1664 году Симон, архиепископ вологодский, показывал, что бил ему челом Неронов, «чтоб он, архиепископ, благословил ево, Григорья, служить по старым служебникам, которые печатаны при святейшем Иосифе патриархе, а по нынешним де служебником ему, Григорью, не служивать; а вины ему, архиепископу, он, Григорей, на нынешние служебники не сказал». Неронов, со своей стороны, на допросе заявил, что он действительно просил архиепископа Симона разрешить ему служить по старым служебникам, «и преосвященный де архиепископ благословил меня потому старому служебнику служить, *когда де ты новых служебников не хулишь и в люди таких речей не износишь*». И хотя Симон заявлял, что он будто бы не давал Неронову подобного разрешения, но, в этом случае, вероятнее показание Неронов, так как архиепископ Симон, ставленник и строгий последователь Никона, по его примеру мог разрешить Неронову служить по старым служебникам, не видя в этом ничего вредного, если только Неронов не хулил, и притом публично, новых служебников. «Преосвященные митрополиты (Иона ростовский и Павел сарский) старца Григорья допрашивали: впредь ему, Григорью, по новым служебникам служить-ли? И старец Григорей преосвященным митрополитом сказал, что ему по-новому служебнику не служить, а служить ему по-старому

служебнику». Не видать, чтобы митрополиты запретили Неронову служить по-старому служебнику. И это понятно. Неронов не хотел служить по новым служебникам единственно потому, что не доверял книжным исправлениям Никона, поручившего вести книжные исправления такому крайне ненадежному человеку, каким был Арсений грек. Он не хулил новых книг, а только не принимал их и считал более благоразумным и верным держаться старых. Когда же он узнал, что вселенские патриархи, приехавшие в 1666 году в Москву для суда над Никоном, одобряют, однако, новоисправленный, а не старый служебник, то, каясь чистосердечно в своих прежних прегрешениях, Неронов заявлял вселенским патриархам, что впредь он уже ничего не будет иметь против новоисправленных книг, причем к этому заявлению он делает такое пояснительное дополнение: «доселе держал прежняя печатные книги, служебники и сотребники, а новопечатных не хулил до сего собора, токмо не принимах.... И на соборе их о книгах никогда истязан не бых, и аз о том не прикослових».

Итак, Неронов не только признавал восточных патриархов вполне православными и их высший авторитет в русских церковных делах, но и не восставал принципиально против церковных исправлений Никона, если они одобрялись, как правые и законные, восточными патриархами, и в конце признал все новоисправленные книги, как одобренные восточными патриархами, вполне правыми и стал ими пользоваться, совсем оставив старые. Но, в таком случае, что же значит многолетняя борьба Неронова с Никоном, против чего же он собственно боролся?

Во всех своих челобитных, письмах и посланиях, как мы не раз замечали, Неронов изображает нам Никона человеком непостоянным и изменчивым во всем: и в дружбе, и в убеждениях, и в обычных, и в служебных отношениях, – что у Никона ныне хорошо, то завтра, при изменившихся обстоятельствах, может неожиданно оказаться худо, и наоборот. При этом Никон, живописует Неронов, был очень обидчив, нетерпим, пристрастен, склонен слушать всяких недобросовестных доносчиков, был слишком скор и суров на

расправу, действуя в этом случае не архипастырски и духовно, как бы следовало, а светски и мучительски. Кроме того, Никон, по изображению Неронова, приближая к себе людей нехороших и особенно – крайне сомнительных и во всех отношениях неблагонадежных иностранных иноков, под влиянием этих последних, стал слишком увлекаться иноземным, стал пренебрежительно-легкомысленно относиться к родной святой старине, давая пред нею решительное преимущество иноземному; без всякой серьезной нужды и достаточных оснований, стал своевольно ломать старые русские установившиеся церковные обычаи и заменять их новыми, что смущает всех благочестивых и нарушает мир церкви. Наконец, Неронов изображает нам Никона человеком зараженным крайним самомнением и чрезвычайной гордостью. Никон, сделавшись патриархом, возомнил о себе чересчур много: стал думать, что его патриаршая власть стоит выше царской, почему он и старался совсем заслонить собою царя, которого действительно из-за патриарха, уверяет Неронов, стало уже совсем не слышно. Но в общем, в представлении Неронова, Никон вовсе не какой-нибудь сознательный еретик, вовсе не враг православия и церкви сознательно, не сосуд дьявола, не предтеча антихриста, каким он потом явился в представлении Аввакума и его единомышленников, а просто только во всех отношениях неустойчивый, увлекающийся, довольно легкомысленный и, в общем, нравственно несостоятельный человек, способный, благодаря своим отрицательным качествам, а в то же время громадной власти и доверию царя, принести своею деятельностью большой вред церкви и государству. Того легендарного Никона, какого мы находим потом у Аввакума и его последователей, у Неронова совсем нет, – Никон у него действительно и притом очень обыкновенное лицо, во многом довольно верное исторически. Неронов ведет, поэтому, энергичную борьбу с Никоном вовсе не как с еретиком, или сознательным врагом церкви и орудием дьявола, а только как с человеком во всех отношениях непригодным для патриаршей кафедры, и даже очень опасным по своим качествам и увлечениям для мира церкви. Поэтому он

восстает и ведет борьбу только лично против Никона, которого поскорее нужно лишить патриаршей кафедры и передать ее другому лицу, которое и переделает все, что неподобающего сделал Никон. Такой характер борьбы Неронова только против личности Никона, ясно выражен во всех его челобитных, письмах и посланиях, этот же характер борьбы сказался и в момент его примирения с Никоном.

4 января 1657 года, как мы видели, Неронов явился к Никону, когда тот шел в Успенский собор к литургии, с целью примирения с ним. Но дело примирения вел очень своеобразно, так, как будто он – Неронов был и обвинителем, и судьей Никона, который должен был и оправдаться пред ним и ответить на предъявленные к нему обвинения. Когда после литургии Неронов пришел в патриаршую крестовую, он говорил Никону: «что ты, святитель, приказал меня искать по всему российскому государству, и многих мене ради муками обложил и с детьми разлучил, и рыдати и плакати устроил, инии же в темницах и помроша, – иереи же и людины, – и что вина, ее же ради таково взыскание твориши о мне? – дары убо многи обещаеши обретшим мене, и чести и достоинства! и се аз есмь пред тобою: что хочещи творити о мне! Со вселенскими же патриархами несмь противен, якоже глаголиши ты, но тебе единому не покорялся». Никон промолчал. Тогда Неронов поднял тон: «Кая тебе честь, владыко святой, говорил он Никону, что всякому еси страшен и друг другу грозя глаголют: знаете ли кто ты? зверь ли лютый, лев, или медведь, или волк? И како отца детем непознавати! Дивлюся, – государевы царевы власти уже не слышать; от тебя всем страх и твои посланники паче царевых всем страшны, и кто же с ними смеет глаголати что, аще силою те озлобляеми теми. Затвержено у них: знаете ли патриарха! Не знаю, который образ или звание приял еси. Ваше убо святительское дело – Христово смирение подражати и Его, пречестного Владыки нашего, святую кротость». На эти резкие до крайности обличения Неронова патриарх ответил: «не могу, батюшко, терпеть». Тогда Неронов, с разрешения патриарха, продолжил свою обличительную речь: «Христос первее пострада по нас, нам оставль образ, да последуем

святным его стопам. И кто за тебя будет терпеть? Сего ради вы святители, что всех немощи носить, а не бити, ни мучити; что ради и глава наречешися, яко да добре снабдиши уды своя, и присно теми печешися, и о благих да промышлявши. Аще убо утроба ти болит, всяко не дерзнеши сих ради тоя разрезати и вон испустити, но о здравии тоя множае прилежиши: сице подобает и о врученном ти стаде от Бога предразсуждати, аще бо зриши тех и во мнози неисправлении пребывающих, не мучити тех подобает, но учити и наказовати, и кротце о здравии душ тех промышляти: вси бо суть ти, утроба ти есть, резати и отметати тебе тех не достоин, но исцелити сокрушенные и исправить. А уже не можешь терпеть, почто и великий сей святительский сан прия!"... «Добро было, святитель, подражати тебе кроткого нашего учителя Спаса Христа, а не гордостью и мучением сан держати. Смирен убо сердцем Христос, учитель наш; а ты добре сердит». И патриарх рече: «прости, старец Григорий, не могу терпеть». И Григорий рече: «Кто убо имать терпети, аще не видит образа от тебе? Множае ученик от дел учителя уверитися имать; всегда бо дети обычай и нравы отца боголюбива притяжут, и, еже видят того творяща, последуют ему. Зол нрав отчий, детям развратитися творит; не толико словом врачевати имать лутши слушающих, якоже делом... Тебе, кто каково слово ни молвит и о правде, и ты хочешь искоренить». И в последующее время, уже после примирения и снятия с Неронова соборного проклятия, между ним и Никоном происходили такие сцены: «Доколе тебе, святитель, говорил Неронов Никону, который арестовал было некоторых людей Неронова, мучить невинныя? аз zde, – еже хочещи, твори: людей Божиих страждущих разреши». Патриарх велел отпустить арестованных. Тогда Неронов говорил Никону: «Святитель, будет ли у тебя мучеником тем воздаяние, их же мучил еси туне?» И патриарх рек: «Изволи-де, старец, звати их с нами хлеба ясть». И старец ему рек: «Да где их, бедных, собрать? они ради, от тебя ушодчи!» Или, например, в самом Успенском соборе между Никоном и Нероновым происходили такие сцены: Никон за всенощной приказывает четверить аллилуию. Этим возмущается Неронов, который начинает говорить патриарху:

«До чего тебе, патриарх, домутить Росиею? С кем ты советовал, и какое свидетельство произносишь четверишь аллилуия? У нас, в Велицей Росии, преподобный Евфросин псковский много трудился, сниская о сих, и у вселенских патриарх был, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему тии, сице и той zde в Велицей Росии нам предложи. Бог же забвению труды его не преда, но знаменьями и чудесы прослави его, якоже и прочих великих святых». И патриарх рече: «Вор-де, б... с... Евфросин!» И Григорий рече: «Как таковая дерзость, и как хулу на святых вещаешь? – услышит Бог и смирит тя»¹⁵⁰.

Из приведенных речей Неронова, с какими он обращался к Никону во время и после примирения, с очевидностью следует, что Неронов в действительности примирялся вовсе не лично с Никоном, а с церковью. И ранее, восставая и борясь с Никоном, Неронов в то же время никогда не восставал против церкви, никогда не думал отделяться от нее ради Никона, никогда не допускал, чтобы ради неприемлемых церковных действий Никона русская церковь что-либо потеряла в своем православии. Поэтому он, несмотря на все проклятия Никона, всегда считал себя истинным и действительным членом церкви. Примиряясь с Никоном, он только хотел, чтобы с него снята была та соборная клятва, какую на него положил вселенский антиохийский патриарх Макарий, которому Никон неверно представил Неронова, как врага и порицателя вселенских восточных патриархов. Когда Никон, воссоединяя с церковью Неронова и снимая с него соборную клятву, спросил его: «Старец Григорий, приобщаеши ли ся святых, соборней и апостольской церкви?» то Неронов с негодованием ответил: «Не вем, яже глаголеши; аз убо никогда отлучен был от святыя соборныя и апостольския церкви, и собору на меня никакова не бывало, и прения моего, и раздору церковного, ни с кем нет. Прекословия же о святых Троице, или пресечения, или умаления есмь чужд; апостольских преданий несмь разоритель, но Отца и Сына и Святого Духа, в Троице единого Бога, исповедую и славлю, единосущна и нераздельна и несмешна. А что ты на меня клятву положил своею дерзостью, по страсти своей, гневаяся, что я тебе о той же святой, соборной и

апостольской церкви правду говорил: так ты и черниговского протопопа Михайла проклял дерзостно, и скуфью с него снял... И патриарх старцу Григорию ничтоже отвещав, точию, плача зело, начат разрешительные молитвы говорить. Также и Григорий плака довольно, донележе скончаны быта молитвы. И по разрешении причастися старец святей доре от патриарховы руки». Что примирение Неронова было примирением только с церковью, а не лично с Никоном, что и непосредственно по примирении, и всегда после, Неронов по-прежнему относился лично к Никону враждебно, по-прежнему желал и добивался его удаления с патриаршей кафедры, на это имеются неоспоримые данные. 12 января, значит, непосредственно после примирения, государь и патриарх были у всенощной у Спаса вверху, здесь же был и Григорий. Государь, увидев его, подошел к нему и сказал: «не удаляйся от нас, старец Григорий». И старец ко царю рече: «доколе, государь, тебе терпеть такову Божию врагу (т. е. Никона)? Смутил всею рускою землею и твою царскую честь пограл, и уже твоей власти не слышать, – от него врага всем страх!» И государь, яко устыдевся, скоро от старца отъиде, ничто же ему рече». Спустя два года после оставления Никоном патриаршей кафедры, когда он уже не управлял русской церковью и лично для Неронова был совершенно безопасным человеком, Неронов все-таки хлопочет пред царем, чтобы он поспешил избрать на место Никона нового патриарха: человека кроткого, смиренного, рассудительного, добродетельного по жизни, «со всеми христолюбцы (с Нероновым, конечно, и его друзьями) единомудренного». И когда царь медлил исполнить совет Неронова и даже решил передать дело о Никоне на новый собор, на котором присутствовали бы и восточные патриархи, Неронов подает вторую челобитную царю (1664 – 1665 г.), в которой опять настаивает, чтобы государь, только собором одних русских иерархов, немедленно избрал на место Никона нового патриарха, причем о самом Никоне он по-прежнему говорит враждебно и резко. «Сице ли обругавшего (т. е. Никона) святительский престол, человека вне ума суца, еще щадиши, и о сем ли еще сомнишися?» – пишет он государю. «В толикое неистовство пришед (Никон), что по отречении паки

архиерейская действует и рукополагает и истинных архиереев и мнихов проклиная!» «Престану, христолюбивый царю, ревнителя благочестия истинные свидетельства воспоминати, ихже изряднейше сам веси, о суетном оном (т. е. Никоне), не реку человеку, но звере». «И почто ты, христолюбивый царю, сомнишися, или мниши, яко утаилось во всех странах блуждение Никоново, всей державе царствия твоего крайнее бесчестие приносящее, и от Бога праведный гнев приводящее, и многих бед и скорбей все благочестивое ти царство исполняющее! Нужно, христолюбивый царю, собору быти о прелестном его мудровании и о исправлении церковном, а не о нем самом: он убо самоосужден и правильне и праведне всея области собором отставлен, яко ругатель царствующего града престолу»¹⁵¹.

Очевидно, Неронов, примиряясь с Никоном, в действительности примирялся не с ним, а только с церковью, к самому же Никону он до самой своей смерти относился по-прежнему враждебно, а ко всей его патриаршей деятельности – отрицательно; и хотя потом, на соборе 1667 года, он и принял новоисправленные книги, но принял потому, что они были одобрены вселенскими восточными патриархами, авторитет которых ручался ему, что ими можно пользоваться без вреда для благочестия и спасения.

В деле примирения Неронова с Никоном особого внимания заслуживает поведение Никона, который проявил здесь такую необычную для него сдержанность, снисходительность, терпимость и даже мягкость к своему задорному и неуступчивому противнику, которого он ранее беспощадно преследовал. Очевидно, были какие-то очень серьезные причины, которые побуждали Никона действовать таким совершенно необычным для него образом. Нам представляется дело в таком виде. Уже несколько лет прошло, как Никон вел неустанную борьбу с враждебными ему членами прежнего кружка ревнителей благочестия, думая в конце уничтожить их и тем сломить всякую оппозицию своим церковным реформам. Все средства, какие только были в руках всемогущего патриарха, он употребил на борьбу со своими противниками: отдаленные ссылки, заточения, лишение сана, соборные

осуждения и проклятия, – все это было пущено в ход, все это было испытано и все это, оказалось, ни к чему не повело, не достигало своей цели. Разгромленный, казалось, кружок ревнителей по-прежнему стоял против него полный сил и энергии, по-прежнему не он, Никон, а ревнители пользовались повсюду расположением и симпатиями. Никон гонит и всячески преследует их, но они повсюду находят себе сочувствие, друзей, последователей, их везде охотно и с почетом принимают, дают им, несмотря на грозные предписания патриарха, полную свободу видаться, сноситься с друзьями в самых местах заточения; в случае бегства, им помогают, дают надежный приют, укрывают от поисков патриарших сыщиков и даже сами идут в тюрьму, лишь бы только скрыть гонимых от патриарха и, что особенно замечательно, даже сам царь принимает в этом участие против своего «собинного» друга. Очевидно, кружок ревнителей обладал такой силой, для борьбы с которой ссылок, заточений и анафем было недостаточно, так как все эти усиленные репрессивные меры не только не умаляли и не ослабляли значения кружка, а наоборот: еще более усиливали его, повсюду завоевывали ему народные симпатии, окружали его членов ореолом мученичества, страдальцев за правду, за старое всеми чтимое русское благочестие, а Никону во всех слоях народонаселения создавали врагов. Как человек очень умный, Никон в конце должен был признать, что бороться с ревнителями одними внешними репрессивными мерами невозможно, и он тактично пошел было на уступки. На этот же путь толкали его и другие обстоятельства. В конце патриаршества у Никона заметно спадает его прежний реформаторский пыл и увлечение своей реформаторской деятельностью; у него вырабатывается более трезвый и правильный взгляд на свои собственные реформы, и он постепенно приходит к убеждению, что и старые русские церковные обычаи и особенности сами по себе совершенно безвредны и безразличны в делах веры и благочестия, и, как такие, допустимы в церковной практике, и потому из-за них, как его уже учили из Константинополя, рабу господню не подобает свариться, а следует относиться к ним терпимо и

снисходительно. Это Никон открыто и признал, заявив Неронову, что старые и новые служебники одинаково добры, что можно служить по тем и другим. Самое положение Никона во время примирения его с Нероновым во многом уже было не то, что ранее. Он не имел более поддержки в лице царского духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который умер, и недаром, конечно, Никон ездил на могилу Стефана и там много плакал. В это время в Москве уже не было и антиохийского патриарха Макария, который подкреплял Никона своими советами, выдвигал, где нужно и в интересах Никона, свой авторитет вселенского патриарха, так что Никон теперь почувствовал себя совсем одиноким пред своими многочисленными и неуступчивыми врагами, силы которых все более возрастали и крепили, тогда как к нему все относились только враждебно. Своим гордым, надменным обращением с сановитыми боярами, Никон вооружил против себя бояр: своим патриаршим деспотизмом – всех архиереев; своими строгостями и суровыми, доходившими до жестокости, расправами – все духовенство; своими грекофильскими реформами – всех сторонников родной старины; борьбой против икон франкского письма и против предметов западной культуры, начинавших тогда появляться в обстановке жизни некоторых знатных и богатых лиц, – всех тогдашних западников; – словом он вооружил против себя решительно всех и нигде не имел для себя прочной опоры. Даже греки, по советам и указаниям которых он производил свои церковные реформы, скоро изменили ему и перешли на сторону его врагов. Оставался один царь, который создал Никона патриарха, церковного реформатора и великого государя, и без которого сам по себе Никон ничего бы не значил и не мог бы сделать ни одного реформаторского шага, – расположение царя значило для Никона всё, и он мог бороться со всеми и против всех, лишь бы только царь неизменно оказывал ему, как и прежде, свое полное благоволение и доверие. Но и отношение царя к Никону за последнее время значительно изменилось. Это как нельзя более ясно сказалось в деле Неронова. Последний, с согласия и одобрения царя, но тайно от Никона, был пострижен

в монахи, и в то время как Никон всюду разыскивал Неронова, тот спокойно целые сорок дней проживал у царского духовника протопопа Стефана Вонифатьевича, о чем хорошо знал царь, но ничего об этом не сказал Никону и не выдал ему Неронова. Но этого мало. Царь послал в Холмогоры указ освободить из тюрьмы двух работников Неронова, которые были пойманы агентами Никона и посажены в тюрьму. Из этого случая Никон увидел, что царь относится к нему, его «собинному другу», уже далеко не так, как прежде, что он, хотя и не явно, покровительствует его врагу Неронову, и не одобряет дальнейших его преследований Никоном. При таких-то обстоятельствах Никон и пошел на примирение с Нероновым, несмотря на всю заносчивость и даже грубость последнего: он хотел этим доставить удовольствие царю, который всегда был за такое примирение. Но улучшить этим свои отношения к царю Никону не удалось.

Глава 8. Протопоп Аввакум как противник церковной реформы патриарха Никона

Первоначальная деятельность Аввакума как священника в Лопатицах и протопопа в Юрьевце Повольском. Положение Аввакума в Москве после бегства из Юрьевца. Ссылка его в Сибирь, его сибирская жизнь и возвращение в Москву. Протопоп Аввакум как великий угодник Божий, как прославленный святой и чудотворец. Попытка государя, вызвавшего Аввакума из Сибири в Москву, примирить его с новым порядком церковных дел. Неудача этих попыток. Окончательный отказ государя, ввиду упрямства Аввакума, от всяких дальнейших сношений с ним. Встречное стремление со стороны Аввакума отвлечь царя от церковной реформы Никона и его старание возвратить государя к старым дониконовским церковным порядкам. Неудача этих стараний Аввакума и перемена в характере его отношений к царю. Отношение Аввакума к тогдашней русской церкви, к Никону, к русским иерархам и к никонианам вообще, как выражение его крайней ненависти к своим церковным противникам. Религиозная нетерпимость Аввакума. Его отрицательное отношение к науке и образованию. Несовпадение у Аввакума между его внешним подвигом и внутренним содержанием этого подвига.

Аввакум принадлежал к кружку ревнителей благочестия и сначала не был особенно видным и заметным его членом. Он находился под водительством и руководством главных вождей кружка – Стефана Вонифатьевича и Иоанна Неронова, к которым, несмотря на изменившиеся потом обстоятельства, до самой своей смерти, сохранил самую искреннюю любовь и уважение. Сделавшись священником села Лопатищи (Макарьевского уезда, Нижегородской губернии) еще очень молодым человеком – всего двадцати одного года, Аввакум сразу заявил себя ревнителем благочестия: строго – истово, с соблюдением всех требований устава, совершал церковные службы, читал народу положенные поучения, восставал против безнравственности, пороков, непристойных развлечений своих

пасомых, обличал неправды и злоупотребления начальствующих лиц, и в то же время, в своей частной личной жизни, проявлял строгость и суровость к самому себе, свойственную аскету. Как и большинство других ревнителей, Аввакум занимался лечением и особенно удачно исцелял бесноватых. Нужно заметить, что в то время не было докторов, и народ, со своими болезнями, был предоставлен самому себе. Он готов был искать помощи решительно у всякого, кто только брался оказать ему – совершенно беспомощному, какую-либо помощь. Отсюда, конечно, как ответ на народную, настоящую нужду, у нас сильно развилось так называемое знахарство, которое стремилось, как могло и умело удовлетворить насущной народной потребности в лечении. Естественным было, что те духовные лица, которые отличались некоторой начитанностью и большими, относительно, сведениями, которые искренно заботились о своей пастве, становились не только целителями ее душ, но и телес, т. е. в некотором отношении делались народными докторами, к которым народ обращался с своими болезнями, особенно проявлявшимися на почве нервного расстройства. Этого рода болезни, как кликушество, разные формы беснования, считались тогда проявлением действия бесовской силы, поселившейся в больном. Заботливые духовные изгоняли эту нечистую силу из больных с помощью молитвы, окропления святой водой, помазания освященным маслом, каждения ладаном и постом. Таким лечением занимались: Неронов, Никон, Иларион, впоследствии архиепископ рязанский, и другие тогдашние видные общественные деятели из духовных. Аввакум тоже принадлежал к числу их и сам себя считал особенно сильным в этой специальности: бесы легко подчинялись его воздействию и не могли ему противиться. Слава его, как целителя, шла за ним повсюду, везде собирая около него больных¹⁵². За свои резкие обличения, за свое настойчивое, ни перед чем не останавливающееся стремление заставить весь приход жить так, как хотел этого ревностный по благочестию молодой, а в то же время крайне суровый, неуступчивый и слишком рьяный священник, Аввакум был

изгнан из Лопатищи и направился в Москву, где познакомился со Стефаном Вонифатьевичем и Нероновым, которые по достоинству оценили великую ревность по благочестию молодого священника и оказали ему поддержку. Стефан Вонифатьевич «благословил его образом Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди». Но Аввакум никак не мог ужиться с своими прихожанами, которые так озлобились на его обличения, на его деспотическое стремление во что бы то ни стало перестроить весь прежний порядок жизни по своему, что он, наконец, принужден был совсем выехать из села и снова направился в Москву. Тогда Стефан Вонифатьевич, поощряя его в ревностном служении благочестию, сделал его протопопом в Юрьевце Повольском. Но и здесь он прожил не более восьми недель. Возмущенные его обличениями, его суровой расправой с местным духовенством, которое было подчинено ему, как протопопу, его нетактичным, назойливым вмешательством в их частную жизнь, жители города, собравшись более чем тысячной толпой, сильно избили ревнителя и даже совсем хотели убить его. Сам Аввакум об этом прискорбном случае рассказывает следующее: «диавол научил попов и мужиков и баб, – пришли к патриархову приказу, где я дела духовные делал, и, вытаща меня, из приказа собранием, – человек с тысящу или с полторы их было, – среди улицы били батажьем и топтали; а бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертво убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежал, и, ухватя меня, на лошади умчали меня в мой дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: убить вора, бл...а сына, да и тело собакам в ров кинем! Аз же, отдохня, в третий день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам – третей ушел к Москве». Здесь он явился к Стефану Вонифатьевичу, но тот, рассказывает Аввакум, «на меня учинился печален: на что-де церковь соборную покинул? Опять мне горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на что де город покинул?» Но Аввакум, однако, уже не возвращался более в Юрьевец, а

остался жить в Москве. Он, как безместный протопоп, пристроился здесь, благодаря Неронову, к Казанскому собору, где и заменял Неронова, когда тот отсутствовал, в служении, а также читал народу поучения. Члены причта Казанского собора не признавали Аввакума равноправным им членом собора, а только временным заместителем Неронова, так что, и живя в Москве, Аввакум титуловался юрьевским протопопом. Когда Неронов был сослан, причт Казанского собора не допускал Аввакума служить в своем соборе, когда он захочет, чем Аввакум был очень обижен и перенес свое служение из собора сначала в одну приходскую церковь, а потом в сушило, бывшее при доме Неронова. Очевидно, тогдашнее положение Аввакума в Москве было очень неопределенно и не из видных, – он был только провинциальный, безместный протопоп, сравнительно еще молодой и большинству совсем неизвестный. Последнее обстоятельство Аввакум решился поправить, завязав знакомства с знатными и богатыми домами. Через Стефана он делается известен самому царю и всей царской семье, чрез него же и, вероятно, чрез Неронова, он хорошо познакомился с Ртищевым и с другими знатными, богатыми и влиятельными вельможами и их семьями, и сделался вхож в их дома. По этому поводу он сам откровенно говорит о себе: «любил протопоп со славными знаться». Аввакум переселился в Москву только в 1651 году, т. е. незадолго до смерти патриарха Иосифа и, понятно, уже по самой краткости времени своего пребывания в Москве, до вступления на патриарший престол Никона, не мог быть особенно заметной и влиятельной фигурой в среде московского кружка ревнителей благочестия, тем более что тогда такие видные лица, как Стефан и Неронов, совсем заслоняли его собой. К тому же, из рассказа самого Аввакума, мы знаем, что оставление им Юрьевца и неожиданное его появление в Москве, было неприятно и царю и Стефану Вонифатьевичу. Очевидно, при указанных условиях, Аввакум мог выступать в московском кружке ревнителей только во второстепенных ролях, как верный, преданный подручник и ученик Стефана и Неронова, действующий во всем по их указаниям. Так смотрел на свое тогдашнее положение в Москве

и сам Аввакум, и так он тогда действовал. После смерти Иосифа, он, наравне с другими, участвует в выборе нового патриарха, но в этом случае, он только идет за другими. Захотели эти другие бить челом государю, чтобы в патриархи был избран Стефан Вонифатьевич, – с ними соглашается и Аввакум. Когда Стефан отклонил свою кандидатуру в патриархи и указал ревнителям на Никона, те подали челобитную царю о Никоне, и Аввакум беспрекословно подписался и под этой челобитной, тем более что он, как человек новый в Москве, вероятно тогда совсем не знал Никона, как хорошо не знал его и тогда, когда тот сделался патриархом, ибо при Никоне патриархе Аввакум жил в Москве вдали от патриарха и только год с небольшим, а потом был отправлен в ссылку – в Сибирь и никогда Никона уже более не видал. Правда, Аввакум впоследствии уверял своих последователей, что он будто бы хорошо знал Никона еще на своей родине, которая была только в пятнадцати верстах от родины Никона, и что он хорошо высмотрел и изучил его, когда жил в Москве. «Я, говорит он, ведь тут (т. е. Москве) тогда был, все ведаю... Я его (Никона) высмотрел сукинова сына до мору тово еще, – великий обманщик, бл... сын!» Но на самом деле Аввакумовский Никон, совершенно не тот, тем был Никон в исторической действительности, о чем скажем ниже.

Настоящая репутация и громкая слава Аввакума, как стойкого и горячего поборника за старое русское благочестие, за старые дониконовские русские церковные книги, за всю русскую святую старину, впервые создалась и твердо упрочилась только в Сибири, куда он был сослан Никоном. Десять лет Аввакум пробыл в Сибири с своей женой и малолетними детьми, и терпел здесь самые жестокие, почти невероятные лишения: холод, голод, все невзгоды сурового климата, переходы в сотни верст по пустынным, совершенно бездорожным и почти непроходимым местам, причем ему и жене, голодным и холодным, нередко приходилось брести пешком до полного истощения, до потери всех сил. В то же время ему приходилось терпеть всевозможные притеснения, издевательства, побои и истязания со стороны начальника отряда, – жестокого, часто

совсем бесчеловечного, несправедливого и своекорыстного Пашкова, который при всяком удобном и неудобном случае постоянно мучил протопопа, не хотевшего, впрочем, никогда и ни в чем уступить своему мучителю, но всегда резко и неукоснительно обличавшего его за его неправды и жестокость. Не раз Аввакуму прямо в глаза смотрела сама смерть, но он с удивительным терпением и выносливостью все переносил, и остался не только жив, но и здоров.

Сам Аввакум описывает свои сибирские подвиги и злострадания в живых, ярких картинах, и эти его описания и сейчас читаются с захватывающим интересом. «Егда приехали на Шаманьской порог, рассказывает например Аввакум, на встречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы, – одна лет в 60-т, а другая и больши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: по правилам не подобает таких замуж давать! И чем бы ему послушав меня, и вдов отпустить: а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи! О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимые; утес каменный, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову! В горах тех обретаются змии великия, в них же витают гуси и птицы, – перие красное, вороны черные и галки серые; в тех же горах орлы и соколы, и кречаты, и курята индейския, и бабы, и лебеди, и иные дикие, – многое множество, – птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие, – воочию нашею; а взять нельзя! На те горы выбивать меня Пашков стал, со зверьми, и со змиями и со птицами витать И аз ему малое писанейце написал. Сице начало: человече! убойся Бога, сидящего на херувимех и призирающа в бездны, Его же трепещут небесные силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь, – и прочая там многоныко писано. И послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, – версты три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их: и они, бедные, и едят и дрожат, а иные плачут,

глядя на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели пред него: он со шпагою стоит и дрожит. Начал мне говорить: поп ли, или распоп? И аз отвечал: аз есмь Аввакум протопоп; говори, что тебе дело до меня? Он же рыкнул, яко дивий зверь, и дарил меня по щеке, та же по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачаго по спине ударил трижды и, разволокши, по той же спине (дал) семдесят два удара кнутом. А я говорю: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне! Да тоже беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорил. Да посреди побой вскричал я к нему: полно бить – того! Так он велел перестать. И я промолвил ему: за что ты меня бьешь? ведаешь-ли? И он велел паки бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги, и на беть (поперечная скрепа барок) кинули. Осень была: дождь на меня шел всю ночь, под капелию лежал». И далее Аввакум рассказывает: «привезли в Брацкой острог, и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья! Что собачка в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было: я их скуфьей бил, – и батошка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много». Или, например, Аввакум рассказывает: «доехали до Иргеня озера: волок тут, – стали зимою волочитца. Моих работников отнял (Пашков); а иным у меня нанятца не велит. А дети маленькие были; едаков много, а работать некому: один бедной горемыка – протопоп. Нарту сделал и зиму всю волочился за волок. Весною на плотях по Ингоде реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хормной и городской. Стало нечего есть: люди начали с голоду мереть и от работные водяные бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, – огонь да встряска, – люди голодные лишю станут мучить – ано и умрет! Ох времени тому!.. По степям скитающиеся и по полям, траву и корение копали, – а мы с ними же; а зимою сосну; а иное кобылятины Бог даст, и кости

находили от волков пораженных зверей, – и что волк не доест, то мы доедим. А иные и самих озяблых ели волков и лисиц, и что получит, – всякую скверну... Ох времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех. А с прочими, скитающиеся по горам и по острому камению, наги и босы, травую и корением перебивающиеся, кое как мучились. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясом. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачу бедную душу свою, юже зле погубил житейскими сладостями (?)"... «С Нерчи реки паки назад возвратились к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки: а сам и протопица брели пеши, убивающиеся о лед. Страна варварская; иноземцы немирные: отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми итти не поспеем голодные и томные люди. Протопица бедная бредет – бредет, да и повалится – сколько гораздо! В иную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился: оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: матушка – государыня прости! А протопица кричит: что ты, батька, меня задавил! Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: долго ли муки сея, протопоп, будет? И я говорю: Марковна, до самой смерти! – Она же, вздохня, отвечала: добро, Петрович, ино еще побредем»¹⁵³.

При таких исключительных и, по-видимому, самых невозможных условиях своей сибирской жизни, Аввакум однако, где бы он ни был, в каком бы положении не находился, всегда и всюду оставался верен себе, – строго соблюдал раз им усвоенные правила благочестия, и всячески старался ежедневно выполнять их. Он рассказывает: «идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю: а сам и правило в те поры говорю, и вечерню, и заутреню, или часы, – что прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне товарищи, – правила моего не любят, а, идучи, мне нельзя было исполнить: и я, отступя людей под гору, или в лес, коротенько сделаю, – побьюсь головой о землю, а иное и заплачется, – да так и обедаю. А буде же по мне люди: и я на сошке складенки

поставя, правилца поговорю, – иные со мной молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, – в воскресные дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовые дни в санях едучи пою: а бывало и в воскресные дни едучи пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя и немношко, а таки поворчу»¹⁵⁴. В то же самое время Аввакум всегда и всем неустанно проповедовал о гибели православия на Руси вследствие церковной реформы Никона, о необходимости всем истинно-верующим стать за родную святую старину, ни под каким видом не принимать никонианских новшеств, а во всем твердо и неуклонно держаться старого благочестия, если потребуется, то и пострадать за него, так как только оно одно может вести человека ко спасению, тогда как новое – никонианское ведет к неминуемой вечной гибели. Эта проповедь святого страдальца и мученика за правую веру и истинное благочестие, везде имела успех, везде Аввакум находил себе многочисленных учеников и последователей, которые всюду разносили молву о великом страдальце и крепком поборнике истинного благочестия. Так было даже с семьей его мучителя Пашкова. Если сам Пашков не терпел Аввакума, всячески гнал и преследовал его, за то жена Пашкова, его взрослый сын и жена последнего были всецело на стороне Аввакума, считали его за человека святой жизни, за невинного страдальца, за угодника пред Богом и, в трудных обстоятельствах, прибегали к его молитвенной и чудодейственной помощи, и старались, тайно от самого Пашкова, материально помогать ему и его семье, особенно в голодное время. По сознанию самого Аввакума, эта их помощь для него и его семьи имела очень большое значение.

Когда чрез одиннадцать лет ссылки, Аввакум был возвращен в Москву, то он явился сюда уже окруженный ореолом страдальца и мученика, с прочно установившейся репутацией мощного, непоколебимого борца за поруганную и извращенную Никоном правую веру, за старое истинное русское благочестие. Стефана Вонифатьевича давно не было в живых, Неронов, теперь старец Григорий, ранее признанный глава всех недовольных реформой Никона, примирился с церковью, и даже его борьба лично с Никоном потеряла всякое значение,

так как Никон оставил патриаршую кафедру и более не имел отношения к церковному управлению. Значит, у противников церковной реформы Никона тогда не было главы и всеми признанного общего руководителя, а, следовательно, в их действиях не могло быть строгого единства, определенного плана, а вместе и той энергии, какую развивает масса, когда ею управляет определенное, авторитетное в ее глазах лицо, руководящее всеми ее действиями, и направляющее их к одной определенной цели. В лице прибывшего в Москву Аввакума, противники церковной реформы Никона, получили теперь нового главу и руководителя, который своей десятилетней ссылкой в Сибирь, всей тамошней жизнью и деятельностью блестяще доказал свою безусловную, непоколебимую преданность родной святой старине, всегдашнюю стойкость в раз усвоенных воззрениях, свою редкую, прямо исключительную способность постоять за них при всяких обстоятельствах и положениях, и свою решительную неспособность идти с противниками на какие бы то ни было компромиссы. Став во главе противников церковной реформы Никона, Аввакум повел борьбу смело, энергично и решительно, без всяких колебаний и малейших уступок, и собственно им – Аввакумом – и создан церковный раскол. В чем же заключалась сила этого человека, которая дала ему возможность бодро и стойко перенести столько страданий и всевозможных лишений, а потом закончить свою долгую страдальческую жизнь мужественной смертью на костре?

Говоря о Неронове, мы заметили, что все вообще члены кружка ревнителей благочестия, ставшие противниками церковной реформы Никона, отличаются, между прочим, одной очень характерной чертой: они обладали, по их искреннему, глубокому убеждению, разнообразными сверхъестественными силами и дарами, почему – чудо, разные небесные знамения и видения, были в их жизни очень нередки. И это понятно. Воспитанные на житиях святых, на постоянном чтении рассказов разных сборников о чудесном, сверхъестественном, о всевозможных знамениях и видениях свыше, они, уже по одному этому, получали постоянную прочную настроенность

весь мир с его явлениями представлять в особом свете, рассматривать в нем все под особым углом зрения, и в самых, по-видимому, обычных явлениях, видеть то, что для других совсем было не видно, что от других было сокрыто, а им, глубже и духовнее проникавшим в явления, было открыто и очевидно. У таких людей естественно и почти необходимо создавалась чуткая готовность всюду – и видеть и воспринимать все чудесное, сверхъестественное, или, что тоже: во всем видеть чудо, знамение, указание свыше. К этому присоединялись особые, исключительные обстоятельства их жизни, особенно после того, как они решились отважно бороться с всемогущим и очень суровым Никоном: они находились в постоянном крайне возбужденном нервном состоянии, их всегдашние помыслы, думы, вся их духовно-нравственная жизнь, доведенная до высшего напряжения, сосредоточены были на одной неотступной идее: всячески и всеми средствами, не щадя живота своего, жертвуя собою и всем своим личным, бороться за настоящее, истинное благочестие, за правую веру, разрушаемые реформами Никона. Они терпели всякие гонения, унижения, лишения, истязания, ссылки и заточения за свои излюбленные убеждения; они постоянно прибегали к усиленному посту, молитве, продолжительным бдениям, чтобы сильнее укрепить себя на подвиг, измождать свое тело и, вместе, закалить свой дух для решительной борьбы. Понятно, что на такой почве легко было появиться у них тем чудесам, знамениям и видениям, о которых они так часто и охотно рассказывают. Да чудо, знамения, видения были для них и решительно необходимы, при выполнении поставленной ими себе задачи, без них они совсем не могли обойтись, без них они никак бы не могли вести той энергичной, непрерывной, упорной борьбы, какую они вели с реформой Никона. Мерки, критерия, – что право и что неправо, – они не могли находить в изучении, в научном строго обоснованном знании, так как они не были люди науки, а только простые самоучки – начетчики, у которых научное, критически проверенное знание заменялось вековой традицией, полным доверием к вычитанному из имевшихся у них известного только рода книг, крепкою верою в святую

родную старину, которая оправдала себя исторически, а потому не нуждается ни в какой другой проверке, а тем более в переделках и исправлениях. Но когда эта уверенность в святости и непогрешимости родной старины, под влиянием реформы Никона, в умах очень многих была поколеблена, тогда, при неимении других средств порешить вопрос: кто же в самом деле прав – Никон или своя родная старина? Им естественно оставалось прибегнуть к единственно понятному им, и в их глазах самому верному и самому убедительному и для всех других, средству: к откровению свыше, знамению, чуду. И вот необходимо у них являются рассказы о бывших в их среде чудесах, знамениях и видениях, как более верных и надежных показателей божественной истины, чем сомнительная, школьная, человеческая мудрость их противников, так как чудеса, знамения и видения Господь посылает только тем, кто истинно и право во всем верует, кто добродетельно и свято проводит свою жизнь, а не тем, кто кичится своим школьным знанием и своей человеческой и потому заблуждающейся наукой. Именно чудеса и знамения, а не какие-нибудь человеческие домыслы и мудрования давали им непоколебимую уверенность, что истина на их стороне, что они ратуют и страждут за правое святое и великое дело, что они идут настоящим, верным путем, который, если здесь и ведет к страданию и мученичеству, зато там – к бесконечной славе и блаженству. В силу этого они шли на борьбу, на лишения, страдания и самую смерть смело, решительно, без всяких колебаний и сомнений, с полной глубокой уверенностью, что на великое святое дело борьбы с реформой Никона они призваны самим Господом, что сам Господь подкрепляет и всегда подкрепит их в неравной и тяжелой борьбе, и если не здесь, то там вознаградит их за все их земные страдания и лишения. Если на них в немногие, особенно тяжелые минуты, и нападали иногда какие-либо сомнения и колебания, то знамения и видения, ниспосылаемые свыше, снова подкрепляли и вразумляли их, и они с новой энергией и силой продолжали борьбу. Борьба с такими необычными лицами, обычными мерами правительственной власти: ссылками, заточениями,

разными лишениями, истязаниями и казнями, естественно, совсем не достигала цели, а только делала их сопротивление еще упорнее и настойчивее, самих их еще более сильными и влиятельными в глазах их учеников и последователей, которые видели в них святых страдальцев и мучеников.

Особенно обычны, и даже заурядны чудеса, знамения, видения и другие сверхъестественные явления, были в жизни протопопы Аввакума, которому, в этом отношении, среди других борцов с реформой Никона, неоспоримо принадлежит первое место.

Такого великого чудотворца и угодника Божия, каким был протопоп Аввакум, если судить об этом по его собственным рассказам и уверениям, еще никогда не бывало, да, конечно, никогда и не будет на святой Руси. Сам протопоп искренно и глубоко был убежден в своей несомненной святости и угодности пред Богом, что он призван самим Господом с тем, чтобы своим учением, своими чудесами, посылаемыми ему свыше знамениями и видениями, твердо и неустанно отстаивать ту божественную правду, то истинное благочестие, которые были нарушены на Руси реформой Никона. В сознании своей несомненной великой угодности пред Богом, протопоп сам, очень решительно и определенно, заранее намечает, к лику каких именно святых должен причислить его Господь, если он – Аввакум умрет такой или иной смертью. «Аще меня задушат, обращается Аввакум с прошением к Господу, причти мя с митрополитом Филиппом московским; аще ли зарежут, и Ты, Господи, причти мя с Захариєю пророком; аще ли посадят в воду, и Ты, Владыко, яко и Стефана пермского, паки свободиши мя»¹⁵⁵. Протопоп Аввакум даже прекрасно знал, что там – в царствии небесном, ему уже давно приготовлена Господом одна из лучших палат, которая постоянно ждет его. Исцеленная им одна бесноватая, рассказывает сам Аввакум, – в назидание и поучение своим последователям, – поведала ему, что будто бы два ангела, когда бесноватая без памяти лежала на лавке, взяли ее «и повели зело тесным путем. На левой стороне слышала плач с рыданием и гласы умильны. Та же привели меня в светлое место; жилища и палаты стоят, и едина палата

всех больше и паче всех сияет красно. Ввели де меня в нея, а в ней де стоят столы, а на них послано бело. И блюда с брашными стоят; поконец де стола древо многоветвенно повеваает и гораздо красно, а в нем гласы птичьи и умильны зело, – не могу ныне про них сказать. Потом де меня вывели из нея. Идучи, спрашивают: знаешь-ли, чья палата сия? А я де отвечаю: не знаю; пустите меня в нея. И они мне отвечали сопротив: отца твоего Аввакума палата сия. Слушай ево, – так де и ты будет с ним. Крестися, слагая персты так, и кланяйся Богу, как он тебе наказывает. А не станет слушать, так будет в давешнем месте, где слышала плакание то. Скажи же отцу твоему. Мы не беси, мы ангели; смотри у нас папарты. И я-де, батюшко, смотрела: бело у ушей тех их»¹⁵⁶. При такой редкой убежденности и уверенности, протопоп Аввакум, конечно, совсем не боялся никакой казни, никакой смерти, так как она прямо и несомненно вела его в ту большую палату, «которая паче всех сияет красно». «На что лучше сего? – говорит он, – с мученики в чин, со апостолы в полк, со святители в лик, победный венец, сообщник Христу, святей Троицы престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всеми бесплотными, с предивными роды вчинен! А во огне-то здесь небольшое время потерпеть, – аки оком мгнуть, так душа и выступит!»¹⁵⁷. Действительно, прямой и самый простой практический расчет побуждал Аввакума не бояться казни, а смело и безбоязненно идти на костер, – этим минутным страданием он, при его представлении о безусловной, высокой ценности своего подвига, не терял ничего, а выигрывал все.

Насколько был свят Аввакум и насколько, еще при жизни, он был уже великим угодником Божиим, это видно из тех многочисленных знамений, чудес и откровений, какие в своей жизни получал и совершал Аввакум. В самом деле: каких только чудес не творил Аввакум, каких только знамений и очевидных оказательств великой его святости не удостоивался он получить от Господа Бога. Сотворить во всякое время и при всяких обстоятельствах чудо, лишь бы только под руками были: епитрахиль, масло, вода, кадило и старопечатный требник, для Аввакума буквально ничего не стоило. Он своей молитвой,

святой водой, освященным маслом и каждением исцеляет всевозможных больных, но особенно легко и часто изгоняет бесов, и сам всегда успешно справляется с ними, когда они отваживаются нападать и на него самого, в редкие, впрочем, в его жизни минуты малодушия, или какого-нибудь неожиданного преткновения¹⁵⁸. И не только людей, но и больных кур исцеляет протопоп, за что одна черная курочка и несет ему потом каждый день по два яичка. Как великий угодник Божий, он, еще находясь на земле, однако, уже являлся многим в сонном видении и спасал их от беды. Так, он явился во сне заблудившемуся сыну Пашкова, благословил его и указал ему дорогу, благодаря чему тот спасся от неминуемой смерти. Когда он находился в боровском Пафнутьеве монастыре и тамошний келарь Никодим его обидел, то Господь Бог поразил обидчика тяжелой болезнью, но ему в видении предстал Аввакум «в ризах светло блестящих и зело красных» и исцелил его от болезни, после чего келарь поведал об этом Аввакуму, который потребовал от него, чтобы он, «хотя бы и в тайне, старое благочестие держал». – Один бесноватый, исцелением которого ранее занимался Аввакум, раз явился к нему и поведал: «спаси Бог, батюшко, за милость твою, что пожаловал, – помиловал меня. Бежал де я по пустыне третьего дня, а ты де мне явился и благословил крестом: беси де и бежали от меня». Приводя этот рассказ о себе, Аввакум скромно замечает: «аз же, окаянный, поплакал, глядя на него, и возрадовался о величии Бога моего, понеже о всех печется и промышляет Господь, – его исцелил, а меня возвеселил. Простите меня, старец, с рабом тем Христовым: вы меня понудисте сие говорит». И по поводу вышеприведенного рассказа об исцелении пафнутьевского келаря Аввакум рассчитано-наивно замечает: «добрых дел (у меня) нет: а прославил Бог. То ведает он – воля Его»¹⁵⁹.

Насколько необыкновенным человеком был Аввакум, это видно, между прочим, и из того, что он был самовидцем и разных спиритических явлений, когда, как известно, неодушевленные предметы самопроизвольно двигаются, переменяют место, летают по воздуху, как это бывает теперь, на современных нам спиритических сеансах. Аввакум

рассказывает, что еще в Лопатицах, когда он только что «к подвигу касаться стал», и уже «бес меня пуживал». Однажды у него серьезно захворала жена и к нему приехал соседний священник, чтобы ее исповедовать. Дело было ночью и Аввакум пошел в церковь за требником. «Егда на паперть пришел, рассказывает он, столик до того стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик, и, пришед, поставил его, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробе стоял, и бесовским действием верхняя раскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же Богу помолясь, осенил рукою мертвеца и бысть по-прежнему все. Егда же в олтарь вошел – ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помолясь и поцеловав престол, рукою ризы благословил, и пощупал приступая, а они по-старому висят. Потом, книгу взяв, из церкви пошел. Таково то ухищрение бесовское к нам»! Про другой случай, которого он был тоже очевидцем, Аввакум рассказывал в челобитной государю, поданной им по возвращении из Даур: «ныне летом, в Преображеньев день, чудо преславно и ужасу достойно в Тоболске показал Бог: в соборной болшой церкви служил литургию ключарь церкви Иван Михайлов сын с протодьяконом Мефодием, и когда возгласиша: двери двери премудростию вонмем, тогда у священника со главы взялся воздух и повергло на землю; и егда исповедание веры начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агньцем на все четыре поставления поступала, и до возглашения победные песни; и егда присне время протодьякону к дискоу притыкати, приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто. А служба у них в церкви, поясняет Аввакум, по новым служебникам по приказу архиепископскому».¹⁶⁰ Вполне естественно было, что Господь имел особое попечение о своем великом угоднике, которого Он так необычно прославлял еще во время его земной жизни. Находясь в тюрьме Андроньева монастыря, Аввакум три дня не ел и умирал от голода. И вот, после трех суток, когда голод особенно мучил его, «ста пред

мною, рассказывает протопоп, не вем – человек, не вем – ангел, и по се время не знаю. Токмо в потемках сотворя молитву и взяв меня за плечо, с чепью, к лавке привел, и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать – зело прикусны, – хороши! и рек мне; полно, довлеет ти ко укреплению! И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало! Дивно, только человек; а что же ангел, ино нечему дивитца! везде ему не затворено». Или, например, в Даурах был с ним такой случай: брел протопоп по замерзшему озеру и стала его мучить нестерпимая жажда, а воды взять негде, – до селения и берегов далеко. И вот, повествует протопоп, «бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, говорю: Господи, источивый Израилю, в пустыне жаждущему воду, тогда и днесь Ты напой меня ими же веси судьбами. Простите Бога ради! затрещал лед, яко гром, предо мною. На высоту стало кидать, и яко река расступилася сюду и сюду, и паки снидесе место, и бысть гора льду велика. А мне оставил Бог пролубку. И дондеже строение Божие бысть, аз на восток кланялся Богу, и со слезами пристал к пролубке и напился воды досыта». ¹⁶¹

Господь, по молитве своего угодника, посрамлял врагов и гонителей Аввакума. Пашков, завидуя удаче протопоба в рыбной ловле, на смех отвел ему место для лова на броду, «где коровы и козы бродят, где человеку, повествует Аввакум, воды по лодыжку, – какая рыба! и лягушек нет!» Но твердо уповая на чудодейственную помощь свыше, протопоп решил посрамить Пашкова. Он обратился с горячею молитвою к Богу: «Владыко человеколюбче, молился разобиженный протопоп, не вода дает рыбу. Ты вся промыслом своим, Спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекут невернии. где есть Бог их?» И Господь по молитве Аввакума, действительно посрамил «дурака тово» т. е. Пашкова: «полны сети, торжествующе заявляет протопоп, напехал Бог рыбы», только нечестивый Пашков, в возмездие за это чудо, изорвал все рыболовные сети Аввакума ¹⁶².

Даже необычайные явления внешней природы, как например солнечное затмение, находились, оказывается, в

прямой связи с личной судьбой Аввакума. Рассказав об одном солнечном затмении, «когда Никон отступник веру казнил и законы церковныя», Аввакум заявляет, что лет чрез четырнадцать «в другой раз затмение солнцу было в Петров пост, в пяток, в час шестой тьма бысть: солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев Божий являя. И протопопа Аввакума, бедного горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти, и на Угреше в темницу, проклинав, бросили. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное»¹⁶³.

Как и между самыми святыми необычно свят и велик был протопоп Аввакум, это с особенной ясностью видно из его рассказа о следующем бывшем ему видении: протопоп, постясь, ничего не ел в течение четырех дней и сильно ослабел. Однако он пропостился еще несколько дней, и, в этом состоянии, сподобился такого видения: «Божиим благоволением в ночи вторые недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики; а се и руки и ноги быша велики, потом весь широк и пространен под небесем и по всей земли распространился; а потом Бог вместил в меня небо, землю и всю тварь. Мне же молитвы непрестанно творящу и лествицу перебирающу в то время». И затем, обращаясь к царю, в послании к которому из Пустозерска он рассказывает про это видение, говорит: «ты владевши, на свободе живучи, одною русскою землею; а мне Сын Божий покорил за темничное седение небо и землю... Небо мое и «земля моя, свет мой и вся тварь. – Бог мне дал, якоже выше сего рекох».¹⁶⁴

Аввакум не только себя и свои подвиги ставил очень высоко, но и свои писания к разным лицам приравнивал, видимо, к посланиям ап. Павла, которому он старается подражать. Его послание к некоему брату начинается так: «Раб и посланник Иисус Христов, волею Божиею, и узник о Господе, старой грешник, протопоп Аввакум Петров, брату имереку, еже о Христе с братиею, радоватися вам, другом моим, и здравствовати о Спасе, Бозе и Господе нашем Иисус Христе. Молю вы, чада церковная, и коленам вашим касаюся». В

послании ко всем своим ученикам пишет: «молю убо вы аз, юзник о Христе Исусе, не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать». В «книге всем горемыкам миленьким» он пишет так: «Раб и посланник Исус Христов, волею Божию земляной юзник, протопоп Аввакум, чадом святые соборные и апостольския церкви: Акинфею с сестрою Маврою, Родиону, Андрею». Свои очень невысокого достоинства рассуждения Аввакум закрепляет иногда таким очень смелым завершением: «не я, но тако глаголет Дух Святой», разумеется, устами протопопы. В одном месте он скромно про себя замечает: «отчасти разумеваем и отчасти пророчествуем». ¹⁶⁵

Не только сам протопоп Аввакум, но и его друзья – единомышленники, по его уверениям, имели в глазах Господа, хотя бы и небольшое, но все-таки несомненное преимущество пред древними знаменитыми святыми. «Егда Лазарю язык вырезали, повествует Аввакум, явился ему пророк Божий Илия и повеле ему о истине свидетельствовать. Он же, выплюнув кровь изо рта, и начат глаголати ясно и чисто». Вырезали язык и у старца Епифания, но он обратился с молитвою к Богородице, чтобы она возвратила ему дар слова: «та отверзла его уста и язык даде, и учал говорить ясно». По этому поводу Аввакум замечает: «не вем, что рещи, но токмо: Господи, помилуй! И Дамаскину Иоанну *по трех днех* рука приросла, а новым сим исповедникам Христовым Лазарю *в той же день* язык Бог даровал, а старцу (Епифанию) *во второй день*»... ¹⁶⁶

Аввакум любил допускать некоторую фамильярность в обращении с лицами стоявшими неизмеримо выше его, каковы, например, были царь и царица. Так царя, как бы самого обычного близкого своего знакомого он, в своих писаниях, нередко величает попросту: «Михайлович», «светик», «миленький», царицу – «миленькая», обоих: «Алексеюшко с Марьюшкою». Эту фамильярность в обращении Аввакум переносит иногда и на самих небожителей.

Когда Аввакума, по приказанию Пашкова, сильно били кнутом, он в это время говорил: «Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мне», и не чувствовал особенных страданий. Но совсем иначе чувствовал себя после жестокой экзекуции. «Как

били, рассказывает он, так не болно было с молитвою тою; а лежа на ум взбрело: за что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я ведь за вдовы твоя стал! *Кто даст судию между мною и Тобою?* Когда воровал, и Ты меня так не оскорблял; а ныне не вем, что согрешил»!.. Но в другом случае Аввакум уже замечает: «не пеняю уже на Бога вдругоряд!» На реке Хилке, рассказывает Аввакум, «барку от берега оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам друг с кормщиком помчал. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: Владычице, помози! Упование, не утопи! иное ноги в воде, а иное выползу на верх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все размыло до крохи! Да что веть делать, коли Христос и Пречистая Богородица изволили так? Я вышел из воды, смеюсь; а люде те охают, платье мое по кустам развешивая... Пашков меня же хочет опять бить: ты-де над собою делаешь за посмех! А я паки свету – Богородице докучать: Владычице, уйми дурака тово! Так она надежа уняла: стал по мне тужить»¹⁶⁷.

Однако и на такого крепкого и несокрушимого поборника за истинное благочестие, каким был Аввакум, находили иногда минуты слабости, некоторой неуверенности в правоте защищаемого дела. Возвращаясь из Даур, рассказывает Аввакум, «в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничтоже успевает, но паче молва бывает. Опечалися, сидя рассуждаю: что сотворю? Проповедаю ли слово Божие, или скрыюся где? Понеже жена и дети связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятьством, и рече ми: что господине, опечалился еси? Аз же ей подробну известих: жена! что сотворю? зима еретическая на дворе: говорить ли мне или молчать? – связали вы меня! Она же мне говорит: Господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь! Слыхала я. – ты же читал, – апостольскую речь: *привязался еси жене, не ищи разрешения, егда отрешитишия, тогда не ищи жены (1Кор.7:27)*. Аз тя и с детми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему! А о нас не тужи: дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас

в молитвах своих не забывай! Силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, – обличай блудную еретическую! – Я су ей за то челом, и отряси от себе печальную слепоту, начат по-прежнему слово Божие проповедати и учить и по градом и везде, еще же и ересь никонианскую со дерзновением обличал». На этот раз Аввакума на подвиг воодушевила жена, делившая с ним все беды и лишения, вполне веровавшая в его великое и святое призвание, и отличавшаяся, как и ее муж, выносливостью, мужеством и готовностью все перенести, всем пожертвовать ради торжества истинного благочестия. Но в других случаях дело не обходилось так просто, – по-домашнему. Когда Аввакум, возвращаясь из Даур, прибыл в Тобольск, то начал было ходить в соборную церковь, где службы совершались по новоисправленному служебнику. Он уже стал было привыкать к службам, как особое, чрезвычайное видение удержало его от этого скользкого пути. «А се мне в Тобольске, рассказывает Аввакум об этом случае, в тонце сне страшно возвещено: блюдися от мене, да не полма растесан будеши! Я вскочил, и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: Господи, не стану ходить, где по-новому поют! Боже мой! Был я у заутрени в соборной церкви на царевнины имянины, – шаловал с ними в церкви при воеводах; да с приезде смотрел у них просвиромисания дважды или трижды, в алтаре у жертвенника стоя, и сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал, – что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос – свет попужал, и рече ми: по толиком страдании погибнуть хочешь! блюдися, да не полма рассеку тя! Я и к обедни не пошел. И обедать ко князю пришел, и вся подробну им возвестил: боярин миленькой, князь Иван Андреевич Хилков, плакать стал! А мне, окаянному, много столько Божия благодеяния забыть». Но самым критическим моментом в жизни Аввакума, по его собственному сознанию, было его расстрижение. Аввакум придавал очень большое значение тому обстоятельству, что он был не какой-нибудь рядовой священник, а протопоп; он очень гордился этим титулом, всегда старался прилагать его к своему имени, жену свою величает протопопицей, крепко держится за этот титул

даже и тогда, когда, по соборному определению, его совсем лишили духовного сана и он юридически сделался уже простым мирянином. После растрижения Аввакум совсем было впал в отчаяние, от которого его спасло чрезвычайное явление. В послании к царю из Пустозерска Аввакум пишет: «егда мне темные твоя власти волосы и бороду остригли и проклявше за твоим караулом на Угреше в темнице держали, – о горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет! – тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, яко же меня ныне, – волосы и бороду остригли, и проклиали, и в темнице затворили: никонианы пуще отца своего Никона надо мною бедным сотворили. И о том стужах Божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание? И в полунощи, всенощное чтущу ми наизусть святое евангелие утреннее, над ледником на соломе стоя, в одной рубашке, и без пояса, в день Вознесения Господня: и бысть в душе весь, и ста близ мене по правую руку ангел мой хранитель, улыкаяся и приклонялся ко мне и мил ся дея. Мне же чтущу святое евангелие нескоро, ко ангелу радость имущу: а се потом из облака Госпожа Богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими, и рече мне: не бойся, Аз есмь с тобою! Мне к тому прочетшу к концу святое евангелие и рекшу: Слава Тебе, Господи! и падшу на землю и лежащу на мног час. И егда отъиде слава Господня, востах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченная, ее же невозможно исповедати ныне». В заключение этого рассказа о видении, Аввакум пишет государю: «за любовь тебе Господню, Михайлович, сказано сие, понеже хочу умереть. Да и молю тя о Христе, не поведай врагом моим никонианом тайны сея, да не поругают Христа Исуса, Сына Божия и Бога. Глупы веть они дураки, плюют и на самого Бога нечестивые глаголы. Горе им бедным будет!»¹⁶⁸ После такого чудного, поразительного видения, все сомнения и колебания, конечно, отлетели от Авакума, он уже окончательно и навсегда уверился в правоте избранного пути, в своей несомненной святости, и в своем собственном представлении, и во мнении своих

последователей, навсегда остался действительным протопопом, а не расстригой.

Уверенно, много и охотно во всех своих писаниях, рассказывая о своих чудесах и видениях, о своей очевидной большой угодности пред Господом Богом, Аввакум все-таки иногда приходит в такое настроение, при котором как будто начинает сознавать, что подобными рассказами он переходит всякие границы самой невзыскательной скромности и что, пожалуй, и самим верующим его ученикам, самовосхваляющие рассказы его о бывших с ним чудесах могут показаться маловероятными, созданными его односторонней, болезненно настроенной фантазией, везде видящей то, чего в действительности не было, да и не могло быть. В редкие минуты такой более спокойной и трезвой настроенности Аввакум, рассказав о каком-нибудь бывшем с ним чуде, сейчас же стремится всячески унизить себя в глазах своих почитателей – последователей, но делает это довольно своеобразно. Рассказав, как он было за обедом подавился, как окружающие его старшие домочадцы «колотили его много в спину, да и покинули, не вижу уж людей и памяти не стало», он затем сообщает, что его небольшая младшая дочь, неожиданно для всех, «росбежався лохтишками своими ударила в мою спину и крови печенье из горла рыгнуло и дышать стал». Умиленный таким чудом протопоп вдается, поэтому поводу, в такие назидательные размышления: «чудно гораздо сие, старец, – промысл Божий ребенка наставил, пророка от смерти избавил. Дни с три у меня зелень горькая из горла текла, не мог ни есть, ни говорить: сие мне наказание за то, чтоб я не величался пред Богом совестью своею... Не величайся, дурак, тем, что Бог сотворил во славу свою чрез тебя какое дело, прославляя свое пресвятое имя... А ты су какой святой?.. И величаешься грязь худая: я су бесов изгонял, то, се делал, а себе не мог помощи, только бы не ребенок. Ну помни же себя, что нет тебя ни сошто, аще не Господь что сотворит»¹⁶⁹. В этом, кажущемся смиренном сознании своей личной немогущности и недостойности, однако так и сквозит, так, из-за смиренных слов, и пробивается наружу самомнение ослепленного своею

святостью человека. Или, например, Аввакум говорит о себе: «не знаю дни коротать как! Слабоумием объят, и лицемерием и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одее, во осуждении всех человек погибаю. И мнясь нечто быти, а кал и гной есмь, окаянный, – прямое г...о! Отвсюду воняю, – душою и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах: так де и они воняют, что и моя душа, злосмрадною воню. Да свинии и псы по естеству; а я от грехов воняю, яко нес мертвой, повержен на улице граде. Спаси Бог властей тех, что землю меня закрыли! Себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблазняю. Ей, добро так!»¹⁷⁰. Но эти смиренные излияния, о своей греховности и ничтожности пред Богом, делаются Аввакумом только из приличия, с плохо замаскированной целью внушить читателю ту мысль, что де протопоп чудотворец сам-то о себе думает невысоко, а наоборот, – очень смиренно и даже уничижительно, только дела его, помимо его воли, невольно являют его великим и славным угодником Божиим. Но если бы кто и после этого усомнился в уместности рассказов Аввакума о своей святости, своих чудесах и видениях, то это сомнение окончательно уничтожалось тем соображением, что ведь он – протопоп Аввакум – в этом случае только следует примеру самих апостолов и особенно апостола Павла, – деяние, поэтому, с его стороны вовсе непредосудительное. Вот какую речь по этому поводу ведет о себе Аввакум: «Иное было, кажется, про житие-то мне и ненадобно говорить; да прочтох Деяния Апостольская и послания Павловы, – Апостоли о себе возвещали же, егда что Бог соделает в них. Не нам, Богу нашему слава. А я ничто же есмь. Рекох и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешником и всякому человеку, лицемер окаянный. Простите же и молитесь о мне; а я о вас должен, чтущих и слушающих. Болши того жить не умею; а что зделаю я, то людям и сказываю: пускай Богу молятся о мне! В день века вси же там познают соделанная мною, или благая, или злая». И сейчас же к этому рассуждению о себе Аввакум присоединяет такое многозначительное замечание: «но аще и не учен словом, но не разумом; не учен

диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко же и Апостол глаголет: *аще и невежда словом, но не разумом (2Кор.11:6)"*¹⁷¹, т. е., что хотя он, протопоп Аввакум, человек и неученый, но настоящую цену себе хорошо знает. Понятно также, что приписывая себе небывалые с ним преступления: убийство, воровство и пр., Аввакум прекрасно знал, что его почитатели ничему этому не поверят, а только еще более будут прославлять его за истинно-христианское его смирение и самоуничижение.

По-видимому, простые, безыскусственные, и часто очень наивные, рассказы Аввакума о своих похождениях и страданиях, о своих подвигах на защиту правой веры и истинного благочестия, все имели однако одну очень ясную, определенную практическую цель: показать и доказать читателям, что он – протопоп Аввакум – есть несомненный избранник Божий, постоянно находящийся под высшим божественным водительством, что он человек высокой святой жизни, сподобившийся получить от Бога редкий великий дар чудотворений, и что его – протопопу Аввакуму, живущего на земле, Господь Бог прославляет, однако, так, как он прославляет других угодников Божиих только после их смерти. Протопоп в своих рассказах о себе, если так можно выразиться, сам любителю на свою собственную необычайную святость, на свои необыкновенные сверхъестественные благодатные дарования, на свои подвиги и злострадания за правую веру. Трудно найти в истории другой пример такого откровенного, беззастенчивого, публично заявляемого самомнения и самообожания на почве своей святости и угодности пред Богом, трудно встретить другого человека, находящегося в здравом уме, который бы, подобно протопопу Аввакуму, еще при жизни, публично, вслух всех сам себя, в своих собственных писаниях, смело и решительно, без всяких колебаний и сомнений, прославлял как великого чудотворца и несомненного великого угодника Божия, а в то же время считал бы себя истинным, настоящим христианином, для которого глубокое, постоянное и искреннее сознание своей немощности, своей полной

греховности и недостойнства пред Богом, всегда и во всех положениях обязательно.

С другой стороны, несомненно и то, что самовосхваление и самопрославление в рассказах Аввакума является у него не следствием его простоты и какой-либо чисто детской наивности, как это можно было бы подумать, а сознательным хорошо обдуманым и рассчитанным приемом пропаганды. Всеми рассказами о своих чудесах, бывших ему необыкновенных знамениях и видениях, Аввакум преследует одну определенную, ясно намеченную им цель: убедить всех своих читателей, что истина, правда на стороне его – протопопа Аввакума, так как за ним и всеми его действиями стоят: сам Господь Бог, пресвятая Богородица, ангелы и все святые; между тем как из-за его противников-никониан обязательно, более или менее заметно, всегда и во всем виднеются: латиняне и другие всевозможные древние и новые еретики, антихрист и даже сам сатана. Понятно после этого, что верующим незачем было задумываться или колебаться при решении вопроса: где им и у кого следует искать святую, спасающую человека истину, и где и у кого находятся только ложь, обман, погибель для души. Для них, из рассказов Аввакума, ясно становилось, за кем им следует идти: за святым ли угодником Божиим, так явственно и определенно запечатленным Божиим благоволением во всех его делах и поступках, или за его заклятыми врагами, – нечестивыми и прескверными никонианами? Выбор для всякого настолько казался, и по мнению самого Аввакума, очевидным, что он сам всех несогласных с ним в чем-либо представляет: или дураками, ничего не знающими и не понимающими в божественном, или крайними нечестивцами, которым их нечестие закрывает очевидную истину; или гнусными еретиками, непосредственными орудиями самого дьявола, который чрез них борется с верными. Таким образом, все рассказы Аввакума о своей святости и чудесах, были в высшей степени тенденциозны, явно преследовали определенную наперед намеченную цель: заставить своих читателей отвергнуть реформу Никона, как проявление высшего и губительного нечестия, и следовать за ним – Аввакумом, так как только он

именно ведет всех по истинному пути к спасению, и почему всякое несогласие в чем бы то ни было с Аввакумом, непризнание его высшего авторитета и руководства в делах веры и благочестия, есть прямое, очевидное отступление от самой Божественной истины, есть величайшее нечестие.

Конечно на нас, столь далеких от времени рассказчика, столь далеких от уровня понимания, взглядов и восприимчивости к чудесному – сверхъестественному тогдашних читателей и почитателей Аввакума, его рассказы о своих чудесах и видениях производят такое же впечатление, как и всякие детские наивные рассказы, которые только детским живым воображением могут приниматься за реальную живую действительность. А если они и сейчас читаются и нами с большим интересом, то только как очень яркое, очень колоритное отражение понимания, воззрений и настроенности известной эпохи. Не такими они были в глазах тогдашних читателей Аввакума, проникнутых тем же житийным мирозерцанием, тою же предрасположенностью и восприимчивостью ко всему чудесному и сверхъестественному в сфере религиозных верований и убеждений, тою же верою, что весь мир, так сказать, кишит всякими бесами, которые постоянно вмешиваются в жизнь каждого человека, внося в нее все дурное и нечистое, и что для борьбы с их тлетворным влиянием нужна особая благодатная чудодейственная сила, – на таких читателей рассказы Аввакума производили очень сильное впечатление, и сильно вооружали их против церковной реформы Никона. Когда, например, Аввакум, находясь в заключении в боровском Пафнутьеве монастыре, исцелил там бывшего своего оскорбителя келаря Никодима, явившись ему во сне, то слава о нем, как великом чудотворце и страдальце, быстро распространилась всюду. «Людие же, повествует Аввакум, бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; аз их учу от писания и пользую словом Божиим. В те времена и врази кои были и те примирились тут». А если бы кто усомнился в рассказах Аввакума о бывших с ним чудесах и знамениях, то его великие страдания, которые были уже вполне реальны и у всех на

глазах, – эти страдания заглушали сомнения скептиков и привлекали к нему очень и очень многих.

Таким образом, Аввакум сам считал себя человеком, призванным Богом на борьбу за правую веру, которая гибнет от никонианских реформ, и что Господь посылает ему особые знамения и видения, творит ради него очевидные чудеса. Понятно само собою, что такой человек не может, во-первых, погрешать и заблуждаться в делах веры и благочестия, – Господь не допустит его до этого; во-вторых, такой человек не может и ослабевать в борьбе, оставлять ее под каким-либо предлогом, не может из своих правых убеждений поступиться хотя бы самым, по-видимому, малым и незначительным, не может идти ни на какие компромиссы со своими противниками, так как это бы означало изменить своему призванию, обмануть и оскорбить призвавшего его Господа, и навеки погубит великое святое дело и самого себя. Ввиду этого Аввакум должен был идти всегда, без всяких сомнений и колебаний, только одним путем, пройти его, не останавливаясь, до конца, несмотря ни на какие скорби, лишения, страдания и казни; он постоянно должен был быть готов отдать за свое дело самую свою жизнь, лишь бы только остаться во всем верным до конца своему великому и святому призванию. Понятно также и то, что разубедить этого человека в том, что он считал своим призванием, что он принимал за истину, заставить его в чем-либо изменить раз усвоенные им воззрения и убеждения, было делом совсем безнадежным: это бы значило для Аввакума родиться вновь, а такое новое рождение было для него невозможно, так как ни в его прошлом, ни в его настоящем, ни в строе и характере всей его духовной натуры, не было к тому решительно никаких данных. Основные принципы всей своей жизни и деятельности, которым он никогда не изменял, формулированы им ясно, твердо и определенно; «мучься за сложение перст, не рассуждай много!.. Держу до смерти якоже приях; не прелагаю предел вечных. До нас положено: лежи оно так во веки веком!... Не передвигаем вещей церковных с места на место. Идеже святии положиша что, то тут и лежи. Иже что, хотя малое переменит, да будет проклят!... Держи, христианин, церковная

неизменно, и благословен будеши Богом и нами грешными... Отдайте матери нашей (т. е. церкви) имение все, и аз – тот, который передвинули на иное место, положите на старом месте, где от святых отец положен был»¹⁷². Очевидно, ни на какие новшества, ни на какое усвоение нового круга понятий, более широких воззрений и понимания церковности, Аввакум не был способен, – Аввакум и новшества, это – два понятия совершенно несовместимые, как исключаящие себя взаимно.

А между тем царь нарочно вызвал Аввакума из Сибири в Москву. Зачем его, противника церковной реформы, сюда вызвали?

Думать, что Аввакума вызвала в Москву боярская, враждебная Никону, придворная партия, чтобы усилить себя этим заклятым врагом Никона, нет никаких серьезных оснований. Аввакум воротился в Москву только в 1664 году, когда о возвращении Никона на патриаршую кафедру нельзя было уже и думать, когда в Москве уже велись деятельные переговоры о приглашении самих восточных патриархов для суда над Никоном и когда, следовательно, судьба Никона, как патриарха, предрешена была окончательно и бесповоротно и он ничем не мог быть опасен для бояр. Присутствие Аввакума в Москве, в связи с положением дела Никона, ничего нового и ценного не могло дать, и потому его вызов в Москву, по поводу дела Никона, являлся совершенно бесцельным. Нельзя думать и того, что Аввакума вызвали в Москву в целях вознаградить его за суровую расправу с ним Никона. Для этого незачем было вызывать Аввакума именно в Москву, а можно было оставить его соборным протопопом в Тобольске, чем он, по-видимому, был до своей ссылки в Дауры, тем более что Аввакум никогда не был московским протопопом, а проживал ранее в Москве случайно, как безместный протопоп. Между тем, спустя уже несколько лет после оставления Никоном патриаршей кафедры, Аввакум, самым государем, был вызван в Москву и вызван, конечно, с особой целью.

Мы знаем, что царский духовник, протопоп Стефан Вонифатьевич, во все время своей жизни старался примирить с Никоном его главного и влиятельнейшего тогда врага – Иоанна

Неронова, но умер, не достигнув этой цели. Мы знаем, что миротворческая роль Стефана находила себе полную поддержку и одобрение со стороны царя, который, в интересах мира, даже прикрывал Неронова от розысков разгневанного Никона и, после смерти Стефана, стремился осуществить его всегдашнее желание; примирить Неронова с Никоном. К великому удовольствию царя и, конечно, при таком или ином его содействии, Неронов примирился если не лично с Никоном, то с церковью, тем более что до поры до времени ему разрешено было служить по старым служебникам. Это примирение Неронова имело в глазах царя очень важное значение. Неронов был, как мы знаем, очень видный и влиятельный человек, имевший за собою многочисленных учеников и последователей. Естественно было, что его примирение повела за собою и примирение с церковью многих его последователей, которые пошли в этом деле по следам своего главы и учителя. Острое противодействие церковной реформе начало в Москве понемногу затихать, сглаживаться, и впереди многим, и конечно царю, уже виднелся полный мир церкви и, в конце, постепенное всеобщее признание совершенных церковных реформ. И вот в это время в Москве получают вести, что в Сибири огнепальный ссыльный протопоп Аввакум всюду громит никонианские новшества, призывает всех стать на защиту родной поруганной святой старины, что он находит себе всюду многочисленных последователей и что его призыв к борьбе с новаторами и развратителями церкви встречает полное сочувствие у очень многих. Значит, с Нероновым дело уладили, а на его место явился другой, может быть, еще более сильный и опасный борец. Царь ранее лично несколько знал Аввакума, знал его как человека строгой благочестивой жизни, всецело преданного церкви, готового всячески постоять, как тогда говорили, за церковные догматы, или, что тоже, за церковные обряды, и потому увидел в нем человека очень опасного для мира всей церкви. Алексей Михайлович решил и Аввакума примирить с церковной реформой так же, как он ранее примирил с нею Неронова, даже под условием сделать Аввакуму ту же уступку,

какая была сделана Неронову, т. е. позволить ему служить по старым служебникам. В этих именно видах царь и решил вызвать Аввакума в Москву. Это как нельзя более ясно видно из того приема, какой Аввакуму сделан был в Москве, и из многочисленных посылок царем разных лиц уговаривать Аввакума соединиться с церковью.

Аввакум, не догадывавшийся зачем царь из Сибири вызвал его в Москву, рассказывает, как его приняли в Москве и как к нему здесь относились, следующее: «к Москве приехал, и яко ангела Божия прияша мя государь и бояра – все мене рады! К Федору Ртищеву зашел: он сам из полатки выходил ко мне, благословился от мене, и учили говорить с ним много, – три дни и три ночи домой меня не отпустил, и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке велел поставить, и слова милостивые говорил: здорово ли де, протопоп, живешь? еще-де видатца Бог велел! И я сопротив руку его поцеловал и пожал, а сам говорю: жив Господь, жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит Бог! Он же, миленький, вздохнул, да и пошел куды надобе ему. И иное кое-что было, де что много говорить! Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли, и в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а сам говорил: благослови-де меня и помолися о мне! И шапку в иную пору мурманку, снимаячи с головы, уронил едучи верхом! И из кореты высунется бывало ко мне. Та же и вси бояра, после его, челом: протопоп, благослови и молися о нас! Как мне су царя того и бояр тех не жалеть! Жаль о су! видишь, каковы были добры! Да и ныне они не лихи до мене; диавол лих до мене, а человеки вси до мене добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, что б я с ними соединился в вере; аз же сия вся яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет»¹⁷³. Итак, сам Аввакум признает, что в Москве, после его возвращения, к нему отнеслись – и царь и бояре – особенно внимательно и ласково, и что ему предлагали какое угодно место, даже место царского духовника, но только под одним непременно условием: «что б я с ними соединился в вере». Аввакум отказался. Но простым

отказом он не ограничился, а вскоре подал государю особую челобитную, в которой выразил свой взгляд на тогдашнее положение церковных дел и свое отношение к ним.

В своей челобитной Аввакум обращается к царю: «Государь наш свет! что ти возглаголю, яко от гроба восстав из далняго заключения, от радости великия обливался многими слезами, – свое ли смертоносное житие возведу тебе свету, или о церковном раздоре реку тебе – свету? Я чаял, живучи на востоке в смертех многих, тишину здесь в Москве быти; а ныне увидел церковь паче и прежнего смущенну... Воистинно, государь, смущенна церковь». И чтобы вернее повлиять на царя и заставить следовать за собою, Аввакум прибегает к обычному своему средству: рассказывает царю про одно видение, которое «показал ему Бог» еще в Тобольске и из которого царь ясно должен был увидеть, что церковные реформы Никона противны Богу, так как бесчестят Духа Святого и Христа: «неистинна глаголют Духа Святого быти и Христа Сына Божия на небеси не царя быти во исповедании своя веры». Желая затем подействовать на царя, как на правителя государства, заботящегося о благе, покое и мирной жизни своих подданных, Аввакум уверяет его, что именно ради реформ Никона государство подверглось в последнее время различным бедствиям. «Моровое поветрие, говорит он, немало нам знамение было от никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет безпрестано, отнележе раздрал он церковь», и вспоминая старину, когда на царя имел особенно сильное влияние покровитель и благодетель Аввакума – царский духовник Стефан Вонифатьевич, он говорит: «добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно ради его слез и рыдания и негордого учения: понеже не губил никого Стефан до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение. Тебе – свету самому житие ево вестно». Снова обращаясь к современному положению церковных дел Аввакум решительно заявляет: «увы души моей бедной! Лучши бы мне в пустыни Даурской, со зверми живучи, конец прияти, нежели ныне слышу во церквах Христа моего глаголющей невоскресша. Вем, яко скорбно тебе, государю, от доуки вашей. Государь – свет,

православный царь! Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, развязав нас, кнутъем мучат, и томят на морозе голодом. А все церкви ради Божия стражем. Изволи, государь, с долготерпением послушать, и я тебе – свету о своих бедах и напастех возведу немного». Затем он коротко описывает те страдания, лишения и истязания, какие он потерпел от других за разное время своей жизни, до своего последнего прибытия в Москву, и потом говорит царю: «а душа моя прияти ево (Никона) новых законов беззаконных не хочет. И во откровении ми от Бога бысть се, яко мерзок он пред Богом Никон. Аще и льстит тебе, государю – свету, яко Арий древнему Константину; но погубил в Руси все твои государевы люди душою и телом, и хотящий ево новые законы прияти на страшном суде будут слыть *никонияне*, яко древние ариане. Христа он, Никон, не исповедует в плоть пришедша; Христа не исповедует ныне царя быти и воскресение ево, яко иудеи, скрывает; он же глаголет неистинна Духа Святого; и сложение креста в перстех разрушает; и истинное метание в поклонах отсекает, и многих ересей люди Божия и твоя наполнил; инде напечатано духу лукавому молимся». Выказавши главные обвинения против реформ Никона, показав их нечестие и еретичество, Аввакум подходит к конечной главной цели своей челобитной. «Ох души моей и горе! восклицает он. Говорить много не смею, тебя бы света не опечалить; а время отложить служебники новые и все его никоновы затейки дурные! Воистинно, государь, заблудил во всем, яко Фармос древней. Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение, дондеже конечная пагуба на нас не прииде, и огонь с небесе, или мор древний, и прочая злая нас не постигло. А когда сие злое корение исторгнем, тогда нам будет вся благая, и кротко и тихо все царство твое будет, яко и прежде никонова патриаршества было, и агарянский меч Бог устави и сподобит нас получитьи вечная, благая». В заключение своей челобитной Аввакум выражает царю свое желание: «но желаю наедине, пишет он, светлоносное лице твое зрети и священнолепных уст твоих глагол некий слышати мне на пользу, как мне жити»¹⁷⁴.

Эта челобитная показала государю, что Аввакум крепкий, убежденный сторонник русской церковной старины, и что он добивается собственно полной отмены произведенной церковной реформы и всецелого возвращения к старым церковным порядкам, при которых «никоновы затейки» не имели бы места. Само собою понятно, что если Аввакум в таком духе писал самому царю, то тем более решительно и настойчиво он проводил свои излюбленные идеи среди своих почитателей и всех вообще, кто только желал слушать его речи, а таких людей находилось в Москве очень много, даже в высшем московском боярском кругу, с которым Аввакум имел близкие и широкие связи. И вот в начинавшее было несколько успокоиваться московское общество, пропагандой Аввакума снова внесена была смута, снова стали возникать горячие споры по разным церковным вопросам, снова разыгрывались страсти, снова начались усиленные отпадения от церкви, – мир церкви, и в самой Москве, опять был нарушен. В виду этих обстоятельств царь послал от себя к Аввакуму Родиона Стрешнева уговаривать протопопа, чтобы он не говорил и не восставал против произведенной церковной реформы, или, как выражается сам Аввакум, «что б я молчал». На этот раз Аввакум как будто несколько поддался увещаниям. «И я, говорит он, потешил его: царь то есть от Бога учинен, а се добренек до мене, – чаял либо помаленку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном Дворе книги править: и я рад силно – мне то надобно лутче и духовничества ¹⁷⁵. Пожаловал (царь), ко мне прислал 10 рублев денег, царица 10 же Рублев денег, Лукиан духовник 10 рублев денег же, Родион Стрешнев 10 Рублев же; а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и 60 рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечего и сказывать: всяк тащит, да несет всячиною! Усвета у Феодосьи Прокопьевны Морозовой не выходя жил во дворе; понеже дочь моя духовная, и сестра ее княгиня Евдокия Прокопьевна дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил. Да так то с полгода жил» ¹⁷⁶.

Но долго выдержать своего молчания Аввакум не мог. Кругом его шли горячие споры, происходили волнения, а он, главный виновник этих споров и волнений, молчит и спокойно смотрит, как охуждаемые им новые церковные порядки все более широко и прочно водворяются в московском обществе, а порядки старые все более исчезают из церковной жизни. При таких условиях, казалось ему, молчать невозможно, и Аввакум снова выступил в привычной ему роли неугомонного борца за старину против «никоновских затеек». «Вижу, говорит он, яко церковное ничтоже успевает, но паче молва бывает; паки заворчал, – написал царю многоглаголюючи, чтоб он старое благочестие взыскал, и мати нашу общую святую церковь от ересей оборонил, и на престол бы патриаршеский пастыря православного учинил, вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика. И егда письмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным Феодором юродивым, что после отступники удавили его Феодора на Мезени, повеся на виселицу». Очень может быть, что к этой челобитной, которая не дошла до нас, Аввакум присоединил еще список тех лиц, которые, по его мнению, пригодны были быть архиереями на той или другой кафедре. По крайней мере, впоследствии у игумена Феокиста взята была «Протопопова (Аввакума) к великому государю роспись – кто в которые владыки годятца», писанная Аввакумом за это время. Из челобитной и «росписи» царь ясно увидал, что Аввакум не только не мирится с новыми церковными порядками, не только стремится восстановить старое, но что он дерзко вмешивается в самое церковное управление, по своим целям и вкусам намечает в архиереи своих, преданных старине, лиц, что он думает и стремится верховодить всеми церковными делами, направлять их по своим вкусам и идеалам. Это было уже слишком, и царь снова охладевает к протопопу. Рассказав о подаче им царю второй челобитной, чрез юродивого Феодора, Аввакум говорит далее: «и с тех мест царь на меня кручиноват стал. Не любо стало, как опять я стал говорить. Любо им, как молчу; да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня, и умыслили паки сослать меня с Москвы,

понеже раби Христови многие приходили ко мне и, уразумевше истину, не стали к прелестной их службе ходить. И мне от царя выговор был: власти-де на тебя жалуются; церкви-де ты запустошил; поедь-де в ссылку опять. Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков. Да и повезли на Мезень... А я по городам паки людей Божиих учил, а их пестробразных зверей обличал»¹⁷⁷.

Попытка царя Алексея Михайловича примирить Аввакума с церковью, заставить его хотя бы в известной части признать совершенные Никоном церковные реформы, действуя в этом случае на Аввакума ласкою, особым вниманием к нему, своею царскою милостью и уговорами, не имела успеха. Аввакум остался тверд и непреклонен в своих убеждениях, не хотел и в чем-либо малом поступиться ими.

Но и после этой неудачи, Алексей Михайлович все-таки еще не терял надежды повлиять на Аввакума в смысле примирения его с церковью. И по личным побуждениям, и уступая просьбам и ходатайствам московских друзей и почитателей Аввакума, он согласился на его пребывание в Мезени, вместо Пустозерска, куда, собственно, Аввакум был сослан. Здесь Аввакум прожил полтора года и, 1-го марта 1666 года, был привезен в Москву для соборного суда над ним и его единомышленниками, причем его скованным предварительно поместили в боровском Пафнутьеве монастыре, где он прожил десять недель. Здесь, по его словам, по поручению царя, снова стали его уговаривать: «соединись с нами, Аввакумушко! А я, говорит Аввакум, отрицаюся, что от бесов; а они лезут в глаза!» Увещевавший его ярославский дьякон Козьма, после явного увещания, втайне, однако, поддерживал Аввакума. «Козма той, говорит Аввакум, не знаю коего духа человек: въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря; протопоп! не отступай ты старого того благочестия! велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь! не гляди на нас, что погибаем мы! И я ему говорил сопровтив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: нельзя; Никон опутал меня!» Просто молвить: отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедный не может встать. Я, заплакав, благословил его, горюна: больши того нечего мне

делать с ним, ведает то Бог, что будет с ним». Наконец, решено было Аввакума расстричь, для чего его снова привезли в Москву, причем, замечает он, «в крестовой стяжався власти со мною» т. е. тоже пытались его уговаривать, и только после неуспеха этих уговоров, его, вместе с дьяконом Федором, расстригли и прокляли. «А я, говорит Аввакум, их проклинал сопротив. Зело было мятежно в обедню ту тут». Когда Аввакума, после расстрижения, посадили на Угрешу, «царь, рассказывает он, приходил в монастырь: около темницы ходил и, постовав, опять пошел из монастыря. Кажется, потому и жаль ему меня; да что, – воля Божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение у них бысть с царицею покойницею; она за нас стояла тогда, миленькая, напоследок и от казни отпросила меня». После осуждения Аввакума и восточными патриархами, когда его держали то на Угреше, то привозили в Москву, царь посылал к нему всевозможных лиц снова его уговаривать, чтобы он подчинился восточным патриархам и примирился с церковью: в числе посланных от царя для увещаний Аввакума были и архиереи – Крутицкий митрополит Павел и рязанский архиепископ Иларион, и светские лица – дьяк Дементий Башмаков и боярин Артамон Матвеев. Все они уговаривали Аввакума «соединиться со вселенскими теми хотя небольшим чем». Но Аввакум отвечал на это посланным царя: «аще и умрети ми Бог изволит, со отступниками не соединяюся! Ты, реку, мой царь; а им до меня какое дело? Своего, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюда приволоклися». Раз боярин Матвеев явился к Аввакуму с знаменитым тогда у нас ученым старцем – Симеоном Полоцким, и между ним и Аввакумом, по словам последнего, «зело было стяжание много: разошлись яко пьяни, не мог и поесть после крику. Старец (Полоцкий) мне говорил: острота, острота телесного ума! да лихо упрямство; а се не умеет науки!» В последний раз Матвеев, будучи у Аввакума, то уговорами, то угрозами, старался склонить его к примирению. Но все старания Матвеева были напрасны: Аввакум остался непреклонен и на уговоры Матвеева резко заявил: «мне кое общение, яко свету со тмою, или Христу с Велиаром?» Матвеев окончательно

убедился, что никакое примирение с Аввакумом невозможно. Оставляя его, он «сквозь зубов молвил: нам-де с тобою не сообщно». После этого царь прекратил все дальнейшие попытки примирить с церковью Аввакума и уже никогда более не возобновлял их, – он теперь предоставил Аввакума его собственной судьбе¹⁷⁸.

Если Алексей Михайлович употреблял со своей стороны всевозможные усилия примирить Аввакума с церковью и тем заставить его бросить протест против новых церковных порядков, то он, так сказать, ухаживал в этом случае за Аввакумом, так дорожил его примирением с церковью, конечно не из личных только симпатий и расположения к Аввакуму, но и по мотивам более глубоким и широким, при которых личные его симпатии и антипатии совсем отодвигались на задний план. После удаления Никона с патриаршей кафедры царь Алексей Михайлович сделался фактическим, действительным патриархом, т. е. фактическим действительным главой и управителем русской церкви, судьбы которой теперь всецело находились только в его руках. Он охотно и со всей энергией, на какую был только способен, принялся за устройство расшатавшихся после Никона церковных дел. Человек очень умный, осторожный и тактичный, не любивший действовать, подобно Никону, круто и напролом, пуская в ход только свою власть и внешние принуждения, Алексей Михайлович старался действовать на взволнованное никоновскими реформами общество умиряющим и успокаивающим образом, постепенно приучая его и примиряя с новыми порядками. Поклонники старины не подвергались прежним беспощадным преследованиям и насилиям за их убеждения, они даже пользовались значительной свободой; но от них только обязательно требовалось, чтобы они открыто не восставали против новых церковных порядков и не хулили их. В московском обществе действительно началось было некоторое успокоение, особенно после примирения с церковью Неронова. Алексей Михайлович прекрасно понял, какую громадную, важную и влиятельную силу для общества представляет из себя горячий, энергичный, опытный и закаленный в борьбе протопоп Аввакум,

и как важно было бы утилизировать эту крупную силу в интересах мира и спокойствия церкви. Он верно рассчитывал, что если бы ему удалось привлечь на свою сторону Аввакума, то протест против церковных реформ потерял бы в нем своего авторитетного главу, свою важнейшую силу и опору, а вместе и остроту; – тогда, при тактичном и мягком образе дальнейших действий, относительно приверженцев старины, можно было бы рассчитывать на их постепенное примирение с церковью, может быть, и в недалеком будущем. В этих именно видах Алексей Михайлович вызвал Аввакума из Сибири и всячески старался в Москве сделать его безвредным для дела церковных реформ, конечно, вовсе не рассчитывая встретить в Аввакуме непреодолимое упорство, неспособное ни на какие уступки. Думать так Алексей Михайлович имел все данные, так как в Москве, даже сами приверженцы и поклонники Аввакума, были очень недовольны его резким, вызывающим поведением, и выражали ему за это свое порицание. В письме с Мезени к игумену Феоктисту Аввакум пишет: «отче Феоктисте и вся братия! Я, протопоп Аввакум, пред Богом и пред вами согрешил и истину повредил: простите мя безумного и неразумного, имущего ревность Божию не по разуму. Глаголете ми, яко много вредится истина и лучше бы мне умереть в Даурах, а нежели бы мне быть у вас на Москве. И то, отче, не моею волею, но Божиею до сего времени живу. Я что, я на Москве гной расшевелил и еретиков раздражил своим приездом из Даур: и я в Москву приехал прошлого году не самозван, но призван благочестивым царем и привезен по грамотам. Уж то мне так Бог изволил быть у вас на Москве. Не кручинтесь на меня Господа ради, что моего ради приезда страждете. Аще Бог по нас, кто на ны? Кто поемлет на избранные Божия?»¹⁷⁹. Значит, Аввакуму приходилось усиленно оправдываться в своем московском поведении даже пред своими собственными последователями и единомышленниками и, значит, Алексей Михайлович имел основания рассчитывать на успех, действуя относительно Аввакума мягким, примиряющим образом. И только после усиленных и настойчивых действий в этом направлении, убедившись в невозможности обратить Аввакума,

царь прервал с ним всякие сношения и, на этот раз, уже навсегда.

В Москве от Аввакума требовали, чтобы он примирился с церковной реформой Никона. Но для Аввакума это бы значило отказаться от признания себя нарочитым избранником и посланником Божиим, человеком, находящимся под особым водительством неба; значило признать, что он обманывался в бывших ему божественных видениях и знамениях, что он постоянно обманывал, как человек самообольщенный, и всех своих учеников и последователей, когда, в подтверждение истины своей проповеди, ссылался на бывшие с ним знамения и чудеса; это бы значило признать себя неправым, заблудившимся при выборе пути для своего спасения, а своих противников, которых он столько лет всюду и всегда так горячо и настойчиво громил и бичевал, правыми, более его разумными и сведущими в делах благочестия, лучше его понимающими те пути и средства, которые приводят человека ко спасению; это бы значило для Аввакума целые годы всевозможных лишений и страданий, не своих только, но и своей семьи, – свою многолетнюю, неустанную борьбу с никонианством, свои горячие проповеди к народу с призывом до смерти постоять за святую родную старину, признать роковой ошибкой, и тем собственными руками окончательно поставить крест на своей многолетней подвижнической и, казалось ему, столь славной и полезной для всех жизни и деятельности. Но это было выше сил Аввакума, – он не мог отказаться от самого себя. Более чем десятилетняя ссыльная жизнь в Сибири сделала для него такой поворот невозможным, и он смело и решительно пошел по своему прежнему пути, только сделавшись еще более неуступчивым, непримиримым и фанатичным.

Если царь Алексей Михайлович, вызывая Аввакума из Сибири в Москву, имел в виду примирить Аввакума с церковной реформой Никона и тем сделать его, в известной степени, орудием для примирения всего общества с новыми церковными порядками и водворения всеобщего церковного мира; то и Аввакум, возвращаясь из Сибири в Москву, имел, со своей стороны, тоже особые виды на царя; он хотел убедить Алексея

Михайловича отложить все «никоновы затейки» и заставить его всецело воротиться к старым дониконовским церковным порядкам.

На пути в Москву из Сибири Аввакум, по его собственным словам, «по весям и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедуя слово Божие, и уча и обличая безбожную лесть», и думал, что новым никоновским порядкам теперь уже пришел конец. Но в Москве он нашел совсем другое: «увидел церковь паче и прежнего смущену». Очевидно, в Москве не только не думали о восстановлении старины, но, как мы видели, и его, Аввакума, задумали было привлечь к никоновским новшествам и, во всяком случае, настаивали, чтобы он не порицал и не хулил их – этого требовал сам царь, возвративший его из ссылки. Аввакум на время дипломатично было замолчал, имея на то свои расчеты: «чаял-либо помаленку (царь) исправится», замечает он. В видах исправления царя и возвращения его к старому благочестию, Аввакум подает государю челобитные, с целью разъяснить ему истинное положение церковных дел и сообщить ему на них свой правильный взгляд, затемненный в царе влиянием Никона. Но царь не только остается глух к его заявлениям, а все чаще и чаще присылает к нему разных лиц с настойчивым предложением подчиниться церкви. Аввакум решительно отказывается, но одному из посланных поручает передать царю: «я (т. е. Аввакум) не сведу рук с высоты небесные дондеже Бог тебя (т. е. царя) отдаст мне», т. е. Аввакум выражает твердую надежду, что он, с течением времени, все-таки обратит царя на истинный путь, с которого тот сошел благодаря Никону. Этой надежды Аввакум не покинул совсем и после своего заточения в Пустозерске, как это видно из его особого, и уже последнего, впрочем, послания к царю из Пустозерска. Оно начинается так: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович! Многожды писал тебе прежде и молихом тя, да примиришися Богу и умилишися в разделении твоём от церковного тела, и ныне последнее тебе плачевное моление приношу из темницы, яко из гроба, тебе глаголю аз грешный протопоп Аввакум: помилуй едиnorodную Душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден

еси, с преже бывшими благочестивыми цари, родители своими и с прародители, и с нами богомольцы своими во единой святой купели ты освящен еси"... Призывая царя «внити паки в первое свое благочестие», Аввакум затем спрашивает его, за что он их гонит и оскорбляет? «Что есть ересь наша, пишет он, или кий раскол внесохом мы в церковь, яко же блядословят о нас никонианы, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерзком Жезле, а инде и предотечами антихристовыми?... Не вемы ни следу в себе ересей коих, – пощади нас Сын Божий от такова нечестия и впредь! – ниже раскольства: Бог свидетель и Пречистая Богородица и вси святии! Аще мы раскольники и еретики: то и вси святии отцы наши и прежние цари благочестивии и святейшия патриарси таковы суть... Кто бы смел рещи таковые хульные глаголы на святых, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, с коею правдою хочещи стати на страшном суде Христове пред тьмы ангельскими и пред всеми племени язык верных и зловерных. Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматах их, хотя едина ересь и хула на Христа Бога обрящется и церковь его: то рады мы за них прощатися пред всеми православными, паче же за то, аще мы от себе что внесохом соблазнов в церковь, или расколы. Но несть, несть! Вся бо церковная права суть разумевающим истину и здрава обретающим разум по Христе Иисусе, а не по стихиям сего мира, за нюже мы страждем и умираем и крови своя проливаем». И считая царя как бы окончательно погибающим, Аввакум обращается к нему с такою речью: «пался еси велико, а не восстал, искривлением Никона богоотметника и еретика, а не исправлением; умер еси по души его учением, а не воскрес. И не прогневайся, что богоотметником его называем. Аще правдою спросишь, и мы скажем ти о том ясно, и усты к устом, с очей на очи возвестим ти велегласно. Аще ли же ни, то пустим до Христова суда. Там будет и тебе тошно; да тогда не пособишь себе нимало. Здесь ты нам праведного суда со отступниками не дал: и ты тамо отвещати будещи сам всем нам... Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит. Жаль нам твоя царския души и всего дому твоего, зело

болезнуем о тебе; да пособить не можем: понеже сам ты пользы ко спасению своему не хочеши». Но такие речи к царю вовсе однако не значат, что он – Аввакум и другие гонимые, не любят царя. Наоборот. «Елико, пишет Аввакум, ты нас оскорблявши болши, и мучишь и томишь: толико мы тебя болши любим, царя, и Бога молим до смерти твоей и своей о тебе и всех клянущих нас: спаси, Господи, и обрати к истине своей! Аще же не обратитесь, строго замечает Аввакум, то вси погибните вечно, а не временно». И желая показать царю, как он усердно молится за него, и в то же время желая произвести на царя особое впечатление в пользу защищаемого им дела, он рассказывает ему о своем видении, какое ему раз было, когда он молился о царе. «Некогда мне, молящуся о тебе с горькими слезами, рассказывает Аввакум царю, от вечера и до полунощи зело стужающе Божеству, да же бы тебе исцелитесь душою своею и живу быти пред ним, и от труда своего аз многогрешный падох на лица своем, плакахся и рыдах горко, и от туги великия забыхся, лежах на земли, и видех тя пред собою стояща, или ангела твоего, умиленна, подпершися под лице правою рукою. Аз же возрадовахся, и начах тя лобызати и обмывати со умиленными глаголы. И видел на брюхе твоем язву зело велику, исполнену гноя многа, и убоявся вострепетах душою своею, и положих знак на войлок свой, на нем же молитвы и поклоны творю, и начах язву на брюхе твоем слезами моими покропляти, а руками сводити: и бысть цело брюхо и здорово, яко николиже боле. Душа же моя возрадовася о Господе и о здравии твоем зело. И паки поворотих тя вверх спиною твоею, и видех спину твою сгннвшу паче брюха и язва болши первые явися. Мне же тако плакавшуся, рукама своима (сводящу) язву твою спинную, и мало мало посошлася, и не вся исцеле. И очутихся от видения того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нет, государь, болши покинуть плакать о тебе: вижу, не исцелить тебя». Но, несмотря на это последнее заявление, Аввакум, однако, опять обращается к царю с рассказами, которые ясно говорят, какой великий угодник пред Богом Аввакум, и что царю следует его во всем слушаться! Именно здесь он рассказывает, как Бог вместил в него, протопопу Аввакума, небо, землю и всю

тварь и что власть его несравненно шире власти царя, который владеет только одной русской землей, тогда как, говорит про себя Аввакум, «небо мое и земля моя, свет мой и вся тварь – Бог мне дал». Затем рассказывает царю и еще об одном необыкновенном видении, которое случилось после его расстрижения, и когда ему из облака явилась госпожа Богородица и потом, с силами многими, сам Христос, рекший ему: «не бойся, Аз есмь с тобою»! Понятно, что все три видения рассказаны были Аввакумом царю с единственной очевидной целью: заставить царя сделать тот шаг, благодаря которому молящийся за него, несомненный великий угодник Божий, Аввакум, исцелит его окончательно от того тяжкого недуга, в который он впал благодаря Никону. Но Алексей Михайлович не только не хотел сделать этого шага, на который так усиленно толкал его Аввакум, но и до конца своей жизни остался во всем верен никонианству, не обратив никакого внимания на послание Аввакума, и даже не заботился, хотя бы сколько-нибудь, облегчить тяжелое положение заключенного, который, по-видимому, на это сильно рассчитывал¹⁸⁰.

Ввиду полной неудачи послания к царю из Пустозерска, Аввакум окончательно разочаровался в Алексее Михайловиче, и с этого времени круто изменил к нему свои отношения, которые, впрочем, теперь приходилось ему проявлять только в своих письменных произведениях, обращавшихся между его почитателями, так как всякие непосредственные сношения с царем прекратились навсегда. Эта перемена в отношениях Аввакума к царю Алексею Михайловичу очень характерна и любопытна.

Ранее Аввакум питал особое, теплое расположение к Алексею Михайловичу, считал его человеком добрым и особенно расположенным к нему – Аввакуму. Везде он называет его: «светик-государь» или просто – «свет-государь», «благочестивейший и православнейший», а иногда – фамильярно: «миленький», «Михайлович» и даже – «Алексеюшко». Вся беда его миленького царя заключалась, по тогдашнему мнению Аввакума, в том, что он поддался влиянию нечестивого Никона, который вкрался в его доверие и обольстил

его царскую благочестивую душу. «Завел его, говорит Аввакум, собака Никон-то за мыс, а то он доброй человек был. Знаю я ево». «Ум отнял у миловы (т. е. царя), у нынешнего, как близь его был. Я ведь тут тогда был, все ведаю», уверяет он. «Житие (царя) было и нарочито исперва, да рассказал собака Никон еретик». «И царя – тово враг Божий (т. е. Никон) омрачил, да к тому величает, льстя, на переносе: благочестивейшаго, тишайшего, самодержавнейшаго государя нашего, такогосякого, великаго, – больше всех святых от века! – да помянет Господь Бог во царствии своем, всегда и ныне и присно во веки веков... А царе-т, веть, иронически замечает Аввакум, в те поры чаёт и мнится быт-то и впрямь таков, святее его нет! А где пуши гордости той?» Даже в записке, которая была подана собору 1667 года, Аввакум обвиняет только Никона, а царя оправдывает. Он заявлял: «государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, православен, но токмо простою своею душею принял от Никона, мнимого пастыря, внутреннего волка, книги, чая их православны, не рассматривая плевал еретических в книгах, внешних ради браней, понял тому веры, и впрямь чаю по писанному: праведник аще падет не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его»¹⁸¹.

Свои доброжелательные отношения к царю Аввакум изменил на резко-враждебные и оскорбительно-пренебрежительные, когда окончательно убедился, что царь ему, Аввакуму, совсем не подчиняется, не желает входить с ним ни в какие сношения, что он всецело и сознательно – убежденно предан реформе Никона, которую он будет всячески поддерживать и укреплять. Тогда-то у Аввакума о царе, его отношении к Никону и реформе, слышались другие речи, нежели какие он говорил по этому поводу ранее. Теперь Аввакум стал заявлять, что царь не был соблазнен и обманут Никоном, а действовал заодно с ним вполне сознательно и добровольно, только сначала исподтишка, а потом уже явно и открыто, так что за церковные новшества отвечает уже не один Никон, но вместе с ним и в той же степени и царь. «Во 160 году, теперь повествует Аввакум, поставлен бысть Никон патриархом

при царе Алексие: и начата оба, патриарх и царь, казители в Руси христианскую веру!.. И сперва царь, до соборища того, будто и не ево дело, а волю Никону всю дал, вору. Он же, со дияволом на складу, что захотел, то и делал: в седми летех своея власти вся превратил в церкви, и бысть вся горняя долу. Потом и соборище собра «царь Алексей на подкрепление тоя бл.. в лета та, яже Богослов назнаменуе: число бо человеческое, и число его 666... Два рога у зверя – две власти знаменует: един победитель, Никита по алфавиту, или Никон, а другой пособитель, Алексей, пишется в книгах рожка круглики в космах, яко у барашка, добродетель знаменует, льстя житием, являясь добрым, бодый церковь рогами и уставы ее стирая... Егда любление сотвориша, яко Пилат и Ирод, тогда и Христа распяша: Никон побеждать начал, а Алексей пособлять исподтиха. Тако бысть исперва. Аз самовидец сему». В другом месте Аввакум говорит: «пьян ты, упился еси от жены любодеицы, сидящая на водах многих и ездящая на звери червлеве. Зело пряно вино и пьяно питье у бл... Нарядна вор-бл..ь; в царской багрянице ездит и из золотой чаши подчивает. Упоила римское царство и польское и многие окрестные, да и в Русь нашу приехала во 160 году, да царя с царицею и напоила: так он (т. е. царь) и пьян стал; с тех мест не проспится; беспрестанно пьет кровь святых свидетелей Иисусовых». Или, например, Аввакум рассуждает: «ныне у них (никониан) все наось, да поперег; жива человека в лице святым называй, коли и пропадет. В помяннике напечатано сице: помолимся о державном святом государе царе. Вот, как не беда человеку! А во отечниках писано: егда-де в лице человека похвалит, тогда сатане его словом предает. От века несть слыхано, кто бы себя велел в лице святым звать, разве Навходоносор вавилоньский! Да досталось ему безумному! Семь лет быком походил по дубраве, траву ядяше плачучи... А то приступу не было: Бог есмь аз! Кто мне равен? Разве Небесный! Он владеет на небеси, а я на земли равен Ему! *Так то и ныне блиско тово*». Еще в одном месте Аввакум замечает о царе: «накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветры гоня,

облетая по аеру, яко пернат, ища стан святых, како бы их поглотити *и во ад с собою свести*»¹⁸².

Как скоро Аввакум признал царя наравне с Никоном одним из сознательных виновников произведенной церковной реформы, то ему вполне естественно было признать Алексея Михайловича, как и Никона, человеком нечестивым, заслуживающим всяких порицаний и кар. Прежний «благочестивейший, православнейший» государь Алексей Михайлович, теперь, уверяет своих последователей Аввакум, находится, вместе со всеми властями, уже в свите самого антихриста. Вот какую характерную картину изображает пред нами Аввакум. «А я, братия моя, говорит он, видал антихриста – тово, собаку бешеную, – право видал, да и сказать не знаю как. Некогда мне печалну бывшу и помышляюще, как приидет антихрист враг последний и коим образом, да сидя, молитвы говоря, и забыхся: понеже не могу стояти на ногах, – сидя молюся окаянный. А се на поле нечистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: чего ради людей много в собрании? Он же отвеща: антихрист грядет, стой не ужасайся. Я подперся посохом своим двоерогим протопопским, стал бодро: ано ведут ко мне два в белых ризах нагово человека, – плоть-та у него вся смрадна, зело дурна, огнем дышит изо рта и из ноздрей, из ушей пламя смрадное выходит. *За ним царь наш и власти* со множеством народа. Егда ко мне привели его: я на него закричал и посохом хочу его бить. Он же мне отвещал: что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладати, но волею последующих ми, сих во области держу. Да изговоря, пал предо мною, поклонился на землю. Я плюнул на него, да очнулся; а сам воздрогнулся и поклонился Господеви. И дурно мне силно стало и ужасно; да нечего на то глядеть»¹⁸³.

Но особенно свое грубо-циничное отношение «к светику» и «миленькому» государю Алексею Михайловичу Аввакум высказывает в двух случаях: в послании к некоему Симеону и в толковании притчи Господа о Лазаре и богатом. В послании к Симеону Аввакум, прямо не называя себя и Алексея Михайловича, сопоставляет себя с Николаем чудотворцем, а

Алексея Михайловича изображает под видом царя-мучителя Максимиана. «Никола чудотворец, говорил Аввакум, и лутчи меня, со христиан! сидел пять лет в темнице от Максимиана мучителя; да то горкое время пережили, миленкие, а ныне радуются радостью неизглаголанною и прославленною со Христом. А мучитель ревет в жупеле огня. На-вот тебе столовые долги и бесконечные пироги, и меды сладкие, водка процеженная с зеленым вином! А есть ли под тобою, Максимиан, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твоё здоровье, чтоб мухи не кусали великого государя? А как там с..ть-то ходишь, спальники ребята подтирают ли г..но-то у тебя в жупеле том огненном? *Сказал мне Дух Святой*; нет-де там уж у вас робят тех, – все здесь остались, да уже-де ты и не с...ш кушанья тово, намале самого кушают черви великого государя¹⁸⁴. Бедной, бедной, безумной царишко! Что ты над собою сделал? Ну где ныне светлблещающия ризы и уряжение коней? Где златоверхие палаты? Где строение сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, имже содержал царствия державу? Где светлообразные рынды, яко ангелы пред тобою оруженосцы попархивали в блещающихся ризах? Где вся затеи и заводы пустотного сего века, о нихже упражнялся невестягновенно. оставя Бога, яко идолом бездушным служаше? Сего ради и сам отриновен еси от лица Господня во ад кромешный». Всю эту грубо-циничную выходку против «добренькаго» и «миленькаго» государя Алексея Михайловича, Аввакум заканчивает таким достойным его обращением к царю; «Ну, сквозь землю пропадай, бл.... сын! Полно христиан-то мучить! Давно тебя ждет матица огня!» По поводу притчи Спасителя о богатом и Лазаре Аввакум рассуждает, имея в виду царя Алексея Михайловича; «видите ли, братие, како смири его (богатого) мука? Прежде даже пред очима не видел Лазаря гнойного: а ныне зрит издалече, и мил ся деет ко Аврааму; а Лазарю говорить сором, понеже не сотворил добра ничтоже. Возми, – пойдет Лазарь в огонь к тебе с водою! Каков сам был милостив: вот твоему празднеству оддание! Любил вино и мед пить, и жареные лебеди и гуси, и

рафленные куры: вот тебе в то место жару в горло, губитель души своей окаянной! Я, замечает о себе Аввакум, не Авраам, – не стану чадом звать: *собака ты!* За что Христа не слушал, нищих (т. е. Аввакума и его друзей) не миловал. Полно милостивая душа Авраам – от милинкой, – чадом зовет, да разговаривает быт-то с добрым человеком. Плюнул бы ему в рожо-то и в брюхо-то толстое пхнул бы ногою! Да что говорить? – но себе я знаю: хотя много досадит никониянин (разумеется царь), да как пришлет с лестию бывало: ведаю твое чистое непорочное и благоподражательное житие, помолись обо мне, и о детях, и благослови нас! – так мне жаль станет, плачу пред Богом о нем». – Наконец, Аввакум, ссылаясь на бывшее ему от Бога видение, уже окончательно и навсегда сажает умершего Алексея Михайловича прямо в ад. В послании к царю Феодору Алексеевичу Аввакум пишет: «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, – *слышала от Спаса*: то ему за свою правду. Иноземцы (т. е. греческие иерархи на соборе 1667 года), что знают, что велено, то и творили. Своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддержали, – костельники и шиши антихристовы, прелэгатаи, богоборцы!» Или, например, толкуя псалом и обращаясь как бы к стоящему перед ним царю, говорит: «за что ты здесь отщещшся от Христа, и пречистую икону Богородичну со престола согнал и прочия ереси любезне держал, а правоверных пек и огнем налил? Будет ти и самому жарко в день лют от Господа; а печеные те от веры живы будут там»¹⁸⁵.

Аввакум, до самого последнего времени, видел главную опору и защиту для себя и всего своего дела только в царе, которого он ранее всегда рассчитывал привлечь на свою сторону, почему он всячески и побуждает царя взять в свое исключительное ведение все церковные дела и вести их по своему царскому усмотрению, не обращая внимания на архиереев. Так, в своей челобитной государю, поданной им в Москве по возвращении из Сибири, он взывает: «потщися, государь, исторгнути злое ево (Никона) и пагубное учение, дондеже конечная пагуба на нас не прииде, и огонь с небесе, или

мор древний, и прочая злая нас не постигло. А егда сие злое корение исторгнем, тогда нам будет вся благая, и кротко и тихо все царство твое будет, яко же и прежде никонова патриаршества было, и агарянский меч Бог устави исподобит нас получитьи вечная благая». В другой челобитной, поданной государю тогда же в Москве, говорит: «аще архиереи исправить не радят, поне ты, христолюбивый государь, ту церковь от таковыя скверны потщися очистить, да в державе царствия твоего в верных людех соблазн потребится, да и от Бога милости сподобишся». В послании из Пустозерска Аввакум решительно заявляет царю: «все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит». Но когда, наконец, Аввакум увидел и убедился, что царь не только не думает уничтожать «никоновы затейки» и возвращаться к старому, а совершенно наоборот: всячески заботится об укреплении церковной реформы и об окончательном признании ее всею церковью, и что надежды его – Аввакума на царя никак не могут оправдаться, он сейчас же меняет свой взгляд на отношение царя к церковным делам и уже заявляет теперь, что царь не имеет никакого права и никак не должен заправлять и руководить церковными делами, что это дело не царя, а архиереев. Теперь он сурово обращается к царю: «в коих правилах писано царю церковью владеть и догматы изменять, святая кадить? Толко ему подобает смотреть и оберегать от волк, губящих ее, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных пастырей и истинных архиереев, иже души свои полагают за стадо Христово»¹⁸⁶.

Аввакум окончательно разочаровался в царе Алексее Михайловиче, ясно увидел, что тот твердо и неуклонно стоит и останется навсегда убежденным сторонником реформы Никона и никогда не воротится к старым церковным дониконовским порядкам. Однако это не убило веры Аввакума, что та церковная старина, за которую он борется и страдает, все-таки в конце концов восторжествует над никонианством, и если не при Алексее Михайловиче, то при его сыне. При объяснении одного псалма Аввакум обращается к Алексею Михайловичу с речью: «перестань-ко ты нас мучить – тово!.. Ты, пожалуй, распусти

иных – тех при себе... Сын твой, после тебя, распустит же о Христе всех страждущих и верных (верующих?) по старым книгам в Господа нашего Иисуса Христа. На шестом соборе бысть же сие, – Константин Брадатый проклял же мучителя, отца своего, еретика, и всем верным и страждущим по Христе живот дарова. *Тако глаголет Дух Святый мною грешным рабом своим: и здесь тоже будет после тебя!*» В другом месте Аввакум говорит: «не оскудеет, по словеси Божию, старое наше православие молитвами св. отец, а ваше собачье никонианское умышление скоро извод возмет: не будет яко мирсина и кипарис, но яко неверия паки в прут иссохнех и в прах разыдется и провоняет, яко мертвый пес. Всяк любяй веру никонианскою, не будет яко мирсина; никак, но яко Формос папа, законоположник римского стола, по смерти провонял и смрадом своим весь град огнусил и ко издохновению привел, дондеже Стефан попа в Тиверь реку смрадное тело вверх. Тако и нынешних московских законоположников новых, с Никоном врагом, ввержет последний род в Москву реку, и прах их лопатами загребут – бл... детей, провонялых душ. Адом воняют все, не лгу никак, я их знаю, водился с ними»¹⁸⁷. Эта вера Аввакума, что его дело в конце, несомненно, восторжествует, была безусловна необходима в его положении, так как страдать и бороться совсем даром, за дело уже совершенно проигранное, было бы невозможно, как ему невозможно было бы, без такой уверенности, смело и спокойно взойти на костер.

В лице протопопа Аввакума, во главе защитников старины, стал теперь самый крайний, неуступчивый, самый фанатичный и, в то же время, менее других культурно развитый человек, с крайне узким и односторонним кругом воззрений и понимания, совершенно неспособный отнестись к несогласующимся с ним сколько-нибудь спокойно, объективно, а тем более справедливо, или даже просто беспристрастно. Если царь Алексей Михайлович употреблял со своей стороны все усилия ту пропасть, какая тогда уже стала образовываться между православной церковью и сторонниками старого обряда, всячески сузить, заполнить, а в конце и совсем уничтожить; то протопоп Аввакум, со своей стороны, употреблял все усилия,

пускал в ход все средства всячески расширить и углубить эту пропасть, чтобы и в будущем, а если возможно, то и навсегда, сделать ее непроходимой ни для той, ни для другой стороны.

Ко всей православной, или как выражается Аввакум, никонианской церкви, он относится всецело отрицательно, с нескрываемым презрением и ненавистью. Он в ней видит не церковь, а какой-то, по его выражению, «разбойничий вертеп», собрание или совокупность всего, что от начала создавала в христианской церкви гнилая, все развращающая и растлевающая еретическая мысль человека; православная церковь, по Аввакуму, это какой-то зловредный, гнойный нарыв, в котором скопились все болезненные тлетворные соки, отбрасываемые здоровым организмом. «Как не беда содеяся в земли нашей? говорит Аввакум. Всех еретиков от века ереси собраны в новые книги: духу лукавому напечатали молиться, в том же крещении сатаны не отрицаются, и около купели против солнца кружат, и церкви святят также против солнца, со образы и крыжами ходят» и т. д. «Чему быть? спрашивает Аввакум и отвечает; что велит диавол, то (никониане) и делают!.... Апостоли и 7 соборов святых отец, и пастыри и учителя о Святом Дусе исполнили святую церковь догматов, украсив ю яко невесту, кровию своею со Христом запечатав, нам предали, а антихристова чадь (т. е. никониане) и разграбили, зело люто разорили, и крест с маковиц Христов стащили трисоставный, и поставили крест латынской четвероугольный, а с церкви той все выбросили, и жертву пременили, молитвы и пение, все на антихристово лицо устроили. Чему быть? Дети его; отцу своему уладили путь. Аще и не пришел еще он, – последней чорт, но скоро уже будет. Все изготовили предотечи его, и печатают людей – тех бедных слепых тремя персты и развращенною малаксою». «Зело бо огорчиша церковь Божию и общую мать нашу догматы незаконными: вся бо от века ереси внесоша в ню, о нихже ми не достанет лето повествующу. Закаляют бо агнец неправедный, еже действо лъсти литоргейное; отнюдь бо православному христианину их служения не подобает причащаться: суетно бо кадило и мерзко приношение, понеже бесом жрут никонияня, а

не Богови». «А треперстная бл..ь, проповедует протопоп Аввакум, еже сие слагают (персты), явна бе в Апокалипсисе: из нея бо исходят три духи нечисты и вселяются в поганую душу, – преводне рещи – три жабы, или три лягушки, и оскверняют человека. Всяк бо, крестясь тремя персты, кланяется первому зверю – папежу, и второму – русскому, творя их волю, а не Божию; или рещи: кланяется и жертвует душою тайно антихристу и самому дияволу. В нейже бе, щепети, тайна тайнам сокровенная: змий, зверь и лжепророк, сиречь: змий – диявол, а зверь царь лукавый (т. е. Алексей Михайлович), а лжепророк – папез римский и прочий подобни им. Да полно о том беседовать: возми их чорт!... Никон, с выблядками своими, не святей Троице (поклоняется), но скверной троице: змию и зверю и лживу пророку. Несть ваша чиста и свята жертва, несть, но скверна и прескверна и противна. Бесили, чему подобен агнец ваша жертва? спрашивает иступленный фанатик, и отвечает: разумей, яже глаголю: *подобен есть псу мертву и повержену на стогнах града, а и храм вашего священства подобен разбойничу вертепу*. Не подобает тамо правоверному христианину ни на праг храма вашего возступити, идеже Отец ругаем, и Сын хулим бывает, и Дух Святой, Господь истинный и животворящий, отметаем есть; не подобает никакоже самоволне себе *в пропасть сию* ринуту и стремнину пометатися. А в крещенских молитвах написали: молимся тебе, Господи, душе лукавый, яко помрачение помыслом новодяй. Во-то, – тута чорта господом называют, и молятся ему за то, что омрачает помыслы!... Их причастие-то емко, – что мышьяк, или сулема, во вся кости и мозги пробежит скоро, до членов же и мозгов и до самые души лукавой промчит: отдыхай – петь после в генне огненной и в пламени горящем стони, яко Каин, обратной грешник!» У известной сторонницы старообрядства и великой почитательницы протопопы Аввакума, боярыни Морозовой, когда она находилась в заключении, умер ее маленький сын Иван. Аввакум, в своем послании к Морозовой, утешает скорбевшую о сыне мать: «а что петь о Иване то болно сокрушаешься? Главы не сохранил! Полно-су плюскать-то, Христа для!.. Как то надежа – свет – Христос изволил! То бы по

твоему добро, кабы на лошадях-те без тебя ездить стал, да баб-де воровать?... А то дорогое дело – по-новому робенка причастили! Велика беда, куды! Он и не знает, ни ведает в печалех в то время, что над ним кудесили бл...ы они дети... Собаки опоганили при смерти, так у матушки и брюхо заболело: охти мне, – сына опоганили! во ад угодил! Не угодил, – не суетися!»¹⁸⁸. Таким образом, протопоп Аввакум относится к православной, или по его терминологии, никонианской церкви, не только презрительно и с ненавистью, но сознательно кощунственно и намеренно цинично, стараясь, в глазах своих последователей, всячески осмеять и опошлить самое святое и дорогое для всякого христианина: таинства и все священнодействия церкви. «Ну и церковь – ту под гору со всеми!» – вот тот вывод, к какому он приходит из рассмотрения своих возможных для него отношений к православной церкви.

Точно так же в высшей степени презрительно и, безусловно, отрицательно протопоп Аввакум относится и ко всем вообще тогдашним иерархам русской церкви, как попустителям и сторонникам никоновской реформы. В послании к царю Феодору Алексеевичу из Пустозерска Аввакум в таких словах выражает свой общий взгляд на тогдашнее положение русской иерархии: «столпи поколебашеся наветом сатаны, патриарси изнемогоша, святителие падоша и все священство еле живо, Бог весть, али и умроша». В другом случае Аввакум поучает царя, что ему в делах веры следует слушать православных и истинных архиереев, «а не тех, глаголю, пастырей слушать, иже и так и сяк готовы на одном часу перевернуться. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинных кровь пролияти и исповедников православные веры во огонь всаждати. Хороши законоучители! Да што на них! Таковые нароком наставлены, яко земския ярыжки, – что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: а-се, государь, во-се, государь, добро, государь». Или, например, Аввакум обращается к государю: «я, бедной, тебе ворчу, – архиереи же не помогают мне, злодеи, но токмо потакают лише тебе: жги, государь христиан – тех; а нам как прикажешь, так мы в церкви и поем; во всем тебе, государю, не противны, хотя медведя дай

нам в олтарь, и мы рады тебя, государя, тешить, лише вам погребы давай, да кормы с дворца. Да, право, так. Не лгу». В послании к неизвестному Аввакум говорит: «али ты чаешь, потому святы нынешния законоположники власти, что брюха-те у них толсты, что у коров; да о небесных тайнах не смыслят, понеже живут по скотски и ко всякому беззаконию ползки. Или на то глядишь, что они воздыхают? Не гляди на вздохи-те их. Воздыхает чернец, что долго во власти не поставят, а как докупится великия степени, вот ужо и воздыхать перестанет; а буди и вздохнет, и он ласкосердствует, летит мира, показуя себе свята, а внутрь диявол. Павел Крутицкий и Иларион резанский горазды были сему рукоделию, да и все однаки власти-те кроме избранных, да лихо су избранным тем и тесно бедным бывает от них. Повертится, что перплица, да и он туды же склонится бедной: воля-де Божия, не один-де я по сей колеснице еду; где же де детца? А чорт ли бил в зашей? Ино было и не искать величества, да жить пониже, так бы душе здоровье было». При таком представлении о тогдашних архиереях, вполне понятны такие заверения со стороны Аввакума, что «на них на ослах еретики-те едут на владыках – тех», что они «словом духовнии, а делом бесы: все ложь, все обман. Какой тут Христос? Ни близко. Но бесов полки»¹⁸⁹. Эти свои общие суждения о современных ему архиереях Аввакум иллюстрирует рассказами о некоторых из них, рассказами, не столько иногда характерными для тогдашних архиереев, сколько для самого рассказчика Аввакума. Конечно, прежде всех и больше всех достается от Аввакума Никону, о котором он совсем не может говорить хотя бы сколько-нибудь спокойно, без брани, без самых резких и очень грубых выходов.

Аввакум очень мало и даже почти совсем не знал действительного Никона, так как лично мало встречался с ним. Когда Аввакум из Юрьевца переселился в Москву, там уже Никона не было, так как он, в качестве новгородского митрополита, жил тогда в Новгороде и Аввакуму встречаться с ним было негде. Никон, сделавшись патриархом, сразу перестал пускать своих бывших друзей и в крестовую, и Аввакум не мог лично и непосредственно наблюдать и изучать

его, так как был далек от него. При Никоне патриархе Аввакум прожил в Москве только год с небольшим, и затем был сослан в Сибирь, где пробыл одиннадцать лет. Очевидно, Аввакум не только лично мало знал Никона, но и совсем не видал и не был непосредственным свидетелем его реформаторской деятельности, которая началась только с собора 1654 года, когда Аввакум уже находился в ссылке. Значит, Аввакум составлял свое представление о Никоне реформаторе только по слухам, какие тогда доходили к нему в Сибирь, почему он нигде, в своих многочисленных сочинениях, и не говорит о постепенном, последовательном ходе церковной реформаторской деятельности Никона, о бывших при нем, по разным случаям, многочисленных соборах и их постановлениях, об участии в его реформах самих восточных патриархов и других восточных иерархов – вообще нигде ни разу он не пытается проследить реформаторскую деятельность Никона исторически, разобрать и оценить те условия и обстоятельства, при которых она возникла и совершалась. Правда, Аввакум уверяет, что он знал хорошо Никона еще на его родине, бывшей от родины Аввакума только в пятнадцати верстах, когда он назывался еще Никитою и «детинка – бродяга был». Но и здесь Никон известен ему, по его собственным словам, только как какая-то очень сомнительная помесь не то черемиса с русской, не то черемиса с татаркой; достоверно же он знает только, что Никита еще с детства научился будто бы кудесничеству и чародейству, так как на его родине чародеев и кудесников было очень много. И вот, возвещает Аввакум, «Никитка (т. е. Никон) колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводие (Желтоводский монастырь) с книгою повадился (он детинка бродяга был), да выше, да выше, да и к чертям попал в атаманы, а ныне яко кинопс волхвужа, уже пропадет скоро и память его с шумом погибнет». Понятно, что так подготовленный Никон, этот, по выражению Аввакума, «носатый и брюхатый, борзой кобель, отступник и еретик», «Никон пресквернейший», «любимый антихристов предтеча», «шиш антихристов, бабо...б, плутишка» и прямо «сын дьявола», сделался потом, став «выше, да выше», соблазнителем и

губителем всех верных, начиная с самого царя. Никон, заверяет хорошо будто бы знающий его Аввакум, «сын он дьяволь, отцу своему сатане работает, и обедни ему по воли его строит, над просвирую – тою молитву батьку – тому своему (т. е. сатане) говорит перед переносом – тем. Знаешь, любимый дар среди обедни-то очинит, да кого жалует – любит, тех и причащает тем, соверша обедню. Да и маслом мажет причасников своей скверне, прибегших к его милости. Сам государь трудится святитель: как лишиться такой святыни! Да так-то миром мажет и сквернит; да такая беда, – кого помажет, тот и изменится умом тем. Явно омрачает. Али антидором тем накормит, так и пошел по нем». – «Оступник Никон с товарищи, уверяет Аввакум, всех тщится перемазать сквернами любодеяния своего, да отведет от Бога великия и малые, богатые и убогия, сиренные и нищия, старые и молодые, юноши и девы и сущия сосца матерня младенца, – всех сих еретик ищет погубить и ко дьяволу подклонить»¹⁹⁰. – Вообще Аввакум, в своих многочисленных сочинениях только констатирует тот факт, что Никон кудесник, мерзкий еретик, богоотступник, сын дьявола, предтеча антихриста, слуга самого сатаны; он только всячески и очень неприлично его ругает; но нигде, однако, при этом не объясняет: по каким побуждениям и каким образом Никон, которого все-таки сколько-нибудь знал Аввакум и даже за кандидатуру которого в патриархи он добровольно подписался под челобитной царю, – мог сделаться еретиком, слугою сатаны, предтечею антихриста, сознательным губителем векового русского православия? Что Никон еще от юности был кудесник и чародей, – эта сказка Аввакума только еще более служит доказательством, что Аввакум не знал действительного, исторического Никона, что он был бессилен и неспособен хотя сколько-нибудь понять и объяснить естественным путем возможность появления у нас Никона – реформатора. Несомненно одно: Никон из живого исторического лица, каким он, например, являлся у Неронова, у Аввакума совсем превращается в какое-то чисто мифическое и легендарное существо. Больное воображение Аввакума создало ему своего собственного Никона, так мало похожего на Никона

действительного, и с этим своим – аввакумовским Никоном, он носится всюду, везде выставляет его как действительного Никона, даже совсем не замечая совершаемой им подмены, так как сам верует в реальную истинность и действительность создания своей фантазии. Отсюда само собою получается, что когда Аввакум борется с Никоном, то в существе дела он борется не с действительным историческим Никоном, а только с созданием своей собственной фантазии. В представлении Аввакума эта борьба была не более и не менее, как борьбой с самим дьяволом, только порождением и орудием которого был Никон. Борясь с Никоном, кудесником, еретиком и сыном дьявола, Аввакум на самом деле боролся, по его глубокому убеждению, с самим сатаной, и своею борьбой спасал родную Русь и всех своих «миленьких» от хитро расставленных сетей дьявола. Понятен отсюда весь задор и вся крайняя несдержанность Аввакума относительно Никона: в борьбе с самим дьяволом нечего церемониться в выборе средств, – тут все средства хороши, лишь бы только они достигали цели: спасали истинно верующих от уготованной им дьяволом вечной гибели. Понятно отсюда также и то, что вся борьба Аввакума с Никоном, – созданием его собственной фантазии, была борьбой очень странною, борьбой не с реальной действительной опасностью православию, а с опасностью только воображаемой, борьбой с грезами и галлюцинациями своего собственного до болезненности напряженного воображения. А между тем на эту борьбу Аввакум затратил всю свою не короткую жизнь, все свои силы и недюжинные природные способности, терпел из-за нее всевозможные лишения и страдания и закончил ее мученически – на костре.

Кроме Никона, Аввакум нападает и на некоторых других архиереев. Так про Иону, митрополита ростовского, рассказывает, что будто бы «медведя Никон, смеясь, прислать Ионе ростовскому на двор, и он челом медведю, – митрополитишко, законоположник! А тут же в сонмище с палестинскими сидит, бытто знает!» К своему земляку и бывшему приятелю Илариону, архиепископу рязанскому, Аввакум обращается с такою речью: «Мелхиседек прямой был

священник, не искал ренских и романей, и водок и вин процеженных, и нива с кардамоном, и медов лимоновых и вишневых, и белых разных крепких. Иларион мой друг, архиепископ резанский! Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в карете не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевич попенок! В карету сядет, растопыршится, что пузырь на воде, сидя на подушке (расчесав) волосы, что девка, да едет, выставя рожу, на площади, чтобы черницы – волухи – унеятки любили. Ох, ох, бедной! Не кому по тебе плакать! Недостоин век твой весь Макарьевского монастыря единые ноши. Помнишь-ли, как на комарах – тех стаивано на молитве? Явно ослепил тебя диавол! Где ты ум дел? Столько добра и труда погубил!.. Ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял! Помнишь, камением – тем тебя бросали на Лыскове у мужика-тово, как я к тебе приезжал? А ныне ты уже содружился с бесами – теми, мирно живешь, в корете с тобою ж ездят, и в соборную церковь и вверх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им. Как тебя не любить? Столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором своим, еще же и учением своим льстивым и пагубным многих неискусных во ад сведе! Никто же ин от властей, якоже ты, ухищрением басней своих и пронырством царя льстиш и люди Божия губишь. Да воздаст ти Господь по делом твоим в день страшного суда! Полно говорить». Аввакум передает рассказ своего ученика, юродивого Федора, который ему сообщал: «был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня, – реткой день плетми не бьет, и скована в железах держал, принуждал к новому антихристову таинству». – Про Крутицкого митрополита Павла Аввакум заявляет, что «тот не живал духовно, – блинами все торговал, да оладьями, да как ученился попенком, так по боярским дворам блюда лизать научился: не видал и не знает духовного жития». В другом месте Аввакум замечает: «а о Павле Крутицком мерзко и говорить: тот явной Любодей, церковной кровоедец и навадник, убийца и душегубец: Анны Михайловны (Ртищевой) любимой владыка, подпазушной пес борзой, готов заяцлов Христовых ловить и в

огонь сажать». Иларион и Павел, по поручению государя, не раз уговаривали Аввакума соединиться с церковью и вступали, по этому поводу, в состязания с ним. В одном месте он замечает: «аз с кабелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Иларионом». В другом месте он говорит, обращаясь к этим иерархам: «помните-ли? – На сонмище той лукавой, пред патриархами вселенскими, говорите мне Иларион и Павел: Аввакум милой, не упрямясь, что ты на русских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему не верить! Помните, чего, не забыли, как я бранить стал, а вы меня бить стали, разумные свиньи? Мудрены вы со дьяволом! Нечего много говорить и рассуждать. Да нечего у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как покупать, как есть, как пить. А иное и молвить срамно, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бл....и, митрополиты и архиепископы – никонияня, воры, прелатаи, другие немцы русские». Павел и Иларион возбуждали к себе особую ненависть Аввакума тем обстоятельством, что они были самыми убежденными, энергичными и деятельными сторонниками и проводниками в обществе реформы Никона, а вместе с тем они были более передовыми, сочувствовавшими насаждению у нас науки и образованности, иерархами. О последнем, очень важном для тогдашнего московского передового общества обстоятельстве, свидетельствует невольно сам Аввакум. Про Илариона он рассказывает: «некто гречин архимандрит Дионисий учит Илариона архиепископа рязанского греческим буквам, реку и нравом, внешняя мудрствующим. Болезнужа ж, рекох владыке сему, древния ради любви с ним: владыко святой, у зазорна человека учишся! понеже слышах от достоверных свидетелей, что софеинской поп Ирадион извещал на него вам святителям, что он, архимандрит, некоего поляка... У них то, греков, не диковина... Ни добра похвала – такой вор и ругатель великия России святителя учит! И архиепископ Иларион в то время зело кручинен был». Про Павла крутицкого Аввакум говорит, толкуя одно место из книги Премудрости Соломона: «кую премудрость, глаголет, взыщите? Ту ли, еяже любит Павел митрополит и

прочий его товарищи, зодийщики? Со мною он, Павел безумный, стязаяся, глаголющи, велено-де, протопоп, научиться премудрости альманашной и звездочетию, писано-де: взыщите премудрость, да поживете. Не знает писания, дурак, ни малехонько! Как быть, – на них на ослах еретики-те едут на владыках тех!»¹⁹¹.

Изображая в таких крайне непривлекательных и позорных чертах тогдашних лучших наших церковных иерархов, Аввакум взывает наставительно к своим последователям: «горе, горе, братия, времени сему и нам живущим! Яко духовни учителя немилосердии, злы, пияницы и гордии, творят развращенная, и церковь Христову возмутили, и нас, правоверных, оскорбляют и мучат зле: юзами темничными, и всякими ранами, и биением, и морят голодом, заключенны, аки злодеи, в темницах, – за самую истину и за веру Исус Христову. Предают нам инако веровати, новые законы, новые книги со многими их умышленными ересьми, на пагубу роду христианскому; прелстил бо их и обманул сатана, оставили бо свет, возлюбили тьму, и вся святые догматы развратили по своему умышлению, и церковь святую разрушили и нас – правоверных возмутили, и самоволно приступили ко антихристу. Яве есть, яко уготовают путь к пришествию его: и се духовное пришествие его, по писанию утаено неразумевающим, оказалось и есть... О горе, горе и увы братие! яко время зло наступило на ны, и горе приемлющим от нынешних пияных учителей и споспешников антихристовых новые законы, новые книги. От сего сохрани нас Христос, Сын Божий! Якоже видим нынешния мнимые духовники пастыри, яко аспиды глухия, заткнуша уши свои, не хотят слышати о истине, ухищряют и прельщают своими ересьми сердца несмысленных, и влекут с собою во ад преисподний и во огонь геенский. Блюдитесь, молю вы, от таковых, и не сообщайтесь неподобным и темным делом их»¹⁹².

Вслед за архиереями Аввакум осыпает грубой, площадной бранью и всех никониан, т. е. всех членов православной церкви, к которым он относится с величайшею ненавистью и презрением. Для него все никониане – это что-то такое невыразимо скверное, нечистое и крайне злобное, что

возбуждает в нем только негодование, отвращение и гнев. Вот как в своих сочинениях он отзывается о никонианах и какие эпитеты всегда прилагает к ним: «Отпиши ко мне, как живут отщепенцы, бл...ы дети, новые униаты, кои в рогах ходят, понеже отец их диавол, бл...и и лжи начальник, их тому научил – лгать и прельщать народы». – «Ох, собаки! что вам старина-та помешала? разве то тяжело, что блудить не велят старые святыя книги. Блуди, собака, блуди, отступник, баб униаток, а не замай старых святых непорочных книг пречистых». – Скажи-тко, никонианин, скажи: как не сугуб? Богоборцы, воры, бл...ы дети!.. Не подобает с вами, поганцами, нам верным и говорить много!» «Посмотри-тко на рожу-ту и на брюхо-то (на иконах франкского письма), никонианин окаянной, – толст ведь ты! Как в дверь небесную вместится хочешь! Узка бо есть, и тесен и прискорбен путь вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие. Воззри на святыя иконы и виждь угодившия Богу, како добрые изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе и вся чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякия находящия им скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишите таковых же, яко вы сами: толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки яко стулцы у кажнова святаго». – «Никониане сыны дияволу: понеже не любят Христа и божественного его креста». – «Видиши-ли, отступниче – поползуха? Что рак ползаешь в вере – той, и так, и сяк, и инак!» – «Видиши-ли, никониянин, что вы делаете, над одною просфирою кудесите, – дыр 300 навертишь! Ох, собаки! Переменили предание святых отец, и пять просфир вместо семи возлюбили». – «Богородицу со престола согнали никонияне – еретики, воры, бл...ы дети. Да еще бы не горько христианину!» – «Воры, воры, бл...ы дети! Как вам себя не сором! Иудейская вся возлюбили... Да помните себе, что я говорю: пропасть и вам за собак место! Ждет вас Бог на обращение; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодеи, осквернившие ризу крещения, убийцы и прелюбодеи, пьяницы и непрестаемаго греха желатели». – Своих последователей Аввакум поучает: «а что много говорить? – не водись с никонияны, не водись с еретиками: враги они Богу и

мучители христианом, кривоносы, душегубцы!» Впрочем, раз Аввакум выразил даже заботу об обращении никониан, но сделал это, по обычаю, очень своеобразно – по-аввакумовски. В одном месте он взывает: «никонияня – дураки! С Павлом вам говорю: образумтесь!» – И только¹⁹³.

Приведенные нами потоки отборной ругани, все злобные, не знающие меры выходки против никониан, проклятия их, признание их сынами и слугами самого сатаны, вызваны у Аввакума единственно тем, что со времени Никона православные стали креститься не двумя, как ранее, перстами, а тремя, стали называть Христа Иисус, вместо старого – Исус, стали употреблять четвероконечный крест, не отрицая в то же время и восьмиконечного, стали трегубить, а не сугубить аллилуию, служить на пяти, а не на семи просфорах, переменили форму монашеского клобука и тому подобное. И только единственно за эти незначительные обрядовые перемены, совершенно безразличные для веры и благочестия, Аввакум и признает православных самыми злыми еретиками, даже не христианами, а слугами антихриста и самого сатаны. Какое, однако, сказывается во всем этом убожество мысли, знания, понимания... Считавший себя великим знатоком всего божественного, самых сокровенных божественных тайн, непонятных для других, но ему открытых, Аввакум в действительности не знал и не понимал, в чем состоит и как устроится на земле истинная церковь Христова, откуда и как произошли в ней те или другие обряды, какое они имеют в ней значение, как относиться к ее вероучению и тому подобное. Все эти вопросы лежали вне сферы знаний и понимания Аввакума, и даже совсем не возникали у него, хотя обряд и составлял сущность, все содержание его верований, всю душу его религиозной жизни. Нельзя не признать, что Аввакум, в этом отношении, был самым типичным и ярким выразителем тогдашнего общерусского понимания православия и правоверия: твердо и непоколебимо, несмотря на преследования и гонения, стоял он, защищая малейшую черточку самого незначительного и безразличного самого по себе обряда и даже просто поместного церковного обычая;

готов был всячески пострадать и действительно страдал за эти безразличные обрядовые мелочи и черточки, не шел относительно изменения их ни на какие уступки и компромиссы. Но, кичась тем, что он будто бы отлично знает, почему нам нужно обязательно употреблять восьмиконечный, а не четвероконечный крест, почему настоящую обедню нужно служить только на пяти, а никак не на семи просфорах и т. д., он, в то же время, грубо-еретически учил об основном и главнейшем догмате христианства – о Святой Троице, заблуждался относительно православного учения о сошествии Иисуса Христа во ад, встречая случайную опечатку в старопечатных книгах, верил и в опечатку, несмотря на очевидную получавшуюся отсюда бессмыслицу, – так написано в святой книге, значит, так нужно и верить, не рассуждая. Конечно, еретическое учение Аввакума о Св. Троице, неправославное его учение о сошествии Иисуса Христа во ад, его защита самых опечаток в старопечатных книгах, не были следствием его сознательной, еретическую мысль, желания иметь, по какому-либо пункту церковного учения, свое собственное, несогласное с церковью мнение; все это было только выражением немогущности и убожества его общего христианского развития и понимания, полного отсутствия у него высшего круга христианских знаний и идей, его неспособности и неумения мыслить отвлеченно, о предметах выходящих из сферы его непосредственного наблюдения, стоящих вне обыденных, вседневных окружающих его житейских явлений. Относительно последних он всегда проявляет тонкую наблюдательность, почему постоянно и мыслит самыми реальными образами и картинами, выхваченными им из обиходной жизни. К этому нужно прибавить и то, что Аввакум был человек очень горячий, живой, увлекающийся, плохо знавший во всем меру, и потому особенно способный впадать во всем в излишества и крайности: с никонианами он вовсе не может говорить спокойно, а только, по его собственному характерному выражению: «кричать», «лаять», «грызться».

Чтобы сильнее опорочить в глазах своих приверженцев и последователей никонианскую церковь и ее высших

представителей, Аввакум старается в своих сочинениях, при всяком удобном случае, подчеркнуть то обстоятельство, что господствующая церковь проявляет крайнюю нетерпимость к сторонникам старины, относится к ним мучительно, всегда жестоко гонит их, преследует, всячески насильничает над ними, чем совершенно ниспровергается христианское учение, не допускающее и к разномыслящим в вере никаких внешних принуждений и насилий, а тем более гонений и преследований. Так поступали только язычники, гнавшие и преследовавшие христиан, но так по-язычески невозможно поступать истинным служителям Христа, истинным представителям Христовой церкви. А между тем русские власти – и духовные и светские, всячески гнали защитников русской церковной старины. Рассказывая о расстрижении Логгина, о вырезывании языков у некоторых защитников старообрядства, о том, как их «на Москве жарили, да пекли», Аввакум, по этому поводу говорит: «чудо, как в познание не хотят приитти! Огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые то апостолы научили так? – не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Но Господом реченное ко апостолом сице: *шедше в мир весь проповедите евангелие всей твари. Иже веру имеют и крестится, спасен будет, а иже не имеют веры, осужден будет* (Ев. от Мк.16:15–16, зач.71). Смотри, слышателью, – волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жечь и на виселицах вешать. Татарский бог Магомет написал в своих книгах сице: непокоряющихся нашему преданию и закону повелеваем их главы мечем подклонити. А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учителя явны яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же». В своем рассуждении об иноческом чине Аввакум говорит: «а никонияне пуши устремишася на зло, чают добро творят, еже пожигают Христовых людей». У никониан одно: «токмо жги, да пали, секи, да руби, да вешай единокровных своих! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидетели нашей крови изливающейся». Или, например, Аввакум пишет: «ты,

никониянин, чем похвалится? – скажи тко! Антихристом своим нагим разве, огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем! – знаю я. У вас ныне: секи, да руби, жги, да пали, да вешай»!
194.

Из приведенных заявлений Аввакума с очевидностью, по-видимому, следует, что он был горячим поклонником и проповедником полной широкой веротерпимости, врагом всяких внешних принуждений и насилий в делах веры, – поклонником и проповедником того тезиса, – что всякое принуждение и насилие в делах веры противно учению Христа и его апостолов, и что оно должно быть совершенно чуждо и несвойственно истинной Христовой церкви, и потому никогда и никаким истинным христианином не должно быть употребляемо. Но думать так об Аввакуме было бы очень ошибочно.

В своей частной жизни, в своей протопопской практике, Аввакум любил прибегать к внешним принуждениям, насилиям, побоям и даже истязаниям, и относительно себя за свой грех или проступок, и относительно всех так или иначе зависевших от него лиц, которыми он почему-либо был недоволен. Однажды, рассказывает Аввакум, когда он был еще священником в Лопатищах, «прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обременена, блудному делу и малакии всякой повинна: нача мне, плакавшеся, подробну возвещати в церкви, пред евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жегом огнем блудным. И горько мне бысть. В той час зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжение» – Жена Аввакума, протопопица Настасья Марковна, такая же ревнительница по старом благочестии, такая же мужественная и непоколебимая при перенесении всех бед и лишений, как и ее муж, «со вдовою домочадицею Фотиниею меж собою побрались, – диавол ссорил ни за что. И я, рассказывает Аввакум об этом прискорбном для него событии, пришед, бил их обеих, и оскорбил гораздо». Но потом скорый на руку протопоп одумался: «жену свою сыскал и пред нею стал прощатце со слезами, а сам ей, в землю кланяясь говорю: согрешил Настасья Марковна, – прости мя грешнаго! Она мне

также кланяется. По сем и с Фотиниею тем же образом простился. Та же лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было 20, – и жена и дети все, плачучи, стегали. А я говорю: аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем! И они, нехотя, бьют и плачут; а я ко всякому удару по молитве. Егда же все отбили, и я, вставше, сотворил пред ними прощение». – О своем отношении к провинившимся подчиненным Аввакум рассказывает: «егда время приспее заутрени, не спрашиваю пономоря, сам пошел благовестить. Пономарь прибежит. Отдав колокол, пошел в церковь, и начну полунощницу: докамест сходятся крылошаня, а я проговорю в те поры. Прощаются – ино Бог простит; а которой дурует, тот на чепь добро – пожаловать: не раздувай уса – тово у меня». Сажанье на цепь, стеганье ремнем и четками виновных в чем либо, было самым обычным приемом исправления у Аввакума. Во время пребывания Аввакума в Тобольске дьяк тамошнего архиепископа, Иван Струна, «церкви моя, рассказывает Аввакум, дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утеча у него, и прибежал в церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, – а я вечерню пою, – и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковные затворил и замкнул, и никого не пустил, – один он, Струна, в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил его среди церкви на полу и за церковный мятеж постегал его ремнем нарочито – таки; а прочий, человек с двадцать, вси побегоша, гоними Духом Святым». – У Аввакума как-то жил бесноватый, которого он всегда заставлял молиться вместе с собою. Но тот «у правила стоять не захочет, диявол сон ему наводит: и я постегая четками, так и молитву творить станет и кланяется, за мною стоя». – Другой исцеленный им бесноватый, рассказывает Аввакум, «стал со мною на крылосе петь литургию: во время переноса и досадил мне. Аз в то время побил его на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать ко стене»¹⁹⁵.

Как иногда энергично и какими мерами воздействия исправлял Аввакум грешников и грешниц, это видно из

следующих двух картинных его рассказов. «В Тобольске граде, повествует Аввакум, прииде ко мне в дом искуситель, чернец пьяной и кричит: учителю, учителю! дай мне скоро царство небесное! Часу в пятом или шестом ночи, аз с домочадцы кононы говорю: кричит чернец неотступно. Подумаю, – беда моя, что сотворю? Покинул правило говорить, взял его вызбу и рекох ему: чесо просиши? Он же отвечаю: хоту царства небесного скоро, скоро! Аз же глаголю ему: можеш ли пить чашу, ея же ти поднесу? Он же рече: могу! – давай в сий час, не закося! Аз же приказал пономарю стул посреде избы поставить и топор мясной на стул положить, вершить чернца хочу. Еще же канатной толстой шелеп приказал сделать. Взявше книгу, отходную стал ему говорить и со всеми прощаться. Он же задумался. Та же на стул велел ему главу возложить: и шелопом пономарь по шее. Он же» закричал: государь, виноват, пощади, помилуй! И пьянство скочило. Ослабили ему. Пал пред мною. Аз же дал ему четки в руки, полтора ста поклонов пред Богом за епитимию велел класть. Поставил его пономарь в одной свитке, – манатью и клобук снял и на гвоздь повесил. Я, став пред образ Господень, вслух Иисусову молитву говоря, на колени поклонюся; а он последуя, стоя за мною, также на колени; а пономарь шелепом по спине. Да уже насилу дышать стал: так ево употчивал пономар-ет! Вижу я, яко довлеет благодати Господни: в сени его отпустили отдохнуть, и дверь не затворили. Бросился он из сеней, да и чрез забор, да и бегом. Пономарь кричит вослед: отче, отче! манатью и клобук возми! Он же отвеща: горите вы и совсем! Не до монатьи стало», замечает Аввакум. Другой случай. Аввакум как-то в Сибири неожиданно наткнулся на случай прелюбодеяния и, конечно, пустился на обличения. «И я говорю, рассказывает он: что се творите? Не по правилом грех со деваете! И они сопротивно мне: не осуждай! И аз паки им: не осуждаю, а не потакаю». И так как виновная не только не заявляла раскаяния, но еще стала и посмеиваться, то Аввакум «свел их в приказ (участок) воеводы. Те (в приказе) к тому делу милостивы, – смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ее мне ж под начал и отдал, смеючись. Прислал. Я под пол ее спрятал. Дни с

три во тме сидела на холоду, – заревела: государь батюшко Петрович! Согрешила пред Богом и пред тобою! Виновата, – не буду так впредь делать! Прости меня грешную! Кричит ночью в правило, – мешает говорить. Я су перестал правило говорить, велел ее вынять, и говорю ей: хочешь ли вина и пива? И она дрожит и говорит: нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочек хлебца. И я ей говорю: разумеи, чадо, – похотение то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к Богу презорство и бесстрашие: наедшиися и напився пьяна, скачет, яко юница быков желаеш, и яко кошка котов ищеш, смерть забывше. Потом дал ей четки в руки, велел класть пред Богом поклоны. Кланялася, кланялася, – да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где – петъ детца? Чорт плотной на шею навязался! И плачу пред Богом, а мучу. Помню, в правилех пишет: прелюбодей и на Пасху без милости мучится. Начала много дал, да и отпустил. Она, с досадой замечает Аввакум, и паки за тот же промысл, сосуд сатанин!»¹⁹⁶.

Таким образом, Аввакум в своей частной жизни и деятельности привержен был к кулачной расправе, к физическим насильственным действиям относительно в чем-либо погрешивших лиц. Недаром, конечно, и сам он о себе заявляет: «всегда такой я, окаянной, сердит, дратца лихой»¹⁹⁷. Вполне естественно было поэтому, что такой лихой на драку человек, считавший, для искупления всякого простого согрешения, обязательным физическое страдание, не мог быть веротерпимым, не мог, хотя бы сколько-нибудь снисходительно, относиться к иноверующим, – еретикам по его представлению. Если наших единовѣрных согрѣшающих следовало подвергать за грѣх физическим страданиям, то, конечно, еретиков, за их ересь, следовало всячески казнить и прямо истреблять без всякого сожаления и снисхожденія. Так действительно и думал Аввакум, такие именно жестокие, беспощадные отношенія он и желал установить ко всем столь ненавистным ему еретикам – никонианам. Он, например, в одном месте говорит: «знаете-ли, вернии? Никон пресквернейший, – от него беда-та на церковь-ту пришла. Как бы доброй царь, повесил бы ево на высокое

дерево, яко древле Артаксеркс Амана, хотяща погубити Мардохея и род израилев искоренити. Миленькой царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал такой собаке. А то чему быть! Ум отнял у милову, у нынешнего, как близь его был». К царю Алексею Михайловичу Аввакум обращается с таким советом: «перестань-ко ты нас мучить-тово! Возми еретиков-тех, погубивших душу твою, и пережги их скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти природных своих. Право будет хорошо». В послании к царю Федору Алексеевичу Аввакум пишет: «а что, царь-государь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илья пророк, всех перепластал во един день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкоумный – князь Юрья Алексеевич Долгорукий! Перво бы Никона собаку и рассекли начетверо, а потом бы никониан. Князь Юрья Алексеевич! не согрешим, небось, но и венцы победные примем!» Но, к счастью, Аввакум не имел ни силы, ни власти привести в исполнение свои кровавые, беспощадные меры относительно никониан. Тогда Аввакум возложил свои кровавые мстительные надежды на турок и татар, которые, по его представлению, должны напасть на Русь и кровью и опустошениями отмстить всем никонианам за их преследования защитников старины. «Надеюсь, пишет он, Тита второго Иусписияновича на весь новый Иерусалим, идеже течет Петра река, и с пригородном, в немже Неглинна течет (т. е. Москва). Чаю, подвигнет Бог того же турка на отмщение кровей мученических. Пускай любодеецу – ту потрясут, хмел-ят выгонят из бл...и! В другом месте он говорит: никонианам «быть прогнанным от Духа в степь ко Измаилу, еже есть предаст Бог, яко греков, туркам и крымским татаровям, а в будущий век в преисподний тартар всех с жидами заодно». Но и эти надежды Аввакума на турок и татар не исполнялись. Тогда он, утешения и обещания своим последователям в их полном удовлетворении за земные страдания, переносит из здешней жизни в будущую, когда они уже несомненно и всецело восторжествуют над безбожными никонианами, когда Христос отдаст последних в их руки, на их суд и усмотрение, и когда они, сами неизреченно блаженствуя, в то же время будут

наслаждаться зрелищем вечных адских мучений никониан. Вот, например, какие в этом отношении соблазнительные для своих последователей и приятные картины рисует Аввакум. Никонианин, говорит он, «не уйдет (от тебя) у праведного Христова суда, и тогда натешишься над ним, по писанному: святии миру судити хотят. Вот, внимай: егда Христос тебе ево отдаст, кто может тогда отнять. Как захочешь, так осудит ево о Христе». В другом месте Аввакум говорит, что Христос «никониянам не царь: у них антихрист царь. Дайте-ко срок. Во Арокалипсисе писано: выедет на коне белом и царя их со лжепророком в огонь всадит живых. Потом и диявола за ними же. Изменит же их, собак, во мгновение ока, сиречь убьет, да и паки оживит, да уж в огон-ет кинет. А прочих войско-то их побито будет на месть некоем Армагеддон. Те до общего воскресения не оживут; телеса их птицы небесные и звери земные есть станут: тушны гораздо, брюхаты, – есть над чем птицам и зверям прохлажаться. Пускай они нынеча бранят Христа, а нас мучат и губят: отольются медведю коровьи слезы, – потерпим, братия, не поскучим, Господа ради». Или, например, Аввакум говорит: «ты (никонианин), собака поешь: идеши, – антихриста ждет! А нас мучите, силою велите антихристу своему веровати. Возми – здорово, – будет по вашему! Нет, друшки, не надейтесь! Жить нам со своим надежею – Христом, Сыном Божиим, и умрем с ним, и паки оживем с ним; а вас собак всех нам под начал отдаст. Дайте-ко срок, – я вам и лутчему тому ступлю на горло о Христе Иусе Господе пашем». Или, например, Аввакум злобно говорит: «дайте только срок, собаки, не уйдете у меня: надеюся на Христа, яко будете у меня в руках! выдавлю я из вас сок-от»¹⁹⁸.

Правда, в своем послании ко всем верным Аввакум как будто учит своих последователей быть терпимыми и даже молиться за своих врагов. Он пишет: «молися за противного, яко и сам Господь о Иеросалиме плакаша, и Стефан первомученик об убивающих моляшеся, и Моисей: Господи, аще люди сия погубляеши, истреби и меня от книги животные. Тако и ты говори: Господи, накажи (т. е. просвети) сопротивляющихся и привлецы ко истинне твоей, имиже веси

судьбами своими праведными». Но к этому он сейчас же прибавляет и следующее: «аще ли не лежит в них покаяние и несть места ко обращению, *пресеки жизнь нечестивого*, да не протяжается во гресех своих», т. е. и здесь Аввакум учит своих последователей молить Господа, чтобы Он «пресек» жизнь нечестивых, под которыми Аввакум понимает всех в чем-либо несогласных с ним, и особенно никониан. Такое свое понимание этого дела более определенно он выясняет в другом месте. Приводя слова Господа: *любите враги ваша*, он рассуждает: «своего врага люби, а не Божия, сиречь еретика и наветника душевного уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душою и телом; а еще кто не богоборец и не еретик досаждает ти, такового любить подобает по заповеди Господни. Тому же подобно и мирное поставление. С еретиком какой мир? Бранися с ним и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному... Беги от еретика и не говори ему ничего о правоверии; токмо плюй на него»¹⁹⁹. Очевидно, у Аввакума две мерки в отношениях: одна для своих, другая для иноверующих; одних – своих, нужно любить и прощать; других – иноверных, нужно ненавидеть, браниться с ними до смерти, не говорить с ними о правоверии, плевать на них.

Нравственная истинно-христианская высота человека, нравственное христианское величие и святость, проявляются главным образом не просто только в спокойствии, в сдержанности, в доброжелательном постоянно отношении ко всем, особенно к людям с нами несогласным, к нам нерасположенным, но и в любви к самым врагам нашим, в полном их всепрощении, в желании им блага и добра, в заботе об их спасении. У святого страдальца, угодника Божия и мученика, протопопа Аввакума, ничего этого нет. Он любит только своих учеников и последователей, только всех верящих в него, преклоняющихся пред ним, безусловно признающих его высший авторитет и во всем с ним соглашающихся. В то же время он искренно, от всей души ненавидит своих врагов и всех, в чем-либо несогласных с ним и – особенно никониан; он всячески ругает и позорит их самих, их верования, всякую их святыню, он страстно желает им всякого зла и всяких бед,

злорадно и с услаждением рисует картины их будущих вечных адских мучений; он готов бы был и сейчас, если бы только у него была сила и власть, всех их перевешать и перепластать, как бешеных собак. Но этого мало. Он всячески старается, в умах и сердцах своих последователей, сеять ту же неукротимую вражду и злобу ко всем никонианам, какую чувствует сам, желает навсегда прервать между ними все средства к взаимному общению, и тем закрыть им и в будущем возможные пути к примирению. Эта его проповедь необходимо действовала на его учеников и последователей развращающим образом, питая в них самые дурные и низкие чувства. И если последующая старообрядческая община не проявила тех отрицательных и позорных качеств, какие к ней старался привить Аввакум, то вина этого лежит не в Аввакуме.

Вместе с проповедью крайней нетерпимости и вражды к никонианам, Аввакум проявил еще и крайне отрицательное отношение к науке, научному знанию, к ученым и вообще образованным лицам, что опять было великим злом для всей последующей жизни старообрядчества.

В борьбе со старыми церковными порядками в первый раз у нас официальная правительственная Русь стала выдвигать, хотя нерешительно и несмело, на первый план в церковных вопросах науку, научное знание, авторитет научно образованных лиц; у нас теперь стали требовать признания церковной реформы, между прочим, и потому, что она производилась лицами научно образованными, обладающими высшими, только наукой даваемыми, сведениями; стали заявлять, что людям неученым, и совсем необразованным, следует подчиняться авторитету людей ученых, что без научного образования, без научных знаний, нельзя браться за решение разных богословских и церковных вопросов, как это делают необразованные, малосведущие и плохо понимающие дело защитники старины. В Москве теперь, по поводу борьбы со старообрядством, в первый раз многими понята и ясно сознана была несостоятельность старой русской образованности, основанной на простом, случайном и одностороннем начетничестве, сознано было, что старый русский начетчик, в

большинстве случаев, был в существе дела очень темный малосведущий человек, всегда узкий, ограниченный и нетерпимый, малоспособный к усвоению высшего круга идей и знаний, и вообще всего, что выходит из рамок его узкого, одностороннего мирозерцания и понимания. Со своей стороны и защитники церковной старины увидели, что против них, и всей русской старины, выдвинута новая сила, сила могучая и очень привлекательная для многих, и потому очень опасная и лично для них и для всего защищаемого ими старинного уклада русской жизни, что эта сила грозит все переделать и перестроить на новый лад, грозит всю дальнейшую русскую жизнь двинуть на иной путь, нежели по какому она шла ранее. Тогда со всей силой и энергией они ополчились против науки; стараясь всячески ее дискредитировать в глазах всех благочестивых русских, выставить ее крайне вредной и опасной для веры и благочестия, изобразить ее как порождение самого дьявола, как причину неверия, ересей и всяких заблуждений в церкви Христовой. С пеной у рта они набрасывались на представителей и носителей науки, осыпая их потоком грубой брани, насмешек и издевательств, изображали их – «пьяных философов» – людьми безбожными, совершенно испорченными нравственно, годными только на лезть и пресмыкательство пред сильными мира сего. Во главе заклятых врагов науки, всяких научных знаний и научного образования вообще, стоял протопоп Аввакум, сам, однако, никогда не знавший и, потому, совсем не понимавший науки.

Аввакум поставил своею задачею крепко-накрепко закрыть для своих последователей двери ко всякому научному знанию и образованию, он старался внушить им отвращение к науке, стремление бежать от нее как можно дальше, так как соприкосновение с ней, по его мнению, может только осквернить и развратить всякого истинно верующего и благочестивого человека.

В своем «житии» Аввакум пишет, что Дионисий Ареопагит, «прежде даже не приити в веру Христову, хитрость имый исчитати беги небесные; егда же верова Христови, вся сия

вмениях быти, яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя бл..ь ничтоже суть, но токмо и прелесть и тля и пагуба... Исчитати беги небесные любят погибающий, понеже любви истинные не прияша, во еже спастися им: и сего ради послет им Бог действие лести, во еже веровати им лжи, да суд примут не веровавший истине, но благоволиша о неправде». В своем небольшом трактате: «о внешней мудрости». Аввакум рассуждает: «алманашики и звездочетцы и вси зодейщики познали Бога внешнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своему мудростию начинающе, якоже первый бл...ый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любодеица, о нихже Гранограф и вси Кронники свидетельствуют, та же по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша. Достигоша с сатаною разумом своим небесных твердей и звездное течение поразумевше, и оттоле пошествие и движение смотряху небесного круга, гадающе к людской жизни века сего настоящего, – или тщету, или гобзование, и тою мудростию своею уподобляхуся Богу, мнящиеся вся знати... И взимахуся, бл...ы дети, выше облак, – слово в слово яко и сатана древле. Сего ради отверже их Бог: благоизволил буйством апостолов спасти хотящих наследовати спасение. Вси христиане от апостол и от отец святых научено быша смирению, и кротости, и любви нелицемерной; с верою непорочною и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешняя поразумевати и лунного течения, но на самое небо восходят смирением, ко престолу царя славы, и со ангелы сподобляются славить Бога; души их во благих водворяются, а тела их на земли нетленни быша и есть. Виждь, гордоусец и алманашик, где твой Платон и Пифагор! Тако их, яко свиней, вши сели и память их с шумом погиге, гордости их и уподобления ради к Богу... Виждь, безумной зодийщик, свою богопротивную гордость, каковы плоды приносите Богу и Творцу всех: токмо насыщатися и упиватися и баб блудить ваше дело». В толковании на книгу

бытия Аввакум говорит: «не все судьбы его (Божии) человеку надобно ведать: полно и тово, что и на земли наделал и дал знать. И от тово человек что пузырь раздувается; а кабы небесная-то ведал, и он бы равен был диаволу. Аще волхвы и звездочетцы, и все алманашники, по звездам гадая, время назирают, дня и часа смотряют: а все блудят. Обманывает их диавол. Не сбывается на их коварстве. Токмо Господу досаждают, и от него, Бога, тем отступают. Увы о них бедных! Сию проклятую хитрость по потопе в пятьсотное лето, при столпотворении, Неврод исполин обрете, после людей потопных... И нынешния алманашники, слыхал я, мало покоя имеют себе: их ветхая испражнять пойдет, а в книжку поглядит, здорово ли испразднится. Бедные, бедные! Как вам не сором себя! Оставляя промысл Творца своего, да диаволу работаете, невродяне бесчинники!... Свиньи и коровы болши вас знают – пред погодою вижжат, да ревут, да под повети бегут: и после того дождь бывает. А вы, разумные свиньи, лице небу и земли измеряете, а времени своего не искушаете, како умереть! Горе, да только с вами, с толстыми быками!» Поучая своих последователей от лица ап. Павла и Златоуста, Аввакум пишет: «внимайте речению и последуйте словесем их, не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быти христианин, – Григорий Ниский пишет. И Златоуст тому же согласует, сице глаголя: яко ни на праг церковный ритор и философ достоин внити. И Павел апостол глаголет: приидих бо не по превосходному словеси разума чловека, но в показании духа и силы. И в другой главизне пишет: погублю премудрость премудрых, и разума разумных отвергуся. Да и вси святии нас научают, яко риторство и философство внешняя бл..ь, свойственна огню негасимому: от того бо рождается гордость, мати пагубе, и несть ми о сем радения. Аз есмь ни ритор, ни философ, дидаскальства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения»²⁰⁰. Но, признавая себя человеком неученым и несмысленным, в то же время Аввакум признает, что он, «аще и неучен словом, но не разумом; неучен диалектики и риторики и философии, а разум

Христов в себе имам, якоже апостол глаголет: аще и невежда словом, но не разумом». И этого для него – Аввакума вполне достаточно. Наука, затмевая и крайне надмевая ум человека, и тем отвращая его от Бога и низводя прямо в ад, не дает даже никаких внешних преимуществ изучающему ее пред человеком истинно верующим, так как «и кроме философии и кроме риторики и кроме грамматики мощно есть верну сущу препрети всех противящихся истине». Это потому, что «Христос не учил нас ни диалектике, ни красноречию», потому-то, конечно, «ритор и философ не могут быть христианами». Из науки никониан и всех вообще еретиков получается всегда нечто очень жалкое, поверхностное и очень злобное для самих еретиков. «У еретиков – тех, говорит Аввакум, у всех вымысл: верхи у писания того хватают, что мыши углы у книг тех угрызают, а внутрь лежащего праведне нимало рассудят; и иное знают, да ухищрением заминают, и всем хотящим спастися запинаят». Никониане, уверяет Аввакум, даже будто бы сознают, что защищают неправду, и только по своей гордости и надменности не хотят признаться в своем заблуждении пред защитниками старины, которых они признают невежественными и ничего не понимающими. «Никониане, говорит Аввакум, забрели во глубину зол за стыд свой; а совестью-теми бодоми, яко жидовя, ведают, что своровали над церковью. Бывает то, яко и неради тому; за совесть стало, – невозможно стало покинуть дондеже извод возмет». Гордость, питаемая наукой, совсем губит никониан. Аввакум пишет; «беда от гордых церкви Божией, – тот сак, а ин инако. Я помышляю: недостаток ума большой в человеке том, иже гордость содержит и, чается, ему мнится хорошо, а все развалилося. Якоже и дьявол сам за недуг сей извержен среди огня и отриновен от лица Божия, во тму осужден, а таки величается, – я-де велик, я обладаю всем! И над свиниями не имать власти. Тако и гордый мнится имея вся, а ничтоже сый, – во всем отвсюду гнило и развалилося, я душевная и телесная»²⁰¹.

Единственным источником всякого истинного и спасительного для человека знания, Аввакум признает только старопечатные дониконовские книги, причем он мало доверяет

книгам рукописным, так как в последних можно найти всячину. «Мы так веруем, говорит он, как церковные (печатные) книги учат. А в писанных – тех всячину найдешь». Заповедуя своим последователям бегать от еретиков и не говорить с ними о правоверии, он советует им: «взыщи христианина, который святых книг не уничижает, и с ним беседуй, рассуждая премудрость, писанную во святых старопечатных книгах: и приложит приимати. Так обоим добро будет от Христа Бога». «А я грешный, про себя говорит Аввакум, кроме писаново, не хочу собою затевать: как написано, так и верую; идеже что святые написали, мне так и добро»²⁰². Значит, единственный источник всяких знаний, какой признает Аввакум, и какого обязаны держаться все его последователи – это старопечатные церковные книги: только на их основе и в пределах заключающихся в них материй, позволительны благочестивые беседы и рассуждения; всякий другой источник знания, каковы разные науки, совершенно недопустимы для истинно верующего и благочестивого человека ввиду того, что они не дают верующему никаких спасительных знаний, а только надмевают и развращают его ум, отдаляют его от Бога и, в конце, ведут к вечной гибели. Даже такие великие и добродетельные мужи древности, как Пифагор и Платон, и особенно последний, на изучении сочинений которого воспитывались величайшие святые отцы и учителя церкви, все-таки, по уверению Аввакума, и сейчас мучается в аду за свою науку и за свой наукою надменный ум. Понятно, что вместе с внешней мудростью, выражающеюся в разных науках, в обществе единственно истинно верующих недопустима никакая критика, никакое самостоятельное мышление и изыскание, так как нужно не изыскивать, а только крепко веровать в то, «что святые написали», веровать именно так, как написано, а не так, как говорит человеческое изыскание, надменный человеческий ум. На всякую самостоятельную, свободную мысль человека, на всякое его стремление к самостоятельному и независимому изучению и знанию, на всякую его попытку выбиться из тесного одностороннего круга раз установившихся понятий, наложена была Аввакумом прочная узда, которая должна была если не

навсегда, то надолго затруднить возможность появления в среде старообрядческого общества людей высококультурных, научно развитых и образованных, людей способных смело и самостоятельно вращаться в высшем круге идей и знаний, способных будить и двигать своих собратий по пути дальнейшего развития и расширения истинно христианской жизни, а не стоять вечно на одной и той же точке, как учил Аввакум. В этом и заключается крайне печальное последствие, для последующей старообрядческой общины, отрицательного, презрительно-враждебного отношения Аввакума к науке, которую он сам никогда не знал, не изучал и, как говорится, не видал и в глаза, а потому имел о ней самое неправильное и извращенное представление, идущее буквально в разрез со взглядами на науку таких великих святых отцов церкви, как Василий Великий и Григорий Богослов, которые нарочно отправлялись в Афины, чтобы слушать там языческих профессоров и изучать там системы языческих философов. Эти великие отцы церкви, ревностно изучавшие внешнюю языческую мудрость, как очень полезную для христиан, сделали потом великими учителями всей вселенской церкви, разъяснили и утвердили своим высоким учением важнейшие и величайшие истины христианского учения, сделали законоположниками истинно христианской жизни. Между тем протопоп Аввакум, так позоривший науку, так цинично издевавшийся над ее древними и новыми представителями, так задорно кичившийся своими глубокими познаниями божественных истин и тайн, при своем научном полном невежестве, – грубо-ребячески впадает в еретичество в учении о Св. Троице, воплощении и пр. Очевидно, наука жестоко посмеялась над своим ненавистником и гонителем, и именно на самом Аввакуме ясно и для всех убедительно показала, что без науки и научного знания даже самому протопопу Аввакуму не следует братья за роль учителя церкви.

Из всего сказанного нами о личности и обстоятельствах жизни протопопы Аввакума следует, что оценка Аввакума, как исторического общественного деятеля, может быть очень неодинакова, так как будет зависеть от того, с какой стороны мы

станем смотреть на него. Аввакум, с одной стороны, выдающийся, стойкий борец за свое дело – вся его жизнь есть несомненный, сплошной, тяжелый подвиг, возбуждающий наше удивление и почтение. Но, с другой стороны, у протопопа Аввакума нет никакого соответствия между внешним его подвигом и между ценностью и значимостью руководящей этим подвигом идеи. Внешний его подвиг велик, продолжителен, постоянен и крайне труден, да, к тому же, и закончился он мученической смертью на костре; но внутреннее содержание этого подвига, – те идеи и идеалы, во имя которых подвиг совершался, были удивительно мизерны, ничтожны, не ценны, даже фальшивы и вредны. Аввакум со своим подвигом, – это колосс на глиняных ногах. В самом деле; у Аввакума мы встречаем редкую постоянную готовность идти на страдания, всевозможные лишения и самую смерть; у него удивительно много силы воли, энергии, характера. Но, при этом, подвиг Аввакума какой-то внешний, какой-то материальный, почти чисто физический, совершающийся по большей части только в пределах неядения, побоев, физических страданий, лишений и истязаний, и определявшийся только крайней узкостью и бедностью его внутренней духовной жизни, его религиозного понимания и всего мирозерцания. Под его подвигом не лежит той почвы, которая создается высшим кругом идей и понимания, широким и глубоким знанием и развитием, утонченным нравственным чувством, высшей нравственной все покоряющей красотой. Его понимание самого христианства и православия низводится у него на упрямое, совершенно неосмысленное сохранение данного, ему известного обряда, на механическое, чисто внешнее соблюдение церковного устава, на деяния чисто внешнего благочестия, а не на выработку внутренней высшей истинно-христианской настроенности, без которой невозможна сколько-нибудь плодотворная истинно-христианская жизнь и деятельность. У протопопа Аввакума слишком много узко-ограниченного самомнения, самообожания, преклонения пред своими подвигами и святостью, внушенными ему тем обстоятельством, что он без пропусков отбивает ежедневно по тысячи земных и поясных поклонов, выпевает и вычитывает

положенные уставом службы, простаивает ночи на молитве, по несколько дней совсем не принимает пищи, и таким усиленным постом и поклонами доводит себя до полного изнеможения, до появления разных необычайных видений, возникающих и развивающихся у него на почве глубокой уверенности, что в таком состоянии он находится в особой близости к Богу и ко всем небожителям, которые, являясь ему, наставляют и просвещают его. Но при такой его уверенности в своей святости и постоянной близости к Богу, нравственные воззрения Аввакума, однако, грубы, эгоистичны, проникнуты крайней нетерпимостью, злобой и ненавистничеством ко всем, кто не с ним, кто не подчиняется ему во всем, и безусловно, он не хочет признать у своих противников даже и одной хорошей черты, всегда и во всем подкладывает под все их действия и поступки самые низкие, дурные и позорные мотивы, он только внушает к ним в своих последователях одну ненависть, презрение и отвращение. Но это, очевидно, не христианская нравственность, а нравственность узко сектантская, нравственность кружковщины, вносящая в общество не мир, а вражду, не творчество, а разрушение.

Глава 9. Оставление Никоном патриаршей кафедры

Обстоятельства, при которых произошло оставление Никоном патриаршей кафедры. Сам Никон за разное время указывал и на разные причины, почему он оставил патриаршество. Истинные причины оставления Никоном патриаршества. Как смотреть на оставление Никоном патриаршей кафедры: было ли оно искренним, или только притворным?

6-го июля 1658 года государь Алексей Михайлович давал торжественный обед прибывшему в Москву грузинскому царевичу Теймуразу. Ранее, на подобные обеды царя, обыкновенно приглашался и патриарх Никон; но на этот раз его не пригласили. Когда грузинский царевич церемониально шел на царский обед, окольный Богдан Матвеевич Хитрово, по поручению государя, очищал перед ним путь среди толпы, собравшейся поглазеть на шествие. В это время в толпе случился патриарший стряпчий, князь Димитрий Мещерский, которого за чем-то посылал патриарх. Хитрово, разгонявший толпившийся народ палкой, задел по голове князя Мещерского. Последний, обращаясь к Хитрово, сказал, как это передавал потом сам Никон: «напрасно де бьешь меня, Богдан Матвеевич, – мы не приидохом zde просто, но с делом». Окольный спросил Мещерского: «кто ты еси?» – Мещерский ответил: «патриаршь человек и с делом послан». – На это Хитрово заявил: «не дорожися-де (патриархом) и ударил его по лбу и уязви его горко зело». Мещерский отправился к Никону, плакал перед ним и жаловался на побои Хитрово²⁰³.

Случай с князем Мещерским Никон принял как кровную обиду себе лично. Его самолюбие уже сильно страдало от того, что государь не пригласил его, как обычно, на торжественный обед, а тут еще публичное оскорбление его стряпчему, с обидным публичным заявлением: «не дорожися патриархом». Вспыльчивый, невыдержанный Никон сейчас же написал царю письмо, в котором требовал немедленного удовлетворения за

обиду его стряпчему. Царь во время обеда собственноручно написал Никону, что он – царь расследует это дело и лично увидится с патриархом. Это царское письмо немедленно было отослано к Никону со стольником Матюшиным. Но Никон не успокоился и заявил Матюшину, что желает удовлетворения именно сейчас, о чем посланный и доложил государю, который еще продолжал сидеть за обедом с царевичем. Тогда терпеливый Алексей Михайлович, чтобы успокоить гневливого Никона, еще из-за обеда послал к нему другое письмо с тем же Матюшиным. Но Никон, прочитав это второе письмо царя, не только не успокоился, но капризно и с угрозой заявил посланному: «волен-де Бог и государь, коли-де мне оборони не дал, а я-де стану управливаться с ним церковью»²⁰⁴.

8-го июля в Москве с особою торжественностью совершался праздник Казанской Божией Матери, причем на всех службах этого праздника всегда бывал царь со всем своим синклитом, а самые службы совершал патриарх. Последний, по обычаю, посылал приглашать царя к службам. Но царь на этот раз ни на одной службе не присутствовал. Никон увидел в этом прямое пренебрежение к себе, публичное оскорбление царем его патриаршего достоинства.

8-го июля в Успенском соборе был праздник в честь Ризы Господней, присланной царю Михаилу Федоровичу персидским шахом. И на этом празднике всегда бывал царь со своим синклитом, но теперь он не только отказался присутствовать на вечерне и за всенощной, а прислал, после заутрени, к Никону князя Юрия Ромодановского, который заявил Никону: «царское величество гневен на тебя и сего ради к заутрени не прииде и ко святой литургии ожидать не повеле». К этому Ромодановский: от имени царя прибавил: «ты-де царское величество пренебрегл еси и пишешься великим государем, а у нас един есть великий государь – царь». На это Никон ответил: «называюся аз великим государем не собою: сице восхоте и повеле называтися и писатися его царское величество. И на сие свидетельство имеем мы: грамоты писаны царского величества рукою». На это Ромодановский возразил: «царское величество почта тебя, яко отца и пастыря, *но ты не уразумел*, и ныне

царское величество повеле мне сказать тебе: отныне впредь не пишешься и не называешься великим государем, а почитать тебя впредь не будет»²⁰⁵.

Если бы Никон был человек сколько-нибудь сдержанный и уравновешенный, если бы он сколько-нибудь правильно понимал свои отношения к государю и свое действительное положение в государстве, то он, конечно, скрыл бы свое личное неудовольствие и обиду, постарался бы по времени видаться с царем, объясниться с ним и уладить возникшие между ними недоразумения, как это хотел и предлагал ему сделать государь. Но Никон был слишком не выдержан, горд и самолюбив, слишком избалован постоянным необычным вниманием к нему царя, чтобы хотя временно показать пред ним свое архипастырское смирение и уступчивость. Никон вовсе и не думал смиренно идти на какие-либо компромиссы с царем, а решил действовать, как подсказывали ему его чрезмерное честолюбие, его обиженная гордость: он решил публично и торжественно отказаться от патриаршества, конечно в тех видах, что царь снова всенародно и уничиженно будет молить его остаться на патриаршем престоле подобно тому, как царь ранее всенародно, плача и кланяясь до земли, молил его принять патриаршую кафедру.

10-го июля, в праздник Ризы Господней, Никон ранее велел принести в Успенский собор, где он служил, простую монашескую рясу, клобук и священническую палку. В конце литургии, по заамвонной молитве, он прочитал положенное поучение и, обратившись к народу, стал говорить о своем патриаршем недостойнстве, и в заключение заявил, что более он патриархом не будет, и чтобы пасомые впредь патриархом его больше уже не называли. После этого Никон сам снял с себя патриаршее облачение и хотел было надеть простую монашескую рясу, ранее припасенную, но власти не допустили его до этого, и он надел на себя черную архиерейскую мантию, черный клобук, взял в руки клюку, и направился к выходу из собора. Но народ не пустил его, а послал к царю доложить о случившемся в соборе крутицкого митрополита Питирима. Государь, выслушав доклад Питирима, послал в собор к Никону

своего знатнейшего и уважаемого боярина – князя Алексея Никитича Трубецкого. Пришедши в собор Трубецкой говорил Никону; «для чего он патриаршество оставляет, не посоветовав с великим государем, и от чьево гоненья, и кто его гонит? и что б он патриаршества не оставлял и был по-прежнему. И патриарх говорил: оставил-де я патриаршество собою, а ни от чьево и ни от какого гонения, государева-де гнева на меня никакого не бывало; а о том-де я и преж сего великому государю бил челом и извещал, что мне болши трех лет на патриаршестве не быть. И дал мне письмо (это письменное показание Трубецкого), а велел поднести государю. Да со мною ж приказывал, велел бить челом, что б государь пожаловал, велел дать ему келью. И просил я у него себе благословения, и он меня не благословил, а говорил: какое-де тебе от меня благословение? Я де недостойн патриархом быть; а будет же тебе надобно, и я-де тебе стану исповедать грехи свои. И я ему говорил: мне до того какое дело, что твою исповедь мне слушать, то дело не мое. И про то про все великому государю я известил; и великий государь послал меня к патриарху вдругоряд, и то письмо велел ему, патриарху, отдать, и велел ему говорить, чтоб он патриаршества не оставлял и был по-прежнему; а келей на патриаршем дворе много, в которой он похочет, в той живи; и письмо ему я отдал. И патриарх Никон сказал: уже-де я слова своего де переменю, да и давно-де у меня о том обещанье, что патриархом мне не быть. И пошел из соборной церкви вон»²⁰⁶.

После этих переговоров с царем чрез князя Трубецкого, Никону не оставалось ничего более делать, как выйти из собора, что он и сделал, направившись уже не в патриаршие хоромы, а на подворье своего Воскресенского монастыря, откуда он чрез сутки и переехал на жительство в самый Воскресенский монастырь, отстоящий от Москвы в пятидесяти с небольшим верстах.

Из приведенных нами сведений об обстоятельствах оставления Никоном патриаршего престола совершенно не видно тех побуждений, которые заставили Никона оставить патриаршество. Никон заявил Трубецкому, что он оставляет

патриаршество собою, что ему ни от кого никакого гонения и никаких обид не было, что он и ранее не думал быть патриархом более трех лет, почему, несмотря на приглашение государя остаться патриархом по-прежнему, он твердо настаивает на своем решении отказаться от патриаршей кафедры. 10-го июля Никон оставил патриаршество, а 12 июля царь посылал к нему в Воскресенский монастырь того же князя Трубецкого, которому Никон говорил: «а что поехал он с Москвы вскоре, не известя великого государя, и в том пред великим государем виноват; а убоялся тово, что ево постигла болезнь, и ему в патриархах не умереть; а впредь де он в патриархах быть не хочет; а только-де похочу быть патриархом, проклят буду и анафема»²⁰⁷.

Впоследствии Никон о причинах оставления им патриаршества говорил не раз и говорил не то, что передавал князь Трубецкой, а нечто другое и притом неодинаковое за различное время. Так, в письме к царю 1661 г. в декабре Никон заявляет, что, так как государь не дал ему удовлетворения на его жалобу об избиении патриаршего стряпчего князя Мещерского окольным Богданом Хитрово, и так как он, Никон, вместо удовлетворения испытал только «тщеты, укоризны и уничижение несправедливое», то он и оставил патриарший престол. На соборе 1666 года царь просил допросить Никона: «какой гнев и обида, и, чтоб с престола сшел, от него, великого государя, к нему, Никону, присылка была ли? И бывший Никон патриарх сказал: «немилость-де великого государя к нему-то, что на окольного Богдана Матвеевича не дал оборони и к церкви ходить не почал; а присылки-де, чтоб он с престола сошел и патриаршество оставил, от великого государя к нему не бывало, а сошел-де он собою»²⁰⁸.

Итак, здесь Никон причиною оставления им патриаршей кафедры выставляет то единственное чисто случайное обстоятельство, что царь не дал ему управы на Богдана Матвеевича Хитрово, публично ударившего патриаршего стряпчего князя Мещерского. Но, очевидно, эта причина была слишком ничтожна сама по себе и ради нее, конечно, не стоило оставлять патриаршую кафедру. Это хорошо понял Никон и

потому в других случаях, чтобы не показаться мелочным и вздорным человеком, постарался указать другие более серьезные причины оставления им патриаршего престола. Так, в письме к Паисию Лигариду, в июне 1662 года, Никон заявляет; он потому оставил патриаршую кафедру, что царь стал гневаться на него, удаляться его, перестал ходить к церковным службам туда, где служил он, Никон, что «прислал к нам в келию единого от своих со многими неправедными словами поносными, и мы-то слыша его прещение и гнев без правды, помыслили дати место гневу, понеже стало быти не у чего, – суд и всякая церковная управления царская держава восприят *и нам быти стало не у чего*. И по совершении святой литургии, елико достойно яже о себе, во святой церкви пред Богом и всеми людьми о всем засвидетельствовахом, и до царского величества посылал ключаря, да весть о нашем отхождении, яко ничтоже Божией церкви лукаво сотворихом, и се гнева ради твоего неправедного, повинуюсь евангельскому словеси: аще гонят вас из града, бежите во ин град»²⁰⁹... Значит Никон, по этому его заявлению, оставил патриарший престол не потому, что царь не дал ему удовлетворения за оскорбление его стряпчего, и даже не потому только, что царь на него гневается без правды, напрасно, но, главным образом, потому, что царь отнял у Никона и захватил в свои руки весь церковный суд и все церковное управление, так что патриарху не у чего стало оставаться и он, поэтому, оставил свой престол.

В своей грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию Никон заявляет, что когда царь не дал ему удовлетворения по делу князя Мещерского, в чем Никон увидел публичное поругание его патриаршего сана, когда царь, вопреки обычаю, перестал ходить к тем церковным службам, которые совершал Никон, когда прислал к нему сказать, чтоб он впредь не смел называться великим государем и царь почитать его более не будет; тогда, говорит Никон, исповедав гнев царя пред всем народом, «яко гневается царь без правды, сего ради и в церковное собрание нейдет», решил удалиться в пустынное место. На вопрос же посланных от царя, – по какой причине он оставляет патриарший престол? – отвечал: «даю место гневу

царского величества, зане, кроме правды, его царского величества синклит, бояре и весь народ, церковный чин небрегут и бесчиния многая творят, а царское величество управы не дает, и в чем мы печалимся, и он гневается на нас»²¹⁰. Здесь Никон, кроме ранее отмеченной причины – несправедного царского гнева на него, указывает новую причину оставления им патриаршей кафедры: что будто бы царский синклит, бояре и весь народ «небрегут церковный чин и творят многие беззакония», и когда он, как архипастырь, указывал царю на это прискорбное обстоятельство, «царское величество управы не дает», и даже более: стал гневаться за это на Никона, которому, в виду, указанных обстоятельств, ничего не оставалось делать, как оставить кафедру. Следовательно, причины оставления Никоном патриаршей кафедры были глубже и серьезнее, чем случайное оскорбление патриаршего слуги окольничим Хитрово.

Еще более обстоятельный и более откровенный ответ об истинных, интимных причинах оставления патриаршей кафедры Никон дает в своих возражениях на вопросы Стрешнева и ответы на них Паисия Лигарида. В своем возражении на 5-й вопрос Никон говорит, что царь, на поставлении его, Никона, в патриархи, торжественно пред всем народом, синклитом и освященным собором обещался неизменно хранить заповеди Божии, все церковные законы и правила, «и елико он, великий государь царь, поясняет Никон, поскольку возможно пребывает в своем обещании, повинуюся святей церкви, – и мы терпели. Егда же он, великий государь царь, изменился от своего обещания, и на нас гнев положил неправильно, якоже весть, и мы, помня свое обещание о хранении заповедей Божиих», засвидетельствовав публично «о напрасном цареве гневе», оставили патриарший престол и водворились в пустыне. Тут же далее Никон заявляет, что еще во время литургии он тогда из собора, со своим диаконом Иовом, послал письмо к царю такого содержания: «се вижу на мя гнев твой умножен без правды, и того ради соборов святых во святых церквах лишавшись; аз же пришелец есмь на земли; и се ныне, поминая заповедь Божию,

дая место гневу, – отхожу от места и града сего, и ты имаши ответ пред Господом во всем дати»²¹¹.

В приведенных словах Никон, как на единственного виновника своего невольного оставления патриаршего престола, указывает на царя: Никон потому именно оставил престол, что царь, обещавшийся, при поставлении Никона в патриархи, хранить все заповеди Божия, все церковные законы и правила, изменил в этом отношении своему торжественному и публичному обещанию, и, к тому же, стал несправедливо гневаться на Никона, почему и вся вина оставления последним патриаршей кафедры исключительно падает на царя.

В ответе на 17 вопрос Никон уверяет, что будто бы он, на вопрос посланных от царя – Рамодановского и Матюшина: зачем он уходил от патриаршества, отвечал так: «от не милосердия ево – царева иду с Москвы вон, и пусть ему, государю, *просторнее без меня*, а то, на меня гневаяся, и к церкви не ходит, и про тот гнев всему государству ведомо, что он, гневаяся на меня, не приходил. А вселенстей велицей церкви обид много стало, и божественных заповедей Христовых, и св. апостол и св. отец правил, как обещал на нашем поставлении, не почал соблюдать. А мы, на избрании своего патриаршества, и сами обещались, с клятвою и подписанием руки своея, Божия заповеди и св. апостол и св. отец хранить. А он, великий государь, чрез божественные правила суд церковный отнял, нас самех, и епископов, и архимандритов, и игуменов, и весь священнический чин велел своим приказным людям судить». И, несколько ниже, Никон замечает, что он ушел из Москвы потому, «что от гнева царева невозможно стало жить»²¹².

Здесь Никон, кроме царского гнева на него, от которого ему «невозможно стало жить», указывает и новые причины своего удаления с патриаршей кафедры: обид много стало от царя всей вселенской церкви, царь, вопреки божественным правилам, захватил церковный суд и подчинил всех духовных, начиная с патриарха, суду своих мирских приказных людей. И еще: Никон и потому ушел с патриаршества, «что б ему, государю, просторнее было без него, Никона». Смысл

последнего заявления будет более ясен и понятен из слов Никона, заключающихся в ответе на 26-й вопрос. Здесь Никон пишет: «егда изволил Бог Никону митрополиту быть на патриаршестве, и Никон митрополит усмотре во царе, и великом князе порок, который противен евангельским святым заповедям, или противно что святым апостольским и отеческим правилом, и ему, Никону, по писанному во псалмех, не стыдящися говорити о заповедях Господних и св. апостол и св. отец правилех пред цари и пред бояры, а ему, государю царю, и государевым бояром, слушати во всем. И он, государь, и его бояра все обещались во святей велицей церкви пред Господом Богом и пресвятою Богородицею и всеми святыми и всем освященным собором, заповедей Христовых и св. апостол и св. отец правил слушати, и ничтоже инако коею-либо тщетною хитростию, по преданию человеческому и стихиям мира сего, мудрствовать. И от исперва убо был царь благ и кроток *и послушлив был*, и Никон на патриаршестве был. А как царь и великий князь развратился со святою соборною и апостольскою церковью, и святыя заповеди Божия, и св. апостол и св. отец правила в презрение положил, и *Никона – патриарха не почал слушать*, но и укоряти неподобно», тогда Никон оставил патриаршество, «дая место гневу царскому»,²¹³.

Здесь Никон выставляет и еще новую причину оставления им патриаршества. По его объяснению дело стояло так: он под тем только непременно условием согласился сделаться патриархом, если царь и бояре будут слушать его во всем, когда он будет говорить и настаивать пред ними на точном хранении и соблюдении заповедей Божиих, правил св. апостол св. отец. Они дали ему такое обещание, и вначале царь действительно «послушлив был», т. е. во всем слушал Никона и во всем подчинялся ему, почему «Никон на патриаршестве был». Но потом царь «Никона – патриарха не почал слушать», и даже более: стал его «укорять неподобно», и тогда Никон оставил патриаршество. Значит, пребывание или непреставление Никона на патриаршей кафедре зависело единственно от послушания или непослушания царя Никону: слушает царь Никона, – он

остаётся патриархом, перестает царь слушать Никона, начинает действовать по своему, Никон оставляет патриаршество.

Находясь, после соборного лишения сана, в ссылке в Ферапонтове монастыре, Никон, 21 декабря 1671 года, писал государю, что когда он, Никон, вопреки его желанию был избран и поставлен патриархом, «я, ведая свою худость и недостаток ума, много раз тебе бил челом, что меня в такое, великое дело не станет, но твой глагол превозмог. По прошествии трех лет бил я челом отпустить меня в монастырь, но ты оставил меня еще на три года. По прошествии других трех лет опять тебе бил челом об отпуске в монастырь, и ты милостивого своего указа не учинил. Я, видя, что мне челобитьем от тебя не отбыть, начал тебе досаждать, раздражать тебя, и с патриаршего стола сошел в Воскресенский монастырь»²¹⁴. В приведенном позднейшем письме к царю, Никон представляет дело своего ухода с патриаршей кафедры в высшей степени оригинально, совершенно отлично от того, что он говорил по этому поводу ранее, именно: он теперь уверяет, что будто бы всегда считал себя, по своей худости и недостатку ума, непригодным для занятия патриаршей кафедры, и если на это согласился, то единственно по настоянию царя и освященного собора, причем он, ставши патриархом, все-таки постоянно думал об оставлении патриаршей кафедры и не раз просил царя о своем увольнении от патриаршества. Но царь решительно отказывал ему в этих ходатайствах. Тогда он, желая во чтобы-то ни стало оставить патриаршую кафедру и уйти в монастырь, стал нарочно поступать таким образом, чтобы своим поведением в конце раздражить царя, вывести его из терпения и тем заставить забыть Никона.

Современники дело ухода Никона с патриаршей кафедры объясняли, однако, гораздо проще. Вятский епископ Александр, например, пишет государю: «многим мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручинен был Никон, что на пир не зван. Не сего ли ради и дерзостно послал стряпчего своего безобразно в царскую твою палату, чрез волю твою государеву, где ему и быть не годится?». В другом месте тот же епископ замечает:

«Никон ум погубя, оставил престол и ни ким гоним, гордости ради и гнева, остави власть, многа богатства взем, отиде»²¹⁵.

Таким образом сам Никон, по разным случаям и в разное время не одинаково отвечал на вопрос, почему он оставил патриаршество. Сначала – князю Трубецкому в Успенском соборе – он говорил, «что оставил патриаршество собою, а ни от чьево и ни от какова гонения, и государева гнева на него никакого ее бывало»; то заявляла – тому же Трубецкому в Воскресенском монастыре 12 июля – что он оставил патриаршество, так как «убоялся тово, что ево постигла болезнь и ему-б в патриархах не умереть»; то заявлял, что царь «не дал ему оборони» на Богдана Хитрово; или: что царь на него разгневался и перестал ходить в церковь туда, где служил Никон; то указывал причину оставления им патриаршей кафедры в том обстоятельстве, что царь, бояре и народ стали пренебрегать церковным чином и творить многие бесчиния, а царь за это управы не дает; то уверял, что царь перестал соблюдать заповеди Божии, правила св. апостол и св. отец, захватил себе весь церковный суд, стал обижать святую вселенскую церковь, перестал слушаться Никона и даже начал укорять его «неподобно»; то, наконец, уверял, что он будто бы никогда не хотел быть патриархом и, сделавшись им поневоле, под давлением желаня царя, синклита и освященного собора, постоянно стремился оставить патриаршество, пока своевольным удалением с патриаршей кафедры, не достиг этой всегда желанной для него цели.

Очевидно, не в намерениях и интересах Никона было указывать и точно формулировать истинные причины неожиданного оставления им патриаршества, почему в разное время он и указывал на разные причины. Понятно, что Никон, со своей точки зрения, имел серьезные основания поступать таким образом. Дело в том, что Никон считал себя и действительно был великим государем, он действительно царил и в церкви и государстве, и даже заслонял собою настоящего царя. Он требовал от последнего безусловного подчинения себе во всех делах церковных, соблюдения всех правил св. апостол и св. отец, постановлений благочестивых византийских императоров,

всего церковного чина и всех церковных постановлений. Но в то время церковность была неразрывно связана со всей государственной, общественной и частной жизнью, проникая решительно все и всюду, так как все, начиная с царя, хотели тогда строить свою жизнь согласно с заповедями Божиими, правилами св. апостолов, св. отец и всеми церковными узаконениями. Ввиду этого Никон, требуя себе права контроля и опеки над церковностью и ее строгого соблюдения всеми в жизни, в существе дела присваивал себе контроль над всей тогдашней государственной, общественной и частной жизнью, так что все и во всем обязаны были подчиняться властным требованиям и указаниям патриарха, человека к тому же нетерпимого, гордого, самолюбивого и очень сурового и скорого на расправу с теми, которые не подчинялись ему безусловно. Естественно, что постоянная, властно-настойчивая и очень стеснительная архипастырская опека Никона, многим казалась тяжелым, невыносимым игом, переносить которое у многих не хватало сил и терпения. Царь сначала беспрекословно подчинялся своему «собинному», очень настойчивому и притязательному другу, который все более входил в роль опекуна и пестуна царя, всей государственной и общественной жизни, но потом, с течением времени, благодушный и уступчивый обыкновенно Алексей Михайлович начал тяготиться тяжелой патриаршей опекой, стал постепенно освобождаться из-под властной тяжелой руки Никона, стал стремиться действовать самостоятельно, независимо от того, нравится или нет какой-либо его поступок патриарху Никону. Никон подметил изменившиеся к нему отношения царя и увидел в этом измену царя, его отступление от правого истинно-христианского пути, так как прежние – подчиненные отношения к нему царя, признавал единственно нормальными и настоящими отношениями благочестивого православного царя к духовному главе народа – патриарху. До крайности самолюбивый, неправильно представлявший, какими должны быть его отношения к царю, Никон вовсе не думал мириться с изменившимся положением дел, и держал себя по-прежнему гордо и притязательно, как бы он и на самом деле был великим

государем, действительным законным контролером всей государственной и общественной жизни и всей деятельности самого царя. Тогда, выведенный из терпения притязательностью Никона, государь приказал сказать ему, чтобы он впредь не называл себя великим государем и что таким царь более почитать его не будет. Никон, оказалось, не мог ни отпарировать, ни с достоинством выдержать нанесенный ему удар, для этого у него не хватало ни нравственного мужества и благородства, ни характера и выдержки, ни должного христианского смирения, присущего архипастырю церкви. Никон, по своему обычаю, стал бросаться из стороны в сторону и чем далее, тем все более и более терял равновесие и всякое благоразумие. Он смотрел тогда на все совершавшееся только с точки зрения своего личного положения, личного самолюбия, оскорбленный личной гордости. Он, пред которым доселе все преклонялось: царь, бояре, архиереи и все, который царил и в церкви, и в государстве, давая тон и направление их жизни, должен был теперь снизойти на уровень обыкновенного заурядного подданного царя, должен был признать власть царя высшим для себя руководящим началом, наравне с другими подданными подчиняться всяким идущим от царя приказаниям, внушенным может быть даже личными врагами Никона, которых у него было так много. При таком положении дел патриаршество, казалось Никону, только унижало его, делало его жалким в глазах всех, привыкших доселе видеть его на недостижимой высоте, рядом с царем и даже затенявшим, своею исключительною властью и мощью, последнего. При такой настроенности Никона ему оставалось одно: или восстановить и закрепить свои прежние отношения к царю, или же, если это невозможно, совсем отказаться от потерявшего для него цену патриаршества. Не раздумывая долго, под влиянием болезненно уязвленного самолюбия, Никон поспешил проделать известную нам сцену всенародного отречения от патриаршества в московском Успенском соборе. Конечно, он при этом надеялся, что царь придет в собор и вместе с боярами и народом будет молить его остаться на патриаршестве. Но

этого не случилось и Никон уехал на житье в свой Воскресенский монастырь.

Что причина удаления Никона с патриаршества заключалась действительно в стремлении царя ввести власть Никона в должные и потому более узкие границы, чтобы она нисколько не теснила и не затемняла царской власти, а была бы только верным слугой и работницей последней, и притом в том только круге деятельности, пределы и сферу которой укажет ей царская власть, – это видно из некоторых оброненных Никоном выражений, когда он указывал на причины оставления им патриаршей кафедры. Так, он заявил, что потому ушел из Москвы, чтобы государю было «просторнее без меня», чем Никон ясно признал, что, будучи патриархом, он действительно стеснял государя. В другом случае он говорит, что пока царь, «послушлив был и Никон на патриаршестве был», а как скоро царь «Никона патриарха не почал слушать», он оставил патриаршество, т. е. и здесь Никон признает, что оставление им патриаршей кафедры зависело единственно от того обстоятельства, что царь, ранее во всем послушный Никону, теперь перестал его слушать.

По поводу оставления Никоном патриаршества невольно возникает вопрос: действительно ли Никон совсем хотел оставить патриаршество, или это было одним притворством с его стороны, рассчитанным только на то, чтобы побудить этим царя преклониться пред патриархом и признать его своим опекуном?

Если взять во внимание заявления Никона в Успенском соборе 10-го июля, и его заявления вскоре после оставления им патриаршества, то, на основании их, можно предположить, что он окончательно оставил патриаршество и о возвращении не думал. Так, по свидетельству, вполне согласному, всех лиц, бывших в соборе 10-го июля, и после дававших официальные показания о событии, Никон торжественно и окончательно отказался от патриаршества и всенародно заявил, что более патриархом он уже не будет и чтобы впредь его не считали таким. Это вполне подтверждается и показанием князя Трубецкого, который 12 июля был у Никона в Воскресенском

монастыре и от имени государя говорил ему, чтобы он, «кому изволит Бог и Пресвятая Богородица быти на ево место патриархом, подал благословение, и церковь и дом Пресвятые Богородицы, покаместа патриарх будет, благословил бы ведать Крутицкому митрополиту». На это предложение Никон ответил: «а кого Бог изволит и пресвята Богородица и великий государь укажет быти на ево место патриархом, и он, патриарх, благословляет, и великому государю бьет челом, чтоб церковь Божия не вдовствовала и беспастырна не была, а церковь и дом пречистые Богородицы благословляет, покаместа патриарх будет, крутицкому митрополиту... А впредь-де он в патриархах быть не хочет; а только-де я похочу быть патриархом, проклят буду и анафема». В письме к царю, в июле того же 1658 года, в котором он просит царя простить его в том, что он отправился из Москвы в Воскресенский монастырь не дождавшись царского разрешения и указа, Никон уже выражается о себе: «смиранный Никон, бывший патриарх», причем свой скорый отъезд из Москвы объясняет своею болезнью: «многих ради своих болезней, пишет он, велел отвестися в ваше государево богомолье в Воскресенский монастырь». То же самое Никон подтвердил, 15 февраля 1660 года, посланным к нему от царя: Прокофию Елизарову и дьяку Алмазу Иванову. Он говорил им: «а что-де ему нарицатися патриархом, и он-де того имени не отрицался, только не хочет именоватися московским, потому что престол великия Росии оставил своею волею, и к великому государю с боярином со князем Алексеем Никитичем Трубецким и с окольничим Родионом Матвеевичем Стрешневым он, патриарх, приказывал, и те слова и ныне держит непреткновенно, и то, что к возвращению на прежней святительский престол и в мысли у него нет: как-де он тогда, оставляя престол, благословил его, великого государя, и весь освященный собор обирати патриарха, кого Бог благословит, так и ныне-то благословение подтверждает же, и связанным всем, которым во отшествие подал разрешение, так и ныне тех прощает и благословляет»²¹⁶.

Из приведенных свидетельств оказывается, что Никон окончательно отказался от патриаршества и, в первое время,

вовсе не думал возвращаться на патриаршую кафедру, почему и благословлял государя и освященный собор избрать немедленно на его место нового патриарха.

К сожалению, царь не воспользовался вовремя указанным настроением Никона и упустил подходящий момент сразу и окончательно разрешить патриарший кризис немедленным избранием нового патриарха, а Никон, со своей стороны, стал потом колебаться в своем решении окончательно оставить патриаршество, стал уже уверять в том, что он от патриаршества не отрекался и даже стал заявлять притязания вновь занять патриаршую кафедру.

В первый раз, после своего удаления с патриаршей кафедры, Никон выступил на общественную деятельность, как ревнитель церковных порядков, которые без него грубо, будто бы, стали нарушаться. В марте 1659 года он обратился с особым посланием к государю, в котором заявляет, что «некто дерзну седалище великого архиерея всея Росии олюбодействовати незаконно и неприподобно и святые недели Ваий деяние действovati», т. е. Никон здесь указывал царю на то обстоятельство, что будто бы старинное у нас действо хождения на ослати в неделю Ваий, совершенное тогда крутицким митрополитом Питиримом, было незаконно, так как это действо, знаменующее торжественный вход Христа на ослати в Иерусалим, может совершать будто бы только один патриарх, а не простой архиерей, и потому государь поступил неправо, дозволив совершить это действо Крутицкому митрополиту. Заявляя все это государю, Никон замечает, что он делает это «ни собою, ниже к возвращению зря, яко нес к своей блевотине – к любоначалию и власти, но жалея погибаемо добро и в книги (к книгам) обратившеся, помянули есмы негде писанное, яко не впадает добрая мысль в сердце человеку, кроме Божия смотра». Когда 17 мая того же 1659 года был у Никона, по поручению государя, дьяк Дементий Башмаков, Никон между прочим говорил ему: «что власти его поставленники многие и им-де его, патриарха, почитать доведется,... что он, Никон, хотя и оставил патриаршество своею волею и московским не зовется и николи зваться не

будет, но патриаршества не оставил и благодать остается при нем», при чем указывал на сделанные им исцеления больных ²¹⁷.

Очевидно, Никон не хотел уже оставаться спокойным зрителем тогдашних событий, а решил вмешиваться в церковные дела, мотивируя свое вмешательство ревностью к сохранению правых церковных порядков, которые-де, с его удалением, грубо нарушаются крутицким митрополитом. В то же время Никон заявляет уже требование, чтобы архиереи, как его ставленники, почитали его и слушали, так как при своем ставлении они дали ему рукописное обещание слушаться его и почитать как своего отца.

Вмешательство Никона в церковные дела показывало, что он уже стал тяготиться своим уединением, своей полной отрешенностью от общественных дел, что его снова потянуло к публичной общественной деятельности и он уже не мог более оставаться спокойным. Его особенно сильно угнетало теперь то обстоятельство, что он совсем удален от царского двора, где так недавно он был первым лицом, пользующимся особым исключительным положением и почетом. В его воображении невольно воскресали былые роскошные царские приемы и обеды, которых он теперь был лишен. С присущей ему несдержанностью Никон поспешил в послании сообщить царю свое угнетенное настроение, свою крайнюю печаль и свое томление по поводу невольного отсутствия его на одном именинном обеде у царя. В июле 1659 года Никон пишет про себя государю: «бе иногда во всяком богатстве и единотрапезен бе с тобою (царем), не стыжуся о сих похвалиться, питан яко телец на заколение толстыми многими пищаами, по обычаю вашему государеву, его же аз много насладив, *вскоре не могу забыть*: еже ныне июля в день торжествовася рождение благоверные царевны и великие княжны Анны Михайловны вси возвесилившеся о добром том рождестве насладившись. Един аз, яко пес, *лишен богатые ваша трапезы*; но и пси, по реченному, напиваются от крупы, падающей от трапезы господей своих. Аще не бы яко враг вменен, не бы лишен малого уломка хлеба богатые ваша трапезы». Картинно

изобразив свои томления при воспоминании о роскошных царских трапезах, на которых он уже более не присутствует, жалуясь на то, что он забыт, тогда как другие пируют с царем, Никон то уничиженно, то властно и учительно молит царя не гневаться на него – Никона. «Аз пишу не яко хлеба лишаяся, говорит он, но милости и любви истязая от тебе, великого государя, и да не посрамишия и о сих от Господа Бога... А аз егда не зело богатился нищетою, тогда паче и паче приумножена ваша милость... Самого тебе молю, престани, Господа ради, туне гневатися; солнце, речеса, во гневѣ вашем да не зайдет... Аз же ныне паче всех человек оболган тебе, великому государю, поношен и укорен неправедно; сего ради молю: претворися Господа ради и не дей мне грешному немилосердия... Како не имати постыдетися глаголющаго: блажени милостивы, яко тии помиловани будут? Како имаши помилован быти, сам не быв милостив?... Господа ради молю, престани от таковых! Аще и царь еси велий, от Бога поставленный, но правды ради. Чтожь ли моя неправда пред тобою, что церкви ради суда на обидящаго просил? И не точию суд праведен получил, но и ответы полны немилосердия"... Так молил Никон царя переменить гнев его на милость к нему, но и в письме такого характера не мог удержаться от гневных и укорительных выражений по адресу государя. «И дивлюся о сем, пишет он царю, како вскоре в такое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносити, яко же и святые законы не повелевают: ныне же всего мира иногда бывша аки пастыря восхотех грехи и таинства видети, и не сам точию, но и мирским, им же дерзающем бесстрашно не поставь Господи во грех, аще не покаются? Вскую наша ныне судится от неправедных, а не от святых»²¹⁸? В приведенном письме Никона к царю очень характерно то обстоятельство, что для него, после оставления им патриаршей кафедры, особенно дорого было воспоминание не о покинутой им и осиротевшей с его уходом церкви и пастве, а о царском дворце, о роскошных царских трапезах, на которых он ранее упитывался «яко телец на заколение». Не во имя блага церкви и пасомых Никон

уничижено молит царя о прощении, а ради того, чтобы опять наслаждаться, вместе с другими, царской обильной трапезой и близостью к царю. Очевидно, так мог писать Никон не как архипастырь и патриарх русской церкви, а как царедворец, которому близки и дороги только интересы, тесно связанные с близостью к царскому двору.

Если вскоре после оставления патриаршей кафедры Никон без всяких условий соглашался на немедленное избрание вместо себя нового патриарха, чтобы церковь не вдовствовала, то потом он уже стремится выбор нового патриарха возможно отдалить и затруднить, заявляя, что достоинство или сан патриаршества он не оставлял, что благодать Св. Духа осталась при нем по-прежнему, так что без него правильное, законное поставление нового патриарха не может состояться. В марте 1660 года царь послал к Никону стольника Матвея Пушкина, который говорил ему, что он, Никон, ранее, чрез князя Трубецкого, потом чрез Прокофья Елизарова и дьяка Алмаза Иванова, подал государю благословение избрать нового патриарха, «кого он, великий государь, изволит», и чтобы теперь он об этом отписал великому государю. Но теперь Никон уже не соглашался лично устраниваться от поставления нового патриарха, напротив, настаивал на своем обязательном личном участии в этом акте. Он говорил Пушкину: «на такое дело, что патриарха поставить без него, он не благословляет; кому де ево, без него (т. е. Никона) патриарха, ставить и митру на него положить? потому что митру дали ему патриархи вселенские, а митрополиту де митру на нового патриарха положить невозможно; да и посох де с патриархова места кому снять и новому патриарху дать? потому что де он, патриарх, сам жив и благодать Святого Духа с ним; оставил де он престол, а архиерейства не оставливал, про то де ведомо великому государю, что он и патриаршеской сак и амофор взял с собою. Будет великий государь изволить ему, патриарху, быть к Москве, и по ево де, великого государя, указу, он, патриарх, новоизбранново патриарха поставит, и от великого государя приняв милостивое прощение и со архиереи простяся и подав всем благословение, пойдет в монастырь»²¹⁹.

Затем Никон пошел и далее. Он стал заверять, что будто бы он оставил патриаршество только на время, а не навсегда и что он готов, при благоприятных обстоятельствах, снова возвратиться на патриарший престол. В частной беседе с своим доброжелателем, боярином Никитою Зюзиным, Никон, на его вопрос: «для чего с престола своего он сшел и впредь ему быть ли? отвечал: «сшел с сердца, а впредь-де ему отчего не быть?» «Значит, своим близким людям в частных беседах Никон уже решительно заявлял, что он оставил патриарший престол не окончательно и что он не прочь возвратиться на него. Мысль о возвращении на патриаршество настолько сильно овладела Никоном, что он, вопреки всем прежним заявлениям о своем нежелании быть патриархом, решился на крайний поступок. Упомянутый доброжелатель Никона, боярин Зюзин, не раз устно и письменно заявлял ему, что он напрасно оставил патриарший престол и что ему следует возвратиться на него. На эти настояния Зюзина Никон говорил ему: «по времени возвращусь, а ты пиши ко мне и впредь о том пришествии моем (на патриарший престол)». Под влиянием этих речей Никона, Зюзин составил целый план возвращения Никона на патриарший престол. Он написал Никону особое письмо, в котором сообщал ему, когда и как тому нужно приехать в Москву, как там действовать, причем уверял, что будто бы царь искренно желает его возвращения на патриаршество, только не хочет выступать в этом деле открыто. Никон, уже мечтавший теперь о своем возвращении на патриаршество, охотно поверил письму Зюзина и 18 декабря 1664 года неожиданно приехал ночью в Москву, во время утрени явился в Успенский собор и стал на своем патриаршем месте, как это было в прежнее время. Из собора Никон послал доложить о своем прибытии государю, который немедленно пригласил к себе бывших тогда в Москве архиереев, а также комнатных бояр и, посоветовавшись с ними, послал сказать Никону, чтобы он возвратился в тот монастырь, из которого приехал. Никон ответил посланным царя: «он сошел с престола ни кем гоним, а ныне он пришел на свой престол ни кем зовом для того, что-б де великий государь кровь утолил и мир учинил; а от суда де вселенских патриархов он не бегаёт, а

пришел-де он на свой престол по явлению. И давал мне к великому государю письмо». В то же время Никон заявил посланным государя, что пока он не получит ответа на свое письмо, «до тех мест из соборные церкви не пойдет». Очевидно, Никон придавал своему письму к государю большое значение. И действительно, оно очень характерно для его отношений к царю Алексею Михайловичу. В нем Никон прежде всего заявляет, «что слыша смятение, и молву велику о патриаршеском столе: овии тако, инии инако глаголюще развращенная, и несть ничто же истина, но каждо что хочет, то тот и глаголет», решил обратиться к Господу, чтобы Он известил его, «чему подобает быти». В течении пяти дней он подверг себя самому суровому посту: ни чего не ел, ни пил, «ни сну причащался, лежа на ребрах, развее утомився – седев с час в сутки»; но все время неустанно молился со слезами, «вопиюще и плачуще, дондеже известит ми Господь Бог, что суть подобает сотворити, и что суть годно Его святой воли». И вот уже на пятый день, когда он от крайнего утомления впал как бы в легкий сон, Господь послал ему просимое видение. Никон рассказывает: «видех се: обретохся во святей соборной церкви, и видех свет велик зело, обаче от живущих никого ту видех, но прежде бывшими леты усопших святителей, и священников, стоящих по стронам, идеже гроби прежде усопших святых отец – митрополитов и патриархов. Един же некто святолепен муж, сединою честною доволен, или велми красен, браду имея густу велми, мало продолговату, во священных святительских одеждах вси стояху. Той же, вышепомянутый святолепный муж, обходя по иным святым отцем, хартию и киноварницу с киноварем обносит по всем святителем, они же вси подписуют. Аз же со страхом приступив к носящему хартию и киноварницу, вопросих его, что сие творите, подписующе руки на хартии? Он же рече ми: о твоём пришествии на престол святой. Аз рече: покажи ми, аще есть истина. Он же показа ми. И смотря, и бысть тако. Аз же паки рекох ему: ты подпишешился? Он рече: подписахомся уже. И показа ми о себе написанное. Аз смотрив со вниманием, и обретшеся истина, написано полтретьи строки сие: смиренной Иона, Божию милостию митрополит, тако

страхом Божиим подписую подобно есть. Аз же приим дерзновение, идох к месту. И хотящу ми взыти, обретох святителя стояща на месте, в честных одеян архиерейских одеждах, и ужасохся. Он же рече ми, не ужасайся, брате, яко тако воля Божия есть. Взыди на стол свой и паси словесные Христовы овцы, яже ти Господь поручил. И абие невидим бысть. Аз же утвердився, взыдох. Мню же святителя стояща – Петра чудотворца. Ей ей, тако ми Господь свидетель на се. Аминь»²²⁰.

Приведенный рассказ Никона о бывшем ему 17 ноября 1664 года, чудесном видении от Господа, показывает, что Никон, свое неожиданное возвращение на патриаршую кафедру хотел было обосновать на особом бывшем ему божественном видении: он потому теперь неожиданно для всех возвратился на свой патриарший престол, что такова была, открытая ему в видении, особая воля Божия, которой он понятно, не мог ослушаться. Очень может быть, что ранее Никону удавалось рассказами о подобных видениях влиять на царя, подчинять его своей воле и делать его послушным орудием своих желаний. Но, на этот раз, царь не выразил ни малейшей охоты поверить видению Никона и сообразовать с ним свое дальнейшее отношение к нему. Царь, и по прочтении рассказа о видении, снова решительно отказался видеть Никона и велел ему немедленно возвратиться в свой Воскресенский монастырь. И сам Никон не устоял на сверхъестественных мотивах своей попытки снова занять оставленный было им патриарший престол, а стал объяснять все это дело уже просто и естественно. Князю Долгорукову, провожавшему его из Успенского собора за земляной город, он неожиданно сказал: «приехал-де он к Москве по вести, а не собою». Посланным за ним, чтобы отобрать у него посох Петра митрополита, который он было увез из Успенского собора, Никон тоже заявил, что он поехал к Москве по особому письму к нему Никиты Зюзина и передал им самое письмо. В то же время он говорил им, «что он к Москве приехал и в соборную церковь вошел на свой святительской поставленной престол», так как он «оставил патриарший престол *на время* за многое внешнее нападение и досадительства». И в других случаях, с этого времени, он уже постоянно и решительно стал заявлять и

уверять всех, что никогда не отказывался окончательно от московского патриаршего престола, а всегда имел в виду, с течением времени, снова занять его. Так в грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию 1666 года Никон уже пишет: когда он, оставив патриаршество, уехал в Воскресенский монастырь, посланные государем вслед за ним бояре говорили ему: «чего ради ты, без царского повеления, отшел с Москвы? – И аз рек им, пишет Никон Дионисию: яко не в дальния места отшел: аще царское величество на милость положит и гнев свой утолит, *паки приидем*, и, по сем, о возвращении нашем на престол наш от царского величества ничево не было». На соборе 1666 г., во время суда над ним, Никон заявлял: «я не *отрекался престола*, то-де на его затеяли». То же самое Никон говорит и в своих возражениях на вопросы Стрешнева и ответы Паисия Лигарида. Приводя здесь письмо, какое он послал царю при своем отречении из Успенского собора с диаконом Иовом, Никон спрашивает: «да которое се отречение?» т. е. говорит, что в его письме к царю вовсе не было отречения от патриаршества, а он только заявлял в нем, что ввиду несправедного гнева на него царя, он оставляет место и город, – об отречении же не говорит ни слова. В другом месте своих ответов он говорит, что он не отрекался от престола, а только ушел из Москвы, всенародно засвидетельствовав несправедный гнев на него царя, между тем как «государь царь, заявляет Никон, принуди сказати *то мое свидетельство отречением*, и многими пытками стращал – велели сказывать, как ему, государю, годно». Выходит, по позднейшему показанию Никона, что все дело об его отречении от патриаршества придумано государем, который даже употребил насилие и застрашивания, чтобы только заставить свидетелей говорить, что Никон, оставляя Москву, отрекся от патриаршества, чего в действительности, однако, будто бы не было ²²¹.

Из сказанного нами оказывается, что Никон, всенародно отрекшись от патриаршего престола, в пылу гнева и неудовольствия на государя, если сначала и думал серьезно и навсегда отказаться от престола, то думал так недолго и скоро

стал мечтать о своем возвращении на патриаршество, стал уверять, что его удаление было не отречением, а только временным отъездом из Москвы вследствие гнева государя. Он даже хотел снова овладеть престолом с помощью неожиданного захвата, ошибочно думая, что царь желает его возвращения на патриаршество и что его захватный поступок будет принят царем с сочувствием и одобрением. Но когда царь приказал ему сказать, чтобы он немедленно возвратился туда, откуда приехал, и чтобы он ждал прибытия вселенских патриархов в Москву, куда позовут тогда и его, а что ранее видеться ему с царем нельзя, Никон убедился, что дело его с возвращением на патриаршество окончательно проиграно и что московским патриархом ему никогда более не быть. Теперь вполне отрезвившийся от своих несбыточных мечтаний и надежд Никон решился окончательно и формально отказаться от всяких притязаний на занятие патриаршего престола, но притом так, чтобы себе лично создать возможно почетное, материально-богато обеспеченное, и во всех отношениях ни от кого независимое, положение.

В январе 1665 года Никон письменно выразил решительное согласие навсегда отказаться от патриаршего престола и соглашался на поставление нового патриарха, если государь с боярами и освященный собор примут следующие предложенные им условия: а) Оставить за Никоном три построенные им монастыря: Воскресенский, Иверский и Крестный со всеми приписными к ним монастырями и притом так, чтобы он свободно и сколько захочет мог жить в любом из этих монастырей. б) Грамоты государевы и все крепостные акты, утверждающие всякие владения за его монастырями, какие сейчас находятся у государя, или еще на утверждении, передать ему – Никону. в) Царь должен отдать в личное владение Никона те имения, какие он ранее купил на свои деньги, пожалованные ему за заслуги государству, когда он был новгородским митрополитом и самоотверженно боролся тогда с бунтовщиками. г) Из патриарших доходов, которые он, Никон, «своим промыслом» увеличил тысяч на двадцать, «давать мне, вместо милостыни, на пропитание хлеба и рыбы и денег на

потребу», сколько укажет государь, синклит и освященный собор. д) Просит отдать ему некоторые патриаршие облачения и именно те, какие он, будучи патриархом, сделал из бывших ему подношений от царя и царицы, а также просит дать ему митру, панагию и под. е) Ни в суд, ни в хозяйство, ни в управление Никоном монастырями новый патриарх никак не должен вступаться ни сам, ни чрез своих посланных, – единственным полным хозяином, судьей и управителем в своих монастырях должен быть только он – Никон. Точно так же только по своему усмотрению он может избирать и посвящать во все свои монастыри и принадлежащие им церкви архимандритов, священников и диаконов. ж) Просит наделить настоятелей трех им основанных монастырей некоторыми церковными преимуществами, например: правом являться на церковные соборы, быть свободными от всякого светского суда. и) По смерти Никона его монастыри должны быть приписаны «к царствующему граду Москве во область, а не в дом патриаршь», т. е. желал, чтобы его монастыри были самостоятельными, а не патриаршими. й) Просить дать полную свободу всем желающим приходить к Никону «и милостыню подати не возбранити». к) Царь должен дозволить ему, когда это нужно, приезжать в Москву, и если ему случится быть на соборе «ради пользы», то ему сидеть под настоящим патриархом, выше всех митрополитов, архиепископов и епископов. л) Его имя обязательно должно писаться «в степени святейших московских патриархов» т. е. московским ему не именоваться, а писаться: «смиранный Никон, Божию милостию патриарх». м) Всем так или иначе пострадавшим за него дать полную свободу. – Взамен выговариваемых себе прав и преимуществ Никон берет на себя такие обязательства: а) Держать заповеди Христа, Его святое евангелие, заповеди и правила св. апостол и св. отец седми вселенских соборов и поместных, признаваемые церковью святые книги и уставы, символ, исправленный с греческого, служебник, требник и прочие книги «справлены с старых с греческих святых книг», и иметь единение с вселенскими патриархами «во всем неотложно». б) Во всякие духовные дела московского

государства ему не вступаться. в) Когда он будет, по какому-нибудь случаю, приезжать в Москву, он обязуется согласовать свое поведение с указом государя и с советом нового патриарха. г) Он берет на себя обязательство: так как он ранее на царя, синклит и освященный собор «суд Божий износил», то теперь он станет молить Господа, «чтобы царствующему граду Москве не быть осуждену паче Содома и Гомора». д) Архиереям, подвергшим его – Никона своему суду «беззаконно, чрез вся божественные правила, мне тож прощение дати и разрешити святым молитвословием, кто о том станет каятися и прощения просити; аще ли кто не покается, и он будет под заповедию Божиею». е) «Честный синклит – бояре, кои злословили нас без правды и клеветали на нас великому государю смертными винами, якож: Семен Лукьянович Стрешнев вопросы своими газскому митрополиту, и Роман Баборыкин и Иван Сытин и прочии вси, каждо сам свою совесть ведая, и поищут прощения и нам тех разрешити и благословити»; а которые обидели его – Никона в житейских вещах движимых и недвижимых, с теми устроить полюбовное соглашение, а которые и после сего будут обижать и делать зло, на тех «да будет божественная юза не разрешима». ж) Ивана Щепоткина, обидевшего Никона при расчете за купленную у Щепоткина медь, и за это Никоном проклятого и под проклятием умершего, простить и разрешить, если его приказчики устранят прежний неправый расчет. з) Никон просит: «а противу сего нашего изображения всего, да дастся и нам писание от царского величества, и от честного царского синклиту, и от священного собора – во свидетельство всякия правды». и) В заключение Никон говорит, что если новый патриарх будет поставлен вопреки божественным канонам и заповедям и предлагаемым им условиям, только «по власти мира сего», то так поставленный патриарх будет не настоящий, но прелюбодей и хищник, «и вместо мира да будет мечь Божий и разделение, по словеси Господню: не приидох вложить мир, но мечь»²²². Так Никон, решив окончательно оставить всякие притязания на занятие им патриаршего престола и соглашаясь на избрание себе преемника, хотел создать себе положение почетное,

независимое и материально богато обеспеченное. Он хотел иметь свой собственный, ни от кого не зависимый и довольно значительный удел, в котором бы он был единственным, полновластным и бесконтрольным хозяином, судьей и управителем, сохранив в то же время за собою почетный титул патриарха. В то же время в своих условиях Никон прямо дает знать, что пред ним были виноваты все: царь, который без правды на него гневается; бояре, которые на него злословят и клеветают государю; архиереи, которые, вопреки канонам и божественным заповедям, составили для суда над ним незаконный собор; разные отдельные лица, которые приходили с ним по разным случаям, в столкновение и которых он за это подверг проклятию, – всех этих виновных пред ним лиц он, однако, теперь прощает и разрешает, но только в том случае, если они сами будут искать у него прощения и разрешения, иначе пусть остаются под проклятием.

Предлагая свои условия, на которых он готов был окончательно отказаться от патриаршего престола и признать вновь выбранного патриарха, Никон думал этим предупредить, между прочим, приезд в Москву восточных патриархов для суда над ним. Он говорил; «будет ему, великому государю, годно, для чего посылать ко вселенским патриархам, мочно то дело сделать и без вселенских патриархов», и послал царю свои вышеприведенные условия. Но расчет Никона оказался ошибочным: он слишком запоздал с заявлением о своей окончательной решимости не стремиться более к занятию патриаршего престола, – его дело решено было передать на суд восточных патриархов. Впрочем, присланные Никоном условия Алексей Михайлович все-таки передал на предварительное рассмотрение одних русских иерархов, которые и высказали по этому поводу свои соборные суждения и соображения. Они дошли до нас только в черновом списке и важны в том отношении, что ярко рисуют нам воззрения, какие имели тогда русские архиереи на свои отношения к Никону, его делу и разным его притязаниям.

Собор, рассматривая и обсуждая условия Никона, на которых он окончательно отказывался от всяких дальнейших

притязаний на патриарший престол и соглашался на избрание нового патриарха, признал приемлемой только некоторую часть из них, и притом приемлемой с очень важными и существенными ограничениями, сильно сокращавшие права и преимущества, выговариваемые для себя Никоном. Так собор признал, чтобы Никон владел тремя построенными им монастырями: Воскресенским, Иверским и Крестовым, но все приписанные к ним Никоном монастыри – числом 16, взятые у разных архиереев, должны быть опять возвращены в те епархии, из которых они взяты, и по-прежнему подчинены местным архиереям. «Приписным же монастырям, говорили на соборе, быти по-прежнему во всем, как который монастырь был до приписки к святейшему патриарху. А от ныне святейшему Никону патриарху ими не владети... А довлеет святейшему Никону патриарху на пропитание его и на всякую телесную потребу строения его монастырей вотчинами, в них же жити ему определися, и владети внешними именами тех монастырей». На требование Никона, чтобы ему из доходов патриарха выдавалась известная часть денег, хлеба и рыбы, собор заявляет, что без нового настоящего патриарха он ничего не может присудить Никону из патриарших доходов, да едва ли, замечает собор, это и нужно, так как доходов с трех богатых, построенных Никоном, монастырей, вполне достаточно для его пропитания, ибо, по апостолу: «имуще пищу и одежду, сими довлемся. Хотящий бо богатитися, поучает собор Никона, впадают в искушения и сети и пожелания многа непотребная и вреждающая». На заявление Никона, чтобы царю по-прежнему жаловать Никона своею царскою милостью, собор говорит, что это зависит исключительно от воли государя и в том, конечно, только случае, если Никон «к великому государю и к святейшему патриарху настоящему будет покорен во всем по Господе Боже, и не начнет каковых мятежей и смущений творити каковым-либо образом». Собор твердо и очень определенно выразил ту мысль, что Никон, как отрекшийся от патриаршего престола, уже не может быть более самостоятельным или независимым архиереем: ни в духовных делах, ни в суде над своими монастырями, ни тем более в поставлении и

посвящении в своих монастырях и вотчинах архимандритов, священников и диаконов, а обязан все делать с разрешения и благословения нового настоящего патриарха, которому он, наравне с другими архиереями, обязан во всем безусловным повиновением. «Святейшему Никону, патриарху бывшему Московскому, говорит собор, святейшего патриарха настоящего Московского и всея Руси сослужителем не именовать, но имети его и именовать его архипастыря и начальника и старейшину, и подчиняться ему во всем, и без воли его и без благословения в царствующем граде, или где инде, не точию что чрез божественные законы, но еще что и по божественным законам без совета и веления ничтоже творити, но вся ему деяти по указу великого государя и по благословию святейшего патриарха московского и всеа Росии, яко же и прочия архиереи вся делают по благословию его». Ввиду этого собор разрешает, например, приезжать Никону в Москву, но только всякий раз он должен заручиться на проезд согласием царя и патриарха, «а без указу великого государя и без благословения святейшего патриарха к Москве ему не приходи». Никон требовал, чтобы новый патриарх в его монастыри, вотчины и села, во всякие суды, церковные дела, хотя бы и касавшиеся духовных лиц, совсем не вмешивался. На это собор отвечает: «кийждо есть должен свою меру ведати и в своих пределах и повеленных ему священными кононы пребывати». Патриарх должен ведать всю свою паству без всяких исключений, а, следовательно, и Никон во всех своих делах и поступках должен ему подчиняться, ибо двух равноправных архиереев в одной епархии быть не может. Ввиду этого собор постановляет: «а которое дело духовное в котором его монастыре и прилучится, и ему к тем архиереем, которой монастырь или вотчина которого архиерея области подлежит, и описыватися по их совету и велению: аще повелят то творити, да творит; аще же не восхощет описатися, или опишется, но архиерей аще будет ему не повелит что своя области творити, и святейшему Никону патриарху отнюдь без их веления ничтоже творити смети, яко же выше священная правила законополагают, и яко сам обещася». Никон может и

посвящать в своих монастырях и вотчинах архимандритов, священников и дьяконов, но не иначе, как предварительно снесшись или с патриархом, или с тем епархиальным архиереем, в епархии которого находится тот или другой его монастырь или вотчина, и только с их разрешения и благословения он может совершать посвящение, а никак не своею волею и усмотрением. Никон обещался держать все церковные предания и книги, исправленные со старых греческих книг и исправленный при нем символ. Собор вместе с этим вменяет еще Никону в обязанность принимать и все те книги, какие исправлялись и будут исправляться после него с греческих книг, а также: самому и в своих монастырях всегда поминать первым нового московского патриарха. На требование Никона, чтоб его духовного чина лиц не привлекали в мирские судилища, собор ответил довольно неопределенно и уклончиво, именно: «о сем соборно како священные правила уставиша и царстии законы повелеша, обычай российского государства держится о прочих архиереях и монастырях, тако и о святейшем Никоне патриархе и монастыре его и монастырей его всяких начальников да держится твердо во всем». Никон просил, чтобы к нему был свободный доступ всем лицам, которые только пожелают приходить к нему или ради благословения, или чтобы подать ему милостыню. Собор на это заявляет, что он «не возбраняет христианом к нему приходить, дондеже не будет каковой мятеж и соблазн», т. е. собор не верил, очевидно, в дальнейшее спокойное поредение Никона и допускал в дальнейшем возможность появления от поведения Никона «мятежа и соблазна».

Но особое внимание собора обратили на себя те пункты в условиях Никона, в которых он говорит об устройстве своих отношений к царю, боярам, освященному собору и к некоторым отдельным упоминаемым им лицам. Эти пункты в условиях Никона дают повод собору русских иерархов высказать свой истинный взгляд на Никона, как архипастыря русской церкви и иногда больно задевают его самолюбие, столь чувствительное всегда и к малейшим уколам.

Никон в своих условиях говорил, что, так как он ранее «суд Божий износил» на царя, синклит и освященный собор, то теперь он будет молить Господа, «чтобы царствующему граду Москве не быть осуждену паче Содома и Гомора». По этому поводу собор рассуждает; когда Никон был Московским патриархом, то в своих писаниях нередко уподоблял себя Моисею, «только кротости его не подража». Моисей молил Бога за согрешивший пред Ним народ израильский и лучше желал быть изглаженным из книги живота, нежели видеть свой народ за его грех наказанным Господом. Между тем Никона не только никто не обижал, «но вси почитаху его и покоряхуся ему во всем, яко самому Христу, и честь ему отдаваху паче прежде его сущих патриархов российских». А между тем он сам произвольно бросил свою паству без сколько-нибудь достаточных причин и упорно не хотел возвратиться на патриарший престол, хотя все его молили не покидать своей паствы. Ввиду этого, говорит собор, «ни на кого же ему подобаше, точию на свое упорство, Господу Богу жаловатися, и суд Божий изнести; невинных же в отшествии его не кляти: на зло бо молящагося и праведного Бог не слушает. Аще бы ему в чесом пасомых им кто и погрешил, и ему, яко пастырю, подобаше не кляти, но, но Моисею, Господа Бога молити и душу свою за паству положить». Никон, бывший патриарх, говорит собор, «по своей страсти кляше, и должен есть Господа Бога молити, да не вменится сие ему в грех». Далее собор говорит: «сотвори патриарх Никон дерзость, еже прах отрясе моляшеся, – оному праху, потрясенному от ног его, быти в осуждение царствующему граду Москве паче Содома и Гомора. И таковые дерзости никто же сущих прежде святейшего Никона патриарха сотвори где, аще и истинно изгнание подъя кто, или не прият кого кий град или весь». Никон самовольно, без всякой уважительной причины, оставил свой престол и паству, но потом, «многоже лета минув по отречении своем, восхоте паки власти и славы мира сего, ниже известив о себе, ниже советовав, или молив царя и собор, прииде внезапу нощию, и в мире молву и смущение велие сотвори... Подобаает ему о своем дерзновении каятися и молитися Господу Богу... А еже метлу

некую нареченную им (явившаяся тогда комета) молится в отмщение обидящим его, – и о сем прирече священный собор: подобаше святейшему патриарху Никону, яко ученику Владыки Христа, молится за творящих ему обиду, о оставлении грехов, яко же сам Владыка наш Христос научи, рек: заповедь новую даю вам, да любите друг друга... любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите клянущая вы, молитесь за творящих вам обиду. Святейший Никон патриарх, возшед на совершенный степень архиерейский, не вспомянул заповеди Божия, глаголющая: мое мщение Аз воздам. Моляще законопреступно бывшей в то время звезде, юже наречет метлою, быти обидящим его во отмщение. Его же обида – кто чим его пообиде? – неведома, а точиво аще не сам себе обидит"...

По поводу клятвы Никона на Ивана Щепоткина, у которого Никон взял 500 пудов меди, а Щепоткин рассчитался за взятое у него не так, как хотел и желал Никон, собор учительно заявляет: «священный собор судил ту клятву патриархову на Ивана быти суетну и зело безмилостиву и грешну ему, патриарху: зане, яко же свидетельствует и сам святейший патриарх, взял Иван за свою медь, а медь взял у него патриарх... Хотя бы и впрям Иван чем патриарховым завладел, и ему (Никону) было подобаше писати о том к прикащиком Ивановым, дабы ему долг его возвратили, а кляти отнюдь не подобаше, и душу, кровию Христовою от клятвы искупленною, за малую тленную ничтоже сущую вещь, клятве предавай: и вечно губити. И то несправедно, за ево бо, Иваново, имение, ево, Ивана, прокля. Аще бы и весь мир приобрел, душу же погубил, или отщетил ничто же даст в замену за душу ону».

В заключение собор, приводя заявление Никона: «аще ли чрез вся божественные каноны и заповеди и любовный союз сбудется, еже о патриаршестве, но власти мира сего, то да не наречется по правде патриарх, но яко прелюбодей и хищник, и вместо мира да будет меч Божий и разделение», – делает такое постановление; царь всегда, при избрании патриарха, действует совместно с освященным собором, а не единолично. Равно и освященный собор требует, со своей стороны, помощи у царя

при избрании патриарха. И теперь царь и освященный собор думают избрать патриарха «не кроме божественных канонов, но яко же священная правила повелевают, и обычай российского государства есть рукополагати своим архиереем патриарха согласием и благословением святейшего вселенского патриарха Константинопольского; а власти мирския (кроме священных) никогда же избираху, ниже избирают». Что же касается «любовного союза», о котором говорит Никон, то собор по этому поводу наставительно поучает его: «любовный же союз сице имать быти: аще святейший Никон патриарх будет святейшему престольному патриарху московскому во всем покорен, и имя его будет везде сам и сущих под ним монастырех и церквах всех в первых поминать, и имети его будет архипастыря и старейшину, и не будет каковых мятежей и молв и смущений каковым-либо образом творити, – святейший настоящий патриарх будет его, патриарха Никона, любить и жаловати и почитати, яко прежде бывшего брата своего. Аще же святейший Никон патриарх святейшего настоящего патриарха имя в первых не будет поминати, или почитати и имети его архипастыря и старейшину, и начнет в чем-либо не покоряться ему, или каковые молвы и смущения и мятежи каковым-либо образом, собою или людьми, творити, – и святейший патриарх настоящий святейшего Никона патриарха должен и судити по священным правилам, да не будут два патриарха равные себе; и тем не наречется прелюбодей и хищник, но пастырь, пасый жезлом сил: данную ему властью не покаряющихся ему и отвращающихся от него; последующих же ему пасый духом кротости»²²³.

Приведенными постановлениями собора русских иерархов, все мечты и надежды Никона создать себе, после окончательного оставления им всяких притязаний на патриаршую кафедру, почетное, материально богато обеспеченное и во всех отношениях ни от кого независимое положение, как бы какого владетельного князя, были вконец разрушены. Собор сильно сузил и урезал материальные претензии Никона, отняв от него все ранее приписанные им к своим владениям разные монастыри, со всеми их землями и

угодьями, и отказал ему в выдаче из патриарших доходов денег, хлеба и рыбы. Отцы собора признали монастыри и все другие владения Никона в духовных делах подчиненными не ему, а общему обычному надзору настоящего патриарха, и даже не дали ему права самостоятельно и единолично ставить в своих владениях архимандритов, священников и дьяконов, требуя, чтобы он и в этих случаях каждый раз обращался с особой просьбой о разрешении поставить священное лицо или к патриарху, или к местным архиереям, смотря по тому, в чьей области находится тот или другой его монастырь, или приходская церковь. Наконец, и что самое главное: относительно самого Никона собором твердо и решительно было заявлено, что хотя за Никоном и остается титул патриарха, но этот титул, однако, не дает ему никаких особых прав и преимуществ, ни тем более какой-либо церковной самостоятельности и независимости по отношению к действительному патриарху: Никон не есть его сослужитель, а лицо строго во всем ему подчиненное; – для него настоящий патриарх, как и для всех других архиереев, есть архипастырь, начальник и старейшина, без совета и повеления которого он не может сделать ни в каких церковно-духовных делах ни одного самостоятельного шага; – за всякое своевольное уклонение от воли и повелений настоящего патриарха, Никон всегда может быть отдан последним под суд. В то же время собор, в своих суждениях по поводу различных предложений Никона, в общем и в частности, очень невыгодно освещает личность Никона, как архипастыря русской церкви. Никон изображается в соборных деяниях человеком очень несправедливым, крайне запальчивым и дерзким, проникнутым величайшим самомнением и самочинием, способным в самой архипастырской своей деятельности руководствоваться слишком не архипастырскими мотивами и побуждениями, способным даже производить в народе своими, страстями внушенными, действиями и поступками мятежи, смущения и соблазны. Ввиду этого собор по отношению к Никону принял учительно-наставительный и обличительный тон, и в своих суждениях поучает Никона заповедям и учению Христа, которых

он мало держался в своей архипастырской деятельности, поучает его, каков должен быть по своим нравственным качествам, характеру и отношениям к своим пасомым истинный архипастырь церкви, каким во многом не был Никон.

Понятно само собою, что соборные обсуждения тех условий, на которых Никон окончательно отказывался от всяких дальнейших своих притязаний на патриарший престол и соглашался на поставление нового патриарха, должны были произвести на Никона самое тяжелое и удручающее впечатление. Он ясно увидел теперь, как враждебно относятся к нему уже не бояре и противники его церковной реформы, но и самые архиереи, из которых многие были его ставленники, ранее послушные малейшему его мановению, постоянно трепетавшие пред ним и не смевшие сказать даже слова, если видели, что оно неуместно и неприятно всемогущему, несдержанному на расправу патриарху. Теперь, бывшие его низайшие и безгласные богомольцы и послушники, смело и громко заговорили, обличая публично его, Никона, в несоблюдении заповедей и учения Господа, в его не архипастырском дерзком поведении, и больно давали ему чувствовать его теперешнее опальное положение и свою настоящую силу пред ним, которая давала им возможность, гордого и самовластного Никона, низвести на уровень обыкновенного подчиненного другому, его место занявшему патриарху, без воли и разрешения которого он не может сделать ни одного самостоятельного шага, под опасением, в противном случае, попасть под суд, как и всякий обычный нарушитель воли высшего начальства. Естественно было поэтому ожидать, что Никон никак бы не согласился с соборными о нем суждениями и постановлениями и постарался бы всячески им противодействовать. Но согласия на соборные постановления никто от него и не потребовал, постановления собора не вошли в законную силу и не получили никакого практического значения, так как дело о Никоне решено было передать на суд самих восточных патриархов, которые уже ехали для этого в Москву. Но справедливость требует, однако, заметить, что как ни сурово отнеслись русские иерархи к своему бывшему для

них очень тяжелому патриарху, все-таки они оставили за Никонем титул патриарха, право жить в построенных им монастырях, управлять ими, пользоваться и распоряжаться всеми получаемыми ими значительными доходами, право заседать на соборах, если и ниже настоящего патриарха, то выше всех митрополитов, архиепископов и епископов. Иначе, чем русские архиереи-собратья, отнеслись потом к Никону, прибывшие для суда над ним в Москву, греческие вселенские патриархи.

Таким образом, отречение Никона от патриаршества в действительности имело только демонстративный характер, а не было настоящим, серьезным отречением. Этим демонстративным актом Никон хотел только с блеском восстановить свои прежние пошатнувшиеся отношения к царю, хотел заставить последнего по-прежнему во всем подчиняться ему – Никону, иметь его главным советником и руководителем во всей его царской деятельности. Никон был убежден, что он так нужен и необходим для царя, что тот никогда не решится с ним расстаться и отказаться от его услуг и советов. И, по-видимому, Никон имел свои основания так думать. Как мы знаем, Никон, еще ранее 1658 года, уже два раза просил Алексея Михайловича разрешить ему оставить патриаршество и отпустить его в монастырь, но каждый раз царь решительно отказывал ему в этом ходатайстве. Естественно было думать Никону, что и теперь, т. е. в 1658 году, царь не отпустит его с патриаршего престола и, может быть, даже придет в Успенский собор, вместе со своим синклитом, молить его, чтобы он по-прежнему оставался патриархом. Когда же Никон увидал, что он ошибся в своих расчетах на исключительную, неизменную привязанность к нему царя, и что царь вовсе не думает возвращать его на патриаршую кафедру, тогда он стал употреблять свои меры, чтобы так или иначе опять возвратить себе оставленный было им патриарший престол и даже не остановился, как мы видели, пред захватным способом. Но потерпев и на этом пути решительную неудачу и окончательно убедившись, что ему уже более никогда не быть московским патриархом, Никон решил было остаться хотя бы только

титularным патриархом, но блестяще материально обставленным и занимающим в церковной иерархии очень почетное и независимое положение. Но достигнуть этого ему не удалось, и он должен был потом, из блестящего и могучего, царившего в церкви и государстве всероссийского патриарха, превратиться в простого, и притом ссыльного, монаха Никона.

Глава 10. Критика церковной реформы Никона в литературных произведениях ее первых противников

Русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире, а русские церковные книги вполне правы и не нуждаются в исправлении. Благочестие современных греков очень сомнительно, их церковные книги испорчены еретиками, почему теперь истинному благочестию нужно учиться не русским у греков, а грекам у русских. Никон, как реформатор, был еретик и слуга антихриста, в своей реформаторской деятельности он руководился личным произволом, пренебрежением к родной святой старине, гордостью и высокоумием. Он не исправлял, а прямо заново переделывал русские старые книги. Его заверения, что он исправлял книги с древних греческих и славянских харатейных, решительно несправедливы, так как в действительности он исправлял свои книги или с новогреческих напечатанных еретиками книг, или с польских, или, если и с русских, то «с покидных» и «хромых» книг. Слабые стороны и тенденциозность критики церковной реформы Никона защитниками старины.

Никон оставил патриаршую кафедру вследствие недовольствия на него государя. С падением Никона, казалось, как логически-неизбежное последствие этого факта, должна была пасть и самая произведенная им церковная реформа. Ее противники торжествовали и, по-видимому, должны были остаться победителями. Царь теперь совсем охладел к своему бывшему «собинному» другу, не желал более иметь его патриархом и, значит, царь из друга и пособника Никона, если не перешел, то легко мог перейти на сторону его противников, конечно если они употребят к тому достаточные усилия. Бояре уже ранее не терпели Никона и теперь употребят все усилия окончательно уничтожить его, а вместе с ним и его дело. Крайне не любили самовластного, гордого и сурового Никона и все архиереи, которые мало разделяли его грекофильские реформаторские увлечения. Не любило Никона и все

духовенство, видевшее в нем скорого и жестокого на расправу нововводителя. Не любил Никона и народ, так как видел в нем новатора, нарушителя старых верований и обычаев. Очевидно, теперь наступило для врагов церковной реформы Никона самое благоприятное время уничтожить не только самого Никона, но и все его дело, т. е. произведенную им церковную реформу. Они энергично взялись за это дело, решились разъяснить всем: царю, властям и всему обществу ту, по их мнению, несомненную истину, что произведенная Никоном реформа была незаконна, несправедлива, зловредна и прямо губительна и для церкви и для государства, почему ее следует уничтожить и немедленно возвратиться к прежним до-никоновским церковным порядкам. Замечательно быстро появилась целая обширная противониконовская литература, показавшая, какими значительными и далеко недюжинными силами и средствами располагали противники церковной реформы Никона. Все сделанное Никоном в церковной сфере подверглось с их стороны самой строгой, очень придирчивой и беспощадной критике, которая выдвинула на защиту родной старины целый арсенал старо-московской учености, с прямою целью доказать и убедить всех в том, что реформа Никона, под видом исправления, в действительности только искажает и даже совсем губит православие на Руси. Многочисленные произведения этого рода быстро распространялись по всей Руси и всюду производили сильное впечатление на умы, тем более сильное, что в защиту и оправдание реформы Никона пока еще не было сделано ничего такого, чтобы хотя отчасти могло парализовать действие противониконовской литературы, идеи и взгляды которой, поэтому, без всякой помехи быстро распространялись повсюду и, в связи с живой устной проповедью выдающихся борцов и защитников старины, полагали твердую и прочную основу для возникновения и упрочения в народе старообрядства.

Ввиду той особой важности, какую имела первоначальная противониконовская литература в деле появления и развития старообрядства, необходимо, хотя бы в самых общих чертах показать, что именно и как говорили первые представители

старообрядства против церковной реформы Никона, в чем и почему они находили эту реформу неправой и зловерной.

Основной исходной точкой для противников церковной реформы Никона послужило старорусское исторически сложившееся убеждение о русском благочестии, как высшем и совершеннейшем в целом мире, и о греках, как об потерявших истинное благочестие и допустивших у себя важные латинские новшества.

По мнению противников церковной реформы Никона, русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире, вполне доказанное и оправданное исторически. Неронов пишет царю: «о, благочестивый царю, яко законы их (русских святых), ими же они Богови угодиша, и в чудесех велицы явльшеся, тако, яко истинии, прогоняют бесов: мы же сия нетрудно разорити покушаемся. На сих ли возносимся, их же, видим, ты, благочестивый царю, и все правовернии князи, и боляра, и архиереи, иерей, православии христианя со страхом многим любезно святые их мощи целуете, и ракам их касаетися ради освящения единокровных наших душ, и яко да молят о нас человеколюбца Бога, да милостив будет нам в день судный, – на сих возвестися имамы?» Протопоп Аввакум говорил на соборе греческим патриархам: «до Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна». Дьякон Федор пишет царю: «мощно, крестоносный царю – государь, пронести историю, что о белом клобуке: что глаголи цареградскому патриарху первый христианский царь, и святой Селивестр папа римский и ангел Господень, не сбыся ли то? Вся царства, государь, в конец стекошася, сиречь во твое богохранимое господарство; zde истинная православная христианская вера: не пошто нам искать! – заблудити будет. В Космографии написано: несть под солнцем такого благочестия и веры правые, яко в московском государстве, а по иным всем с ересми смесишася и навывоша дел их». И в другом месте он же говорит: «закон Господень непорочен держаша отцы наша во всей русской земле, и нам той оставиша неприменен, и неизвращен предаша чадом своим, и в том они Богу угодили и

спаслися. Без правые же веры невозможно угодити Богу, глаголет апостол Павел... Аще бы вера наша прежняя единая в чем неправа была, или в ней ереси были, то бы святым русским чудотворцем откровено было прежде, с ними же сам Бог беседовал и посещал их явно и пречистая Богородица, и Апостоли Христови, и велели бы исправить». Священник Никита Добрынин пишет: «ведомо тебе, великому государю, яко ветхий Рим падеся аполинариевою ересью, второй же Рим, еже есть Константинополь, агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем: твое ж государство, великое российское царство, третий Рим, и отсюда все христианское благочестие в него едино собрася, и от тебе, благочестивого царя, превеликий Господь господствующих и Царь царствующих Христос Бог наш свой талант с прикупом возьмет... О сем воспомяну твоему христианолюбному милосердию, что колико в Троицы певаемый Бог своею милостию в твоей государевой отчине, в велицей России, угодников своих прославил, и многоцелебными их мощми и чудотворными раками всю землю твою, аки небеса многими пресветлыми звездами, украсил, и почтил ю паче всея вселенные, иже неизреченным своим промыслом из Рима белый клобук и угодника своего Антония на камени по водам, аки на колеснице легче прислал, наипаче и Богоматери своя, премилостивые наша заступницы и помощницы Пресвятые Богородицы и Приснодевы Марии иконе, и боготелесней своей ризе благоизволил в царствующем твоём и преименитом граде Москве быти, и источает нам неоскудную свою милость. И посему, великий государь, Божию призрению и неизреченной его милости разумно есть всем, благочестно живущим, что в российском государстве твоём царстве, истари самая истинная христианская православная вера, апостолы проповеданная и святыми отцы седмию вселенскими и девяти поместными соборы утверждённая, и в Троицы покланяемому Богу до него Никона, бывшего патриарха, благоугодна была. И будет бы, великий государь, отчина твоя, великая Россия, неистинную веру содержала: и то б всеблагий Бог можаше толикую свою благодать и инуде послать». Инок Сергей, со своей стороны, говорит, что когда был в Москве константинопольский патриарх

Иеремия, «и той патриарх в российском государстве веру христианскую и благочестие свидетельствовал во своей грамоте сице: понеже убо ветхий Рим падесе аполинариевою ересью, второй Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем, великое же российское царство, третий Рим, благочестием всех превзыде, и все благочестие в него во едино собрася, и един российский под небесем христианский царь именуется во всей вселенной». Затем Сергей говорит, что когда в Москве был иерусалимский патриарх Феофан, то и он «паки веру христианскую и чин церковный российского государства похвалял». Как и Никита, Сергей указывает на прибытие в Русь Антония римлянина, на Христову ризу, и заключает: «и аще бы в России неправая вера была и не почину служили: и то бы не изволил Бог толикой превеликой своей благодати в царствующем граде быти». В пятой соловецкой челобитной говорится: «сами они, вселенские патриархи, прежде бывший у нас в русской земли, Иеремий цареградский и Феофан иерусалимский и иные многие палестинские власти о нашей православной вере свидетельствуют списанием, якоже в книге Кормчей московской печати, лист 15 и 26, пишет сице, что де у них в Цареграде и Иерусалиме конечное православной вере греческого закона от агарян насилие и погубление, церквам Божиим запустение и разорение, но точию един во всей вселенной владыка и блюститель непорочные веры христианския, самодержавный великий государь царь благочестием всех превзыдет; и все благочестие в твое государство едино царство собращесе, и третий Рим, благочестия ради, твое государство, московское царство, именоваша. И аще бы, государь, наша православная христианская вера не права, то бы и милости и чудес от тех чудотворных икон не было, и прародителей твоих государей благоверных царей и великих князей, и преподобных и богоносных отец наших Господь Бог во святых чудеса не бы прославил, и вселенские православные патриархи, наипаче же начальнейший и глава всем Иеремия цареградский и Феофан иерусалимский, и иные многие палестинские власти и не бы православные наши христианские веры похвалили»²²⁴.

Как русское благочестие есть высшее и совершеннейшее теперь в целом мире, так и русские церковные книги вполне правы, чужды всякой, а тем более еретической порчи, они святы и непререкаемы. Неронов говорит, что равноапостольный князь Владимир вместе с верою «прият от грек искусных иконописцев, духовных мужей и философов мудрых, ведущих до конца божественное писание и могущих превести со многим тщанием святых книг божественное писание от греческого языка на словенский и вся добре и богоугодно управити, на пользу едиnorodных наших душ. Сия же благоверному и равноапостольному князю Владимиру с Богом совершившу, и радуящуся зело со всеми людьми о украшении церкви, потом же вси благовернии цари и великие князи, вашего благочестивого корене, великими сими в Росии просиявшими святителями и преподобными отцы до конца божественное писание уясниша и тиснению печатному предаша, ко утверждению православной христианской веры, переводяще сих духовными и святыми мужи от греческого языка на словенский: якоже реку досточудным онем мужем и в добродетельном житии просиявшим, преподобным Максимом греком». Дьякон Федор пишет: «те бо старые служебники не с мордовских, не с черемиских, и не с латинских преложены, и печатаны древле с греческих древних письменных, переведены в добрая времена, до взятия Царяграда и истребления греческих книг от римлян за много лет; по них же служажу и жертву непорочну приношаху преосвященнии митрополити и прочий архиереи Божии русии до патриархов, потом пять патриархов московских: Иов, Ермоген, Филарет, Иоасаф, Иосиф, и прочий с ними архиереи Христовы и ереи всея русские земли наша по тем же служиша и Господу Богу угодиша, и ни в чем их не опорочиша». Да и некому было, по мнению Федора, исказать и портить на Руси церковные книги. «А во твоём государстве, пишет он царю, не бывало еретиков прежде, кои бы святые книги превращали и противные в них догматы вносили. И аще быша кую ересь в старые книги вложиша, или противный кой догмат, то бы нам сказали, что ересь и кое слово противно божественному писанию... А Никон, отступник, солгал на старые святые книги,

будто в них новоприложено *истинного* в символе... Аще бо на Москве приложили *истинного*: кто приложил имянем, – царь-ли, или святитель кой? и в кое лето? и как тому прелagатаю церковь премолча о прилоге? И аще все люди мертвы быша в то время: тогда буди тако, яко спящим всем людям в Москве и приложи некто *истинного* и утече негде. Кто же еще приложи *истинного* в воскресенских книгах, и кто приложи в сербских печатных многих книгах? Како и тамо никто не уведет? Оле, оболгания вражия!.. О превращении веры ныне всем ведомо есть во всей земли, всякому чину, и деревенским мужам и женам, и детям их разумно бысть, и вси знают уже от кого учинилося то на Москве, и в кое время и лето, и в книгах написано есть и будет». Со своей стороны, и соловецкие челобитчики говорят, что со времен равноапостольного князя Владимира до Никона православная вера на Руси «стояла нерушима и непоколебима и твоему, великого государя, российскому царствию от иноплеменных раззорения и церквам Божиим запустения и еретического раздрания и книгам истребления прародителей твоих государевых и твоими, великого государя, молитвами, не бывало, изменитца у вас в православной христианской вере было не от чего»²²⁵.

Если русское благочестие есть теперь высшее и совершеннейшее в целом мире, и как такое вполне доказано и оправдано исторически, если русские церковные книги вполне правы и истинны, во всем строго православны и святы; то, по мнению противников церковной реформы Никона, совсем нельзя того же сказать о греческом теперешнем благочестии и о теперешних греческих церковных книгах. Аввакум на соборе 1667 года говорил греческим патриархам: «у вас православие пестро стало от насилия турецкого Махмета, – да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали». И далее Аввакум замечает: «мудры бл...ы дети греки, да с варваром турецким с однова блюда патриархи кушают рафленные курки. Русачки же миленькие не так, в огонь лезет, а благоверия не предаст». Лазарь говорит: «греки приняли три папжския законы: первое – обливатися во святом крещении, второе – знаменатися тремя персты, третье – крестов на себе не носити; последиже и

царскую Божию погубиша власть». Дьякон Федор говорит: «а в греках государь-царь, благочестия зело много повредилося от утеснения поганных и от еретического насилования: так стеснены, яко овцы посреде волков, – едва уже дышут. Также у них говорили по дважды и аллилуию, и сложение перст имели яко же мы; но недавно изменили, смущаемые от римских наук... Крещения православного греки ныне не имеют, обливаются вси, а не в три погружения крещаются, еже начало спасению нашему... А в Греции иссякнути вере насилием агарянским: сице писано есть о них, тако и совершается уже у них давно то... И никто же да дивится о сем, яко иссяче у греков благочестие от насилия неверных, по пророчеству царя Константина и святого Селивестра папы римского: о сем пишет во Истории. А ныне, по нужде заблудившися, живуще посреди тмочисленных волков, да и нас ко своей гибели невольно призывают». Священник Никита пишет государю: «а что, великий государь, палестинские власти и вси греки не точию крестное знамение исказили, но и самое свое главное спасение потеряли, еже в крещении по-римски обливаются и покропляются, а в три погружения не погружаются, и в том, государь, шлюся не на инех на кого, но на самех тех всех греков». Соловецкие челобитчики говорят: «а им, государь, грекам православная христианская вера по се время изронить недивно: понеже живут толико множество лет посреде безбожных и поганных турков, во всяком озлоблении и неволе, и православную веру держат дни свои окупаючи, и многие монастыри и церкви Божии у них стали в конечном раззорении». Инок Авраамий пишет: «тые грецы (от которых русские приняли крещение) не быта в соединении с римским костелом; сии же нынешние грекове прелестницы, причастницы и сообщницы костелу римскому, и ересеначальник приемнецы, проповедники и расширители антихристового царства». У греков «не токмо святительства не обрящещи, не судя глаголю, но ниже христианства, в несвященных бо церквах обедни служат... Кая во греченях правда, от иссяклой веры римския книги и учения доржащих, без антиминсов в несвященных церквах литургисающих? И набольший их цареградский патриарх от

папы римского проклятого, – уже zde в России многим про то достаточно ведомо, – сокраменты принимает и общник и единомудрен еретик, попатель и разоритель священных правил. Греки аще и мнятся держати святую веру православную, но воистину прельщают и обманывают: обливают бо ся в крещении, и не по святым отец житие их, и крестов на себе не носят, и ни следа христианского несть в них во всех, чернцах и белцах, и горше суть татаровей. Понеже оставльше путь правые веры, вдаша себе в еретичество»²²⁶.

Не только у греков повредилось и иссякло истинное благочестие, но и все их священные книги испорчены латинами. Дьякон Федор пишет: «греческие книги давно двои стали у них: рукописные старые малые, кои остались не сожжены от римлян, и те правы книги; и другие новые, печатные новые книги греческие есть, иже печатаны по взятии Царяграда, и те растленны суть и римских ересей наполнены. От сея вины учинилося тако в печатных тех книгах: егда греки прибегоша в Рим со старыми своими книгами, кроюще их от турецкого султана, с них же и наши русские книги переведены, и те книги у греков отняли римляне и на свой язык преложили, а те старые все греческие сожгли, враги проклятые, и с своего языка латинского почали уже печатать греческим языком, смешавше их с своими ересьми, и продают их грекам, по градом возяще, еже бы во свое мудрование привести их тем своим вымыслом, яко же и нас никониане ныне. И греки по нужде покупают их, зане печати у них несть и при верных царех не было. А кои греки благочестие хранят чисто, тии отнюдь тех книг не приемлют, но переписут старые с нужею и по тем славят Бога. А во Афонской горе 20 монастырей греческих и 4 русских, а вси тех книг, сквозь еретическия руки прешедших, не приемлют же». Священник Никита пишет: «а печатано с книг, иже греческие словут, а печатают их растленно в трех латинских городах: в Риме, и в Париже и в Венеции». Соловецкие челобитчики говорят: «а книги, государь, у них греков, кои прежнего благочестивого исправления были, после цареградского взятия отняли римляне, и перепечатали у себя, по своему латинскому обычаю, и те им свои латинские книги роздали, а их греческие книги все

огнем сожгли. И о сем свидетельствует в книге своей блаженный Максим грек. А у нас, благодатию Христовою, по се время того не бывало. А которые, государь, старые книги у них, греков, ныне еще есть, и те книги от еретиков многие испорчены, насеянно в них много худых плевел: понеже во время тех старых книг в греках еретиков и богохульников и иконоборцев было много»²²⁷.

Ввиду указанного положения дел на вопрос: чему надлежит следовать – русскому или греческому в делах веры и благочестия – сам собою являлся ответ, что надлежит следовать русскому благочестию, а не греческому. «Где правда? Чему верить? Старым ли святым богословцем и богомудрым мужем, или нынешним пьяным философом, иже чреву своему служат день и ночь, и сию мудрость от римских богомерзких еретических прияша? спрашивает дьякон Федор и отвечает: «и не будет новому баснословию внимати, и оставя истину и лжи последовати». Никита обращается к царю: «и о сем ты, великий государь, наша христианская глава, вели соборнейшим рассуждением рассудить: чему нам последовать – древних ли святых отец и великих государей, царей и великих князей, многим книгам и соборнейшим писаниям, или нынешней нововводной и многоложной никонианской книге (скрижаль), иже снискана от ведомого вора и врага Христова, от жидовского обрезанца Арсения чернца? О, великий государь, попекися добре нашими душами! Вели о сем рассудить, чтоб нам от тех проклятий душ своих не погубить!» В другом месте Никита обращается к царю: «о, великий государь, вели о сем рассуждение учинить, кому нам последовать: угодником ли Божиим, или тому ведомому врагу, мотыльному столпу, поправшему священство троеженством». И соловецкие челобитчики, со своей стороны, заявляют государю: «аще, великий государь, толикия и бесчисленные свидетельства на нашу православную христианскую веру, яко непоколебимо в православных догматах и в церковных исправлениях пребывает; то кая, государь, нужда нам тое истинную православную веру, самим Господом Богом преданную, и святыми отцы утвержденную, и вселенскими верховнейшими

патриархи похваленную, ныне покинути и держати новое предание и иную веру»²²⁸.

Теперь, по мнению противников церковной реформы Никона, следует учиться истинному благочестию и правой вере не русским у греков, а совершенно наоборот: грекам у русских. Аввакум говорит на соборе греческим патриархам, что у них благочестие стало «пестро». «И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодержство. До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна». Никита, указывая на потерю греками истинного благочестия, говорит: «и твоему, государь, Богом утвержденному государству от тех греков коея истины искать»? Он заявляет: «а вселенские патриархи от великого гонения бесерменска не то едино, но и прочее обычное христианское благочестие истеряли, и ныне нам от них уже нечево искать: был они источник и пресох и сами вельми страждут». По поводу введения Никоном амвонов в русских церквах он замечает: «а что он, Никон, указывал на иерусалимскую церковь и цареградскую, что-де ныне в них таких амвонов нет, во Иерусалиме и Константине-граде и в прочих церквах не то едино, что тех сущих амвонов не стало, не и на верху их крестов несть, – и тому ли нам ревновать?» Инок Сергей пишет: «а по отпадении в Риму и по взятии Царя-града от турок есть ли хотя один во святых, кто прославлен в коем граде или монастыре? Но и старых знаменосцев мощи все истребили и безвестно истеряли, и святые места разорили и осквернили, и книги все истребили и исказили! И чего от них ныне нам принимать? И для чего в российском государстве староутвержденную святыми знаменосцы веру и чин переменять, и после их переделывать вновь»? Соловецкие челобитчики заявляют: «тебе, великому государю, ведомо и известно: самые лучшие греческие учителя, егда приезжают в русскую землю, и не един лица своего перекрестить не умеет и ходят без крестов. А у нас, государь, невежи и поселяне им дивятца и говорят, что-де они, палестинские власти, пастыри и учителя нарицаются и в иную землю учить приезжают, а сами и лику своего перекрестить не умеют, то-де чему нас поселян

научити, и какова-де от них научитесь нам в православной вере исправления... В лепоту убо, государь, призвать (греческим властям) в твое государство, благочестивое российское царствие, самим учиться православной христианской вере и благочестию навикати, яко да довольни будут в своей земле и иных научити... От начала во святей обители нашей самих тех греческих и русских киевских властей: митрополитов, и архиепископов, и архимаритов, и игуменов присылных бывало много и ныне есть; а присылаются все греческие власти того ради, чтобы им навикнуть у нас в обители православные христианские веры, истинного благочестия и иноческого чина. И еще бы, государь, до сего времени у нас была неправославная вера, то бы их, греческих властей, для исправления к нам под начал в Соловецкий монастырь не присылали». Указывая затем на предосудительные действия греков еще в древнейшие времена относительно болгар, челобитчики говорят: «посему же и нынешнее их в нашей русской земле греческое учение всякому, здрав ум имущему, разумети мочно, яко учение их неправедно и ложно; понеже бо еще в добрую пору, до турецкого взятия, еще тогда во благоденствии им сущим, толикия в них лукавства, и сребролюбия неправды бяху, и церкви Божии не апостольски снабдеваху и православную веру на мзде в нечестие предаваху: то которого нам от них ныне в православной вере хотети доброго исправления, кроме точию еже развращения, а православные веры истребления»²²⁹. Инок Авраамий пишет: «греки (афониты) нашу русскую Псалтирь со следованием сожгли, и книгу Кирилла иерусалимского сожгли, иных немало. И какое их ныне православие? Какие ереси нашли во святых тех книгах? А наши владыки ныне у них переимают новые чины и уставы на соблазн всему христианству. Научат их греки и курят ести, и табаку пити по еретически»²³⁰.

Но если русское благочестие есть высшее и совершеннейшее теперь в целом мире, тогда как благочестие современных греков более чем сомнительно; если русские книги вполне правы и их никогда не касалась рука еретиков, тогда как греческие книги испорчены и искажены еретиками, которые их печатают; то понятно само собою, что Никон, исправлявший

русский обряд и книги по современным греческим, т. е. исправлявший несомненно и строго православное русское по очень сомнительному греческому, естественно и необходимо являлся, в представлении противников его реформы, сознательным разорителем русского чистого православия, злым еретиком, слугой антихриста. Таким действительно и представляют Никона все противники его реформы. Дьякон Федор, например, говорит: «но и от всепагубного сына геены, пагубного сосуда сатанина, являшагося в свое время настоящее, о нем же вам реку, Никона еретика, адова пса, злейши и лютейши паче всех древних еретик, еже быша под небесем: они бо, аще и зли суть, но на благочестие не возмогаша, но сами спяти быша и падоша, сей же положи всю вселенную пусту и грады огнем неверия зажже, паче же богоборство воздвиже и гонение велие и благочестию кончание сотворил... Явился еси (Никон) миру тщеславием своим мудрейши всех святых отец греческих и славянских, и за ту гордыню свою безумную, яко сатана, проклят еси от Бога и всех святых его, и с последующими плотскому твоему мудрованию... Лучше бы тебе, паршивому пастуху, почивати на отеческих уставах и не прелегати бы предел вечных». Аввакум, как мы видели, называет Никона то «злодеем», то «еретиком», то «богоотместником» и тому подобное. Авраамий называет Никона еретиком, лютейшим всех древних еретиков, волхвом и чародеем, иконоборцем, предтечею антихриста и тому подобное ²³¹.

Будучи злым еретиком, Никон успел прельстить и склонить на свою сторону царя и всех властей. Дьякон Федор говорит; «Никон враг ту смуту (троеперстие) ввел, и царя государя и властей всех страхом и клятвою прельстил... А Никон, отступник, солгал на старые святыя книги,... и тою лжею царя окрал и обманул, яко дьявол, и властей всех малоумных прельстил, яко лисица молодых и неученых псов, зане не умели огласить его словом истины, но онемоша, понеже мечь духовный не готов имеша... Царь Никону молчаше, понеже запись ему даде своею рукою в начале поставления его, еже во всем его послушати, и от бояр оборонять и его волю исполнять,

яко же прельщенный оный отрок рукописание даде сатане, его же Василий Великий избавил молитвою от гибели тоя, – тако омрачи его Никон лесчим некако духом. Царь же Алексей до того окрадения Никонова благочестив бысть зело, и правдолюбив и милостив, того же великохищника Никона, пришедша во овчей кожи, не позна, и не опасется от лести его, и не возможе от сети его исторгнуться... Самодержец Никону не возбрани; видя мать свою святую церковь от разбойника разоряему, и не зазирает, но паче заступает. Дивлюся помрачения разума царева, како от змия украден бысть! Или рещи оно: яко забвение и неразумие на всех хвалится! Человек бо есть!» Инок Авраамий обращается к царю: «како ты прельстил лукавый враг и льстец Никон, мучитель, а не учитель твой? Яко змия Еву прельсти лукавством своим и из рая изгна, тако и он ты прельсти и от лика благочестивых царей отлучи, и яко хобот сатанин отгорже ты, пресветлую звезду, от тверди церковные и поверже ты на земное мудрование, О горе и увы – увы! Утреннюю звезду тьма покры! О, царю, как ты прельстил змий плотный Никон? Воистину прельстил ты, и всем благочестивым царем, родителем твоим, и великим князем, прародителем твоим, насмеялся... А ныне, государь, крестное знамение, православное сложение перстов изменил еретик, новый отступник, Никон, и глупых епископов прельстил, а святых оболгал лестию». В другом месте тоже об архиереях он пишет: «ох, увы, прелести еретическия! Да наши беднии епископи и к сему руки своя приложиша Никонову окаянному мудрованию, мню, яко не хотяще лишиться чести маловременные и за церковь Христову пострадати, любо, плотстии, или яко пси немии, не могуще лаяти на еретика Никона и отступника. Аможе он, яко слепых, водяше, туды в путь и идяху, и ни в чем не сопротивляхуся, яко скоти бессловеснии». В одном месте Авраамий даже уверяет, что будто бы Никон, в видах склонить епископов на свою сторону, подкупал их. «На цене продал Никон веру христианскую, говорит он, рук ради по сту рублей коемуждо епископу дарствовал за молчание, кроме Павла епископа, иже от него и убиен бысть»²³².

Если Никон есть новатор и еретик, если его реформа грозит гибелью православия на Руси и даже в целом мире, – так как четвертому Риму не быть; то понятно, что задача всякого истинно благочестивого русского состоит в том, чтобы не только твердо хранить и держать свое древнее благочестие, не допускать в наследованном от предков никаких перемен и изменений, но и упорно бороться против всех нововведений Никона и его последователей, всячески защищать и отстаивать родную старину, с гибелью которой погибнет православие в целом мире и в нем настанет тогда царство антихриста. За таких именно ревнителей и поборников исторически доказанного и оправданного совершеннейшего русского благочестия обыкновенно и выдавали себя противники церковной реформы Никона, всячески стараясь доказать, что осуждение их, как ревнителей и поборников святой старины, есть необходимо и осуждение этой святой старины, что проклятие, которому подвергают их, неизбежно падает вместе с ними и на всех предков русских и на самых их святых, последователями и подражателями только которых являются они, – противники реформы Никона. Протопоп Аввакум говорит: «Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы в церковь, якоже (ложно говорят) о нас никонианы, нарицают раскольниками и еретиками... Аще мы раскольники и еретики: то и вси святии отцы наши и прежний цари благочестивии и святейшие патриарси таковы суть... Коли нас за старину святую проклинять: ино и отец вам и мать подобает своих проклинати, в нашей вере умерших... То ли наша великая вина, еже держим отец своих предание неизменно во всем? Аще мнится им дурно сие: подобает им извергнути от памяти прежде бывших царей и патриархов и всех русских святых. За что они нам после себя оставили книги сия, за них же мы полагаем душа своя! Аще ли им памяти честне творят и святых русских почитают всех, их же мы уставы и предания держим: за что же нас мучишь и губишь?» Дьякон Федор говорит: «мы вси, правовернии христиане, никакого раскола, ни ереси не вложили в книги и в церковь не внашивали; но за старые книги церковные, за предания отеческая правая стоим и умираем...

Никониане, иже нас за старые книги и законы святых отец проклинаят, учителей наших и наставников, им же повеле нам апостол повиноватися и покорятися, и на скончание жительства их взирати, подражати вере их. И аще их проклинаят с нами, то убо святых апостол и самого Христа проклинаят». Лазарь говорит, обращаясь к государю: «мы, богомольцы твои, во святую церковь ничто же вносим, или износим, вся преданная нам законом и пророки и евангелисты приемлем, и чувствуем и лобызаем, и ничтоже сих дале ищем, и предел вечных не прелагаем, яже положиша отцы наша: не беша бо тии глаголющи, но и Дух, иже от Бога Отца... Мы держим святые книги и закон прародителей твоих, и ничего во святую церковь не вносим, ни износим, что приняли, то и держим неизменно». Соловецкие челобитчики пишут государю: «мы, богомольцы твои, предания апостольского и святых отец изменить отнюдь не смеем, бояся Царя царствующих и страшного от него прещения и хотим вси скончаться в старой вере, в которой отец твой, государев, благоверный государь, царь и великий князь Михаило Федорович всея Руси, и прочий благоверные цари и великие князи благоугodne препроводиша дни своя: понеже, государь, та прежняя наша христианская вера известна всем нам, что богоугодна, и святых Господу Богу угодило в ней многое множество, и вселенские патриархи, Иеремия и Феофан, и прочия палестинския власти, книг наших русских и веры православные ни в чем до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную веру похвалили, и тем их свидетельством известно надеемся в день страшного суда пред самим Господом Богом не осуждены быти, наипаче же и милость получить». Инок Авраамий пишет: «и како убо, государь, толик облак свидетельств призрети, а единому Никону со Арсением еретиком поверити? Како убо ныне москвитяне и вси великороссияне, по принятии правые веры сионския седмое сто лет, и к концу прииде, а ныне они нас учат новой вере? И в коем благочестии родилися, и чему училися, и учили коей вере, и в ней воспитани быша сами, и отцы отец их, а ныне за ту веру клянут непокоряющихся их прелести и царскому другому суду отдают и кровь христианскую вкупе проливают»²³³.

Таким образом, противники церковной реформы Никона усиленно старались выяснить и доказать прежде всего то общее положение, что реформы Никона, имевшие в виду особенности русского обряда согласить с тогдашним греческим, русские церковные книги исправить по греческим, были неправы принципиально, по самому существу дела; что их противление Никону мотивируется единственно преданностью и ревностью к исторически доказанному и историей оправданному русскому благочестию, которое новатор Никон, увлекаясь очень сомнительным греческим, стремится исказить и даже совсем уничтожить; что преследовать и проклинать их за борьбу и защиту ими старых церковных верований и установлений, значит отказываться от своей собственной святой старины, значит, в существе дела, проклинать самих русских угодников Божиих.

Но указаниями только на принципиальную несостоятельность церковной реформы Никона ее противники не довольствовались, а переходили от общих положений к критической оценке всех частных и подробностей реформы и, из рассмотрения их, опять приходили к заключению, что церковная реформа Никона неправа, а права та святая русская старина, за которую они борются с новатором Никоном.

На вопрос: чем руководился Никон при исправлении церковных книг? – его противники отвечают: полным пренебрежением к родной святой старине, личным произволом, внушаемым ему его высокоумием и самомнением. Аввакум говорит: «как говорил Никон, адов пес, так и сделал: печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому! – так су и сделал». Дьякон Федор говорит: «всю пестроту собрал окаянный своеумием, а людям сказуя ложно, будто в греческих книгах справил все слово в слово... явился еси миру тщеславию своим мудрейши всех отец греческих и словенских... Той стих (*Видехом свет*) поется на Троицын день на литии, и той он стих приложил петь на литургии с хульным непщеванием на святых русских святильников, будто они, живучи в Руси, потеряли веру, и без правые веры так спаслись, а он, будучи в патриархах, обрел веру истинную». Священник

Никита говорит: «еще же и тщится славы ища, что будто бы старые служебники были неправы, и будто он, Никон, истину снискал, и будто в твоём государстве российском царстве веру исправил и изъяснил, и будто он новый богослов и литургий творец, и в российском государстве будто лучше и мудрее ево никто не бывал, и будто все русские чудотворцы и писания с ево, Никоново, не знали». Никон стал, говорит Никита в другом месте, «всю землю переучивать, будто в велицей Росии прежде бывшие святители и все российские чудотворцы писания с ево, Никона, не знали, и будто он всея превеликой твоей государевы орды мудрее». Соловецкие челобитники в одном месте замечают: «то напечатали они (в новоисправленных книгах) от своего растленного ума на смех и поругание Божию имени»²³⁴.

Доказательства того, что Никон исправлял книги очень небрежно и даже произвольно, его противники видели прежде всего в несходстве между собою исправленных при Никоне книг разных выпусков. Дьякон Федор говорит: «шесть выходов служебников новых, а меж собою несогласны. Тако же и прочия книги новыя». «Сами же опять говорит он, положили в новых книгах во всех, во псалтырях же с возследованием, и во ермолиях, и в триодях, и в часословах: аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже; а во втором выходе новых же триодей написали, осмелев, по трижды уже. И то, государь, не пестрота ли и не на песце ли основание свое полагают, вертятся так и сяк?» Когда Никон оставил патриаршество, он по словам Федора, в Иверском своём валдайском монастыре «повелел печатать часовник по-старому уставу и обычаю, и те часовенки его виде аз, по его благословению печатанные тамо словами в четверть листа, в них же уже: и в Духа святого Господа *истинного* и животворящего, и прочая вся в них по-старому слово в слово». В другом месте Федор замечает: «стих: благословен грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам, отверг в первых новых служебниках; а в старых везде той стих есть, и в новых иных опять положили его со оговором, и ныне поют его вси». Священник Никита пишет: «и то, государь, в тех Никоновых служебниках кая истинная правда, что во едином служебнике указ со указом не согласуется, и те служебники

сами ся ратуют... А во время спуска чаетей с диска в потирь напечатано вновь тропарь пасце: Воскресение Христова видешие, да от канона девятой песни два стиха. А в ево же Никоновых служебниках иного выходу того тропаря и стихов нет. И в толковой ево Никонове книге нет же. И по сему, государь, изящно ево никонианские самоизвольные затейки познаваются. А буде бы он, Никон, истину снискал, и то б во всех своих служебниках единочинно и постоянно велел печатать. Да в тех же служебниках вновь напечатан стих: Видехом свет истинный. И то, государь, напечатано с польских служебников, а не от предания богоносных отцов. И в том он, Никон, обличается своими же служебники и своею Скрыжалю, что тово стиха инова выходу в служебниках нет, и в толковой ево книге Скрыжале нет же. И будет бы он, Никон, истинствовал, и он бы те служебники велел постоянно печатать и с толковою бы своею книгою не разгласовался. Шесть бо выходов ево Никоновых служебников в русийское государство насильством разослано: а все те служебники меж собою разгласуются и не един со другим не согласуются». Священник Лазарь пишет специальный трактат «о несогласии самих с собою новых книг и о неправых в них догматах и хульных словах». Инок Амвросий пишет государю: «послушай, Михайлович, о новых служебниках, иже при Никоне богоотступнике и после его отречения и изникновения: по се время выходов до осмии было, а все меж собою несогласны»²³⁵.

Никон несправедливо заявлял, что будто бы он только исправлял погрешности в старых книгах, в действительности он не исправлял их, а прямо переделывал. Никита говорит: «ведомо и самому тебе, великому государю, что в тех Никонова повеления новопечатных книгах нет ни единого псалма, ни молитвы, ни тропаря, ни кондака, ни седална, ни светилна, ни богородична, ниже в канонах всякого стиха, чтобы в них наречие не изменено было; но всячески хитрословлено, и искажено, и перемешано, и многие службы и каноны и молитвы после святых богословцев претворены вновь, и в тех же случаях чиновные действа и эктении напечатаны непостоянно: в той книге напечатано тако, а в иной инако, и предние стихи

ставлены на последни, а последние напреди, или в середине; и кои потребности и молитвы к христианскому строению были потребны, и от тех много нарушено и в то место вновь, кои непотребны, напечатаны». Лазарь говорит: «нынешние мудрецы немало что, но много – не оставиша бо во всех книгах ни одного слова, еже бы не переменить, или не преложити. И, гордо хвалящися, глаголют, яко ныне обретохом веру, ныне исправихом вся». Федор говорит: «и всякий псалом и всякая молитва, и всякий стих испревращено и искажено». Он признает, что и в старых книгах есть ошибки и что их следует исправлять, но иное дело исправлять, иное – заново переделывать. «А письменные книги прочтох, идеже видех их. говорит он, и много искажены, – в тоя так, а в иной инаково о святом Духе... Не диво то, еже в старых книгах какие описки бывают и есть, и тому бывает правое рассуждение. Ово бо опись, ово же превращение и пременение книгам и догматам церковным. За опись бо кую в книге какой ни есть и погрешное слово не подобает нам ни спиратися, ни стояти, а за превращение книг старых и догмат правых изменение, подобает всякому христианину и страдати и умирати, обаче с разумом, испытав вещь всякую опасно писанием святых отец». Соловецкие челобитчики заявляют государю: «да они же, государь, в покаянии и исповеди и псалмы и молитвы исповедником и над умершими прощальные и разрешительные молитвы, и величания на все господския праздники и святым оставили, и все действо в божественных службах творения Василия Великого и Ивана Златоустого и Григория папы римского преложили на свой чин по своему плотскому мудрованию. Тако ж и прочее церковное пение, заутреню и вечерню, и навечерню, и полунощницу, и молебны, и панахиды, и вкратце рещи – весь церковный чин и устав, что держит церковь Божия, то все переменили, и книги перепечатали не по преданию святых отец, и всю православную христианскую веру испревратили на свой разум»²³⁶.

Изменения и переделки, произведенные Никоном в старых книгах, не улучшали их, а только искажали и портили. Никита говорит: «а что он, Никон, в прочих своих новопечатных книгах

словенское наречие превращал и будто лучше избирал, печатал вместо креста – древо, вместо церкви – храм, вместо тельца – тельцы, вместо обрадованная – благодатная, и прочие речи изменил: и то ево изменение само ся обличает, – посему, что крест ли лучше и честнее глаголати, или древо? и церковь ли честно писати, или храм? Ей, всяко речется, что крест честнее древа глаголати, а церковь – храма. И в писании крест и церковь под титлом пишется, а древо и храм без титла. А что он вместо обрадованная – благодатная напечатал: и о той, государь, архангельской речи истое во евангельских толкованиях свидетельствует сице: то бо есть обрадоватися, еже обрете благодать пред Потом и еже обрести радость от Бога». Никита указывает далее, что Никон во всех «новопечатных книгах словенское наречие искажил, – хотя ту же речь напечатал, по иным наречиям. Яко же се место: *о Бозе – в Бозе*, вместо *о Христе – во Христе*, вместо: *о Господе – в Господе*» и т. д., выписывает подобных замен целые страницы. Дьякон Федор говорит: «а еже мнятся исправляти, государь, искривляют паче, а не исправляют и подкопывают и крадут церковное богатство... Ныне, государь, не оставили во всех книгах ни единого словечка, еже бы не пременить или и преложити. А все напрасно, ни единые вины обретше, ругающиеся непорочным книгам и народ рассевающе. Где *церковь* была, тут *храм*, а где *храм*, тут *церковь*; где *отроцы*, тут *дети*, а где *дети*, тут *отроцы*; где *первороденна из матери*, тут *первородящаяся материю*; и где было: *от него же всяк живот вдыхается, якоже о Отце, купно же и о Слове*, вместо того: *от него же всяко животное одушевляется, яко же во Отце, купно же и Слове*. И чем сие оного лучше? Что во Отце оживляется и Слове? Мне мнится сие лукавство». Соловецкие челобитчики идут в своих обвинениях далее. Они говорят: «а иные положены в тех новых служебниках смехотворные и неподобные бездельные речи, на поругание тая божественные службы, их же срамно и глаголати, и напечатали в служебнике крупной печати, на листу 262, сице: священник входил во храм и, совокупився с диаконом, глаголют вход: и то их смехотворство положено вново, зело неподобно и безместно,

понеже совокупление именуется мужеско и женско. И то напечатали они от своего растленного ума на смех и поругание Божию имени; а в старых, государь, служебниках отнюдь таких неподобных речей не обретаются»²³⁷.

Указания Никона на то, что он исправлял старые книги с древних греческих и харатейных славянских, по мнению противников его реформы совершенно неверны, так как ближайшее сличение новоисправленных книг с древними греческими харатейными славянскими решительно говорит против Никона. Этими сличениями, с славянскими харатейными списками, особенно усердно занимался дьякон Федор, который по этому поводу заявляет следующее: «указывал и ссылался он льстец (Никон) на харатейные русские книги и греческие, будто с тех справил и перевел символ новый и прочия вся своя нововводные догматы. Аз грешный диакон, зело трудихся о сем, искал и прочитал многие древния харатейные книги, и гоних Никона по следу, как пес волка и лиса лукавого, и везде обретох его лукавнующа в завете Господни и святых пределы преступивша и солгаша: во всех бо книгах древних символ веры по-старому стоит, и есть в старопечатных книгах московских, и во иных землях тако и доныне суть. Везде бо символ исповедания стоит право, сице: и во единого Господа Иисуса Христа, а не Иисуса; рожденна, а несотворенна; его же царствию несть конца. И тако суть во всех книгах рукописанных, их же виде, за 400 лет и за 500 лет кои писаны. И в печатных всех тоже суть слово в слово, – и в киевских, и в сербских, и в болгарских, и в острожских, идеже библии старые печатаны. Вся сам видех и прочтох, и Бог свидетель, яко не лгу. Того ради и страдати начал и кровь свою проливати: дах бо два языка на отрезание царю Алексею Михайловичу и руку свою на отсечение за крестное Христово знамение в сложении перстов и за прочия законы святых отец наших, о них же известно испытах и изысках прилежно». В частности, Федор указывает, что Никон исправил книги несогласно с древними сербскими и греческими, на которые он ссылался ложно. Федор, например, говорит: «аще бы в одних наших московских книгах символ был со *истинным*, а в иных бы землях в книгах не было нигде: и в Духа

Святого Господа *истинного* и животворящего; то бы аз, яко человек, соблазнах бы ся не глаголати *истинного*. Но сам видел прежде нас веровавших христиан книги сербския у священника чернаго Мардария сербския земли, – 145 лет как печатана, и иные де есть и по пяти сот лет – и в Духа святого Господа *истинного*. И митрополит сербский же Феодосей сказывал игумену Сергию пресвятыя Богородицы Толгского монастыря, что есть де у нас за пять сот лет такая книги: и в Духа святого Господа *истинного*. И острожския сам видех: такожде». В другом месте Федор свидетельствует: «бысть на Москве митрополит сербский Феодосий, во 173 году, и у него аз, диакон Федор, видел их псалтырь со воследованием печатную, полудестовую, 140 лет ей бысть по то время, как печатана, и в ней вся та видех о символе, и о прочих нужных спорных статьях, и вельми возрадовахся о Господе истинном Дусе, и пострадах за него, небесного царя». О несогласии новоисправленных греческих книг с древними правыми греческими книгами Федор говорит: «зде же в краткости словес возведу тебе, государю, несогласие пестроты их и противление непорочным книгам сторопреведенных с *греческих непорочных* еще, а не с нынешних, кои меж собою разлинуют, иже мощно сие всякому знать. В первых выходах не положено стиха сего, еже есть *Благословен грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам*, егда речет иерей: *со страхом Божиим и верою приступите*. Да и написали сами: нет-де того стиха в греческом, с коего перевели. А в древле переведенных, государь, тот стих есть во всех служебниках, и в греческом том был тогда, с которого старые переведены, и в Киприановском переводе есть. Да в новых же выходах *опять положили* тот стих: *благословен грядый во имя Господне, Бог Господь*; а сослалися в том на толкование литургии, собрание иерея Иоанна Нафанаила, что в Скрыжале новопереводной же, – там де указано петь: *благословен грядый во имя Господне* и прочая, и в словах Златоустовых есть де той стих, и конечно де оставить нельзя и надобно тому быть. И посему, государь, знатно, яко служебник той порочен, с коего нынешние перевели, с толкованием греческим же несогласен... В новых часословцах

запев Богородице: *Пресвятая Богородице спаси нас*; а после того в новых шестодневах, с греческих же перевели, и там: *Пресвятая госпоже Богородице спаси нас*». Из подобных сличений Федор выводит заключение, что Никон «и на греческие книги ссылался ложно». По мнению Федора новоисправленные книги несогласны с харатейными русскими. Доказывая, что (достойно и праведно) *есть поклоняться* составляет в новоисправленных книгах прилог, Федор замечает: «аз же убогий богомolec твой, шлюся, государь, яко не есть того прилога в старых служебниках печатных или письмянных, в Злотоустове службе, на кои и Никон ссылался будто, нет ни в Алексиевском служебнике, святого митрополита и чудотворца, ни в Сергиевском святого чудотворца, ни в Киприановском, и в иных отнюдь нет. Мнится ми, государь, Никон патриарх для прилики на сих святых ссылался, хотя свой разум составить и церковь тем разодрати, а приликою старые непорочные служебники похулив, откинути. Все, государь, сии святых служебники отнюдь с новыми не согласуют много, ни в чинех священнодействия, ни в речах словес много со старыми согласнее печатными». Со своей стороны, и соловецкие челобитчики находили новоисправленные книги несогласными с имеющимися в их монастыре древними списками богослужебных книг. «Молитвы архиерейския, заявляют они, выкинули все: а у нас, государь, в твоём царском богомолье, в Соловецкой обители, в харатейных служебниках, кои писаны лет по пяти и по шести сот и болши, а молитвы архиерейския во всех есть, и с Никоновыми служебниками ни в чем не сходятся, а с нашими печатными во всем согласны; якоже, государь, и бумажные старинные служебники, кои написаны лет по триста и болши, по которым служили при Зосиме чудотворце и при Филиппе митрополите, и те все с Никоновыми несходны же ни близко... Да в тех же, государь, новых никоновых служебниках, в предисловии, лист 20, напечатано про чудотворца и начальника нашего Филиппа, митрополита московского и всея России, аки истинная правда будто он служил по таким служебникам, каковы ныне, при Никоне патриархе, вышли: и то нам всем явно, что на него написано напрасно, понеже он, отец

наш, пришел в Соловецкую обитель великих чудотворцев Зосимы и Савватия от младых ногот, и жил до игуменства и во игуменах многа лета, даже до возведения на архиерейский престол московского царства, и книги его ныне все и служебники у нас, в Соловецком монастыре, в книгохранительной казне, кои были до него, и при нем, и после его есть, ни един с теми Никоновыми служебниками не согласует». Инок Авраамий, в челобитной к государю, делает такое замечание: «да они же, Никоновы ученицы, напечатали в ермолае к трисвятому с прибавком, сице: сила, святой Боже, святой крепкий, святой безсмертный помилуй нас. И то, государь, приложили они отнюдь не делом же, на великий разврат соборней и апостольстей церкви и на погибель душам христианским, не против греческих и русских харатейных книг. Понеже, государь, и в греческих книгах то трисвятое с нашими русскими книгами ни в чем ни разнится же, и написано по их греческому языку без прибавки сице: агиос о Феос, агиос исхирос, агиос афанатос елеисон имас, а нашим языком: святой Боже, святой крепкий, святой безсмертный, помилуй нас. А силы в том греческом трисвятом не написано. Затевают все собою, и указывают на греческие книги ложно»²³⁸.

Несогласие исправленных Никоном книг с древними правыми греческими книгами объясняется, по мнению противников церковной реформы тем, что Никон исправлял книги если и с греческих, то с новых, испорченных еретиками. Дьякон Федор говорит: «прокаженные книги латино-греческие печатные Никон посылал покупать тамо, и купил их на многие тысячи сребра. И с тех новогреческих печатных книг печатал он на Москве новые нынешния книги: потому они и несогласны со старыми нашими. Арсений грек, враг Божий, научил его, Никона, покупать те книги греческие, он переводил их на наш язык словенский, и тем они разврат велий сотворили во всей русской земле по всем церквам, и тем Христа Бога нашего прогневали, и на весь мир много пагубы навели противными книгами и догматы нововводными». В другом месте он говорит, что Никон «книги старопечатные все охулил, враг, напрасно, и в тех вместо римския развращенные перепечатал по-русски, и в

церковь внесе их со многими ересьюми». Соловецкие челобитчики заявляют: «теми греческими книгами они православную нашу веру истребили до толика, будто и след православия в твоём государстве, российском царствии, до сего времени не именовался, и учат нас ныне новой вере... Те их греческие книги ныне стали всем явны, что они исправлены и от еретиков испорчены: понеже, государь, в наших русских печатных книгах до сего времени, покаместа с греческих книг не печатали, некоторые посылки и зазоры не было, а как почали печатать из греческих переводов, и в тех новых русских печатных книгах объявилось много худых и богохульных и непотребных речей, их же вкратце вмале тебе, великому государю, в сей челобитной выше сего изъявихом». Инок Авраамий пишет: «наша российская земля воистину светло во благочестии сияла до Никона патриарха, и с истинных греческих книг древних переведены наши православные книги, а не с нынешних латинских, иже ныне греки держат, им же справливает папа римский, и в Риме печатают и в прочих римских градах, и к ним, грекам, идут, а оне их держат по нужде, что правых книг взять негде им». И в другом месте Авраамий говорит: «а что ныне греческие книги словут и к нам приходят печатные, и zde с них переводят книги, и тем веровать отнюдь не подобает. Понеже печатают их еретики в трех градах – в Риме, Париже, и в Вениции, греческим языком печатают, но не по древнему благочестию. А у греков печати своей нет, все у них книги себе покупают печатныя»²³⁹.

По мнению противников церковной реформы если Никон и исправлял книги со славянских, то, или с польских, или же и с русских, но «с покидных» и «хромых» книг. Священник Никита в одном месте замечает: «то, государь, напечатано с польских служебников и русских покидных, а не от предания богоносных отец». В другой раз, указывая на неправоту новоисправленных книг, Никита говорит: «и то все он, Никон, учинил своим развратным вымыслом, собираючи с разных хромых и с покидных служебников и с иноземских, а не с преданных догмат и не с правых служебников, на раскол христоименитой вере напечатано, по научению ведомого христианского врага,

жидовского обрезанца, Арсения чернца, чтоб ему Никону в литургии Божиин спона и порок учинить». Говоря про чин освящения церкви, Никита замечает: «и то он освящение церкви претворил с ляцких требников Петра пана Могилы и с прочих латинских переводов». Делал это Никон, по мнению Никиты, в таких целях: «то явно есть по всему, говорит он, что он Никон, бывый патриарх, нарочно с хромых книг плевелные слова снискивал и в христоименитую веру всевал, чтоб ему какую смутить и всяко с латиною соединить». Инок Сергей говорит: «да что Никон патриарх уставил в херувимскую песнь, в перенос великого входа, диаконом и священником и святителем говорить титуло великому государю: и то он взял с польских служебников и хромых, тамо бо и пановой своих поимявно величают». Откуда Никон мог взять покидных и хромых книг, это в одном месте, объясняет дьякон Федор. Он говорит, что кроме подлинного часовника митрополита Киприана существовал еще подметный, «и тот подметный часовник, со иными растленными книгами от переписующих неискусных, положен бысть в пустой палате под крыльцом у Благовещенья в сенях, нетления ради, по правилу, повелением святейшего патриарха Филарета. И егда Никон, сокровенный волк, вскочил на патриаршество, тогда он те сокровенные книги вынял, и в церковь внесе, и аллилуия почал четверити, от того времени и прочая расколы творити в церкви. Есть убо святого Киприана митрополита остался служебник его руки, писанный, и всем ведомо, яко потому он сам служил, и тот его киприянов служебник непорочен, и со старыми службами сходен с московскими, а новым всем противен. И тому святому Киприану не последова Никон отступник, и прельщенные от него власти не восхотели того держатися: и то явное блуждение их и противление богоугодным пастырем, древним отцем нашим». Инок Авраамий пишет царю: «он (Никон), государь, символ писал с коих несвидетельствованных книг и пометных письменных, – тут так, написано, а инде инако»²⁴⁰.

Исправленные Никоном, указанным образом, церковные книги естественно, по мнению противников исправления, должны были заключать в себе различные неправоые мнения. И

действительно, по их изысканиям, оказалось, что все те ереси, какие только существовали в христианской церкви с самого ее начала, все они будто бы нашли себе самый радушный приют в новоисправленных никоновских книгах. Целые сочинения написаны были с прямой целью показать: в каких никоновских книгах, где именно и какие ереси заключались, причем доказывалось, что «все новое никонианское мудрование и уложение ложно есть и лукаво, и отеческому писанию противно и богоборно и богомерзко есть по всему»; что как сам «Никон мерзок Богу и святым его, таковы мерзки книги и догматы его».

С принятием новоисправленных никоновских книг погибло на Руси православие и нет на Руси более истинной церкви Христовой. «О прелесте! восклицает дьякон Федор, понеже еси пестра: зрим церкви стояща, церковные же развращения всюду стояща. О прелесте! понеже еси пестра: церковные стены созидаются, законы же ее раззоряются и злохульно укоряются. О прелесте! понеже еси пестра: иконное поклонение почитается, образы же святые яко непотребны отметаются. О прелесте! понеже еси пестра: причастие, тело и кровь Христову, исповедуют, тайнодействия же ее еретичеством оглаголют. О прелесте! понеже еси пестра: правоверием нарицается, благоверные же побиваются. О прелесте! понеже еси пестра: еретики проклинаятся, благоверные же яко враги осуждаются. О прелесте! понеже еси пестра: праздники святые празднуют, начальников же праздников раскольниками называют. О прелесте! понеже еси пестра: мученикам Христовым память творят, веру же их прелестию нарицают. О прелесте! понеже еси пестра: евангелие почитается, благовестие же тьмою нарицается. О прелесте! понеже еси пестра: идольского поклонения гнушаются, развращенные же образы яко святые почитаются"и так далее. Тот же дьякон Федор пишет: «мы же их (принявших новоисправленные книги) называли прежде сего не раскольниками точию, но совершенными еретиками, и предтечами антихристовыми, зря по делом их; и ныне паче нарицаем их в правду тако... Да не сообщаются со отступниками, и да не ходят к заутреням их и ко всяким службам, развращенно поемым, и да не молятся с ними,

запрещения ради святых правил». Аввакум писал: «а што много говорить! плюнуть на действо-то и службу-ту их, да и на книж-те их новоизданныя, – так и ладно будет. ...Не подобает с вами поганцами (т. е. православными), нам верным и говорить много. Кое общение свету ко тьме, и кая часть верному с неверным, кое общение Христу с велиаром и церкви Божии со идолами»²⁴¹.

Вследствие гибели на Руси правой веры и истинного благочестия, благодаря книжным никоновским исправлениям, должно погибнуть и само московское царство, существование которого тесно связано с процветанием в нем истинного, ничем не поврежденного православия. «Един бысть, говорит Аввакум, православный царь на земли остался, да и того, невнимающего себе, западнии еретицы, яко облацы темнии, угасили, христианское солнце, и свели в тьму многие прелести и погрузили, да не возникнет на истинный свой первый свет правды». Во всей вселенной, поэтому, начинает теперь наступать царство антихриста, так как Москва есть третий Рим, а четвертому не быть: погибнет православие на Москве, значит, погибнет оно уже в целом мире. Аввакум говорит: «мерзость запустения, неприподобно священство, и прелесть антихристова на святом месте поставится, сиречь на алтари неправославная служба, еже видим ныне сбывшееся. Иного же отступления нигде не будет: везде бо бысть; последняя Русь zde... И се, возлюбленнии, не явно ли антихристова прелесть показывает свою личину?» Дьякон Федор говорит: «видим самое уже последнее время и конец века скоро, скоро приближается. Слышите паки, паки, правовернии братии, яко второе Христово пришествие близь есть. Уже вся отступления совершишася, по писанию, во всех царствах»²⁴².

Вот к каким безнадежным выводам и заключениям пришли в конце противники Никона, после подробной критической оценки его церковной реформы: православие окончательно погибает на Руси, в ней начинает водворяться царство антихриста, наступает конец мира. Но эти выводы и заключения построены ими на очень непрочных и сомнительных данных, и потому сами по себе оказываются очень некрепкими и колеблющимися, даже в их собственных произведениях.

На кардинальный вопрос: когда именно и благодаря каким обстоятельствам греки потеряли истинное благочестие и правую веру? – противники церковной реформы Никона отвечают очень неодинаково, несогласно один с другим, и даже одно и то же лицо отвечало на этот вопрос в одном месте – так, а в другом иначе.

Протопоп Аввакум, на соборе 1607 года, говорил греческим патриархам: «у вас православие пестро стало *от насилия турецкого Махмета*», а в другом месте говорит, что «Константина царя *предал Бог за отступление Махмету турецкому царю*, и все царство греческое с ним», и что это отступление греков от православия совершилось еще до взятия Царьграда турками на Флорентийском соборе, когда «приписаша царь и власти гречестии к сему лукавому собору руки своя. Сия уставы и в Царьград пришли: *оттоле и греки развратились*, и клобуки такие же вздели на себя, и иные догматы Флоренского собора учиниша в церквах своих», так что уже до насилия турок перестали быть православными. Дьякон Федор говорит, что у греков благочестие иссякло от агарянского насилия: «и никто же да дивится о сем, яко иссяче у грек благочестие от насилия неверных». Впрочем, еще во время Максима Грека, по мнению Федора, у греков существовало и правое перстосложение и сугубая аллилуия и что они все это изменили очень недавно, «смущаеми от римских наук». Священник Никита говорит: «а вселенские патриархи от великого гонения бесерменска не то едино, но и прочее обычное христианское благочестие все истеряли и ныне нам от них уже нечево искать», и таким образом признает, что благочестие потеряно греками уже после падения Константинополя, вследствие притеснения турок. По мнению же Лазаря, греки потеряли благочестие и правую веру еще до господства над ними турок, которое явилось как наказание за их отпадение. Лазарь точно указывает, что отпадение греков от православия совершилось именно «в лето 6847-го», и что «от того времени приняли греки три папешския законы: первое – обливатися во святом крещении, второе – знаменатися тремя персты, третье – крестов на себе не носить. Последи же и царскую Божию

погубиша власть. *Того ради и погаными турками обладанье*». Инок Авраамий говорит, что когда был в Цареграде, незадолго до его падения, преп. Евфросин, «у греков тогда все еще православно было, и по их, врагов, свидетельству и аллилуйи четвероличные у них не было». Благочестивая вера у греков, по словам Авраамия, сияла еще и в позднейшее время. «Егда в Греции благочестивая вера сияше, говорит он, тогда и огонь от Бога на животворящий гроб низпосылался, и свидетели тому не один Максим Грек премудрый и преподобный, но и российский послове, посылаемые от самодержавных великих князей и царей, прежде бывших, и знаменитии людие, и Трифон Коробейников и Федор; а оттоле и доныне таковая благодать от греков отъята бысть за нечестие греков». Значит, еще во время посещения святых мест Коробейниковыми, т. е. во второй половине XVI века, когда турки обладали греками уже целые столетия, «в Греции благочестивая вера сияше». Православны были и позднейшие восточные патриархи: Иеремия константинопольский и Феофан иерусалимский. Авраамий говорит: «Иеремий патриарх был при царе Феодоре, в лето 7097 году, а о кресте не зазирал. При царе Михаиле был патриарх Феофан, в лето 7127-го году, а о кресте такожде не зазирал. И сами они такоже употребляли (т. е. крестились двоеперстно)». Но рядом с этими заявлениями, что православие у греков еще долго сохранялось и после завоевания их турками, у того же самого Авраамия встречаются и другие мнения, опровергающие первые. Так, он говорит: «от константинопольской церкви святыня отъята бысть еще пред взятием Царяграда от турок за нечестие греков». В другом месте он говорит: «от римлян приняли греки рясы и рогатые клобуки, в лето 6946 году, на осмом проклятом Флоренском соборе от римского папы Евгения; а изначала не бысть тако. Тогда же и аллилуйю учили возчетверяти». «А греки уже много блудят в вере, еще говорит он; понеже убо некогда, стесняеми от турецкого царя о вере, хотящи бо к своей их вере привести, греки же, нужду видевше, прибегоша к римскому папе Афесу, еретику сушу; папа же дал им три заповеди: первое – в крещении обливаться, второе – тремя персты креститься, третье – крестов на себе не носить.

Они же сицева приемше нужды ради от турецкого царя». Это отпадение греков от православия случилось еще до прибытия Максима Грека на Русь, значит, произошло в конце XV или в самом начале XVI века. Авраамий говорит: «преподобный (Максим Грек) с клятвою писал митрополиту нашему и всему собору, чтобы сяды, к Москве, от греческого патриарха ни попа, ни дьякона не принимали в приобщение. И сие писал преподобный Максим, русскую землю оберегая, ведая подлинно, что у них, в греках, по извещению святого Селивестра папы римского, *вера христианская погибла без остатку*». Но в таком случае, константинопольский патриарх Иеремия, учредивший у нас патриаршество и поставивший нашего первого патриарха Иова, и иерусалимский патриарх Феофан, поставивший у нас в патриархи Филарета Никитича, никак не могли быть признаны православными лицами, так как в то время у всех греков самая «вера христианская погибла без остатку»²⁴³.

Таким образом, на очень важный принципиальный вопрос о времени и обстоятельствах отпадения греков от православия, у противников церковной реформы получался совсем путанный и даже противоречивый ответ: греки отступили от православия, то – еще до завоевания Константинополя турками, то – после завоевания, вследствие насилия турецкого, то – до приезда к нам Максима Грека, то – уже после его приезда в Москву. По мнению же некоторых, отступление греков от православия совершилось в самое последнее время пред вступлением у нас на патриарший престол Никона, так что ранее бывшие в Москве восточные патриархи: Иеремия константинопольский и Феофан иерусалимский, были еще строго православны: крестились двоеперстно, двоили, а не троили аллилуию²⁴⁴. Такие же сбивчивые и несогласные между собою ответы дают противники церковной реформы Никона и на более частные вопросы о времени и обстоятельствах появления у греков того или другого отдельного неправославного новшества. Так, отвечая на вопрос – откуда и когда именно появилось у греков троеперстие, Лазарь говорит, что оно принято греками от латинян еще до падения Царьграда в лето 6847-е, когда греческий царь «Иван

Мануйлович», чтобы найти у папы помощь против турок, подчинился латинству и принял три папезские законы: обливаться в крещении, знаменоваться тремя перстами и не носить на себе крестов. Инок Авраамий говорит, что троеперстие появилось у греков только во время владычества над ними турок, когда притеснения в вере со стороны турецкого царя заставили греков обратиться за помощью к папе, который и научил их креститься троеперстно. В другом месте он точно определяет самое время появления у греков троеперстия. Именно он говорит: «тамо сия у них недавно вселилася прелесть, всего осмьдесят лет. А прежде того отнюдь не было сия, и ни который богословец и учитель церковный не написал нигде; ни предал тремя перстами креститься». Греческие патриархи – Иеремия и Феофан, бывшие в Москве, и поставившие у нас наших патриархов, еще крестились, по уверению Авраамия, двоеперстно. Дьякон Федор уверяет, что троеперстие у греков появилось благодаря иподьякону Дамаскину, который жил всего девяносто лет тому назад, и что именно от него греки «ту прелесть приняли троеперстную... от его книги прельстилися». При этом Федор решительно заявляет, что троеперстие есть армянская ересь, а, значит, вовсе не латинская, и к грекам перешла не от латинян, а от армян». «Сложение триех перст, говорит он, армянского мудрования... Злое то мудрование (троеперстие) и неправославно, но арменско есть, богострастное, и Евтиху и Диоскору согласует, отмечающим вочеловечение Христово, и единоволником мудрование сходно». И инок Авраамий, утверждавший ранее, что греки научены были троеперстием римским папою Афесом, конечно, увлеченный дьяконом Федором, забывает это свое объяснение происхождения троеперстия от латинян и начинает, согласно с Федором, заверять, что греки стали употреблять троеперстие, прельстившись книгою иподьякона Дамаскина, что «три персты армены еретики крестятся» и что «знать, тот иподьякон (Дамаскин) еретик был арменския веры»²⁴⁵.

Относительно греческих книг дьякон Федор заверяет, что у греков теперь есть двоякие книги: одни – немногие старые, правые, неиспорченные еретиками; другие – печатные,

испорченные еретиками, так как прошли чрез еретические руки. «Греческие бо книги, говорит он, двои стали давно у них (греков): рукописные старые малые, кои остались не сожжены от римлян, и те правы книги; и другие новые – печатные новые греческие книги есть, их печатали по взятии Царяграда, и те все растленны суть и римских ересей наполнены... Греки по нужде покупают их, зане печати у них несть и при верных царех не было. А кои греки благочестие хранят чисто, тии отнюдь тех книг не приемлют, но переписут с нужею старыя и по тем славят Бога. И во Афонской горе 20 монастырей греческих и 4 русских, а вси тех книг, сквозь еретическия руки прешедших, не приемлют же». Таким образом, дьякон Федор признает, в приведенном свидетельстве, что не все греки отпали от православия, но между ними есть и такие, которые «благочестие хранят чисто». К таким грекам, между прочим, принадлежат иноки афонских монастырей, так как все они не принимают греческих печатных книг, «сквозе еретическия руки прешедших». Но когда ему пришлось коснуться факта сожжения русских книг на Афоне, он уже говорит об афонских иноках другое, что они, «завистливым тьмиши духом», не хотели допустить, чтобы кто-либо читал на Афоне по правым московским книгам, слагал персты по-московски – двоеперстно и других учил тому же правому перстосложению. Полное православие греков афонитов является здесь у него уже сомнительным. Инок Авраамий афонитов прямо признает неправославными. «Да и сие, государь, пишет он, какая правда; во Афонской горе греки сожгли своих святейших патриархов многосложный свиток – книгу, что писан к Феофилу царю иконоборцу, и рук к нему приложили 1465, собравшись вси церковницы. Тогда те же греки и нашу русскую псалтырь с последованием сожгли, и книгу Кирилла иерусалимского сожгли и иных немало. И какое их ныне православие? И какие ереси нашли во святых тех книгах?» Соловецкие челобитчики относительно греческих книг идут далее. Они уверяют, что и старые греческие книги в большинстве уже давно были испорчены различными еретиками, которых в старое время так много было между самими греками. «А которые, государь,

пишут они, старые книги у них, греков, ныне еще есть, и те книги от еретиков многие испорчены, насеяно в них много худых плевел; понеже во время тех старых книг в греках и еретиков и богохульников и иконоборцов было много». Инок Авраамий, со своей стороны, заявляет, что теперь у греков вообще никаких старых книг уже нет совсем. «Сказано от блаженного Максима, пишет он, что в греках, по взятии Царяграда, великая скудость книжная, и сам он, блаженный Максим, учиться ходил в западные страны скудости ради книжной. Да и по описанию Арсения Суханова, древняя великая обители у них все разорены и живут в них бусорманы; и откуда у них древним книгам быть?»²⁴⁶.

Очевидно, что противники церковной реформы Никона в суждениях об отпадении греков от православия, о порче греческих книг еретиками, об усвоении греками еретических новшеств от латинян или от армян, не имели в своем распоряжении каких-либо действительных, твердо установленных исторических фактов; очевидно, у них не хватало ни знаний, ни умения сколько-нибудь основательно разобраться в этих вопросах и как следует выяснить их своим читателям. Пораженные несходством тогдашней греческой церковной практики с русской, новоисправленных по греческим никоновским книг – со старыми русскими, не умея понять и объяснить как следует этого явления, – они решили, что только одно русское единственно православно, а все тогдашнее греческое – неправославно, испорчено еретиками. Для обоснования и оправдания этого положения, они искали данных всюду, и находили их в разных сомнительных ходячих сказаниях и слухах (сказание о белом клобуке, рассказы о сожжении всех греческих книг латинами), в подложных грамотах (грамота царя Константина папе Сильвестру), в случайных заявлениях отдельных лиц (греческих патриархов Иеремии и Феофана), не имевших в действительности того смысла, какой им они навязывали, в показаниях таких лиц, которые давали заведомо ложные сведения²⁴⁷. При этом они вовсе не задавались вопросом: насколько правильно и возможно пользоваться такими сомнительными данными, не относились к этим данным

критически, не старались определить их действительную историческую ценность, а все принимали на веру и притом так, как желали они. Они искренно верили в несомненность самого факта отступления греков от православия, а о том, как литературно прочно обосновать и удовлетворительно выяснить этот факт, они не особенно заботились, так как, по их мнению, дело по существу было ясно, само говорило за себя, а потому и не нуждалось ни в каких особенных изысканиях, проверках и доказательствах.

Как пользовались противники церковной реформы Никона тем материалом, какой был у них под руками, для доказательства отпадения греков от православия, это хорошо видно из следующего. Все они обыкновенно ссылаются на двух греческих патриархов – Константинопольского Иеремию и Иерусалимского Феофана, которые, будучи в Москве и поставляя здесь наших патриархов, не только будто бы восхваляли русское благочестие, как высшее и совершеннейшее в целом мире, но и до конца уничили тогдашнее греческое благочестие, признали, что правая вера, во всей ее полноте, сохраняется теперь не у греков, а только у русских. Так соловецкие челобитчики, например, пишут государю: «сами вселенские патриархи, Иеремия цареградский и Феофан иерусалимский, ихже глаголют всякими добродетелями украшенных сущих, и бывшим им в московском государствии довольно время, от нихже и иервопрестольннки соборные и апостольския церкви, Иев митрополит и дед твой, великого государя, блаженный Филарет Никитич, в твоём, великого государя, российском московском царствии на патриаршеский престол возведеви быша, и видевшие истинную нашу православную непорочную веру, зело похвалили; своуж они греческую веру, от нея же ныне исправления ищем, до конца сами унижили, яко же в книге, глаголемей Кормчей, московской печати, о сем свидетельствует, что де у них во Иерусалиме и во всех тамо сущих восточных странах конечное православные веры греческого закона от агарян насилие и погубление, и церквам Божиим запустение и разорение, но точию един на всей вселенней владыка и блюститель

непорочные веры Христовы христианский самодержавный великий государь благочестием всех превзыде и вся благочестивая в твое государево едино царство собрашеся»²⁴⁸.

Совершенно справедливо, что разные греческие иерархи постоянно заявляли московскому правительству о крайне бедственном положении православной церкви на востоке, вследствие разных притеснений со стороны турок. Так, патриарх Мелетий Пигас в 1590–1593 г. пишет дарю Феодору: «восточная церковь и четыре патриархаты православные не имеют другого покровителя, кроме твоей царственности; ты для них как бы второй великий Константин. Посему и мы в нуждах наших, после Бога, взираем к тебе, и если бы не помощь твоей царственности, то, верь православнейший царь, православие нашлось бы в крайней опасности, также как и эта патриархия... Да будет твое царское величество общим попечителем, покровителем и заступником церкви Христовой и уставов богоносных отцев». В другом письме к царю Феодору, в 1593 году, Мелетий пишет: «мы знаем твое священное царство, как предуготованное предведением всевидящего Бога всяческих, знаем и тебя царя, как написанного в книге живых не чернилами, но перстом всевышнего Бога, а вашу церковь, как избранную о Христе до сложения мира, в наследие святых во свете... Горячо заботься о ней (восточной церкви); чтобы она, поработенная и рассеянная среди ассириян, вавилонян и египтян, не исчезла до конца, подавляемая чрезмерными угнетениями и нуждами»²⁴⁹.

Так говорил александрийский патриарх Мелетий Пигас в письме к царю Федору Ивановичу. Возможно, что и константинопольский патриарх Иеремия, будучи в Москве, тоже указывал на важное значение для всего православия русского царя, как единого теперь православного царя в целом мире, хвалил и прославлял русских за их горячую приверженность к православию и приблизительно, может быть, говорил те слова, какие в его уста влагают русские известия. «Во всей подсолнечной, заявлял Иеремия, один благочестивый царь; вперед что Бог изволит, здесь подобает быть вселенскому патриарху; а в старом Цареграде за наше согрешение вера

христианская изгоняется от неверных турок». В уложенную грамоту об учреждении в России патриаршества, какая была составлена на Москве от лица греческих и русских иерархов, внесена была и такая речь, будто бы сказанная Иеремией: «понеже убо ветхий Рим падеся аполинариевою ересью, второй же Рим, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы, от безбожных турок, обладаем; твое же, о благочестивый царю, великое российское царствие, третий Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое в едино собрася, и ты един под небесем христианский царь именуеши во всей вселенной, во всех христианах, и по Божью промыслу и пречистые Богородицы милости, и молитв ради новых чудотворцев великого российского царствия, Петра и Алексея и Ионы, и по твоему царскому прошению у Бога, твоим царским советом, сие превеликое дело (учреждение патриаршества) исполнитца». Несомненно, что речи Иеремии в нашем документе придан очень уже заметный русский колорит, почему она является скорее произведением московского приказного искусства, чем речью греческого патриарха, хотя и в настоящем своем виде она совсем не заключает в себе того, чтобы Иеремия, восхваляя русское благочестие, в то же время «свою греческую веру до конца уничижил». Для правильного суждения о московских речах и деятельности Иеремии нужно иметь в виду еще и то обстоятельство, что кроме наших русских официальных правительственных известий о пребывании в Москве Иеремии и об учреждении им у нас патриаршества, сохранились и другие современные известия, принадлежащие, что особенно важно, спутнику Иеремии, монемвасийскому митрополиту Иеронею, и рисующие всю обстановку учреждения у нас патриаршества и деятельность Иеремии в несколько ином виде, нежели как об этом говорят русские документы. Иеремия, по словам Иерофея, усиленно желал сам остаться патриархом в Москве, и когда это оказалось неудобным, он *против воли* согласился на поставление патриарха из русских. Самая грамота об учреждении патриаршества в России составлена была только одними русскими, и написана только по-русски, как им желалось. Когда дьяк Андрей Щелкалов поднес ее для

подписи Иеремии, тот не читая, так как не знал русского языка, подписался под грамотой. Не так относился к делу монемвасийский митрополит Иерофей. Он возмущался неосторожным и несколько легкомысленным поведением в Москве Иеремии, которого, по его мнению, русские просто обманывали и хитростью заставляли делать то, что им хотелось. Он предостерегал Иеремию от необдуманных поступков и сам действовал очень осторожно. Когда дьяк Щелкалов обратился к нему с просьбой подписаться под уложенной грамотой об учреждении у нас патриаршества и сказал, что патриарх Иеремия уже подписался, Иерофей возразил: «что это за грамота, и что я в ней должен подписывать?» Щелкалов ответил: «написано, как вы поставили патриарха и как вы пришли сюда». Иерофей заметил: «приличнее было бы написать ее по-гречески, а не по-русски, да и предложить ее выслушать», и затем решительно отказался подписать грамоту из опасения, *чтобы не разделилась церковь Божия, не настала другая глава и не произошла великая схизма*. Однако Иерофей все-таки принужден был подписать грамоту. На православном востоке, как и предполагал Иерофей, к поставлению в Москве патриарха отнеслись с нескрываемым неудовольствием и порицали за это Иеремию. Тот же самый Мелетий Пигас, который писал вышеприведенные письма к царю Федору Ивановичу, по поводу учреждения в Москве патриаршества писал в Константинополь к патриарху Иеремии следующее: «я очень хорошо знаю, что ты погрешил возведением московской митрополии на степень патриаршества, потому что тебе неизвестно (если только новый Рим не научился следовать древнему), что в этом деле не властен один патриарх, но властен только синод и притом вселенский синод; так установлены все доныне существующие патриархи. Поэтому ваше святейшество должно было получить единодушное согласие остальной братии, так как, согласно постановлению отцов третьего собора, всем надлежит знать и определять то, что следует делать всякий раз, когда рассматривается вопрос общий. Известно, что патриарший престол не подчиняется никому иному, как только кафедральной

церкви, с которой он соединен и связан исповеданием единой и неизменяемой православной веры. Я знаю, что ты будешь поступать согласно этим началам, *и то, что ты сделал по принуждению, по размышлении, уничтожишь словесно и письменно*. Но так как наши слова не приводят тебя ни к чему доброму, а только к смущению, гневу и их последствиям, то я избавляю ваше святейшество от моих упреков и самого себя от хлопот, и молю Бога быть милостивым к вам во всем на будущее время».

Очевидно, что греки совсем не желали и не думали возвеличивать и восхвалять русских на свой собственный счет, никогда не думали уничивать, и действительно не унижали своего благочестия, никогда не признавали какую-то неполную чистоту своих православных верований, которые будто бы сохранились теперь у одних русских. В действительности они всегда думали как раз наоборот. У греков существовал взгляд, подсказанный им вековыми традициями и национальной гордостью, которому они старались придать даже канонический характер, – что только древние четыре патриархата (и пятый римский) должны существовать в православном мире, и что все настоящее христианство заключено в пределах этих четырех патриархатов, которые должны находиться исключительно в руках греков. В окружном послании константинопольского патриарха Каллиника, заключавшем в себе, соборное постановление по делу синайского архиепископа Анании (присутствовавшего у нас на соборе 1667 года), стремившегося сделаться автокефальным, говорится, что находиться вне четырех патриархатов значило то же, что находиться вне христианства, «внутри бо четырех патриархатов все христианство ограждается», хотя в это время существовал пятый православный патриархат – московский, который, очевидно, на греческий взгляд, был ненастоящий, совсем не то, что четыре древние греческие патриархата. И ранее обстоятельства вынуждали греков, вопреки их желаниям, учреждать патриархаты – болгарский и сербский, но, при первой возможности, они уничтожали их, как учреждения противные национальным греческим интересам. Поэтому и речи

Константинопольского патриарха Иеремии о превосходстве русского благочестия в целом мире, о превосходстве русского православия, как более чистого и совершенного, чем греческое, о чем постоянно говорят противники церковной реформы Никона, простая осторожность требует признать не речами самого Иеремии, а местным московским изделием, хотя и возникшим, вероятно, на основе действительных дипломатично-хвалебных речей грека Иеремии пред русским правительством, от которого ему желалось получить возможно щедрую милостыню²⁵⁰.

То же самое нужно сказать и о речах иерусалимского патриарха Феофана, поставившего у нас в патриархи Филарета Никитича. До нас дошла очень любопытная записка современника очевидца о том: «как служил Феофан иерусалимский с русскими митрополиты и со архиепископы» (в 1619 году)²⁵¹. В этой записке подробно описывается, как сам Феофан, и сослужившие ему вместе с русскими греки, делали разные ошибки против тогдашнего русского церковного чина и обычая, и как русские в своей сердечной простоте серьезно поучали самого Феофана и других служивших греков, что и как им нужно делать и поступать, чтобы церковная служба отправлялась по-настоящему, т. е. по-московски. Феофан подчинился своим русским руководителям и поступал так, как ему показывали. Когда, по окончании службы, Феофана из собора до келии провожали служившие с ним русские иерархи он, обратившись к ним, сказал: «просветили де вы меня своим благочестием, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестивого учения, и на том де вам много челом бью». Эта полная иронии благодарность Феофана за его просвещение особым русским благочестием и русским благочестивым учением, была принята, однако, русскими за чистую монету, и они были искренно уверены, что действительно поучили греков и самого иерусалимского патриарха настоящему православному церковному чину, так как греки, наивно поясняет записка, «по греху позакоснели от первого преданного им чина».

Но если греки не могли уничивать в Москве, и действительно никогда не унижали своего благочестия и веры

пред русскими, то как же нужно понимать их усиленные восхваления русского благочестия и правоверия, их признание, что русский царь, единый теперь православный царь в целом мире, служит единственной опорой и защитой всего православия, что без его реальной помощи и покровительства оно может окончательно погибнуть на востоке от турецких притеснений?

Все дело объясняется, с одной стороны, тем обстоятельством, что разные греческие иерархи и лично и письменно обращались в Москву в качестве просителей милостыни, и, желая получить ее от московского правительства как можно больше, старались, как и всякие просители – милостыне-собиратели, всячески угодить и понравиться своим благодетелям, ради чего и говорили по их адресу только одни приятные для русских вещи, старались восхвалить и подчеркнуть их высокие христианские качества и всякие добродетели, чтобы расположить русских к нескудной милостыне своим страждущим единоверцам. С другой стороны, когда греческие иерархи, являясь в Москву, всячески хвалили русское благочестие, говорили, что теперь только в московском царстве вполне процветает истинное благочестие; то этим они вовсе не хотели сказать того, как это думали русские патриоты, что у греков истинная вера и благочестие уже замутились, не сохранились во всей полноте и чистоте, а только то, что положение православия на Москве во всех отношениях находится в таких благоприятных условиях, в каких оно уже не находится у греков, поработанных турками. На Москве православие может проявлять себя без всякой помехи во всей своей силе и мощи, не только с внутренней стороны, но и с внешней, – русские на началах православия могут построить всю свою частную и общественную жизнь и деятельность, могут придать внешним проявлениям православия всякий блеск и всю полноту и ширину церковного величия, чего не может быть у греков, находящихся под турецким игом. Но это сознание вовсе не означало, чтобы греки признали по существу, по внутренним, так сказать, качествам русское благочестие в каком-либо отношении высшим и совершеннейшим, чем тогдашнее

греческое; им и в голову, конечно, не приходило признавать, чтобы полное и совершеннейшее православие и благочестие теперь сохранилось только у русских, а не у греков. В этом отношении греки думали как раз обратное русским. Даже о характере благочестия выдвигающегося русского церковного реформатора – грекофила Никона, константинопольский патриарх и собор, как мы видели, составил, на основании вопросов Никона к константинопольскому патриарху Паисию, не особенно высокое представление.

Таким образом, противники церковной реформы Никона, когда им пришлось точно и определенно формулировать свои воззрения на современных греков, создать и прочно обосновать свои взгляды на отступление греков от истинного православия, – оказались не на высоте предстоящей им задачи. Они решали вопрос, очень поверхностно, разноречиво и даже противоречиво и, в большинстве, очень несогласно с исторической действительностью, которую они или плохо знали, или не умели ею пользоваться как следует. Но если все, сообщаемое ими об отпадении греков от православия, освободить от разных противоречий и несообразностей, встречающихся у отдельных писателей, а их руководящие мысли привести в порядок; то получится следующая теория отступления греков от православия, созданная первыми церковными противниками Никона:

а) Уже древние греки очень падки были на всякие ереси, – у них, с древнейших времен, много было еретиков: царей, патриархов, архиереев и других лиц всяких общественных рангов и положений. В этом отношении даже древние греки представляют полную противоположность русским, у которых никогда не было еретичествовавших царей и архиереев.

б) Греки, еще задолго до завоевания Константинополя турками, были уже народом нравственно глубоко испорченным и развращенным. Даже в чисто церковной жизни у них господствовали очень крупные пороки: сребролюбие, симония и тому подобное.

в) На такой, уже растленной раннейшими ересями и пороками почве, легко было возникнуть флорентийской унии,

когда греки, в лице своих высших светских (царя) и духовных представителей (патриарха и большинства бывших на флорентийском соборе греческих иерархов) отступились от родного православия и соединились с латинами.

г) Правда, флорентийская уния с самого начала не была принята большинством греческого народа, а потом совсем отвергнута всей греческой церковью, но она уже сделала в православной греческой среде свое злое дело. Латинство, как тонкий яд, незаметно стало приникать во все поры греческой церковной жизни, постепенно отравлять ее и переделывать на свой лад. К тому же, у латинян явились два могучих орудия для воздействия на греков, – печать и школа, эти два канала, которые непрерывно изливали в греческую православную среду струи латинского отравляющего учения, что и повело к появлению в греческой церковной практике и в самом вероучении различных латинских новшеств.

д) Если латинство действовало отравляющим и разлагающим образом на внутреннюю сторону православия, вводя в православное вероучение латинские новшества, то завоевание Константинополя турками сыграло ту же разлагающую роль относительно внешней церковно-обрядовой стороны греческой жизни и всего церковного быта греков. Турецкое иго не касалось внутренней стороны верований греков, но зато турки разоряли их монастыри и церкви, запрещали грекам торжественно и публично совершать различные церковные службы и церемонии, до крайности стеснили и принизили всю вообще их церковную жизнь, которая по необходимости являлась во всем несколько урезанной и умаленной сравнительно с древним временем.

е) Если латинство и турецкое иго действовали разлагающим образом на внутреннюю и внешнюю церковно-религиозную жизнь греков, то само собою понятно, русским никак не следует копировать позднейшие греческие церковные порядки, что делал Никон, а следует держаться своих русских порядков, которые восприняты нами от греков в лучшую пору их церковной жизни и доселе хранятся у нас в их прежнем неизмененном виде. Очевидно, изменять наши русские

церковные порядки по образцу современных греческих, значит заведомо их портить, а не улучшать.

Изложенная нами теория отпадения греков от православия нигде, однако, и ни одним из первых литературных противников церковной реформы Никона не была изложена в целом виде, ясно, определено и последовательно формулирована. Они всегда высказывали свои воззрения по этому предмету отрывочно, эпизодически, по тому или другому частному и отдельному случаю, так что исследователю приходится собирать разбросанные в их сочинениях части и из них уже самому составлять стройное целое.

Отрицая церковную реформу Никона, как во всех отношениях бесполезную, несостоятельную и очень вредную, защитники старины в то же время признавали, однако, нужду в реформе вообще, но реформе такой, которая была бы направлена только на исправление и улучшение народной жизни, зараженной многими пороками, языческими суевериями и тому подобное, так что они находили нужным и желали исправлять, как выражается протопоп Аввакум, не книги, а нравы. Точно также защитники старины признавали, что в нашей церковной жизни есть много нестроений и непорядков, требующих исправления. Они, как мы знаем, уже ранее обличали зазорную жизнь приходского духовенства, его небрежное отношение к своим пастырским обязанностям, нарушение им, при совершении церковных служб, устава. Позднее они с особой силой стали указывать на непорядки в самой нашей высшей церковной иерархии и на происходящие отсюда разные прискорбные явления в церковной жизни. Они смотрели на архиереев как на людей, ведущих немонашеский роскошный образ жизни, думающих только о себе и своих удовольствиях, как на людей, не следующих правде, допускающих всякие злоупотребления по епархиальному управлению вообще и, особенно, по замещению разных церковных должностей, и в то же время как на льстецов пред царем и сильными мира, готовых, ради личных интересов и выгод, поступиться решительно всем, даже самым святым. Они собирали, особенно о нелюбимых ими архиереях, всякие

ходячие рассказы и сплетни и, не задумываясь, передавали их как исторические факты, – личные нападки на некоторых архиереев были обычны у них. Дьякон Федор, например, пишет: «сами начальники и отступницы (т. е. архиереи) не дверию внидоша во двор овчий, но тако, яко татие суть и разбойницы, по словеси Христову; – прескочиша ограду священных правил: попы бывше в миру, и растленно житие проходяще. Таковых святая правила отнюдь отсекает их не быти епископом мирскому попу постригшемуся; ниже патрахили им прощают наложити, не токмо на архиерейство дерзати таковым. А они вси мирстии попы бывше, кроме малых; и каковы сами преступницы отеческих преданий и законов, таковых же и в причет поставляюще, неискусных писанию простяков, воров же и пьяниц, и гнустное житие от юности проходящих многих, и детям неискустным вручаяще страшное таинство, 9 лет и меньше в чтецы и певцы поставляюще, к таковым блуда исполниша церкви... Во диаконы их 15 лет поставляют, в попы 20-ти лет, овых и меньше! И священная правила вся сие отместут беззакония и анафемы предают... Сие бо им подобаше исправляти, а не догматы отеческия превращати». Инок Авраамий пишет: «и радуются (архиереи) одеющиеся в брачна цветная одеяния, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры в руках позлащены имуще, воцаритися над людьми хотяще, параманды також златом вышивающе. Се есть монахи! се есть учитель! се есть наша вера. Таковии суть ныне законоучители – блазнителі и прелестницы!»....²⁵².

Противники церковной реформы Никона, если и не все, то лучшие из них и более сведущие, тоже признавали порчу старых русских книг и нужду их исправления. Дьякон Федор пишет: «а письменные книги многие прочтох, идеже видех их: *и много искажены*, – в той тако, а в иной инаково о святом Духе», и затем указывает на самые разночтения в символе о святом Духе, взятые из различных виденных им книг. Ввиду этого дьякон Федор не только признавал описки и ошибки в наших старых книгах и нужду в их исправлении, но даже ссорился по этому случаю с Аввакумом (и отчасти с Лазарем), когда тот

говорил ему: «ты де старые книги хулишь и переделывать мне велишь, а я де за них мучуся от никониян давно прежде тебя». Но если Федор и признавал порчу старых книг и нужду их исправления, то он существенно расходился с Никоном, в понимании самого характера книжных исправлений. Федор говорит: «не то диво, еже и в старых книгах какие описи бывают и есть, и тому бывает правое рассуждение и последи исправляется от искусных мужей. Ово бо опись, ово же превращение и пременение книгам и догматам церковным. За опись бо кую в книге какой и погрешенное слово не подобает нам ни спиратися, ни стояти; а за превращение книг старых и догматов правых изменение подобает всякому христианину и страдати и умирати, обаче с разумом, испытав вещь всякую опасно писанием святых отцев»²⁵³.

Нельзя не признать того, что противники церковной реформы Никона совершенно справедливо указывали, что вся тогдашняя нравственно-религиозная и церковная жизнь страдала очень и очень многими и притом самыми серьезными недостатками, и что именно она прежде всего нуждалась в исправлении, в реформе, а не книги и обряды. Для веры и благочестия, для нравственности человека решительно безразлично – крестится ли он двумя перстами или тремя, двоит или троит аллилуию, отправляет ли церковную службу по новоисправленным или по старым дониконовским книгам: пороки и безнравственность в общественной жизни, непорядки и нестроения в жизни церковной, не могут ни уменьшаться, ни исчезать от того, если мы один церковный обряд заменим другим. Чисто внешняя, церковно-обрядовая реформа Никона нисколько не делала тогдашнего общества более религиозным, благочестивым и нравственным; оно и после реформы оставалось при прежних своих пороках и разных недостатках. Ввиду этого, внешней обрядовой реформе Никона ее противники с полным правом могли бы противопоставить другую – свою реформу, направленную на улучшение народной нравственности, на искоренение грубых языческого характера народных нравов, обычаев, увеселений, на просветление и возвышение всей вообще христианской жизни верующих, на

всецелое и всестороннее проникновение ее истинно христианскими началами. В этом смысле и духе они могли бы с успехом выставить свою программу и противопоставить ее программе Никона. Но у них на такое дело не хватало ни правильного взгляда на истинно христианскую жизнь, ни понимания тех причин и условий, благодаря которым и при которых она создается и может существовать, ни умения, исходя из известных христианских принципов, на основании их создать для жизни верующих стройную последовательную систему нравственно-религиозной деятельности. Если иногда они и говорят, что нужно исправлять не книги, а нравы и самую жизнь, то говорят это только мимоходом, в виде эпизодических случайных замечаний, они нигде нарочито и прочно не устанавливают этой своей точки зрения, не развивают и не противопоставляют ее, как более верную и для жизни необходимую, внешне-обрядовой реформе Никона. Они слишком увлекаются полемикой, желанием во что бы то ни стало доказать несостоятельность никоновской реформы, показать и выяснить ее отрицательные стороны, причем совсем опускают из виду положительную сторону своих собственных воззрений, которые они могли бы противопоставить программе Никона. Отсюда и результат их критики получился только отрицательный, а не творчески-созидательный: в жизни не нужно ничего нового, следует жить всегда только старому, ничего в нем не изменяя, – только одно старое полезно и спасительно, а все новое вредно и губительно.

Противники церковной реформы Никона не сумели правильно поставить и выяснить вопрос о книжных исправлениях при Никоне. В исправлении книг при Никоне они хотели видеть сознательное и намеренное искажение старых книг, желание этими исправлениями замутить чистое русское православие, внести в него различные ереси. В действительности, конечно, ничего подобного не было. Никон был такой же строгий поборник и ревнитель православия, как и его противники, он так же далек и чужд был от всякой ереси, как и они. Все различие между ними заключалось только в том, что Никон уверовал в троеперстие, как единственно правильную

форму перстосложения для крестного знамения, в троение, а не двоение аллилуия, в правильность написания имени Христа Иисус, вместо прежнего Исус, в порчу русских церковных книг и тому подобное, тогда как его противники по-прежнему веровали в двоеперстие, в сугубую аллилуию, в писание имени Христа Исус и тому подобное. Никакой действительной вероисповедной разности между ними не было и обе враждовавшие стороны были одинаково православны, одинаково далеки от каких бы то ни было неправославных, а тем более еретических воззрений и верований. Но Никон, как скоро он уверовал в большую правильность троеперстия, троения, а не двоения аллилуйи и подобное, естественно, как ревностный к процветанию православия архипастырь, постарался энергично реформировать русскую церковную старину сообразно своим новым верованиям, причем Никон вполне искренно верил, что своей реформаторской деятельностью он только еще более возвышает старое русское православие, несознательно усвоившее было в последнее время кое-что неправое и нововводное в сфере церковного обряда и чина. В этих именно видах, а не ради своего еретичества, он и начал свои книжные исправления. К сожалению, Никон задачу исправления книг понял не в том смысле, что нужно исправлять в них только ошибки, опiski, произошедшие от небрежности или невежества переписчиков, разные темные, неточные и устаревшие слова и выражения, что было бы ему по силам, а значительно шире. Он, вовсе не знавший греческого языка, решил, однако, делать новые переводы с греческих церковно-богослужебных книг, причем, конечно, сам не мог ни контролировать, ни проверять правильность новых переводов, а всецело зависел в этом деле от случайных переводчиков, которые неизбежно были настоящими господами положения. Главным переводчиком и справщиком книг при Никоне был известный Арсений грек. Защитники старины постоянно и с особой настойчивостью указывают на то обстоятельство, что Арсений грек был еретик, что он научал еретичеству Никона, что он, переводя и исправляя книги, нарочно вносил в них все соблазнительное и еретическое. В действительности же это дело стояло так:

Арсений, до своего приезда в Москву, проживая в Киеве, несколько выучился говорить по-малороссийски. Прибыв в Москву и будучи сослан на Соловки, он здесь практически выучился понимать русскую речь и говорить по-русски. Как грека образованного и знающего русский язык, Никон охотно сделал Арсения справщиком книг, поручил в то же время ему вновь переводить книги с греческих. Но несомненно, что Арсений, как иностранец-грек, не настолько, однако, владел русским языком, чтобы постичь все его тонкости, понимать все его особенности и оттенки, уметь всегда подыскать нужное слово, нужный оборот речи, чтобы точно, ясно выразить ту или другую мысль, точно и верно, по строю речи, формулировать известное учение. Многие и, конечно, очень многие для Арсения, как иностранца, оставались в русском языке непонятным и закрытым, почему его переводы, естественно, во многом отличались от старых, нередко уступали им в ясности, точности, в уместности того или другого выражения, казались иногда двусмысленными и соблазнительными. Но, очевидно, все недочеты книжных переводов Арсения, следует объяснять не его еретичеством, а его недостаточным знанием русского языка, и умением владеть им, как следует. Другим видным переводчиком при Никоне и после него, был Епифаний Славинецкий. Этот переводчик известен как крайний приверженец буквализма в переводе, – он, в жертву буквализму, приносил ясность и понятность самой речи, сочинял собственные слова и их сочетания очень искусственные и маловразумительные, лишь бы ближе быть к подлиннику, от чего его переводы всегда неуклюжи, нередко темны и малопонятны, так что смысл некоторых наших церковных песней и сейчас усваивается с трудом. Вполне естественно было поэтому, что переводы книг Арсения и Епифания иногда действительно во многом уступали старым, ранее имевшимся у русских, переводам, и что новоисправленные при Никоне книги способны были вызвать разные недоумения. Вот именно с этой – реальной точки зрения и следовало сторонникам старины критиковать и оценивать книжные исправления при Никоне, совсем оставив в стороне при этом все свои фантастические домыслы о еретичестве

Никона, о сознательной и намеренной порче и растлении им старых русских церковных книг. На указанной реальной почве их критика книжных исправлений Никона была бы гораздо убедительнее, действительнее и для всей русской церкви полезнее, чем их странная, но очень ожесточенная борьба против воображаемых ересей, будто бы всюду насеянных в новоисправленных никоновских книгах.

Нельзя не заметить еще и того, что критика противников церковной реформы Никона нередко ведется ими слишком тенденциозно и пристрастно, с явным намерением во чтобы то ни стало уронить своих противников, хотя бы средства для этого пришлось употребить и не совсем пригодные. Вот один из примеров подобного рода. Защитники старины в своих сочинениях обыкновенно решительно отрицают авторитет современных им русских архиереев, на том, между прочим основании, что почти все тогдашние архиереи ранее были белыми священниками, а потом, постригшись в монахи, сделались епископами. Но по церковным-де правилам, говорят они, кто был в миру священником и потом постригся в монахи, уже не может быть священником, а тем более епископом: мирской священник, по пострижении в иноки, обязательно становится только простым старцем и совершать священническое служение не может²⁵⁴. Но если это действительно справедливо, то каким же образом возможно было, что самые первые и важнейшие противники церковной реформы Никона: Неронов, Аввакум, Лазарь, Даниил, Логин, за своими руками подавали челобитную царю, чтобы он, на место умершего патриарха Иосифа, поставил в патриархи своего духовника – протопопа Стефана Вонифатьевича? Каким образом возможно было, что те же самые лица, когда протопоп Стефан отказался от патриаршества, подали, за своими руками, новую челобитную, чтобы в патриархи был поставлен Никон, ранее также бывший мирским священником? Если Никон и некоторые другие современные ему русские архиереи, как бывшие ранее мирскими священниками, чрез правила святых отец чин на себя восхищают, не дверьми входят во святую церковь, «но дирию влазят, яко татие», если они стали

архиереями, действительно «перескочиша ограду святых правил»; то почему же защитники старины признают настоящим патриархом, и чуть не святым – Гермогена, который ранее был приходским священником в Казани, а потом, овдовев, постригся в монахи и сделался казанским митрополитом, а затем и патриархом московским? Значит, в таком случае, и патриарх Гермоген «не дверьми вошел на патриаршество, а дырою, как тать, перескоча ограду святых правил»? Очевидно, защитники старины тот порядок, при котором и бывшие мирские священники ставились в архиереи и даже патриархи, находили вполне допустимым и законным, не видели в нем нарушения церковных правил и обычаев, когда в архиереи ставились их сторонники и единомышленники, какими они признавали тогда и Стефана и Никона. И после только того, как Никон и некоторые другие архиереи отнеслись к ним враждебно и стали их преследовать, они вспомнили, что Никон и некоторые другие архиереи ранее были мирскими священниками и потому не имели право на епископство. Если бы отношения к ним Никона были другие – дружеские, они, конечно, вовсе не вспомнили бы тогда правила о том, что бывший мирской священник никак не может быть патриархом, как они не помнили этого правила, когда рекомендовали в патриархи бывших мирских священников – Стефана и Никона.

Указанная, с нашей точки зрения не очень удачная, критика церковной реформы Никона ее противниками, нисколько, однако, не мешала успеху их литературных произведений, распространению их понимания дела и их воззрений в тогдашнем обществе – их произведения, несмотря ни на что, на многих производили очень сильное впечатление. Это потому, что реформы Никона самым решительным образом ниспровергали исторически сложившиеся народные представления о чистоте и высоте православия у русских, об их совершеннейшем в целом мире благочестии. Они прямо низводили русских, этого нового Израиля, с их прежней высоты, в разряд низших, несовершеннолетних в религиозном отношении народов, для которых нужна еще опека и водительство со стороны, так как предоставленные только

самим себе, они способны, благодаря своему неразумию и невежеству, привнести в свою церковно-религиозную жизнь разные новшества, искажения, чуть не ереси, в роде армянского перстосложения в крестном знамении и т. п. Понятно, как трудно и тяжело было русским признать справедливость этого жестокого, сурового приговора над всей их прошлой самостоятельной церковной жизнью, о которой они доселе имели такое преувеличенно высокое представление; понятно как трудно и тяжело было им снова признать заподозренных ими греков за своих неизбежных, в делах веры и церкви, опекунов и руководителей, их голос, простое указание – за закон для себя, всякое их заявление за несомненную, не допускающую противоречия истину, – и это даже в том случае, хотя бы все родное, вся собственно русская старина говорила иначе²⁵⁵. Понятно отсюда, с какой чуткостью, с каким напряженным вниманием должен был не потерявший веры в свое прошлое русский прислушиваться ко всякому смелому и энергичному голосу тех, которые говорили ему, что в действительности права во всем русская старина, что не только нет никакой нужды отказываться от своего испытанного, исторически доказанного и оправданного прошлого, в пользу более чем сомнительного современного греческого, но что такое отступление от своей святой старины было бы прямо изменой православию, тяжким гибельным преступлением. Понятно, сколько сильных побуждений, как много охоты и желания было у русских верить именно врагам Никона, их глазами смотреть на все произведенные им реформы, тем более что способ, каким Никон производил реформы, помимо существа дела, уже сильно раздражал и оскорблял народ, искони отличавшийся приверженностью к освященным веками обрядам и обычаям и в изменении их видевший одно нечестие, пременение веры. Сам Никон в речи, сказанной им в московском Успенском соборе при оставлении патриаршей кафедры, так определяет отношение народа к его реформаторской деятельности: «когда я ходил, говорил он своей пастве, с государем царевичем и великим князем Алексеем Алексеевичем в Колязин монастырь, и в ту пору на Москве многие люди, к лобному месту собирались и

называли меня иконоборцем, что многие де иконы я имал и драл, и за то де хотели меня убить, а я имал иконы латинския, которым нельзя поклоняться, а вывез тот перевод немчин из немецкой земли. И указал в соборной церкви на Спасов образ: мощно де сему верить и поклоняться, а я де не иконоборец. И после де того времени *называли меня еретиком*: новые де книги завел. И то ради моих де грехов чинится. И я вам предлагал многое поучение и свидетельство вселенских патриархов, и в непослушании окаменением сердец своих *хотели меня камением побить*»²⁵⁶. Таким образом, сам Никон, при оставлении им патриаршей кафедры, принужден был с горечью публично сознаться и засвидетельствовать, что паства не понимала смысла и значения его реформаторской деятельности, называла за нее Никона то иконоборцем, то еретиком, а когда он указывал ей на авторитет в церковных делах греческих патриархов, она хотела побить его камнями. Понятно теперь, при указанной настроенности народа, какое сильное впечатление должна была производить на всех обширная антиниконовская литература, которая, к тому же долгое время ниоткуда не встречала себе должного, хотя бы сколько-нибудь соответствующего литературного отпора. Ввиду этого противникам церковной реформы уже казалось, что скоро наступит новое время, когда новый патриарх отменит все Никоновы «затейки» и на Руси опять водворится та церковная старина, какая была до Никона.

Глава 11. Отрицательное отношение к реформам Никона в среде православных

Протест против церковно-реформаторской деятельности Никона в среде русских иерархов. Непризнание новоисправленных Никоном книг большинством белого и черного духовенства. Признание Никона бывшими в Москве учеными греками церковным новатором и разорителем древних церковных обычаев. Общее печальное состояние тогдашней церковно-богослужебной практики, как следствие церковной реформы Никона.

Запутанное положение церковных дел после оставления Никоном патриаршей кафедры еще более осложнялось тем обстоятельством, что против церковной реформы Никона восстали не одни только члены бывшего кружка ревнителей благочестия, но и многие из приверженцев церкви, вовсе не думавшие о каком-либо отделении от нее, принадлежавшие к ее клиру и даже к высшей церковной иерархии. Если бы протест против реформаторской деятельности Никона исходил только от членов бывшего кружка ревнителей благочестия и их сторонников, то в этом протесте можно было бы видеть одни личные счеты таких людей, которые ранее были очень близки к Никону, возлагали на него, как патриарха, свои честолюбивые и эгоистичные расчеты, но которые решительно обманулись в нем и потому возненавидели его. Ввиду этого, протестам против никоновской реформы со стороны Неронова, Аввакума, Лазаря и других подобных лиц, можно было бы, пожалуй, и не придавать особенно важного значения, как протесту тенденциозному, подсказанному только личными, сторонними самому делу, мотивами. Но совсем другое впечатление получалось, когда против реформы Никона стали высказываться уже не Неронов, Аввакум и подобные им, но сами русские архиереи, когда к новоисправленным книгам отрицательно отнеслось большинство белого и черного духовенства» когда даже сами ученые греки, бывшие тогда в

Москве, признали Никона церковным новатором, разорителем старых священных церковных обычаев.

Известный старообрядческий деятель и писатель Денисов, в своем известном сочинении «Виноград Российский», заявляет, что под соборным определением о книжных исправлениях некоторые архиереи подписались только из страха и после раскаялись в этом. «Макарий митрополит новгородский, говорит Денисов, тако скорбяше, тако сетование о оных новинах, яко и рукополагающихся священники укрепляше, еже новин не приимати: аще аз и подписахся, рече, трепетом мучений объятый, но вы крепко держитесь древлецерковного благочестия. И не инако сам служаше и благословляше, но яко исперва прият, яко от млада научися. Сице и во всем граде, при оного бытности, не бе гонения, ниже нужды, но вси по первому обычаю совершаша службы. Аше от Никона многажды оный архиерей зазираемь и досаждаем бе, некогда же и во узах терпяше, обаче аще и не явно за страх, но в тай древнее похваляше благочестие. Тако и Маркел архиепископ вологодский подписався на соборе оном страха ради Никонова, но послежде раскаявся, вельми тужаше и зело печаловася о сем, и в своем граде никаковыя нужды, ниже гонения, ни насилия никакова о древлецерковном благочестии людем содела. Тако и Александр епископ вятский, аще на соборе страхом преклонен, подписался, но последи и плакаше и рыдание о сем, новин весьма ненавидяше. Свидетельствует о сем яственно того послание жалобное ко государю царю, поданное на Никоново 171 годе, в нем же Никоновы прегорчайшия плоды, огорчившия русскую землю, изрядно объявляет»²⁵⁷.

Это заявление Денисова, что некоторые архиереи не сочувствовали церковной реформаторской деятельности Никона, – подтверждается прямыми современными свидетельствами. Уже по вопросу о поклонам против Никона открыто выступил коломенский епископ Павел. Суровая расправа Никона с Павлом подавила на время оппозицию Никону среди архиереев, но не уничтожила ее окончательно, и пострадавшего от Никона своего собрата – Павла архиереи

называют потом «божественным страдальцем»²⁵⁸. Некоторые из иерархов, присутствовавших на соборе 1655 года, хотя и не открыто, однако говорили, по свидетельству Павла Алепского, по поводу заявления Никона о необходимости согласовать русские церковные книги, чины и обряды с тогдашними греческими: «мы не переменим своих книг и обрядов, кои мы приняли издревле. Однако, замечает Алепский, они не смеют говорить открыто, ибо гнев патриарха неукротим». Когда потом Никон в Успенском соборе на виду у всех переменял русский клобук на греческий, то, по свидетельству того же Павла Алепского, присутствовавшие при этом в соборе епископы, игумены, священники и народ подняли ропот и говорили: «смотрите, как он переменяет одеяние архиереев, которое они приняли по внушению Святого Духа с того времени, как мы сделались христианами чрез святого Петра. Как земля не поколеблется под ним! ибо, одеваясь доселе по-московски, он сделался греком»²⁵⁹.

Оставление Никоном патриаршей кафедры развязало руки недовольным иерархам, и они теперь открыто выступили и лично против Никона, и против его церковной реформы. Из них своим открытым протестом особенно выделяется вятский епископ Александр. Правда, Александр присутствовал на соборах 1656 года, бывших в апреле, мае и октябре, и подписался под определениями этих соборов, одоббивших Скрижаль, новоисправленный требник, наложивших проклятие на двоеперстников, на Неронова и его единомышленников. Но это обстоятельство не помешало потом Александру открыто выступить против того самого новоисправленного требника, который он сам одобрил к печатанию на соборе 1656 года, одобрил, очевидно, только из страха пред грозным Никоном, из боязни испытать за несогласие с патриархом участь епископа Павла коломенского.

Епископ Александр написал направленное против Никоновских книжных исправлений особое исследование, которое он потом намерен был представить на рассмотрение и решение отцов собора 1666 года²⁶⁰. В предисловии к своему изысканию епископ Александр обращается к отцам собора со

следующею речью: «Велицыи отцы и братия, преосвященнии митрополита, архиепископи и епископи! Меньший брат ваш, смиренный Александр епископ вятский, молю святительство ваше и всего священного собора архимандритов и игуменов, священников и иноков, протопопов, иереев и дьяконов, разрешите, молю боголюбие ваше, в сомнительных о книге потребнике новом моя вопрошения, и дадите на писанные моя вопросы, яко пастырие Христова стада, писанные ответы от дарованные вам благодати, не скрывающе ничтоже, но многотрудне о мире святые, соборные и апостольския церкви полезное имуще и и не смирение мое точию, но и весь православный российский народ пользующе. Много бо она книга в речах перебита, и чины и написания несходны, и ум имущим, пачеже простейшим, смущению виновна: с прежними бо нашими книгами в царствующем граде Москве тиснением печатным изданными, отнюдь не согласна и превратов исполнена, киево же печерского потребника чинми мало сходна, и с теми в речах перебита и согласия мало имать. И сих ради мнози правовернии, пачеже и христоролюбивии, смущающиеся задирают нам – архиереом, якоже небрегущим Христова стада. Пачеже во страх приведе мя вселенней проповедник Иоанн, ясно зовый, глаголя: возлюбленны, да не презираем соблазняющихся, да не пресечение сотворим благовестию Христову и погубим спасение наше.... Сих ради вонмите, молю, не свой бо разум составить ишу, но полезное церкви и верным людям, смотря в сомнительных, разрешения прошу в Божию воистину славу, и вам самем на вечную похвалу: тщащимися многотрудне взискати полезное церкви и верных Христовых людей от соблазна пременяюще и во едино мудрование совокупляюще, не нужею, но волею и по Бозе; многими бо времена утвержденные обычаи небезбедно поколебати первое убо блаженное опорочити и потом благим советом соборне исправить; дерзостию бо творимое нетвердо, но блаженно воистину и смущению виновно, советом же исправленное – пользует, и верно трудившиеся похвалу приобретают в роде и род и милости Бога сподобляются, аминь». После этой

вступительной речи епископом Александром предлагается на решение собора сначала 26 вопросов, а потом еще 22.

В первых 26 вопросах исправленный при Никоне требник сличается с киевским требником Петра Могилы, реже с прежними московскими печатными изданиями и еще реже с рукописями. При этом сличении указываются разности и несогласия никоновского требника с требником Могилы, при чем замечается обыкновенно, что в новом требнике, сравнительно с киевским, «в речах перебито и преврати исполнена», причем епископ спрашивает: «возвести ми, молю, который в них премудрее: Петр ли Могила, или Никон?» Или, например, Александр замечает: «а иных речей (в новоисправленном требнике) против прежних наших нет, а иные писаны странно». Встречаются и такие замечания по поводу положенных в новоисправленном требнике новых монашеских имен, не употреблявшихся доселе у нас и у греков, говорится: «взыскати лепо, и аще они (имена) не обретаются в греческих и в киевском потребнике, и у нас в великой России, то где обрести возможно: яве в римском костеле у латинянка папы, и у жидов, а иные у еллин; но сих подражати нам верным не буди, да не радость тем будет, верным же плачь. Но и у жидов дерзость таковая не бывала, еже звати человеки Херувим и Серафим, кто бо сицевая от верных слышав, паче же видево, не соблазнится и окаянна дерзости исполненного нарицати не будет». Или, например, у него встречается такое замечание: в чине погребения говорится, что иерей «наливает верху мощей елей от кандилы, или сыплют пепел от кандилницы и тако покрывают гроб, — и посему их мудрованию ушто едину силу имут елей от кандилы и пепел от кандилниц? И мнози облазлившиеся в правду, ум иступивших нарицают сице мудрствующих и глаголющихся быти мудри обьюродевших, и сице облазлившихся презрети ли подобает?» Или, например, сличая чин погребения священников в новом требнике с киевскими, замечает: «прочия же 12 икосов смеха и мятежа полны и неведомо откуда взяты, и св. апостол и св. отец разуму и мудрованию отнюдь противны, и мню, яко враг церкви некто сия

расположивый, строя пагубу душам Христова стада, – кто бо от богословцев таковая мудрствова когда?»

Во второй серии вопросов епископ Александр указывает на неисправности и погрешности и в прежних печатных московских требниках 7131, 139 и 159 годов, находит в называемой Кирилловой книге разные погрешности и даже «оригеновой ереси «мудрование», и, наконец, одинаково осуждает потребники и Никона, и Петра Могилы. Он говорит: «Петра Могилы мудрование» в потребнике его напечатано имя Господа нашего Иисуса Христа – Иисус, такожде и в московском Никонове потребнике, – Петр Могила и Никон оба в сем поблудиша, и не в сем точию, но апостольские и евангельские речи перебили, един другого злейши, такожде в молитвах и в ектенях отнюдь согласия несть, ни с прежними московскими печатными потребники, ни Петра Могилы с Никоновым». Или, например, такое замечание: «како самые Спасовы слова, и апостольския и отеческия, Петр Могила и Никон смеют превращати?» Он прямо и решительно защищает старообрядческие мнения: зачем, например, напечатано «несотворенна», вместо прежняго: «а несотворенна»; и в Духа святого Господа животворящего, с пропуском «истиннаго», вместо: «несть конца», напечатано: «не будет конца».

Итак, вятский епископ Александр находит неисправными не только никоновские новоисправленные книги, но и южно-русские – Петра Могилы, и даже некоторые московские, напечатанные до Никона. Откуда же, по его мнению, «привзошли погрешности и преврати» в никоновские новоисправленные книги, и как же бы следовало, и с каких именно книг исправлять погрешности в печатных московских книгах? Ответ на это епископ Александр дает в 20 вопросе первой серии, где он сличает чин погребения священника никоновского потребника с киевским. Здесь он говорит: «что много глаголати: во всяком стихе несогласия и преврати, у многих стихов концов нет, а во инех в середине многих речей нет, весь чин превратов исполнен и с киевским несогласен. Много паче препамятovati лепо блаженные памяти святейшего Иосафа патриарха московского и всея Росии, он убо сие священническое погребение отложил, и недействительно

показал, Еремы болгарского попа еретика мудрование сие нарек. И в лепоту и нам не преходити предел и своя комуждо не мудрствовати, но исправляти право истины. Правое убо ли откуду показатися имать, аще со древними согласно не будет, – новый же сей потребник ни с киевским, ни с прежними нашими московскими согласия не имать. Откуду убо явится истинна? Зане мы в Венеции печатанных книг греческих огребатися должны есмы, и в неволи живущим греком у латинников и у еллинов, обычаев и чинов приимати несмы должны, но просветившего нас святым крещением равноапостольного, благоверного великого князя Владимира, нареченного во святом крещении Василия, благия нравы подражати, и при нем и по нем церковным учителем, и преподобным и богоносным отцем, в знамениях и чудесех просиявших в великой Росии, последовати, и благия их нравы и чисти и равноангельское житие подражати, тако же и чины и предания их должны есмы хранить, яко от самого Бога свидетельствованныя. Древняя же греческие книги, ихже прият благоверная княгиня Ольга, нареченная во святом крещении Елена, баба Владимирова, от Фотия патриарха цареградского, такоже и Владимир, их же прият от цареградского патриарха и от корсуньского епископа, приемлем. Много паче последуем словенскому учителю блаженному Константину философу, нареченному во мнишеском чину Кириллом, и брату его Мефодию, епископу моравскому, и приведенные теми великими и святыми отцы святыя книги от греческого языка на словенский, лобызаем и на них утвердимся, непоколебимое убо те нам святыя книги утверждение, ихже крепко взыскати должни есмы, такожде и святое евангелие, вверженное во огонь и не сгоревшее вначале просвещения Росии, взыскати лепо и тем святым книгам последовати, а не в Венеции печатанным от еретик. Откуду убо мнящимся премудрым ослепление таково? Яве, яко от небрежения спасения своего, от растленного жития: вси бо мнящийся столпи настоящего сего времени друг со другом в чинех церковных согласия не имут, у каждого бо их свое мудрование, отнюдь смиренномудрия чужее, вся бо каждо гоним тщеславию виновное, и яко да века сего покоя и славы и

честь не отпадем, Христово же стадо небрежем и о спасении тех не промышляем, зане смущающихся тех о несогласии церковном духом кротости исправить не тщимся, но в своих обычаях утверждаемся, ратующе Христово стадо, древняя же церковные чины отметающе и новой необычно начинающе, вредим их же лепо пользовати».

Таким образом, по мнению вятского епископа Александра, русские церковные книги никак не следует исправлять по еретическим венецианским изданиям, как это делал Никон, не следует и русские церковные чины и обряды исправлять по современным греческим, как это опять делал Никон и его продолжатели. Для русских руководством в их религиозной жизни должна служить, по мнению епископа Александра, исключительно своя родная, святая старина: можно верить и греческим книгам, но только тем, которые были привезены на Русь еще святыми Ольгой и Владимиром, а лучше исключительно утвердиться на книгах, которые переведены на славянский язык святыми братьями Кириллом и Мефодием. В жизни и нравах следует подражать святым угодникам «в знамениях и чудесах просиявшим в великой России»; следует «и чины и предания их хранить, яко от самого Бога свидетельствованныя», а не менять их на сомнительные современные греческие. Тем более необходимо поступать так, что изменяющие теперь русскую церковную старину, чины и обряды, эти «мнящийся столпи настоящего сего времени», сами «друг со другом в чинех церковных согласия не имут», ибо отвергнув родную святую старину, которой бы им следовало твердо держаться, они потеряли под собою твердую надежную почву, благодаря чему у каждого из них явилось «свое мудрование, совершенно чуждое смиренномудрия», они, побуждаемые тщеславием, заботятся по преимуществу о том, «яко да века сего покоя и славы и чести не отпадем». Многие «от верных» соблазняются «вправду» новоисправленными книгами и сильно смущаются возникшими церковными несогласиями, так как новоисправленные книги действительно заключают в себе много поводов к соблазну, а между тем пастыри церкви вовсе не заботятся исправлять таких

смущающихся «духом кротости», а только «ратуют Христово стадо», вредят тем, «их же лепо пользовати». Ввиду этого епископ Александр желает, чтобы собор уничтожил в новоисправленных книгах все превратное и соблазнительное, и чтобы это новое исправление книг совершилось «благим советом соборне», так как «дерзостию творимое не твердо, но блазнено воистину и смущению виновно, советом же исправленное – пользует». Очевидно, что этими своими заявлениями о недостатках церковной реформы Никона епископ Александр как нельзя более сближался с воззрениями и заявлениями принципиальных противников церковной реформы Никона, которые поэтому оказывали ему свое особое расположение, охотно списывали его вопросы и, со своей стороны, пользовались его расположением²⁶¹. Но в то же время, между ними и Александром было и существенное различие, именно: хотя Александр и признавал серьезные недостатки в книжных исправлениях Никона, однако не находил эти недостатки настолько важными, чтобы ради их погибло православие на Руси, чтобы из-за них следовало отделяться от церкви, или, чтобы ради их признать Никона и его последователей еретиками, с которыми не следует общаться. Кроме того, Александр находил неисправными не только книги, напечатанные при Никоне, но и книги, напечатанные при его предшественниках, почему и желал, чтобы все наши книги вновь были исправлены, но обязательно на соборе, общим советом, а не единолично. Само собою понятно, что возражения епископа Александра против новоисправленных книг, хотя относительно и сдержанные, должны были, однако, производить и на православных, т. е. уже принявших новоисправленные книги, очень сильное впечатление, так как нападение на никоновские книги исходило от православного епископа, который не только находился в полном общении с церковью, управлял самостоятельно целой епархией, но и был одним из выдающихся иерархов, отличавшийся, как видно, недюжинным умом, начитанностью, горячей ревностью о благочестии и высоким, сравнительно, пониманием своих архипастырских обязанностей.

Кроме вопросов вятского епископа Александра до нас дошло еще «Обличение на Никона патриарха», написанное после его удаления с кафедры одним из русских архиереев. Обличение состоит из тридцати статей и подано было государю в виде челобитной от лица русских архиереев. В четвертой статье обличения говорится: «отнележе бо он, Никон, начат вводити смущения догматы, не имамы чисты молитвы к Богу». В двадцать первой статье говорится: «кого бы от архиерей и святых отец единомудрствующих имея с собою Никон? Ей, никого». В статье двадцать пятой: «благочестивый царю! Он, Никон суемудренный, смысли, учим воистину древним человекоубийцею диаволом, и с ним советуя всегда, реях, ко отчаянию привести тщася и всех погубити хотя». Но особенно для нас важна и интересна последняя – тридцатая обличительная статья. «Пишет Никон, о благочестивый царю, заявляет обличение, что оных трех иноков проклял, будто они наругаются исповеданию православные веры, присланного ему от святейшего Паисея, цареградского патриарха; и во святей-де литургии в божественных таинствах недоверуют и недружбы чинят против того, что он исправил думою и благословением святейших вселенских патриарх, а во благости де своей никогда же хотел ни прибавить, ни убавить от церкви, опроче правил св. апостол и св. отец; еже есть: Кормчую книгу в тиснении печатном перебил и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроил; един выход был, а самый несогласный: и с которые будто и печатаны, и с тою несходны. Также и прочие книги, при патриаршестве его тиснением печатным изданные, мятежа и смущения исполнены, и 6-бо выходов служебников мудрования его сами в себе согласия не имут. Но и скрижаль духовная сама в себе несогласна, существа перебиты, а толкованием с нашими древними печатными служебниками во многом несходно. Да аще он, Никон, от цареградского патриарха Паисея вере научился и исправити потщася: царствующего града Москвы благочестивии и христолюбивии цари и великие князи, и князи и боляра, и преже его бывшие 5 патриархов, и преосвященные митрополиты, и архиепископы и епископы, священноархимандриты и игумены, протопопы, иереи

и диаконы, и святых великих обителей» и прочих монастырей мнихи, пачеже и старцы, и христолюбивый российский народ, – ушто до него, Никона, неправо веровали и безкровную жертву Господеви всегда приносили туне? Оле дерзости и бесстыдия! Ненасытився, убивая верных душ, глаголет, яко исправляя и не хотящих последовать его прелестному мудрованию, проклиняет. Не ново убо начинающе святии они старцы, но древнее святых отец предание утвержающе, верных души от смущения соблюдати тщащися. Глаголяй же, яко не хотел прибавить, ни убавить, опроче правил святых апостол и святых вселенских соборов, приказывал: как ни есть, только не по-старому. О книгах убо, благочестивый царю, что извещал преосвященный Паисия (т. е. Лигарид) тебе, благочестивый царю, которые от многих стран собраны, заперты безпожиточно, – пишет Никон, что в ево далняя монастыри отвезены, – не в царствующем граде Москве. Почто, христолюбивый царю, попусти сице, – не реку человеку, но зверю, и ни малого добра смыслившу святей церкви и державе царствия твоего?»²⁶²

Вот что заявляли русские архиереи царю Алексею Михайловичу по поводу церковной реформы Никона, как они представляли это дело себе и старались в челобитной разъяснить царю, как ему следует смотреть на церковно-реформаторскую деятельность Никона; она, по их мнению, во всех отношениях есть деятельность преступная, как наносящая непоправимый вред русской правой вере и русскому истинному благочестию, и потому заслуживает не признания и одобрения, а полного отрицания и осуждения со стороны всех истинно верующих и благочестивых людей. Между указанными воззрения русских иерархов на церковные исправления Никона и воззрениями тогдашних принципиальных защитников русской церковной старины, трудно найти какое-либо различие: русские иерархи – челобитчики и защитники старины слились в этом отношении в нечто однородное и неразличимое по своему существу. Справедливость, однако, требует сказать, что приведенная нами челобитная русских архиереев государю, в которой они решительно осуждают все Никоновские церковные исправления, как несостоятельные и очень вредные для церкви,

была написана архиереем – заклятым врагом Никона – тем же вятским епископом Александром, которым были написаны и приведенные нами выше вопросы, направленные против книжных исправлений Никона и предназначенные Александром для прочтения на соборе 1666 года. Правда, Александр говорит в челобитной от имени всех архиереев, но несомненно, что тогда были архиереи, которые никак не могли согласиться с воззрениями Александра на реформы Никона, так как они были горячими и убежденными поклонниками всех никоновских церковных исправлений. Такими сторонниками и защитниками реформ Никона были тогда, нам известные, крутицкий митрополит Павел, рязанский архиепископ Иларион и, конечно, другие. Но, с другой стороны, несомненно и то, что епископ Александр был не один, что между тогдашними архиереями и у него были сторонники, которые, по крайней мере, в первое время после оставления Никоном патриаршей кафедры, отрицательно относились не только лично к Никону, но вместе и к его реформе. Поэтому Александр и мог в своей челобитной государю говорить, если не от лица всех, то от лица известной группы тогдашних архиереев.

Таким образом, некоторые русские архиереи, по крайней мере вначале, относились отрицательно к грекофильской реформаторской деятельности Никона, и это свое отношение к реформе, которое они по страху скрывали во время патриаршества Никона, после оставления им кафедры, уже открыто, в лице вятского епископа Александра выражали публично и даже в особой челобитной государю.

Отрицательное отношение к новопечатным никоновским книгам в приходском духовенстве и в монастырях сначала было почти всеобщим, хотя только у некоторых, и даже очень немногих лиц, оно проявлялось сознательно, как сопротивление предполагаемому еретичеству, внесенному будто бы Никоном в новоисправленные книги. У большинства же, как белого приходского духовенства, так и черного монастырского, новоисправленные никоновские книги встретили или открытое, или молчаливое – пассивное непризнание по мотивам чисто практическим, не имеющим прямого отношения к правоте верию

или неправоверию. Дело в том, что тогдашнее белое и черное духовенство, особенно духовенство сельское и рядовое монастырское, было в своем большинстве малограмотно, оно с трудом и со значительными усилиями приучалось кое-как брести по привычным книгам, исправлять по ним церковные службы, и всегда готово было сильно споткнуться и даже совсем остановиться, если привычную книгу заменить другой, отличной от старой. И от таких-то малограмотных лиц вдруг потребовали, чтобы они отправляли все церковные службы по новым книгам, к которым они, в виду своей малограмотности и привычки к раз усвоенному, не знали, как и пристать. Им теперь приходилось переучиваться, отвыкать от затверженного ранее и твердить новое. Дьякон Федор, как очевидец, рассказывает, что когда по рекомендации Павла, митрополита Крутицкого, ставили в архиереи на Вологду игумена Свирского монастыря Симона, то он, при чтении символа, неожиданно прочел по-старому: «рожденна, а несотворенна». Тогда, повествует Федор, «нехоте его царь поставити во архиепископы; озрелся, стоя, на Павла митрополита оного, и с яростию пыхнул, рек: ты мне хвалил его; не хочу его аз! И поиде с места своего. Павел же льстец припаде к нему и рече ему с клятвою: никак, государь, несть в нем того, но промолвился. И повелеша Симону паки символ глаголати. Он же справил речь ту по-новому речению. Царь же возвратися на место, и поставиша его во архиепископы»²⁶³. Если уже кандидат в архиепископы, значит человек, по тогдашнему времени, более образованный, при своем ставлении, несмотря, конечно, на тщательную предварительную подготовку, все-таки в чтении символа сначала сбился на привычное старое, то чего же можно было требовать от лиц малограмотных, какими в то время были почти все сельские священно и церковнослужители и рядовое монастырское монашество. Для многих из них читать и служить по новоисправленным книгам было просто не по силам, они не умели, да и не могли перейти на новое, а потому по необходимости крепко держались за старое. В соборном приговоре соловецких иноков, в июне 1658 года, говорится: «во обители, по преданию чудотворцев, преподобного Зосимы и

митрополита Филиппа, как был игуменом в Соловецком монастыре, и как прежние игумены исстари служили, повыкли и мы божественные литургии служить по старым служебникам, по которым мы и сперва учились и привыкли. А ныне и по тем служебникам мы, старые священники, очередей своих недельных держати не сможем, а по новым служебникам для своей старости учитьца не сможем же, да и некогда, – которое и учено было и того мало видим. А которые мы священники и диаконы маломочны и грамоте ненавычны и к учению косны, по которым служебникам старым многие лета учились, а служили с великою нуждею и Бога славили, а по новым книгам служебникам, что прислал из Колмогор старец Иосиф, нам – чернцом косным и непереимчивым – сколько ни учиться, а не навикнуть, лутчо будет с братьею в монастырских трудах быти»²⁶⁴. Бывший строитель Лысковского Покровского монастыря Авраамий на соборе 1666 года заявлял, что доселе он служил по старым служебникам, а не служил по новоисправленным служебникам для того, что «обык по старым служебникам служить, а символ веры по се время говорил по-прежнему», но впредь обещается служить по новоисправленным книгам²⁶⁵.

В то время как значительная часть малограмотного – «косного и непереимчивого» духовенства решительно заявляла, что ему «сколько ни учиться, а не навикнуть» отправлять службы по новоисправленным книгам, в это время всеми уважаемые и авторитетные лица, известные самому царю и им чтимые, открыто и решительно стали уверять и всюду проповедовать, что новые книги Никоном не исправлены, а только испорчены, что в них внесены разные ереси, что в интересах сохранения православия на Руси, в интересах своего личного спасения, каждому нужно крепко держаться именно старых книг, старых обрядов и чинов, что нужно обязательно отвергнуть все новое, введенное Никоном, как еретическое измышление, – словом они учили, что переменять в старом ничего не нужно, никак не следует и учиться новому, как губельному для правой веры и истинного благочестия. Этот призыв – крепко держаться старого и отвергать все новое, как нельзя более соответствовал настроенности малограмотного

духовенства, решал жгучий и жизненный для него вопрос в самом желательном и благоприятном для него смысле, вполне оправдывал его в собственных его глазах, так как убеждал его, что противление новому и удержание старого не есть проявление его малограмотности и косности, а дело высокое, богоугодное и спасительное. Так под сопротивление малограмотного невежества положена была высокая идея – охраны правой веры и истинного благочестия. Теперь невежды подняли опущенную было голову, они подвысились и, так сказать, облагородились в своих собственных глазах, так как иное дело – держаться за старое в силу малограмотности и косности, и иное – во имя спасения русского неповрежденного православия и истинного благочестия от гибели, – из малограмотных невежд они превращались теперь в героев, призванных спасти и веру и отечество. – Никон и продолжатели его дела, уже по своему официальному положению, должны бы были хорошо знать и понимать, с каким материалом, в лице большинства тогдашнего духовенства, они имеют дело, когда, рассылая новоисправленные книги, они требовали, чтобы духовенство служило только по ним, тогда как всякому сколько-нибудь знавшему тогдашнее наше духовенство ясно было, что в значительном большинстве оно не станет служить по новым книгам единственно только потому, что по своей малограмотности оно не сумеет отправлять по ним церковных служб, и потому всячески будет держаться за старые привычные для него книги.

Введение новоисправленных книг в церквях не могло совершиться быстро и скоро даже по материальным, так сказать, причинам, безотносительно к тому, желало или не желало принимать их и следовать им тогдашнее духовенство. Церквей – соборных, приходских, домовых, монастырских, а также часовен, заменявших собою во многих местах церкви, было у нас очень много, а средства единственной тогда у нас правительственной московской типографии были очень ограничены; она могла, за другими работами, выпускать новоисправленные книги только в небольшом относительно количестве экземпляров, так что требовалось очень и очень

много времени, чтобы новоисправленных книг хватало на все тогдашние церкви и чтобы все они могли ими обзавестись. С другой стороны, книги тогда были очень дороги и для бедных церквей приобретать целый круг новопечатных церковных книг часто было не под силу, а потому по необходимости многие церкви очень долго продолжали пробавляться имевшимися в них прежними старыми книгами. Нижегородского Лысковского Богородичного монастыря черный поп Авраамий, на соборе 1666 года, «прощения просил, что он новоисправные печатные книги не держал скудости ради»²⁶⁶. Естественно, что тогда немало было и таких священников, современников Никона, которые успели умереть, не имея даже случая увидеть новоисправленные книги; естественно, что очень долгое время и после реформы Никона во многих церквях, особенно сельских и захолустных, церковные службы продолжали совершаться по старым книгам единственно потому, что не было под руками новоисправленных книг.

В самой Москве, даже в Кремле, т. е. на глазах царя и всех высших церковных властей, в некоторых церквях еще продолжали употреблять старые книги вплоть до самого решения этого вопроса собором 1666 года. Игуменья Вознесенского в Кремле монастыря, Маремьяна Пальчикова, в челобитной государю 1666 года заявляла: «по твоему, великого государя, указу и по соборному уложению, указал ты, великий государь, везде по монастырям и по прихоцким церквам, по-новому соборному уложению, в церквах по книгам петь и честь, по-новому соборному уложению, на речь. И мы, нищие царские твои богомольны, по книгам говорили по-старому, а пели обедни и всякое пение по-новому, а книг, государь, твоего царского жалованья к нам новых в Вознесенский девичий монастырь в прежние годы не пресыловано. А в нынешнем, государь, во 174 году, по твоему, великого государя, указу присланы к нам в монастырь книги по-новому твоему, великого государя, соборному уложению к священницам, и те, государь, священницы и крылошанки по книгам по старым и по новым говорят: а заповеди и заказу от тебя, великий государь, к нам в девичий Вознесенской монастырь об этом не бывало, что по

старым книгам не говорить»²⁶⁷. На соборе 1666 года черный поп Фаддей показывал: «года де тому с два, или больши, был он в нижегородском уезде в селе Лыскове в монастыре пречистые Богородицы Казанские у строителя черного попа Аврамия в келье, и в разговоре похвалял книги новоисправной печати, и тот де черный поп Авраамий против того говорил: и старые книги добры, ведь де они свидетельствованы ж, *и на Москве по новоисправным книгам не все служат, – еще де не установилось*, да и патриаршь де казначей, старец Тихон, не вовсе за новоисправные книги *приниматца велит*». Другой старец, Гавриил, показывал, что когда он уговаривал Аврамия держаться новоисправленных книг, тот ему на это ответил: «не един де я так служу (т. е. по старым книгам), как де во всех церквах будут служить (по новым книгам), тогда де и я буду». В 1657 году в Соловецкий монастырь были присланы новоисправленные книги. Получив книги, монастырские власти никому не показали их, а сложили в казенную палатку, где книги спокойно и лежали, а службы продолжали отправляться по-прежнему – по старым книгам, и никакая власть этому не препятствовала. Соловецкий старец, Герасим Фирсов, на соборе 1666 года показывал: «по новоисправленным служебникам в Соловецком монастыре не служил для того, что великого государя указу не было». Бывший соловецкий архимандрит Варфоломей тоже на соборе 1666 года показывал: «а кресты де на просвирах в Соловецком монастыре и до ныне по-старому, и о том де к ним указу не бывало». Только после собора 1666 года последовал в Соловецкий монастырь указ об обязательном отправлении всех церковных служб исключительно по новоисправленным книгам, что и повело к возмущению соловецких монахов²⁶⁸.

Если в самой Москве, после удаления Никона, с новоисправленными книгами «еще не установилось», почему благоразумные московские духовные лица, спрашивавшим их провинциалам, «не вовсе за новоисправные книги приниматься велят», если в Москве, и даже в самом Кремле, по-прежнему беспрепятственно еще продолжали служить по старым книгам и царского указа о замене их новыми не было; то каких-либо

особых специальных мер о замене старых книг новыми, конечно, не предпринималось архиереями и в их епархиях, – служили, кто как хотел: или по-новому, или по-старому, большинство, понятно, по-старому. Из дошедших до нас архиерейских грамот видно, что епархиальные архиереи, до собора 1666 года, вовсе не настаивали на том, чтобы в их епархиях обязательно служили по новым, а не по старым книгам. В 1658 году вологодский архиепископ Маркелл предписывает наблюдать соборному протопопу, «чтобы в церкви Божии всякое пение пели и говорили единогласно», причем вовсе не говорит того, чтобы пение в церквях совершалось по новоисправленным книгам, о последних грамота совсем умалчивает. В 1660 году в царской грамоте новгородскому духовенству предписывается: «и вы б – архимандриты, игумены и протопопы – приходских всех церквей попом и дьяконом и всяких чинов людям приказывали с великим рассмотрением и подкреплением, чтоб во всех церквях Божиих божественное пение было единогласно, со страхом Божиим». Об обязанности петь по новоисправленным книгам опять не упоминается. В 1661 году новгородский митрополит Макарий, в грамоте к архимандриту Тихвинского монастыря предписывает ему сделать крепкий наказ всему духовенству, «что б пели и говорили по всем святым Божиим церквам единогласно, а не во многие гласы». О новоисправленных книгах не упоминается. Это неупоминание грамот до 1666 года об обязанности духовенства отправлять службы именно по новоисправленным, а не по старым книгам, было не случайностью, а естественным последствием и обнаружением общей неуверенности принятия церковью новоисправленных иконовских книг, неуверенности, которая прекратилась лишь со времени собора 1666 года, что сейчас же и отразилось в последующих архиерейских грамотах. Так, новгородский митрополит Питирим в 1671 году предписывает учинить крепкий наказ попам и причетникам, чтобы они «пели и говорили единогласно *по новоисправленным книгам*». Тот же митрополит узнав, что «в Вожской десятине духовные поют и говорят не единогласно и по книгам старые печати, а не по новоисправленным» предписывает отправлять

службы единогласно по новоисправленным книгам. В 1683 году устюжский архиепископ Геласий предписывает, чтобы в церквах Божиих «пели и говорили единогласно и наречно, а не мятежно, по новоисправленным наречным книгам»²⁶⁹. Таким образом, как до собора 1666 года, когда относительно новоисправленных книг «еще не установилось», архиерейские грамоты требуют от духовенства только петь единогласно, совсем не упоминая при этом о новоисправленных книгах; так после собора 1666 года наоборот; во всех подобных архиерейских грамотах всегда уже говорится, чтобы духовенство пело и читало в церквах единогласно и обязательно по новоисправленным, а не по старым книгам.

Но что особенно характерно и любопытно; колебания и неуверенность, царившие тогда в русском обществе относительно законности и доброкачественности церковной реформы Никона, поддерживали сами греки, по указаниям и под руководством которых, как мы знаем, Никон производил свои грекофильские реформы. Теперь, по удалении Никона с патриаршей кафедры, некоторые греки перешли на сторону врагов Никона и стали изображать его, подобно старообрядцам, церковным самочинным новатором, нарушителем священной церковной старины и обычаев. Грек иеродиакон Мелетий, посланный государем приглашать восточных патриархов в Москву для устройства русских церковных дел, изобразил Никона пред иерусалимским патриархом Нектарием церковным новатором, почему Нектарий, в своей грамоте государю, от 20 марта 1664 года, между прочим, пишет: «о Никоне же сказал (Мелетий) некоторые важные дела, почти неизвинительные, кои все суть нововведения, которые нам кажутся не очень достоверными... Кир Никон (будто бы) выдумал некоторые новости касательно церковного порядка и желает, чтобы сие против обыкновения принято было»²⁷⁰. Ввиду таких представлений о Никоне, полученных восточными патриархами от царских посланцев к ним – греков, они в своих ответах на царские вопросы, имея в виду сделанные им сообщения о самочинных церковных новшествах Никона, пишут: патриарху не должно «в церковных делах советовать или изменять

древняя узаконения или обычаи, или новая священнослужения вводити в божественную церковь, или изменяти и отдаляти чины святых литургий, разве тех установленных и узаконенных, сиречь: святого Златоустого и великого Василия и прежде священных, но хранити убо правую к царю веру, к церковным же преданиям и обычаем держати ум неизменен и ничесоже обновляти в них»²⁷¹. Но особенно любопытно познакомиться, в чем, между прочим, обвинял Никона сам называвший себя ученым – газский митрополит Паисий Лигарид, игравший тогда при московском дворе особенно выдающуюся роль. В докладной записке государю, в которой он оправдывается от обвинений, взведенных на него Никоном, Паисий перечисляет вины Никона и между ними указывает: «яко новых чинов употребил есть (Никон), древняя чины оставя и отринув»²⁷². Паисию Лигариду царем поручено было составить докладную записку о деле Никона для ехавших в Москву восточных патриархов. Паисий составил эту записку и в ней обвиняет Никона в том, «что он переменял обычаи прежних московских патриархов не только тем, что вместо синих скрижалей стал носить червлёные и что не поминал торжественно вселенского по-прежнему, но и тем, что ввел новые обряды и томы (определения), переоблачался во время божественного тайнодействия (имея восемьдесят саккосов, за одной обедней переменял их до двенадцати). Что б не казаться ниже Бога всяческих, чудовищно придумал он для песнопения служебные чины или лики, назвав некоторых отроков херувимами и серафимами, которые прислуживали ему внутри страшного олтаря, где он чесался перед зеркалом. Из олтаря он сделал преторию, в которой снимал цепи с закованных иеродиакон. Он отменил песни троичные, сложенные патриархом Митрофаном и воспеваемые обыкновенно каждое воскресенье; между тем 2-й канон 6-го собора повелевает песням, слагаемым святыми отцами, оставаться неизменными. Как же не подвергнется *тройной анафеме* Никон, который велел, против порядка церковного, совершать единожды освящение богоявленское, которое велено совершать дважды, а именно: в навечерие и самый праздник... Какой человек рассудительный

будет отвергать, что *Никон нововводитель, когда он поколебал устав и древнее церковное предание?* Он был рукоположен во второй раз, когда сделался патриархом, а двух архиереев, прежде отставленных, снова рукоположил, вопреки 67 канону апостол, отлучающих за такое рукоположение и поставляющего и ставленника... Остается Никону признать одно из двух: или что он никогда не был поставлен в Новгороде, потому что патриарх Иосиф еретик (что ложно и неразумно), или же, что был снова поставлен, *он никогда не был законным патриархом*. Сверх того, поставления им совершенные, не имеют силы, потому что совершены мужем, снова рукоположенным»²⁷³. – А между тем все это о Никоне писано было не каким-нибудь фанатичным и невежественным поборником старины, как естественно было бы подумать, а ученым греком – митрополитом Паисием Лигаридом, писано им по особому поручению царя с целью ознакомить восточных патриархов с личностью и церковной деятельностью патриарха Никона.

Таким образом, после удаления Никона с патриаршего престола, мы встречаем в тогдашнем обществе очень сильное и распространенное течение, отрицательно относившееся к церковно-реформаторской деятельности Никона, стремившееся признать ее во всех отношениях несостоятельной и даже вредной и губительной для церкви. Эти отрицательные взгляды на реформу Никона исходили не от одних только принципиальных противников новых церковных порядков, но были распространены и в церковно-православной среде, и не только между низшим белым и черным духовенством, но и между архиереями и даже между учеными греками, в то время проживавшими в Москве. Смута, неуверенность и колебания, существовавшие тогда в обществе относительно признания или непризнания церковных реформ Никона, резко проявляли себя прежде всего в тогдашней церковно-богослужебной практике.

Реформы Никона круто подорвали прежние привычные церковно-богослужебные порядки, в первое время не дав, однако, на место старого чего-либо прочного и всеми признаваемого нового: старое и новое вступило в ожесточенную

борьбу между собою за право существования, причем в одних случаях побеждало старое, в других – новое, часто новое и старое своеобразно – пестро перемешивалось между собою и никто хорошо не знал, чего следует держаться: один тянул в одну сторону, другой – в другую, третий думал совместить и то и другое. В отправлении ежедневных церковных служб всюду проявилась беспорядочность, крайняя во всем неустойчивость, соблазнительное разнообразие и произвол отдельных лиц. Сам Никон на упрек, сделанный ему в 1663 году Паисием Лигаридом и Одоевским: зачем он издал три служебника и все они разнятся между собою? ответил: «ныне-де поют так, кто как хочет, а то-де чинится от непослушания». Царь Алексей Михайлович, в своем повелении в 1662 году о созвании по делу Никона собора и о приглашении на него восточных патриархов, говорит: «Никону убо отшедшу и пребывающу в новопостроенных от него обителях, о вдовстве ее (церкви) не радящу, также и о несогласии церковного пения и о службе божественные литургии и о иных церковных винах, которые учинились при бытиях патриаршества его, и потому действуются и до ныне, и от того ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местах и расколы». Посланный царем на восток подъячий Перфилий Оловеников, от имени государя говорил иерусалимскому патриарху Нектарию: «на Руси митрополиты, архиепископы, и епископы и весь церковный чин в несогласии, в церквах Божиих служат всякий своим нравом»²⁷⁴. Вятский епископ Александр в челобитной государю пишет: «вси мнящийся столпи настоящего времени друг с другом в чинах церковных согласия не имут, у кождо бо их свое мудрование... смущающихся о несогласии церковнем, духом кротости исправить не тщимся, но в своих обычаях утверждаемся, ратующе Христово стадо, древняя же церковные чины отметающе и новый необычно начинающе, вредим, их же должно пользовати»²⁷⁵. Соловецкий архимандрит Варфоломей заявляет, что когда он ехал в Москву, то, «по грехам нашим, после моего поезду к Москве, учинилась в монастыре, в братье и мирских людях, великая смута, будто священники и диаконы почали службу служить не так, как было

при мне, архимандрите, и в службу ввели чины нововводные, и подаяние божественных и животворящих тайн, тело Христово, учили подавати священники священником и дияконом иной с северную страну, а иной с летнюю страну, и о том у них в церкви Божии и в олтаре во время божественные службы и святого причащения стала смута и вражда велия»²⁷⁶. В «повести о блаженной жизни преосвященнейшего Илариона митрополита суздальского» рассказывается, что когда Никон разослал приказ служить по новоисправленным книгам, то преподобный, бывший в то время настоятелем Флорищевской обители, «зело усомневашеся о том, глаголя: писано есть: аще кто прибавит или убавит, анафема да будет, и начат о том со слезами ко Господу Ногу молитися прилежно, да ими же весть судьбами откроет ему о сем... Бог же не презре моления раба своего, откры ему сицевым образом»: когда Иларион решился отслужить по новоисправленным книгам одну обедню, и, по окончании ее стал вытирать губою святой патир, то увидел, что внутри патира выступила кровь, «выступила та же кровь и на внешнюю сторону патира». Тогда недоумевающему о явлении Илариону был глас: «елико крови обретесе внутри чаши, толико и на внешней стране чаши; тако разумей и о исправлении книжном и о прочем: аще по прежним, или по новоисправленным служебникам, обаче ни чим же новоисправленная служба меньше первая». Уверившись таким чудесным образом в одинаковом достоинстве новоисправленных книг со старыми, Иларион не только сам стал служить по новым книгам, но и требовать того же от своих учеников. Одни повиновались ему, «овии же упорством многим возразишася, и даже до смерти совещаеся в своем упорстве стояти, укоряюще самого преподобного, якобы самому ему с правого пути совратимся, глаголюще ему со укоризною: яко самому тебе прежде учить нас даже до смерти о сем стояти. Преподобный же некоего ученика – Пестяковца проста и письма не умеющего, многим постом и поклонами и плинфы на выю его повесивше, смиряше»²⁷⁷. Но подобного чудесного уверения в одинаковом достоинстве старых и новых книг удостоивались,

конечно, очень и очень немногие, большинство же колебалось и не знало, чего ему следует держаться.

Очень живую и яркую картину нестроений, колебаний и пестроты в отправлении разных церковных служб рисует нам современник – суздальский священник Никита Добрынин (Пустосвят) в челобитной государю. «Во многих градах твоя благочестивые державы, наипачеже в селех, пишет он государю, церкви Божии зело возмущены, еже есмь много ходах, и не обретох дву, или трех церквей, чтобы в них единочинно действовали и пели, но во всех разнствие и велий раздор: в той церкви по книгам Никоновым служат и поют, а в иной по старым, и где на праздники, или на освещение церкви, два или трое священников литургию Божию служат, и действуют по разным служебникам, а иные точию возгласы по новым возглашают, и всяко пестрят. Наипачеже в просфиромисании священнодействуют и просфиромисают семо и овамо: овии от них по старине агнец Божий прободают, инии же – по никонову толкованию, в другую страну, и богородичну часть с девятью частями полагают, а прочий части выимают и полагают, что и сказать неведомо как, – овии от них троеугольно части внимают, инии же щиплят копием и части все смешают в груду. Ктому и диаконы со иереи не согласуются: ов священнодействует по-новому, а другой по-старому. Инии же священники, против 52 главы никоницкие книги, велят дьяконом агнец выимати. И о том в смятении вси. Такожде и певцы меж собою в несогласии: на клиросе поют тако, а на другом инако. И во многих церквах служат и поют ни по новым книгам, ни по старым. И евангелие и апостол и паремии чтут и стихеры кананархистают ни греческим, ни словенским согласиём: понеже старое истеряли, а новое не обрели. И священнотаинственная Божия служба и весь чин церковный мнется: одни служат и поют тако, инии же инако, или – ныне служат тако, а наутрие инако. И указуют на никоновы печатные книги и на розные и непостоянные указы. Такожде и в прочих во всех службах раздор и непостоянство... И во всем, великий, государь, в христоименитой вере благочестивого твоего государства раскол и непостоянство. И от того, великий государь, много христианских душ, простой чади, малодушных

людей, погибает, еже во отчаяние впали и к церквам Божиим пооскуду учили ходить, а инии и не ходят, и отцев духовных не учили иметь»²⁷⁸.

Не только в церковных службах, но даже в самой, одежде архиереев, священников, дьяконов, а также и иноков, явилось, со времени реформ Никона, разделение и разнообразие: одни из духовных одевались по-старому, другие по-новому, треть и просто по-мирски, что невольно всем резко бросалось в глаза, вызывало недоумения, разные толки и соблазн. Священник Никита пишет царю: «богомольцы твои, святителие Христовы, меж собою одеждою разделилися: ови от них носят латынские рясы и новопокройний белый клобук на колпашных камилавках, инии же, боясь суда Божия, старины держатся. Тако же и черные власти и весь священнический чин одеждою разделилися ж: овии священники и дьяконы ходят в однорядках и скуфьях, инии же по иноземски в ляцких рясах и в римских, и в колпашных камилавках, а иные, якож простые людины, простоволосы ходят и шапку с соболем с заломы носят; а иноки не по иноческому чину, но – полячки – без манатей, в одних рясах, аки в жидовских кафтанах, и римских рогатых клобуках». По этому поводу Никита делает такое замечание: «в том странном одеянии неведомо – кое поп, и кое чернец, или певчий дьяк, или римлянин, или лях, или жидовин»²⁷⁹. Соловецкие иноки пишут государю: «святительский белый клобук, из Риму принесенный, иже от самого Господа нашего Иисуса Христа на прославление истинного нашего православия русийскому царствию преданный, переменили, а священнический и иноческий чин до конца обругали: попы мирские, яко никонова предания ревнители, нарицаемии никониане, ходят по римски без скуфей, оброслыми главами и волосы распуская по глазом, аки павы, или опалные тюремные сяделцы, а иные носят вместо скуфей колпаки черные, и шапки кумыцкие, и платье все не русское же; а чернцы ходят в церковь Божию и по торгом без манатей, безобразно и бесчинно, аки иноземцы, или кабацкие пропойцы, не по преданию святого Василия Великого». Инок Авраамий про современных ему архиереев пишет; «одеющаяся в брачная цветная одеяния, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы

широкими, рогатыми клобуки себе и атласными украшающе, скипетры в руках позлащены имуще, воцаритися над людьми хотяще, параманды також златом вышивающе. Се есть монах! се есть учитель! се есть премудр! се есть наша вера! Таковии суть ныне законоучители – блазнители прелестницы!»²⁸⁰. Тяжелое наследство оставил Никон своему бывшему «собинному» другу – царю Алексею Михайловичу. Все в тогдашней нашей церковной жизни, сверху донизу, находилось в полном смятении и как бы разложении, ни в чем ее было устойчивости, определенного порядка и прочности, все как бы шаталось, всюду видны были только рознь, раздоры, взаимная ненависть и борьба. Общая нелюбовь лично к Никону перешла и на его реформу: большинство, как мы показали, относилось к ней отрицательно, сами архиереи сначала видели в ней только личное дело одного Никона, только проявление его патриаршего самовластия и самочиния. Даже ученые греки смотрели на Никона, за его церковно-реформаторскую деятельность, как на опасного новатора, как на разорителя вековых священных традиций и обычаев, достойного за это всякого порицания и осуждения. Казалось, что наступило время, когда должны были сбыться слова Иоанна Неронова, некогда сказанные им Никону патриарху; «что ты един не затеваешь, то дело некрепко; по тебе иной патриарх будет, все твое дело переделывать будет: иная тогда тебе честь будет, святой владыко»; казалось, что возвращение к дониконовским церковным порядкам действительно было бы, при тогдашнем состоянии умов, самым подходящим выходом из запутанного положения церковных дел, так как оно вполне соответствовало бы желаниям и настроенности значительного большинства тогдашнего общества и, по-видимому, способно было внести в него необходимое умиротворение и успокоение. Дело с реформой Никона, казалось, висело на волоске. Но реформа Никона, однако, не погибла, так как весь дальнейший тот или другой ход этого дела зависел теперь прежде всего и главным образом от царя Алексея Михайловича, который, после оставления Никоном патриаршей кафедры, сделался единственным фактическим управителем всей русской церкви,

почему исключительно именно от него зависело признать или не признать церковную реформу Никона. Как повел это дело и к какому концу привел его царь Алексей Михайлович, это мы увидим из дальнейшего нашего исследования.

Примечания

¹ - Эта челобитная, с очень обстоятельным объяснением, напечатана Н. В. Рождественским в Чт. общ. ист. и древн. расс. за 1902 г. кн. II, отд. IV, стр. 1–31.

² - Челобитные: неизвестного и иконописца Григория напечатаны в приложении нашей книги: Патр. Никон.

³ - Рук. импер. публ. библиот. из собрания гр. Толстого № 258, л.л. 11–120.

⁴ - Впрочем, в суздальской памяти встречаются и некоторые изменения по сравнению с московской, хотя и не особенно значительные. Они касаются прежде всего некоторых отдельных слов, не имеющих значения и происшедших, вероятно, от переписчиков. Но кроме этих случайных изменений в отдельных словах, в суздальской памяти есть против московской и некоторые характерные опущения и вставки, именно: в московской памяти говорится: «а в церкви бы велели говорить голоса в два, а понужде в три головы опроче экзапсалмов, а экзапсалмы бы по всем церквам говорили в один голос». В суздальской памяти говорится: «а в церкви велети говорить голоса в два, а экзапсалмы по всем церквам говорить в один голос»; слова московской памяти: «а по нужде (говорить) в три голоса», в ней опущены. Очевидно архиепископ Серапион, сочувствовавший, вероятно, единогласию, избирает средину: он позволяет говорить в церкви в два голоса, но не позволяет говорить, хотя бы и по нужде, в три голоса, и тем самым, с одной стороны, несколько удовлетворяет сторонников единогласия, а в то же время существенно не расходится в этом пункте и с патриаршей памятью. О нищих в московской памяти говорится: «нищим во время святого пения по церквам ходити милостыни прошати отнюдь не велети же, а велети им стояти и просити милостыни вне церкви, стояти в притворе церковнем, егдаже православнии христиане должны суть подавать им до святого пения, входяще во святую церковь, после пения, исходяще из церкви, подают. А во время святого пения им, в церковь приходя, мятежу и соблазну никакого

отнюдь чинити не велети, а велети им в те поры в церкви Божией стояти и слушати божественного пения такожде со страхом и благоговением, немятежно». В суздальской памяти все это место изложено так: «а нищим шпыням по церквам ходити отнюдь не велеть» – и только. Сравнительно с московской памятью в суздальской есть и некоторые вставки. В московской говорится: «а иные, полагают пелены на блюде и свечи, собирают, рекуще: на созидание церквам; инии же творятца малоумви, а потом их видят целоумных». В суздальской это место изложено так: «а инии, полагают пелевы на блюде и свечи, собирают, рекуще: на созидание церквам, а потом их мнози видят со пьяницами; а инии проданными себя называют и на окуп просят; а иные творяща неистовыми нравы, и потом их видят целоумных». В московской памяти говорится: «чего непострадахом: не пленена ли земля, не взяты ли быша гради, не падоша ли без оружия, не помрошали скоти и не оскудеша ли нивы? И сия вся содеяшася ныне пред очима нашими в наше наказание, и никакоже воспоминаху ся! И тивуну Ивану Манойлову и пр». В суздальской памяти, после слов московской – «и никакоже воспоминаху ся» – находится следующая довольно большая вставка: «и протопопом и священником всякую службу: вечерню и повечерницу, и утреницу, и часы пети в ризах; а которые христиане бороды бреют, и женский пол белятца, и тем заповедать, чтобы впредь того не творили; и которые промышляют кабаками и тяжуются ходя х'крестному целованию, и промеж себя любви не имеют, живут во вражде и прелюбодействе и в блуде, и от таковых в церковь Божию приноса от них не принимать, дондеже обратятся от таких злых дел. Да священником же детей своих духовных во вся воскресения и в праздники наказывать по заповеди Божией жити, и к церкви Божией велеть приходить по часту, чтобы не обленились. Да и самим бы вам протопопом и священником и дьяконом добро пожити к великой духовной крепости и люди учить. Помните какову власть от Бога прияхом: поставлени бо есте Христово стадо пасти словесных овец, православных христиан, а ни злата, ни серебра ради и никаких тленных вещей, но токмо о душах христианских пещися во дни

и в нощи, да како имам ответ воздати Богу во второе пришествие: се аз и дети, яже ми дал Бог». В московской памяти повелевается, чтобы «позорною и бесстыдною бранию... отнюдь бы небранилися, таковыми словесы языка и душ своих не сквернили». В суздальской к этому сделана такая прибавка «и блуда и прелюбодейства отнюдь удалялися, и содомского греха отнюдь блюлися, понеже бо за такие дела Содом и Гомор Господь огнем пожже». Конец московской памяти со слов: «да и самому бы тиуну Ивану Монойлову, да старосте поповскому попу Панкратию велети у себя в тиунской избе сию память прочитати» ... и далее до конца памяти, в суздальской изложен несколько иначе, именно: да и сами бы есть протопопы и священники вся творили по сей памяти, и прочитали бы есте сию память почаству православным христианом, кои к вам в церковь Божию приходят по воскресным днем и по владычным и богородичным и нарочитых святых праздникам, и о том бы накрепко наказывали всех православных христиан. чтобы творили так, как в сей памяти написано, неотложно, с великим утверждением. Также бы и вы, священники, не бесчинствовали и по кабакам не ходили и исправляли бы пение церковное благочинно и не леностно по преданию св. апостол и св. отец и против сея памяти. А старостам поповским по мирским по приходским церквам дозировать почаству того церковного пения и того в себе оплошку не ставити».

⁵ - Рукопись импер. публ. библ. из собр. гр. Толстого, по описанию Калайдовича и Строева, № 258, а по нынешнему библ. каталогу: Отд. II, 21, № 33; л. л. 122–162. Московская память тиуну Монойлову 1636 года напечатана в Акт. Арх. эксп. Т. III, № 261.

⁶ - Мат. для ист. раск. I, 97, 272–273. Забелина: Дом. быт рус. цариц, стр. 451.

⁷ - Мат. V, 122.

⁸ - Подробнее об этом в нашей книге: Патриарх Никон, стр. 14 – 18.

⁹ - Главы: 2, 20, 25.

¹⁰ - В этих видах Стефан Вонифатьевич позаботился, чтобы книга о Вере получила возможно быстрое и широкое распространение среди московского общества, чего он, как мы видели, и достиг: Книга о Вере раскупалась в Москве очень быстро и для того времени в большом количестве экземпляров.

¹¹ - Л. 93.

¹² - Мат. для ист. раск. т. I, стр. 85, 91, 101, 109–110; т. V, стр. 122, 125, 220; т. VI, 197; т. VIII, 44.

¹³ - Предшествовавшая переселению в Москву жизнь и деятельность Неронова подробно изложены нами в нашей книге: Патриарх Никон, стр. 107–113.

¹⁴ - Мат. I, 36, 80.

¹⁵ - Частнее эта деятельность кружка ревнителей подробно указана в нашей книге: Патр. Никон, стр. 117–128.

¹⁶ - Мат. I, 67. Нужно заметить однако, что Неронов представлял из себя некоторое исключение в среде провинциальных ревнителей в том отношении, что он признавал в церковных делах авторитетом восточных патриархов, хотя и не признавал нужды исправления Никоном наших церковных книг, чинов и обрядов. Подробно об этом будем говорить ниже.

¹⁷ - Фактический материал по этому вопросу достаточно изложен в нашей книге: Патр. Никон, стр. 23–39.

¹⁸ - В житии преп. Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, говорится, что иерусалимский патриарх Феофан отправился в Россию «наполняя всех мира и любви, о правой вере и о делах по евангелию Божию созидая, утверждая обоим пределы т. е. великую Россию и малую. К сему же соединяя укреплял единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческого православия, и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». Мы не можем точно указать, по какому именно частному случаю Феофан счел необходимым убеждать русских «единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческого православия, и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися», и что именно в тогдашней русской церковной практике он находил несогласным с старыми законами греческого православия и другими

уставами четырех патриаршеств. Нам известны только два действия Феофана в этом направлении. Когда он, направляясь в Москву, проезжал южною Русью, то нашел в тамошней церкви такой обычай: «в причащении святых и животворящих тайн трикратное подаяние с отделением имен Божиих: Отец, Сын и Св. Дух числением». Феофан осудил этот обычай, как чуждый православной церкви и неблагочестивый (Арх. Юг.-зап. России, т. V, стр. 7). Но тот же самый обычай Феофан нашел и в Москве, почему он и обратился к Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этот обычай, заменив его единокрatным подаянием святых даров, как это делается согласно у четырех патриархов. Настояния Феофана имели успех: «тамошний московский архиепископ, говорит он в окружной грамоте к южно-руссам, за благочестивым царем тот трикратный обычай покинуть обещались» (Рукоп. сборн. библ. Моск. Румян. Музея № 712, л. л. 204 об, – 206). Другой случай – это известное уничтожение из Потребника прилога слова и огнем в молитве на освящение воды в Богоявление, возбуждившее у нас горячие споры, которые были прекращены вмешательством Феофана, признавшего слово и огнем незаконным прилогом, которого нет в старых греческих Потребниках. Вероятно патриарх Феофан обращал внимание Филарета Никитича и на другие какие-либо церковные особенности Московской Руси и настаивал на согласовании их с греческим тогдашним церковным чином и обрядом, чтобы «древних уставов четырех патриаршеств не отлучатся». По крайней мере Филарет Никитич, в одной из своих грамот Феофану (в 1625 году), писал: «да ваше святительство писал к вам и прислал переводы с греческих древних Потребников о освящении богоявленские воды и о прилоге огня и о иных духовных делах, о которых мы, по совету сына нашего государя и великого князя Михаила Феодоровича, всеа Руси самодержца, советовали с тобою, как еси был у нас на Москве, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилоге исправили и утвердили по вашему совету во веки неподвижно» (Большой моск. архив мин. иностран. дел, Греческие дела, 7133 г. № 5). Очевидно, что уже Филарет Никитич, под влиянием советов и убеждений Феофана,

производил частичное согласование русских церковных чинов и обрядов с тогдашними греческими. Очень характерно сказалося отношение патриарха Феофана к тогдашним русским церковным событиям в деле преп. Дионисия архимандрита, так жестоко было пострадавшего за свои книжные исправления. Преп. Дионисий был горячим убежденным почитателем преп. Максима Грека, вполне понимал и одобрял произведенные последним у нас книжные исправления и переводы с греческого, сам ими пользовался, заботился об их распространении, и, при исправлении им Потребника, произведенного по поручению царя, сам справлялся в некоторых случаях с греческими книгами, и таким образом он принадлежал к редким тогда у нас грекофилам, почему, как справщик, и обвинен был в порче русских церковных книг, и подвергся несправедливым жестоким преследованиям. Патриарх Феофан, познакомившись в Москве с этим делом, энергично вступился за преп. Дионисия, постарался добиться оправдания не только его лично, но и признания правоты совершенных книжных исправлений, чего вполне и достиг, благодаря воздействию на своего ставленника Филарета Никитича. Но этого мало. Прибыв в Троице-Сергиев монастырь, Феофан особенным образом выразил свое чрезвычайное уважение и расположение к преп. Дионисию, именно: он торжественно, с особой церемонией, возложил, при мощах преп. Сергия, свой патриарший клобук на главу преп. Дионисия. Конечно, патриарх Феофан все это делал не даром. Он видел в преп. Дионисии сторонника и почитателя греков, энергичного представителя в русском обществе того направления, которое заявляло, что не греческое проверяется русским, а наоборот – русское греческим. Поддержать и укрепить это слабое еще тогда направление среди большинства русских Феофан, как грек, считал своей прямой неременной обязанностью. Не даром, конечно, и современным событиям составитель жития преп. Дионисия намечает о патриархе Феофане; «дивный патриарх Феофан учинил многи сыны православные греческие книги писать и глаголать, и философию греческих книг до конца научил ведать». Конечно, это замечание биографа преп. Дионисия о характере

деятельности патриарха Феофана на Руси более относится к южной Руси, но могло иметь отношение и к Руси московской, где Феофан, очевидно, всячески заботился поднять и укрепить греческий авторитет вообще. И это ему в значительной степени удалось. Филарет Никитич, будучи сам ставленником Феофана, окружил себя в Москве разными выезжими греческими иерархами, всегда покровительствовал им и поддерживал их, в некоторых случаях обращался к их советам и указаниям, как людям образованным и сведущим. Так, охридский архиепископ Нектарий, выехавший в Москву еще в 1613 году, и сделавшийся у нас епархиальным вологодским архиереем, был лишен кафедры местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Ионой. Сделавшись патриархом, Филарет Никитич пересмотрел дело о Нектарии, нашел действия Ионы неправильными, и восстановил грека Нектария на его прежней вологодской кафедре в качестве русского епархиального архиерея. В 1628 году приехал в Москву и остался в ней на житье при патриархе вверийский митрополит Аверкий, пользовавшийся вначале особым расположением и доверием Филарета Никитича; в 1629 году приехал в Москву и остался в ней жить селунский митрополит Паисий, в 1630 году севастикийский Иосиф и в том же году еще приехали и жили в Москве митрополиты: зихновский Неофит и имбрийский Афанасий. В Москве же жил, и назывался архангельским, ранее прибывший в Москву с константинопольским патриархом Иеремией, флассонский архиепископ Арсений. Оставались в Москве и жили здесь и другие выходцы греки: архимандриты, иеромонахи и старцы. Так, например, иерусалимский патриарх Феофан, уезжая из Москвы, оставил здесь, на вечное житье, своего старца Иоанникия, чтобы иметь в нем преданного агента при московском дворе, который бы служил в Москве представителем, истолкователем и влиятельным поборником интересов иерусалимского патриарха. Иоанникий сделался в Москве келарем Новоспасского монастыря и пользовался особым расположением Филарета Никитича. Между прочим, сохранилась «сказка Новоспасского монастыря келаря Иоанникия» о монастырях, имеющих в Царьграде,

Иерусалиме и во всей греческой земле, писанная им по просьбе Филарета Никитича. Когда персидский шах прислал в дар царю Михаилу Феодоровичу ризу Господню, в Москве остереглись сразу поверить в подлинность этой ризы и, между прочим, обратились за справками к келарю Иоанникию, не знает ли он чего про «Христову срачицу» и про иные святыни: где они и в каком государстве, не слыхал ли он чего об этом в Греции, когда был там? (Наша книга: Характер отношений России к прав. востоку, стр. 171). Вообще при патриаршем дворе Филарета Никитича постоянно толпилось много греческих архиереев, которые, пользуясь своими архиерейскими правами, участвовали во всех церковных службах наряду с русскими иерархами и даже присутствовали на приемах иностранцев патриархом. Тяготение к грекам Филарета Никитича было так велико, что он, нуждаясь в образованных и сведущих людях, хорошо знающих греческий язык, решил просить в 1632 году тогдашнего константинопольского патриарха Кирилла Лукариса приискать на востоке и прислать в Москву подходящего православного учителя, который бы основал в Москве греческую школу и был бы способен переводить книги с греческого языка на русский. И когда в том же 1632 году в Москву приехал протосингел александрийского патриарха Иосиф, ранее несколько лет живший в южной России и изучивший здесь русский язык, он, по просьбе Филарета Никитича и государя, остался в Москве с тем, чтобы «служити... духовными делы: переводити ему греческие книги на славянский язык и учить на учительском дворе малых ребят греческого языка и грамоте; да ему ж переводити с греческого языка на славянский на латинския ереси». Учил ли действительно протосингел Иосиф в Москве малых ребят по-гречески, мы не знаем, но книги с греческого языка на славянский он переводил. К сожалению, уже в следующем, 1633 году, умер Филарет Никитич и в том же, или в следующем, году умер и протосингел Иосиф и дело об устройстве в Москве греческой школы остановилось (Характер отношений... стр. 482 – 483). Таким образом, Филарет Никитич, в своей церковной политике, держался ясного, определенного грекофильского

направления, желал и делом стремился осуществлять идею постоянного тесного единения русской церкви с тогдашней греческой, так что при нем грекофильское направление при московском дворе значительно окрепло и усилилось.

¹⁹ - Путешествие ант. п. Макария в Россию описанное Павлом Алепским, перев. Муркоса, выпуск второй, стр. 153; выпуск четвертый, стр. 111.

²⁰ - Гиббенет: Дело п. Никона, т. II, стр. 562 – 578.

²¹ - Ibid. стр. 883, 885 – 887.

²² - Наша книга: Сношения иерус. патриархов с рус. правительством,, т. I. 137. Изд. Палестинского общества, вып. 43.

²³ - Чтен. общ. люб. духовн. просв. 1889 г., наша статья: приезд бывшего конст. п. Афанасия в Москву стр. 363.

²⁴ - Гиббевет, I, 15.

²⁵ - Путеш. ант. п. Макария, Муркоса, выпуск четвертый, стр. 158, 170 – 171.

²⁶ - Большой моск. архив мин. иностр. дел. Дела Малороссийския св. 4. № 8.

²⁷ - Опис. старопеч. книг Толстого № 114, Царского и № 168 и 169.

²⁸ - Опис. старопеч. книг Царского. № 176.

²⁹ - Греческие дела (в Москов. архиве мин. ин. дел) 7161 г. № 5.

³⁰ - Греч. дела 7157 г. № 24.

³¹ - Импер. публичн., Погодинские рукописи, по нынешнему каталогу 1560. л.-л. 9 – 15.

³² - Арсений Суханов, С. А. Белокурова, ч. I; прил., стр. XXXVI.

³³ - Письма русских государей, ч. I, 382, стр. 302.

³⁴ - Ак. Эксп. т. IV, № 57, стр. 83.

³⁵ - Матер. I, 150.

³⁶ - Греческие дела 7161 г. № 5 (в Моск. архиве мин. иностр. дел).

³⁷ - Опис. рукоп. Ундальского № 1291. Словарь писателей духовн. чина ч. 1, стр. 178 – 183.

³⁸ - Малороссийские дела (в моск. арх. мин. ин. дел), связка 4, 1650 г. № 8, связка 5, 1652 г. № 15.

³⁹ - Наша книга: патр. Никон, стр. 139–141, примечание.

⁴⁰ - Подробности об архимандрите и учителе греке Венедикте см. в нашей книге: Характер отношений России к православному востоку, стр. 240 – 241, 284 – 286.

⁴¹ - Матер. для ист. раск. т. I, 280 – 287, т. V, 59, 65, 98 – 99.

⁴² - Гибб. II, 978 – 979.

⁴³ - Мат. I, 160.

⁴⁴ - Житие Ртищева напечатано в XVIII томе Древн. Вивлиофики.

⁴⁵ - Мат. VIII, 149 – 151.

⁴⁶ - Мат. VIII, 29, 38; VI, 228 А. К. Бороздина: Прот. Аввакум, стр. 228.

⁴⁷ - Рук. сборн. имп. публ. библи., по каталогу Богданова, вып. I, № 86; л. л. 207 – 210.

⁴⁸ - Указанные стороны общей деятельности кружка ревнителей, подробно изложены нами в нашей книге: патр. Никон, стр. 117 – 128.

⁴⁹ - Сахарова: исследование о русском церковном пении

⁵⁰ - Чт. общ. ист. и древн. 1902 г., кн. II, отд. IV, статья Н. В. Рождественского.

⁵¹ - Наша книга: Патр. Никон, приложение.

⁵² - Мат. т. 1.

⁵³ - Агафоник, автор послания к суздальскому архиепископу о единогласии, был москвич, а не суздалец. Это видно из следующих его слов: «якоже и в нынешнее настоящее время и у нас на Москве в мирских церквах"... Он был не архиерей, а священник, потому что, говоря о священниках, выражается: «мне подобнии», и особенно из заключительных слов послания, где автор называя себя худоумным, «рабски творя метание к стопам честных ног» архиепископа, заявляет, что хотя «николиже бо, святителю Божий, овца пастырем не бывает,

ниже заяц льву», но в надежде на доброту святителя решился писать к нему. Кто был Агафоник, не знаем, такого лица не встречается между известными нам тогдашними московскими деятелями. Предполагаем, что это послание к Серапиону было написано или самим Стефаном Вонифатьевичем, или кем-либо другим по его поручению, и рассыпалось потом от его лица тем архиереям, от которых Стефан ожидал сочувствия его заботам о введении единогогласия. К числу таких сочувствующих, но нерешительных архиереев, принадлежал и Серапион. Это видно из того, что послание, с одной стороны, замечает, будто Серапион, как слышно, не заботился о введении в церквах единогогласия; с другой – в послании говорится: «твое же, святителю Божий, похваляю с радостию Христова подражательство по Христе и по церкви, и хвалу Богу воздаю, яко подкреплявши церковников на благочинное и боголюбезное единогогласное пение во святых Божиих церквах, внимания ради и пользы предстоящих православных народов». Очевидно, Серапион поощрял церковников к единогогласию только частным образом и не решался открыто признать его обязательным. Что это послание могло быть прислано Серапиону Стефаном Вонифатьевичем, думать так дает право самый характер послания. Оно рассчитано убедить Серапиона, что единогогласие основывается на св. Писании, на учении великих отцов церкви, на требовании и постановлении русского Стоглавого собора, на предписании русского первосвятителя и страдальца патриарха Гермогена. Наоборот, многогласие является нарушением ясного учения Христа, Апостолов, св. отцов, постановлений соборных, и в самой русской церкви представляет из себя недавнее явление, особенно развившееся и окрепшее только в смутное время. Многогласие представляет из себя «уставы нынешних мятежников и раскольников церковных», «еретический шум», «поругательство Богу и второе Христораспятие, тела Его раздирание». Так писать о многогласии было вполне естественно горячему ревнителю единогогласия – Стефану. Составитель послания, называя себя «и худшим и сквернейшим и всех окаяннейшим», будучи только священником, пишет однако к архиерею с большою властью и прямо, за нерадение о

введении единогласия, выражает архиепископу свое порицание. «Или мниши убежати суда Божия?» спрашивает он Серапиона, и сурово напоминает ему, что такие нерадивые архиереи называются в Писании не пастырями, а волками. О себе, как силу и авторитет имеющий, автор говорит: «и о сем зельне болю душею, яко отдал еси паству свою волком на расхищение, пачеже церковь Божию в поругание мятежником». Очевидно, писавший хорошо знал, что архиепископ обратит должное внимание «на зельное боление душею» писавшего и не отнесется к этому заявлению автора с пренебрежением, или полным индифферентизмом, как бы это могло быть, если бы автор не был сильный и влиятельный человек в Москве. Только Стефан Вонифатьевич мог таким тоном писать архиепископу: «всею силою и всею мощию должны суть архиепископи и епископи имети стражбу о священных канонах божественных правил, поручено бо есть им твердо соблюдатьи я..». Из слов автора: «николи же бо, святителю Божий, овца пастырем не бывает, ниже заяц – льву; но ведая твое, святителю Божий, ко мне нищему милостивное права человеколюбного, дерзнух известити и на память ти привести», видно, что автор – москвич, лично хорошо был знаком с архиепископом и пользовался его расположением, которое и ободрило его обратиться к архиепископу с посланием о единогласии. Нельзя не заметить и того, что если бы автор послания был заурядный москвич-ревнитель, то зачем бы он стал с своими рассуждениями и доказательствами в пользу единогласия обращаться к архиепископу суздальскому, когда он мог направить свое послание прямо к патриарху, или даже к государю, как это и делали обыкновенно все московские ревнители. Иное дело Стефан Вонифатьевич. У него уже вышло (о чем скажем ниже), по вопросу о единогласии, столкновение с патриархом Иосифом, он знал, что для решения этого вопроса будет собран нарочитый собор, и он стал стараться найти среди архиереев таких, которые бы, убежденные его посланием, открыто стали на сторону единогласия. В лице суздальского архиепископа он, очевидно, хотел приобрести себе сторонника в вопросе о введении единогласия. Наконец, нельзя не обратить

внимания и на то обстоятельство, что это послание Стефана к архиепископу Серапиону находится в тесной связи с известной челобитной государю патриарха Иосифа (она напечатана в приложении к нашей книге: Патр. Никон) на Стефана Вонифатьевича, в которой Иосиф от лица всего собора жаловался государю, что Стефан говорил, «будто в московском государстве нет церкви Божии, а меня, богомольца твоего, называл волком, а не пастырем; також называл и нас, богомольцев твоих, митрополитов, и архиепископов, и епископа, и весь освященный собор бранными словами, и волками и губителями, и тем бесчестил». В послании к Серапиону архиереи, за допущение многогласия, и приравниваются именно к волкам и губителям, отдающим свою паству волкам на расхищение, а церковь Божию и поругание мятежникам – многогласникам, причем самое многогласие, защищаемое патриархом Иосифом и его собором, называется расколом, еретическим шумом, вторым христораспинанием и под. (Послание к суздальскому архиепископу Серапиону о единогласии, находится в рукописном сборнике библиотеки московской духовной академии, № 100, л.л. 321 – 341).

⁵⁴ - Бычкова. Опис. рукоп. сборников импер. публ. библ. № XXIII. Опис. рукоп. Хлудова № 91. Сахарова: исслед. о русс. церк. песнопении.

⁵⁵ - Что приходское духовенство и в самой Москве, было решительно против единогласия, готово было видеть в нем даже еретичество, новую веру, и всячески стояло за многогласие, на это имеются несомненные данные. В 1651 году гавриловский поп Иван извещал государя: «говорил-де ему Никольский поп Прокофей, где с ним не сойдетца: заводите-де вы, ханжи, ересь новую – единогласное пение и людей в церкви учите, а мы-де людей прежде сего в церкви не учивали, а учивали их в тайне. И говаривал-де он поп Прокофей: беса-де в себе имате и вы все ханжи ... и протопоп де благовещенский (Стефан Вонифатьевич) такой же ханжа: сказал-де он: Господа Саваофа видел, и он де беса видел, а не Бога. А Бога-де кто может видети во плоти?» И другие московские священники сильно были возмущены введением единогласия и требованием

от них учительств, – они шумели и не хотели подписываться под требованием об обязательном введении единогогласия в приходских церквях. Тот же поп Иван заявлял, что 11 февраля, в сенях московской тиунской избы, был сильный крик: «лукинский поп Сава с товарищи говорил такие речи: мне-де к выбору, который выбор о единогогласии, руки не прикладывать, наперед бы де велели руки прикладывать о единогогласии бояром и окольными, – любо-де им будет единогогласие?» И когда поп Иван стал говорить противящимся единогогласию; что они не могут презирать изволение Божие, устав св. отец, повеление государя и патриарха, то получил такой ответ от шумевших иереев: «нам-до хотя и умереть, а к выбору о единогогласии рук не прикладывать». В то же время какой-то поп Андрей говорил: «чтоб ему с казанским протопопом (Иероновым) в единогогласном пении дали жребий, и будет его вера права, и они-де все учнут петь (единогогласно) и говорить (поучения)». (Зап. русс. археол. общ. т. II, стр. 394 – 306). И значительно позже после собора 1651 года, сделавшего единогогласие обязательным, оно еще долго, однако, не могло привиться в приходских церквях и даже в некоторых монастырях. В 1658 году вологодский архиепископ Маркелл пишет на Белоозере протопопу Авраамии о наблюдении им, «чтобы в церкви Божии всякое пение пели и говорили единогогласно» (Ак. Эксп. IV. № 105). В 1660 году в царской грамоте ко всему новгородскому духовенству предписывается, «чтоб во всех церквях Божиих церковное пение было единогогласно, со страхом Божиим» (Ibid, и № 115). В 1661 году новгородский митрополит Макарий, в грамоте к архимандриту Тихвинского монастыря Иоасафу, писал, что ему ведомо учинилось, «что на Тихвине на посаде и около Тихвина в новгородской десятине», в монастырях и погостах, «поют и говорят не единогогласно», почему-де и следует сделать духовенству строгий наказ, «чтоб пели и говорили по всем Божиим церквам единогогласно, а не во многие гласы» (Ак. Ист. IV, № 151). В 1671 году новгородский митрополит Питирим требует, чтобы в церквях «пели и говорили единогогласно» (Ак. Эксп. [1], № 184). Тот же митрополит Питирим в следующем

1672 году заявляет, что ему ведомо учинилось, «что на Ваге, в Шенкурском остроге и во всей важской десятине, во всех четырех четвертях, по монастырем у игуменов, и у строителей, и у черных попов с братьею, а по погостам и по выставкам у попов и у дьяконов и у церковных причетников, по святым Божиим церквам, многое церковное неисправление – поют и говорят не единогласно». (Ibid. IV, № 188). В 1687 году, в наказе новгородского митрополита Корнилия заведующему тиунским приказом, священнику Никите Тихонову, говорится, что он должен наблюдать, чтобы «во святых церквах пели бы и говорили единогласно, а не в два и три гласы» (Ак. Ист. V, № 152). Приходское духовенство, со своей стороны, имело очень уважительные причины противиться введению единогласия и отстаивать старое привычное для прихожан многогласие. 11-го февраля 1651 года, как мы видели, лукинский поп Савва с товарищи говорил такие речи: «мне-де к выбору, который выбор о единогласии, руки не прикладывать; наперед бы де велели руки прикладывать о единогласии Бояром и окольничим: любо-ли-де им будет единогласие?» Это беспокойство приходского духовенства о том, как прихожане, особенно знатные, богатые и влиятельные, отнесутся к введению единогласия, очень сильно удлинявшего все церковные службы, тогда как ранее благодаря многогласию, прихожане привыкли к службам очень коротким, вытекало из опасения, что между духовенством и прихожанами, из-за продолжительных служб, могут произойти очень неприятные недоразумения и даже открытые столкновения, далеко не всегда безвредные для вводителers в церквах единогласия. Протопопу Аввакуму, например, сильно доставалось от прихожан за введенное им в службах единогласие. Многогласное пение и чтение, говорит он, «лесть сию молитву я пред Богом вменяю. Того ради так (многогласно) говорят, чтобы нам из церкви скорее вытти. Меня и самово за то (единогласие) бивали и гоняли безумнии: долго-до поешь единогласно! Нам-де дома недосуг! Я им говорю: пришел ты в церковь молиться, отверзи от себя, всякую печаль житейскую; ищи небесных! О человеке суетне! Невозможно оком единым глядеть на землю, а другим на небо, такоже сластем и страстем

работати. Так меня за те словеса в церкви бьют, да волочат, а иные и в ризах не щадят». (Мат. V, 222 – 223). Когда Неронов прибыл в ссылку в Каменский монастырь, то, доброжелательно сначала встреченный настоятелем и братией, немедленно принялся вводить здесь новые церковные порядки: единогласие, истовость в отправлении служб, чтение всех положенных поучений и житий, что крайне удлинило монастырские службы. Настроение братии и настоятеля к Неронову скоро изменилось и сделалось враждебным. Один старец стал говорить: «как-де приехал протопоп Иоанн, так-де и пение стало большое, и свечам-де большой расход». Наконец, иноки открыто восстали против ревнителя точного, истового соблюдения всех предписаний устава, к ним присоединился и архимандрит, который однажды «ем Иоанна за власы, по трапезе влачаше, и рукама по щекам бияше время довольно». (Мат. 1, 113 – 115). Сибирский и тобольский архиепископ Симеон пишет государю в челобитной: «в прошлом, государь, в 161 году, в Сибири, в Красной слободе (Тюменского уезда), московский прикащик Прокопей Протопопов священника бил до полусмерти ослопы за церковное единогласное пение: велит петь по своему угодию во многие голоса, и налогу тому священнику большую чинит, и жену ево бил до полусмерти» И когда архиепископ, призвав к себе Прокопия, стал выговаривать ему за его побои священнику, «и он, Прокопей, и ко мне обезстыдился, – отказывал мне невежливыми словами: где-де вам – ханжам! Ныне не старое время! И не у тебя-де я под судом» (Рук. Старина, 1892 г., март, стр. 678). Очевидно, священникам, сторонникам и вводителем в своих церквях единогласия, приходилось иногда от прихожан очень плохо, и они имели все основания не подписываться к приказу о введении единогласия прежде, чем к нему не подпишутся бояре и окольничие, а в других местах вообще люди сильные и властные. Да если где священников и не били за введение единогласия, зато прихожане, как свидетельствует соборное постановление от 11-го февраля 1649 года, просто переставали ходить в те церкви, где службы, ради единогласия, совершались очень долго. Благодаря этому последнему обстоятельству, священники

необходимо лишались очень многих доходов, а это, конечно, сильно побуждало их крепко держаться за старое привычное многогласие. Наконец, и безотносительно к прихожанам и доходам, для очень многих членов тогдашнего клира, единогогласие являлось крайне нежелательным по той простой причине, что значительная часть тогдашних клириков была малограмотна, не умела хорошо читать и петь. Таким, при многогласии, было очень удобно, так как стоявшие в церкви, ради многогласия, решительно не имели возможности разобрать, кто, что и как читает и поет, почему всякое сомнительное чтение и просто неразборчивое бормотанье по церковной книге полуграмотного чтеца, могло сходить за настоящее чтение. Иначе стояло дело при единогогласии и соединенной с ним истовости службы, когда каждый стоящий в церкви мог понять и оценить всякого чтеца и певца, тут безграмотному клирику скрыться за других становилось невозможным, почему безграмотность клира и держалась упорно за многогласие. Очевидно, единогогласие незаметно предъявляло новые, повышенные несколько требования к умению клира петь и читать в церкви, что и вызывало среди малограмотных клириков противодействие единогогласию.

⁵⁶ - Путеш. антиох. патр. Макария, перев. Муркоса, вып. II, стр. 100 164; вып. III, стр. 185, 194; вып. IV, стр. 85, 161.

⁵⁷ - Что патриарх Иосиф допускал многогласие только в приходских церквях, а в монастырях требовал единогогласия, это видно из его грамоты в Саввин монастырь в 1648 году, где он пишет: «архимандриты, и игумены, и попы черные, и строители и старцы о церковном пении и благочинии не радеют... в церквях Божиих поют поскору, неединогласно, со всяким безстрашием». (Опис. госуд. архива старых дел – Иванова; стр. 302 Ак. Эксп. т. IV, 325).

⁵⁸ - Деяние собора 11-го февраля 1649 г. напечатано С. А. Белокуровым в чт. общ. ист. и древн. 1894 г. кн. IV.

⁵⁹ - Эта челобитная патриарха Иосифа на Стефана, напечатана в нашей книге: патр. Никон, в приложении.

⁶⁰ - Рукоп. нашей академической библиотеки (москов. духовной) № 338, л.л. 3, 96, 99 об.

⁶¹ - Греческие дела 7159 ч. IN» 8.

⁶² - Ак. Эксп. IV, 327.

⁶³ - Ак. эк. IV, № 57.

⁶⁴ - Как и при каких условиях произошло избрание Никона в патриархи и какую роль в этом деле играли ревнители, об этом Аввакум сообщает следующее: «Посем Никон, друг наш, привез из Соловок Филиппа митрополита. А прежде его приезде, духовник Стефан моля Бога и постясь седмицу с братиею, и Я с ними тут же, о патриархе, да даст Бог пастыря ко спасению душ наших. И с митрополитом Казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь его и послушал. Егда же приехал (Никон из Соловок) с нами яко лис челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах и чтобы откуля помешка какова не учинилась». В другом месте Аввакум говорит о том же: «в лета 7160 году, июня в день, по пущению Божию вкрался на престол патриаршеский бывший поп Никита Минин, в чернцах Никон, обольстя святую душу протопопа духовника царева Стефана, являлся ему яко ангел, внутрь сый диавол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И аз окаянной о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку; ано врага выпросили и беду на свою шею». (Матер. для ист. раск. т. V, стр. 17. 261 – 262).

⁶⁵ - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 47, 82, 110.

⁶⁶ - Временник моск. Общ. Ист. и Древн. кн. XIII, стр. 32

⁶⁷ - Матер. для ист. раск. т. I, стр. 331 – 332.

⁶⁸ - Ibid. стр. 150.

⁶⁹ - Священник московского Казанского собора Иван Данилов в 1653 г. писал Неронову в Спасокаменный монастырь следующее: «и без тебя государь, не единого нам корму не было: а побили челом Анне Михайловне (сестре государя) о кормах, чтобы печаловалася о нас; и она сказала: и впредь де

не будет вам ничево, молилися де, да и вымолили Ивана Неронова вон». (Матер. для ист. раск. т. I. стр. 32 – 33).

⁷⁰ - Мат. для ист. раскола т. V, стр. 13.

⁷¹ - Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 11 – 49.

⁷² - Обвинения Никона в жестоком обращении с подчиненными обычны. Но здесь скорее имела место не только личная жестокость, но и так называемый дух времени, тогдашние суровые нравы, – тогда так все поступали. Протопоп Аввакум, например, про себя рассказывает, что он обыкновенно приходил к утрени ранее всех и один начинал полунощницу: «докамест сходятся крылошаня, а я проговорю в те поры. Прощаются – ино Бог простит; а который дурует, то на чепь добро пожаловать: не раздувай уса – тово у меня». (Матер. VIII, 91). Но особенно важно для характеристики суровых нравов тогдашнего времени собственное свидетельство архиепископа сибирского Нектария (в одном из его писем) о том, что он вытерпел от старца, у которого жил на послушании в Ниловой пустыни, до своего архиепископства. Вот что он сообщает: «до смерти мне надобно помнить, какова милость Божия надо мною грешным быша в пустыне и что мы кушали: вместо хлеба сие брашно: траву папорть и кислицу, ужевник и дягиль, дубовые жолуди и дявлевину, и с древес сосновых кору отыскали и сушили и, с рыбою смешав, вместе толкли; то нам брашно было, а голодом не уморил нас Бог. И како терпел от начальника с первых моих дней: два года по дважды на всякий день был бит в два времени, а не по единому времени на день бои были. Но и в светлое воскресение Христово дважды бит был. И того сочтено у меня в два года по два времени на всякий день боев: тысяча четыреста и тридесать. Сколько ран и ударов на всякий день было от рук его честных, тех не щитаю – Бог весть – и не помню: от ран великих едва дыхание во мне бысть. Пастырь мой плоть мою сокрушал, а Душу мою спасал. Что ему в руках прилучилось, тем и жаловал меня, свою сиротку и малого птенца. Учил клюкою, и остном прободал, и поленом, коим в жернове мелют муку, и пестом, что в ступе толкут, и кочергою, что в печи уголье гребут, и поварнями, что ествы варят, и рогатками, что раствор на хлебы и просфоры и на пироги в

сосудех бьют, чтоб хлебы, или просфоры и пироги были белы, – чтоб душа моя темная светла была, а не не темна; и в ушатах, что двое носят мотор, и тем древом из ноги моя икра выбита, чтоб ноги мои на послушание Христа ради готовы были. И нетокмо древом всяким, но и железом, и камением, и за власы дранием, и кирпичем, и что прилучилося в руках его, чем раны дать, и что тогда глаза его узрят, тем душу мою спасал, а тело мое смирял. И в то время персты мои из составов выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и ныне немощен и скорбен, чаю себе скоро смерти», почему желает оставить кафедру и остаток дней провести в месте своего первого обещания – в Ниловой пустыне. Нектарий умер в Москве в январе 1667 года. (Рукопись Вифанской духовной семинарии № 2369, л. 60, 198 – 202).

⁷³ - Матер. для ист. раск. т. V, стр. 21 – 22.

⁷⁴ - Ibid. т. I. стр. 89, 91, 106.

⁷⁵ - Матер. I, 23–24, 37 – 38, 54 – 67, 80.

⁷⁶ - Ibid. стр. 47.

⁷⁷ - Матер. I, стр. 67 – 68.

⁷⁸ - Ibid. стр. 25.

⁷⁹ - Ibid, стр. 70 – 94.

⁸⁰ - Матор. т. I, стр. 91, Письма государей № 386, стр. 350.

⁸¹ - Строитель Покровского монастыря Кирилл, конечно, по делам монастыря, упоминается в числе посетителей, собиравшихся в Крестовой патриарха Никона. Матер. 1, 155.

⁸² - Матер. 1, 158 – 159.

⁸³ - Дьякон Федор, например, поэтому случаю говорит в своей челобитной государю: «а во твоём государстве не бывало еретиков прежде, кои бы святые книги превращали и противные в них догматы вносили». В послании из Пустозерска к сыну своему Максиму Федор пишет: «аще бы на Москве приложили (в символ) истинного: кто приложил именем – царь-ли, или святитель кой? и в кое лето? и како тому прилагатаю церковь премолча о прилоге? И аще вси люди мертвы быша в то время: тогда буди тако, яко спящим всем людям на Москве и приложи некто истинного и утече негде». (Матер. V, 41, 154).

⁸⁴ - Что собор 1654 года возбуждал недоумения и в последующее время, это, между прочим, видно из того, что собор 1666 года, пред началом своих заседаний счел нужным предварительно поставить такой вопрос: собор, бывый в богоспасаемом преименитом царствующем великом граде Москве при благочестивейшем и богохранимом государе нашем и великом князе Алексее Михайловиче, всея в. и м. и б. России самодержце, и при святейшем Никоне патриархе, и царского пресветлого величества при всем его синклите, подписанный священных руками, как исповедати ныне нам долженствует, иже содеяся в царских палатах в лето от создания мира 7162, от по плоти же рожества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в лето 1654-е?». Уже самая нужда ставить подобный вопрос показывает, что в 1666 году, относительно собора 1654 года, в среде наших иерархов могли встретиться недоумения.

⁸⁵ - Греческие дела, 7162 г., связка 32, № 23. В Москов. архиве мин. иностр. дел.

⁸⁶ - В донесении боярина Михаила Петровича Пронского царице в Колязин монастырь, о смутах в Москве во время морового поветрия, говорится: «августа, государи, в 25 день (1654 г.) были мы, холопы ваши, у обедни в соборной церкви, и в обедню к соборной церкви приходили земские и разных слобод люди, и принесли с собою в киоте икону, а написав был образ Спасов нерукотворенный; лице у той иконы и подпись верх ... скребено. И как мы, холопы ваши, пошли от обедни, и земские люди учили нам говорить: взят-де образ Спасов, на патриархов двор новгородские сотни у тяглеца у Софрона Федорова сына Лопотника; а отдан-де ему тот образ из тиунские избы для переписки, лице выскреблено, а скребен-де тот образ по патриархову указу. И тогоже, государи, числа, в восьмом часу дни, земские ж люди многие приходили к красному крыльцу и приносили иконные дски, а говорили, что и с тех дсков образы скребены ж, и они-де те дски разнесут для оказания во все сотни и слободы и придут-де к вам, холопам вашим, для того августа в 26 день». В ответе государыни на это донесение между прочим говорится: «а которые иконы скребены, и те иконы написаны были не по отеческому

преданию с папезского и с латынского переводу». (Гиббенет, Дело, о патр. Никоне, т. II, стр. 473 – 475).

⁸⁷ - Свидетельства Павла Алепского из его сочинения: «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века», мы приводили по переводу с арабского г. Муркоса, вышедшему в пяти выпусках. Выпуск III, стр. 136 – 137.

⁸⁸ - Греческие дела 7162 г., связка 33, № 14. О приезде грека Мануила Константинова с грамотами Константинопольского патриарха Паисия.

⁸⁹ - Выпуск III, стр. 170 – 171.

⁹⁰ - Ответы Паисия напечатаны были Никоном в скрижали. В недавнее время найден подлинный греческий текст этих ответов, который, вместе с русским переводом, и напечатан в журнале Христ. Чтение за 1881 г., кн. I.

⁹¹ - Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 170 – 171.

⁹² - Начало этого ответа Паисия приводится нами по более точному переводу графа А. Гейдена, в его брошюре: «Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне», стр. 24 – 39.

⁹³ - Бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар прибыл в Москву 16 апр. 1653 г. В Москве он старался угодить Никону и написал для него особое сочинение под заглавием «Чин архиерейского служения литургии на востоке», которое сохранилось и до настоящего времени как в подлиннике, так и в славянском переводе под таким заглавием: «толкование божественные литургии, егда священнодействует архиерей, по чину и обычаю восточные церкви. Афанасий, прежний вселенский патриарх на Москве сице сподобивыйся (священнодействовать) в 1653 лето, месяца июля, индикта 6». Рукопись москов. синод. библиот. Ли 245 и 696). О приезде и пребывании в Москве патриарха Афанасия Пателара см. нашу статью в журнале: Чтения в общ. любит. духовн. просв. за 1889 г.

⁹⁴ - Мат. для ист. раск. т. VI, стр. 198 – 199.

⁹⁵ - О перстосложении для крестного знамения, употреблявшимся в христианской церкви за различное время, находится довольно обстоятельный трактат в нашей книге: Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов, где (на стр. 72 – 91) указаны все относящиеся к этому вопросу источники.

⁹⁶ - Е. Е. Голубинского: К нашей полемике с старообрядцами, стр. 95 – 96.

⁹⁷ - О существовании двоеперстия у южноруссов и других православных славян см. нашу книгу: Патр. Никон. 68 – 70.

⁹⁸ - Диакон Павел Алепский, племянник антиохийского патриарха Макария, описавший совместное свое путешествие с дядей в Москву, откровенно сознается, что целью их пребывания в Москве было обогащение от русских. Он рассказывает например следующее: «Царь прислал патриарху (Никону, во время своего похода на Польшу) более ста облачений и мантий, принадлежащих армянам и иезуитам, говоря ему: «делай с ними что хочешь», ибо считал их нечистыми – таково убеждение московитов. Получив их, патриарх не нашел для них лучшего употребления, как украсить трапезную монастыря и сиденья в церкви. Удивительно, что они даже не сняли с них серебряные пуговицы и крючки! Мы пожалели о них, ибо даже идолопоклонники освящаются крещением, и эти материи, если они будут окроплены святой водой, разве не оснастятся и не станут годными для церковных облачений? Но таких порядков держатся московиты, несомненно потому, что у них изобилие богатств. Разве мы, в своей стране, не взяли бы парчевых одежд, даже если бы их носили евреи, и не переделали в священнические облачения? разумеется, взяли бы, по их редкости и дороговизне. Дай Бог, чтобы они подарили их нашему владыке патриарху, дабы переделать их в облачения и раздать архиереям и священникам в нашей стране, кои в них столь нуждаются. Но если бы он заговорил с ними об этом и стал просить их, то низко упал бы в их глазах, и они сказали бы: «смотрите, как мала их вера»! Впрочем, добродушно замечает Павел, если Богу угодно, да

попустит Он, чтобы они разгневались на нас, лишь бы Он обогатил нас чрез них!» (Муркос, вып. 3, стр. 62).

⁹⁹ - Это свидетельство Павла Алепского очень важно в том отношении, что оно прямо и решительно свидетельствует, что Макарий указывал Никону на неправильности русских чинов и обрядов только на основании сличения их с тогдашним печатным греческим Евхологием, и Никон, исправляя наши чины и обряды по указаниям Макария, на самом деле исправлял их по тогдашним печатным греческим книгам, какие тогда были на руках у самого Макария, или у других бывших тогда в Москве восточных иерархов.

¹⁰⁰ - Муркос, вып. IV, стр. 169, 170 – 180; вып. III, стр. 50 – 51, 181.

¹⁰¹ - Рукопись библиот. Моск. духовн. академии: Подлинное дело о суде над Никоном, л. 383.

¹⁰² - Муркос, вып. IV, стр. 169. В этом известии справедливо только то, что тишайший и благочестивейший государь Алексей Михайлович, по обычаю тогдашнего времени, позволял себе публично браниться даже в церкви во время богослужения. Очень характерный в этом отношении рассказ мы находим у очевидца события – Павла Алепского. Царь и антиохийский патриарх Макарий слушали всенощную в Саввине монастыре, куда они приехали на богомолье. Кончили службу, рассказывает Павел, и чтец начал первое чтение из жития святого, сказав по обычному началу: «благослови оче», как обычно говорят настоятелю. В это время царь сидел на кресле, а наш учитель на другом. Вдруг царь вскакивает на ноги и с бранью говорит чтецу: «што кафари, мужик бл...н сын (в этой стране у патриарха, царя и вельмож главное ругательство, обыкновенно: «мужик, бл...н сын» т. е. крестьянин, безумный, а слова: што кафари значат, «что ты говориши».): благослови, оче? и тут есть батриарх, скажу: благослови фладико» т. е. «зачем ты говоришь: благослови, отче? тут патриарх, скажи: благослови владыко». (Ibid. стр. 126).

¹⁰³ - Матер. для ист. раск. т. II, стр. 237 – 238.

¹⁰⁴ - И. Д. Мансветова: Церковный устав, его образование и судьба в греческой и русской церкви, стр. 156 – 159, J 78, 278.

¹⁰⁵ - Муркос, вып. IV, стр. 107 – 109.

¹⁰⁶ - Говорим все это вовсе не в видах обвинения лично Никона, которого менее всего можно обвинять за церковно-обрядовой характер его реформы. Вина этого заключается, прежде всего, в воззрениях тогдашнего русского общества, придававшего преувеличенно важное значение всякому обряду. Никон был во всем сын своего времени, и ни условия его воспитания, ни постоянная среда, в которой он вращался, не дали ему возможности разглядеть ошибочности господствовавшего тогда у нас взгляда на обряд, возвыситься над уровнем прочно установившихся в обществе понятий, отнестись к ним критически и выработать себе иные, более верные воззрения. А между тем в Москву являются восточные иерархи – милостыне-собиратели, сближаются здесь с Никоном и начинают «зазирать» ему, что будто бы русская церковь содержит неправый, чуть не еретический обряд, вроде армянского двоеперстия, и что Никону, в интересах православия, следует всячески позаботиться исправить неправо русские обряды. Близко к сердцу принял впечатлительный, ревностный к православию Никон эти зазирания восточных иерархов, искренно стал думать, что содержимый русской церковью неправый будто бы обряд, действительно грозит серьезной опасностью русскому православию. В своих зазирателях Никон видел людей более его сведущих, образованных и опытных в ведении церковных дел, и потому вполне и искренно поверил в справедливость и истинность их зазираний. Находившиеся в Москве ученые киевляне, тоже подтверждали справедливость заявлений греческих иерархов, так как и в южно-русской церкви существовали ранее подобные же обряды и тоже были исправлены по образцу греческих, ученым киевским митрополитом Петром Могилой. Под такими неотразимыми для Никона влияниями и воздействиями, при его московской вере в обряд, как равный вероучению, Никон неизбежно должен был прийти к мысли о действительной испорченности некоторых

русских обрядов и о необходимости немедленного их исправления. Не мог же в самом деле Никон объяснять и доказывать более его образованным восточным иерархам и ученым киевлянам, что они решительно ошибаются в понимании важности и значения в церкви особенностей в обрядах, что они неверно и ошибочно принимают русский обряд за неправый, а русское перстосложение даже за армянское еретическое, тогда как в действительности оно настоящее православное перстосложение, ранее употреблявшееся самой греческой церковью; невозможно было ожидать и требовать от Никона чтобы он, только обыкновенный, хотя и очень даровитый московский начётчик, не знавший, что такое богословская и вообще наука, разъяснил своим образованным зазирателям и советчикам, что русская церковь, как и всякая другая, имеет полное право на свой поместный обряд, если только не соединяет с ним какого-либо противного православию учения, что и в древнее время в различных поместных церквях обряд был очень не одинаков, однако это не мешало им держаться единого православного учения и составлять единую вселенскую православную церковь. Подобных разъяснений нужно было ожидать вовсе не от Никона, а от его образованных и ученых зазирателей и руководителей. Это была даже их прямая обязанность, как скоро они решились деятельно вмешаться в русские церковные дела. А между тем они то именно и толкнули Никона на путь исправлений русского обряда, и деятельно поощряли и поддерживали его на этом пути. Для чести и оправдания Никона достаточно и того, что он, благодаря своему светлому уму, действительно пришел впоследствии к той верной мысли, что старые и новоисправленные служебники одинаково добры, что можно служить по тем и другим, что можно одинаково держаться и старого и новоисправленного обряда, и что эта верная мысль Никона была потом усвоена и высказывалась и некоторыми русскими иерархами. Так, патриарх Иоаким говорил впоследствии двоеперстникам, уже открыто восставшим против церковных властей»: кто как хочет, так и крестится – двема ли персты, трема-ли, или всею дланию, то все едино, лишь бы знамение на себе вообразили, и мы о

том не истязуем» (Саввы Романова, в Летописях русской литер. и древностей, т. V.). К сожалению, эта вполне правильная мысль не была принята нашим церковным правительством, как руководственное начало в его отношениях к старообрядству.

¹⁰⁷ - Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов, стр. 112, 115.

¹⁰⁸ - Митрополит Киприан в его литургической деятельности, стр. 62 – 65.

¹⁰⁹ - Рукопись Моск. Румян. Музея, по описанию Востокова, № 358, л. 382 об.

¹¹⁰ - Макария, Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 489 – 490, 504 – 506.

¹¹¹ - Макария, т. XI, стр. 578 – 589.

¹¹² - Ibid. стр. 612 – 613.

¹¹³ - Русские, однако, не знали того очень важного обстоятельства, что в латинской Венеции в то время жило очень много православных греков, которые имели свои церкви, свой православный клир и свои православные типографии, в которых они, т. е. православные венецианские греки, и печатали свои церковные книги. Значит, хотя греческие книги и печатались в латинской Венеции, но печатались православными греками и в их собственных типографиях. Конечно, были и исключения, почему в то время и в самой Греции к венецианским греческим изданиям относились с осторожностью.

¹¹⁴ - Челобитная палеопатрасского митрополита Феофана 1645 года была нами напечатана в полном виде в журнале общ. люб. духовн. просв. 1881 г., Июль, в статье: Следственное дело об Арсение греке и ссылка его в Соловецкий монастырь.

¹¹⁵ - Заседание в книжной палате 18 февраля 1627 года по поводу исправления катехизиса Лаврентия Зизания. Изд. общ. люд. древне-рус. письменности. Спб. 1878 г. XVII.

¹¹⁶ - Что и в русской церкви древние богослужебные списки были неодинаковы, несходны между собою и с последующими, это доказывается следующим: из домонгольского периода до нас дошло два служебника, усвояемые – один Антонию Римлянину († 1147 г.), другой Варлааму Хутынскому

(приблизительно около 1192 г.). Известный историк русской церкви Е. Е. Голубинский по этому поводу замечает: «прежде всего служебники, несмотря на то, что они одной и той же местности и по времени писания отделяются один от другого не слишком большим промежутком времени, если только не совсем современны, далеко не согласны сами между собою. В служебнике Варлаамовом нет некоторых молитв и возгласений, читаемых в Антониевом, и относительно некоторых действий даются предписания, отличные от последнего. Вообще из взаимного сличения служебников ясно, что в период домонгольский у нас существовали литургии в нескольких редакциях и что они представляли большее или меньшее разнообразие» (Ист. рус. церкви, том первый, втор, полов. стр. 307, 303). Относительно разнообразия в богослужебных книгах, существовавшего у нас после монгольского периода, см. сочинение И. Д. Мансветова: Митрополит Киприан в его литургической деятельности. Москва 1892 г.

¹¹⁷ - Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 41 – 42, 158.

¹¹⁸ - IV, стр. 15 – 16.

¹¹⁹ - Рукопись моск. синод. библиот. по описанию Горского и Новоструева, т. II. 4., № 294, вопр. 20, л. 114.

¹²⁰ - Это сочинение Медведева напечатано С. А. Белокуровым в чт. общ. ист. и древн. 1885 г. кн. IV.

¹²¹ - Стр. 102 – 103, 107, 204 – 205, 263 об.

¹²² - Матер. для ист. раск. т. 11, стр. 238.

¹²³ - О различных греческих выходцах в Москву, о их московской жизни, о впечатлении, какое они производили на русских, см. в нашей книге: Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях, стр. 145 – 202.

¹²⁴ - Подробности об Арсении греке см. там же, стр. 208 – 217.

¹²⁵ - Гиббенет: Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. I. стр. 227.

¹²⁶ - Гиббенет, ч. II, стр. 628.

¹²⁷ - Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 519.

¹²⁸ - Шушерин о книжных исправлениях Никона сообщает следующее: «Святейший патриарх Никон, слыша от многих на славянския книги укоризвенная словеса, яко с греческими не согласуются, хотя ову укоризну отъяти, советова с великим государем и со священным собором, еже бы вси книги церковные исправить с старых греческих и российских харатейных книг, и во всех словесех и чинех и уставех с греками согласити; а о нужных и недоведомых вещах послати ко святейшему вселенскому патриарху, и к прочим, и во святой горы – Афонскую и Синайскую. И благочестивый царь, похвалив патриаршее благорачительство, повелел о том собор собрати, и всех российских архиереев, архимандритов, и игуменов и протопопов в царствующий град призвав, общим согласием утвердити. Сошедшимся же всем, и то дело благоключимо быти рассмотревше, постановиша книжная погрешения с древних греческих харатейных и с русских исправить, и в чинех благопотребных по древнему уставу согласити, и о нужных и недоведомых вещах к святейшим патриархом и во Афонскую и в Синайскую горы послати. И то свое согласное о исправлении книг постановление – благочестивый царь и святейший патриарх, и прочие архиереи, и весь освященный собор – руками своими, в лучшее утверждение того дела, переписаша. И по совершении оного собора, немедленно святейший патриарх, ради того исправления, повелел отсюду из древних книгохранилищ древния греческие и славянския харатейные книги собрати, и искусным и благоговейным мужам, имущим от Бога дар чистое от недостойного изводить, те книги разсматривати, и погрешения от неискусных переводчиков и от переписующих исправляти, и о нужных и недоведомых вещех, благочестивый царь и святейший патриарх, послаша ко вселенскому патриарху и к прочим православным патриархам письма с греком Мануилом. На яже письма вселенский патриарх Паисий, сотвори же собор, и главизнами на нем содеянными о всех писанных к ним, благочестивому царю и благочестивому патриарху ответ давши, соборное прислаша в лето 7163, во всем повелевающе последовати древних великих православных восточных церкви учителей писанием сущих в

ветхих книгах греческих и словенских. А к святейшему патриарху в грамоте своей восписа сице: преблаженнейший и святейший патриарше высочайшия Москвы, и всея земли российския, кирие, кирие, еже есть господи, господи, Никон во святом Дусе возлюбленный браге и сослужебниче нашего смирения, о нем же писаста нам, даем ответ, преблаженнейший брате: да исправится якоже лепо, понеже Бог просвети тя во времена ваша, да очистятся вся неудобная и да исправятся, о нем же радуюся: жив Господь Бог, и имам тя писана в души моей за достоинство и разум, его же дарова тебе Господь. И воистину зело похвалихом преблаженство твое, еже не престаёт испытывати и искати о душеполезных и спасительных вещех церковных, яко истинен пастырь и верный строитель Божий, пекийся устроить и духовне словесное свое стадо чистою и нетленною и твердою пищею. И во всем совершати последование и всякое священнодеяние по чину великия церкви, да не едино разньство имамы, яко чада истинная единые и тояжде матере, восточные апостольския соборные великия церкви Христовы: и да не едину вину обретают, скверная еретическая уста оглаголати нас о некоем разнстве, но да стоим в истинном согласии тверди и непоступни и прочая. И тако благочестивый царь и христоролюбивый патриарх от вселенского Паисия патриарха о всех написанных ответ приемше, и соборное оное деяние прочетше, и сим к большому благих желанию воздвигшеся, и сущия в России греческие и славенския ветхия книги на исправления недовольно мняще, изволиша, со мною своею милостынею, старца Арсения Суханова послати во Афонскую гору и во иные святыя старожительная места, да оттуду своя ради богатые милостыни старописанные книги притяжут. И сему сбывшуся, и принесоша из святыя Афонския горы книг зело древних, на греческом языке писанных, числом пять сот. Еще же александрийский, антиохийский, иерусалимский – святейшие патриархи, и архиепископ пекский и патриарх сербский, и халкидонский и архидонский митрополиты, и иные мнози от православных стран, писанием из царствующего града Москвы прошени, не менее двоя сот книг различных древних святых

прислаша. И тако благочестивая и богомудрая двоица, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великия и малые и белые России самодержец, и великий государь святейший Никон патриарх московский и всея великия и малые и белые России, оные священные книги совокупивше вся во едино, и довольно лежащая в них рассмотривше, и Божиим вседержительным манием, соединившем их в любовь, движими целости ради непорочных догмат. И еще к вящему утверждению о том же паки в царствующем граде Москве в патриархии собор сотворите, и беша на том соборе: Никон, Божию милостию государь святейший патриарх московский, Макарий патриарх антиохийский, Гавриил патриарх сербский, с митрополиты, и со архиепископы, со архимандриты и игумены, и со всем освященным собором. И тамо от святейшего вселенского Паисия патриарха присланное соборное деяние, пред ся принесше, с усердием почтоша и судиша е право, и от Духа святого составлено быти, и вся старописанные греческие (писменные) и славенския книги рассмотривше, обретоша древния греческие письменные с ветхими славянскими книгами во всем согласующася. А в новых греческих печатных книгах, с греческими же и славянскими древними, многая несогласия и погрешения. Судиша книги согласити, и исправить во всем с древними греческими рукописными книгами, да всяк православный, неведения и сопротивных благочестию погрешений и еже оттуду находящия козни избегнув, во истинном разумении и не зазорном с греческими письменными книгами, и в них лежащими законы, согласном мудрствованию поживет zde в многодетном благополучии, в будущем же веце в безконечной радости и наслаждении, аминь» (Рук. моск. духовн. акад. № 218, л. 15 и 16). Приведенное сообщение Шушерина о книжных исправлениях при Никоне важно не по своей фактической стороне, которая во многом неверна, но по той грандиозной идее, какую Шушерин вкладывает в Никсоновские книжные исправления. По его представлению оказывается, что у нас будто бы задумано было грандиозное и крайне важное для всего православного мира предприятие: собрать в Москву решительно со всего древнего православного востока все те

древние церковно-богослужебные по преимуществу книги, какие только тогда возможно было собрать, и на основании этого подлинного православного материала, взятого из христианской старины, исправить или вернее: составить новые русские церковные книги, более совершенные, чем тогдашние печатные греческие книги, создать книги, годные для всех православных, ревнующих и о своем земном благополучии и о своем будущем вечном спасении. Но если бы у нас тогда действительно и были такие грандиозные замыслы, то, в то же время, несомненно, что у нас тогда не было ни сил, ни умения, ни средств привести их в исполнение.

¹²⁹ - Дело о патриархе Никове, стр. 212, 223.

¹³⁰ - Рукопись библ. моск. дух. академии: подлинное дело о суде над п. Никоном, л. 353.

¹³¹ - В видах, конечно, улучшить и приблизить к древне-византийскому русское иконописание, и в то же время не доверяя франкским живописцам, Никон старался выписать в Москву греческих живописцев. В 1656 году приехал в Путивль грек Мануйла Фомин «с грамотою иерусалимского патриарха Паисея, писано о ваших царских делах, да письмо из Царьгорода от иконописца». На Москве в посольском приказе Мануйло сказал: «с ним де послал к государю ерусалимский патриарх грамоты об нем же Мануйле, а с товарищем ево с Миколоаеом Ивановым послал грамоту к государю святейшему Никону патриарху ов же ерусалимский патриарх Паисей о иконописцах». В 1657 году белый поп Иван, города Трикалы, по указу Никона, отправился на родину «призвать к Москве живописцев и мудрых серебряников, и о том дана его патриаршая грамота за всякою печатью». Уже по удалении Никона с патриаршего престола, именно в 1660 году, в Москву приехал и грек иконописец Апостол Юрьев. (Греческие дела – в большом моск. архиве мин. иностран. дел – 7164 г. № 10; 7165 г. № 26; 7168 г. № 8).

¹³² - Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 162 – 163.

¹³³ - На это равнодушие Никона к его собственным церковным исправлениям жалуется и царь Алексей

Михайлович. В своем повелении в 1662 г. о созвании собора он заявляет, «что церковь вдовствует без пастыря уже пятолетствующи, а пастырю убо патриарху Никону отшедшу и пребывающу в новоустроенных от него обителех, а о вдовстве ее нерадящу, также и о несогласии церковного пения и о службе божественные литургии и о иных церковных винах, которые учинились при бытии патриаршества его, и потому действуютя и до ныне, и от того ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местах и расколы». (Гиббен. ч. 1, стр. 242).

¹³⁴ - Матер. для ист. раск. т. VI, сир. 150.

¹³⁵ - А. Э. т. IV, № 126.

¹³⁶ - Паисий Лигарид, в своем сочинении «О суде над патриархом Никоном» (об этом сочинении Лигарида скажем ниже), заявляет, что Никон, во время соборного суда над ним, сам признал неисправность своих книжных исправлений. Когда Никон, рассказывает Лигарид, отверг на соборе греческий номоканон, как еретический, «принесено было, для большего удостоверения, законоположение русских, но и это Никон отверг как неверно изданное при патриархе Иосифе московском. Никон нехотя прибавил, что некоторые книги неправильно были изданы и во время его патриаршества, почему и поручил архиереям в удобное время исправить их».

¹³⁷ - Матер. для ист. расск. т. I. стр. 25–26. V, стр. 160–161.

¹³⁸ - Матер. для ист. расск. т. 1, стр. 112.

¹³⁹ - Ibid. стр. 112–113, 140–141.

¹⁴⁰ - Матер. т. I, стр. 143–144.

¹⁴¹ - Ibid. сар. 287–289.

¹⁴² - Записка о житии Неронова говорит: «мнози от граждан приводяху к нему чада своя и вдаваху в научение книжное: Иоанн же, яко истинный и чадолюбивый отец, всех любезне приемля, без мзды учаща с прилежанием многим; а старцы, в сладость приемлюще учение его, вскоре книжного разумения навыкаху, молитвами и прилежанием учителя своего». (Ibid. стр. 260). Очевидно Неронов был убежденным сторонником распространения в народе грамотности путем дарового обучения.

¹⁴³ - Известно постановление собора, бывшего в храме св. Софии при патриархе Фотие: «аще который епископ, или кто иной архиерейского сана, восхощет снити в монашеское житие и стати на место покаяния: таковой впредь уже да не взыскует употребление архиерейского достоинства. Ибо обеты монашествующих содержат в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства или начальствования: они обещаются не иных пасти, но пасомыми быти. Того ради, как выше речено, постановляем: да никто из находящихся в сословии архиереев и пастырей не изводить сам себе на место пасомых и кающихся. Аще же кто дерзнет сотворити сие, после провозглашения и приведения в известность произносимого ныне определения: таковой, сам себя устранив от архиерейского места, да ее возвращается к прежнему достоинству, которое самым делом отложил». И сейчас на православном востоке нет ни одного архиерея монаха. Там архиереи избираются из неженатых духовных лиц – не монахов, и если архиерей вздумает постричься в монахи, он, согласно приведенному соборному правилу, лишается архиерейства. Наших архиереев-монахов теперь православный восток совсем не знает и сочетание монашества и архиерейства в одном лице признает явлением совершенно ненормальным и антиканоническим. В силу приведенного правила в древней Руси с белыми священниками, постригавшимися в монашество, дело стояло так, что с принятием монашества они поступали в разряд простых старцев и теряли право священнодействовать. Когда протопоп Стефан Вонифатьевич принял монашество, он стал простым старцем Савватием, а протопоп Неронов – старцем Григорием, причем, когда в его пустыне не было священника, она оставалась без церковной службы даже в Пасху, так как сам старец Григорий уже не имел права священнодействовать. Только сам Христос, явившийся Григорию с ангелами, снова дал ему право совершать священнодействия.

¹⁴⁴ - Очень характерно, как Неронов, в своем послании к царице, учит ее воздействовать на царя в интересах Неронова. «Внуши вопль мой, о христолюбие, пишет он царице, и услыши

глаголы моя, благоверная царица, и скорбь снедающую душу мою утолити потщися. Буди приносяща слезы наша благочестивому царю – государю, приемше на руце надежду нашу, благий плод чрева твоего, – благоверного царевича Алексея Алексеевича, и и ним соумоляючи государя нашего благочестивого паря, да первее со враги церкви брань сотворит, потом на иноплеменник да идет, никакo ослабу дая в сих: еда бо како тые брани не управив, скорбь и тщету тамо прияти будет... Часто вспомяная буди государю, сиче рекий: не преслушай, молю, благочестивый царю, нищего протопопа Иоанна моления, еда како Богу хотящу, множае себе повредиши, неже тем» (Матер. 1, 80–83). Но все эти старания Неронова, чтобы царица воздействовала на царя указываемым им способом и словами, не имели успеха.

¹⁴⁵ - Матер. 1, 106–107.

¹⁴⁶ - Матер. 1, стр. 124–133.

¹⁴⁷ - Муркоса, вып. IV, стр. 178.

¹⁴⁸ - Матер. 1, 146.

¹⁴⁹ - Графа А. Гейдена: Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне, стр. 4–53. Спб. 1886 г.

¹⁵⁰ - Матер. т. 1, стр. 146–156.

¹⁵¹ - Матер. 1, стр. 154–158, 171–178, 194–198.

¹⁵² - Как именно исцелял Аввакум бесноватых, с помощью каких приемов, это видно из его рассказов «Во искусе, повествует он, на Руси бывало, – человека три-четыре бешаных приведенных бывало в дому моем, и, за молитвы отец, отхождаху от них беен, действием и повелением Бога живого, и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия – света. Слезами и водою покроплю, и маслом помажу, молебная певше во имя Христово: и сила Божия отгоняше от человек бесы и прави бываху, не но достоинству моему, – но по вере приходящих... Привели ко мне баб бешаных (двух), и я, но обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал и маслом мазал, и как знаю, действовал: и бабы о Христе целоумны и здравы стали. И путь исповедал и причастил. Живут у меня и молятся Богу; любят меня, и домой нейдут. Сведаль Пашков (который

прислал к Аввакуму этих баб), что мне учинились дочери духовныя, осердился на меня опять пуще старого, – хотел меня в огне жжечь: ты де выведываешь моей тайны! А как ведь-су причастит, не исповедывав? А не причастив бешеного: ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от ведь не мужик: батого не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священного масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих таин, врачевать не умею». Такими же точно приемами Аввакум исцелял и больных курочек. «У боярыни (жены Пашкова) куры все переслепли и мереть стали: так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батко пожаловал, – помолил о курах. И я су подумал: кормилица то есть наша; детки у ней: надобно ей курки! Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, – корыто им сделал, ис чего есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры, Божиим моновением, исцелели и исправилися по вере ея» (Мат. V, 37 – 42.)

¹⁵³ - Матер. V, стр. 27 20, 31. 34–35, 40–41.

¹⁵⁴ - Мат. V, стр. 62.

¹⁵⁵ - Мат. V, стр. 151.

¹⁵⁶ - Ibid. стр. 105.

¹⁵⁷ - Ibid. стр. 207.

¹⁵⁸ - Вот, например, какой случай невольного преткновения был с Аввакумом, о котором, он рассказывает в своем послании к некоей Маремьяне Феодоровне. «Грешному мне человек добрый из церкви принес просфиру, и со крестом Христовым, а поп-от, является, по-старому поет: до тово пел по-новому; я чаел покался и престал: оно внутрь ево поган. Я взял просфиру, поцеловал, положил в уголку, покадил, хотел по причастии потребить. В нощи той, егда умолкоша уста мои от молитвы, прискочиша беси ко мне лежащу, и един завернул мне голову, рек мне: сем-ко ты сюды! Только и дыхания стало. Едва-едва умом моим молитву Иисусову сотворил: и отскочил бес от меня. Аз же охаю и стону; кости разломал, встать не могу. И кое-как встал: молитвуя довольно, опять возвалился и мало замгнул. Вижу у церкви некия образ и крест Христов: на нем

распят полатыне, неподобно, и латынники молятся тут, приклякивают по-польски. И мне некто велел той крест поцеловать. Егда аз поцеловал: паки пападоша на мя беси и утрудилша мя зело, и покинута. Аз же без сна ночь ту проводих, плачучи. Уразумех, яко просвиры рады стражю, выложил ее за окошко. Не знаю, что над нею делать: крест на ней! И лежала день. В другую ночь не смею спать, лежа молитвы говорю, прискочиша множество бесов, и един сел с домрою в углу, на месте, где до тово просвиры лежала, и прочии начата играти в домры и в гутки. А я слушаю у них. Зело мне грусно, да уже не замали меня и исчезли. Аз же возстонав, плакався пред Владыкою, обещался сожечь просвиру. И бысть той час здрав, и кости престали болеть, и воочию моею яко искры огненны от Святого Духа являхуся. И в день жжег просвиру, и пепел за окошко кинул, рекше: вот, бес, жертва твоя! мне ненадобе! И в другую ночь, лежа, по четкам молитвую. Вошел бес в келию мою и ходил около меня, – ничево мне не сделал, лишь из рук четки вышиб. И я, подняв, опять стал молитвы говорить. И паки в день с печалию стих лежа пою: молитву пролию ко Господу и печаль мою пред ним возведу, услыша ны, Господи! И бес вскричал на меня зело жестоко. Аз же вздрогнул и ужасся от него. И паки в иную ночь, не вем как, вне ума, о просвиरे опечалился и уснул: и бес зело мя утрудил. С доски сваясь на пол, пред образом, немощен плачучи Никона проклял и ересь ево. И паки в той час здрав бысть. Видишь-ли, Маремьяна, заключает Аввакум свой назидательный рассказ, кабы съел просвиру-ту, так бы что Исакия Печерского заточили. Такова-то их жертва хороша! И от малой святыни беда; а от большие-то и давно нечево спрашивать». (Мат. V, стр. 197–199).

¹⁵⁹ - Матер. V, стр. 50. 73, 74.

¹⁶⁰ - Ibid. стр. 108–111, 110–121. К сожалению прот. Аввакум не объясняет: каким образом бесы местом для своего «играния» могли избрать церковь и в ней даже алтарь – это святая святых? Если в Тобольске бесовская игра произошла в церкви, где тогда же служили по-новому, и в нее, значит, по представлению Аввакума, бесам был открыт всегда свободный вход; то ведь в Лопатицах бесы забрались в алтарь и играли

там в собственной церкви Аввакума, в которой постоянно, и по-старому, служил он сам? Очевидно, увлекшийся интересными рассказами протопоп, не сообразил как следует всех обстоятельств своего рассказа.

¹⁶¹ - Ibid. стр. 20. 109 – 110.

¹⁶² - А. К. Бороздила. Протопоп Аввакум, прил., стр. 114.

Изд. 1900 г.

¹⁶³ - Матер. V, стр. 4–5.

¹⁶⁴ - Ibid, стр. 151–152.

¹⁶⁵ - Ibid. стр. 231, т. VIII, стр. 55. 81. 109.

¹⁶⁶ - Т. V, стр. 115–117.

¹⁶⁷ - Ibid. стр. 29, 31, 33.

¹⁶⁸ - Мат. V, стр. 57, 60–61, 153–154.

¹⁶⁹ - А. К. Бороздин: Прот. Аввакум, прил. стр. 115.

¹⁷⁰ - Матер. V, стр. 95.

¹⁷¹ - Матер. V, стр. 90.

¹⁷² - Матер. V, 89, 220, 275, 368, 84. Под азом, передвинутым никонианами на другое место, конечно, разумеется аз, находившийся в символе, до его исправления при Никоне, в словах: «рожденна, а не сотворенна».

¹⁷³ - Матер. V, 59–60.

¹⁷⁴ - Матер. V, стр. 119–132.

¹⁷⁵ - Заявление Аввакума, что будто бы ему посулили посадить его на Печатном Дворе, т. е. хотели передать в его руки книжную справу, решительно невероятно, так как Аввакум, не умевший отличить простую типографскую опечатку от настоящего текста, менее всего, конечно, годился в справщики, не говоря уже о том, что пригласить его в справщики, значило бы отказаться от церковной реформы, что было тогда невозможно. Очевидно в Москве, при виде ласково-внимательного отношения царя к Аввакуму, составлялись разные предположения относительно того, какое место и положение займет теперь в Москве Аввакум, а он подхватывал эти толки и предположения, и принимал их за намерения самого правительства, которое их вовсе не имело.

- 176 - Матер. V, 65– 66.
- 177 - Матер. V, стр. 67–67.
- 178 - Ibid. стр. 63–71, 81, 118.
- 179 - Матер. V, стр. 158–159.
- 180 - Матер. V, 142–154.
- 181 - ibid. стр. 388. VIII, 29, 35, 37. II, 22–23.
- 182 - ibid. V, 229–230. VIII, 6, 36, 41
- 183 - Матер. № 362–363.
- 184 - Это место у Аввакума характерно в том отношении, что свои грубые и прямо циничные картины, созданные его больной и очень неопрятной фантазией, он признает за внушенные ему Духом Святым. Это «сказал мне Дух Святой», заявляет он.
- 185 - Матер. № 157, 211–212, 337. VIII, 14.
- 186 - Матер. V, стр. 131, 139, 146. VIII, стр. 37–38.
- 187 - Ibid. VIII, 45. А. К. Бороздина: Протопоп Аввакум, прилож. стр. 56–57, изд. 1900 г.
- 188 - Матер. 186, 361. VIII, 67, 73–75, V, 177–178.
- 189 - Матер. V, 156, 216. VIII, 38, 46, 60. А. К. Бороздина: Прот. Аввакум, прил. стр. 33–34. Изд. 1900 г.
- 190 - Матер. V, 368. VIII, 6, 29. 34 и др.
- 191 - Матер. V, 74, 137–138, 157, 300–301, 342–314. VIII. 33, 50–60.
- 192 - А. К. Бороздина: прот. Аввакум, прил. стр. 68, изд. 1900 г.
- 193 - Матер. V, 161, 186, 190, 300, 309, 341, 305, 371. VIII, 28, 87 и др.
- 194 - Матер. V, 88, 287, 367.
- 195 - Ibid. V, 10–11, 23, 97, 101. VIII, 91.
- 196 - Матер. V, 200–201, 254–256.
- 197 - А. К. Бороздина: прот. Аввакум, прилож. стр. 108.
- 198 - Матер. V, 156, 205, 248–249, 306. 309–310 VIII, 29. 45, 56.
- 199 - Матер. V. 211. VIII, 60–61.

- ²⁰⁰ - Матер. V, 3. 293–299, 333–355. А. К. Бороздина: Прот. Аввакум, прил., стр. 133.
- ²⁰¹ - Матер. I, 486–488. V, 373. VIII, 17, 40.
- ²⁰² - *ibid.* VIII, стр. 62. 84 и 108.
- ²⁰³ - Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 511.
- ²⁰⁴ - Гиб. I, 179.
- ²⁰⁵ - Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 515.
- ²⁰⁶ - Дело о патриархе Никоне. Изд. археогр. ком. 1897 г., стр. 15.
- ²⁰⁷ - *Ibid.* стр. 17.
- ²⁰⁸ - Гиб. II, 1013.
- ²⁰⁹ - *Ibid.* I. 224.
- ²¹⁰ - Зап. рус. арх. общ. II, 516.
- ²¹¹ - Рукопись Моск. дух. академии. № 218, содержащая в себе возражения Никона на вопросы Стрешнева и ответы Паисия Лигарида. Список очень неисправный». Л. 86 об.
- ²¹² - *Ibid.* л. 131 об. 134 об.
- ²¹³ - л. 476.
- ²¹⁴ - Соловьева, т. XI, 385.
- ²¹⁵ - Матер. VII, 119, 127.
- ²¹⁶ - Дело о патр. Никоне, стр. 1–2, 14, 17.
- ²¹⁷ - *Ibid.* стр. 3–5. Гиб. I, 171–172.
- ²¹⁸ - *Ibid.* стр. 6–12.
- ²¹⁹ - *Ibid.* стр. 19.
- ²²⁰ - Дело о патр. Никоне, стр. 122–123, 197, 199.
- ²²¹ - *ibid.* стр. 127, 143. Зап. рус. археол. общ. т. II, стр. 517. Гиб. II, 1074. Рукоп. нашей Академии № 218, л. л. 86 об., 131 об.
- ²²² - Дело о патр. Никоне, стр. 210–221.
- ²²³ - Дело о патр. Никоне, стр. 222–246.
- ²²⁴ - Матер. I, 60. III. 240–243. IV, 138–161, 309–312. V, 78. VI, 35–36, 204, 290 и др.
- ²²⁵ - Матер. III, 256 VI, 41, 154, 156. 279–280.
- ²²⁶ - Матер. III, 257. IV, 86, 250. V. 78, 203. VI, 34, 35, 157, 277. VII, 5, 88, 97, 98.

²²⁷ - Матер. III, 259. IV, 15. VI, 41–42, 157–158.

²²⁸ - Матер. III, 248–249. IV, 77, 117. VI, 287.

²²⁹ - Матер. III, 251–253, 274–275. IV, 86, 143, 312. V, 78. VII, 70, 306.

²³⁰ - Сожжение на Афоне русских книг греками, о чем упоминает Авраамий, есть исторический факт. В 1660 году, известный старец Арсений Суханов, сопровождая из Москвы иерусалимского патриарха Паисия, прибыл с ним в Молдавию, и остановился в метохе сербского афонского Зографского монастыря. Игумен и братия «того метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки-афониты сожгли на Афоне московские печатные книги по следующему случаю: «некто у них был старец честен-сербив, житием был свят и во всем искусен и леты стар, жил в ските и держал книги московския у себя, и крестился крестным знамением по московскому, как писано в книге Кирилла Ерусалимскаго, что напечатана в Москве, да и прочих-де тому же учил». Узнав об «том, греки-афониты призвали старца на собор к ответу и называли московския книги еретическими. «И он-де им говорил, что есть у них книги старинные сербския письменные, а в них-де писано о крестном знамении так же, как и в московских. И тое-де книгу письменную, сыскав, принесли на собор и спускали с московскою печатною книгою, и все-де сошлось слово в слово против московской печати, а та-де книга, как писана, 130 лет тому». Московские печатные книги и сербскую старую рукописную книгу, в которой тоже заключалось учение о двоеперстии, греки-афониты сожгли, причем главным деятелем в «том был охридский архиепископ Даниил, который в то время случился на Афоне. Суханов собрал от очевидцев точные сведения о сожжении русских книг на Афоне, и так как Даниил охридский в это время находился уже в Молдавии, то он и был привлечен к ответу иерусалимским патриархом Паисием, которому жаловался на него Суханов. Даниил, уличаемый очевидцами, в присутствии патриарха, Суханова и других, дал такое показание: «было-де во Афонской горе так, собралися старцы на сербского старца, Дамаскина именем, что он крестится не по-гречески и иных тому учит, и того-де старца,

поставя на соборе, допрашивали, – откуда он тому научился? И он-де указал на сербскую на письменную книгу, что в ней так писано креститься. И тое-де книгу, взял у него, сожгли, а та-де книга (старинная сербская, тому 130 лет как написана, и тому-де есть письмо, где прислано из Афонской горы к митрополиту Стефану Торговицкому». С своей стороны и старец Чудова монастыря Пахомий, также, как и Суханов, сопровождавший из Москвы иерусалимского патриарха Паисия, доносил государю: «а за крестное изображение и за книги, которые пожгли (на Афоне), говорил вопреки, и против правил святых отец стоял святые Афонския горы старец Феодор, житием духовен, и греческие, государь, старцы хотели иво убить до смерти». Григорович, при посещении им Афона, в одной книге Хиландарского монастыря прочел заметку, что в 1650 году, когда на Святой горе происходили прения о крестном знамении, «сожогоша книги московские на карчи-ах греци и духовника Дамаскина, и попа Романа, и ученика их Захарию в темницы затвориша и глобиша их 60 гроши. Оле беда от лукавого рода гръчского. Мца маиа ки велие бесчестие сотвориша во сем серблем и болгарам». Наша книга: Патриарх Никон, стр. 69 – 70).

²³¹ - Матер. VI, 64–65, 171–172, 267–264 V. 66, 146 1S6, 368 и др. VII, 34. 61, 62, 89 и др.

²³² - Матер. VI. 52, 154, 190–197, 293–294. VII, 62, 212, 310, 369.

²³³ - Матер III, 209–210. IV, 241, 262–263, 282. V, 143–145, 188, 287–288. VI. 204–210. VII, 14, 15, 281.

²³⁴ - Матер. III, 261. IV, 109, 161. V, 90. VI, 21, 37, 160, 171 и др.

²³⁵ - Матер. IV, 90. 108–109, 207–220. VI, 17, 22, 38, 150, 170–171, 278 VII, 205, 418.

²³⁶ - Матер III, 244. 263–265. IV, 155. 216. VI, 10, 127, 146, 289.

²³⁷ - Матер. III, 264. IV, 135–136, 152–155. VI, 22, 37.

²³⁸ - Матер. VI, 18, 23–25, 32–33, 144–147 и др. III, 263, 272 и др. VII, 351.

²³⁹ - Матер. III, 245, 259. VI, 158, 199. VII, 26, 396.

²⁴⁰ - Матер. IV, 107, 109–110, 135, 147, 302, 305. VI, 149–150. VII, 316.

²⁴¹ - Матер. VI, 80–89, 165, 203, 239, 278. V, 54, 129, 187.

²⁴² - Матер. V, 227–223, 261. VI, 39, 181.

²⁴³ - Матер. V, 78. 285, 287. VI, 34–35, 157, 158, 277. IV, 173, 250. VII, 28, 87, 97, 99, 306, 307, 397, 415.

²⁴⁴ - Понятно, почему противники церковной реформы Никона так сильно путались, говорили несогласно друг с другом по вопросу: когда именно греки отпали от православия. Конечно, самый простой и естественный для них ответ на этот вопрос был тот, что греки отпали от православия со времени флорентийского собора, что они, в большинстве случаев, действительно и говорят. Но остановиться на этом самом для них естественном решении вопроса они, однако, не могли, в виду некоторых обстоятельств уже русской церковной жизни XVI и начала XVII века. Именно: в первой половине XVI века на Руси был и действовал преподобный Максим Грек, который не только признавался православным, но и богоугодным мужем: на него противники церковной реформы Никона обыкновенно любили указывать и ссылаться как на непререкаемый авторитет в вопросах веры и церкви. А между тем Максима Грека пришлось бы признать неправославным, если бы греки отступили от православия еще со времени флорентийского собора, если бы у них, еще до падения Константинополя, «вера христианская погибла без остатку». Но еще важнее, в этом отношении, были другие обстоятельства: Константинопольский патриарх Иеремия, будучи в Москве, учредил у нас патриаршество и поставил первого московского патриарха Иова. Второй московский патриарх, правильно поставленный, был грек Игнатий, из греческих приезжих архиереев. Как патриарх, хотя и недолго, он управлял всей русской церковью и его патриаршая власть признавалась всеми, он даже собирал соборы, на которых, под его председательством, решались некоторые церковные вопросы, каков например, вопрос: чрез перекрещивание, или только чрез миропомазание следует

принимать в православие латинян. Иерусалимский патриарх Феофан поставил на Москве в патриархи Филарета Никитича. Из этих фактов относительно самой русской церкви устанавливалось такое положение: если греки действительно потеряли православие еще до падения Константинополя, то отсюда неизбежно получался тот вывод, что наши московские патриархи были поставлены греческими, уже отступившими от православия, патриархами и значит, вся наша позднейшая церковная иерархия, как ведущая свое начало от неправославной греческой иерархии, как вытекающая из мутного и загрязненного источника, тоже не может быть признана вполне чистою. Нежелание сделать подобный неизбежный вывод и побуждало некоторых, более рассудительных и осторожных противников церковной реформы Никона, признать греческую иерархию конца XVI и начала XVII века православною, а самое время отпадения греков от православия отодвинуть чуть не к самой половине XVII века, причем они однако не объясняли, вследствие каких особых причин и обстоятельств именно к половине XVII века, а не ранее, грекам пришлось отступить от православия.

²⁴⁵ - Матер VI, 250. VI, 49, 52, 50, 69, 305, 306. VII, 30, 31, 246, 295, 299.

²⁴⁶ - Матер VI, 30, 157, 158. IV, 258 – 259. VII, 306, 403.

²⁴⁷ - Дьякон Федор признает, что и сейчас в Иерусалиме у Гроба Господня еще православно двоят аллилуйю и крестятся двоеперстно. В доказательство этого он рассказывает следующее: «аз бо известно о сем ведаю и самого конархиста Гроба Господня, именем Павла, видех на Москве, бывша в 174 году, и с ним много беседовах о всем, он же сказа ми: патриарх де иерусалимский по-старому слагает персты, за кое знамение крестное вы почаша ныне страдати, и Никона де он предтечею антихристовою зовет». (Матер. VI, 161). Очевидно, иерусалимский канонарх говорил так, желая оказать Федору любезность, а тот эту любезность принял за чистую монету.

²⁴⁸ - Матер. III, 169. VI, 276–277, 331. VII, 247.

²⁴⁹ - Мелетий Пигас-Малышевского, т. 2-й, № II и IV, стр. 4 – 10.

²⁵⁰ - Подробности об учреждении у нас патриаршества можно найти в нашей книге: Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях, гл. II, стр. 34–60.

²⁵¹ - Эта записка полностью напечатана в нашей книге: Патриарх Никон, стр. 32–34, в примечании.

²⁵² - Матер. VI, 63–69, 201–202, 260–328. VII, 93–99, 203, 216, 339, 373.

²⁵³ - Матер. VI, 10. 127–128.

²⁵⁴ - Так и именно говорили: Лазарь, Феодор, Авраамий. Матер. IV, 262. VI. 68–69, 199–201. VII, 216, 339.

²⁵⁵ - Соловецкие, например, челобитчики говорят: «греческими книгами они православную нашу христианскую веру истребили до толика, будто и след православия в твоём государстве, российском царствии, до сего времени ее именовалось, и учат нас ныне новой вере, якоже Мордву и Черемису, неведущих Бога и истинные христианские православные веры». Они же заявляют государю: «а ныне, государь, видя весно их греческого учения в православной нашей христианской вере смятение и церквам Божиим неумирение и повсядневное премеменение, многие иноземцы нам посмеваются и говорят, будто мы христианские веры по сю пору не знали, а буде-де и знали, и по ныне заблудили, и о том, что де ваша вера и ныне (книги) все переменены по-новому, и с прежними вашими книгами, кои при прежних царях были, нынешние книги ни в чем ни сходяща. И нам, государь, против их ругательства ответу дать нечего, потому что они видят ваше непостоянство, поносят нас делом, не точию тем противимся, и от них отходим, и говорим, что у вас истинная православная христианская вера от крещения русские земли, прародителя твоего государева, благоверного и равно апостолам в. кв. Владимирера, лет с семсот до Никонова патриаршества и до учеников ево, и до нынешних греческих учителей, стояла нерушима и непоколебима"... Они же, соловецкие челобитчики, заявляют, что их Соловецкая обитель доселе «стояла

непоколебима и под зазоров в православии от греческих и русских архиерей ни в чем не бывали; наипаче же от начата во святой обители нашей самих тех греческих и русских и киевских властей: митрополитов, и архиепископов а архимандритов, и игуменов присыльных бывало много и ныне есть; а присылаются все греческие власти того ради, чтоб им навикнути у нас в обители православные христианския веры истинного благочестия и иноческого чина. И аще бы, государь, до сего времени у нас была неправая вера, то бы их, греческих властей, для исправления к нам под начало в Соловецкой монастырь не присылали. И о сем с клятвою вси тебе, великому государю, пишем, и свидетеля Христа Бога на души своя, представляем, яко не точию они, гречаня простые чернецы, но и самые их начальнейшия власти, архиереи, кои у нас под начатом бывали и ныне есть, нимало истинного благочестия и иноческого чина и церковного и келейного начала не знают, донележе у нас благочестию навикнуть, и лица своего перекрестити по подобию не умеют; а иных старцев гречан привозят к нам без крестов, и кресты накладываем на них zde, у себя во обители». (Матер. III, 217, 233–260 274–275).

²⁵⁶ - Показание патриаршего ризничего: Дело о патриархе Никоне № II стр. 33.

²⁵⁷ - По рукописи нашей (Московской духовной) Академии, л. 48 – 49.

²⁵⁸ - Так называет Павла Коломенского сам местоблюститель патриаршего престола митрополит Питирим. Гиб. II, 606.

²⁵⁹ - Мурк., вып. III, 171, IV, 109.

²⁶⁰ - Действительно, на соборе 1666 г. было целое особое заседание по делу вятского епископа Александра. Мат. для ист. раск. т. II, стр. 79.

²⁶¹ - Неронов в своей челобитной государю заявляет: «ревнитель же воистину закона, блаженный Александр епископ вятский, во всех писаниях к тебе, великому государю, яве блудню Никонову показа... и в тиснении печатном книги ево, Никонова мудрования, ересей полны показа и блужения, рекше,

превратов». (Митр. 1, 187). Игумен Феоктист, некоторое время проживавший в Вятке у Александра, пишет к известной боярыне Морозовой, чтобы она сама и чрез своих знакомых всячески похлопотала о делах епископа Александра. Между арестованными у игумена Феоктиста бумагами значатся и вопросы Александра к собору. (Ibid. стр. 230, 308–315). Дьякон Федор пишет: «святитель Александр вятский епископ, иже прежде коломенский быв, по Павле исповеднике, разумев все коварство и неправду соборища их погибельного, приехав в свою область, не служаше по новым книгам, и сельским попом всем запрещаше. И нецыи попове, бояще страха царева, извещаша нецыи царю о том нань, и истязание бысть ему. Он же страха Божия паче убояся и непослушаша лукавого соборища их, и отрекся новозакония их, и остави епископию, отъиде в монастырь свой на Вычегду, и каяся до смерти о прежнем своем поползновении, за еже сообщися с ними» (Матер. VI, 266).

²⁶² - Рукописный сборник Москов. синод. библиотеки, № 294. Летопись рус. лит. и древн. – Тихонравова, т. V, и Матер. для ист. раск. т. VII. стр. 148 и свед.

²⁶³ - Матер. VI, 229–230.

²⁶⁴ - Матер. III, 5–6.

²⁶⁵ - Матер. I, 459.

²⁶⁶ - – II. 13.

²⁶⁷ - Православ. Обозрение. 1885 г. т. II, стр. 66–67.

²⁶⁸ - Матер. I, 460, 463. III, 3–7, 108, III, 117.

²⁶⁹ - Ак. ист. IV, № 151. Ак. археогр. эк. IV, №№ 105, 115, 184, 188, 275.

²⁷⁰ - Рус. Архив, 1873 г., кн. 9, 1610–1611.

²⁷¹ - Гиб. II, 07–4.

²⁷² - Большой моск. арх. мин. ин. дел, – Греческие дела, 7175 г. № 2.

²⁷³ - Сочинение Паисия Лигарида. О соборном осуждении Никона, ч. II, гл. 11.

²⁷⁴ - Гиб. I, 242 243. II, 628, 765.

²⁷⁵ - Рук. Моск. синод. библи. № 294, л. 115.

²⁷⁶ - Матер. III, 40. Со своей стороны, и Неронов в челобитной государю 1660 года об избрании нового патриарха пишет: «смушение убо велие, государь, в великой Росии о церковных вещех, яко же и сам веси, благочестивый государь царь, во все убо семь лет, тысящи тысяч, душ христианских, сомнения ради церковных вещей, чужи общения пречистых тайн, и учения несть, паче же и согласия ради церковных учителей. Помилуй ко отчаянию близь сущих и спастися желающих». Инок Авраамий пишет царю: «воззри, христолюбче, убо аще неленостен еси, обрящеши ли где праве напечатанную без всякого порока в церквах святых какую ни есть книгу от Никона бешенова начальства лет 15 и больши? Непорочные же старые книги обезчествованы. К сему же: обрящеши ли чин и последование по указанному святых и богоносных отец взаконению? Обрящеши ли суд и отмщение в вещех церковных, или строителя, или начальника праве исправляюща слово истины, и по чину вся бывающая в церкви? Но вем, яко неудобь обрести возможеша, не точно в соборных градских церквах, но ниже во епископиях, паче же ни в монастырех. Виждь убо, аще не плача достойна сия окаянная времена наша, в ня же, увы, достигохом?» (Матер. I, 170. VII, 93–94).

²⁷⁷ - Рукопись моск. румянц. музея, по указанию Ундольского, № 418, л. 20.

²⁷⁸ - Матер. IV, 155–157.

²⁷⁹ - *ibid.* стр. 146, 157.

²⁸⁰ - *ibid.* III. 303–304. VII, 98.